

ВАСИЛІЙ ІВАНОВИЧ СУРИКОВ
Письма. Воспоминания о художнике

В. Суриковъ

Письма
Воспоминания
о художнике

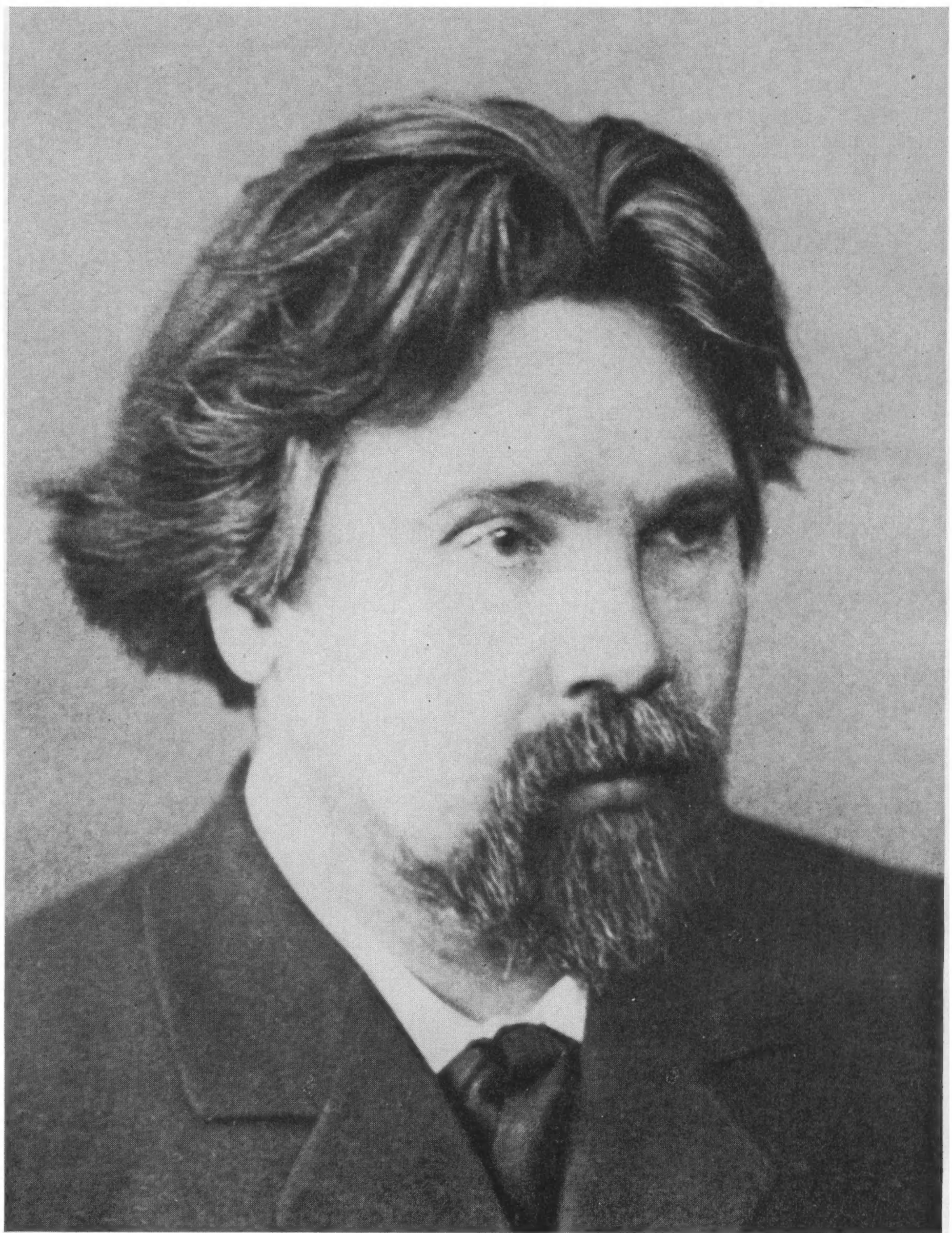
•ИСКУССТВО• 1977

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ СУРИКОВ

Письма

Воспоминания

о художнике

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ СУРИКОВ

Письма.

Воспоминания
о художнике

«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1977

75С1
С90

Письма

Вступительная статья
Н. А. РАДЗИМОВСКОЙ

Составление и комментарии
Н. А. и Э. А. РАДЗИМОВСКИХ

Воспоминания о художнике

Вступительная статья,
составление и комментарии
С. Н. ГОЛЬДШТЕЙН

Оформление
Б. КОЗАКОВА

С $\frac{80102-082}{025(01)-77}$ 215-77

© «Искусство», 1977 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию читателя книга содержит впервые собранные воедино письма В. И. Сурикова, сохранившиеся письма к нему и воспоминания о художнике близко знавших его людей. Эпистолярное наследие Сурикова было издано тридцать лет назад, в 1948 году, к столетию со дня его рождения, воспоминания же о нем, в большей своей части разбросанные по различным, главным образом периодическим, изданиям, давно ставшим библиографической редкостью, до сих пор оставались не собранными.

Настоящее издание подготовлено (так же как в свое время первая публикация писем) в основном научными сотрудниками Государственной Третьяковской галереи. Примечательно, что именно работники этого крупнейшего музея отечественного искусства, где вот уже почти столетие, с того момента, когда П. М. Третьяков, одним из первых оценивший талант Сурикова, приобрел в 1881 году «Утро стрелецкой казни», бережно сохраняется его гениальная живопись, — именно они стремятся сделать доступными для всех любителей искусства — зрителей и читателей документы, запечатлевшие живую память об этом большом русском художнике и замечательном русском человеке.

Много труда посвятили подготовке настоящего издания Н. А. и З. А. Радзимовские — раздел «Письма» и С. Н. Гольдштейн — раздел «Воспоминания о художнике». Каждый из составителей представляет читателям подготовленный им материал обстоятельной вступительной статьей. Ими же составлен необходимый комментарий и подобраны иллюстрации.

Как убедится читатель, обе группы материала — «Письма» и «Воспоминания», образуя два вполне самостоятельных раздела книги, являются вместе с тем нерасчленимыми частями единого целого.

Заново собранное эпистолярное наследие художника опровергло предположение, высказанное в издании 1948 года, что количество писем Сурикова вряд ли когда-нибудь существенно пополнится из неизвестных еще запасов: в данный сборник вошло более пятидесяти ранее не публиковавшихся писем. Это обстоятельство лишний раз наводит на мысль о том, какие сокровища, связанные не только с именем Сурикова, но и других русских художников, возможно, до сих пор таят различные хранилища и архивы, как много еще предстоит находок и открытий.

Рисунки писателей, литературные опыты актеров и музыкантов, письма и статьи живописцев и скульпторов — все, чего коснулась рука настоящего художника, несет на себе отблеск его гения. Ибо ему, творящему величайшее чудо — искусство, дано видеть больше, чувствовать тоньше и глубже других. Вот почему так дороги нам каждый графический экспромт Пушкина, каждая строчка письма Сурикова. Самые обычные, повседневные, будничные события или явления, подмеченные глазом художника и зафиксированные пусть даже не свойственным его прямому призванию «орудием» (в данном случае пером, а не кистью), помогают нам приблизиться к пониманию духовного мира Сурикова, почувствовать обаяние и неповторимость его личности. Несмотря на то, что во многих своих письмах, особенно адресованных матери и брату, художник прямо не касается вопросов искусства, внимательный и чуткий читатель сможет немало узнать из них о Сурикове — художнике и человеке. Как верно заметил известный историк искусства Н. Г. Машковцев, слова

Сурикова «так же просты, сильны и правдивы, как краски его живописи. Они столь же точно соответствуют его мыслям, как колорит его живописи — содержанию картин».

Если письма Сурикова — свидетельство того, как он мыслил, ощущал, видел мир и себя в нем, то воспоминания о художнике близких, зачастую высокоодаренных людей дают представление о том, каким его видели, знали, помнили и любили другие — те, кому посчастливилось быть рядом. Освещая разные грани личности Сурикова, мемуаристы, в отличие от него самого, сосредоточивают свое и наше внимание на его искусстве, на методах творчества и обстоятельствах создания произведений и тем самым как бы дописывают тот образ художника, который встает со страниц его собственных писем. Эта взаимодополняемость материала и побудила издательство объединить письма Сурикова и воспоминания о нем в одном томе.

Письма

Письма

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ В. И. СУРИКОВА

Сохранившиеся письма В. И. Сурикова и немногие письма к нему 1868 — 1916 годов — существенная часть документального материала для изучения его жизни и творчества. Наряду с воспоминаниями современников, публикуемыми во второй части данного сборника, они являются ценнейшим источником для понимания своеобразного облика Сурикова — художника и человека.

Письма Сурикова отличаются от писем И. Е. Репина и И. Н. Крамского, которым присущ публицистический характер. В них нет и постановки проблем творчества применительно к собственному искусству, как в письмах М. А. Врубеля. Особенности эпистолярного наследия Сурикова — простота и непосредственность. Ценность его заключается в том, что оно проливает свет на некоторые страницы творческой биографии мастера.

Основная часть писем Сурикова адресована родным в Красноярск — матери и брату, многие обращены к членам его семьи. Написанные ясным, доступным языком, письма Сурикова читаются легко. В своеобразных оборотах речи сказывается самобытность сибиряка и обнаруживаются такие особенности стиля, по которым безошибочно можно назвать автора писем, даже если они не подписаны.

Из всей корреспонденции особо выделяются письма 1883 — 1884 годов художникам П. П. Чистякову, Н. С. Матвееву и П. М. Третьякову. В них раскрывается, хотя и косвенно, художественное кредо Сурикова, его понимание природы живописи, его вкусы. Несколько писем официального характера касаются вопроса происхождения художника, вопроса, которому он придавал большое значение для своей биографии, а потому и для своего творчества. Несколько писем определяют общественные интересы Сурикова. Небольшое количество носит чисто деловой характер.

Можно предположить, что необнаруженных писем Сурикова осталось немного.

Письма к родным писались Суриковым в течение пяти десятилетий. Они были сохранены его братом, дочерьми, внуками, а затем постепенно переданы в архивы красноярских музеев и в Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Мы должны быть особенно признательны его брату, Александру Ивановичу, любовно годами собиравшему эти письма.

Наиболее раннее письмо, которым мы располагаем, — это письмо «дяденьке». Оно не датировано, но, судя по содержанию, можно предположить, что написано оно весной 1868 года. Его писал двадцатилетний юноша, «канцелярский служитель енисейского губернского управления», веривший в свое призвание художника со школьной скамьи. В этом раннем письме обнаруживается целеустремленность будущего художника, твердость его характера, сила воли. Письмо это является своеобразной «увертурой» к его дальнейшим письмам. Мы узнаем, что среди родных Сурикова были люди, с которыми в пору юности он делился мечтой учиться

живописи. Оно интересно также и как свидетельство того, что красноярские «власти» не оставили незамеченным талант своего молодого земляка и приняли живое участие в его судьбе. То обстоятельство, что Суриков имел поддержку своим стремлениям с юных лет, помогло счастливо сложиться его художественной индивидуальности и позволило идти прямым путем к достижению желанной цели.

Овеянные очарованием молодости, радостью, счастьем, надеждой дышат первые письма Васи Сурикова, написанные с дороги из Красноярска в Петербург. Покинув родной город 11 декабря 1868 года, простившись с матерью и братом, он был охвачен впечатлениями далекого пути. За время путешествия, длившегося более двух месяцев, сначала на почтовых лошадях, затем от Нижнего Новгорода по железной дороге, ярко и своеобразно описанной им, он очень много узнал. В письмах сказывается, как жадно впитывал юноша все виденное им в пути. Преодолев огромные сибирские просторы, встретившись с жизнью больших городов, проезжая Томск, Екатеринбург, Тюмень, Казань, Нижний Новгород, он был увлечен их «замечательностями» и «веселой жизнью». Москва особенно поразила Сурикова.

Путевые впечатления, как и вся его дальнейшая жизнь в Петербурге и в Москве, не затмили исключительной, бесконечной любви Сурикова к оставленным им родным местам. Новая жизнь не только не ослабила, наоборот, усилила любовь к матери и брату. Нет ни одного письма, где бы не была выражена эта любовь. Чувство Сурикова к матери исключительно. К Саше, своему брату, он относился, как к любимому сыну. Оставив его двенадцатилетним мальчиком, он не переставал заботиться о нем всю жизнь. Суриков мечтает дать брату высшее образование. В дальнейшем он всегда интересуется положением брата на службе, заботится о его здоровье, посылает подарки, в том числе «неизменные сапоги». Для Сурикова брат Александр был самым близким человеком. «Ты ведь у меня один, кроме детей, на котором мои привязанности», — пишет он в одном из писем 1897 года (письмо № 135). Запоминается образ брата, возникший в памяти Василия Ивановича и запечатленный им в письме 1891 года: «Мы все вспоминаем, как ты скрылся от нас под горою... когда провожал нас. Мы долго видели твой белый сюртук...» (№ 95)

Суриков любит свой дом на Благовещенской улице, где он родился и рос, где нужно «проконопатить стены», «обшить дом новым тесом». Живя в далекой Москве, он вспоминает красноярского Савраску. Мысль о доме и близких, забота о них, тоска по Сибири, радость при получении писем и посылок с любимыми сибирскими лакомствами — красной нитью проходят через всю его переписку с родными. Встречи с сибиряками имели для него особое значение. Связь с ними он сохраняет в течение всей жизни. В частности, как явствует из писем, человеком, которого не забывал Суриков, был П. И. Кузнецов, поддерживавший красноярского губернатора П. Н. Замятнина в хлопотах по устройству юноши в Академию художеств, организовавший его поездку в Петербург и помогавший ему материально вплоть до окончания Академии. Но благодарность — далеко не единственное чувство, которое опре-

деляет отношение Сурикова к Кузнецову. Он ценит в нем неизменно проявляемый интерес к его творческим успехам. Он постоянно чувствует к себе чисто человеческое внимание и заботу. Суриков был дружен со всей семьей П. И. Кузнецова, особенно с его сыновьями.

Сибирская природа для Сурикова — неиссякаемый источник наслаждений. Всю жизнь он был влюблен в красоту могучей природы родного края. «Сегодня по Енисею плавали на пароходе. Чудная, большая, светлая и многоводная река. Быстрая и величественная. Кругом горы, покрытые лесом...» — пишет он в 1914 году из Красноярска (№ 231).

Ярко запечатлена в письмах первая встреча Сурикова с Петербургом, история поступления в Академию художеств, годы учения. Сдержанные, порой лаконичные строки с нарастающей силой дышат верой молодого художника в свои возможности. Он пишет обо всех работах, выполненных им в период учения. Наряду со строками, касающимися бытовых условий жизни его самого и его товарищей, прогулок и развлечений в часы отдыха, мы находим сведения об успехах, оказанных им как «в науках», так и в рисовании и живописи, о получении премий и медалей, о переходе с одного курса на другой, наконец, об окончании Академии художеств и получении диплома. Среди строк, написанных в последние годы пребывания Сурикова в Академии, взволнованно звучат те, что писались в период ожидания присуждения медалей, сначала малой золотой, а в 1875 году — последней, большой золотой, от которой должна была зависеть его поездка за границу.

В письмах середины 1870-х годов факт неполучения большой золотой медали не нашел отражения. Неизвестно, как реагировал молодой художник на эту несправедливость. Но жизнерадостность не оставляет его. В письме из Петербурга от 25 июня 1876 года (№ 36) он описывает свое времяпрепровождение: «Днем работаю, а вечером меня уж никто дома не застанет». Однако в этом письме слова: «Я живу очень весело» — мы читаем последний раз.

Об отношении Сурикова к сложной перипетии с несостоявшейся заграничной поездкой мы узнаем много позже. Через двадцать лет, в 1895 году, в письме к брату от 23 августа он вспоминает, что историю с большой золотой медалью он «одолел» не без труда. Но в 1909 году, в письме к В. А. Никольскому, факт отказа от двухгодичной заграничной поездки он оценивает положительно с точки зрения того, какое значение имел для его творчества в эти годы переезд в Москву.

Поселившись в Москве, выполняя заказ по росписи храма Христа Спасителя, Суриков скоро понял, а главное ощутил, что именно здесь история русского народа оставила глубокий след. Письма этого времени — свидетельство того, насколько глубоко он захвачен памятниками старины и национальным искусством. Кремль, Троице-Сергиева лавра, посещение картинных галерей производят на Сурикова сильное впечатление. По-видимому, встреча с картиной А. Иванова «Явление Христа народу» стала для него событием.

С переездом в Москву начался новый этап в жизни Сурикова. К этому времени ему исполняется тридцать лет. Он становится более сосредото-

ченным, сдержанным, письма его утрачивают прежний беззаботный, жизнерадостный характер. В его личной жизни происходит перемена — женитьба на Е. А. Шаре. Этот факт не отражен в письмах, которыми мы располагаем. Впервые мы узнаем о жене Лизе и дочке Оле из письма, написанного только через два года после женитьбы.

О работе над картинами 1870 — 1880 годов, на которые Сурикова вдохновила Москва, известно из писем немного. Так, первое большое историческое полотно «Утро стрелецкой казни», которое художник предполагал закончить в течение зимы 1878 года, а посвятил ему три года труда, упоминается лишь несколько раз, а после продажи картины в галерею Третьякова, мы не находим о ней сведений вовсе. О картине «Меншиков в Березове» в письмах сказано еще меньше. Однако скудные, сдержанные строки, касающиеся работ Сурикова, достаточны для того, чтобы понять, чем наполнен внутренний мир художника, чем он живет в те или другие годы. Мы улавливаем в них увлеченность Сурикова работой над своими историческими картинами. В письмах к родным он не касается своего отношения к искусству и специфических профессиональных вопросов — эта область не была темой переписки. Однако они содержат фактические данные, сообщенные самим художником о начале и завершении работы над тем или иным произведением, о дальнейшей судьбе его картин. Глубоко волнуют строки, из которых мы узнаем, что страстное желание Сурикова видеть мать и брата, побывать на родине уступает сознанию невозможности нарушить творческое состояние и прервать работу над начатой картиной.

На протяжении всего творческого пути для Сурикова остается характерным то, что, заканчивая одно из своих полотен и даже в процессе работы над ним, он уже думает о новом произведении.

Несколько сохранившихся писем, написанных во время первой восьмимесячной поездки за границу в 1883 — 1884 годах, адресованных в Москву и Петербург людям искусства, поражают насыщенностью впечатлений, непосредственностью восприятия художником произведений мирового искусства, непредвзятостью, свободой, независимостью и самостоятельностью суждений.

Эти письма представляют собой особую, отличную от всех, главу в переписке Сурикова. Впечатления, полученные Суриковым в городах и музеях Германии, Франции, Италии, Австрии, откristаллизовались в ясных и точных словах и представляют собой увлекательные художественно-литературные этюды. Они вводят читателя в тот художественный мир, в котором жил Суриков в преддверии создания новых произведений.

Письма, написанные из-за границы, содержат материал, позволяющий уяснить взгляды художника в области разных видов искусства — рисунка, живописи, скульптуры, архитектуры, театра, музыки и, прежде всего, методы работы его самого.

Знакомый с произведениями мирового искусства по Эрмитажу, он многое сумел извлечь из новой встречи с великими мастерами Италии, Испании, Фландрии, Голландии XV — XVII веков, в живопись которых

он внимательно всматривался. Говоря о живописи этих мастеров, о картинах, произведших на него наибольшее впечатление, он особо выделяет портрет Веласкеса «Папа Иннокентий X».

Понимание старыми мастерами натуры, природы живописи вообще, и особенно колорита и перспективы, было воспринято Суриковым в связи с задачами, которые он сам ставил и решал в своих работах. Ему нравятся масштабные, шероховатые, крупнозернистые холсты старых мастеров, широкая манера письма Тинторетто. Он не любит Рубенса за его «склизкое письмо» (№ 61).

Современная французская живопись, представленная на «Национальной выставке изящных искусств» 1883 года в Париже, явилась для Сурикова богатым источником для раздумий. Выделяя немногие произведения, в которых он увидел «истинное достоинство», Суриков заинтересовался пониманием натуры некоторыми художниками XIX века, где все — «живое». Называя ряд картин «с затрагивающим смыслом» (Вайсон «Бараны. Прованс», Бастьен-Лепаж «Женщина, собирающая картофель», де-Ниттис «Пейзажи» и некоторые другие), Суриков касается профессиональных вопросов. Особое внимание он обращает на те выразительные средства живописи, при помощи которых художник свободно и легко творчески претворяет действительность, превращая явления жизни в произведение искусства, где вновь созданная им художественная правда не утрачивает правды жизненной. И здесь, как у картин старых мастеров, итальянских и испанских, Суриков особо останавливается на колорите, восхищаясь, когда он «непосредственно, горячо передан с природы» (№ 61).

Суриков замечает, что картины библейского и мифологического содержания, которых много на выставке, устарели, что в них нет жизни, и мудро утверждает, что люди, их взгляды на жизнь, а следовательно, и на искусство со временем меняются.

О сделанных во время этого путешествия за границу великолепных акварелях, посвященных Италии и Франции, в письмах Сурикова сведений нет. И лишь много позже, в письме В. А. Никольскому в 1910 году, художник вспоминает только о картине «Из Римского карнавала», написанной им за границей в 1884 году. По возвращении в Москву, полный творческих сил, насыщенный впечатлениями поездки, Суриков приступает к созданию «Боярыни Морозовой», картины, ознаменовавшей вершину его искусства. Непосредственно о работе над ней художник пишет скупое. Но за немногими словами чувствуется огромный творческий накал. Впервые Суриков сообщает о своем основном методе работы над картиной — работе над этюдами — летом 1885 года: «...Живем в деревне на даче под Москвой. Я там работаю этюды для моей картины» (№ 67). В процессе колоссального творческого шестилетнего труда художником было выполнено около тридцати эскизов и около семидесяти этюдов для этой картины.

Он откладывает поездку в Сибирь из года в год, чувствуя и сознавая, что не имеет права прервать творческое состояние: «Нельзя — большие задачи для картины беру», — читаем мы в письме от 3 апреля 1886 года матери и брату (№ 68).

В письмах 80-х годов нет прямо высказанного отношения Сурикова к своей картине. Можно лишь по немногим намекам догадываться об этом косвенно. Чувствуется удовлетворение покупкой картины П. М. Третьяковым для его галереи. Художник высказывает желание, чтобы В. В. Матэ сделал гравюру с картины «виртуозно». Он посылает в 1900 году в Красноярск олеографию с картины. Только много позднее, в 1913 году, в связи с новой экспозицией картин в Третьяковской галерее, он пишет в открытом письме попечителю галереи И. Э. Грабарю многоговорящие слова: «Распирили дверь комнаты, где помещена картина («Боярыня Морозова». — *Н. Р.*), и мне администрация галереи показала ее с такого расстояния и в таком свете, о которых я мечтал целых двадцать пять лет» (№ 228).

Письма конца 80-х годов отражают тяжелое душевное состояние художника. Глубоко трагичным воспринимается письмо к брату с припиской «прочти один» от 20 апреля 1888 года (№ 79). Оно написано в связи со смертью жены. Печальная тема — смерть любимого человека — долго звучит в письмах к родным. Начатая Суриковым в 1888 году работа над картиной «Исцеление слепого Иисусом Христом», в период душевного смятения, упоминается им впервые в письмах 1892 — 1893 годов. В дальнейшем, отвечая В. А. Никольскому на вопрос, где эта картина находится, коротко сообщает: «Она у меня» (№ 211). Можно предполагать, что произведение, которое оставалось у художника до конца жизни, имело для него особый смысл, поскольку создание его было связано с глубоко личными тяжелыми переживаниями после смерти жены. Возникшая в то время мысль навсегда расстаться с Москвой и переехать на родину, мысль, не покидавшая его и в последующие годы, остается неосуществленной. Но по настоянию родных летом 1889 года он уезжает на полтора года в Красноярск, где в его состоянии происходит перелом. Написанная на родине картина «Взятие снежного городка» способствует его возвращению к искусству. Здесь, в Сибири, возникает новый замысел — написать картину «Покорение Сибири Ермаком». Впоследствии, в 1909 году, Суриков писал: «Идеалы исторических типов воспитала во мне Сибирь с детства; она же дала мне дух, и силу, и здоровье» (№ 207). Связь художника с Сибирью оставалась всегда, и в то же время для творчества художнику необходима была Москва.

С 1890-х годов Суриков усиленно начинает интересоваться своей родословной. Он запрашивает из красноярского архива материалы о своих предках. Гордясь своим происхождением из потомственного казачества, еще в 1881 году, в год окончания картины «Утро стрелецкой казни», в официальном письме редактору «Художественного журнала» он делает заявление о своем происхождении от казаков, опровергая ошибочную версию происхождения его от ссыльных стрельцов. В 1903 году, вторично, в письме редактору «Журнала для всех» в категорической форме пишет о том же, придавая этому письму характер документа, оставляемого им «для будущего». К вопросу о своем происхождении художник возвращается и в дальнейшем, обдумывая новые замыслы.

После 1890 года поездки Сурикова в Сибирь становятся систематическими вплоть до 1914 года. Его тянут туда и родные места и поиски материалов для новых произведений.

11 декабря 1891 года Суриков пишет: «Я начал „Ермака“» (№ 96). Эта картина была, по-видимому, любимым произведением художника, что в большой мере определялось его ощущением личной, кровной связи с Сибирью. Об этой картине в письмах сохранилось сведений больше, чем о других. Здесь мы находим и фактические данные, и отношение автора к ней, выраженное подчас очень эмоционально.

В письмах к родным проскальзывают в это время нотки тщеславия. Ему нравится признание в художественном мире, приглашение на обеды к официальным лицам, аплодисменты при его появлении в среде художников, «пожалование» орденов, избрание в академики. Суриков горд тем, что Люксембургский музей предлагает приобрести у него картину из русской истории: «Наконец-то помаленьку узнают, что я такое» (№ 165).

Потеря любимой матери в год окончания картины «Покорение Сибири Ермаком» омрачила радость его творческих успехов. Письмо Сурикова, впервые обращенное только к брату, наполнено скорбью. Это одно из тех писем, в которых с особой силой сказалась близость братьев и их взаимная любовь.

После поездки на родину в 1896 году Суриков «собирается с духом», чтобы начать новую картину — «Переход Суворова через Альпы». В октябре 1895 года художник делится замыслом с братом: «Я задумал новую картину писать. Тебе скажу под строжайшим секретом: «Переход Суворова через Альпы». Должно выйти что-нибудь интересное. *Это народный герой*» (курсив мой. — Н. Р.), — сообщает он Александру Ивановичу (№ 123). Суриков осуществляет поездку в Швейцарию, где поднимается на ледники и спускается с них. Он остается верен себе: для этюдов ему необходима натура.

«Я поработал-таки в Швейцарии», — пишет он брату по возвращении из-за границы (№ 138). Он продолжает работать с большим увлечением и напряжением в Москве в помещении Исторического музея и едет в Петербург ставить картину на выставку, которая должна открыться в марте 1899 года. Приобретение картины сразу после выставки для Музея Александра III (ныне Русский музей), дает автору моральное и материальное удовлетворение.

Две последние поездки в Западную Европу — в 1900 году в Италию с дочерьми и в 1910 году к семье Кончаловских во Францию, а затем с П. П. Кончаловским по Испании — явились для Сурикова не только отдыхом. От поездки в Италию сохранилось всего два письма. Тем не менее они свидетельствуют о том, что художник снова глубоко воспринимал достопримечательности «Вечного города», Флоренции, Неаполя, Венеции. Но если в письмах 1883 — 1884 годов он не обмолвился ни одним словом о зарисовках и акварелях, сделанных им во время поездки, то в 1900 году он упоминает об этом. В письме из Неаполя художник сообщает: «Я здесь и в Венеции делаю акварели типов и видов» (№ 160).

По приезде в Москву он пишет брату: «Я поработал в Италии акварели. Выставляю осенью» (№ 162). В этих акварелях, так же как и в акварелях, посвященных Испании, во всю мощь зазвучал колористический дар Сурикова.

Мы не располагаем письмами из Испании и Франции, но, вернувшись в Москву и поселившись в Малаховке на даче, Суриков жалуется Кончаловским, что после Испании ему здесь скучно и холодно. По сравнению с яркостью испанских впечатлений малаховские «заборчики» показались ему бедными и серыми.

Недолгое пребывание во Франции и посещение Люксембургского музея дало Сурикову возможность познакомиться с художниками-импрессионистами, о которых он пишет с восторгом позднее — в 1912 году: «Какие там дивные вещи из нового искусства! Монэ, Дегас, Писсаро и многие другие» (№ 219). Суриков не прошел мимо достижений живописи нового времени.

О начале работы над «Степаном Разиным» мы узнаем из его писем 900-х годов, когда он неоднократно ездит на Волгу собирать этюды. Ему нужны «типы». «Главное — пейзаж» (№ 185). Волга увлекает художника ширью и простором. Эти этюды, выдержанные в светлой, легкой, красочной гамме, определили колористическое решение картины. Впервые у Сурикова в таком масштабе были развернуты просторы, насыщенные светом и воздухом.

Вернувшись с Волги, живя на даче под Москвой, он постоянно ездит в город «поработать картину» по сделанным этюдам. В это произведение, как и в другие, вложен огромный труд. Судьба картины беспокоит художника. В иных, как бы недоговоренных словах, чувствуется, что с этим произведением связана внутренняя драма его автора: «Картина находится во владении ее автора Василия Ивановича и, должно быть, перейдет в собственность его дальнейшего потомства... Ну, да я не горюю — этого нужно было ожидать. А важно то, что я Степана написал! Это все» (№ 192).

Тревожное состояние художника сказывается в том, что после выставки 1906 — 1907 годов он продолжает работать над картиной, в основном — над образом Степана Разина. В 1910 году он снова возвращается к работе над ней. По настоянию Д. И. Толстого Суриков извлекает ее из Исторического музея, где она находится в ящике свернутой на вал, с целью осмотреть ее и закончить. По настоянию того же Толстого Суриков, считая, что картина закончена «и в тоне и в форме», решает отправить ее на Международную выставку в Рим. В окончательном варианте картины образ Степана Разина полон глубокого раздумья. Он приобрел не только автопортретные, но и автобиографические черты. Из биографии художника известно, что в начале девятисотых годов в период работы над картиной «Степан Разин» Суриков переживал глубокую творческую драму. Это сказалось на создаваемом художником образе героя картины, в котором отразилось душевное состояние самого Сурикова.

Картина «Степан Разин» долгое время оставалась непроданной и при жизни художника музеем не была приобретена. Из писем Сурикова мы больше ничего не узнаем о ее судьбе.

К мысли о народных движениях на Руси художник возвращается постоянно. Особо взволновала его появившаяся в 1901 году статья Н. Н. Оглоблина «Красноярский бунт 1695 — 1698 годов», написанная на основе архивных документов. Суриков получил не только новое подтверждение того, что его далекие предки были казаками, но узнал также, что среди них были организаторы и участники этого движения. В письмах 1901 — 1903, 1910 годов к брату, В. В. Стасову, П. В. Голяховскому, В. А. Никольскому отразилось глубокое впечатление, какое произвела на него эта статья. Долгое время художник был увлечен желанием написать картину на эту тему и сделал к ней два известных эскиза. Картина не была осуществлена. Мы не находим в его письмах упоминаний о задуманной картине. Но насколько конкретной и серьезной была мысль написать ее, мы узнаем из письма В. И. Анучина, содержащего исключительно ценный и интересный материал. Это письмо написано 14 декабря 1901 года Сурикову. Оно является ответом на письмо Сурикова, которое, к сожалению, обнаружить не удалось. Из упомянутого письма Анучина и письма Стасова от 4 ноября 1902 года ясно, что картина «Красноярский бунт» не могла быть написана по цензурным условиям того времени.

О последних картинах — «Посещение царевной женского монастыря» 1912 года и «Благовещение» 1915 года — Суриков в своих письмах упоминает редко. В этих упоминаниях не чувствуется того творческого горения, которое прежде сопутствовало процессу его работы над каждой новой картиной.

Многие письма начиная с 900-х годов адресованы Кончаловским. Появление зятя — художника П. П. Кончаловского, любимых внуков внесло в жизнь Сурикова, а следовательно в его переписку, новое содержание. Эти письма касаются большей частью семейных интересов, наполнены нежностью и лаской к детям. Суриков активно интересуется творческой работой Кончаловского. В письмах к брату продолжают звучать постоянные мотивы: беспокойство о нем, желание приехать на родину. Он снова делится с Александром Ивановичем мыслями о переезде в Красноярск — видимо, такое желание не оставляло художника до конца жизни.

Приходится глубоко сожалеть, что в письмах мы не находим сведений ни об одном из автопортретов, написанных художником, ни о работе над такими выдающимися образцами портретной живописи, как, например, портрет доктора Езерского или «Человек с больной рукой». Сведений о портретах, над которыми работал художник, крайне мало.

Суриков никогда не занимался педагогической деятельностью. В письме 1901 года директору Московского училища живописи, ваяния и зодчества кн. А. Е. Львову, в письме 1908 года брату и другим говорится, что художник категорически отказывается от преподавания в Училище, как неоднократно отказывался от профессорства в Академии художеств. «Я... считаю для себя, как художника, свободу выше всего» — это признание очень характерно для Сурикова (№ 164). Однако в ряде сделанных им критических замечаний художникам С. Д. Милорадовичу

и А. Г. Попову сказывается последователь чистяковской системы преподавания. Эти лаконичные указания носят в высшей степени конкретный характер. Интересны также мысли, высказанные им в письме к П. П. Кончаловскому, касающиеся значения опыта монументальной росписи для молодого художника.

Большое место в жизни Сурикова занимала музыка, о чем говорят многие строки его писем. Обладая большой музыкальностью, он постоянно ощущал потребность бывать в опере в Петербурге и Москве, несмотря на всю свою занятость работой над картинами и этюдами. Во время заграничной поездки в Милане в театре Ла Скала он слушал оперу Мейербера «Гугеноты». Ярко описано в письме к П. М. Третьякову впечатление, полученное им в Париже от оперы «Генрих VIII» Сен-Санса. Незабываема сила, с какой художник в письме к П. П. Чистякову описывает чувства, охватившие его при звуках «чарующего» органа в соборе Парижской богородицы.

Суриков не прошел мимо такого значительного явления в музыкальной жизни, как гастроль Иосифа Гофмана, приехавшего впервые в Россию в 1895 году девятнадцатилетним юношей. Тогда уже художник предсказал пианисту великое будущее. Гитара была другом, любимым инструментом Сурикова, к которому он обращался в минуты отдыха — один или привлекал к участию в домашних концертах своих друзей — гитаристов. Музыкальность Сурикова своеобразно преломилась в его живописном творчестве, в умении ввести в композицию то «хоровое» начало, которое, по словам В. В. Стасова, роднит эмоциональный строй произведений художника с операми М. П. Мусоргского.

Письма Сурикова позволяют в какой-то мере пройти вместе с ним его творческий и жизненный путь, начиная с юношеских лет, полных радужных надежд и веры в свое призвание художника, до трагических дней угасания жизни. Они содержат много сведений о личной жизни Сурикова. Бессмертным творениям художника в переписке уделено сравнительно немного места. Тем не менее непреходящее значение этих писем в том, что мы узнаем непосредственно, со слов самого художника, о работе его над своими произведениями. Они помогают понять, как его напряженные раздумья претворялись в художественные образы с глубоко философским содержанием, «с затрагивающим смыслом».

В исторических эпопеях Сурикова отразилось его понимание народа как движущей силы истории, а также понимание того, что события прошлого, к которым было обращено его творчество, не прошли бесследно для настоящего. В настоящем же он сумел «угадать» — «указание на будущее» (выражение Белинского). Эпоха Сурикова — преддверие революционных бурь — подтвердила, что раздумья художника были направлены по верному пути.

Мастер мирового значения, Суриков, прежде всего, сознавал себя русским человеком и национальным художником. В письмах разных лет, по разному поводу, лаконично, но весьма определенно, выражена его любовь к отечественному искусству. Суриков очень хочет, чтобы его земляки-красноярцы осмотрели галерею Третьякова, высоко и верно

оценивает деятельность этого собирателя, систематически присутствует на открытии выставок произведений русских художников. Он сожалеет, что музеи Москвы и Петербурга не дают картин на Всемирную выставку в Париж — «так что мир не будет знать, что у нас есть национальное искусство» (№ 157).

Сильное, глубокое, волнующее впечатление производят его письма на тему о национальном искусстве, написанные в конце жизни. В этих письмах — забота о народе, для которого создаются произведения искусства. Он пишет, что только после реконструкции Третьяковской галереи 1913 года зритель получил возможность «видеть все картины в надлежащем свете и расстоянии» (№ 241).

«Вкусивший света не захочет тьмы» — так заканчивает Суриков свое открытое письмо в редакцию газеты «Русское слово» 31 января 1916 года, написанное им за месяц и шесть дней до кончины (№ 241). Это письмо — завещание великого художника, тревожащегося о судьбе национальной школы русского искусства, школы, в создание которой вложен его талант и его доля самоотверженного полувекового труда.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Со времени выхода из печати книги «В. И. Суриков. Письма. 1868 — 1916» (М.—Л., 1948) прошло около трех десятилетий. Книга эта, ставшая библиографической редкостью, послужила одним из ценнейших источников для изучения жизни и творчества художника. Следует с благодарностью вспомнить имена составителей этой книги — А. Н. Турунова, посвятившего десять лет труда собиранию материала и подготовке его к печати, А. Н. Щекотовой и М. Н. Григорьевой — сотрудников Третьяковской галереи, принимавших участие в составлении комментария к письмам, содержащего ценные фактические данные.

Однако время, прошедшее с тех пор, существенно расширило наши сведения об эпистолярном наследии Сурикова. Естественно, назрела необходимость дополненного его переиздания.

В предлагаемое читателю новое издание включено свыше пятидесяти ранее неизвестных писем. Пополнилось количество писем Сурикова к родным; стали известны его письма к И. Е. Забелину, В. А. Беклемишеву, Я. Д. Минченкову, М. К. Ремезовой, В. П. Бычкову, М. П. Боткину, С. В. Дмитриеву, а также новые корреспонденты художника, среди них — В. И. Анучин, И. С. Остроухов, А. В. Прахов. В связи с этим появилась необходимость, используя комментарии, опубликованные в издании 1948 года, дополнить их новыми данными, сделать в них ряд существенных уточнений.

В книге публикуются все известные в настоящее время письма Сурикова, за исключением писем, которые не содержат материал, добавляющий ценные сведения о жизни и творческой деятельности художника.

Даты писем, установленные на основании их содержания или каких-либо иных данных, заключены в квадратные скобки. В такие же скобки заключены недостающие по смыслу текста слова или окончания слов.

Для единообразия все даты писем вынесены в правый верхний угол. Письма печатаются в соответствии с современной орфографией, но с сохранением своеобразия языка оригинала.

Письма, публикуемые впервые, отмечены звездочкой в оглавлении.

Летопись жизни Сурикова, составленная в свое время А. Н. Туруновым, печатается с уточнениями и дополнениями.

Автографы писем Сурикова, публикуемых в настоящем издании, находятся в следующих фондах:

Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи — письма П. Ф. и А. И. Суриковым (№ 70, 75, 90, 109, 114, 116), А. И. Сурикову (№ 121 — 123, 125, 126, 128 — 130, 139, 142, 159, 167, 168, 170, 171, 175, 190, 191, 197), О. В. и Е. В. Суриковым (№ 149, 150, 166), О. В. и П. П. Кончаловским (№ 173, 174, 177 — 180, 182, 183, 185, 186, 188, 189, 193, 201, 202, 212 — 214, 220), Н. С. Матвееву (№ 56, 60, 62, 63), В. В. Матэ (№ 74), С. Д. Милорадовичу (№ 132), В. А. Никольскому (№ 207 — 209, 211), В. Д. Поленову (№ 85), П. М. Третьякову (№ 54, 55, 57, 66, 69, 72, 73, 89, 98, 127), П. П. Чистякову (№ 61, 64, 92), И. Е. Цветкову (№ 195, 205, 210, 217, 234, 242), редактору газеты «Русское слово» (№ 224).

Сектор рукописей Государственного Русского музея — письма Альберту Бенуа (№ 97), Д. И. Толстому (№ 215, 216).

Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — письма С. В. Дмитриеву (№ 41), Н. Ф. Матвеевой (№ 198, 200, 203, 206, 218, 219, 226, 227, 231).

Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — письмо В. В. Стасову (№ 172).

Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве — письма Н. А. Александрову (№ 50), В. П. Бычкову (№ 230), С. И. Зимину (№ 184, 187), М. К. Ремезовой (№ 117).

Центральный государственный исторический архив СССР — письма В. А. Беклемишеву (№ 225), Я. Д. Минченкову (№ 229).

Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР — письмо М. П. Боткину (№ 59).

Отдел письменных источников Государственного Исторического музея в Москве — письмо И. Е. Забелину (№ 86).

Музей Московского Художественного Академического театра СССР им. М. Горького — письмо К. С. Станиславскому (№ 204).

Рукописный архив Киевского музея русского искусства — письмо А. В. Прахову (№ 80).

При отсутствии автографов письма публикуются по копиям, находящимся в отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи: «Дяденьке» (№ 1), П. Ф. и А. И. Суриковым (№ 2 — 40, 42, 43, 45, 47 — 49, 51 — 53, 58, 65, 67, 68, 71, 76 — 78, 82 — 84, 87, 88, 91, 93 — 96, 99 — 108, 110 — 113, 115, 118, 119), П. Ф. Суриковой (№ 81), А. И. Сурикову (№ 46, 79, 120, 124, 131, 133 — 138, 140, 141, 143 — 147, 151, 153 — 158, 160 — 163, 165, 169, 176, 192, 194, 196, 199, 221, 223, 232, 233, 235 — 240), О. В. и П. П. Кончаловским (№ 222), А. Е. Львову (№ 164), А. Г. Попову (№ 148), открытое письмо попечителю Третьяковской галереи (№ 228), открытое письмо в редакцию газеты «Русское слово» (№ 241), а также по тексту издания 1948 года — П. Ф. и А. И. Суриковым (№ 44), П. В. Голяховскому (№ 181), И. И. Толстому (№ 152).

Автографы писем В. И. Сурикову находятся в следующих фондах:

Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи — письма И. С. Острохова (черновик) (№ 247), И. Е. Репина (№ 243, 244, 246), В. В. Стасова (№ 251, 253), П. М. Третьякова (№ 250), П. П. Чистякова (№ 245, 249).

Центральный Государственный архив литературы и искусства в Москве — письма В. И. Анучина (черновик) (№ 252), И. Е. Репина (№ 255), Н. Яковлева (№ 254).

Рукописный архив Киевского музея русского искусства — письмо А. В. Прахова (№ 248).

ПИСЬМА В. И. СУРИКОВА

1868

1. «ДЯДЕНЬКЕ»¹

[Красноярск. 1868]

Милый дяденька. Вам уже может быть известно, что я вот уже скоро будет полгода нездоров, и причина та, что мне благодетель Смелянский² артистически вырвал зуб чуть не с челюстью, так что я три месяца был без памяти и наконец уже стал поправляться и то очень медленно, но еще никуда не выхожу. Спасибо Замятину³ — он велел дать мне и за 5-й месяц моей болезни жалованье, а его дают только за 4 месяца.

Теперь приступаю к другого рода обстоятельствам: недавно я узнал ответ Академии художеств (и который благодаря нашей канцелярской исправности пролежал чуть ли не 4 месяца) по известному Вам, дяденька, ходатайству П[авла] Н[иколаевича] обо мне.

Вот он:

«Минист. имп. двора
Вице-президент
имп. Академии художеств
№ 219
его превосходительству
П. Н. Замятину

Милостивый государь Павел Николаевич!

Отношение Вашего превосходительства от 10 числа декабря м[инувшего] г[ода] № 20099, переданное от господина товарища президента Академии вместе с присланными при оном рисунками молодых людей Василия Сурикова и Г. Шалина⁴, было рассмотрено советом Академии 11 сего февраля, и хотя г.г. присутствовавшие члены специалисты по всем родам искусства нашли, что упомянутые молодые люди заслуживают по их работам быть помещенными в Академию, но как в ее распоряжении нет никаких сумм, из коих бы могло быть оказано им пособие, да и казенных воспитанников в Академии не полагается, а все учащиеся в оной содержатся на свой счет и живут вне Академии, то постановлено уведомить Ваше превосходительство на тот конец, что ежели у кого из молодых людей, оказывающих способности к искусству, найдутся средства приехать в Петербург и содержать себя здесь до того времени, пока они в состоянии будут приобретать себе содержание собственными работами, в таком случае Академия со своей стороны не откажет им в возможном содействии.

Уведомляя о сем Вас, милостивый государь, и препровождая два экземпляра правил об условиях для поступления в ученики Академии, имею честь покорнейше просить принять уверение и (проч.).

Князь Григорий Гагарин»⁵

Вы видели рисунки Шалина, дяденька, они были весьма посредственные, итак это более относится ко мне.

Вот и правила:

«В Академию имеют право поступать люди всех сословий.

Поступающий должен быть не моложе 16 и не старше 21 года и выдержать установленное испытание.

В отношении художественном поступающий должен рисовать настолько, чтобы иметь возможность приступить к рисованию с гипсовых голов.

В отношении наук поступающий должен знать: катехизис и краткую священную историю, грамматику, арифметику, географию и всеобщую и русскую историю краткие (одним словом, которые преподают в уездном училище).

Для экзаменов, для наук и испытаний по части художественной назначены полными баллами 5.

Для того чтобы быть принятым в Академию, требуется иметь в сложности не менее 3-х баллов на предмет.

Прием делается раз в 2 года и по окончании академического курса с тем, чтобы ученики поступали в начале предстоящего курса.

Курс наук в Академии разделен на 3 отделения из коих первый есть первоначальный, 2 и 3 на конец.

Ученик может поступить прямо во 2-е отделение, если имеет для сего достаточное искусство в рисовании и сведения в предметах наук. Независимо от поступающих в ученики Академии могут быть вольные посетители классов с дозволения академического начальства и платя за сие по 25 р. в год. На таких посетителей не распространяются права учеников Академии».

Меня обрадовало мнение Академии о моих способностях⁶.

2. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ¹

Томск. 15 декабря 1868

Милые мамаша и Саша!

Вчера, 14-го числа, я приехал с Лавровым в Томск², и остановились в великолепной гостинице. Ехали мы очень хорошо и без всяких приключений и не мерзли, потому что в первые дни холод был не очень сильный и я укутывался вместе с Лавровым дохою и кочмами³, а приехавши в город Мариинск, мы купили с ним еще доху, в которой я теперь еду до самого Питера; доха эта очень теплая, ноги не мерзнут, потому что укутываем их кочмами. Кормят нас дорогою очень хорошо. Есть мадера, ром и водка; есть чем погреться на станциях. С нами едет в другой повозке старичок архитектор, очень добрый и милый человек. Ехать нам очень весело с Лавровым — все хохочем, он за мной ходит как нянька: укутывает дорогой, разливает чай, ну, словом, добрый и славный малый. Сегодня катались по Томску, были в церкви и видели очень много хорошего. Томск мне очень нравится. Завтра выезжаем оттуда. Кошева⁴ у нас большая, и едем на тройку и четверку. Лавров кланяется вам и всем, кто будет о нем спрашивать. Поклон от меня Пете Кожуховскому,

Давыду, Абалакову, Корху с Варварой Павловной, Стеше, Орешникову и всем, всем⁵. Отдал ли Саша карточку Бабушкиным?⁶ Попросите карточки Марьи и Анны Дмитриевны, они обещали Вам передать, мамаша, а Вы пошлите ко мне в Петербург тогда, когда я напишу адрес туда.

Саша, учись хорошенько, особенно — из закона божия. Из Петербурга я пошлю тебе рисунков. Сереже⁷ напишите же, что я здоров и счастлив и напишу письмо из Питера. Я вот все забочусь, как вы-то живете. Будут деньги, так я пошлю из Петербурга; я бы и теперь послал Вам те деньги, которые Вы дали на дорогу, да не знаю, может, попадет на дороге что-нибудь порядочное, так и хочу употребить их на это.

Более писать нечего покуда. Остаюсь жив и здоров.

Ваш сын Василий Суриков

1869

З. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Город Екатеринбург.
25 января 1869

Здравствуйте, милые мамаша и Саша!

Обещался я писать вам из Петербурга, но пришлось писать из Екатеринбурга, где мы живем с 30 декабря, потому что спутник наш, Хейн, захворал горячкою и вот лежит три с лишком недели, но ныне уже совсем выздоровел, и мы завтра непременно выезжаем. Время мы с Митей Лавровым очень весело провели в Екатеринбурге; были много раз в театре, маскарадах.

В маскарадах я удивил всех своим костюмом русским и танцами. Все наперерыв желали знать, кто я, откуда, куда еду и зачем. Словом, торжествовал. Часто катались по улицам.

Посылаю вам карточку с меня и Лаврова. Я очень похож тут¹. Я все забочусь о том, как вы живете, здоровы ли, а между тем письма от вас получать нельзя, так как в Екатеринбурге оно не застанет меня. Пишет ли Сережа вам, здоров ли он? Про себя скажу, что я здоров. Вы, мамаша, не заботьтесь сильно обо мне, я теперь так счастлив, что лучше желать нечего, только для полного счастья недостает Вас с Сашей, так бы хоть на минутку увидеть вас. Ну, да бог даст, увидимся, только, умоляю Вас, берегите Ваше драгоценное для меня здоровье.

Вот приеду в Петербург, так напишу обо всем. Из Нижнего Новгорода тоже напишу. Писать часто-часто буду. Жаль только, что болезнь старика задержала, а то бы уже давно был в Питере. Кланяйтесь всем: крестниньке², Танечке³ и всем, всем. Писать покуда нечего, да и бумаги-то не хватило — собираемся в дорогу. Сереже поклон. Ему письмо будет из Питера. Целую вас всех.

Любящий сын Ваш Василий Суриков

4. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Петербург]. 23 февраля [1869]

Милые мамаша и Саша!

Вот четыре дня, как я в Петербурге и смотрю на его веселую жизнь. Теперь идет масленица, и народ просто дурит. Мы остановились с А. Ф. Хейном на Невском проспекте, в гостинице «Москва». Из окон ее видно все. Народ и в будни и в праздники одинаково движется. Я несколько раз гулял и катался по Невскому. Как только я приехал, то на другой день отправился осматривать все замечательности нашей великолепной столицы. Был в Эрмитаже и видел все знаменитые картины, потом был в Исаакиевском соборе и слышал певчих митрополита. Собор этот весь из разноцветных мраморов. Кумпол вызолоченный. Внутри колонны тоже мраморные и карнизы вызолоченные. Один недостаток в этом соборе — что в нем весьма темно, так как все окна заслонены громадными колоннами. В приделах очень светло, потому что колонн нет. Вид собора снаружи не поражает издалека громадностью, но когда подходишь к нему, то он как будто бы все кверху растет и уже не можешь более охватить всего взглядом. Со всех четырех сторон собора колонны и крыльца, но всходят в собор по одному крыльцу, со стороны памятника Николаю I, который стоит против собора, а по другую сторону собора есть конная статуя Петра I, изображенного на лошади, которая скачет на скале. Тут начинается Адмиралтейская площадь, где теперь устроены катушки¹, качели, карусели, балаганы, где дают различные уморительные представления на потеху публики, которая хохочет от этого до упаду. Тут же продают чай, сбитень, разные конфеты, яблоки и всякую съедобную всячину. По площади тоже катаются кругом мимо Зимнего дворца, Адмиралтейства и всей публики, которая приваливает и отваливает тысячами. Это еще не полный разгар праздника, а начало, что-то еще впереди будет! Много я очень видел хорошего в Петербурге, всего не перескажешь. В Москве останавливались три дня, и я осматривал тоже там достопримечательности: был в Кремле у Ивана Великого и всходил на эту колокольню; оттуда всю Москву как на ладони видно. Видел и Царь-колокол и Царь-пушку, про которые ты, Саша, поешь. Царь-колокол будет с нашу залу внизу; видел Красные ворота, Спасские, где шапку нужно снимать, памятник Минину и Пожарскому на Красной площади, ходил в Успенский собор, где коронуются цари, и прикладывался там к святым мощам и много там примечательностей видел.

В Нижнем Новгороде тоже жили дней пять и там тоже смотрели все, что заслуживает внимания. Катался я раз там по Покровской улице и видел мельком Катерину Павловну². Мы с Лавровым ехали скоро, и она тоже с какою-то дамой. Лавров заметил, что это она, но раскланяться не успел. Это было в день нашего отъезда из Нижнего. Оттуда мы ехали до Москвы по железной дороге, и я с Лавровым сидел в вагоне второго класса. Сильно бежит поезд, только ужасно стучит, как будто бы громадный какой конь. На станциях этой дороги останавливались и обедали, ужинали, пили чай, только это делалось с поспешностью, так как самая большая остановка была на четверть часа, а то на три, четыре и пять

минут, иногда остановка была и на час, если только дожидались другого поезда.

Из Москвы тоже ехали в Питер по железной дороге. Из окон вагона все видно мелькающим. Иногда поезд летит над громадною бездною, и когда глядишь туда, то ужас берет. Дорога шириною не более аршина, и вагон шириною в сажень; колеса находятся как раз посредине вагона снизу; стало быть, края вагона свешиваются над пропастью, и летит будто по воздуху, так дороги под собой не видно. Перед тем когда поезд отходит, то раздается такой свист пронзительный, что хотя уши затыкай. Сначала поезд тихонько подвигается, а потом расходится все сильнее и сильнее и наконец летит как стрела. Во втором классе очень хорошо убрано, как в комнате, и стоят диваны один против другого с двух сторон, где помещаются и дамы и кавалеры; очень весело бывает ехать, потому что идет оживленная беседа, далеко за полночь, наконец все утихает, а шумит только один поезд. По Петербургской железной дороге лучше ехать, потому что менее трясет. В Казани тоже останавливались дня четыре, и там видел все древние исторические постройки. Мне очень понравился этот город, лучше всех по веселой жизни своей. От Казани мы до Нижнего все по большей части ехали по Волге и много городов видели по ней.

Теперь поговорю о себе. Петр Иванович Кузнецов³ хлопочет о помещении меня в Академию или сначала, может быть, в приготовительную школу Академии, где нужно будет подготовиться в рисовании и науках для академического экзамена; может быть, примут в Академию и с моим свидетельством из уездного училища — мне это говорил в Эрмитаже придворный. Теперь живу куда ничего не делая, так как на дворе масленица. Начну учиться, бог даст, с первой недели поста, тогда опять напишу немедленно об этом. Я здоров. Каково Саша учится? Напишите поскорее, мамаша. Сереже напишу. Ему поклон посылаю, также и крестиньке и Таничке. Целую вас всех.

Василий Суриков

В Тюмени я слышал от одного поляка, который жил в Теси, будто Сережа женится на Александре Федосовне⁴. Неужели правда?

Напишите обо всем. Как Вы, мамаша, живете с Сашей.

Сэру Давыдову скажите, что я жив. Кожуховскому поклон.

Адрес мне: в Петербург. Милостивому государю Петру Ивановичу Кузнецову, живущему на Спас-Преображенской улице, дом Лисицына, для передачи Василию Ив. Сурикову⁵.

На Невском проспекте я встретился с Павлом Николаевичем Замятиным. Поговорили⁶.

5. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ
и С. В. ВИНОГРАДОВУ

Петербург. 10 июня 1869

Здравствуйте, милые мамаша, Саша и Сережа (если только он с вами)!

Скажите, пожалуйста, отчего вы не пишете мне? Написали 4 марта письмо, да им закончили, думая, что этим совершили громадное дело.

С тех пор прошло с лишком два месяца и в них можно было бы черкнуть хотя слово. Вот и мучишься разными предположениями о вашем благосостоянии сейчас и начнешь предполагать, что вы и нездоровы, да, пожалуй, еще и умерли, да бояться мне написать, а между тем неизвестность есть хуже всего. Словом, подчас делается невыносимо больно... вы ведь знаете, какой я тревожливый, уверяю вас, что вы меня не рассердите, если будете писать каждый день. Вот я какое обязательство налагаю на вас, мои друзья: чтобы каждый месяц или даже 15 и 30-го числа уведомлять меня о состоянии здоровья и проч. ваших высокопочтенных особ. Если же вы этого не будете исполнять, то я вам буду давать знать о себе через два месяца. А то что, в самом деле, — пиши, пиши им, а они и ухом не ведут! Адрес мой тот же: Петру Ивановичу Кузнецову у Спаса Преображения, дом Лисицына, для передачи В. И. Сурикову. О себе скажу, что я здоров. Готовлюсь к экзамену в Академию, осталось повторить только всеобщую историю, а то все повторил¹. Время идет довольно весело: гуляю в Летнем саду почти каждый день, вчера ездил на гулянье в Новую Деревню на дачи, был в Петергофе, скоро поеду в Царское Село. Поездки эти стоят недорого: по железной дороге туда копеек 25 и 40 и обратно. Из Новой Деревни ехал на пароходе по Неве. Семейство П. И. Кузнецова все уехало за границу и возвратится осенью. Сам Петр Иванович, я думаю, уже в Красноярске? Я с ним послал картины².

Напишите, как дела идут насчет определения в гимназию Саши. Постарайтесь, чтоб его определить³. Сережа, я думаю, получил мое письмо; если же получил, то напиши что-нибудь.

Жду от всех письма.

До свидания. Ваш В. Суриков

Здесь я еще встретил Савицкого, Смелянского и Ивана Евгеньевича Иванова⁴, расспрашивал Смелянского об вас.

6. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 7 августа [1869]

Здравствуйте, милые мамаша и Саша!

Третьего дня получил от вас письмо, писанное Танечкой, в котором была вложена доверенность, объявление почтовой конторы о деньгах мне. Оно было еще послано в январе. Нужно бы вам его послать раньше ко мне, как только получили. Теперь думаю, получите ли вы эти деньги, так как деньги на почте, как говорят, могут лежать только три месяца, а теперь вот скоро семь месяцев прошло. Ну, а я все-таки послал объявление это в участок засвидетельствовать, что я доверяю получить Вам деньги; Вы и сходите с ним в контору. Если получите письмо из конторы с деньгами, то Вы, мамаша, напишите ко мне, от кого оно, уж не от отца ли Феодосия?¹ Он, может быть, послал новые деньги на книги. Да, кстати, послали ли Вы, мамаша, ему книги, которые [мы] с вами купили у семинаристов? Уведомьте того, кто прислал деньги, что раньше получить не могли письма его, так как у Вас не было доверенности от меня получить письмо. Вы еще спрашивали меня, мамаша, что искать ли нам име-

ние дяди? Я скажу, что если есть возможность, то отчего же и не требовать? Ведь Попов же домогается? Он, положительно, не имеет никаких прав на это, а мы имеем, так как дядя был нам родня ². Попросите Ив. Ив. Корха, он может быть вам поможет. Насчет Саши Вы писали, что просили Чебакова ³. Попросите еще его и от моего имени, чтобы он позаботился о Саше.

Напишите мне, как поживают Бабушкины, не отданы ли замуж Марья Дмитриевна и Аннушка. Бывают ли они у Вас? Вы как-то писали, что они приезжали к Вам. В следующем письме пришлю Вам свою карточку. Напомните Марье Дмитриевне и Анне Дмитриевне, что они обещали мне свои карточки когда-то, но и до сих пор не исполняют своего обещания. Если будет возможность, то напомните им, мамаша. Я слышал, Михайло Иосафович женился? Напомните Давыдову, чтобы он черкнул хотя строчку мне. Вы спрашивали о Лаврове, я и сам не знаю, где он находится. Мы с ним расстались в Москве в вокзале железной дороги. Он мне не дал адреса, потому что не знал, куда еще отправится, а я не дал тоже, потому что не знал, где в Петербурге остановлюсь. Но думаю написать ему в Троицко-Сергиевскую лавру, он, я думаю, там с монахами обретается. Где Абалаков? Поступил ли он на промысла? Если в Красноярске, то пусть даст мне весть о себе. От Сержа я до сих пор не получил ни строчки. Что это он засел так долго в Теси? Но теперь, я думаю, он уже в Красноярске, так как в прошлом письме Вы говорили, что ждете его с час на час. О себе скажу, что живу довольно весело. Езжу иногда на гулянье на острова в окрестностях Петербурга, в Павловск, Петергоф. Только жаль, что не всегда хорошая бывает погода. То жар невыносимый, то дожди. Как облягут тучи со всех четырех сторон, да и начнут давить воздух, то и дышать трудно. Зато в хорошую погоду вознаграждаешь себя прогулкою на пароходе на дачи или острова, где почти каждое воскресенье бывают песельники, акробаты, музыка, фейерверки и проч. В Петергофе нынче в день именин государыни иллюминация не удалась, был дождь, и все фейерверки прочь отсырели. Вчера, в преображение, был парад Преображенского полка подле самой квартиры Кузнецова, и я заходил нарочно туда, чтобы посмотреть на парад. Около самого окна нашего выходил из коляски в[еликий] князь Владимир Александрович. Народу видимо-невидимо было, и тут же, по обыкновению, были и саечники и фруктошники для угощения народа, потому что на площади было гулянье. Теперь все наслаждаюсь различными плодами, которые уже поспели, как-то: сливами, вишнями, грушами; яблоки еще не совсем поспели, их продают зимой по улицам. Из-за границы получил два письма от сына Кузнецова ⁴. Они будут в Петербурге числа 26 августа. В сентябре буду в Академии держать экзамен. Из наук все подготовил. В Красноярск скоро приедет Иван Евгеньевич Иванов. Мы с ним часто виделись здесь. Вот уже Вы его порасспросите обо мне. Да, чаем-то его угостите, он любит, как и Вы, его. Крестнине поклон от меня, и Танечке тоже. Сашу поцелуйте за меня. Пусть хорошенько учится. О чем в этом письме просил Вас, так Вы мне напишите. Леониду и Мартину Васильевичам ⁵ скажите, что когда Вы будете писать мне письмо, чтобы

и они про себя черкнули несколько строк. Вот что, мамаша: нельзя ли упаковать гитару да послать ко мне, если будет это недорого стоить? Сделать ящик сосновый копеек в 50 или 70, обложить гитару ватой или, лучше, куделей, да и сдать на почту. Только, может быть, дорого возьмут за пересылку? Я бы и здесь купил гитару, но если дать за нее рублей 6 или 7, то дрянь против моей, а такую, как у меня, нужно рублей 12 заплатить. Так я и думаю, лучше уж свою как-нибудь гитару выписать. Только она мне скоро не нужна, а так когда-нибудь соберетесь ее послать. Теперь я довольно порядочно на фортепьяно играю; на квартире, где я стою, оно есть. А вот в сентябре думаю переехать на Васильевский остров, чтоб поближе к Академии было ходить, так там, может быть, фортепьяно-то и не будет, так хотя на гитаре играть буду в свободное время.

Ну, больше писать нечего, кроме того, что я, слава богу, здоров.
Ваш любящий сын Василий Суриков

7. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 16 сентября 1869

Здравствуйте, милые мамаша и Саша!

Пишу вам, что я нахожусь в вожделенном здравии — это раз, а, во-вторых, я поступил в Академию в начале сентября и теперь каждое утро подымаюсь со своей теплой постели в 8 часов и храбро шагаю по роскошным, да только грязным по случаю сентября петербургским улицам на Васильевский остров в Академию на утренние лекции. Приходится делать в день верст шесть, так как еще вечером хожу в Академию в рисовальные классы, да это ничего — и не заметишь, как пролетишь их. Расстояние здесь ничего не значит. Например, пойдешь гулять с Кузнецовым в Летний сад, а оттуда попадем на Загородный проспект и на Невский, и на Васильевский остров. Везде успеем. Теперь город очень оживился, потому что все уже переехали с дач. Я с октября переезжаю на Васильевский остров на другую квартиру, чтобы было ближе ходить в Академию, и уже есть на примете хорошенькая квартирка, и ходить в Академию будет не дальше, как от нас в Красноярске до Благовещения.

В Академии я иду успешно из наук и рисования и в октябре думаю перейти в следующий класс. Профессора одобряют мои работы. Если придется, так и Петру Ивановичу скажите об этом. Хотел я с этим письмом послать свою карточку, да вышло нехорошо, и я изорвал сейчас целую полдюжину карточек. Досадно, что потерял из-за ожидания карточек целый полмесяц. Следовало бы вам давно уже получить письмо. В следующий раз пошлю и карточку. Сейчас был в Академии на выставке картин¹. Столько превосходных картин, что я и описать вам не могу. Теперь я могу хотя каждый день быть на выставке, потому что ученики Академии ходят туда бесплатно. Народу очень много бывает. Я думаю на следующий год и сам что-нибудь выставить из своих работ. Напишите, мамаша, как Вы живете, здоровы ли Вы, Саша отдан ли в гимназию, при-

ехал ли Серж? Одним словом, обо всем напишите. Кто у Вас теперь на квартире стоит? Обо всем, обо всем напишите.

Любящий Вас сын Василий Суриков

8. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 5 ноября [1869]

Здравствуйте, милые мамаша и Саша!

Получил я Ваше письмо, в котором Вы говорили, что Саша принят в гимназию. Я очень обрадовался этому; пусть теперь только хорошенько учится. Я сам теперь крепко занимаюсь в Академии науками. Из рисования получаю на экзаменах первые номера, и работою моею доволен профессор. 2 ноября был, по окончании годичной академической выставки, торжественный акт, на котором находились мы, ученики Академии, и много посторонней публики: дам, генералов различных и проч. Часов в 12 дня, когда уже все собрались и мы заняли свои скамьи, явилась великая княгиня Марья Николаевна¹ под руку с великим князем Владимиром Александровичем², поздоровалась с профессорами и другими и заняла свои президентские кресла. По правую сторону сел Владимир Александрович. Конференц-секретарь³ читал отчет об Академии и потом прочел, какие ученики заслужили медали. Их поочередно вызывали, и они получали из рук Марьи Николаевны медали. Когда стали получать ученики золотые медали, то каждому из них музыка играла туш. Лицам, получившим какое-либо звание, только объявлялось об этом. Вся эта церемония продолжалась часа два. Время это очень весело прошло. Недавно я получил письмо от Ивана Евгеньевича Иванова. Он говорит, что был у Вас и что Вы, когда наливали чай, то чуть не выронили чашку. Правда это?

О себе скажу, что я переехал на Васильевский славный остров, на новую квартиру. Она находится от Академии в 30 шагах, только перейдешь улицу да переулок Академический, как уже и в Академии. Живу я с товарищем, учеником Академии Стаховским⁴. Он приехал с Кавказа, где у него остались мамаша, отец, сестра, брат маленький, Сашин ровесник. Мы все и говорим друг другу: я об вас, а он о своих родных, которых он, как и я, очень любит. Вместе рисуем, поем, и дурим, и скакаем, и пляшем. Милый парень! Я очень с ним сошелся. Платим за квартиру 10 рублей. Есть спальная, отделенная от нашей рабочей комнаты перегородкою. Мы постарались украсить свое жилище коврами и картинами собственной работы. Одним словом, она же и зало, гостиная и приемная, и проч., проч. Обстановились довольно порядочно. Квартира очень просторная для двоих. Стол имеем в кухмистерской. Там очень хорошо кормят. Хотел иметь стол у хозяйки, но товарищ не согласился, а одного меня она почла невыгодным кормить. В Петербурге выпал снег, и мы с товарищем катались на тройке, при этом я вспоминал Сибирь, как там возят, особенно по Барабинской степи. Поблагодарите Анну Дмитриевну за ее память обо мне и скажите ей, чтобы она сдержала свое обещание — прислала карточку. Иванов говорит, что Корхи не стоят у нас.

Кто же теперь перешел? Напишите, здоровы ли вы, мама и Саша? Приехал ли Серж и что же он не пишет мне? Пусть Абалаков мне напишет что-нибудь; ведь он жив, кажется? Давыдову поклон и скажите, что я потерял надежду получить от него весть. Спросите, мама, Шмелевых, где нынче Поль⁵ находится. Я здоров.

Всегда любящий Вас В. Суриков

Хотел уже запечатать письмо, но получил Ваше письмо, в котором Вы пишете, мама, что к Вам переходят родственники Баженова. Я очень обрадовался этому. Но вот что, мамаша: не посылайте, пожалуйста, мне денег на гитару; она ведь мне не нужна, я могу обойтись и без нее. А между тем Вам деньги нужны, я ведь знаю, что Вы никогда не признаетесь, что они Вам нужны. Вы пошлете, а сами будете терпеть нужду, а от этой мысли у меня сердце сжимается. Я ведь все прежнее помню⁶. Так, бога ради, не посылайте. Мне достает денег на все. Я не терплю никаких недостатков. Гитару я себе достал. Когда я прочел Ваше письмо, что Вы хотите послать мне денег, то мне сделалось ужасно досадно: пожалуй, уже деньги в дороге, а сами без денег. Нужно печи поправить, а они мне на гитару посылают. Я просто покою не нахожу. Если послали деньги и я получу, то хоть как Вы угодно, мамаша, сердитесь, а я их назад pošлю Вам. Вы еще писали, что Лизу⁷ нетерпение берет получить наследство, то я скажу Вам, что ранее совершеннолетия Саши едва ли ей доведется что-нибудь дополучить; да и что еще ей нужно? Кажется, уже ведь получила. Экая поповщина, завидные глаза! Она мне еще ничего не писала. Отчего ты, Саша, мне и строчки не черкнешь? Разве забыл своего Васю? Не ленись, доставь мне удовольствие видеть твое письмо. Напишите, мамаша, какие новости есть в Красноярске? Берегите свое здоровье, милая мамаша, не ходите в легких башмаках по морозу, а то я буду беспокоиться, Вы ведь никогда не смотрите на себя.

Пишите. Адрес мой: Петербург, на Васильевский остров, по 7-й линии, дом Шульца, № 10/11, квартира № 12-й. Мамаша, будьте добры, передайте Анне Дмитриевне Бабушкиной мою записку, если она приедет к Вам. В записке нет ничего дурного. Если не приедет к Вам, то иначе не отдавайте.

Любящий Вас Василий Суриков

9. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 15 декабря [1869]

Здравствуйте, милые мамаша и Саша!

Третьего дня получил ваше письмо, да еще и моего милого брата Александра Ивановича, только уж я его разбирал, разбирал, да так и не мог всего-то прочесть. Понял и разобрал в нем только то, что он хорошо учится — ну и слава тебе, господи. Больше и желать, кроме здоровья, нечего. Ты, Саша, маленько получше пиши, чтобы можно было разобрать, а то ты у меня хоть куда парень. Думаю себе, какой, должно быть, ты вырос за год-то. Так бы посмотрел вас с мамашей. Если будут, мама, деньги

налише, то снимитесь в фотографии. Свою карточку послал бы, да завтра только иду сниматься, а она готова будет только, пожалуй, через две недели. Долго ждать, а как только будет готова, я и пошлю вам с новым письмом. Живу я довольно весело, работа в Академии идет успешно. Кузнецова семейство ждет Петра Ивановича в Петербург к празднику. Сын его часто бывает у меня, а я у него. Отдали ли Вы, мамаша, Анне Дмитриевне письмо? Оно хотя и не очень нужно, да я просил в нем о карточке ее. Я очень обрадовался, когда Вы написали, что к Вам перешли квартиранты и что поправили печи. Тепло ли Вам, мамаша, ходить-то, Вы ведь не любите беречь себя? Я думаю, уже сильные морозы в Красноярске, здесь и то мороз доходит до 20 градусов, что здесь составляет сильный холод. Мне-то ничего, привыкший к холоду человек. Знакомым моим говорю, что это не мороз, а вот в Сибири так 30 градусов только еще немного действует на сибиряков, а этот холод ничего не значит. Нева только две недели назад стала, а то замерзнет да опять и растает. Прошлого года я уже в это время катил себе вдоль по дорожке столбовой. Как подумаешь, время-то скоро идет! Здорова ли крестненька, Таня, дяденька Гаврило?¹ Поклон им. Давыдова, если увидите, поздравьте с 11 мая. Мамаша, Вы побольше мне пишите о себе, заставляйте Сашу, пусть он не ленится. Достает ли вам на содержание денег и не нуждаетесь ли вы, меня все это беспокоит. Не забудьте, напишите. Да еще, если доктор в Красноярске, то скажите ему поклон и всем знакомым. Через две недели напишу письмо Вам и пришлю карточку.

Любящий Вас сын В. Суриков

Вас, мама, и тебя, Саша, целую.

1870

10. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 3 февраля [1870]

Здравствуйте, милые мои мамаша и Саша!

Посылаю вам давно обещанные мною карточки. Одна из них немного попортилась, но все-таки сходство вообще очень большое. Только на одной карточке я вышел угрюмым, да это ничего. Сердит я был очень на фотографа, что долго заставил ждать меня, ну, оттого и вышел такой сердитый.

А если желаете, мамаша, посмотреть на веселого меня, так смотрите на карточку, где я снят в пальто. Я еще летом ее снимал. Теперь пишу вам, что я перешел в следующий класс Академии первым учеником. Это по рисованию, а из наук перейду на следующий курс в мае месяце¹. Одним словом, дела по Академии идут хорошо. Я очень рад, что и ты, Саша, идешь в гимназии хорошо. Читал я твое письмо с немецкими фразами, все хорошо, только ты плохо пишешь, нужно разборчивее писать, а то даже и не поймешь, что ты пишешь.

Петр Иванович Кузнецов здесь. Я часто бываю у него. Новый год я тоже встречал у Кузнецовых. Танцевал там. Видел у них еще красноярских, именно Лоссовских ². Письмо, которое я от вас получил третьего дня, очень обрадовало меня, так как я не получал писем от вас с самого ноября. Вы мне пишете, что Замятнин приезжал к вам по делу дядюшки. Это меня чрезвычайно удивило, до такой степени глупо распоряжение это. Сашино письмо тоже получил. Он пишет, что у Анюты Бабушкиной чахотка. Неужели правда это? Вы не написали мне, мамаша, отдали ли Вы письмо Анне Дмитриевне. Будьте добры, мама, не забудьте написать об этом мне. Я ее просил о карточке, не забудьте же, мама. У вас есть квартиранты, и я очень этому рад. Вы писали, что жалеете, что не можете послать мне денег, но не беспокойтесь, я нужды в них никакой не имею, но имею даже некоторые удовольствия, которых здесь очень много; чаще всего хожу в театр на оперу. Квртирую на той же квартире, про которую я уже Вам писал. Адресуйте письмо на мое имя следующим образом: на Васильевский остров, по 7-й линии, дом Шульца № 10/11, квартира № 12.

Всем знакомым поклоны. Курылеву ³ скажите, что на днях соберусь ему написать, как живу. Давыдов с Сашей Черепановой ⁴ не ссорятся еще? Напишите, милая мамаша, о новеньком в Красноярске.

Да, что это Сережа мне ничего не пишет? Неужели он сердит на меня за что-нибудь или некогда ему? Напишите ему об этом.

Будьте здоровы, мамаша и Саша, целую вас.

Любящий вас В. Суриков

11. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 17 марта [1870]

Здравствуйте, милые мамаша и Саша!

Получил ваше письмо. Я очень ему обрадовался. Оно было писано вами 9 февраля, но я его получил 13 марта, пролежало у Кузнецовых три дня. Нужно писать вам письма прямо на мое имя по адресу: на Васильевский остров по 7-й линии, дом Шульца, № 10/11 квартира 12. Не пишите больше писем на Кузнецовых, а то они долго лежат там. В Академии работы мои идут успешно. В мае буду сдавать экзамен на второй курс. Живу довольно весело. У Кузнецовых бываю часто. Недавно был в Итальянской опере в Большом театре с Кузнецовыми и в соседней ложе видел Родственников ¹. Потом у Кузнецовых видел Шепетковского ², и вообще красноярских довольно много в Питере. Кстати скажу, что видел в бал-маскараде в клубе художников Павла Николаевича Махова ³. я долго разговаривал с ним, вспоминали нашу жизнь в Теси когда-то. Вы пишете, мамаша, что Вам отведен офицер на квартиру и что Вы платите ему по 5 рублей в месяц. Меня очень беспокоит это. Как-то вы живете на 10 рублей? Боюсь даже и подумать, пожалуй, еще терпите разные недостатки в хозяйстве? Вы писали еще, что трудно вам жить без моего жалованья. Погодите, мамаша, я буду помогать вам, когда начну писать на продажу картины. Потерпите еще с полгода. Меня постоянно мучит

мысль, что я оставил вас без всякой помощи с моей стороны. Берегите только здоровье, моя дорогая, а обо мне не беспокойтесь. Меня радует, Саша, что ты хорошо учишься. Читал твои немецкие переводы. Пиши только мне письма, Саша, поразборчивее. А что, о Сереже ни слуху, ни духу? Хоть бы строку написал мне. Напишите, мама, достает ли Вам на хозяйство денег с квартирантов, и напишите подробнее, на сколько у Вас выходит в месяц припасов? Я все-таки буду спокойнее. Поскорее напишите. Леониду и Маркиану Васильевичам Калина посылаю мой дружеский поклон. Напишите, мама, когда Анна Дмитриевна пошлет карточку. Отчего Вы мне не напишите об этом?

Любящий Вас сын. Целую Вас и Сашу.

Василий Суриков

12. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 29 мая [1870]

Здравствуйте, милые мои мамаша и Саша!

Я очень много виноват пред вами в том, что долго не писал. Причиной тому были мои экзамены. Теперь они кончились, и я перешел на второй курс по наукам. Целый май месяц с ними возился. Теперь целое лето свободен. Думаю жить летом где-нибудь на даче с товарищем около Павловска или Петергофа. Когда перееду, то пришлю адрес. Живу здесь довольно весело. Пасху хотел встретить дома с товарищем, и для этого закупили всякой всячины, но накануне приехали сыновья Кузнецова и увезли с собою, так как Петр Иванович желал, чтобы я у него встретил в семействе пасху.

Я уже, кажется, писал Вам, милая мама, что я говел и приобщался у митрополита в Исаакиевском соборе? Здесь теперь очень весело, потому что открыта мануфактурная выставка¹. Столько там разных товаров, изделий из бронзы, чугуна, фарфора, серебра, что и не перечесть! После я вам опишу ее; в следующем письме пошлю вам свою карточку. Получил я и твою, Сашутка, карточку. Такой молодец, что любо-дорого посмотреть; вырос так, что я думаю, приедешь — и не узнаешь.

Кузнецовы едут за границу. Семейство уже уехало, а сам Петр Иванович с женой едут 5 июня, из-за границы поедут в Сибирь.

Особенного больше писать нечего; в следующем письме, с карточкою, поговорю поболее. Целую Вас, милая и добрая моя мамаша, и тебя, Саша.

В. Суриков

Поцелуйте крестную, Таню и дяденьку Гаврилу.

13. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 17 июня [1870]

Здравствуйте, милая мамаша и Саша!

Извините за долгое молчание, но я теперь немного освободился от работы. Все готовился к экзамену в августе месяце. Я еще не все выдержал, потому что некогда мне было сдавать в мае, но предметов немного —

одна теория теней и геометрия. Теперь я живу один на квартире. Товарищ уехал на лето к родным. Занимаю комнату меблированную довольно хорошо за десять рублей в месяц. Петр Иванович с Александрой Федоровной¹, уезжая за границу, оставили мне фортепьяно, и я теперь учусь играть. Играю уже довольно порядочно, зимою выучусь лучше, потому что у меня есть здесь знакомые, родные моего одного товарища по Академии, так его сестры отлично играют. Теперь они живут на даче в Новой Деревне, и я часто бываю у них и гощу дня по четыре. Они очень ласково меня принимают. Из знакомых моих есть еще семейство умершего генерала Карякина, сын его в Академии вместе со мной в одном классе², и мы с ним живем душа в душу: вместе рисуем у меня, у него, в Академии, гуляем каждый день, а иногда с матерью его катаемся в шикарной коляске по островам, Крестовскому и проч. Лето я все работаю, и в него я сильно подвинулся вперед из рисования. Теперь занимаюсь все композицией, то есть учусь сочинять картины³. В прошлом письме я обещал снять карточку, но не удалось собраться. Вот снимусь на днях, так пришлю. Мне бы очень хотелось иметь теперешний Ваш портрет, мама, я думаю, Вы очень похудели, так Вы все плачете да заботитесь обо мне и обо всем. Так бы и посмотрел на Вас, мамаша, да на Сашурку моего. Должно быть, молодец. Как ты учишься, Саша? Напиши. Учись латыни покрепче, хоть и скучно, да нужно; без нее на юридическом факультете в университете нельзя, а ты ведь непременно должен быть в университете — это моя мечта. Отчего Вы мне не пишете, мама, о своем бытѣ, как у Вас, достает ли средств? Лишь то меня уж постоянно беспокоит. Я-то живу хорошо. Уже, если вам, милые и дорогие мои мамаша и Саша, трудно жить, то я буду уделять из своего содержания хоть понемногу. Напишите. Не говорите никому только, пожалуйста. Вот бог даст, и я буду работать, тогда будет лучше вам, только вот поучусь хорошенько. Моя же работа ученическая движается благодаря богу вперед. Писать больше нечего.

Целую вас тысячу раз, дорогие мои.

В. Суриков

14. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 6 июля [1870]

Здравствуйте, милые мамаша и Саша!

Пишу вам, что я здоров и теперь начинаю работать большую картину на выставку. Петр Иванович, бывши в Петербурге, видел эскиз этой картины и очень хвалил его¹. Теперь я живу один на квартире до сентября, а там приедет опять товарищ. Живу довольно весело, езжу иногда к товарищам на дачи в Новую Деревню, в Гатчину и Павловск. 11 ч[исла] июля будет гулянье в Петергофе. Думаю съездить туда. Туда ехать недолго на пароходе — часа два. На днях было гулянье в Летнем саду. Великолепная была иллюминация! Я что-то долго не получаю письма от вас, здоровы ли вы? Живут ли у вас жильцы? Напишите, каково Саша учится и в котором он классе. Какие новости в городе? Мама, напишите

мне про Давыдова; его, говорили мне здесь, уволили от службы ли, что ли? Кланяйтесь всем — крестной, Тане и дяде Гавриле Федоровичу.

Целую Вас и Сашу, любящий вас В. Суриков

P. S. А карточки Анны Дмитриевны и нет как нет. Видно, мне не дожидаться ее.

15. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 5 сентября [1870]

Здравствуйте, милые мамаша и Саша!

Простите меня, пожалуйста, за то, что я долго не писал. Причина тому была экзамены: в августе месяце целый месяц провозился с ними, теперь уж сдал их. С 1-го числа начались лекции и рисовальные классы. Теперь пишу картину, думаю поставить на годичную выставку у нас в Академии. Картина эта изображает Исаакиевский собор и памятник Петру Великому при лунном освещении. Она у меня выходит довольно удачно, и многие художники отзываются о ней в мою пользу; я хочу показать ее Петру Ивановичу, он скоро приедет из-за границы ¹. Недавно, числа 16 августа, было гулянье в Таврическом саду, и я встретил там Д. П. Замятина ². Я очень обрадовался и спрашивал об вас. Он недавно приехал из Сибири. Хочет поступить на службу в Петербурге.

Вот уже прошло почти два месяца, и не получаю от вас ни одного письма. Это ужасно меня беспокоит, чего только не придумаю. Бога ради, отвечайте, здоровы ли вы с Сашей, каково живете, Вы мне никогда не напишете, что, хватает ли Вам, мама, средств? О, если бы Вы знали, как это меня беспокоит, всегда все думаю, что Вы очень во всем нуждаетесь! Напишите мне. Эдефе ³, как учишься? Пришли аттестат. В каком классе ты теперь? Рисуешь ли ты своих лошадок? У меня теперь много рисунков. Вот, постой, отделаю какой-нибудь и пришлю тебе, мой братец. Мне все представляется с Сашей Вы, мама; все кажется, что Саша вырос, большой сделался, а Вы похудели, все плачете. Так бы мне хотелось вас всех обнять да поцеловать, да вот, бог даст, через годик или полтора как-нибудь уговорю Петра Ивановича взять меня с собой, чтобы повидаться с вами да порисовать виды сибирские ⁴. А что, здоров ли Сережа? Что это об нем ни слуху, ни духу? Поклонитесь и поцелуйте крестненьку, дядю Гаврилу, Таню и всех.

Любящий всегда Вас сын В. Суриков

Целую вас тысячу раз...

16. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 12 октября [1870]

Здравствуйте, милые мамаша и Саша!

Простите меня, что я долго не писал, это было потому, что я сильно занимался в Академии. Были экзамены научные и рисовальные, так что совершенно почти не оставалось свободного времени. Писать же собирался я давно.

Теперь все это кончилось, и я свободен по крайней мере на весь день. Александра Федоровна Кузнецова, я думаю, говорила вам обо мне, если только вы ее видели. Я у нее был в гостинице, где она останавливалась.

Напишите, милая моя мамочка и Саша, о том, как вы живете. Есть ли у вас квартиранты вверху? Меня заботит, что теперь, я думаю, у нас в доме много поправок, и не знаю, как этому помочь. Денег-то у меня нет еще на это. Я бы очень был счастлив, если бы знал, что вы живете не нуждаясь, и молю бога, чтобы он дал здоровья вам, милая моя мама и Саша, и во всем я покоен.

Дела по Академии у меня идут хорошо, и в декабре буду работать на медаль за рисунок¹. Вы мне писали, мама, [что] Анюта Бабушкина едет в Казань, — неужели это правда? И ежели это правда, то скажите ей, что я от души радуюсь за ее будущее. А карточки все нет от нее! Мама, скажите ей, чтобы она мне написала обо всем, и пошлет письмо хоть вместе с вашим или как ей вздумается послать его. Мама, ты не сердись на меня за то, что я даю тебе такие поручения? Это я все сумею оценить, дорогая мама. Скажи, Саша, в котором ты классе? Я ничего решительно не знаю об этом. Напиши непременно. Я здоров. Напишите, какие новости в Красноярске? Пишет ли Сережа вам? Кланяйтесь крестной, Тане и дяде Гавриле.

Целую вас всех.

Любящий В. Суриков

Скоро, мама, именины будут Ваши, желаю здоровья, счастья и всего, всего хорошего. Жаль, что меня не будет с вами, а то бы повеселились.

17. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 3 ноября [1870]

Здравствуйте, дорогие мама и Саша!

Сейчас получил ваше письмо, в котором вы пишете, что я долго не отвечал на ваши письма. Простите меня, я все занимаюсь. У нас в Академии был ныне третней экзамен, и я перешел в натурный класс. Теперь буду уже работать на медали. Картину свою, о которой я писал вам, уже [выставил] на выставке. Публика, как я сам слышал и говорили мне товарищи, довольна моим произведением. Ничего на первый раз, — это хорошо. На следующий раз можно будет лучше написать картину. Завтра будет акт, на котором будут великий князь Владимир Александрович и Мария Николаевна. Нам уже сделано приглашение явиться на акт в круглую залу Академии и занять места. Одним словом, у нас завтра годовой праздник. Государь был вчера в Академии и остался доволен выставкой. На квартире стою я по-прежнему в доме Шульца и не переменяю, потому что близко к Академии. Живу я довольно весело. Рисую, хожу иногда в театр, больше в оперу. Игра на фортепьяно подвигается помаленьку вперед. Я не мог понять из Вашего письма — что, съехали Тютрюмовы¹ или нет? Когда будете писать отцу Федосу, то поклон ему от меня, Александре Федосовне и матушке. Грише и брату его тоже поклон². Я получил Вашу посылку и тысячу раз целую за это.

П. И. Кузнецов, я думаю, теперь уже в Красноярске? Иннокентий³ хотел зайти к вам.

Саша, каково учишься и перешел ли в следующий класс? Карточку свою я пришлю уже в зимнем платье, зима уже в Питере чувствуется. Идут дожди. Особенного больше писать нечего. Остаюсь здоров, целую Вас тысячу раз и Сашутку.

Василий Суриков

18. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 11 декабря 1870¹

Здравствуйте, милые мамаша и Саша!

Посылаю вам, дорогие мои, немного деньжонок. Я заработал их целую сотнягу². Я послал бы их поболее, да нужно будет еще сделать кое-что. Карточки еще не готовы. Драгоценная мама, пишите обо всем, в чем нуждаетесь. Я вот, бог даст, буду работать, так вас не оставлю без помощи. Хорошо ли Саша учится? Твоих коньков получил. Молодцом нарисовал. Нельзя ли, мама, каким-нибудь образом прислать карточку Анюты Бабушкиной? Или Вы уж больше не знакомы с ними? Ответьте, пожалуйста. Я здоров. В Академии дела идут хорошо. Я уже теперь в натурном классе. Великий князь Владимир Александрович часто бывает у нас в классе и смотрит наши работы. Теперь в Питере морозы, но не такие, как у нас, градусов в 20, не более. С Мишей Потылиным³ видимся довольно часто, поклон Вам посылает. А, Саша, скажи, в котором ты теперь классе? Скажи поклон твоим товарищам Грише и Кеше. Здоров ли отец Федос и домашние его? Не отдана ли Сашенька замуж? Если будете писать, то скажите ей мой глубокий сердечный поклон. Каково я, мама, пишу просто, беда да и только! Да, нельзя ли и ее карточку достать? Я теперь собираю карточки всех, всех своих знакомых.

Остаюсь любящий вас всегда, милые мои, В. Суриков

1871

19. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 13 марта [1871]

Здравствуйте, милые мамаша и Саша!

Простите меня, что я долго не писал. Все собирался да собирался, а время-то и прошло. Почти два месяца прошло со времени посылки последнего моего письма.

Пишу я вам с новой квартиры. Я переехал уже два месяца назад. Живу с товарищем. Занимаем большую комнату в три окна, выходящих на Средний проспект на Васильевском острове. Платим 14 рублей. Живем довольно весело. В Академии мои дела идут успешно. Петр Иванович приезжал с сыном в Петербург. Теперь он уже за границей. Картину он

мою видел и остался доволен ею. Она в мае месяце будет привезена в Красноярск к Петру Ивановичу. Он ее у меня купил за 100 рублей. Вот когда получу деньги за картину, то пришлю и Вам, милая мама. Управляющий еще не успел мне выдать всех денег, я сам отложил получить их после пасхи, а теперь взял немного, чтобы сшить себе кое-что к празднику. Теперь посылаю вам только свою карточку. Вы писали, мама, что хотите мне купить белья, то не делайте этого. Здесь можно в полцены купить всякое белье.

Напиши, Саша, в котором ты теперь классе и хорошо ли учишься? Хотелось бы мне видеть тебя, какой ты теперь сделался. Уже вот пошлю денег, так ты снимись. Здоровы ли вы, мама и Саша? Напишите мне обо всем. Я чрезвычайно виню себя, что долго не писал Вам. Я думаю, что Вы всего придумали обо мне. Я, слава богу, здоров. Кланяйтесь крестной, Тане, детям, о. Федосию. Мне чрезвычайно досадно, что Анна Дмитриевна не успела написать письма. Я Вам, думаю, надоел своими просьбами о карточке ее? Ну, да еще напишу Вам, чтобы сказать ей, если удастся, насчет карточки и письма. Не забудьте моей просьбы, милая мамочка. Целую вас тысячу раз с Сашей и желаю быть здоровыми. Берегите себя, милая мама. Мне хочется увидеть Вас такую же здоровою, как я и оставил Вас. До свидания, целую Вас

Ваш любящий сын В. Суриков

Адрес: на Васильевский остров, на углу Песочного переулка и Среднего проспекта, дом № 16.

1872

20. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 7 июня [1872]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Пишу вам из города Москвы, где я остановился у знакомых моего товарища Шаховского ¹, с которым мы едем в имение к его отцу провести летние месяцы июнь и июль. Имение это находится в Калужской губернии в 200 верстах от Москвы. Время мы проводим весело. Осматривали все примечательные места Москвы, как-то: соборы, царские палаты, памятники, выставки и проч. На Политехническую выставку мы пойдем на возвратном пути в Петербург. На этой выставке есть мои рисунки из жизни Петра Первого ². В Петербурге 30 мая было великолепное торжество по случаю 200-летнего юбилея рождения Петра Первого. Вчера приехал в Москву царь и некоторые великие князья. Город был довольно хорошо иллюминирован. Мы ходили с знакомыми моего товарища смотреть всю эту церемонию. Меня-то это мало интересовало, потому что в Петербурге я видел все гораздо лучше, а простых и добродушных москвитян это страшно занимает. Кормят меня здесь по-московски, на убой. Я, кажется, уже пополнил от разных сдобных снадобий, а что еще будет в де-

ревне, я уж и не знаю, там, говорят, окончательная масленица: и ягоды, и фрукты, и охота на уток, и верховая езда, так что, я думаю, припомню житье в Теси у Сержа. В деревню мы выезжаем послезавтра. Письма пишите по старому адресу, потому что к тому времени буду в Питере. Милая мама, к Вам через месяц приедет двоюродная сестра моего товарища, к которому я теперь еду, она едет с женою золотопромышленника Булычова, так и хотела зайти к вам. Я ее очень просил об этом. Ее зовут Настасья Михайловна Астахова. Напиши, Саша, как ты учишься? Я теперь буду писать чаще к вам, мои милые, потому что теперь есть больше времени. В следующем письме, когда приеду в Питер, pošлю свою карточку. Жаль, что с собой теперь ее нет. Из деревни напишу письмо. Я здоров. Целую вас миллион раз.

Любящий вас В. Суриков

21. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Петербург]. 10 октября 1872

Здравствуйте, милые мама и Саша! ¹

Простите, что я долго не писал, причиной тому были экзамены, месяц сдавал их да два приготавлился к ним. Теперь я перешел по наукам в 4-й курс. Митя Давыдов приехал, я еще с ним не виделся. Вчера получил от него записку, что у него есть письмо от вас. Сегодня иду к нему. Анастасия Михайловна еще не приехала с вашими посылками. Мама, я прошу Вас не тратиться на меня покупками, ведь Вам и так деньги нужны. Когда я что-нибудь получаю от Вас, то и думаю, что Вы в чем-нибудь себе отказали, даже, может быть, в нужном. Напиши, Саша, что, поступил ли в гимназию? Ты просил послать картинку. Я тебе пришлю через месяц. Карточку бы прислал, но она мало похожа, пришлю скоро. На днях буду, думаю я, сниматься. Я очень рад, что у Вас, мама, есть постояльцы, все хоть немного мне поспокойнее. Теперь я работаю в Академии на большую медаль. 4 ноября получу на акте малую медаль или второй степени ². Пишу вам кистью потому, что пера нет, не нашел. Я теперь часто буду писать вам, мои милые. Мне и самому будет покойнее, потому что, я думаю, вы очень охаете, что писем нет от меня. Я квартиру переменил. Вот адрес: по Академическому переулку на углу 5-й линии, дом Воронина, № 5, квартира № 32. Я здоров. Целую вас, мои милые.

В. Суриков

В субботу 14-го ч[исла] будут именины Ваши, мама. Желаю побольше здоровья и спокойства.

22. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Петербург]. 24 декабря 1872

Здравствуйте, милая мама и Саша!

Пишу вам, что мои дела идут успешно. Я еще получил на экзамене серебряную медаль. Теперь у меня две медали. Мой эскиз взяли в Академию в оригиналы и дали за него премию в 25 рублей ¹. Теперь Академия

на праздники закрыта, завтра рождество, вот уже четвертый раз я его без вас встречаю. Ты, Саша, пишешь, что поступил в 3-й класс училища, а разве ты совсем не будешь учиться в гимназии? Как же ты думаешь теперь, тебе 16 лет. Разве по окончании курса поступишь в 4-й класс гимназии? С Митей Давыдовым мы видимся часто. Напишите, мама, здоровы ли Вы и есть ли у вас квартиранты. Ты, Александр, не ленись писать, когда тебя мама просит. Я здоров. Через неделю буду именинник. Пишите почаще. Целую вас, мои дорогие.

Адрес мой: на углу Академического переулка, дом Воронина, № 5, квартира № 32.

1873

23. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 27 января [1873]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Простите, мамаша, что я долго не писал Вам. Причиною тому были экзамены из живописи. Сообщаю вам, милая мама и Саша, что я пред рождеством получил на экзамене в награду от Академии вторую серебряную медаль за успех в живописи. По этому случаю был у меня на именинах вечер. Товарищи танцевали друг с другом, как бывало в Красноярске. Теперь мне, мама, открывается хорошая дорога в искусстве. Дай бог счастливо кончить курс наук. Теперь я буду слушать лекции по четвертому курсу. Недавно я был у Александры Петровны Давыдовой. Она живет на Выборгской стороне с подругой, она теперь учится акушерскому искусству. Поговорили с ней о старом житье-бытье. Я буду почаще ее навещать, все-таки родные, хоть самую малость. Живу я, мама, довольно весело, одно меня сильно озабочивает — это Александр наш. Я уж придумать не могу, что это с ним, что он так худо учится? Неужели ему трудно было сдать экзамен по 1-му классу гимназии? Это, мне кажется, одна лишь лень. Послушай, Саша, постарайся снова поступить в гимназию. Что же ты теперь будешь учиться в училище? Теперь ведь тебе поздно там быть. Тебе скоро 16 лет будет. И неужели для тебя достаточно училищного образования? В нынешнее время этого очень мало. Хорошо, что вот мне пришлось быть в Академии, так я там пополнил свое образование. Так и прошу тебя, Саша, как-нибудь летом позаймись да выдержи экзамен. Я до тех пор не буду спокоен. Напишите мне об этом. Если нужно будет учителя, так вы напишите, я подумаю как-нибудь это устроить.

Посылаю Вам, мама, немного денег. Будет — так еще пришлю.

До свидания, мама и Саша.

Целую вас тысячу раз.

Ваш В. Суриков

24. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Петербург]. 6 марта [1873]

Милая мама и Саша!

Пишу вам, что на экзамене 4 марта я получил награду за композицию или сочинение картины и еще большую серебряную медаль за живопись. Теперь у меня три медали. Остается получить еще большую серебряную медаль за рисунок, и я буду работать программу на золотую медаль¹. Петр Иванович Кузнецов, я слышал, выехал из Красноярска, скоро будет здесь. Анастасия Михайловна приехала давно и вручила мне ваши посылки: ложку, фуфайку, платок и скатерть. Вы писали, что я нуждаюсь в деньгах, но, мама, Вы не беспокойтесь. На все нужное у меня хватает их. У Мити Давыдова я часто бываю. Я здоров. Целую вас, мамочка, Саша. Поклон всем знакомым.

В. Суриков

25. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

*Станция Белоярская¹.
4 июня [1873]*

Милые мама и Саша!

Я здоров. В Академии кончились экзамены. Я получил последнюю большую серебряную медаль². Самое важное — еду к вам в гости на лето!³ Теперь я около Тюмени. Скоро увидимся.

Я думаю, что приеду числу к 18 июня.

Целую вас В. Суриков

26. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Петербург. Октябрь 1873]¹

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Я получил письмо ваше с карточкой! Она очень хорошо вышла. Вы писали мне об указе из Думы об опеке. Меня ужасно взбесила выходка Лизаветы Ивановны. Это наше дело с Сашей выбирать опекуна, а не ее: она должна быть совершенно в стороне. Дадим мы ей что-нибудь, так ладно, а не дадим, так и то хорошо, потому что она получила надел при выходе замуж. Поэтому советуйте ей не начинать со мною неприятностей. Если она еще осмелится делать Вам, мама, дерзости, то я ей навеки делаюсь врагом. Так и передайте ей. Я только с честными людьми поступаю честно. Думе я написал ответ. Ты, Саша, подпиши свое имя. Если спросят из Думы, почему долго ответа не было, скажи, что спрашивали моего согласия из Петербурга на оставление мамы опекуншей. Лизавета Ивановна, должно быть, рассчитывает, что если будет другой опекун, то он ей будет выделять деньги из [квартирной] платы. Не бывать этому. Потому что вы сами только и живете деньгами за квартиру. Милая мама, Вы не сердитесь, что я в тревоге подошел к ней первой прощаться, я и не думал оскорбить Вас, потому что я Вас люблю и уважаю больше всего на свете. Кого же мне больше и любить, как не вас с Сашей. Я готов всем жертво-

вать для вас, мои родные, и не променяю никогда на Лизавету, которая, кроме зла, нам ничего не делала. Я ей и тогда не верил, только показал вид, что ничего не вижу.

Дорогу провел хорошо, приехал в Питер, там все удивляются моей полноте, а между тем я, кажется, такой же, как и уехал от вас.

Мама, все я забочусь о том, что у Вас нет ни шубки теплой, ни сапог теплых. Посылаю Вам немного денег, купите что-нибудь потеплее себе. Если получу награду, так еще пришлю денег. Занятия идут хорошо. Напиши, Саша, о твоём экзамене. Квартиру я себе хорошо установил. Она теплая. Поклон дяде Гавриле Федоровичу, крестной и Тане. Моржовым сам раскланялся. Напишите непременно о квартирантах. Есть ли у вас они? Уехали ли Евгений Иванович и Ольга Михайловна Лурм из Красноярска и останется ли муж ее на квартире? Мне весело здесь, и я, мама, не скучаю. Не скучайте и Вы. Бог даст, увидимся опять скоро. Я написал Петру Ивановичу, чтобы он похлопотал в Думе об оставлении мамы опекуной. Поклон Михаилу Осафовичу и жене его. Скажи ему, что эскиз пришлю после экзамена моего в Академии ².

Целую Вас, мама.

Суриков

27. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Петербург]. 30 ноября [1873] ¹

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Пишу вам, что я здоров. Дела в Академии идут хорошо. Ты, Саша, пишешь, что хочешь заниматься у учителя, то это хорошо. Я тебе буду высылать на это денег. Пришлю вслед за этим письмом. Послал бы теперь, да нет пока. Скоро получу. Мама, я все думаю, что Вам зимою холодно, что у Вас нет шубки. Напишите мне, так я постараюсь послать на это денег. Напишите непременно об этом, а то я все об этом думаю. Кто у вас теперь живет? Лурм, должно, не приедут в Питер. Если они у вас живут, так поклонитесь от меня, также и крестной, Тане и дяде Гавриле Федоровичу. Адрес мой: на Васильевский остров, по 3-й линии между Средним и Малым проспектами, дом № 50, квартира № 9. Что Лавров теперь делает? Поклон ему и Кун ². Михаилу Осафовичу скажи, что я после экзамена художественного пришлю ему эскиз, сделанный на экзамен. Напишите, что, как дело по опеке нашей? Ты, Паша, много-то не плачь. Мои дела очень хорошо идут, скоро получу медаль, так увидимся через годик. Надо же ведь учиться мне. Так ведь, Паша? Я уже и теперь вижу, что ты всхлипываешь, ну, да ничего, поди чайку напейся. А ты, Фефе ³, учись получше. Напиши, Саша, откровенно, не терпите ли вы нужды в чем-нибудь? Я помогу вам.

Прощайте, будьте здоровы. Целую вас однажды, а может быть, и дважды.

1874

28. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Петербург]. 29 января [1874]

Здравствуйте, милая мама и Саша!

Я здоров. Теперь сдаю экзамены из наук, думаю в нынешнем году закончить с ними. 9 марта зададут писать картину на золотую медаль¹. Живу очень весело. Часто бываю у Авдотьи Петровны Кузнецовой. Она с сестрами приехала из-за границы². Они все едут в мае месяце в Сибирь. Посылаю вам денег немножко. Вы, милая мама, не запрещайте мне иногда Вам посылать денег. Они у меня часто бывают налишу, так я Вам их пошлю. Только Вы не тратьтесь на посылки мне. Ведь здесь все можно купить дешевле. Очень рад я, Саша, что ты хорошо учишься. Поклон всем знакомым. У меня бумаги нет, так я вам пишу на каком-то блине, на котором часто солдаты пишут письма в деревню. Будьте здоровы, дорогие мои.

Целую вас 100 000 раз.

В. Суриков

29. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Питер. 5 марта 1874¹

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Я здоров, дела по искусству очень хорошо идут. В субботу, на нынешней неделе буду работать на золотую медаль. Вчера на экзамене получил премию во 100 рублей за эскиз «Пир Валтасара». Профессора остались очень довольны им.

Авдотья Петровна с сестрами уехала за границу, приедет назад в Питер в мае месяце, а потом в Сибирь.

Как, Фефе, учишься? Михаилу Осафовичу скажи, что картину пришлю, когда Авдотья Петровна поедет в Сибирь, так с нею. Каково живете, милые мои? Не нуждаетесь ли в чем? На всякий случай посылаю вам деньжонок и карточку. Я бы очень желал, чтобы вы получили их к празднику. Обо мне не беспокойтесь. Есть деньги налишу, так и пошлю. Ты, мама, никогда покою не знала, так хоть теперь успокойся. Для меня будет большое счастье, если вы с Сашей ни в чем не будете нуждаться, хоть в необходимом-то. Всем по поклону. Целую вас, мои дорогие.

Ваш В. Суриков

Саша, пиши мне как друг и брат по секрету от мамы, когда у вас не будет постояльцев, а то мне все думается, что у вас их нет.

30. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Питер. 4 июня [1874]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Я ужасно долго не писал вам писем. Я думаю, что вы уже бог знает что думаете. Я просто занялся делом очень серьезно. Работаю картину

на золотую медаль. Да и вообще это лето придется-таки поработать. Нужно еще подготовиться к экзаменам в сентябре месяце. Дело идет довольно успешно. На днях приехала из-за границы Авдотья Петровна с сестрами. Я был у них, и они дня через четыре едут прямо на золотые промысла. Третьего дня встретил на Адмиралтейском бульваре Ольгу Ивановну Вевелович. Она тоже приехала из-за границы, где она оставила Евгению Ивановну¹. Просила меня зайти к ней. Живут ли у вас постояльцы? Напишите. Ты, Саша, писал, что думаешь ехать в Иркутск в военное училище. Но меня очень озабочивает то, что как же мама одна останется в доме? Ей, я думаю, будет невыносимо скучно. Но уж что же делать, мама, если это будет полезно Саше. Но прежде чем я не получу от тебя, Саша, условий, по которым поступают в это училище, я не могу ничего сказать тебе насчет твоей поездки в Иркутск. Напиши обо всем положительно: на каких правах оттуда выпускают, сколько лет должно учиться. Напиши немедленно, чтобы в августе ты получил ответ от меня. Напиши скорей также и о том, кончил ли ты курс в нашем училище. Михаилу Осафовичу поклон. Скажи, что я ему pošлю эскиз с моей картины, которую пишу на золотую медаль. Я его послал бы с Авдотьей Петровной, да она в Красноярск не поедет, а прямо сворот сделает на промысла, но в начале августа, скажи, что получит.

Целую вас, родные мои.

31. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Питер. 25 октября [1874]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Простите, что я долго не писал. Причиной тому было окончание картины, и научные экзамены из наук покончил. 4 ноября получу диплом на акте, а дня через три будет присуждение золотых медалей. Говорят многие, в том числе и ректор, что я получу золотую медаль, тогда можно будет на будущий год работать и на большую золотую медаль.

Я недавно слышал, что в Красноярске был пожар, но никак не мог добиться, где он происходил. Это меня ужасно беспокоит. Напишите, здоровы ли вы и невредимы? Я здоров. Непременно напишу вам, когда получу золотую медаль. Иннокентий Петрович здесь, и мы очень часто видимся. Бога ради, поскорее напишите.

Целую вас, мои милые.

В. Суриков

32. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Петербург]. 20 декабря [1874]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Пишу вам, что я получил золотую медаль за картину, о которой писалось в некоторых газетах. Если хочешь, Саша, то прочти статью обо мне в «Всемирной иллюстрации» 14 ноября № 307¹. Там скоро напечатается мой эскиз «Пир Валтасара». Я уже рисую его для печати². Потом вместе

с медалью я получил и диплом в окончании курса наук³. Так что теперь я уже имею чин губернского секретаря. Потеха да и только, как подумаешь о чине! Теперь он мне вовсе не нужен. На будущий год буду работать на большую золотую медаль — и, конечно, это уже последняя медаль.

Время я провожу весело. Поработаешь, погуляешь, иногда в театр сходишь. Квартирку я занимаю очень хорошенькую, окнами на улицу. Одним словом, живу очень хорошо. Не нуждаюсь. Чтобы успокоить тебя, мама, скажу, что у меня очень хорошая скунсовая шубка и зимняя теплая шапка. Так что твой старший сын франт. Я забочусь об вас с Сашей, есть ли у вас теплая обувь и зимнее пальто! Покуда не получу побольше денег за картину в «Иллюстрации», посылаю вам на расходы пятнадцать рублей. Потом пришлю еще. Обо мне, бога ради, не беспокойтесь. Я живу хорошо и излишком всегда готов поделиться с вами, мои родные. Иннокентий Петрович в Питере, и мы с ним часто видимся и гуляем вместе [...]

О себе больше писать ничего не нахожу. Целую вас тысячу раз.

В. Суриков

1875

33. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Петербург]. 3 апреля [1875]

Милые мама и Саша!

Не беспокойтесь, я здоров как нельзя лучше. Теперь приступаю к работе на большую золотую медаль¹.

Когда получит Петр Иванович картину² мою, так вы ее посмотрите. В мае пошлю вам, мои милые, немного деньжонок.

Целую вас.

В. Суриков

34. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Питер. 29 июля [1875]

Здравствуйте, милые мама и Саша!!

Посылаю вам, мои родные, деньжонок. Недавно продал одну картинку за 150 рублей¹, так теперь есть лишние. Обо мне не заботьтесь. Работы идут успешно. На днях у меня был Геннадий Порфирьевич Орешников с женою. Они приехали с Кавказа, где лечились. Собираюсь к ним сходить. Посылаю вам еще мою карточку, говорят, что очень похожа.

Ну, прощайте, мои родные. Тороплюсь. Сейчас будут профессора у меня².

Целую вас.

В. Суриков

Р. S. Думаю, что деньжонки дойдут как раз к Сашиним именинам.

1876

35. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

*[Петербург. Март 1876]*¹

Здравствуйте, милые мамаша и Саша!!

Простите, что долго не писал, все занимался и все откладывал да откладывал, целых три месяца. Я все беспокоюсь, мама, есть ли у вас постояльцы. Если нет, то, Саша, бога ради, напиши. Вы, может, большую нужду терпите? Занимаешься ли ты, Саша? Обстоятельно напиши. Про себя скажу, что, может, поеду за границу². Не знаю, когда только — летом или к зиме, осенью. Хотелось бы побывать у вас, родные. Может быть, и улучу время. Живу ничего, ладно, недостатков нету. Работы много. Скажи маме, что себя не изнуряю работой, все делаю с охотой. Я думаю, у мамы и у тебя не было теплой обуви. У мамы все еще ноги ноют, должно быть. Я теперь получил от Петра Ивановича письмо, поздравлял с Новым годом. Я ему написал письмо. Обо мне не беспокойтесь — живу как следует. Как только заработаю деньжонок, то пришлю побольше.

Целую вас, мои милые. Напиши, Саша, как ваши дела-то с мамой. До свидания.

В. Суриков

Я, мама, уже теперь с января месяца не стал получать от П. И. Кузнецова содержания. Я сам хочу теперь самостоятельно работать. Я уже выучился хорошо рисовать. В ноябре я получил диплом на звание классного художника 1-й степени и вместе с тем чин коллежского секретаря. Конечно, дело, что чин мне не особенно нужен, но все-таки же я начальство, в спину могу давать! Вот ты и возьми меня! Вон оно куда пошло! Жду с нетерпением твоего письма, Саша. Как ты служишь и много ли гонорару получаешь?

36. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Питер. 25 июня [1876]

Здравствуйте, милые и дорогие мама и Саша!

Получил я от Кузнецовых ваши посылку и писулечку. Отличная салфетка! Кто это ее вязал? А наволочка так просто роскошь. Только молодым на такой спать. Носки как раз на мою ногу. В самом деле, я редко, мама, в Питере такие покупал, все как-то не впору. Я живу очень весело. Бываю почти на всех летних гуляньях. Днем работаю, а вечером меня уж никто дома не застанет. Деньжонки, хотя их немного, слава богу, не переводятся. Как только видишь, что они на исходе, сейчас и продашь какую-нибудь картинку или рисунок в журнал¹. Можно жить! Будет побольше, пошлю непременно. Меня страшно заботит, не терпите ли вы, мои дорогие, нужды? Живут ли постояльцы? Если вы мне и пишете, что

есть постояльцы, да я как-то не верю, все кажется, что вы меня не хотите беспокоить. Лучше всегда пишите правду. Я все-таки могу всегда помочь вам. Что, Паша, чай-то в Красноярске не вздорюжал? На будущий год, бог даст, вместе попьем. Целую вас, мои дорогие, 1 000 000 раз. Крестне Ольге Матвеевне, дяде Гавриле, Тане — поклон, Кудрявцевым Дарье Николаевне и Алене Николаевне, Авдотье Петровне Давыдовой.

В. Суриков

В Петербурге был Степан Дмитриевич Бабушкин; был у меня. В каждом письме у меня до полсотни поклонов, всем скажите.

1877

37. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Петербург. 22 апреля [1877]

Здравствуйте, мои дорогие мама и Саша!

Простите меня, что я долго не писал. Я все время был очень занят, да и теперь тоже, заказами, которые мне поручили¹. Мне нужно расписать стены в московском новом храме Спасителя. Дали очень трудные сюжеты, и именно: диспуты на вселенских соборах. Картина будет громадная — 7 аршин высоты и 5 аршин ширины. Их четыре надо написать.

Стало быть, придется по величине, если сравнить, расписать всю стену нашего дома, выходящую на Благовещенскую улицу, от тротуара до крыши! Если только не больше. Сроку дали на это полтора года.

Работу я порядком подвинул. К июню кончу контуры картин, а летом буду писать в Москве, прямо в храме на стене.

К маю 1878 года я должен кончить все работы и думаю, бог даст, приехать к вам погостить на будущий год.

Петр Иванович приехал ко мне на квартиру и передал вашу посылку. Мне носки как раз пришлись по ноге.

Карточку твою я долго рассматривал. Какой бравый молодец ты у меня! Настоящий казак! И усишки есть уже! Как мне охота посмотреть на вас обоих!

Есть ли чайшко-то у тебя, моя ненаглядная мамочка? Вот я посылаю вам немного деньжонок. Летом пришлю побольше, когда получу часть за работу. Мне Петр Иванович говорил, что ты, Саша, должен идти в военную службу, правда ли это? Напиши мне поскорее об этом.

Живут ли постояльцы у нас и сколько ты жалованья получаешь? Все, все напиши. Я, слава богу, здоров. Особенных новостей нет, кроме войны, о которой вы уже, наверное, знаете².

Напиши, Саша, не нуждается ли вы в чем, напиши откровенно, пожалуйста, о чем прошу писать в этом письме, напиши поскорее.

Целую, мамочка, Вас и Сашу.

Любящий вас В. Суриков

38. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 31 июля [1877]

Здравствуйте, мои дорогие мама и Саша!

Я получил ваши письма недавно. Я ездил из Москвы в Петербург и, бывши у Богданова, нашел их у него; они лежали около месяца. Ходили ко мне на квартиру, но я уже в то время уехал в Москву. Здоровы ли вы, мои родные? Я все время здесь занимаюсь распискою стен фресками. Одну картину и половину другой уже написал, доволен моею работою; думаю осенью кончить все четыре картины.

Ты, Саша, писал, чтобы поговорить с кем-нибудь о тебе касательно воинской повинности. Теперь нет никого в Москве влиятельных лиц; да и в Петербурге теперь, я думаю, не найти такого лица, которое могло бы. Теперь война, так трудно помочь этому делу. Что делать, должно быть, придется тебе пройти по дороге наших с тобою прадедов. Не знаю, в случае крайней необходимости как бы и меня не взяли в военную службу; да я занят казенными работами, так едва ли, — человек нужный им. А здесь только о войне и толкуют. Трудно надеяться, но осенью, когда все возвратятся в Питер, то я поговорю о тебе. Мама, я думаю, плачет; не нужно, мама, плакать — тут ничего страшного нет, разве что Саша денег не будет получать, то я помогу вам, мои родные, всем, чем могу. Живут ли жильцы? — напишите, а если нет, то я вышлю денег. Осенью, бог даст, получу деньжонок, то непременно пошлю.

Целую вас.

В. Суриков

Бумаги нет. Через неделю или две непременно напишу опять. Адрес мой: в Москву, у Пречистенских ворот, дом Осиповского, квартира № 9.

39. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 10 октября [1877]

Здравствуйте, милые и дорогие мои мама и Саша!

Я все еще живу в Москве и работаю в храме Спасителя. Работа моя идет успешно. Думаю в этом месяце кончить¹. Жизнь моя в Москве очень разнообразная — днем работаю или иногда хожу в картинные галереи. Видел картину Иванова «Явление Христа народу»², о которой, я думаю, ты немного слышал. На днях ходил на Ивана Великого, всю Москву видно, уж идешь, идешь на высоту, насилу выйдешь на площадку, далее которой не поднимаются. Тут показывают колокола в 200 пудов и даже в 300 пудов, 400 пудов и до 1500 пудов, а в 8 000 пудов звонят только в 1-й день пасхи — такой гул, что упаси бог. Я думаю, в Красноярске услышат! Подле колокольни Ивана Великого на земле стоит колокол в 12 000 пудов. Он упал лет 100 назад с колокольни и ушел в землю по самые уши, и выломился бок. Вот вид колокола и рядом человек и Царь-пушка³.

Потом ходил в Архангельский собор, где цари покоятся до Петра Великого. Тут и Дмитрий Иванович Донской и Калита, Семен Гордый, Алексей Михайлович, Михаил Федорович; Иван Васильевич Грозный

лежит отдельно в приделе, похожем на алтарь. Рядом с его гробницей лежат сыновья его. Один убитый Грозным же, потом в серебряной раке лежит Дмитрий Углицкий, сын Грозного, убитый по повелению Бориса Годунова. Показывается рубашка, в которой его убили, и на ней и носовом платке его видны еще следы крови в виде темных пятнышек. Прикладываются к его лобку, который открыт, — кость лба его уже потемнела. Был в Успенском соборе, где коронуются цари. На днях ездил с товарищем в Троицко-Сергиеву лавру; помнишь из истории тот монастырь, где от поляков монахи отбивались и откуда Авраамий Потылицын грамоты по России рассылал? ⁴ Был в скиту под землею, где монахи-затворники жили. Узкие проходы такие, едва человеку можно пройти; очень много интересного. Вот если б тебя, Саша, бог привел побывать здесь. Да, может быть, и побываешь. Что, милая моя, дорогая мамочка, как поживаете? Хочется мне увидеться с вами. Есть ли чай-то у дорогой моей? Что у нее, еще побольше морщинок стало? Саша, купи маме теплые сапоги. Есть ли теплая шубка у мамы? Если нет, то я пришлю еще деньжонок. Бог даст, если хорошо кончу работу, приеду повидаться с вами. Кланяюсь всем.

Целую вас, мои дорогие.

В. Суриков

Адрес мой: у Пречистенских ворот, дом Осиповского, квартира № 9.

40. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 1 декабря [1877]

Милые мама и Саша!

Я, слава богу, здоров. Живу еще в Москве и работы мои кончаю. Что вы долго мне не пишете, здоровы ли вы? Как, Саша, поживаешь? Что — в военной или статской службе?

Напишите мне, что нового у вас в Красноярске.

Здесь очень важная новость — наши в Турции Плевну ¹ взяли. Такое торжество и в Москве и в Петербурге.

Я на днях был в Петербурге. Остановился в гостинице. Вдруг, вечером, смотрю в окно и вижу, что Невский проспект освещается то зеленым, то красным огнем; что за чудо? Уж не государь ли приехал из Турции? Вышел на улицу, народ ревет повсюду «ура», извозчики, дамы, все гуляющие на Невском кричат «ура». Оказывается, что пришла телеграмма о взятии Плевны. Мне страшно весело стало, и я давай кричать «ура», и кричал так же, как и Черняеву, когда он был на вокзале железной дороги. Славное лицо у Черняева, черные глаза так и горят ².

В плен взяли 60 000 турок и Сулеймана-пашу. Государь, говорят, обедал в Плевне. Впрочем, еще нет официальных известий с подробным описанием взятия Плевны.

Мамаша здорова ли, есть ли у нее чаек-то? Пусть мамочка купит себе теплые сапоги; я непременно велю тебе, Саша, заботиться о маме; ведь ты ближе, видишь ее и знаешь, есть ли у нее теплое одеяние.

Бога ради, позаботься, Сашенька, о маме. Я, по всем вероятиям, буду это лето у вас, мои милые. Теперь покуда посылаю вам немного деньжонок к празднику. Не знаю, дойдут ли к рождеству. Напиши, Саша, обо всем, живут ли постояльцы — это самое главное. Поклон крестной и всем. Дяде Гавриле Федоровичу поклон. Вот что: не пошлете ли вы с попутчиком или по почте, смешно сказать, сушеной черемухи?!! Хоть немного, фунта 2 или 3? Здесь все есть: и виноград, и апельсины, и сливы, и груши, а ее, родной, нет!!! Пошлите, если можете.

Целую вас 1 000 раз. Пиши.

В. Суриков

Адрес мой: по Остоженке, дом № 215 Чилищева, Пречистенской части, меблированные комнаты, в № 46.

1878

41. С. В. ДМИТРИЕВУ ¹

[Москва. 1878]

Семен Васильевич!

Я кончил мои работы, и мне очень желательно, чтобы Вы посмотрели их и сказали о них Ваше мнение и что где поправить.

Я слышал, что в эту субботу будут осматривать вообще работы, но мне без предварительных Ваших, Семен Васильевич, замечаний, не хотелось бы подавать прошение ².

Искренне уважающий Вас Василий Суриков

42. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва. Декабрь 1878]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Простите меня, что я так долго не писал вам. Теперь я живу в Москве ¹. Работы в храме кончил это лето и теперь остался в Москве писать картину из стрелецкого бунта. Думаю эту зиму кончить ее ². Живу ничего, хорошо, здоров. Как-то вы поживаете, мои дорогие? Мама, здоровы ли Вы? Я давно не получал от Вас известия.

Что, как, Саша, ты теперь — воин или штатный? Ты когда-то писал, что в ноябре будет опять выбор на службу. Напиши об этом. Живут ли квартиранты вверху? Что нового в Красноярске, нет ли каких перемен? Здесь ли Кузнецовы теперь и Иннокентий Петрович? Напиши, где они.

Сижу сегодня вечером и вспоминаю мое детство. Помнишь ли, мамаша, как мы в первый раз поехали в Бузим, мне тогда было пять лет. Когда мы выехали из Красноярска, то шел какой-то странник; сделает два шага да перевернется на одной ноге. Помните или нет? Я ужасно живо все помню! Как потом папа встретил нас за Погорельской поскотиной ³. Как он каждый день ходил встречать нас. Приехавши в Бузим, мы остано-

вились у Матониных. Как старуха пекла калачи на поду и говорила: «Кушай, кушай, Вася, поще не ешь?». Евгению помню у Нартова, что была. Помню Людмилу и Юлию Петровну Стерлеговых; помню, что Юлий я сказал, зачем много железа в волосах. И много, много иногда припоминаю.

Не нуждаетесь ли в чем, мои родные? Есть ли у тебя, мама, теплое платье и сапоги зимние? Напишите.

Вы спрашивали меня насчет земельного акта, то если он вам быть нужен, то я вам пошлю со следующей почтой.

Посылаю вам немного денег. Я, слава богу, здоров. Пишите почаще.

Адрес мой: Москва, на Плющихе, дом Ахматова, № 20-й

Любящий вас В. Суриков

1879

43. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 3 мая 1879

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Я получил ваше письмо, случайно зашедши на старую мою квартиру. Меня порадовало то, что ты, Саша, подвинулся вперед по службе. Думал, что это лето придется съездить к вам, но у меня начата большая картина, и ее нужно целое лето писать¹. Но уж зато [на будущий год], если бог даст здоровье, непременно приеду к вам, мои дорогие.

Сегодня утром стою и смотрю на ту сторону, где наша Сибирь и Красноярск. Так бы и полетел к вам. Но, бог даст, увидимся. Лишь бы мамочка жива и здорова была. Что твой чаечек, мама, и *печеное яблочко твое*? Я так бы его и поцеловал. Саша, нельзя ли ваши карточки послать мне?

Кузнецовы, Авдотья Петровна и сестра ее Юленька, будут в Красноярске к лету. Она [Авдотья Петровна] обещалась привезти из Красноярска шапку какую-то для картины моей². Вот что, мама: пришлите мне с ней [немного?] сушеной черемухи. Тут есть и апельсины и ананасы, груши, сливы, а черемухи родной нету. Еще пишу, Саша, что Лизавета Ивановна послала мне письмо с А. Ф. Кузнецовой, в котором просит какого-то наследства и что Капитон Филиппыч умер. И что всего более меня удивило, что она свое письмо послала незапечатанным и все его читали. Ужасно глупо. Напиши мне, Саша, о ней что-нибудь. Чего она хочет?

Бумагу все не могу собраться послать тебе. Что она очень нужна тебе? Не было из Думы запроса? Напиши, пожалуйста.

Я с грустью прочел твое известие о смерти Сережи. Многое мне вспомнилось. Царство ему небесное. Пиши побольше, Саша. Целую вас, мои дорогие.

В. Суриков

Адрес мой: в Москву, на Плющихе, дом Ахматова.

1880

44. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 25 февраля 1880

Мамаша и Саша!

Я был очень болен от простуды. Было воспаление легких. Слава богу, прошло, поправляюсь. Лиза и дочка Оля здоровы¹ и вам кланяются и целуют вас.

Здоровы ли вы, напишите.

Ваш В. Суриков

45. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 24 апреля 1880

Милые мама и Саша!

Мама, не беспокойтесь обо мне, я здоров, не заботьтесь обо мне. Все время болезни моя милая жена не отходила от меня. Это лето я думаю быть в Самаре-городе, чтобы тамошним воздухом подкрепить себя. Вот что, милая мама: когда будет ягодная пора, то приготовьте мне лепешечек из ягод; они на листиках каких-то как-то готовятся. Я ел их еще в Бузиме, у старухи какой-то. Из красной, черной смородины, особенно черники и черемухи. Я вышлю в будущем месяце на это деньжонок. Лиза и Оля и я кланяемся и целуем вас.

Ваш Василий Суриков

Карточку твою я, Саша, получил.

46. А. И. СУРИКОВУ

Самара. 12 августа 1880¹

Саша!

Я и тебе посылаю карточку Оли, снятую в другом виде. Ей теперь год и 11 месяцев. Вот твоя племянница. Бог даст, свидитесь в натуре.

Напиши, как поживаешь, хорошо ли служишь? Мама не нуждается ли в чем? Я хотел карточку послать в одном конверте с мамой, да не входит.

Жена кланяется. Оля целует всех, как и я. Я здоров совсем. Кумыс очень помог мне. Жаль, что я вовремя не послал денег на черемуху. Если тебе не будет трудно послать черемуху и лепешки из ягоды, то я вышлю тебе деньги непременно с первой же почтой.

Будь здоров. В следующий раз, когда приеду в Москву, напишу более. А теперь тороплюсь на почту отдать письмо. Адрес мой прежний же, у мамы в письме он написан.

Весь твой В. Суриков

47. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 22 октября 1880

Милые мои мама и Саша!

Я теперь уже в Москве. Живу на хорошенькой квартире, окнами прямо на бульвар¹. Кончаю большую картину из стрелецкого бунта. Бог даст, весною кончу. Я очень рад, что мама нашла, что Оля на меня похожа, когда я маленький был. Скоро я с Лилей снимусь и пришлю вам. Здоровы ли вы, напишите мне. Саша, заприметь на базаре, в каких шапках наши мужики ходят зимой, и кое-как нарисуй мне приблизительно. Мне нужно это². Насчет ягод, то ты мне черемухи не присылай, мне и этой хватит на зиму. А других, пожалуй, пришли, если случай будет. Ты мне что-то об этом писал? Только не трать денег, пришли с попутчиком. Я тебе, когда подморозит, то пошлю яблок. Не нуждаетесь ли вы, мои дорогие? Я пошлю тогда деньжонок. Мамочка тепло ли одета и ты, Саша? Почем у вас дрова березовые сажень и мяса фунт? В Москве 9¹/₂ рублей за березовые сажень. Пиши. Целую вас.

В. Суриков

Жена кланяется, и Оля целует вас.

Р. S. Живут ли у вас постояльцы. Да? Напишите мне. Что, говорят, муж Марии Михайловны Раевской³ получил большое наследство? Правда ли это и где теперь Мария Михайловна? Я сегодня нашел ее акварельный портрет, так и вспомнил. Где Кузнецовы, Катерина Михайловна и Александр Петрович и Иннокентий? Будут ли они в Питере нынешний год?

Твой Вася

48. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва. Конец 1880]

Милые мама и Саша!

У нас были Черепановы Лариса и Николай Петрович. Я купил на платье и платок Вам, мама, а они обещались взять посылку, да и надули. Лиля два раза заезжала к ним в гостиницу, а они не дожидались ее, а потом взяли да уехали. Свинство!..

К несчастью, у нас кухарка ушла и няня в то время, когда они были. Так я думаю, они сплетничать будут, что мы без прислуги живем. От них всего жди. А на другой же день мы новую прислугу наняли.

Я, слава богу, совсем здоров, и Лиля, и Оля. У нас еще маленькая есть. Леночкой зовут¹. Такая хорошенькая. Денег не присылайте. Без нужды живем. Еще вам пошлем к лету, бог даст.

Один платок есть, крестной Ольге Матвеевне, нужно ей отдать, а то подумает, что я ее совсем забыл. Поклонитесь ей от меня. Лариса говорит, что ты, Саша, писцом. Правда ли это? Старайся повыше подняться. Да, я думаю, это трудно достается. Не болит ли грудь у тебя, Сашенька? Берегись, дорогой.

Ваш В. Суриков

Мама отличную шапку прислала. Ведь это треух? Спроси маму. Лиза и Оля кланяются вам.

1881

49. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 17 января 1881

Милые мама и Саша!

Посылаю Вам, мама, материю на платье (16 аршин) и платок, а тебе, Саша, галстук самый модный. Я, слава богу, здоров. Лиля и Оля вас целуют.

Любящий вас В. Суриков

Крестной Ольге Матвеевне тоже платок послал. Лариса Петровна Черепанова все посылки отдаст.

50. Н. А. АЛЕКСАНДРОВУ

[Май 1881]

Николай Александрович!

Покорнейше прошу Вас сделать *неприменно* опровержение в следующем номере (5-м) Вашего журнала насчет моего происхождения от ссыльных стрельцов¹. Откуда Вы это слышали?

Я действительно происхожу родом просто-напросто из *местных сибирских казаков*, но никоим образом не от ссыльных стрельцов.

Будьте добры, исполните мою просьбу и ответьте о получении этого письма.

Уважающий Вас В. Суриков

P. S. Получили ли Вы мое письмо о костюмах?

51. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Станция Люблино
Московско-Курской ж. д.,
дер. Перерва. Лето 1881]

Милые мама и Саша!

Я, слава богу, здоров, как и семья моя. Живу я теперь около Москвы, на даче. Место хорошее. Гулять и работать можно вдоволь. Как я рад, что нас бог спас от пожара в Красноярске.

Кузнецова Александра Петровича и Катерину Михайловну я видел в Москве. Картину свою я, мамочка, продал за 8 000 рублей в галерею Третьякова¹. Только вы не рассказывайте никому много об этом. Живу безбедно с семьей. Думаю новую картину начать на даче². Я буду жить до сентября, так что вы еще успеете мне написать.

Адрес мой: станция Люблино, деревня Перерва, по Московско-Курской железной дороге. Лилия, Оля вам кланяются. Леночка здорова. Целую вас, мои дорогие.

В. Суриков

Посылаю вам карточку Лили, жены моей. Только не очень она удачно вышла³.

1882

52. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 28 июня 1882

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Я все беспокоюсь, получили ли вы 200 рублей, которые я вам послал 2 мая из Москвы, вы должны бы получить в Красноярске 25 мая, и мне ответ уже получить 25 июня, даже раньше — 22-го числа, а сегодня 28-е, и ответа нет. Будь добр, ответь, Саша. Я еще тебе телеграмму послал 2-го же мая о том, что деньги двести рублей тебе высланы. Я, слава богу, и семья здоровы. Я получил за работы в храме Христа Спасителя орден св. Анны третьей степени и золотую медаль на Александровской ленте для ношения на груди. Теперь хочу писать новую историческую картину¹. На днях еду с семьей в деревню на два месяца, а ты письмо напиши.

Москва, ее высокоблагородию на имя Юлии Михайловны Михайловой, Zubовский бульвар, дом Вагнера В. И., для передачи Сурикову. Она домовая хозяйка. Вот еще что, мама: заготовьте сушеных лепешечек из черники побольше. А черемуху как сорвешь сама, так и пошли, чтоб не очень засохла. Все вместе и пошлите. Напиши, как дела по постройке крыши на дом? О получении денег сейчас же напиши по получении этого письма.

Остаемся живы и здоровы. Кланяемся Вам и целуем Вас, мама.

В. Суриков

1883

53. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва. 1883]¹

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Простите, что я долго не писал вам. Вы, я думаю, беспокоились обо мне. Но я, слава богу, здоров и вся моя семья. Раньше я не мог послать деньжонок, а теперь имею полную возможность, не обременяя себя, послать вам их. Ты, Саша, распорядись покупкою леса осторожно, через знающего это дело человека, сухой чтоб лес был. Напиши обо всем мне. Я думаю на даче жить, так я тебе по приезде туда дам адрес свой. Это лето едва ли возможно мне будет побывать у вас, но вот что, мамочка: я уж на будущее *непрерывно, непрерывно* буду у вас со всей семьей², потерпите и не плачьте, увидимся, только берегите свое здоровье. Может быть, и нынешнее лето увидимся, все зависит от обстоятельств. Будьте здоровы. Напиши, Саша, обо всем. Целую вас всех. Увидимся, увидимся скоро. Я сам-то страсть как желаю повидать вас, мои дорогие. Пиши, Саша.

Твой Вас. Суриков

54. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ ¹*[Москва]. 4 мая 1883*

Павел Михайлович!

Я согласен уступить Вам мою картину за предложенную мне Вами цену ².

Уважающий Вас В. Суриков

55. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

[Москва]. 16 мая 1883

Две тысячи пятьсот рублей (2 500 руб.) получил.

Василий Суриков

56. Н. С. МАТВЕЕВУ ¹*Париж. 14/26 октября [1883]*

Ну, вот мы и в Париже. Живем здесь уже больше недели ². Остановливались три дня в Берлине и двое суток в Дрездене. Осматривали там картинные галереи. Описывать достопримечательности будет длинно, но из картин меня удивили в Дрездене Веронеза вещи ³ и в Берлине одна вещь — это Рембрандта небольшая картина, удивительная по тону ⁴. У «Сикстинской мадонны» в Дрездене мне понравились глаза, рот богоматери и голова св. Варвары.

Здесь в Париже трехгодичная выставка ⁵, более 2 000 номеров. Нравится мне Рошгросса ⁶ «Андромаха», хороша по общему тону.

Портретов выдающихся нет *, но зато есть пейзажи Добиньи ⁸. Есть еще историческая картина Брозика ⁹ «Суд над Иваном Гуссом». Колоссальная вещь по размеру, но сухо написана вся, исключая осуждающего прелата, — у него белая риза (одна только и есть) написана широко и довольно колоритно.

Такая масса, что всего не упомнишь, а для скульптуры (в которой нет ничего замечательного) отведена площадь с Зубовский бульвар наш. Целый сад. Сверху удивительный вид ¹⁰.

Чудные вещи — жанры де-Нитиса ¹¹ и Бастьен-Лепажа ¹². Его «Женщина картофель собирает» («Октябрьский сезон» называется). Живая стоит. Много вообще декоративных вещей, колоссальных размеров. Есть еще Беккера Карла ¹³ «Умиравшая христианка», стрелами пронзенная, с лестницы падает. Уж не вашего ли это знакомца? Слишком серо, но композиция недурная. Есть еще цветы и бараны, написанные с большим воодушевлением на саженных холстах ¹⁴. Тут чего хочешь, того просишь. Разнообразие великое.

Я Вам всего не могу описать, но приеду — расскажу. Движение страшное по улицам, когда хорошие дни выпадают. К сожалению, часто идут дожди, тогда ужасно скверно в Париже.

* Впрочем, один мне нравится. Это Фриана ⁷, профиль отдыхающего живописца. Цвет живописи хороший. Вылеплено сильно. (Примеч. Сурикова).

Лиля вам всем кланяется, и я тоже. Дети здоровы. В Берлине их поразила великанша Марианна. Вот рост-то! «Ахт фус, цвей соль»¹⁵, как она сказала. Оля и Лена называли ее: «Тетя золотая». Кланяемся дяде золотому. Тороплюсь. Все в Лувр хожу, не могу еще всего осмотреть. От меня версты три будет. Мы живем около Елисейских полей; наш адрес: Rue des Acacias, № 17, chez Madame Mitton, для передачи нам. Мой поклон и Лили Вере Егоровне, Юлии, Елене и Анне Сергеевнам, братьям Вашим.

Ваш В. Суриков

Мой поклон Богатову¹⁶.

Будьте добры, спросите у Вагнер (бывшая наша квартирная хозяйка), не приносили ли повестки из Сибири. Если приносили, то придется прислать сюда в Париж, для засвидетельствования подписи моей и доверенности на Ваше имя на получение посылки. Если есть письма, то тоже нельзя ли прислать их сюда?

57. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

Париж.
29 октября/10 ноября [1883]

Павел Михайлович!

Вот уже три недели, как я живу в Париже. Был на выставке несколько раз. Вы мне говорили, что она будет открыта до 18 октября, *но ее отложили* еще до 15 ноября. Громадная масса вещей, из которых много декоративных. Они меня вначале страшно шарахнули, ну, а потом, поглядевши на них, декорации остались декорациями. Это бы ничего, да все они какие-то мучно-серые, мучнистые. Из картин мне особенно понравились живо и свежо переданные пейзажи де-Нитиса. Ни манеры, ни предвзятости, ничего нет. Все неподдельно искренно хвачено. И цвета чудесные, разнообразные у Нитиса. А рыбы Жильбера¹ — чудо что такое. Ну совсем в руки взять можно, до обмана написано. Я у Воллона² этого не встречал. Он условный тон берет. «Женщина, собирающая картофель» Бастьен-Лепажа тоже как живая и по тону и по рисунку; я иногда подолгу пред ней стою. И все не разочаровываюсь. Что за прелесть стадо овец Вайсона, в натуру, страшно сильно написано. Хороша по тону картина Рошгросса «Андромаха». Хотя классическая вещь, но написана с воодушевлением. Я лучшей передачи Гомера в картине не видел. Другая историческая громаднейшая картина Брозика «Суд над Гуссом» мне не понравилась. И тон и композиция условны: взяты не с натуры фигуры, оттого и скучно. Или, может быть, еще оттого, что картина огромная, а цвета натурального нет, хотя лица есть и с выражением. Вообще по исторической живописи ничего нет нового и захватывающего. Но что есть еще хорошего, то это цветы, *nature morte* и пейзажи. Из жанра мне нравится Даньяна³ «Оспопрививание». Немного фарфоровато, но цвет и рисунок хороши. У Сергей Михайловича лучшее произведение этого симпатичного художника, там и упомянутого недостатка нет. Из портретов хорош Фриана, а остальные сухи и неколоритны. Вообще выставка отличается более декоративной внешностью, снешностью, что меня сильно

вначале разочаровало. Смысла много не найдешь. То же и в скульптуре: там все голые бессмысленное и даже некрасивое, формальное.

Какие чудные есть рисунки пером, тушью. А в архитектуре порадовали меня рисунки терм Каракаллы. Ходил несколько раз в Лувр; там, как я и думал, понравились мне Реньо⁴. Веронеза «Брак в Кане» меня менее поразил, нежели «Поклонение волхвов» его же в Дрездене. То меня с ума свело. В Берлине: Бегаса⁵ скульптура и Рембрандта «Женщина у постели»⁶ оставили то же во мне впечатление. Но я скажу, что нам нужно радоваться, что у нас есть Эрмитаж, где собрание картин в тысячу раз лучше, нежели у французов.

Не думаю долго оставаться в Париже. Поеду в Италию на зиму и весну. Здесь как-то холодно. Все дрожу. Вначале так все в комнате в шляпе и пальто сидел, а теперь немного полегше, попривык. Думаю еще Вам написать поподробнее о других своих впечатлениях. Пойду завтра в Notre Dame. Очень уж любопытно. Был вчера в опере. Шел «Генрих VIII» Сен-Санса. Боже мой, какие декорации, вкуса сколько и простоты! Костюмы на сцене все не яркие, а все по тону всей залы. Ужасно мне понравилось. И музыка-то под сурдинку, кажется. Балетная часть тоже на какой высоте стоит! Весело живут парижане, живут, ни о чем не тужат, деньги не падают по курсу, что им!

Кстати, я, Павел Михайлович, говорил Вам о деньгах⁷, бывши в Москве. Мне покуда не нужны они, так что, может быть, до приезда домой и не потребуются мне, а уж если наоборот, то вышлю свой подробный адрес; мой же теперь: Rue des Acacias № 17, chez Madame Mitton. Если вздумаете написать мне, то по нему, так как я недели две-три проживу в Париже. Нет ли новостей каких-нибудь по части искусства? Я здесь ничего не ведаю о нем, так как с художниками еще не познакомился.

Посылаем наш поклон Вам и Вере Николаевне⁸ и всем вашим. Я еще надеюсь написать Вам о других моих впечатлениях.

Уважающий Вас В. Суриков

О выставке здешней припомню все, так тоже еще напишу.

58. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Париж. 4/16 ноября 1883

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Я в настоящее время живу в Париже, вот уже целый месяц. Останусь здесь недели две, а потом поеду в Италию и возвращусь, бог даст, в апреле в Москву.

Если бы ты знал, какая тут суматоха в Париже, так ты бы удивился. Громадный город с трехмиллионным населением, и все это движется, говорит, не умолкая. Я сюда приехал с семьей, устроились в небольшой недорогой квартире. Меня, собственно, заинтересовала художественная выставка за целые 5 лет французского искусства. Масса картин помещается в здании почти в половину нашей Новособорной площади в Красной площади. Сколько здесь магазинов-то — ужас, под каждым домом

по несколько магазинов! Особенно они вечером ослепляют блеском своим. Все это освещено газом и электричеством.

Был проездом в Берлине, Дрездене, Кельне и других городах на пути в Париж. Останавливался там тоже по несколько дней, где есть картинные галереи. Жизнь уж совсем не похожа на русскую. Другие люди, обычаи, костюмы — все разное. Очень оригинальное. Хотя я оригинальнее Москвы не встретил ни одного города по наружному виду.

Так вот, Саша, за целые 9000 верст я от тебя. Не знаю, мечтаю попасть и в Красноярск летом. Уж начал ездить, так и домой приеду к вам. Милая мамочка, бог даст, увидимся? Только берегите здоровье. Очень рад, что ты, Саша, поправил дом. Я писал тебе, чтобы ты послал ягод, так если не послал еще, то и не посылай. Все равно без меня в Москве лежать будут. Пиши, Саша, в Рим, Италия, *Poste restante*, на мое имя, напиши по-французски. Будьте здоровы. Целую вас, Лиля и детки кланяются и здоровые.

Твой В. Суриков

Вот наш адрес. Пиши так: Roma, Italia, *Poste restante*.

59. М. П. БОТКИНУ ¹

12/24 ноября 1883

Михаил Петрович!

Квитанцию на получение следующих мне денег за акварель я получил ², за что Вам премного благодарен.

Выставка трехгодичная здесь закрыта уже 15 ноября. Из всей массы выставленных вещей было несколько поистине превосходных.

Осмотрел все музеи. Думаю теперь ехать в Италию. Увидимся, бог даст, (нрзб) весною. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш В. Суриков

60. Н. С. МАТВЕЕВУ

Париж. 18/30 ноября 1883

Николай Сергеевич!

Вы спрашивали меня насчет жизни в Париже, то на это я скажу, что квартиру (1 комнату) Вы можете нанять здесь, так как Вы одинокий, за 30—40 франков в месяц; на наши деньги это будет 12—16 рублей. Лиля говорит, что провизия здесь очень дорога (она сама покупает). Но я знаю одного человека, который платит по 7 франков в день со столом и квартирой (Rue de la Voëtil, Hôtel «Angleterre»). Вообще нужно, чтобы прожить в Париже очень скромно, по крайней мере, 200 франков в месяц (80 руб.). Это без красок, одежды и удовольствий.

Я, к сожалению, ничего не могу сказать Вам о Беккере, как человеку, а как художника вы его знаете сами.

Если уладите дело с ним, то за паспортом пойдите к генерал-губернатору, потом засвидетельствуйте его в германском посольстве (на Рождественском бульваре). Паспорт спросят в Эйдкунене (на границе), если

Вы поедете на Берлин. Если через Варшаву, то засвидетельствуйте в австрийском посольстве. На границе Франции и в Париже паспорта не спрашивают.

Мы думаем теперь ехать в Италию¹.

Поклон всем вашим. Выставка трехгодичная закрыта 15 ноября. Я думаю, теперь в Москве снег? А здесь еще цветы на улицах продают, трава в садах зеленая, яркая. Я днями хожу в летнем пальто. Тут по большей части ходят в одних сюртуках. Ну, до свидания.

Ваш В. Суриков

Поклон вашим всем. Я пробуду в Париже до 15 декабря нового стиля.

61. П. П. ЧИСТЯКОВУ¹

[Париж. Конец декабря 1883]

Павел Петрович!

Странствую я за границей вот уже три месяца. Живу теперь в Париже. Приехал я сюда посмотреть 3-годишнюю выставку картин французского искусства. Встретил я на ней мало вещей, которые бы меня крепко затащили. Общее первое мое впечатление было — то это удивление этой громадной массе картин, помещенных чуть ли не в дюжине больших зал. Куда, думал я, денутся эти массы бессердечных вещей? Ведь это по большей части декоративные, писанные с маху картины, без рисунка, колорита; о смысле я уже не говорю *. Вот что я сначала почувствовал, а потом, когда я достаточно одурел, то ничего, мне даже стали они казаться не без достоинств. Но вначале, боже мой, как я ругал все это в душе, так все это меня разочаровало...

Но, оставив все это, я хочу поговорить о тех немногих вещах, имеющих истинное достоинство. Возьму картину Бастьен-Лепажа «Женщина, собирающая картофель». Лицо и нарисовано и написано как живое. Все написано на воздухе. Рефлексы, цвет, дали, все так цельно, не разбито, что чудо. Другая его вещь, «Отдых в поле», слабее. Понравились мне пейзажи и жанры де-Нитиса: кустарник, прямо освещенный солнцем, тени кое-где пятнами. Широко, колоритно, разнообразно хвачено. Его же есть какая-то площадь в Париже²: тоже солнце en face. Колорит его картин теплый, пористый, мягкий (писано будто потертыми кистями), в листве тонкое разнообразие цвета. Видно, писал, все забывая на свете, кроме натуры пред ним. Оттого так и оригинально. Да, колорит — великое дело! Видевши теперь массу картин, я пришел к тому заключению, что только колорит вечное, неизменяемое наслаждение может доставлять, если он непосредственно, горячо передан с природы. В этой тайне меня особенно убеждают старые итальянские и испанские мастера.

Были на выставке еще пейзажи южного моря ярко-голубого цвета — это Монтенара³. У него только форма слаба. Большой пейзаж с кораблем, должно быть, прямо и схватил с натуры, нарвал сгоряча на большом холсте.

* Я уже писал в Россию, что они мутно-серого цвета, глинисты. (Примеч. Сурикова).

Хороши рыбы Гиберта ⁴. Рыбья склизь передана мастерски, колоритно, тон в тон замешивал. Говорили, что Воллон — мастер этого дела, но ведь он этих рыб пишет в каком-то буровато-коричневом мешаве, и рыбы склизки, да и фон-то склизкий. А ничего нет несчастнее в картине, как рыжевато-бурый тон. Это картину преждевременно старит, несмотря ни на какое виртуозное исполнение.

Удивили меня бараны Вайсона, написаны в натуру прямо на воздухе; чудесно передана рыхлая шерсть; тут есть и форма и цвет не в ущерб одно другому, совсем живые стоят... Рядом с этим живьем и Кабанеля ⁵ разные Федры и Иаковы: все это «поздней осени цветы запоздалые». Нужно бы думать, что со времен Давида ⁶, Гро ⁷ и других классиков люди, взгляды на жизнь страшно изменились, а их еще заставляют смотреть на мертвечину. Из всей этой школы один Жером ⁸ совсем еще от жизни не отрешался. Конечно, он писал много картин из старой, античной жизни, но у него частности картин всегда были навеяны жизнью. Помните его картину — гладиатор убивает другого? Эти поножи на теле, котурны и теперь можно встретить на слугах парижских извозчичьих дворов, где они кареты обмывают, чтобы не замочить ноги, так они из соломы котурны надевают. А ковры, висящие у ложи весталок, я тоже каждый день вижу вывешанные из окон для просушки, и изломы те же, как у него на картине *. Оно и понятно, хотя не по этим признакам, какие я здесь выставил, французы, как народ романский, имеют свойство и склонность ближе и точнее изображать римскую жизнь, нежели художники других наций. Хотя русские по своей чуткости и восприимчивости могут и чужую жизнь человечно изображать.

На выставке я, конечно, картин с затрагивающим смыслом не встречал, но французы овладели самой лучшей, самой радостной стороной жизни — это внешностью, пониманием красоты, вкусом. Они глубоки по внешности. Когда посмотришь на материи, то удивляешься этому бесконечному разнообразию и формы и цвета. Тут все будто хлопчут, чтобы только все было покрасивее да понаряднее. Конечно, это только по внешности я сужу. Со внутреннею стороною жизни я не имел достаточно времени ознакомиться, но из всех современных народов французы сильно напоминают греков своею открытой публичной жизнью. Как там, так и здесь искусство развилось при благоприятных условиях свободы. То же мировое значение и языка, обычаев, моды. Климат тоже не суровый — работать в досталь можно. Что меня приводит в восторг, трогает, то это то, что искусство здесь имеет гражданское значение, им интересуются все — от первого до последнего, всем оно нужно, ждут открытия выставки с нетерпением. Для искусства все к услугам — и дворцы, и театры, и улицы, везде ему почет. Видишь церковь с виду, войдешь туда, там картины, а ладану и в помине нет...

Вначале я сказал, что картины французов меня разочаровали в большинстве. Я понимаю, отчего это произошло: художники они по большей

* В Риме, например, извозчики палец кверху поднимают в знак того, что они свободны. Все-таки еще можно встретить в жизни то, что у него в картинах. (Примеч. Сурикова).

части чисто внешние, но в этой внешности они *не так глубоки, как действительность*, их окружающая. Этот ослепительный блеск красок в материях, вещах, лицах, наконец, в превосходных глубоких тонах пейзажа дает неисчерпаемую массу материала для блестящего чисто внешнего искусства для искусства, но у художников, к сожалению, очень, очень редко можно встретить все это переданное во всей полноте.

На выставке есть картины Мейсонье⁹. Народ кучей толпится у них. Вы, конечно, знаете его работы достаточно. Эти, новые, несколько не отличаются от прежних. Та же филигранная отделка деталей, и это, по видимому, сильно нравится публике. Как же, хоть носом по картине води, а на картине ни мазка не увидишь! Все явственно, как говорят в Москве. Нет, мне кажется, что Мейсонье несколько не ушел дальше малохудожественных фламандцев: ван дер Хельста, Нетчера¹⁰ и других. Невыносимо фотографией отдает. Кружево на одном миниатюрном портрете, я думаю, он года полтора отделявал.

Из исторических картин мне одна только нравится — это «Андромаха» Рошгросса. Тема классическая, но композиция, пыл в работе выкупают направление. Картина немного темновата, но тона разнообразные, сильные, густые; вообще написал с увлечением. Художник молодой, лет 25. Это единственная картина на выставке по части истории (даже не истории, а эпической поэзии), в которой есть истинное чувство. Есть движение, страсть; кровь, так настоящая кровь, хлястнутая на камень, ручьи живые, — это не та суконная кровь, которую я видел на картинах немецких и французских баталистов в Берлине и Версале. Композиция плотная, живая. Есть еще одна историческая картина — Брозика — «Суд над Гуссом». Композиция условная, тона и яркие, но олеографичны. Фон готического храма не тот. Вон в Notre Dame, когда посмотришь на фон, то он воздушный, темно-серовато-лиловатый. А когда смотришь на окно-розу, то все цвета его живо переносятся глазом на окружающий его фон. Что за дивный храм! Внешний вид его вовсе не напоминает мрачную гробницу немецких церквей; камень светлее, книзу потемнее, и как славно отделяется он от светлой мостовой. Постройка вековая. Внутри сеть сводов, а снаружи контрфорсы не позволяют ему ни рухнуть, ни треснуть. Странно, все эти связки тонких колонок напоминают мне его орган, который занимает весь средний наос. Никогда в жизни я не слышал такого чарующего органа. Я нарочно остался на праздники в Париже, чтобы слышать его. В тоне его чувствуются аккорды струнных инструментов, тончайшего пианиссимо до мощных, потрясающих весь храм звуков... Жутко тогда человеку делается, что-то к горлу приступает... Кажется тогда, весь храм поет с ним, и эти тонкие колонки храма тоже кажутся органом. Если бы послы Владимира святого слышали этот орган, мы все были бы католиками...

Много раз я был в Лувре. «Брак в Кане» Веронеза произвел на меня не то впечатление, какое я ожидал. Мне она показалась коричневого, вместо ожидаемого мною серебристого, тона, столь свойственного Веронезу. Дальний план, левые колонны и группа вначале с левой стороны, невеста в белом лифе очень хороши по тону; но далее картине вредят часто

повторяющиеся красные, коричневые и зеленые цвета. От этого тон картины тяжел. Вся прелесть этой картины заключается в перспективе. Хороша фигура самого Веронеза в белом плаще. Какое у него жесткое, черствое выражение в лице. Он так себя в картине усадил, в центре, что поневоле останавливает на себе внимание. Христос в этом пире никакой роли не играет. Точно будто Веронез сам для себя этот пир устроил... и нос у него немного красноват; должно быть, порядком таки подпил за компанию. Видно по всему, что человек был с недюжинным самолюбием. Тициана заставил в униженной позе трудиться над громадной виолончелью. Другая его картина гораздо удачнее по тонам — это «Христос в Эммаусе». Здесь мне особенно понравилась женщина с ребенком (на левой стороне). Хорош Петр и другой, с воловьей шеей! Только странно они оба руки растопырили параллельно. Картина, если помните, подписана «Паоло Веронезе» краской, похожей на золото. Я не могу разобрать, золото это или краска.

Потом начинается мое мучение — это аллегорические картины Рубенса ¹¹. Какая многоплодливая, никому не нужная отсебятина. Я и так-то не особенно люблю Рубенса за его склизкое письмо, а тут он мне опротивел. Говорят, что это заказ. Из всех его картин в Лувре мне нравится одна голая женщина с светлыми волосами, которую крылатый старик под мышки на небо тащит; кажется «Антигона» ¹². Не знаю, придется ли мне увидеть такую картину Рубенса, где бы я мог с его манерой помириться.

Превосходна картина Гверчино ¹³ «Христос Лазаря воскрешает». Какой прелестный синеватый тон и руки у Христа! Помните? Мне очень нравится лицо у самого Гверчино на портрете, думающее, истощенное, глаза, ушедшие в себя. У него всегда в картинах есть душевное выражение, чего нельзя сказать про Веронеза, Тициана и других. Заботясь об одной внешности, красоте, они сильно напоминают греческую школу диалектиков до Демосфена. Эта школа тоже мало заботилась о мысли, а только блеском речи поражала слушателей. Итальянское искусство — искусство чисто ораторское, если можно так выразиться про живопись.

Мурильо ¹⁴ «Богоматерь с херувимами» хороша, но за ней облако очень желто-буро, чисто разбитый яичный желток: должно быть от времени испортилось. Я не верю, чтобы Мурильо это допустил. Херувимы внизу, уходящие в глубь неподобного голубого неба, превосходны: натура. Все они в рефлексе лиловатых облаков. Первопланый спереди, под ногами, чуточку не в тон, рыжеватый; налево херувимы условны. «Положение во гроб» Тициана ¹⁵ тоже мне нравится, только поддерживающий Христа смуглый апостол однообразен по тону тела — жареный цвет. Странность эта бывает у Тициана: ищет, ищет до тонкого разнообразия цвета, а то возьмет да одной краской и замажет, как здесь в апостоле, так и в Берлине «Христос и динарий» ¹⁶. Предлагающий динарий тоже, как и здесь, рыжей краской покрашен. Говорил мне кто-то дома, что Христос (берлинский) чудно нарисован, а между тем он сухими линиями рисован, например, нос его... Картину, видно, немцы прославили: совсем в их вкусе.

Что за прелесть по тонам портреты Веласкеза¹⁷ Марии Терезии (молоденькой) в широком рыжем парике и другой, Маргериты со светлыми волосами, — я всегда подолгу стою перед ними! Есть портреты Веронеза. Их совсем не отличишь по тону от тициановских, как и этого в Дрездене («Дама в белом платье со значком»)¹⁸ не отличишь по тону от Веронеза. Есть же истина в колорите. Заставить, например, Вандика¹⁹ и Веласкеза в одно время написать, положим, сухое белое лицо; они одинаково бы написали, потому что тона их — сама натура. Оттого их портреты так вековечно интересны. Можно потому только узнать их, что Вандик не писал испанцев, а Веласкез — голландцев и англичан. Один Рембрандт благодаря своему постоянному искусственному освещению *ни на кого не похож*.

В Берлине вся галерея составлена по большей части из выцветившихся старых мастеров. Или у немцев вкус таков, или денег на хорошие вещи пожалели. Но зато у них есть одна вещь, я ее никогда не забуду, — есть Рембрандта (женщина в красно-розовом платье у постели), такая досада — не знаю, как она в каталоге обозначена²⁰. Этакого заливного тона я ни разу не встречал у Рембрандта. Зеленая занавесь, платье ее, лицо ее и по лепке и цветам — восторг. Фигура женщины светится до миганья. Все окружающие живые немцы показались мне такими бледными и несчастными, и — прости мне, господи, согрешение — я подумал, что никогда немецкая нация не создаст такого художника, как Рембрандт. Да, за эту вещь многие и многие бы из нашего Эрмитажа вещей Рембрандта можно было бы отдать!..

Я хочу сказать теперь о той картине Веронеза в Дрездене, пред которой его «Брак в Кане» меркнет, исчезает по своей искусственности. Я говорю про «Поклонение волхвов». Боже мой, какая невероятная сила, нечеловеческая мощь могла создать эту картину! Ведь это живая натура, задвинутая за раму... Видно, Веронез работал эту картину экспромтом, без всякой предвзятой манеры, в упоении восторженном; в нормальном спокойном духе нельзя написать такую дивную по колориту вещь. Хватал, рвал с палитры это дивное мешаво, это бесподобное колоритное тесто красок *. Не знаю, есть ли на свете его еще такая вещь. Я пробыл два дня в Дрездене и все не мог оторваться от нее. Наконец, нужно было уехать, и я, зажмурив глаза, чтоб уже ничего больше по стенам не видеть, чтоб одну ее только упомянуть, вышел поскорее на улицу. Первый день все к этой картине тянуло, а на второй, когда мне нужно было ехать, я утром рано пошел до открытия музея...²²

1884

62. Н. С. МАТВЕЕВУ

Флоренция. 1 февраля 1884

Николай Сергеевич!

Я совсем было забыл, что еще рама для старика не готова¹. Будьте добры, отдайте ее Мо поправить поскорее, хоть кое-как, лишь бы жел-

* «Катерина Корнаро» Макарта²¹ — жалкое подражание этой картине Веронеза (Примеч. Сурикова).

того цвета у нее не было. Если можно, то выберите сами какой-нибудь цвет покрасивее. Скажите Мо², что я ему деньги отдам по приезде через 2 месяца, а то если у Вас найдутся лишние деньги, то отдайте ему, а я Вам вышлю. Он говорил, что может поправить за 10 рублей, так и не нужно ему больше давать, так как он хотел, кажется [за] 20 рублей заново отделать. А мне это все равно, лишь бы грязь да желтый цвет снять. Из Парижа мы выехали 24 января, пробыли проездом дня 4 в Милане. Осмотрел я Museo Brera³, собор, был в Teatro la Scala.

Шли «Гугеноты». Громаднейший театр. Теперь во Флоренции уже третий день. Вчера осматривал картины в Уффици⁴. Сейчас уже 10 часов, иду в Палаццо Питти⁵, говорят, уже открыт он. Поразил меня Флорентинский собор⁶ своим размером. Жаль, что он домами застроен. Здесь совсем почти лето. Отличный воздух, словно цветами пахнет. Флоренция мне больше Милана нравится. Послезавтра едем, наконец, в Рим...

Оттуда напишу Вам.

Исполните, Николай Сергеевич, мою просьбу. Из школы пусть заедут за картиной к Вам⁷. Если даль земли пожухла, то протрите. Кланяемся вашим всем. Мы все здоровы.

Ваш В. Суриков

63. Н. С. МАТВЕЕВУ

Рим. 10 февраля 1884

Николай Сергеевич!

Если Вам понадобится написать мне, то пишите по этому адресу: Roma, Via Quirinale, № 24, Secondo piano, presso la via delle Quattro Fontane, pittore Sourikoff (напишите точно). Нет ли новостей каких-нибудь? Напишите. Я здесь уже 5 дней. Страшная масса интересного для осмотра. Кажется, в месяц не осмотришь.

Иду в Ватикан сейчас. Св. Петра¹ уже видел; так же Колизей и Форум. Пантеон вчера не был открыт. Напишите, Николай Сергеевич, не прислали ли письма или посылки из Сибири? А что рама? Успеет ли Мове² ее сделать к сроку? Мы все, слава богу, здоровы. Шлем вашим поклон. Здесь очень жарко. Яркая зелень. Мы, я думаю, в Москве еще снег застанем. Не слыхали ли о передвижной выставке? Где она теперь путешествует?

До следующего письма.

Ваш В. Суриков

Папы еще не видел...

64. П. П. ЧИСТЯКОВУ

Вена. 17/29 мая 1884¹

Павел Петрович!

Дня три как я приехал из Венеции. Пошел я там в Сан Марко. Мне ужасно понравились византийские мозаики² в коридоре на потолке на правой стороне, где изображено сотворение мира. Адам спит, и бог держит

созданную Еву за руку. У нее такой простодушно-удивленный вид, что она не знает, что ей делать. Локти оттопырены, брови приподняты. На второй картине бог представляет ее Адаму; у нее все тот же вид. На третьей картине она прямо приступает уже к своему делу. Стоят они спиной друг к другу. Адам ничего не подозревает, а Ева тем временем получает яблоко от змея. Далее Адам и Ева, стоя рядом, в смущении прикрывают животы громадными листьями. Потом ангел гонит их из рая. На следующей картине бог делает им выговор, а Адам, сидя с Евой на корточках, указательными пальцами обеих рук показывает на Еву, что это она виновата. Это самая комичная картина. Потом бог дает им одежду: Адам в рубахе, а Ева ее надевает. Далее там в поте лица снискивают себе пропитание, болезни и проч. Я в старой живописи, да и в новейшей никогда не встречал, чтобы с такой психологической истиной была передана эта легенда. Притом все это художественно, с бесподобным колоритом. Общее впечатление от Св. Марка походит на Успенский собор в Москве: та же колокольня, та же и мощеная площадь. Притом оба они так оригинальны, что не знаешь, которому отдать предпочтение. Но мне кажется, что Успенский собор сановитее. Пол погнувшийся, точно у нас в Благовещенском соборе. Я всегда себя необыкновенно хорошо чувствую, когда бываю у нас в соборах и на мощеной площади их, — там как-то празднично на душе; так и здесь в Венеции. Поневоле как-то тянет туда. Да, должно быть, и не одного меня, а тут все сосредотачивается — и торговля и гулянье — в Венеции. Не знаю, какую-то грусть навевают эти черные, крытые черным кашемиром гондолы. Уж не траур ли это по исчезнувшей свободе и величии Венеции? Хотя на картинах древних художников и во время счастья Венеции они черные. А просто, может быть, что не будь этих черных гондол, так и денежные англичане не приедут в Венецию и не будет лишних заработанных денег в кармане гондольеров. На меня по всей Италии отвратительно действуют эти английские форестьеры. Все для них будто бы: и дорогие отели, и гиды с английскими проборами назади, и лакейская услужливость их. Подлые акварели, выставленные в окнах магазинов в Риме, Неаполе, Венеции, — все это для англичан, все это для приплюснутых сзади шляпок и задов. Куда ни сунься, везде эти собачьи, оскаленные зубы.

В Палаццо дождей я думал встретить все величие венецианской школы³, но Веронез в потолковых картинах⁴ как-то сильно затушевывал их, так что его «Поклонение волхвов» в Дрездене осталось мне меркою для всех его работ, хотя рисунок здесь лучше, нежели во всех его других картинах. Он эти потолки писал на полотне, а не прямо на штукатурке, и, должно быть, не рассчитав отдаления, сильно их выработал. Смешно сказать, они мне напоминают Нефа⁵, это он мне подгадил впечатление: точно так, как я не могу смотреть картины Макарта, чтобы не вспомнить об олеографии. Не знаю, должно быть, [не] Макарт создал олеографию, но олеография так подло подделывается под его неглубокую работу, что на оригинал неохота смотреть.

Кто меня маслом по сердцу обдал, то это Тинторет⁶. Говоря откровенно, смех разбирает, как он просто неуклюж, но как страшно мощно

справлялся с портретами своих красnobархатных дожей, что конца не было моему восторгу. Все примитивно намечено, но, должно быть, оригиналы страшно похожи на свои портреты, и я думаю, что современники любили его за быстрое и точное изображение себя. Он совсем не гнался за отделкой, как Тициан, а только схватывал конструкцию лиц просто одними линиями в палец толщиной; волосы, как у византийцев, черточками. Здесь, в Вене, в Академии я увидел два холста ⁷ его с нагроможденными одно на другое лицами-портретами. Тут его манера распознавать индивидуальность лиц всего заметнее. Ах, какие у него в Венеции есть цвета его дожеских ряс, с такой силой вспаханных и пробороженных кистью, что, пожалуй, по мощи выше «Поклонения волхвов» Веронеза. Простяк художник был. После его картин нет мочи терпеть живописное разложение. Потолок его в Палаццо дожей слаб после этих портретов. Просто, должно быть, не его это было дело.

В Академии художеств ⁸ пахло какой-то стариной от тициановского «Вознесения богоматери». Я ожидал, что это крепко, здорово работано широченнейшими кистями, а увидел гладкое, склизкое письмо на доске. Потом, на первый взгляд, бросилась эта двуличневая зеленая одежда на апостоле (голова у него превосходная), цвет желтый, а тени зеленые *, а рядом другой апостол в склизкой киноварной одежде, скверно это действует. Но зато много прелести в голове богоматери. Она чудесно нарисована: рот полуоткрыт, глаза радостно блестят. Он сумел отрешиться здесь от вакхических тел. Вся картина по тому времени хорошо сгруппирована. Одна беда — что она не написана на холсте. Доска и придала картине склизкость. В «Тайной вечери» Веронеза тона натуральнее парижской «Каны», но фигуры плоски, даже отойдя далеко от картины, и еще мне не нравится то, что киноварь везде проглядывает. В этой картине есть чудная по лепке голова стоящего на первом плане посреди картины толстяка. Сам Веронез опять себя представил, как и в «Кане» ⁹, только стоит и руками размахивает. Я заметил, что ни одной картины у него нет без своего портрета. Зачем он так себя любил? Мне всегда нравится у Веронеза серый, нейтральный цвет воздуха, холодок. Он еще не додумался писать на открытом воздухе, но выйдет, я думаю, на улицу и видит, что натура в холодноватом рефлексе. Тона Адриатического моря у него целиком в картинах. В этом море, если ехать восточным берегом Италии, я заметил три ярко определенных цвета: на первом плане лиловато, потом полоса зеленая, а затем синеватая. Удивительно хорошо ощущаемая красочность тонов. Я еще заметил у Веронеза много общего в тонах с византийскими мозаиками Святого Марка и потом еще много общего с мозаиками — это ясное, мозаичное разложение на свет, полутон и тень. Тициан иногда страшно желтит, зной напускает в картины **, как, например, «Земная и небесная любовь» в Палаццо Боргезе ¹⁰ в Риме. Голая с красной одеждой женщина. Приятно, но не нату-

* Это же самое у нашего Иванова есть. (Примеч. Сурикова).

** Когда отойдешь от подобной знойной картины Тициана к Веронезу, то будто бы холодной водицы изопьешь. (Примеч. Сурикова).

рально. Гораздо вернее по тонам его «Флора» в Уффици. Там живое тело, грудь под белой со складочками сорочкой. Верны до обмана тона его (там же) лежащей Венеры¹¹. Отношение тела к белью очень верно взято. Дама в белом платье в Дрездене и эти две вещи у меня более всех работ его в памяти остались. Наша эрмитажная Венера с зеркалом¹² чуть ли не лучшее произведение Тициана. Вообще к нам в Эрмитаж самые лучшие образчики старых мастеров попали. В музее Брера в Милане есть еще голова для св. Иеронима Тициана, дивная по лепке, рисунку и тонам. Разговор у меня вертится все на этих мастерах: Веронезе, Тициане, Тинторето, потому что до Веласкеза эти старики ближе всех других понимали натуру, ее широту, хотя и писали иногда очень однообразно.

Из Рафаэля вещей меня притянули к себе его «Мадонна гран Дюка» во Флоренции¹³. Какая кротость в лице, чудный нос, рот и опущенные глаза, голова немного нагнута к плечу и бесподобно нарисована. Я особенно люблю у Рафаэля его женские черепа: широкие, плотно покрытые светлыми, густыми, слегка вьющимися волосами. Посмотришь на его головки, хотя пером, например, в Венеции, так другие рядом не его работы — точно кухарки. Уж коли мадонна, так и будь мадонной, что ему всегда удавалось, и в этом его не напрасная слава. Из лож¹⁴ его в Ватикане мне более понравилась в «Изгнании Илиодора» левая сторона и золоченые в перспективе купола, потом престол белого атласа с золотом, написанного совершенно реально (это над окном направо), в другой картине, где папа на коленях стоит. Есть натуральные силуэты фигур в «Афинской школе» с признаками серьезного колорита. У Рафаэля есть всегда простота и широта образа, есть человек в очень простых и нещеголеватых чертах, что есть особенно у Микельанджело в Сикстинской капелле¹⁵. Я не могу забыть превосходной группировки на лодке в нижней части картины «Страшный суд». Это совершенно натурально, цело, крепко, точь-в-точь как это бывает в природе. Этаким размахом, все так тельно, хотя выкрашено двумя красками, особенно фигуры на потолке, разделенном тягами на чудные пропорции (тяги кажутся снизу совсем натурой, потрескавшейся стеной). Это же есть и у Леонардо да Винчи в «Тайной вечере»¹⁶; нарисованный потолок залы, где сцена происходит, совсем проваливается в настоящую стену.

Все эти мастера знали и любили перспективу. Расписывают этими тонами и французы (например, Опера в Париже, но у них все как-то жидко выходит, но все-таки они ближе немцев подходят к итальянским образцам). Верх картины «Страшный суд» на меня не действует, я там ничего не разберу, но там что-то копошится, что-то происходит. Для низа картины не нужно никакого напряжения — просто и понятно. Пророки, сивиллы, евангелисты и сцена св. писания так полно вылились, нигде не замято, и пропорции картин ко всей массе потолка выдержаны бесподобно. Для Микельанджело совсем не нужно колорита, и у него есть такая счастливая, густая, теневая, тельная краска, которой вполне удовлетворишься. Его Моисей¹⁷, скульптурный, мне показался выше окружающей меня природы. Был в церкви какой-то старичок, тоже смотрел на Моисея, так его Моисей совсем затмил своей страшно определенной формой, напри-

мер, его руки с жилами, в которых кровь переливается, несмотря на то, что мрамор блестит, а мне страшно не нравится, когда скульптурные вещи замусливаются до лака, как, например, «Умиравший гладиатор»¹⁸. Это то же, что картины, густо крытые лаком, как, например, портреты Рембрандта и др. (Лак мне мешает наслаждаться; лучше, когда картины с порами, тогда и телу изображенному *легче дышать!*). Тут я поверил в моготу формы, что она может с зрителем делать, я за колорит все готов простить, но тут он мне показался ничтожеством. Уж какая была чудная красная колоритная лысина с седыми волосами у моего старика, а пред Моисеем исчезла для меня бесследно. Какое наслаждение, Павел Петрович, когда досыта удовлетворяешься совершенством. Ведь эти руки, жилы с кровью переданы с полнейшей свободой резца, нигде недомолвки нет. В Неаполе в Museo Nazionale я видел «Бахуса»¹⁹ Рибейры. Вот живот-то вылеплен, что твой барабан, а ширь-то кисти какая, будто метлой написан! Опять-таки как у Микельанджело, никакой зацепки нет, свет заливает все тело, и все так смело — рука не дрогнет. Но выше и симпатичнее — это портрет Веласкеза «Иннокентий X» в Палаццо Дориа. Здесь все стороны совершенства есть: творчество, форма, колорит, так что каждую сторону можно отдельно рассматривать и находить удовлетворение. Это живой человек, это выше живописи, какая существовала у старых мастеров. Тут прощать и извинять нечего. Для меня все галереи Рима — этот Веласкеза портрет. От него невозможно оторваться. Я с ним перед отъездом из Рима прощался, как с живым человеком; простишься, да опять воротись, думаешь: а вдруг в последний раз в жизни его вижу! Смешно, но я это чувствовал.

Купол св. Петра напоминает широкоплечего богатыря с маленькой головой и шапка будто на уши натянута. Внутри я ожидал постарее все встретить, но, наоборот, все блестит, все новое, при всем безобразии барочной скульптуры, бездушной, водянистой, разбухшей; она никакой индивидуальной роли не играет, а служит только для наполнения пустых углов. Собор св. Петра есть, собственно, только купол св. Петра: он все тут. Вспоминаю я Миланский собор. Там наружная красота соответствует внутренней, везде цельность идеи. Он мне напоминает громадный, обороченный кверху сталактит из белого мрамора. Колонные устои массивные. Собор в пять наосов, но, несмотря на эту величину, он не мрачный. Окна сажен в 5. Свет от разноцветных стекол делает чудеса в освещении. Кое-где золотом охватит, потом синим заходит, где розовым; одним словом, волшебство. Он изящнее Парижского собора, но органа того уже нет.

В галереях Италии сохраняется большая масса картин XV века. Они показывают постепенное понимание натуры, так что они служат необходимым дополнением. Но меня удивляет здесь, в Вене и в Берлине, это упорное хранение немцами всякой дряни, годной только для крышки крынок с молоком. Кому эта дрянь нужна? Это только утомляет вас до злости. Все это надо сжечь, точно так же, как я уничтожил бы все этрусские вазы²⁰, коими переполнены галереи, и оставил бы на обзавод самые необходимые образцы. Тогда бы им и цена настоящая была. Наоборот,

все помпейские фрески²¹ заключают в себе громадное разнообразие, но их-то и не сохраняют как следует. Дождь их обмывает, от солнца трескаются, так что скоро ничего от них не останется.

Я попал на помпейский праздник²². Ничего. Костюмы верные, и сам цезарь с обрюзгшим лицом, несомый на носилках, представлял очень близко бывшее. Мне очень понравился на колесничных бегах один возница с горбатым античным носом, бритый, в плотно надетом на глаза шишаке. Он ловко заворачивал лошадей на повороте (*нрзб*) и ухарски оглядывался назад на отставших товарищей. Народу было не очень много. Актеров же 500 человек. Везувий тоже смотрел на этот маскарад. Он, я думаю, видел лучшие дни...

До свидания, Павел Петрович!

Уважающий и любящий Вас В. Суриков

Когда увижусь с Вами, я цельнее передам мои впечатления. Клянюсь вашей супруге.

65. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва. Июнь 1884]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Я и жена и дети, слава богу, здоровы. Уже как будет два или три месяца мы устроились на новой квартире. Теперь я пишу новую картину, тоже большую¹. Здоровы ли вы, я очень беспокоюсь о вас, так как по приезде из-за границы получил одно только от вас письмо. Как ты служишь, Саша?

Я читал в газетах, что будет в Государственном совете рассматриваться проект судебной реформы в Сибири. Я думаю, что ты уже знаешь об этом?²

Живут ли постояльцы у вас и кто они такие? Знаешь что, Саша, мне пришла в голову идея: спроси ты у мамы, что, не знает ли она что-нибудь о наших предках? Как звали прадеда нашего и все ли они были сотники и есаулы? Как нам доводится атаман Александр Степаныч? Давно ли дом построен? Расспроси поглубже, повнимательнее, мне ужасно охота знать, да и тебе, я думаю, тоже. Ты знаешь, как пишутся родословные:

Вот, так, например, положим:

Иван — дед, жена его Ирина.

Семен — сын, жена его...

Александр —

Петр — сын и так далее и так далее. И маму о ее родне расспроси. Как звали прадеда ее и прабабушку? Наверное, мама многое знает и помнит.

Откуда род наш ведется? Может, какой-нибудь старик казак знает?

Сделай, не ленись, брат, расспроси постарательнее³. Я беспокоюсь, здорова ли мама, ноги у нее прежде болели. Помню, ляжет на ящик, да и стонет: «Ой, ноженьки, ноженьки!» * Ты не давай ей плохо оде-

* Она прежде в мороз выбегала босиком на двор с ведром. (Примеч. Сурикова).

ваться. А если нет на это денег, так я вышлю ей. Ох, я думаю, постарела она у нас. Напиши, сколько ей теперь лет, бодрая ли она по-прежнему? Что ее чаек? Так бы мне хотелось поцеловать ее в «печеные яблоки». Бог даст, увидимся. Оля, Лена и Лиля кланяются вам и целуют Вас, мамочка. Будьте здоровы. Напиши, Саша.

Ваш любящий В. Суриков

Адрес мой: Москва, Долгоруковская улица, дом Збука, кв. № 15.

66. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

[Москва]. 30 декабря 1884

Я согласен, чтобы г. Турчанинов¹ списал копию с моей картины «Меншиков в Березове».

В. Суриков

1885

67. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Мытищи. 1885]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Мы теперь живем в деревне на даче под Москвой. Я там работаю этюды для моей картины¹. Я, жена и дети — все, слава богу, здоровы. Так опять не собрались к вам. Мой товарищ Ивачев², так как не имеет большой работы, так этим летом поехал в Сибирь, тоже к матери повидаться. Очень я ему завидовал. А мне было нельзя: все лето бы пропало, и средства к жизни надо доставать. Вот почему я невольно обманываю вас. К февралю я должен кончить картину. Так что будущее лето я свободен буду больше, чем это. Не сердитесь, бога ради, на меня, я и сам-то все мечтаю побывать у вас, мои дорогие.

Берегите себя, мама, не простудитесь.

Не знаю, Саша, мне до осени нет времени хлопотать о доверенности. Ты говоришь, прислать копию с метрики моей, но ведь тоже стоит, что во время моего рождения отец наш был уже гражданский чиновник. Не было бы это препятствием для нас в наделе. Хотя мы прямые потомки родного деда нашего сотника Василия Ивановича. Не лучше ли послать только билет на владение домом и местом земли? Напиши.

Ты писал о ягодах. Если немного и если расхода для тебя большого не будет, то пошли, особенно черничных сушеных лепешек, сушеной черники, клубники и черемухи понемножку. Я очень люблю все это, как с детства привык, так лучше московских всех фруктов. А тебе и маме пошлю зимой яблоков мороженных. Спроси, доставляют ли этой зимой к нам в Сибирь.

Ну, будьте здоровы, увидимся, бог даст, на то лето. Оля начинает учиться, а Лена еще нет.

Остаемся живы и здоровы, целуем вас.

Твой В. Суриков

Пиши по адресу старому: Москва, Долгоруковская улица, д. Збука.

1886

68. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 3 апреля 1886

Здравствуйте, мама и Саша!

Что это вы ничего с осени мне не пишете, здоровы ли вы все? Я ужасно беспокоюсь. Сюда приезжали Кузнецов и Александра Федоровна. Я виделся с нею. Она мне говорила, что вы здоровы. Но это было еще в конце осени. Я и сам-то виноват пред вами, что долго не писал. Посылочку с ягодами получил, а вам все еще не собрался яблочко-то послать, день за днем так и летят за работой. Я пишу большую картину теперь, «Боярыню Морозову», и будет только к будущему январю готова она. Только к будущему году освобожусь совсем. А это лето все надо писать этюды к этой картине. Боже, когда я с вами повидаясь, все откладываю год от году! Нельзя — большие задачи для картины беру. Потерпите до будущего лета, если еще верите мне, уж тогда не обману. Что, мамочка, нужды не терпите ли? Вы ведь, Саша ничего не напишете мне. Что твоя служба, Саша? Живут ли постояльцы вверху? Будьте здоровы. Эту весну фотографии снимем с себя на открытом воздухе, товарищ снимет. Дети и жена целуют вас. Оля писать и читать умеет.

Любящий вас В. Суриков

Адрес тот же: Москва, Долгоруковская ул., д. Збука.

69. В. Н. ТРЕТЬЯКОВОЙ

[Москва]. 3 апреля [18]86

Вера Николаевна!

Будьте любезны, передайте Павлу Михайловичу, что я ничего не имею против копировки с «Меншикова» Чеховым¹; пусть пишет. Кланяемся Вам, Павлу Михайловичу и всем вашим.

Надеемся скоро повидаться с вами.

Уважающий искренно Вас В. Суриков

70. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[1886]

Милые мама и Саша!

Посылаю вам карточку Оли и Лены. Хотя вышло не совсем удачно в выражении лиц. Снято на открытом воздухе домашней фотографии, и девочки от сильного света немного щурятся. Ну, что делать? Все лучше, чем ничего.

Мы с Лилей, когда снимемся, тоже вам пошлем свои карточки.

Все мы, слава богу, здоровы. На будущий год, бог даст, свидимся. Картину я должен кончить к февралю.

Я сейчас получил ваше письмо, а Александра Федоровна сегодня уезжает из Москвы в Красноярск, то я и просил ее передать вам это письмо с карточкой.

Будьте здоровы, дорогие мои!

В. Суриков

71. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 21 декабря 1886

Милые мама и Саша!

Страшно я виноват перед вами, что я так долго ничего не писал о себе. Я здоров, также и семья. Я теперь сильно занят окончанием своей картины, которую должен кончить к марту.

Посылку вашу — ягоды — получили и уже съели все до одной ягодки. Вкусно показалось.

Вы никогда, мама, не беспокойтесь, если я иногда долго не пишу. Да теперь этого я и не сделаю. Ты пишешь, Саша, что ты остался на должности, — что это, навсегда или только временно? Ответь мне. На счет же доверенности на исходатайствование земли я не знаю, что — стоит ли хлопотать? Имеем ли мы неоспоримые доказательства на права? Ведь отец-то наш был уже в отставке, когда мы родились. Так не знаю, можно ли просить, хотя наш род исстари казачий. Так обдумай хорошенько — да порасспроси. Дед и предки все были казаки.

Не нуждается ли в чем? Живут ли постояльцы? Кланяемся все вам и целуем вас.

Твой В. Суриков

Адрес тот же: Долгоруковская улица, д. Збука.

1887

72. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

[1887]

Павел Михайлович!

Я так мало дорожу этим портретом в художественном отношении, что очень рад, если он не попадет ко мне обратно ¹.

Уважающий Вас В. Суриков

Я увижусь еще с Вами на этой неделе, Павел Михайлович, и еще поговорю об этом.

73. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

[Москва]. 21 мая 1887

В уплату из пятнадцати тысяч рублей за «Боярыню Морозову»¹ пять тысяч рублей получил.

В. Суриков

Десять тысяч рублей получил.

В. Суриков

74. В. В. МАТЭ

Москва. 26 мая 1887

Василий Васильевич!

Посылаю Вам фотографию «Морозовой»; не знаю, хороша ли она для Вас будет. Я сделал отметки на ней, где не вышли по оригиналу цвета.

Я думаю, в этот размер и сделать гравюру, а если позволит размер «Иллюстрации», то можно и больше¹.

Ну, желаю размахнуться виртуозно вашему мастерству.

Уважающий Вас В. Суриков

75. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

23 сентября 1887

Дорогие мама и Саша!

Наконец мы приехали в Москву. Дорогою приключений, слава богу, не было никаких.

Получили ли вы два моих письма из Ачинска и Томска? Первое я передал ямщику, чтобы он положил в ящик, а второе торговцу, у которого покупали провизию, так как торопились не опоздать на пароход.

В дороге я рисовал¹ кое-что. В Тюмени я купил три ковра на 15 р. Такие в Москве стоят гораздо дороже.

Назад, когда ехали, то путь казался гораздо короче. Уж вовсе не так далеко от Красноярска благодаря железным дорогам. Дорога стоила вперед 260 р. и назад 260 р. на всю семью. Одному стоит доехать взад и вперед 200 р.

Вот, бог даст, я пошлю тебе Саша [денег?], и ты посмотришь на Москву; если только ты захочешь этого. (нрзб) вся заплесневела, уж я ее мыл водой, а есть боюсь; плохо она была просушена. Черничные лепешки сохранились; орехи тоже. Я беспокоюсь, и, может быть, напрасно, что когда вы провожали нас за ворота, то Сонечка не стибрила ли чего-нибудь.

Что крыша на сарае течет все или нет?

Теперь я вот должен искать квартиру для нас. Неприятная это штука. Не знаю, найду ли я то, что желаю: чтобы было светло и тепло. Но, бог даст, найду. А что, купил Сашутка сапоги себе и маме? Ответ непременно.

Дорогой я узнал от доктора, что перец ужасно вреден для горла. Ешь ты его меньше бога ради, а то ты от него все по утрам харкаешь.

И еще. Начиная с горла делается катар желудка, потому что перец не переваривается. Смотри, вакса! Берегись. Напиши мне, Саша, теплая ли шуба у мамочки и есть ли теплые сапоги? Что перешли ли уже постояльцы? Мы все, слава богу, доехали здоровыми. Кланяемся вам и целуем. Адрес мой вот покуда я не нашел квартиры: у храма Спасителя меблированные комнаты «Бояр» Кашина, № 47.

Твой В. Суриков

76. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 28 октября 1887

Милые мама и Саша!

Мы вот уже недели три как переехали на квартиру из гостиницы¹. Квартира небольшая, но, кажется, сухая и теплая. Плачу за нее 35 рублей в месяц. А прежде, когда писал большую картину, то платил 60 рублей в месяц же. А теперь покуда ничего большого еще не начал, то довольно и такой квартиры. Ты, я думаю, получил мое письмо из Москвы? Путешествие совершили мы благополучно. С Пассеком² мы распростились в Нижнем. Это очень веселый и хороший человек. Мы устраивали дорогой (на пароходе) угощение чаем: то он с женой, то я с семьей — по очереди. От Томска до Екатеринбурга еще ехали с нами англичане из кругосветного путешествия. С одним из них я кое-как объяснялся по-французски. Пассек им объяснял достопримечательности встречаемых городов по-английски. Но пьют водку и вино здорово и едят за четверых, не выходя из границ приличия. В Екатеринбурге выставки не застал³. В Нижнем останавливался на сутки, кое-что зарисовал⁴. Здесь, в Москве, стоит ясная погода, совсем тепло. У нас из окон виден бульвар, и на нем еще трава стоптанная зеленеется. Листья уже опали. Был в Кремле, в Успенском соборе, и, брат, протодиакон так здорово Евангелие сказал, что стекла дрожали. Не знаю его фамилии. Певчие два хора пели херувимскую (тенор)⁵. Не знаю, как она называется, но мы еще с тобой ее пробовали петь по вечерам. Они ее спели голосов в 40—50. Великолепно, точно орган. Оба хора вместе соединились. Дивно. Одна купчиха в умилении от пения, уткнувшись головою в пол, всю обедню пролежала, так что какой-то купец, проходя мимо, сказал: «Довольно лежать, пора вставать».

Ах, Саша! Если бы тебе служба позволила приехать на будущий год летом в Москву, уж я бы тебе все достопримечательности показал. Что, здоровы ли вы? Имеет ли мама и ты теплую обувь? Я думаю, что в Красноярске уже зима наступила. Напиши, что нового в Красноярске и по службе твоей. Я теперь начинаю писать эскиз для моей новой картины и собираю материал для нее⁶.

Целую вас.

Твой В. Суриков

77. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 9 декабря 1887

Милые мама и Саша!

Письмо ваше я получил и очень рад, что ты, Саша, такое положение имеешь при новом председателе и что настойчиво работаешь. Только береги свое здоровье, не надрывайся очень. Письмо это вы получите уже в 1888 году, то я поздравляю вас с Новым годом. Желаю счастья и здоровья вам. Мы все здоровы, слава богу. У Оли есть теперь учительница. Она ходит на дом и приготовляет ее в гимназию в первый класс. Учится прилежно и хорошо. А Еленчик тоже читает уж и пишет. Интересное приключение с ней было: взяла она свою куклу, зеркало ее маленькое и села под стол с нею погадать, как она говорила, в зеркало смотреть. Вдруг она выскакивает из-под стола, вся бледная, руку к груди прижала и говорит: «Что я в зеркале увидела, просто ужас! Я увидела *кошку*» (это она увидела, должно быть, себя). Очень много мы смеялись этому.

Ты пишешь, что Скорковский переехал. Ну, а мальчики его уже не буянят по-прежнему? Должно быть, теперь выросли и поумнели. А что, Саша, у тебя есть теплые калоши? У мамы, ты писал, что есть теплые сапоги и шаль, а шуба? Тепла ли она? Скажи, Саша, поклон мой Мельницкому¹. Я ему собираюсь письмо писать на днях. Здесь, в Москве, выпал снег довольно большой, хотя тепло очень. Пишу я дома Олин портрет в красном платье, в котором она была в Красноярске². Ну что, я думаю, на святках веселиться будешь? Может, в маскарад пойдешь? Попляши, брат. Это после трудов праведных очень полезно. Только, чтобы штаны не свалились, как у меня в дни моего раннего юношества. Покрепче подтяни. Ну, будьте здоровы. Целую вас и кланяемся вам.

Твой В. Суриков

1888

78. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 12 января 1888

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Посылаю тебе, Саша, во-первых, доверенность на исходатайствование земель и, во-вторых, бритвы, купленные в английском магазине. Бритвы эти для жесткого волоса предназначены, о чем меня и спросил приказчик.

Потом, если бритвы эти потупятся немного, то поправлять нужно их сначала на коричневой стороне прилагаемого с ними ремня, а потом, поправивши на коричневой, перейти на белую сторону, ремень этот тоже английский и того же фабриканта, чьи и бритвы. Заплатил я недорого, всего 5 рублей 50 копеек, но, может быть, они и хорошие. Он сказал, что если не придутся хорошо, то можно их переменить. После бритья бритвы надо тщательно сухо вытирать.

Доверенность и бритвы я посылаю в одно время. Ну, хлопочи, Саша, что-то бог даст. Мне кажется, что доверенность составлена хорошо, и у нотариуса сказали, что ее уже не надо нигде мне более засвидетельствовать. Она полной силы.

Меня страшно поразила и опечалила смерть Мельницкого. Напиши, голубчик, отчего это он умер? Если можно, порасспроси домашних его. Передай им мое глубокое сожаление о безвременно погибшем даровитом человеке. Это просто непостижимо для меня, ужасно мне его жаль. Вот и Марфа Васильевна¹ тоже умерла. Она отчего это? Я так и не сходил к ней в бытность в Красноярске. Она меня всегда любила, а маленьким когда я был, всегда заботилась — царство ей небесное!

На днях я послал Евдокии Петровне Кузнецовой еще 100 рублей. Осталось за мной долгу тоже только 100 рублей. Как-нибудь соберусь, вышлю и остальные. Хотел мамочке шаль шелковую послать, да нынешний месяц много расходу было. Соберусь, непременно вышлю; может быть, к пасхе. Здоровы ли вы, дорогие мои? Мы все, слава богу, здоровы. Ты, Саша, писал, что хочешь в Канск ехать. Как же мамочка-то останется одна? Будет она от окна к окну ходить одинешенька. Ведь надо ее здоровье-то нам беречь. Ведь мы еще увидимся, наверное, бог даст. Пусть она не плачет. Ну, до свидания. Кланяемся и целуем вас.

Твой В. Суриков

79. А. И. СУРИКОВУ

20 апреля 1888

Прочти один.

Милый Саша!

Ты, я думаю, удивляешься, что я долго не писал. С 1 февраля началась болезнь Лизы, и я не имел минуты спокойной, чтобы тебе слово черкнуть. Ну, друг Саша, болезнь все усиливалась, все лучшие доктора Москвы лечили, да богу нужно было исполнить волю свою... Чего тебе больше писать? Я, брат, с ума схожу.

8 апреля, в 2¹/₂ часа, в пятницу, на пятой неделе великого поста, ее, голубки, не стало. Страдания были невыносимы, и скончалась, как праведница, с улыбкой на устах. Она еще во время болезни всех простила и благословила детей. Теперь четырнадцатый день, как она умерла. Я заказал сорокоуст. Тяжко мне, брат Саша. Маме скажи, чтоб она не горевала, что было между ней и Лизой, она все простила еще давно.

Как бы я рад хоть тебя, Саша, увидеть. А что, нельзя ли тебе отпуску взять? Хорошо бы было, да тебе по службе придется терять.

Я тебе, Саша, и маме говорил, что у нее порок сердца и что он по прибытии в Москву все ухудшался. А тут еще дорогой из Сибири простудилась Лиза, и делу нельзя было помочь. Ох, страшная, беспощадная эта болезнь порок сердца!

Дети здоровы. Хотя были, особенно Лена, потрясены и все плакали. Покуда сестра Лизы за ними ходит¹. Лиза велела написать ей. Покуда она была больна 2 месяца, я сам за ней ходил, за голубушкой, все ночи

не спал, да не привел бог мне выходить ее, как она меня 8 лет назад тому выходила от воспаления легких.

Вот, Саша, жизнь моя надломлена; что будет дальше, и представить себе не могу.

Будешь писать ко мне, то пиши: Смоленский бульвар, д. Кузьмина, В. И. Сурикову. *Оставить у дворника*, потому что думаю с детьми под Москвой в деревне на лето поселиться. Молитесь богу за милую Лилиньку. Поминайте ее в церкви. Молитесь за нее — всего нужнее для ее души. Перед смертью она два раза исповедовалась и причащалась.

Брат твой В. Суриков

80. А. В. ПРАХОВУ ¹

[Москва. 1888]

Получил я письмо Ваше, Адриан Викторович. Я уж и не знаю, как благодарить Вас за сочувствие к горю моему. В Киев я едва ли приеду, потому что от горя никуда не убежишь, хоть на край света побеги.

Мне отраднее бороться с ним, нежели бежать от него, и притом всякое минутное забвение я искупаю слезами. Когда прошлое восстает на меня, то мне легче.

Супруге Вашей и Васнецовым ² поклонитесь от меня.

В. Суриков, искренно любящий всех вас.

81. П. Ф. СУРИКОВОЙ

Москва. 6 июня 1888

Милая мама!

Саша послал мне телеграмму, что он выехал ко мне ¹. Я ужасно обрадовался. Теперь жду его, считаю дни и часы, когда его увижу. Это большая радость для меня будет. И дети ждут своего «дядю Сашу». Эту радость бог мне даст за слезы мои. Будем, мама, богу молиться о душе Лизаньки. Это единственная нам с тобой и Сашей отрада и утешение. Я заказывал 40-дневный сорокоуст со дня кончины, а Вы годовой, и это меня несказанно радует. Я беспокоюсь, как это Вы одна дома остались? Наверное, с Вами кто-нибудь остался? Берегите здоровье. Бог даст живы-здоровы будем, на будущее лето увидимся. Оля у меня готовится в гимназию, учится хорошо. У нас покуда живет сестра Лизы, она покуда обшивает, учит детей. А то бы совсем беда.

Мы часто ездим на могилку Лизы ². Дети цветочки готовят и кладут на могилку. Что делать! Мама, божья воля совершилась. Тяжело мне.

Тетя Соня кланяется Вам, мама. Мы все, слава богу, здоровы! Вы о Саше, мама, не беспокойтесь. На пароходах и железных дорогах ехать не опасно. Лишь бы здоровье берег свое. Вы только не простудитесь, а то все хорошо будет.

Целуем Вас, дорогая моя. Просим твоего заочного благословения.

Твой сын В. Суриков с детьми

Оля, Лена

Пишите мне. Адрес мой: Москва, Смоленский бульвар, дом Кузьмина.

1889

82. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 12 января 1889

Здравствуйте, мои милые и дорогие мама и Саша!

Телеграмму твою я получил. Спасибо, брат. Мы все, слава богу, здоровы. Оля окончила первое полугодие, теперь с 9 января начала другое. Учится порядочно. Гувернантка все бывает. Потому что французский язык труден для Оли. А мне желательно, чтобы она перешла в следующий класс.

Получили мы вашу посылку. Пропастинку¹ съели в два дня. Чай в восторг приводит как меня, так и брата Пономарева², который переехал в Москву на службу. Мы, прежде чем заваривать, сначала понюхаем чай в коробке, а потом уже завариваем. Чай мы называем «Юйха-тынзы», что написано на коробке. Избалуюсь я этим чаем, тогда опять тебе нужно будет посылать мне. Тут, брат, такого чаю не достанешь. Скажи, почему он у вас продается?

Получил ли ты карикатуру на красноярское освещение улиц? Нарисованы столбы на улицах. Мама, помните, как мы в Бузуме ехали на могилу к папе и один косой наткнулся на столб, снял шляпу и раскланялся *. Ведь этому будет в этом году ровно 30 лет: папа умер в феврале 1859 года, а мы великим постом приехали в Красноярск с дядей Гаврилой. Здоров ли он? Поклонитесь ему от меня. Здорова ли, жива Алена Яковлевна? Жив ли 115-летний старик в Заледеевой?

В Новый год у меня были Третьяков, Пономарев, крестная с Евгешей Ивановой³. Они тебе кланяются. В монастыре как мы были 30 августа, так я и не был. У Лилиньки на могилке недавно панихиду служил. Каждое воскресенье просфору подаю. Читаю более все священные книги — нахожу большое утешенье в них.

Оле и Лене сшил новые платья, недорогие. Хотя они ничего у меня — чистенькие. На елке были у Поленова⁴. Детям много конфет и других подарков надарили. И у нас своя была маленькая елочка; дети сами ее убрали. Была крестная мать и ее сестра-старушка. Кухарка все та же живет. Ничего, такая же честная в покупках. На детей стирает чисто. Мы ей подарили на празднике ситцу на платье. От тети Сони давно не получали писем, так сами ничего не писали. Надо написать. Ну, как твоя служба? Живут ли жильцы наверху? А шлея готова? Вот, бог даст, увидимся. Я немного замедлил этим письмом. Теперь буду писать чаще. Целую вас всех.

Любящий тебя брат В. Суриков

83. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 7 февраля 1889

Здравствуйте, дорогие мама и Саша!

Я что-то об мамочке беспокоюсь. Здорова ли она? Я уже давно от тебя, Саша, писем не получаю.

* Я старался потом этим маму рассмешить. (Примеч. Сурикова).

Мы, слава богу, здоровы.

Кузнецова была у нас, и теперь она уехала в Петербург. Я ей отдал и последний долг — 100 рублей, так что мы с ней теперь квиты. Весною она поедет в Париж на выставку. Вот скоро масленица будет: в Москве уже заметно ее приближение — усилилось движение по улицам. Мы хотим тоже у себя орешки на масленую испечь. Дети и я любим их.

В Москве находится Всероссийская фотографическая выставка¹, и меня пригласили быть экспертом по присуждению наград: очень много есть хороших вещей. Жизнь моя так же идет. Читаю более духовные книги и понемногу рисую. Почти нигде не бываю. Гувернантка ходит к Оле, и Оля очень хорошо теперь знает правила французского и немецкого языков и из других предметов тоже порядочно учится.

Об Лилиньке каждое воскресенье подаю просфору и езжу на кладбище иногда отслужить панихиду, хоть по зимнему времени часто нельзя детей возить. Думаю сегодня или завтра отслужить панихиду по моей незабвенной милочке. Память о ней не только не ослабляется, но с каждым днем, по милости, божией, все яснее делается.

Мамочку я видел во сне: будто бы мама (наша с тобой) умирает. Я подошел к ней, на колени стал, и она говорит: «Молитесь за меня богу». Я так беспокоюсь, здорова ли она? Ты, пожалуй, этого ей не говори.

Я бы очень желал приехать в Красноярск. Вот весною или в середине мая экзамены кончатся, тогда можно и катнуть.

В Красноярск поехал Н. П. Пассек. Он у тебя будет. Я его ужасно люблю за его ум и характер. Он у вас будет. Я хотел что-нибудь послать с ним вам, да увидался с ним только на железной дороге, куда Евдокия Петровна² попросила меня с ней съездить. Если можно, пошли с ним пропастинки и чаю фунт. Ну как твоя служба? Я читал телеграмму от студентов в Красноярске в Московский университет, что-то 40 человек³. Однако много их понаехало к нам. Думаем говеть на первой или второй неделе великого поста. Так жаль, что у мамы нет шелковой шали. В чем она будет приобщаться постом? Вот приеду — привезу. Если бы я знал пораньше, что Пассек едет, то я с ним послал бы. Пиши почаще.

Целую вас обоих, дорогие мои.

Любящий тебя твой брат В. Суриков

84. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва. Весна 1889]

Милые и дорогие мои мама и Саша!

Письмо твое, Саша, я получил, где ты пишешь о сарае сгоревшем. Что же делать, Саша? Нужно благодарить только господа бога, что дом остался целым! И в этом его великая милость. Могло быть хуже. Вообще покорность воле божьей есть самое верное и лучшее утешение. Бог даст, летом можно новый построить. И построим общими силами, а ты не отказывайся и на себя через меру не взваливай. Только, если раньше меня начнешь строить, освяти место. Отца Василия позови.

Я думаю, как вы оба перепугались! Хорошо, что еще не ночью, внезапно. Я все более и более убеждаюсь, чтобы переехать к вам на житье. Только мне много будет хлопот по продаже моего имущества: мебели и прочего. Если ехать, то кровати надо везти с собой. Уложить же можно что взять в ящики — самовар, рукомойник, кастрюли, — все дома пригодится. Ты, брат, мне посоветуй, как поступить с этим. Что мне жаль здесь оставить, то это Лилинькину могилку — все хоть поплакать там и панихиду отслужить можно.

Не знаю, как я это перенесу¹.

О ней я каждое воскресенье подаю просфору. Искренно говорю тебе, брат Саша! Вот конец весны покажет, как нужно мне сделать. А больше же всего надеюсь, как бог устроит. Я теперь всегда полагаюсь на него и никогда не обманываюсь. Истинно говорю это. И ты с мамой так же поступай и будьте милостивы со всеми. Наша жизнь тут не навсегда. И привязываться к земному не очень-то крепко надо.

Это показывает и наша жизнь собственная и других, если повнимательней присмотреться.

Я думаю, что у тебя, как я пишу это письмо, уже был Пассек. Я думаю, он удивился, взойдя во двор, на наше разорение. Он обещался по возвращении из Красноярска побывать у меня в Москве, проездом в Харьков.

Сегодня чистый понедельник, и я думаю с детушками говеть этим постом. Наверно, и ты с мамочкой.

Оля учится хорошо, только уж очень похудела. А Еленчик, брат, не очень-то утруждает себя — эта больше с куклами. Но и ее надо будет отдать учиться.

Здоровы ли вы после такого переполоха? Напиши, Саша. Мы, слава господу, все здоровы.

Целуем вас, мои дорогие.

Любящий брат твой В. Суриков

85. В. Д. ПОЛЕНОВУ

[Москва. Июнь 1889]

Василий Дмитриевич!

Мне бы хотелось узнать от Вас относительно этюдов, выставляемых с 1 ноября по 1 декабря¹, — что это этюды творческие, т. е. для картины, или же простые, бесцельные, с натуры? Я это хотел узнать от И. С. Остроухова², да его дома нету. Если это этюды первой категории, то я оставляю их несколько. Осень-то я не буду в Москве, а буду в Красноярске, то я попросил бы Вас, Василий Дмитриевич, выставить их без рам и подрамков и просто пришпилить на стену. Да и оставил-то бы их я у Вас, если позволите. В понедельник 12-го я должен выехать, то мне желательно бы получить ответ от Вас к этому времени.

Поклонитесь от меня Наталии Васильевне³ и всем вашим.

Любящий Вас В. Суриков

Адрес мой: Палашевский пер. д. Коломейцева, кв. 29.

86. И. Е. ЗАБЕЛИНУ ¹*[Москва]. 13 июня 1889*

Многоуважаемый Иван Егорович!

Я бы очень желал, чтобы мой этюд Василия Блаженного был принят Вами как дар мой Историческому музею.

Искренне уважающий Вас В. Суриков

1890

87. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва. Осень 1890]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Мы приехали в Москву. Покуда наняли небольшую квартиру в 3 комнаты и 4 кухня. Плачу 30 рублей в месяц.

Воздух в Москве ужасный после Сибири.

Оля готовится в пятый класс. В доме живет учительница из ихней же гимназии. Она ее и подготавливает по-французски и немецки. За 20 рублей взялась, только не знаю, выдержит ли [Оля], а то пусть и в 6-м учится. Лена здорова.

Мебели купил и всей обстановки по кухне рублей на 45. Ни дивана, ни зеркала покупать не буду.

У Ковалевского ¹ еще не был. Да нигде еще.

Мы только и мечтаем на то лето к вам приехать. Скверно тут жить. Тесно и людно — на одном дворе три флигеля и в каждом по четыре квартиры... «четырехместная карета и в ней 12 седоков»... Скверно, а учиться лучше здесь. А как только май, мы к вам до сентября. Мама, берегите здоровье, и ты, Саша.

Я вспомнил, что Савраске год был 19 июля, как мы его купили. Что-то он? Картину еще не развешивал ². В следующем письме напишу побольше.

Любящий вас В. Суриков

88. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 10 сентября 1890

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Письмо от вас я получил. Ты пишешь, что мама готовит ягоды. Только не расходуйтесь много — малость пошлите.

Представь себе: чай, который я взял с собой, фунт, до сих пор еще не вышел, а вышло полкоробки. Мы его закладываем ¹/₂ чайной ложки, и ничего — есть навар!!! Если бы мама могла видеть, что за чай, сквозь него отсюда Красноярск виден. Остальные полкоробки, я думаю, еще месяца на два хватит, а потом ты уж нас не оставь, пришли фунтик. Я другого здешнего после этого не могу пить. Просто веник! Оля и Лена ходят

в гимназию. Оля в 6-й класс и Лена в подготовительный. Учиться теперь им легко. Начальница хотела Олю в 5-й класс перевести, но Олечка-душа воспротивилась¹. Мне, говорит, там будет трудно, да и шабаш. Ну, а... так той все равно... Внизу живет им подруга, вместе и возвращаются из гимназии. Картину покуда не развертывал² — мух много: боюсь, не испачкали бы снег. Но хоть через неделю-другую натяну на подрамник, который уже у меня есть. Смеряй-ка, Саша, точным, складным аршином, какая мера федоровского подрамника, ширину и высоту. Я сделал 4 аршина и 2 аршина 3 вершка, а по картине кажется мал. Неужели здесь аршин меньше? Может быть, он плотницким мерил, который, быть может, не так точен. Не знаю.

Был у Ковалевского, рассказал ему кое-что о Сибири и передал поклон Сергея Матвеевича³. Он у меня тоже был на квартире. Славный человек! Передай поклон М. А. Рутченко и жене его⁴. Жду от них письма. Что он поделывает?

Лилина могилка до того без нас заросла сорной травой, что не узнать. Теперь мы ее поправили. Бываем на могилке.

Евгеша Ивановна жива и тебе посылает поклон.

Напиши, Саша, о наших знакомых что-нибудь. Передай поклон твоим сослуживцам — Сергею Матвеевичу Лопатину, Пестрикову, Иноземцеву и другим. Тане посылаем поклон⁵. Мы были проездом в Ачинске у ее сестры Анюты и Кати. Славные такие. Радужно нас приняли. Пока прощайте. Целуем вас, мама и Саша.

Твой брат В. Суриков

1891

89. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

[Москва. 1891]

Павел Михайлович!

Нельзя ли осмотреть Вашу галерею моим землякам-красноярцам — доктору Кускову с супругой?

Люди совсем благонадежные.

Искренно Вас уважающий В. Суриков

90. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Начало 1891]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Мы, слава богу, здоровы. Получили от вас и чай, и (нрзб), спасибо. Только ты зачем столько чаю послал, Саша? хоть продавай.

Картину я вставил в раму золотую¹. Очень красиво теперь. Я ее закончил. Скоро, в начале или середине февраля, надо посылать на вы-

ставку в Петербург. Не знаю, какое она впечатление произведет. Я, брат, ее еще никому не показывал.

Душата учатся хорошо. Праздники у них весело прошли. Устраивали елку, да еще домах в трех были на елке. Они получили кое-какие елочные подарки. Ну, да это что, а главное, не скучно прошло.

Получил от вас телеграмму поздравительную. В этот день в именины мои стряпали пашкетишко, ели и поминали вас, да, наверно, и мама сделала его. У нас укладник здоровенный вышел.

Я ужасно рад, что бог помог выстроить погреб. Теперь все как следует.

Вчера был в Малом театре, видел новую комедию Крылова «Девичий переполох», Вот бы, брат, ты где поохотал досыта. Исполнено было бесподобно. Осенью был на Сибирском вечере в «Славянском базаре». Встретил студента из Красноярска, Жилина гимназиста товарищ. Вспомнили Красноярск. А я, брат, скучаю по Сибири. Нет здесь приволья, да и тебя с мамой нет! Бог даст, свидимся.

Целую вас с мамой крепко, крепко.

Твой любящий брат В. Суриков

91. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

/Москва. Февраль 1891/

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Душата учатся ничего, ладно. Я ужасно рад, что ты чины глотаешь, как блины на масленице.

Картину недели через две будут отсылать, бог даст, в Питер на выставку, которая откроется 3 марта¹. Поклонись от меня председателю. Тут в Окружном суде умер председатель Лавров, должно быть, Сергей Матвеевич его знал.

Будут ли в нынешнюю масленицу городок ломать?

Напиши, здоровы ли вы с мамой? Берегите себя.

Любящий тебя брат В. Суриков

92. П. П. ЧИСТЯКОВУ

Москва. 19 марта 1891

Глубокоуважаемый Павел Петрович!

Знаете, что мне пришло в голову? При Вашей манере письма доискиваться высокой правды в натуре, которая требует долгого письма, мне кажется, не лучше ли брать более грубые и шероховатые холсты, которые дольше выдерживают свежесть письма? Вот было бы превосходно, если бы Вам своего монаха¹, а тем более эту красавицу, задумавшуюся девушку², перевести на такой холст и кончить роскошными тонами.

Ответьте мне, что Вы об этом думаете?³

Искренно уважающий Вас В. Суриков

Кланяюсь Вашей супруге. Адрес мой: Москва, Долгоруковская улица, д. Финогеновой. Я передам Серову об адресе Врубеля.

93. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Тюмень. 21 мая 1891

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Вот, брат, застряли мы здесь до отхода следующего парохода на неделю. Грязь ужасная. Перспективы пребывания очень скучные. Мы все, слава богу, здоровы. Не догадался взять билеты на пароход в Семипалатинск, который идет [?]. Выедет пароход 29 мая в Томск, билеты я взял на него.

Следовательно, к 15 июня буду в Красноярске, если бог велит.

Лена не написала потому, что спит.

Твой брат В. Суриков

94. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Томск]. 9 августа 1891

Милые наши мамочка и Саша!

Сейчас мы отправляемся на пароходе «Казанец» Курбатова в Тюмень, но только до Иевлевой, а там на лошадях до Тюмени¹. Пароход, на котором едем, идет с золотом; помнишь, повозки-то в Красноярске прошли? Дорога до Томска ужасная, я такой отродясь не видывал. Насыпи размыло, колеса по трубицы, да еще на них накатывается глина и залепливает спицы, и делаются из колес, как я говорю, ржаные хлебы. Они даже не вертятся... Это по деревням. Там крестьяне по своим улицам и не едут, а все околицами. Оттого я и опоздал к четвергу на пароход. Мы, слава богу, здоровы. Еленчик где-то оставила свое пальто летнее. По обыкновению, беспамятная. Хорошо, что в г. Москве есть запасное старое.

Что-то мамочка? Я не могу вспомнить без боли, что она больна. Попроси, Саша, ухаживать прислугу за нею.

Целуем вас крепко. Еще напишу с дороги.

Любящий тебя брат В. Суриков

95. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва. 1891]

Здравствуйте, милые наши мамочка и Саша!

Я переехал на квартиру. Очень большая она. Зала, где думаю картину работать¹, 9 аршин длины и 4 в ширину. Не знаю, как-то в тепле будет. Сюда приехали Кузнецовы, и мы жили в одной гостинице и не знали друг про друга. Вот что значит столица-то!

Как-то мамочка? Здорова ли она? Напиши, дружок, поскорее. Мы все вспоминаем, как ты скрылся от нас под горою... когда провожал нас. Мы долго видели твой белый сюртук...

Девочки сейчас ушли в гимназию. Ничего, мы все, слава богу, здоровы. Холст выписываю через магазин Аванцо из Лейпцига. К 15 сентября ожидаю.

Гоголеву² скажи, что я на днях велю выслать образчики для мебели. Живет ли у вас прислуга? У меня пожилая женщина на днях поступила. Ничего, кажется. Адрес мой: *на углу Цветного бульвара и Садовой улицы, дом Торопова, кв. № 15.*

Не позволяй мамочке ходить на погреб. Поклонись Долинскому, Гоголевым и прочим.

Любящий тебя брат В. Суриков

96. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 11 декабря 1891

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Мы, слава богу, здоровы. Простите, что долго не писал. Мы переехали на другую квартиру на Долгоруковской улице, дом Збука, мы уже жили там, когда Лиля была жива. Я начал «Ермака». Картина 8 аршин и 4.

Письмо твое получил, где ты пишешь о портсигаре, тебе поднесено, и успехи по службе. Картину еще не продал¹. Она находится в путешествии по России. Шансов на продажу мало. Что делать! Не унываю; покуда есть еще средства работать — работаю. Ты пишешь, что хочешь дом поправлять. Я давно об этом думал, и, если найдутся средства, я тебе помогу. Меня вот теперь разоряет квартира — плачу 60 рублей, да еще дрова 9 рублей сажень. Все вздорожало в Москве. Хлеб тоже. Мясо еще в той цене. Беда в том, что для большой картины нужна большая комната, а большая комната находится всегда в большой квартире, а то бы нечего платить 60 рублей. Горюю и о том, что у вас квартирантов нет. Мамочка пусть бережется. А ты, брат, не посылай мне ни чаю, ни прочего — это дорого стоит пересылать. Оля и Лена учатся ничего, ладно. Вот я не знаю, сколько мне даст передвижная выставка дивиденда. Если даст рублей 300, то тебе пошлю 100 рублей на дом.

Твой любящий брат В. Суриков

1892

97. А. Н. БЕНУА¹

[Москва]. 7 января 1892

Многоуважаемый Альберт Николаевич!

Знакомые мои сибиряки Кузнецовы спрашивали меня про картину Мещерского «Север на взморье»², которая была послана Матвеевой Ю. П. в прошлом году. Надобно было бы ее натянуть на подрамник и представить в Академию для осмотра, относительно приобретения в музей.

Что бы там ни вышло, а они просили меня передать их желание. Не знаю, осматривают ли картины в январе?

Будьте добры уведомить меня о сем.

Душевно уважающий В. Суриков

Угол Тверской и Леонтиевского пер. д. Полякова.

98. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

[Москва]. 15 января 1892

Многоуважаемый Павел Михайлович!

Мне передали адрес Знаменской, которой принадлежат рисунки Федотова¹. На площади Страстного монастыря, дом Чижовых, меблированные комнаты г-жи Колесовой, № 9, спросить Антонину Александровну Знаменскую. Она будет, как мне сказали, все эти дни дома от 4 до 6 часов вечера.

Еще она просила передать Вам, что она старается достать портрет Федотова, рисованный им самим.

Искренно Вас уважающий В. Суриков

99. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 24 января 1892

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Посылку вашу мы получили. Похрумкиваем черемушку и попиваем чаек.

Картина помаленьку подвигается¹. К выставке готовлю небольшой этюд, давно начатый, — русская старинная девушка в нашем прабабушкином голубом шугае. Вышло ладно. Даже уже и раму заказал и в середине февраля пошлю на выставку в Питер².

Как твой конишко, катаешься, я думаю. Мы частенько вспоминаем твоего нового коня. А Савраску жалею. Здесь были страшные морозы дней 5. У нас так в квартире было холодно, что ребятишки в шубах сидели. У меня в Новый год были крестная мать и Евгения Ивановна. Они тебе поклон посылают. Что, я думаю, у вас пашкетишко готовили и пили парфенюшкет [?]. И мне, брат, они привезли пирог сладкий из кондитерской. Как мамочка-то наша себя чувствует? Шубенко-то у нее, кажись, тепленький? Прокопыха-то, я думаю, снабжает ее чем нужно, ну и попадьенка-то молочишко отпускает? Ах, мамочка, мамочка, так бы и попил чайшку с ней. Ну, бог даст, увидимся.

Ребятишки учатся хорошо. Сидят сейчас за уроками. А до чаю пойдем прогуляться к Бутырской заставе, там и городом не пахнет.

Я рад, Саша, что жильцы у вас живут — все не пустой дом.

Целую вас, мои дорогие.

Твой брат В. Суриков

100. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва. 1892]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Посылаю, Сашонок, сто рублей на поправку дома. Надо мамочку утешить, а то дом рушится. Купи покуда лесу, что ли. Я продал два этюда, так что себя не стесняю. Посылаю тебе сапоги и пряники, а мамочке косынку. «Ермак» подвигается. «Городок» еще не продан¹. Картина путешествует по России на выставках передвижной. Хочу коня пере-

писать. Тогда может быть она лучше ². Радуюсь за твой чин. А может, и Станислава к пасхе получишь?

Саша, я думаю печки вверху не трогать. Тепло выносит в стены. Надо проконопатить их и обшить дом новым тесом. Полы внизу и вверху перебрать. Вообще, спроси подрядчика, сколько это будет стоить на самую крайнюю цену. Ведь дом надо приподнять с угла во дворе на улицу. Напиши обо всем.

Рассчитываю это лето, если бог позволит, ехать в Тобольск для списывания инородцев в картину «Ермака». А в Красноярск, если можно, не надолго. Но вперед не забегаю.

Целую вас, мои дорогие.

Твой брат любящий В. Суриков

101. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Тобольск]. 1 июня 1892

Здравствуйте, милые мамочка и Саша!

Я живу теперь в Тобольске ¹. Пишу этюды в музее и татар здешних, и еще виды Иртыша ². Губернатор здесь очень любезен — оказал мне содействие по музею. Сегодня был он у меня в гостинице. Время у меня здесь проходит с пользою. Встретил меня в музее знакомый Долинского, он у тебя, должно быть, был. Дня через два уезжаем в Самарово или Сургут, остяков в картину писать. Если бог велит, более 3 и 4 дней там жить не думаю. А потом скорее к вам, дорогие мои. Мы ужасно соскучились по вас. Что делать! Этюды нужны. Целуем вас.

В. Суриков

Думаю быть в Красноярске числу к 15 или 17 июня.

102. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

3 июля [18]92

Здравствуйте, милые мамочка и Саша!

Я теперь живу у Иннокентия Петровича Кузнецова в его даче за Узун-Джулом ¹, пишу этюды татар. Написал очень порядочное количество ². Воздух здесь хороший.

Остановливался в Минусинске на один день, так как музей отделялся и многие вещи трудно было видеть ³. Думаю порисовать там на обратном пути. Ехали в Минусинск с Гортищевым. Славный малый; он же посоветовал, где остановиться. Когда он приехал, отец его был жив и, кажется, немного стал поправляться.

Представь себе, я на улице, на площади музея, встретился с о. Федосом, и он узнал меня. Страшно удивился. Перед отъездом я на минутку заходил к нему, так как он меня просил. Матушка мало изменилась, но Александра Федосовна очень.

Пиши по адресу: Минусинск, Немир, около Узун-Джула, резиденция И. П. Кузнецова, для передачи мне. Останусь здесь недели две еще.

Нашел тип для Ермака ⁴. Напиши, что, начал ли штукатурить? Мне очень хотелось в Красноярске пожить недельки полторы-две. Mamочка, целую Вас, будьте здоровы.
Целую тебя, Саша.

Твой В. Суриков

103. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 8 декабря [18]92

Здравствуйте, наши милые мамочка и Саша!

Я вот с месяц назад переехал опять на старую квартиру в дом Збука. На той квартире невозможно было работать — совсем темно. Збук немного мне уступил: плачу не 60 рублей, а 55 рублей — все хоть немного на дрова перехватит.

Я-то там только время терял, хоть и дешевле. Теперь кончаю картину «Исцеление слепого Иисусом Христом» ¹. К февралю будет готова, если бог велит. «Ермака» начну после нее. Меня очень тревожит, отчего у вас холодно от пола. Может быть, это от отдушников с улицы? Заложены ли они? И не сыро ли от каменного фундамента? А штукатурка внизу просохла ли? Напиши, Саша, обо всем. Неужели по ночам вам не теплее теперь, как до переделки? Ты, Саша, хоть кошму маленькую под ноги стели, когда пишешь дома. Жильцов наверху оттого настоящих нет, что поздно постройку кончили.

На днях у нас были Барташевы: Марья да Лизавета Петровны. Приезжали в Питер. Скажи Долинскому, что Ковалевский съехал с год уже с своей квартиры по Тверской, и мне швейцар не может указать, где он живет. Рачковскому о. Ивану ² скажи, что на днях узнаю о кресте, сколько стоит будет, тогда напишу ему. Вот что, Сашонок: если недорого будет стоять, пошли по почте выписку об атамане и дядьках, что Спиридонов ³ дал нам. Оставь себе копию. Шубы переделал девчонкам. Вышли ничего — на вырост. Пошлю карточку как-нибудь вам с них в новых шубах. У тебя, Саша, в ящике осталась еще квитанция от магазина — корпус [?] на шубы наши. Посему выходит: не дают без квитанции. Брал удостоверение из полиции. Будешь посылать выписку, пошли и ее. Адрес тот же: Долгоруковская ул., д. Збука.

Тепло ли мамочке, шубенок-то перекрыли?! Тепло ли Вам, мама, спать? У самоваришка-то брюхо, я думаю, всегда горячо! Самовар я видел, брат, здесь в Москве, в трактире перевозили, ведер в 15. Лежит на телеге, словно боров; все москвичи на него смотрели с восторгом. Шлю поклон и ее преподобию толстомясой попадье, нашей соседке. Жилин ⁴ был у меня, да что-то больше не вижу.

Целую вас, дорогие мои.

В. Суриков

1893

104. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва. Февраль 1893]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Мы, слава богу, все здоровы. На днях я был в Петербурге¹ и останавливался у Евгения Петровича Пономарева. У него мать и сестра, помнишь, Александра Петровна, говорунья-то, умерли одна за другой. Один живет теперь. Брат его Николай тоже теперь в Петербурге живет. Еще новость тебе сообщу: мать Лили, бабушка Оли и Лены, умерла². Я был у них. Соня, Катя и их сестра живут все вместе. Посылают тебе поклон.

На выставку я поставил картину «Исцеление слепого И[исусом] Христом». Художники хвалят и московская публика, которая у меня видела картину дома. Не знаю, что скажет петербургская. Да я думаю, что она довольно равнодушна в деле веры.

Выписку о казачьей родне получил, только странно, пропущен в списке дедушка наш родной сотник Василий Иванович Суриков. Об этом ты скажи Спиридонову. Ему я посылаю поклон.

105. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва. Апрель 1893]

Здравствуйте, дорогие мои мамочка и Саша!

Посылаю тебе сапоги. Тебя, я думаю, удивит, что посылаю их старые. Я, брат, их 4 месяца носил, да в пальцах все узко. А тебе они будут как раз. Все-таки они крепче, нежели покупные, так как я их заказывал. Голенище тоже расставляли. Если вставки тебе лишни, вели выпороть. Погоди немного, я тебе пошлю новые.

Мамочке посылаю на платье, чтобы только скроили длинное, она это любит, да и я. Пишу «Ермака». Читал я историю о донских казаках¹. Мы, сибирские казаки, происходим от них; потом уральские и гребенские. Читаю, а душа так и радуется, что мы с тобою роду хорошего.

У сердушат был бой примерный. Оттого и письма их под впечатлением порохового дыма. Военная, брат, кровь-то у них! Но вообще в мирное время целуются и Оля заботится о Лене.

Здесь все холода, почти конец апреля, и все снег идет. Поклонись председателю. Все нет времени узнать о Ковалевском. Работаю над картиной с 8 утра до 6 вечера, а и позже. Критика картиной «Исцеление слепого Христом» недовольна. Идеалисты ругают, что она очень реальна, а реалисты, что она чересчур идеальна²... Вот и разбери. А плюнуть придется на тех и других.

Мамочка пусть бережется, также и ты, дорогой брат.

Любящий вас В. Суриков

106. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 23 мая [1893]

Здравствуйте, милые мама и Саша!

Посылаю письмо с Леонтием Федотовичем ¹. Мы, дорогие мама и Саша, нынешнее лето едва ли будем в Красноярске, так как для картины нужно ехать на Дон к казакам. Квартиру оставляю за собой. Mamочка, это лето, если будет черемуха и черника, то засушите их. Если будем здоровы, бог даст, на следующее лето непременно будем с вами.

Не знаю, каково будет на Дону, да очень нужно там быть. Ничего не поделаешь! Лица старых казаков там напишу. Жара только страшная на Дону. Дня через два или три уедем из Москвы. Я оттуда напишу тебе. Сначала еду в Новочеркасск, а потом в станицу Раздорскую или Старочеркасск.

Целую вас, дорогие мои. Не беспокойтесь и берегите себя. А год скоро пройдет.

Любящий тебя брат В. Суриков

Саша! Возьми этюд у Рачковского ².

107. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

*Станица Раздорская.
4 июня 1893*

Здравствуйте, дорогие мамочка и Саша!

Мы проживаем теперь в станице Раздорской на Дону. Тут я думаю найти некоторые лица для картины. Отсюда, говорят, вышел Ермак и пошел на Волгу и Сибирь. Не знаю, долго ли проживу здесь, — смотря, что найду.

Встретил на пароходе барышню. Она у вас будет в Красноярске. Не знаю, долго ли пробуду здесь. Ну, Саша, какое здесь настоящее виноградное вино, 60 копеек две бутылки (кварта). Отродясь такого не пивал! Выпьешь стакан, так горячо проходит, а сладость-то какая! В г. Москве ни за какие деньги не достанешь — сейчас подмешают.

Написал два лица казачьи ¹, очень характерные, и лодку большую казачью. Завтра будет войсковой станичный круг. Посмотрю там, что пригодится. Начальство казачье оказывает мне внимание. Остановились мы у одной казачки за 20 рублей в месяц с квартирой и столом. В Москве осталась квартира за мной. Господь поможет, так увидимся на будущий год. Mamочка пусть бережет себя и ты тоже.

Любящий тебя брат В. Суриков

108. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

*Москва. Долгоруковская ул.,
д. Збука. 5 августа [18]93*

Здравствуйте, милые мамочка и Саша!

Мы возвратились из поездки по Дону. Я написал много этюдов; все лица характерные ¹. Дон сильно напоминает местности сибирские; должно быть, донские казаки при завоевании Сибири и облюбовали для поселения места, напоминавшие отдаленную родину. Меня казаки очень хорошо при-

няли. Жили мы в Раздорской станице, Константиновской, Старочеркасске², где находятся цепи Степана Разина; ездил с казаками на конях, и казаки хвалили мою посадку. «Ишь, — говорят, — еще не служил, а ездит хорошо». Только ноги совсем носками к брюху коня держат. Мне это сначала трудно было. У нас была Марья Семеновна³ проездом и уехала в Палестину.

Какое, брат, вино я хорошее пил! Без примеси. Там почти все казаки, в Раздоре, виноград давят. Мне атаман станичный хотел осенью прислать винца за его портрет акварелью. Тогда и я тебе пошлю. Знаешь, Саша, у нас с тобой родные, должно быть, есть на Дону — в станицах Урюпинской и Усть-Медведицкой есть казаки Суриковы, и есть почти все фамилии наших древних казачьих родов: Ваньковы, Теряевы, Шуваевы, Терековы, как мне передавали об этом донские офицеры и казаки, с которыми эти фамилии служили. Нашел для Ермака и его есаулов натуру для картины. Теперь уже вписываю их.

Как мамочкино здоровье? Я думаю, ждала она нас, да и не дождалась. Нельзя, мама. Вот, если господь велит, на будущее лето приедем; время незаметно пройдет.

Будьте здоровы, мои дорогие. Каждый день по несколько раз поминаем вас.

Целую вас В. Суриков

109. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 11 сентября 1893

Здравствуйте, дорогие мамочка и Саша!

Вы, я думаю, получили уже мое письмо. Вот все жду вашего. Оля и Лена сейчас пошли в 1-й раз в гимназию. Еленчик все жалуется на головную боль. Так что был с ней у доктора, который прописал ей лекарство. Говорит, что пройдет.

Картину работаю. А работы тьма еще. Не знаю, кончу ли к весне, очень бы хотелось, так как квартира, которую я оставлял на лето за собой, здорово холодна. Я хочу, чтобы хозяин поставил мне в залу печку железную.

Марья Семеновна говорила мне, что постояльцы вверху очень довольны, что квартира теплая. Ну, слава богу, что хоть недаром мы дом переправляли. А вот не знаю, как у вас внизу-то тепло ли будет эту зиму.

Заходил ли к вам Чернышев¹, ученик (нрзб) рисовальной школы в Москве? Я думаю, что он скоро вернется в Москву (письмо это я еще не кончил).

Я сегодня получил твое письмо, где ты говоришь, что Долинский уволен. Как-то ты теперь будешь служить с Горбатовским. Уж как-нибудь устрой, чтобы нового-то пред[седателя] дождаться. Ты говоришь, что опять был больной и мама. Я думаю, что не от сырости ли внизу вы хвораете? Может еще не просох низ-то. Поставь железную печь. Про коня пишешь, что нету? Да хорошо ли к зиме заводить. Опять работника надо нанимать. Подожди лучше до лета, когда приеду, тогда заведем!

Саша, не нуждается ли вы с мамой, ты говоришь, что истратил на лекарства. Так я пошлю, сколько могу. Очень я беспокоюсь что-то о вас с мамой; что это все хвораете, отчего? Или от непомерного твоего труда, или простужаешься и мама, или, как я говорил, сыро внизу.

Каждый день, каждый час я все думаю о вас с мамой. Есть ли у нее теплая обувь?

Картина моя, слава богу, подвигается, и думаю к весне кончить. Материалу довольно много набрал.

Берегите же здоровье, дорогие мои, целую вас.

Твой брат любящий В. Суриков

Долгоруковская ул. д. Збука.

110. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 18 ноября [1893]

Здравствуйте, милые наши мамочка и Саша!

Простите, что долго не писали. Мы тоже немного «отхватили» по болезни. Сначала Лена, а потом я с Олей. У меня с ней была инфлюэнца. Нет, теперь, слава богу, прошло. Мы получили черемуху и чай. Спасибо, брат.

Картина подвигается. Казачьи типы казаки, *которые* у меня были в мастерской, признают за свои. Но к этой выставке не кончу. У нас были Кузнецовы, обедали, и Рачковский — доктор. Он хотел к вам зайти.

Как-то мимо меня раза два проехал Долинский. Он, мне Кузнецовы говорили, в Москве. Но мне что-то не заезжает. Как-то теперь послуживаешь и не приехал ли новый председатель? От Рачковского я узнал о смерти моего старого товарища отца Иоанна Рачковского. Царство ему небесное. Я его очень любил и уважал. В нем как-то мало было стяжательства. Умер, говорят, и Васильев богач.

Напиши мне, не забудь, что, поубавилась ли сырость внизу у нас и будете ли железную печь топить? Как-то досадно — поправляли, поправляли заново, а без железки не обойтись! Мне про железную печь Пирожников говорил, что ту зиму она стояла внизу.

Мамочка, здоровье как? Тепло ли одевается? Мы 14 октября вспоминали, что теперь у вас пашкетишко, может, стоит на столе, ну, и поздравлялись с именинницей¹. А ты коня-то купил, ну, так почаще катайся, да мамочку вози гулять. Поклонись от меня твоим товарищам. Целую вас, мои дорогие.

Любящий вас В. Суриков

1894

111. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва. Начало 1894]

Здравствуйте, дорогие мамочка и Саша!

Письмо твое мы получили с письмецами Оле и Лене. Они учатся ничего, порядочно. На рождестве я их водил в цирк.

У меня два дня назад был Савенков¹. Он переводится в Варшаву. Видел моего «Ермака» и очень хвалит картину. Жаль Калину. Дождется ли он, бедный, перед смертью ордена св. Владимира 4-й степени? Когда я его видел в последний раз, то он ждал его. А Михайло-то Яковлевич², какой крепкий был, просто не ожидал! Теперь только два брата осталось. Марья Семеновна Савельева возвратилась из Палестины, была у нас и привезла два образочка, которые были возложены на гроб господень. Она хлопотала, чтоб ее перевели туда учительницей, так как население ее ужасно любит. Еще пишу тебе, что я недавно в числе некоторых избран в действительные (не подумай — статские советники), а в действительные члены Академии художеств по высочайшему утверждению. Фамилии напечатаны в «Московских ведомостях» в декабре месяце³. Картина моя идет вперед. Казачья сторона вся наполнилась, и уже оканчиваю некоторые фигуры. Не торопясь, с божьей помощью, можно хорошо кончить ее к будущей выставке. На эту выставку пошлю два или три этюда, а картины никакой не будет⁴. Не знаю как, а хотелось бы нынешним летом еще поработать этюды татар в Тобольске и приехать к вам, мои дорогие, не надолго. Да не знаю, как бог велит, — в мае выяснится. Душата так и рвутся в Красноярск повидаться с вами и покататься на новокупленном коне. Может быть, бог даст, и свидимся это лето. Если можно, вот что, Саша: пошли фунтишко чаю, просто не могу пить здешний веник, но только фунт, и больше ничего не посылай. Саша, квитанции получил на шубы.

Теперь я опять принялся за «Ермака». Работы будет очень много за ним. Радуюсь, что много этюдов для него написал. На днях узнаю адрес Ковалевского и схожу к нему, если он в Москве. Поклонись от меня Сергею Матвеевичу⁵ и всем знакомым моим.

Целую вас, мои дорогие. Mamочка, берегите здоровье.

Твой брат В. Суриков

Поклонись от меня Тане.

112. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

Москва. 5 апреля 1894

Здравствуйте, милые и дорогие мамочка и Саша!

Простите, что долго не писал. Все не мог собраться узнать про ремни. Нашел я в Замоскворечье, на Балчуге, ряды шорные, и там мне показывали настоящие тянутые ремни и поддельные, которыми и торгуют, должно быть, в Красноярске. Они не прочны. Они уступают мне настоящие ремни, широкие, за 45 и 30 к. поуже — 1 арш. На шлею надо 4, узких 8. Не знаю, сколько тебе нужно. Если успеешь написать до отъезда нашего из Москвы до 20 мая, то напиши. По получении этого письма пиши на другой день, тогда можно получить твое письмо. А если не получу вовремя, то привезу на шлею, сколько сказали в лавке.

Я, брат, и не знаток в ремнях, но настоящие, но тщательно их рассмотрю, резко отличаются своим видом и прочностью от поддельных,

которые и не тянуты и рвутся очень скоро. А по виду похожи. Смотри, Саша, ремней не покупай в Красноярске.

Картина моя заметно подвигается к концу; недостает только нескольких этюдов, которые я надеюсь сделать в путешествии. Картину все, которым я показывал ее (немногим избранным художникам), единодушно хвалят и говорят, что это лучшая моя картина ¹. Дай господи. Что вперед будет, не знаю. Его святая воля.

Чаяк-то и ягоденки получил. Спасибо вам, дорогие мои. Думаю выехать из Москвы 20 мая в Красноярск, по окончании Олиных экзаменов, бог даст, увидимся. Ты, Саша, сапог себе не покупай, и рубашонок я тебе привезу, и мамочке тоже что-нибудь привезу. Целую вас, дорогие мои.

Остаюсь любящий вас В. Суриков

113. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

28 июля [1894] ¹

Дорогие мои мамочка и Саша!

Сейчас сели на пароход «Косаговский» Курбатова и завтра, бог даст, в 3 утра выедем в Тюмень. На станциях до самого Томска, с твоей легкой руки, ехали, платя за 2 лошади. Были поползновения со стороны писарей почтовых станций содрать за 3 лошади, но я их укрощал вескими словами и видом своего азяма ², ухарски спущенного с правого плеча...

Калоши, ключи — все нашли на станциях, так что теперь ломать замков не надо. В Томске купили две мерлушки на шапки девочкам, а ичигов ³ для мамы не было, а были татарские, вышитые и без каблук. В Тюмени, думаю, найду и pošлю мамочке, а ты куда не покупай их: недели через две или много три они дойдут. Пароход «Москва», на котором я хотел ехать, и не будет ранее 4 августа; наврали в газете. На дороге я встретил, то есть подошел ко мне один из инженерных контролеров, который едет в Красноярск. Он к тебе зайдет. Я затем просил зайти к тебе, чтобы сказать маме, что он встретил нас здоровыми. Я на той станции ждал лошадей 4 часа — разгон. Приехал и главный инженер Межеников — важная персона, и сморкается как иерихонская труба. Ну, с дороги еще напишу. Берегите здоровье, мамочка. Целую вас, мои дорогие.

Твой любящий брат В. Суриков

114. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 15 августа [18]94

Здравствуйте, дорогие мои мамочка и Саша!

Мы приехали в Москву 11 августа и устроились опять у Збука; только квартиру переменял на другую, поменьше: плачу 30 руб. в месяц. Картину же рассчитываю кончать в музее ¹.

Теперь опишу мои похождения насчет маминых ичигов. Приезжаю в Томск, — смотрел по лавкам, — все татарские вышитые переда и задки. В Тюмень опоздали пароходом и пришли вечером, когда лавки были заперты; но я с Леной обходил все, которые торгуют сапогами со двора,

и где были приказчики, то показали, и все татарские без каблуков. Но главная торговля их была в простых лавках на площади. Но они были заперты, и приказчиков нету.

Татарин встретился и сказал, что все ичиги из Казани привезли в Тюмень. Приезжаю в Казань, в город нельзя — далеко, боялся опоздать, а на берегу нет, но мне дали адрес в Нижний на ярмарку к татарину.

В Нижнем с Леной, обегавши ярмарку, нашли татарина, но у него, хотя и черные, но вышитые задки и без каблуков. Лена говорит, что бабушка татарские ни за что не наденет. Вот, брат, история-то!

На днях похожу здесь — не найду ли, а то закажу. [...]

Получили ли вы, Сашута, мои телеграммы из Томска и Москвы о приезде. На днях пойду устраиваться с картиной в музей. Мамочка, берегитесь, ничего не кушайте вредного, а ты, Саша, купи курицу на базаре и бульону свари маме. Как-то насчет прислуги, напиши.

Любящий тебя брат В. Суриков

Долгоруковская улица, дом Збука, кв. № 7.

115. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 20 сентября 1894

Здравствуйте, дорогие мамочка и Саша!

Я от вас уже два месяца не получал известия. Здоровы ли вы? Мы все, слава богу, здоровы. Я теперь кончаю «Ермака» в зале Исторического музея, в Москве вот уже месяц. Картина сильно подвинулась. Ее видели Потанин ¹ — знаменитый путешественник, потом начальник музея князь Щербатов ² с женой и сестрой — княгиней Оболенской ^{3*}, граф Комаровский ⁴ — начальник Оружейной палаты, и еще некоторые ученые, московские художники, Забелин — историк, Семидалов — доктор, брат судьи ⁵, и еще некоторые военные, и все они признали, что Ермак у меня удался, не говоря уже о других фигурах. На днях была у меня издательница журнала «Север» Ремезова ⁶ и, несмотря на то, что картина не окончена, купила у меня право на издание литографии красками с «Ермака» в премию к «Северу» за 3000 рублей, тысячу уже послала, вторую — в январе и последнюю, по условиям, — в марте. Да что же, подождать могу. В «Русских ведомостях» 16-го была заметка о содержании картины ⁷ и должна быть, как говорили, в «Восточном обозрении» ⁸. К половине февраля думаю, с божьей помощью, кончить. Надо еще раму заказать. Что дальше господь даст — будет святая его воля.

Что, Саша, кузнецовская фотография нас с мамой готова ли? Если готова, — пошли ⁹. На днях хочу поискать ичигов для мамочки, может найду.

Ну, целую вас, мои дорогие.

Твой любящий брат В. Суриков

(Долгоруковская, д. Збука, кв. 7).

* Фрейлина государыни. (Примеч. Сурикова).

116. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва.] 31 октября [18] 94

Здравствуйте, дорогие мамочка и Саша!

Очень обрадовались мы, что получили Ваше письмо. Оно первое письмо после отъезда из Красноярска. Все беспокоимся о мамочке, что-то будет с нами.

Ты уж знаешь о скорби, постигшей всю Россию. Добрый и ласковый государь наш скончался! Много, брат, я слез пролил, да и не один я, а все. В приходе, где мы живем, я принимал присягу нынешнему государю. Вчера был выезд похоронной процессии с телом государя. Народу была такая масса, что видеть ничего не удалось, как следует.

О себе скажу, что картину я уже кончаю. Заказал раму и в феврале выставлю, если бог велит, в Академии художеств. Я недавно был в Петербурге на один день по изданию Ермаковой¹ премии в «Севере». Мамочка пусть бережется. Все надеюсь видаться еще с нею.

Любящий брат твой В. Суриков

117. М. К. РЕМЕЗОВОЙ

С. Петербург [1894?]

Разрешаю исключительное право на снятие фотографии с моей картины «Покорение Сибири Ермаком» издательнице журнала «Север» Марии Ксенофоновне Ремезовой¹.

В. Суриков

118. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Москва]. 22 декабря 1894

Здравствуйте, милые и дорогие мама и Саша!

Сейчас получил вашу повестку на посылку и очень сожалею, что так долго не мог собраться написать вам письмо. Я знаю, что как дорого получать письма друг от друга. Да вот теперь кончаю картину, работаю до самого вечера. Завтра принесут раму. Стоит она 100 рублей. Не знаю, как будет идти к картине. Все, кто видел картину, всех она поражает, а судьба, которая ее ожидает, мне неизвестна... Даже немного горько, что хороша картина по отзывам, а ничего вдруг за нее не получу. Так что немного в тревожном состоянии нахожусь. Ну, да без этого нельзя. По-казачьи не будешь вперед думать, а что бог даст. Хоть не будет ни гроша, а может, слава хороша!

О кресте твоим послежу в «Правит[ельственном] Вестнике». Тут домохозяин Збук послал образки в наш Красноярский мужской монастырь, а имени монастыря я не знаю. Напиши, как он называется. Не знаю, дойдет ли его посылка. Я спрашивал некоторых из учащихся красноярцев, а они не знают об этом.

Что-то мамочка наша? Все виню себя, что не выслал ичиги, где найдем, не знаю. Тебе, Оля говорила, перчатки надо? На днях вышлю. Что же мамочка-то, ходит? Все думаю повидаться с нею и тобой. Вот и все мечтаю об этом, что приедете летом в Москву с мамочкой, к мощам св. угодников поклониться. Целую вас, дорогие мои.

В. Суриков

В. И. Суриков с матерью и братом.
Красноярск. 1868

В. И. Суриков и Д. Лавров.
Екатеринбург. 1869

В. И. Суриков. Петербург. 1869

В. И. Суриков. Петербург. 1873

Е. А. Сурикова, жена художника.
1880-е гг.

В. И. и А. И. Суриковы
с дочерьми художника Олей и Леной

П. Ф. Сурикова, мать художника.
Красноярск. 1890-е гг.

В. И. Суриков. Москва. 1880-е гг.

В. И. Суриков в своей квартире
в Леонтьевском переулке. Москва.
1904

В. И. Суриков на крылечке дома
в Красноярске. 1914

В. И. Суриков. 1915

АТТЕСТАТЪ

ДАНЫ СЕЙ УЧЕНИКУ **ИМПЕРАТОРСКОЙ** АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ.
ПО *Академіи Императорской* въ удостовѣреніе
ОКАЗАННЫХЪ ИМЪ УСЛѢХОВЪ НА ВЫПУСКНОМЪ ИСПЫТАНІИ ИЗЪ НАУКЪ:

ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОЙ „ *отлично* „
ИСТОРИИ ВСЕОБЩЕЙ „ *хорошо* „
ИСТОРИИ РУССКОЙ „ *хорошо* „
ИСТОРИИ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И АРХЕОЛОГІИ „ *хорошо* „
МЕХАНИКИ „ *хорошо* „
МАТЕМАТИКИ „ *хорошо* „
ФИЗИКИ „ *отлично* „
ХИМИИ „ *хорошо* „
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ЭСТЕТИКИ „ *хорошо* „
ПЕРСПЕКТИВЫ И ТЕОРИИ ТѢНЕЙ „ *хорошо* „
СТРОИТЕЛЬНАГО ИСКУССТВА „ *хорошо* „
СТРОИТЕЛЬНАГО ЗАКОНОВѢДѢНІЯ „ *хорошо* „
АРХИТЕКТУРЫ „ *отлично* „
АНАТОМІИ „ *хорошо* „

ТОВАРИЩЪ ПРЕЗИДЕНТА

В. М. Мухоморовъ

КОММУНИКАЦИОННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. Мухоморовъ

В. Мухоморовъ
1844 г.

№ 1004

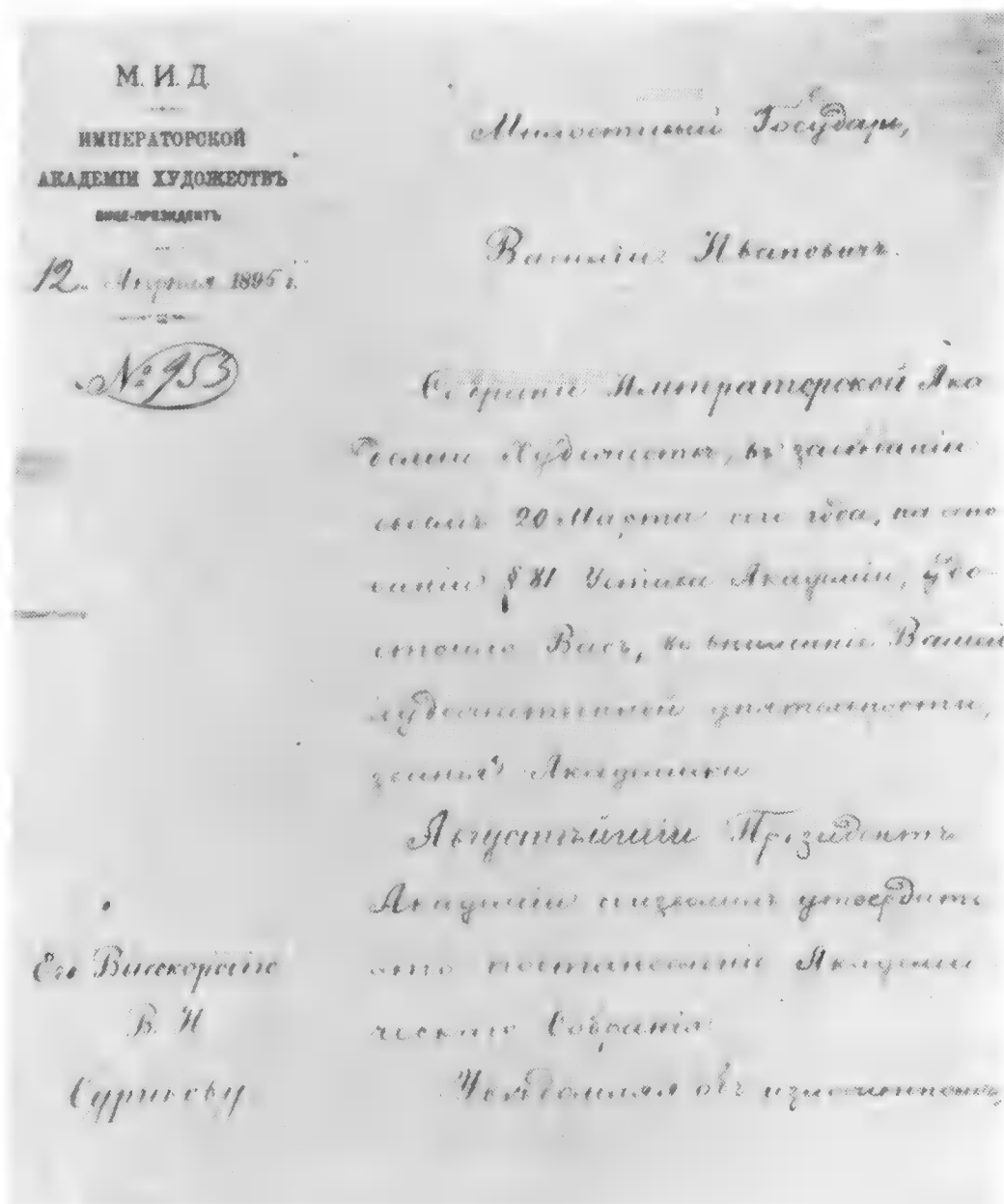
№ 2422.
Данъ сей дипломъ отъ Императорской Академіи Художествъ
Василью Сурикову на званіе Класснаго
Художника первой степени, которымъ онъ Суриковъ
удостоенъ опредѣленіемъ Совѣта Академіи. 31 Октября
1875 года состоявшимся, за отличные успѣхи въ живописи
съ присвоеніемъ на основаніи 293 ст. Т. III Кн. I Уст. о сл. по опред.
Прав. (прод. III № 4) права и чинъ I класса. Къ сему при-
лагается печать Академіи. С.-Петербургъ. Ноября 4 дня 1875 года.

Товарищъ Президента *Владимиръ*

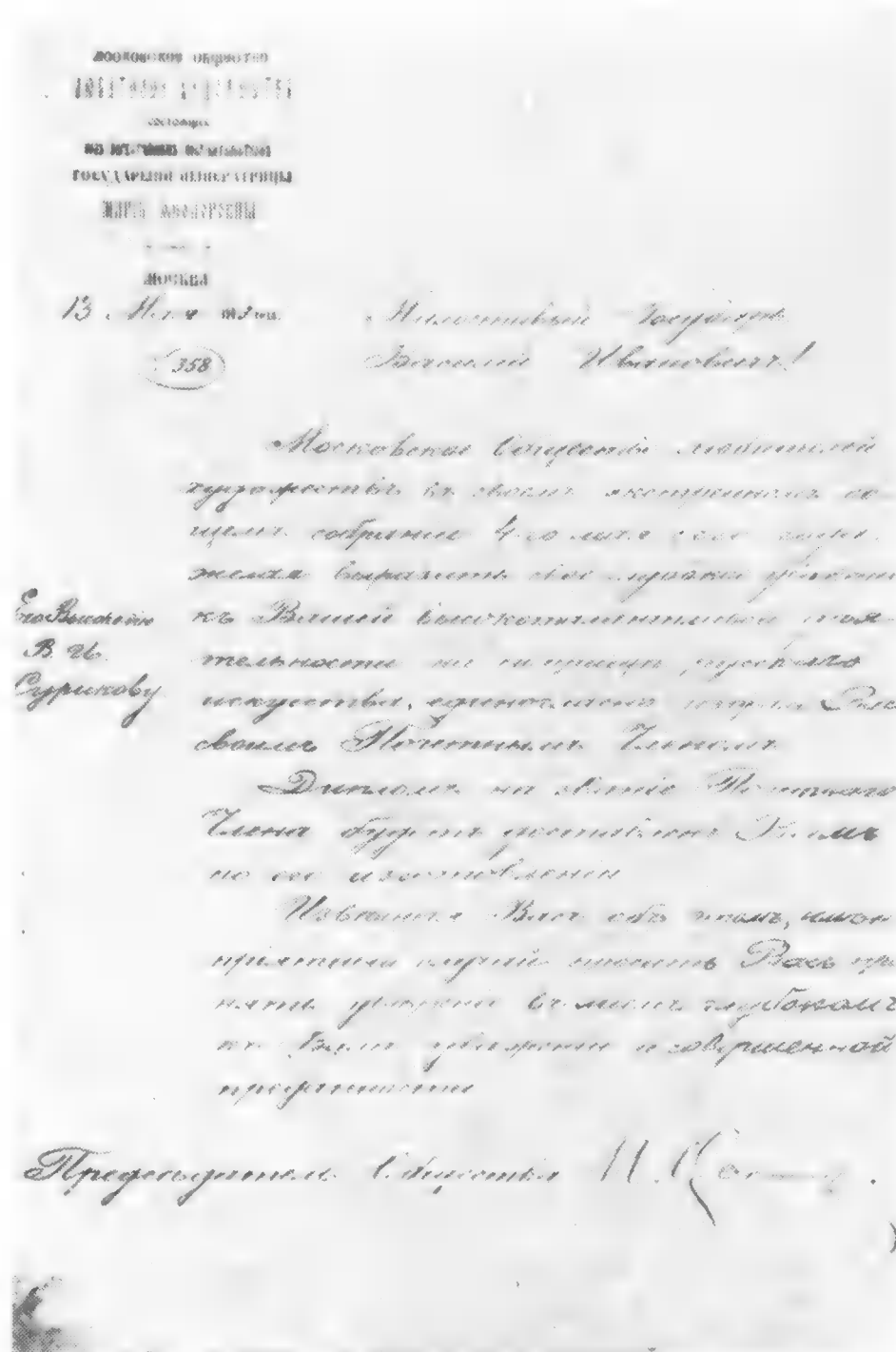
Конференція Секретарь *Меркель*

Президиумъ *Академіи*

Фотокопия диплома
на звание классного художника

Фотокопия документа
о присуждении звания академика

Фотокопия документа
об избрании В. И. Сурикова
почетным членом Общества
любителей художеств

Группа членов Товарищества
передвижных художественных выставок.
Фото. Ок. 1885. Слева направо: сидят —
В. Е. Маковский, К. А. Савицкий,
И. Н. Крамской, Г. Г. Мясоедов,
П. А. Брюллов, В. И. Суриков,
В. Д. Поленов. Стоят — Н. Е. Маковский,
А. К. Беггров, С. Н. Аммосов, Ивачев
(служащий в Правлении ТПХВ),
А. Д. Литовченко, И. И. Шишкин,
Н. В. Неврев, Е. Е. Волков, К. В. Лемох,
А. А. Киселев, Н. А. Ярошенко,
И. М. Прянишников, И. Е. Репин.

Группа художников в доме
С. И. Мамонтова. Фото. 1892. Слева
направо: В. И. Суриков, И. Е. Репин,
С. И. Мамонтов, К. А. Коровин, В. А. Серов,
М. М. Антокольский.

1895

119. П. Ф. и А. И. СУРИКОВЫМ

[Петербург]. 24 февраля 1895

Здравствуйте, дорогие мамочка и Саша!

Спешу уведомить вас, что картину мою «Покорение Сибири Ермаком» приобрел государь. Назначил я за нее 40 тысяч. Раньше ее торговал Третьяков и давал за нее 30 тысяч¹, по обыкновению своему страшно торговался из назначенной мной суммы, но государь, к счастью моему, оставил ее за собой.

Я был представлен великому князю Павлу Александровичу. Он хвалил картину и подал мне руку; потом приехал вел. кн. Владимир Александрович с супругой Марией Павловной, и она, по-французски, очень восторгалась моей картиной. Великий князь тоже подал мне руку, а великой княгине я руку поцеловал по этикету.

Был приглашен несколько раз к вице-президенту Академии графу Толстому², и на обеде там пили за мою картину. Когда я зашел на обед передвижников, все мне аплодировали. Был также устроен вечер в мастерской Репина, и он с учениками своими при входе моем тоже аплодировали. Но есть и... завистники. Газеты некоторые тоже из партийности мне подгаживают; но меня это уже не интересует...³ Слава господу, труд мой окончен с успехом! По желанию моему главнокомандующий в[еликий] к[нязь] Владимир Александрович разрешил видеть мою картину казакам лейб-гвардии. Были при мне уральские казаки, и все они в восторге, а потом придут донские, Атаманского полка и прочие уж без меня, а я всем им объяснял картину, а в Москве я ее показывал донцам.

120. А. И. СУРИКОВУ

[Москва. Конец февраля 1895]

Здравствуй, дорогой наш Сашенька!

Получил вчера твое скорбное письмо¹. Чего говорить, я хожу как в тумане. Слезы глаза застилают. Милая, дорогая наша матушка! Нет ее, нашей мамочки.

Господи, не оставь нас!

И помяни ее, господи, во царствии твоём! Она достигла царствия божия своей труженической жизнью. Милая наша! Я заберусь в угол, да и вою. Ничего, брат, мне не нужно теперь. Ко всему как-то равнодушен стал. По всей земле исходи — мамочки не встретишь. Недаром я ревел, как выехал из Красноярска². Сердце мое сразу почувствовало, что я ее больше не увижу...

Скорбно, скорбно, милый братец мой Сашенька! Так бы и обнял тебя теперь и рыдал бы вместе с тобой, как теперь рыдаю. Я все ждал лета, чтоб тебя с мамой в Москве увидеть, и комнатку для мамы назначил...

Я крепко жму руку Борисову и горячо благодарю всех, кто сколько-нибудь помог тебе, милый брат, в трудную минуту. Дуню благодарю, Таню и Гоголевых, и всех твоих верных товарищей.

Хорошо, что снял фотографию³. Потом увижу, а теперь жутко мне. Не тоскуй, Саша, укрепись по возможности. Молись, как и я, о мамочке, голубушке нашей. Господь услышит молитву нашу, ибо у нас сокровище есть — вера.

Как ты живешь теперь? Кто готовит тебе и кто около тебя? Письмо это пройдет 20 дней, а меня беспокоит, что с тобой за это время будет? Одно, Саша, не давай воли отчаянию. Это и грешно (по нашей христианской вере), да и не поможет. Это я по прежнему своему горю сужу. Летом мы, если господь велит, мы непременно увидимся⁴. Я жду не дождусь этого времени. Напиши мне о себе, а я вскоре еще буду писать тебе.

Целую тебя, дорогой и милый брат мой Сашенька.

Твой В. Суриков

121. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 3 апреля 1895

Здравствуй, дорогой наш Сашенька!

Все мы думаем, как ты живешь теперь один? Я пришел к тому убеждению, что не лучше ли бы было, Саша, чтобы тебе рассеяться немного, приехать к нам? Это тебе было бы очень полезно и для здоровья. Могут ли тебе дать отпуск на 4 месяца? Кстати, ты бы посмотрел и моего «Ермака». Теперь выставка открылась в Москве, и картину, если не в Москве, то съездили бы в Питер посмотреть, так как я думаю, что она будет в Эрмитаже или куда во дворце помещена. Право, Саша, если ты в силах сделать это путешествие, то приезжай. Я уж по горькому опыту знаю, что перемена некоторая необходима. Я знаю, что горько будет могилу мамы покидать, но ведь это будет на время. Панихиды будем здесь служить. На лето проживем где-нибудь вблизи Москвы. Очень бы мы хотели, чтобы ты, Саша, приехал. Ты же мне и говорил в прошлом году, что приедешь. Мы бы, если бог велит, на будущий год приехали бы в Красноярск.

Напиши поскорее.

Я получил от Академии звание академика. Это состоит в 7 классе и самая высшая награда в Академии. Это выше профессора теперь¹, хорошо, что тогда его [этого звания] и не дали мне.

На картину печать нападала из партийности в борьбе академистов и передвижников. Так что не картина виновата. Поклонись от меня всем. Ответ телеграммой, что приедешь.

Любящий тебя брат В. Суриков

122. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 23 августа [18]95

Дорогой Саша!

Получил твое письмо, где ты пишешь об ордене. Ты не волнуйся, а спокойно отнесись к этому. Это явление повседневно и везде, где есть служба военная или гражданская. О заслугах истинно служащих никому дела нет, а отличия, в большинстве случаев, получают разные пройдохи: по

кумовству или протекции. Это не ново и старо, как мир. И Суворова с большим удовольствием обходили в наградах, да уж под конец дела его гремели, что уж обойти его нельзя было. А историю с моей большой золотой медалью помнишь? Да я перенес, а под конец я же одолел ¹.

Во всяком случае, этого нельзя так оставить, и если поеду в Питер, должно быть, в сентябре, то я, по всей вероятности, найду случай переговорить об этом с кем следует. А до тех пор не говори.

Мы остались на той же квартире. Поздно, все взяты были. Прикупили мебели и кровати переменили. Бог даст, если будем живы, увидимся на будущее лето. Тюфяк один оставили для тебя. Как-то ты живешь? Все та же ли прислуга? Мы о тебе каждый день говорим. Укрепляйся верою в господа и тем, что у тебя есть мы.

Напиши, а что Дьяченки ² остались или нет?

Любящий тебя брат В. Суриков

123. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 24 октября [18]95

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Я давно тебе не писал, был в Питере на заседании Академии. Всё тащут меня профессором туда. Не знаю еще, как поступлю. Когда Оля кончит гимназию, тогда подумаю. Насчет твоего ордена мне говорили, что нужно обратиться к директору департамента, так если я поеду 30 октября еще на заседание, тогда, может быть, удастся сделать что-нибудь. Только никому, пожалуйста, не говори об этом, даже товарищам.

Я задумал новую картину писать. Тебе скажу под строжайшим секретом: «Переход Суворова через Альпы». Должно выйти что-нибудь интересное. Это народный герой.

Посылаю тебе образчик моего времяпрепровождения в свободные минуты ¹. Брат твой всегда будет одинаков, хоть ты его золотом обсыпь. Был 14 октября на могилке Лизы и подавал поминовение об мамочке и панихиду отслужил.

Помянул и Софью Владимировну. Передай ее домашним мое сожаление об ней.

Одевайся потеплее.

Я рад, что у тебя старушка Андрея живет. Лучше-то ведь трудно найти.

Товарищам твоим передай мой поклон. Тане тоже наш поклон посылаем.

Теперь буду писать почаще, прости меня. Я знаю, как мы беспокоимся друг о друге, когда никаких сведений нет. Поклонись могилочке дорогой нашей мамочки...

Любящий тебя брат твой В. Суриков

124. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 7 ноября [1895]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Вчера я получил твое письмо. Сейчас иду купить тебе сапоги и еще посылаю тебе 100 рублей, чтобы немного пополнить убыток, нанесенный

тебе сукиным сыном, квартирантом. Ты, Сашута, немного подтяни вожжи с ними.

Лучше было бы, чтобы ты брал с них деньги вперед за месяц. Это делается со всеми нами квартирантами повсюду. А то ведь они у тебя просто задаром живут. Смотри, и вдова-то попадья ничего не заплатит. Будь с ними покрепче. Сколько раз я тебе, душонок, говорил об этом.

Не достанешь ли где, браток, мне пропастинки? При воспоминании об ней у меня просто слезы умиления на глазах. Урюк обработали. А то бы, может, и туруханки достал? ¹ Был в Питере на днях. Пономарев тебе кланяется. Насчет отличий нам, брат, с тобой не везет. Оттого, что не умеем заискивать. Казаки мы с тобой благородные — родовые, а не лакеи. Меня эта идея всегда укрепляет.

Ну, будь здоров. Есть ли теплые чулки у тебя? И носи фуфайку на теле — в архиве-то ведь холодно. Послушайся меня. Она тебя спасет от будущих простуд. Остаюсь здоровый. Целую тебя.

Твой Вася

14 октября подавал на проскомидию о маме.

125. А. И. СУРИКОВУ

13 декабря [18]95

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Получили твое письмо. Два месяца не получали никаких сведений о тебе. Уж думал я, не заболел ли ты. Мы все, слава богу, здоровы.

В Петербург мне не удалось съездить, так что еще не справлялся в министерстве об ордене. Не знаю, когда выбрать время только для поездки. Над эскизом картины поработываю ¹.

Начал с Оли портрет, кажется выйдет ². Кончу его, тогда и с Бунзельюшки ³ напишу.

Я себе сшил новое пальто; верх новый и фасон очень хороший вышел *. Так что мы теперь с тобой в новых шубах. А Оле и Лене сделал на шерстяной вате пальто, да только, кажется, не очень теплые. Они сами хотели полегче.

Наверно, если Давыдов поедет в Питер, то ко мне заедет в Москве.

Дошел, брат, я до такого искусства, что, кроме штанов, переправляю собственноручно и жилеты. А сюртуки, дело будущего. У нас с тобой врожденный талант к дратве и иголке. Откроем когда вместе будем (нрзб) портняжно-шорное заведение.

Не нужно ли чего тебе послать из Москвы?

Остаемся живы и здоровы.

Любящий тебя брат В. Суриков

* Его не перешивал. (Примеч. Сурикова).

126. А. И. СУРИКОВУ

24 декабря [18]95

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Поздравляю тебя с праздником рождества Христова и желаю тебе здоровья главное.

Я, брат, раскошелился на новые шубы Оле и Лене. Шубы очень холодные оказались на вате, и они стали простуживаться, зато можно их носить весной, когда холодно еще; ну, думаю, плохо. Взял и купил на сером кенгуровом меху. Такой мех есть.

Вот тебе и Плюшкин!

Три ночи не спал от этой траты, шутка ли, 125 рубл. за обе! Зато уж теплые и куда угодно ехать в них можно.

Я слышал, что поезд приехал к нам в Красноярск¹. Ужасно обрадовались, все как-то ты теперь ближе к нам. В Москве появился новый пианист, Гофман², мальчик лет 19, и играет так, что всех московских дур с ума сводит — психопаток. Но во всяком случае человек с будущностью.

Когда поеду в Питер, то узнаю насчет тебя.

Любящий тебя брат В. Суриков

1896

127. П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

[Москва. 1896]

1. Этюды Минусинских татар Енисейской губернии.

2. Сибирский этюд девочки.

3. Казака. Этюд.

Деньги получил, многоуважаемый Павел Михайлович! Благодарю Вас¹.

В. Суриков

128. А. И. СУРИКОВУ

8 февраля [18]96

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Посылаю тебе сапоги заказные. Я думаю, что они тебе хороши будут.

В Петербург мне не удалось съездить. Думаю, что числа 20 февраля поеду. На выставку послал казачьи этюды¹.

Ты просил Ленину карточку, но я ее не могу затащить в фотографию сняться. Если сниму, то пошлю. Мы, слава богу, здоровы. У меня был Инн[окентий] Петр[ович] Кузнецов, ездил в театры с ним. Даже из любопытства маскарад смотрел. Помню, что в Красноярске они веселее бывали.

Ты, Саша, хотел это лето в Москву приехать, было бы хорошо повидаться, да ты бы и Нижегородскую выставку² посмотрел. Ведь ты ни

разу в жизни выставок не видел. Возьми отпуск. Отпуск же ты брал 8 лет тому назад. Постояльцев можно оставить дом побережь, например, если Дьяченко?

В годовщину 3 февраля я ездил к Лизе на могилку и служил панихиду по мамочке, а 4 в воскресенье подал на проскомидию. Вот и год пролетел.

Хорошо, если бы нам увидеться лето это, Саша. Будь здоров.

Целую тебя, мой дорогой, люб[имый] брат.

Твой В. Суриков

129. А. И. СУРИКОВУ

[Начало лета 1896]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Мы приехали в г. Ригу и наняли дачу в местечке Эдинбург у самого моря Балтийского. Хотим два месяца провести здесь. Лесу соснового очень много. Но дерут деньги немцы проклятые здорово. Две комнаты стоят сто десять рублей за два месяца и за обеды, завтраки и чай с кофе по десяти рублей с человека в неделю. Понимаешь!

Ну да ведь не век тут жить. — Народ апатичный ко всему на свете, кроме денег. Рига город совсем немецкий, хотя и говорят по-русски и есть наши церкви. Просто ни то ни се. Воздух чистый, хлеб без подмеси, молоко и масло настоящие тоже. А то бы никто сюда не поехал из русских.

Думаю поработать этюды, какие ни на есть ¹.

Квартиру в Москве оставили за собой и оставили там кухарку хранить вещи. Пиши письма по этому адресу: г. Рига по Рижско-Тукумской желез. дор. в Эдинбург по Эдинбургскому проспекту № 39-й, пансион Кевич².

130. А. И. СУРИКОВУ

[Лето 1896]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Я не писал тебе, что мы не остались жить у моря. Я там не мог вынести сырого климата. Так что три недели только там жили. Теперь я поселился около Москвы недалеко. Помнишь Перерву и Коломенское. Здесь и доживем лето. Хоть все русские и то слава богу. А то поганые немцы мне надоели. И на что мы их захватили с Петром Великим — не знаю. Петру море нужно было. Немецкие названия у улиц теперь понемногу уничтожают и дают русские. Эти остзейские немцы хуже раза в три настоящих заграничных. Ну, да черт с ними. Я никогда туда больше не поеду. Нашел новую квартиру на Тверской ¹. Лене два шага до гимназии. И можно работать мне. Окна большие. Только страшно дорого, 60 р. в месяц с переездами. Я тебе долго не писал. Прости. Не знаю, писал ли ты в Ригу. Письма не получал, а то перешлют. Если будешь писать, то пиши: по Московско-Курской жел. дороге, ст. Люблино, до востребования.

Мы все здоровы, слава богу.

Я еще нанял другую квартиру, да три дня, еще по приезде из Риги, прожил, оказалась сырая, я и переехал на Тверскую. Хорошо еще, что вперед дал только за 10 дней. Покуда искал, их зажил. Беда с квартирами. Мечтаю, когда Лена кончит гимназию, с тобой вместе жить навсегда в Красноярске. А то совсем измучился. Хочу поспокойнее пожить. Будь здоров.

Любящий тебя брат твой В. Суриков

131. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 31 октября 1896

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Прости, что долго не писал. Все переезды наши с квартиры на квартиру отчасти виной были. Сняли одну — сырая, принуждены были съехать. Теперь ничего, на самой бойкой улице — на Тверской. Совсем квартир нету в Москве. Я работал рисунки для одного издания «Царская охота»¹. Картины большой еще не начинал², с духом собираюсь. Я очень беспокоюсь о твоём здоровье. Что, прошла ли инфлюэнца? Берегись ты, пожалуйста. Это лето, бог даст, непременно увидимся. Только бы дожить. Ты пишешь про Лоскутова³. Он был у меня. Я про его способности не могу сказать ничего особенного. Ничем себя еще не заявил. Насчет денег, посланных председателем, я никаких сведений не имею. Он приходит ко мне, справляется о них. Я ему показал телеграмму председателя от 29 сентября на мое имя, а денег до сих пор не получал, хотя сегодня 30 октября. Справься, Саша, на чье имя посланы деньги Лоскутову, чтобы он не беспокоил своими справками о них.

Получил твои карточки на коне. Ты таким молодцом сидишь на коне. Меня очень порадовало, будто тебя повидал. Верочку Дьяченко⁴ я встретил в Петербурге, она с кем-то ехала по улице. Она сказала, что поступает на курсы.

Квартира у нас не сырая. Есть швейцар у двери и газовое освещение на лестнице. Плачу 60 рублей без дров. Вода проведена в краны. Лена ходит в гимназию — два шага или немного более, Оля поступила в школу музыки. А то учительницы домашние тянут без конца и толку мало.

Крутовского⁵ не видел, он ко мне не заходил. Берегись, не простужайся. Мы все тебя об этом просим.

. За конем пусть работник ходит. Скоро ли увидимся?

Об мамочке подал поминанья и о всех нам дорогих.

Будем часто писать теперь. Целую тебя.

Твой брат В. Суриков

Поклонись от меня председателю, Гоголевым и товарищам твоим и Тане.

132. С. Д. МИЛОРАДОВИЧУ¹

[Москва. 1896]

Картина Ваша очень хороша². Лицо Гермогена отнюдь не трогайте — оно удалось. Руку у заставляющего подписать надо прибавить в толщину. Руку у Гермогена надо нарисовать. Следки у поляка в мантии надо уве-

личить. Скомпонована картина очень хорошо. Огонь краснее надо (пламя). Ножку и у стола толще, и у человека, опирающегося на стол, правый следок *больше*. Я еще зайду поговорить о картине к Вам.

Ваш В. Суриков

133. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 10 декабря 1896

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Я послал тебе сапоги, но не успел вложить туда письма, так как на почту боялся опоздать из магазина. Не знаю, не малы ли? Меряли — 6 вершков.

У меня был Ставровский¹. Славный малый.

Ты писал, что в Красноярске нету снега, а здесь, в Москве, чуть не по колена выпал. Очень тепло стоит — градусов 5 холода.

С Еленчика хочу карточку завтра снять. Она какая-то не охотница сниматься. Ну, да для дяди Саши надо.

Получишь письмо от А. Н. Диотронта, где он выяснил недоразумение насчет Лоскутова денег. Теперь я с ним, Лоскутовым, покончил вопросы о них.

На днях был у меня Чернышев, что-то хворает все: говорит инфлюэнца. Он передавал, что дрова стали дешевле в Красноярске; то, говорит, что до 6 рублей доходили за сажень. Неужели правда это?

Я все работаю над композицией Суворова. Уже заказал холст из-за границы. Не знаю, как выйдет картина, но надеюсь на божью помощь.

Чай получил. Спасибо. Хороший очень, в Москве такого нет. А что, черемушки нет сушеной или пропастинки? Должно быть, ныне не стреляют коз? Если встретится на базаре, пошли. Ну, целую тебя, берегись, будь здоров.

Твой Вася

1897

134. А. И. СУРИКОВУ

[Москва. Апрель 1897]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Поздравляю тебя с праздником пасхи. Желаю самого главного — здоровья. Береги себя. Мы все здоровы. Про себя пишу тебе, что после пасхи, бог даст, думаю начинать картину «Суворов». Холст уже выписан из-за границы, подрамки готов. Мне дали комнату в Историческом музее. Я ее отгородил дощаной перегородкой, чтобы мне не мешали работать.

Картина будет 7 аршин в высоту и 5 в ширину. Такой комнаты в частной квартире не найдешь. У меня был Пирожников, передавал твой поклон, он теперь в Петербурге.

Я еще не решил, где лето проведем. Мне для картины надо снеговые вершины.

Может быть, надо в Швейцарию ехать на месяц или два. Только могу наверно сказать в мае, что куда поеду. Не говори куда никому об этом. Мне бы очень хотелось с тобой повидаться. Как это устроить, узнаю к лету, если не придется ехать в Швейцарию.

Напиши, Саша, как твоя служба идет. Что, думаешь, поступишь или нет на службу после реформы? ¹ Дай господи, чтобы ты продолжал службу, куда еще силы и желание. Поклонись от меня председателю и всем твоим добрым товарищам.

Еще скажу тебе насчет прислуги: не будь очень доверчив к ней. И если ты будешь [держат] на ночь на запоре кухонную дверь в твои комнаты, то это будет спокойнее для тебя. А также и ключи убирай. Это я говорю все по поводу той кражи у тебя.

Я буду писать тебе почаще, а то все с работы моей приговорительной все время уходит.

Целую тебя, дорогой Саша.

Любящий тебя брат твой Вася

Отец покойной Лизы умер на рождестве. Об мамочке подаю поминовение.

135. А. И. СУРИКОВУ

[Москва. 1897]

Здравствуй, милый и дорогой наш Саша!

Сегодня был у меня минусинский силач Николай Дмитриевич в сопровождении своей девочки-вожака. Он передавал мне, что ты говорил ему, что я тебе долго не пишу, что я сержусь на тебя. Да за что же? Я, кроме сердечной, братской любви, безграничной, ничего не имею к тебе. Ты ведь у меня один, кроме детей, на котором мои привязанности. Не писал потому, что я работаю страшно много и подмалевал всю картину ¹. Теперь буду писать к ней этюды. Поеду в Швейцарию ². Уже взял заграничный паспорт сегодня. Надеюсь на господа, что он не оставит меня с детьми во время путешествия от беды. Снежные горы писать буду для «Суворова». Думаю в середине августа к ученью Лениному вернуться в Москву. Картину оставляю в Историческом музее, где мне дали комнату для работы. Запираю на замок. С Дьяченко Верочкой послал тебе сапоги. Сделал для себя, да малы. Письма не написал. Верочка не зашла проститься, так и письма не написал с ней.

Пришлю из-за границы письмо с адресом швейцарским. Нынешнее лето, видно, не увидимся. Но, бог даст, эту трудную поездку совершу, тогда можно и в Красноярск махнуть.

Целую тебя, будь здоров, береги здоровье.

Твой любящий брат В. Суриков

136. А. И. СУРИКОВУ

Швейцария, Интерлакен. [1897]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Ну, вот мы и в Швейцарии. Гор, брат, тут поболее, чем у нас в Красноярске. Пишу этюды для картины¹. Только дорого в отеле жить. Платим по 6 рублей в день со всех. Вот как дуют. Только я хочу завтра с Олей поискать в деревне тамошней пожить, покуда кончу этюды. Вот уже два дня прошло.

Мы тебе еще будем писать из-за границы.

Думаю здесь прожить месяца полтора, до августа. Потом я тебе опишу здешние виды, когда вернусь в Москву. Я сегодня страшно устал — поднимались на ледники. Ну, будь здоров. Целую тебя.

Любящий тебя брат В. Суриков

137. А. И. СУРИКОВУ

[Швейцария. 1897]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Я все хожу в горы писать этюды. Воздух, брат, отличный! Как в горах у нас в Сибири. Англичан туристов пропасть на каждом шагу. Льды, брат, страшной высоты. Потом вдруг слышно, как из пушки выпалит, это значит какая-нибудь глыба рассыпалась. Эхо бесконечное.

Жить сравнительно не так дорого, как в Интерлакене (это модное место), однако по 4 рубля в день. Это продолжится 3 недели, 2 недели прожили. Но нельзя — этюды нужны. Назад думаю ехать из Швейцарии на Мюнхен, где знаменитая картинная галерея, где остановимся дня на два. Потом — на Вену, Варшаву и в Москву.

Были в г. Берлине, где останавливались для осмотра примечательных мест, а оттуда ехали в Швейцарию на Франкфурт, Берн и Базель в Интерлакен, где находится знаменитая гора Юнгфрау, 4¹/₂ тысячи футов, вся снеговая.

Ну, целую тебя.

Суриков

138. А. И. СУРИКОВУ

[Москва. Август 1897]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Мы возвратились из-за границы. Были в Киеве, осматривали замечательное там и были в Лавре и прикладывались к святым мощам угодников.

Я поработал-таки в Швейцарии. Собрал нужные этюды и теперь начал работать в музее картину.

Квартиру оставлял за собой. Читал по приезде об открытии судов в Сибири. Меня интересует, что, как ты теперь устроишься? Помог бы тебе бог поступить на службу. Ну, да ты молодец, без дела не останешься.

Теперь дым коромыслом — все съезды врачей занимают всех и все¹. Пропать иностранцев в Москву приехало. Попадают на улицах такие черные, «как чугулки», мамочка как говорила. Это, брат, из Бразилии доктора, и все по большей части с женами понаехали. Кормят тут их и увеселяют. Хочу не забыть сказать тебе между нами. Отчего ты не набавишь на квартиру. Ведь теперь не те времена, чтобы за такую квартиру у нас в доме брать 25 рублей, как нужно, по крайней мере, 35 или 40 р. Цены на все поднялись. А ведь 30 лет тому назад мы брали тоже около 20 р. Скажи об этом Дьяченкам, ты всегда найдешь [квартирантов] за 35 или 40 р.

Напиши поскорее письмо. Давно вести от тебя не имею благодаря путешествию. Береги здоровье. Целую тебя, брат.

Твой В. Суриков

(д. Полякова, угол Тверской и Леонтьевского пер.)

139. А. И. СУРИКОВУ

6 октября [18]97

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Получили твоё письмо. Ты говоришь, чтобы я взял у Дьяченко сапоги, да я, брат, и не знаю, где она теперь находится. Месяца полтора я встретил ее на улице в Москве, и она говорила, что с вечерним поездом уезжает в Красноярск. Но, судя по твоему письму, ее и по сие время нету там. Сапоги, значит, без вести пропали. Надо другие купить. Подожду твоего ответа. Если она еще и не приезжала и вестей нет о ней в Красноярске, то я пошлю тебе другие сапоги. Удивительная девушка!

Если можно достать пропастинки, то пошли. У меня при одном воспоминании о ней слюнки текут. Нет ли сушеной черники или урюку без костей, либо туруханских копченых селедок. Вишь, как аппетит о родных сластях разыгрался. Напиши, что тебе, кроме сапог, послать.

Картину подмалевал, кажется, будет грандиозно, 7 арш. высоты и 5 ширины¹. Хожу работать каждый день в Исторический музей. Я тебе писал — там мне отвели комнату большую.

Напиши поскорее.

Любящий тебя В. Суриков

140. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 5 ноября 1897

Здравствуй, дорогой Саша!

Посылаю тебе сапоги; кажется, будут хороши для тебя. Мы получили черемуху и ягоды урюк. Спасибо, брат; грызем и день, и ночь. Я был в Петербурге, а то давно бы послал сапоги. В Академии на заседании со мной познакомился инженер Белелюбский, который был в Красноярске, и он очень понравился ему. Достал в Петербурге мундиры настоящие павловского времени. Теперь жду снега, чтобы с натуры писать. Мы, слава богу, здоровы. Я очень рад, что ты шубу завел. По крайней

мере, я спокоен, что тебе тепло будет. Если можно, пошли пропастинки с туруханской селедкой. Я уж давно на них зубы грызу. Только пошли, а уж мы справимся на славу. Уж полмешка нету с черемухой. Ох, родина, родина! Правду говорят, что и дым отечества нам сладок и приятен. Пишу новость: Пономарев Евгений Петрович наконец под старость женился. Взял настоящий пергамент — кость об кость стучит. Пора! Он уже 18 лет как хотел на ней жениться, все ждал, чтобы потолще, видно, была, а она к этому времени высохла, как палка. А слово было дано. Горе-луково.

Ну, целую тебя, будь здоров.

Твой любящий брат Вася

141. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 22 декабря 1897

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Я все ждал от тебя письма и беспокоился о том, здоров ли ты, не получая так долго письма. Теперь я получил от тебя пропастинку и рыбу. Не знаю, получил ли ты от меня сапоги, посланные 3 ноября. Ты ничего не пишешь. Картину пишу в музее и теперь делаю этюды на снегу. Одеваюсь тепло и выбираю теплые дни для этого.

Я изредка хожу в театры и к знакомым, которых у меня мало. Я не охотник до них, как и дорогая наша покойная мамочка. Подаю о ней на проскомидии, и ты тоже, Саша, если в церковь приходишь по праздникам...

О Верочке Дьяченко, видно, ни слуху ни духу. Прощай наши сапоги; видно, на других ногах они теперь! Желаю тебе праздники провести повеселее. Как-то ты, одинокий, поживаешь? Хороша ли прислуга? Пишу тебе, а пропастинку построгиваю ножиком! Спасибо, страсть люблю. Видно, наши предки казаки в походах любили ее тоже. Ну, будь здоров, дорогой.

Твой В. Суриков

1898

142. А. И. СУРИКОВУ

19 января [18]98

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Письмо твое получил, также и телеграмму 1 января. Мы, слава богу, все здоровы. Пишу этюды для картины.

Ты пишешь про фотографии с Ермака. Когда снимут в новом Музее Александра III в Петербурге, она теперь там, как и другие картины из дворцов, то я пошлю тебе, должно быть, в марте.

Меня радует, что ты немного повеселее живешь. Ну, что же, казаки народ хороший. Нам родня по племени. Я тоже бываю иногда в театрах. На праздниках устроил я у одного художника вечер с двумя гитаристами¹, замечательными виртуозами. Собрали рублей 70 в вечер. Они народ бедный, гитаристы. И бывают иногда у меня поиграть. Ты, Саша, ничего подобного в жизни не слыхал на гитаре, наверно.

Вот еще что, Саша, пошли 1 ф. чаю. У меня бывает один человек, который забыть не может твой чай, который ты когда-то послал мне. Если можно, то пошли и черемуху, если она осталась и... пропастинки! Самую малость. Набаловал ты меня. Да и девицы Еленушка и Олечка [их] грызут изрядно, не хуже меня. Пошлю скоро свою карточку и Еленушки с Олей тебе.

Будь здоров. Целую тебя, дорогой мой. Твой Вася.

143. А. И. СУРИКОВУ

[Москва. Апрель 1898]

Христос воскрес! Здравствуй, дорогой наш Саша!

Прости, что я долго не писал тебе о том, приеду я или нет на лето к тебе. Я думаю, что удастся приехать ненадолго, так как я хочу все усилия употребить кончить картину к будущему году. Меня стесняет то, что залу мою в музей могут взять, а другой такой не сыщешь. Мне очень хочется повидаться с тобой, дорогой Саша, да и Москва тоже надоела мне до тошноты, что рад бы проветриться. В мае, когда Лена кончит, я окончательно решу и по работе в картине к тому времени, что можно ли будет съездить к тебе нынешнее лето. Думаю, что приедем хоть ненадолго¹. Будь здоров.

Любящий тебя брат Вася

144. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 2 декабря 1898

Дорогой Саша!

Я просто удивляюсь, отчего ты нам ничего не пишешь? Да здоров ли ты? Я всего передумал. И все жду письма от тебя, так как я в последний раз написал и с тех пор все жду. Должно быть, ты нездоров, больше я не могу ничем объяснить твоё молчание. Я здоров и все мы. Работаю картину и, бог даст, кончу к февралю. Напиши, пожалуйста.

Здесь зима только еще начинается. Были все дожди. Тут в Москве в почтамте новое правило затеяли, чтобы записываться там, чтобы корреспонденцию доставляли на дом, за что платить надо 1 р. 50 коп. Уж не там ли лежат твои письма? Так хотя не записался еще.

Работаю каждый день. Выходит картина, кажется, ничего, ладно. В газете «Новости дня» пишут, что работаю картину «Суворов Варшаву берет»¹. Ну, и пусть, если не знают, так я даже и рад. Там же в приложении помещен и мой портрет в числе других². Пиши, Саша, чаще.

Любящий брат Вася

145. А. И. СУРИКОВУ

[Москва.
Декабрь 1898 или январь 1899]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Поздравляем тебя с Новым годом, желаю тебе здоровья. Погода здесь ужасная. Все развезло: каша на улицах, грязь. Я совсем без голоса, простудился. Делал рисунки к Пушкину¹. Картина моя идет вперед. К февралю 20 надо кончить. Что будет, — неизвестно. Третьяков умер². И мы, художники, если не все, то много потеряли! Надежда одна на правительственные покупки, но это неопределенно.

Как ты послуживаешь? Получили твоё письмо и очень обрадовались, а то, бог знает, что ни подумаешь. Надо чаще писать. Что Архипка-художник? ³ Валяет? Да снегу-то, наверно, в Красноярске нет? Будь здоров. Поклон товарищам.

Целую тебя, брат Вася

1899

146. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 14 января 1899

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Что ты ничего не пишешь нам? Получил твою телеграмму 2 января и больше ничего не знаю. Здоров ли ты? Картину кончаю. Еще никому не показывал: в феврале буду показывать. Зимы нету: тепло, 3 градуса. Ездят на колесах. Такой зимы никогда не бывало. Новостей особенных нет. Работаю каждый день. Уж заказал раму для картины. Я начинаю сердиться на тебя, что не пишешь. Пиши поскорей. Целую тебя.

Твой любящий брат Вася

147. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 7 февраля 1899

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Получил я от тебя письмо вчера, где ты говоришь, что болен был. Я все беспокоился, и не напрасно. Должно быть, ты опять простудился...

Посылку твою получили и всю... съели. Ставровский еще не возвращался из Питера. Тогда пошлю тебе сапоги и Проскурякову¹ (нрзб) фотографии. Картину кончил. Суворов похож вышел. Некоторым покажу, а 19 февраля отправлю на выставку в Питер и сам съезжу ставить ее. Выставка открывается 7 марта². Береги себя, Саша. Будь здоров.

Любящий тебя Вася

Поклонись товарищам и Архипке, пожелай успехов в искусстве.

148. А. Г. ПОПОВУ

[Москва]. 11 февраля 1899

Сообщаю Вам, что драпировку нужно шире задрапировать складками, а то они мелки — веревками. Ухо далеко отставлено. Выражение лица очень хорошо, также и поза выразительна. Есть молитвенное забвение земного. Желаю Вам хорошо исполнить в мраморе ¹.

Будьте здоровы.

Уважающий Вас В. Суриков

Цепь и руки нужно внимательно с натуры сделать тоже.

149. О. В. и Е. В. СУРИКОВЫМ

[Петербург. Март 1899]

Здравствуйте, дорогие Олечка и Еленочка!

Я остановился в гостинице «Россия» № 60, по Мойке, № 25. Картину только сегодня, говорят, получают. Погода пасмурная. Завтракал у Толстого ¹, а обедал у Репина по приглашению. Ну, пока ничего не известно. Пошли, Оля, у меня в коробке на столе этот рисуночек — отдых после удачно оконченной работы ².

Пономареву нужно отдать, а я позабыл. Купили ли дрова? Ну, будьте здоровы.

Ваш папа В. Суриков

Сейчас же пошли рисунок, а то разведемся. Приеду, бог даст, в субботу.

150. О. В. и Е. В. СУРИКОВЫМ

*[Петербург].
Четверг 4 марта [18]99*

Здравствуйте, дорогие мои Олечка и Еленушка!

Картину выставил. Тон ее очень хорош. Все хвалят. Она немного темнее музея Исторического, но зато цельнее. Поставил ее при входе в залу, а на том конце залы, где думал поставить, совсем темно. Репин не выставил картину свою ¹. Сегодня в 2 часа будет в[еликий] к[нязь] Владимир Алекс[андрович]. Купил рубашку и белый галстук. Картинку получил. Сегодня ее отдам Пономареву. Они вам кланяются. Был вчера у тети Сони. Она вам напишет. Мишель ², должно быть, был у вас в Москве. Я здоров. Кухарке жалованье отдам по приезде в Москву. Я еще вам напишу.

Погода переменчивая, но все-таки не темно.

Целую вас.

Папа ваш В. Суриков

Р. S. В субботу будет вечер у Маковского ³, а в воскресенье обед передвижников. Сегодня буду у Пономарева, а в пятницу у Ковалевского — художника-баталиста ⁴. Обедал у Свинына ⁵. Великого князя Георгия Михайловича ⁶, управляющего Музеем Александра III нет в Петербурге теперь, а будет 15 марта.

151. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 9 марта 1899

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Бог благословил мой труд. Государь приобрел моего «Суворова» за 25 тысяч¹. Больше я не хотел назначить. Мы все, слава богу, здоровы. Я скоро пошлю тебе денег на решетку на мамочкину могилку. Узнай, сколько будет стоить железная решетка. Я и атаману сделаю потом хоть деревянную².

Ставровский не зашел посмотреть картину. Должно быть, торопился.

Государь был очень доволен картиною и ласково расспрашивал меня о работах моих. Картина будет тоже в Музее Александра III. Я сегодня только вернулся из Питера. Хочу отдохнуть, покуда еще нет на примете работы. Покуда ничего нет писать тебе. Будь здоров. Береги себя. Целую тебя.

Твой брат В. Суриков

152. И. И. ТОЛСТОМУ

[Москва]. 20 марта 1899

Глубокоуважаемый граф Иван Иванович!

Будьте так добры, исходатайствуйте у его высочества Владимира Александровича позволение посмотреть гвардейским солдатам и казакам моего «Суворова». Они в прошлый раз смотрели «Ермака» ежедневно до открытия выставки утром до 10 часов.

Кланяюсь Вам и семейству вашему.

Искренно уважающий Вас В. Суриков

153. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 11 апреля [1899]

Христос воскрес, дорогой наш Саша!

Поздравляем тебя с праздником и желаем здоровья. Страстная неделя теперь (пишу в понедельник), и я и Оля говеем. Лена говела на 4-й неделе. Получили твоё письмо и статейку из газеты о картине. Если хочешь прочесть о ней еще, то прочти 14 марта в «Русских ведомостях»¹. Возьми в библиотеке красноярской. Да вообще немало писано в других газетах².

На пасхе открывается выставка передвижников в Москве³. Мы, слава богу, все здоровы. Поклонись твоим товарищам от меня. Лето думаю где-нибудь на даче поселиться⁴.

Ну, будь здоров, целую тебя.

Твой Вася

Каково поживает Архипка?

154. А. И. СУРИКОВУ

Владикавказ. 3 июня 1899

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Мы путешествуем по Кавказу и живем в Владикавказе. Завтра выезжаем по Военно-Грузинской дороге в Боржом, где думаем провести ме-

сяц, а то и два. Погода дождливая, но думаю, что на Кавказе будет и жара, чего я очень желаю — хоть немного просохнуть. Еще пишу тебе, что я картину «Снежный городок» продал в мае в Москве фон-Мекку¹ за 10 тысяч. Деньги часть он мне отдал, а остальное в сентябре. Только ты пока не говори никому, пока я все деньги не получу. Благодарю господ за все. Будь здоров. Будем писать из Боржома. Целую тебя.

Твой Вася

155. А. И. СУРИКОВУ

Боржом. 17 июня 1899

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Мы теперь живем в Боржоме: Закавказская ж. д. Боржом, Церковный пер., д. № 98, Захария Даниэля. Это так называемый *курорт*, где лечатся водами, но мы, слава богу, здоровы все и живем потому, что местность красивая и не жарко здесь.

Проезжали по Военно-Грузинской дороге, и она оставляет впечатление, хотя я видел Швейцарию и Сибирь, так очень-то и не устрашает крутизнами. Но есть станция, называется Гудауты, так есть прямо от станции обрыв футов в тысячу, чуть на дне видна река. Здесь перевал через горы, и высота над уровнем моря 7420 футов, т. е. две версты высота. Проезжали и снежными завалами сажени по две высоты обломами. При свидании с тобой, бог даст, я подробно расскажу. Думаю пробыть здесь до половины августа, а потом в Москву. Напиши, получим и ответим еще отсюда. Вода здесь, что пьют из источника, на вкус вроде зельтерской и помогает от застоев и катаров желудка — у кого *зарезец* есть, так в месяц и следа не останется, как видно из прилагаемого рисунка¹.

Ну, будь здоров, целую тебя. Поклонись Гоголевым и всем знакомым
Твой Вася

156. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 23 августа 1899

Поздравляем тебя, дорогой Саша, с ангелом!

Будь здоров, самое главное. Мы вернулись только вчера в Москву из Боржома. Пробыли там 2½ месяца¹. Назад ехали тоже по Военно-Грузинской дороге благополучно. Уже многие тоже вернулись в Москву с дач, потому что идут дожди все. В г. Тифлисе, когда мы были, то жары не было, так градусов 30, а было 60 на солнце. Были у могилы Грибоедова, там в монастыре св. Давида. У последней станции к Владикавказу дорогу Терек размыл так, что пешком по скале приходилось переходить, а экипажи другие дожидались по ту сторону. Теперь начну работать рисунки к изданиям².

Ну, целую тебя, будь здоров.

Твой брат Вася

157. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 29 ноября 1899

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Пишу тебе, что я с 17 по 27 ноября отправлял должность присяжного заседателя по III уголовному отделению Московского окружного суда. Председательствовал Нилус, чрезвычайно добросовестный и даровитый по своей обязанности. Предо мной прошло много московских жуликов разных категорий, начиная от карманника до кражи со взломом, ограбления и систематической кражи, как дело Фарафонтова, у которого крали из магазина чуть не десять лет товар: ножи, тарелки, лампы. В этом деле нас продержали до часу ночи. В суде обедали, и завтракали, и отдыхали на постелях, в особо устроенных комнатах. Большая часть дела шла по 1653 и т. д. ст[атьям]. Было одно и при закрытых дверях. Я увидел, как трудна служба по министерству юстиций. Постоянное напряжение умственных сил при разборе дела, допросы свидетелей и т. д. много уносят здоровья. Теперь говорят, что меня выберут года через два. Еще хорошо, что я теперь картины не пишу, а то беда!

Получил ли ты, Саша, 50 рублей, которые я послал в начале ноября? От фон-Мекка деньги получил, благодарю бога. Одна досада, что картин не дают на Парижскую выставку¹ ни из Третьяковской галереи, ни Музея Александра III, так что мир не будет знать, что у нас есть национальное искусство.

Не пошлешь ли черемушки или чего-нибудь, урюку малость или туруханской селедки, или чего под руку попадет, нашего сибирского? Будь здоров.

Твой брат Вася

Целую тебя. Поклонись товарищам.

1900

158. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 24 марта 1900

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Я послал тебе летнее пальто и носки ¹/₂ дюжины. Я думаю, что пальто не будет тебе коротко. Оно длиннее моего, а если покажется коротко, то выпусти запас внизу и в рукавах. Оно и теперь тебе пониже колена будет, а длиннее не надо. Кажется, материал лучше твоего прежнего будет.

Соколов¹ передал мне урюк, и я ему дал адрес всех музеев, куда надо сходить. Он обещал зайти ко мне на возвратном пути. Я хочу с ним послать тебе для казаков олеографии с «Ермака» и для тебя тоже и «Боярыню Морозову» — фотографию. Соколов говорил мне, что уже 4 венца бревен выложили у тебя на постройке². Только вот на мерзлую-то землю ладно ли класть; как бы не повело, когда таять-то начнет. Ну, да, может быть, ничего.

Ну, целую тебя, будь здоров.

Твой Вася

159. А. И. СУРИКОВУ

[1900]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Я послал с Соколовым две олеографии «Ермака» и одну гравюру «Городка». Одну отдай казакам в Полковую, т. е. «Ермака». Пусть наклеят на бумагу с полями.

Еще пишу тебе, что Соколову не с чем было выехать, и я ему дал взаймы 25 руб. и велел ему отдать тебе. Ты с него и получи и употреби на хозяйство. Рассчитываю только на будущий год повидаться, если бог велит, с тобой. А нынешним летом, кажется, за границу уедем.

Любящий тебя брат твой Вася

160. А. И. СУРИКОВУ

[Неаполь]. 9 мая 1900

Здравствуй, дорогой Саша!

Мы, брат, теперь в Неаполе живем, как раз перед нами Везувий! Он довольно смирный теперь, а назад две недели были извержения. Но и теперь иногда вылетают довольно густые дымовые кучи. Жить тут недорого, дешевле Москвы; напиши непременно, еще успеем в Неаполе получить твое письмо. Приехал ли Соколов и получил ли с него 25 рублей?

Я здесь и в Венеции делаю акварели типов и видов. Сам я здоров, как и девочки. Кончил ли постройки? Напиши. По получении немедленно напиши, а то не получим.

Любящий тебя Василий

161. А. И. СУРИКОВУ

Рим. 10 июня 1900

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Пишу тебе, брат, из Вечного города. Здесь мы уже 10 дней, и много достопримечательностей видели. Сегодня были в соборе св. Петра и поклонились св. мощам его, а вчера мощам св. ап[остола] Павла. В церкви св. Петра (это другая) мы видели цепи, в которых он был закован. Были в Колизее, где во времена римских цезарей проливалась кровь древних христиан. Вообще на каждом шагу все древности 1000-летние. Завтра думаем осмотреть катакомбы. Собор св. Петра около 70 сажен высоты, так что люди в нем, как мухи. Колокольня Ивана Великого в Москве поместится в нем вся там, где пишут евангелистов в парусах. Вот разрез¹.

Отсюда поедem во Флоренцию. Жара не особенно сильная, такая бывает и в Красноярске. Получил ли письмо из Неаполя?

Будь здоров, целую тебя.

Поклонись Гоголевым и знакомым.

Твой Вася

162. А. И. СУРИКОВУ

Москва. 18 июля 1900

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Мы вернулись в Москву на ту же квартиру. От тебя не имели сведений три месяца. Здоров ли ты? Получил ли ты мои фотографии с картины от Соколова? Ничего не знаю. Казакам я послал с ним же снимок с «Ермака». Напиши обо всем. Я поработал в Италии акварели¹. Выставляю осенью. На Парижской выставке я не участвовал серьезными вещами моими, их не дали из музеев. Боялись пожара, а между тем выставка к концу, а этой беды еще не случилось...

Мы все здоровы. Ну, будь здоров. Целую тебя.

Твой Вася

163. А. И. СУРИКОВУ

[Москва. 1900—1901]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Мы очень обрадовались, получивши твое письмо. От тебя сведений не было с апреля месяца. Мы все здоровы, слава богу. Погода в Москве дождливая.

По газетам известно, что будто войска наши из Китая уходят¹, да это было бы и лучше. Скорее началась бы правильная жизнь, а то везде застой в делах и дороговизна. Меня удивляет, что Матвеев² на войне. Такой кроткий человек. Ему, должно быть, надоело жить, ничего не делая, в Красноярске. Тебе так от работы передоху нет, так скучать некогда. Хоть бы ты эту зиму приехал в Москву, ненадолго, что ли бы, то вот была бы радость нам. Если жильцы хорошие, то, право, надумай! Поклонись Гоголевым и всем знакомым. Целую тебя.

Твой Вася

А что черемуха-то, как нынче? Стоит ли посылать единокровному-то твоему братишке? Уж я бы похрумкал малость.

Меня порадовало, что ты мамочке уже решетку поставил. Вот уж я приеду, так и атаману загородочку хоть деревянную поставлю, а то наши казачки без вести где лежат.

1901

164. А. Е. ЛЬВОВУ¹*[Москва]. 24 января 1901*

Многоуважаемый князь!

Я получил Ваше извещение и благодарю за честь выбора, но согласиться не могу².

Меня даже удивляет это избрание, так как, я думаю, многие художники знают, что я неоднократно уже отказывался от профессорства в Академии³ и считаю для себя, как художника, свободу выше всего.

Уважающий Вас В. Суриков

165. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 12 июня 1901

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Прости, что долго не отвечал тебе.

Начинаю порабатывать¹. Я бы сам и на почту отдал фотометр, который завтра пошлют на твое имя накладным платежом, как ты написал мне (конечно, платить ведь не ты будешь, а то я бы заплатил за него).

Хочу порадовать тебя: на пасхе мне пожалован орден св. Владимира 4-й степени за «Суворова» и «Ермака» (как мне передавали). Высочайший приказ (по министерству императорского двора) о награждении вышел на 3-й день пасхи и мне уже прислали и орден.

Кроме того, я на днях получил от французского правительства приглашение о том, что в Люксембургский музей в Париже желают приобрести что-нибудь из моих картин из русской истории и восхваляют мой патриотизм. Наконец-то помаленьку узнают, что я такое...

Я здоров, слава богу, и все мы. Поклонись Гоголеву и всем твоим товарищам.

Целую тебя. Твой Вася

166. О. В. и Е. В. СУРИКОВЫМ

Астрахань. [Июль 1901]

Здравствуйте, Олечка и Еленочка!

Наконец достиг Астрахани¹. 6 дней езды. Это какая-то Венеция или Неаполь. Шумная жизнь на пристанях. Сегодня нарисовал лодку и наметил на другом рисунке гребцов (шесть весел). Думаю завтра или послезавтра кончить этюд красками (не отделявая, эскизно).

Кое-какие наброски неба с водою дорогой на ходу делал.

Жара не особенная, сегодня был дождик. Думаю три дня пробыть и назад. Боюсь, если наступят жары, тогда я и марш домой. Ну, как вы поживаете без папы?

Надеюсь привезти для начала работы кое-какие материалы.

Я здоров. Не беспокойтесь. Из окна у меня пристань с пароходами, лодками и барками. Ну, целую.

Ваш папа

Поздравляю, Олечка, с наступающим днем ангела, а тебя, лапик, с именинницей.

Р. S. Я ужасно рад, что поехал вниз по Волге, настоящую тут я увидел ширь. К 17-му буду, бог даст, дома.

167. А. И. СУРИКОВУ

[Райки]¹. 19 августа 1901

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Поздравляем тебя с ангелом, желаю тебе здоровья. Мы еще на даче. 1 или 2 сентября выезжаем в город. Я ездил на Волгу, был в Астрахани и нарисовал кое-какие этюды. Я, слава богу, здоров. Катаюсь по утрам на лодке по маленькой Клязьме-реке и вспоминаю Енисей. От тебя долго писем нету. Здоров ли ты?

Поклонись Гоголеву.

Будь здоров, целую тебя.

Твой Вася

168. А. И. СУРИКОВУ

[Москва. 21 сентября 1901]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Иду работать в Музей¹. Я здоров. Пошли, брат, урюку, еще черемухи да селедки. Я их очень люблю.

Хотел послать тебе телеграмму в день твоего ангела, да на почте не приняли, так как я написал карандашом. А станция — 2 версты от дачи, мне ее назад и привезли. Страшно я ругал формализм.

Будь здоров.

Твой Вася

169. А. И. СУРИКОВУ

[Москва. 1901]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Пишу тебе, что в «Журнале Министерства народного просвещения» май 1901 года напечатана статья Оглоблина о Красноярском бунте (1695—1698 годов)¹. Тут многие есть фамилии наших казаков и в том числе имена наших предков с тобой, казаков Ильи и Петра Суриковых, принимавших участие в бунте против воевод-взяточников. «В доме Петра и Ильи Суриковых» были сборища заговорщиков против воеводы «ночные». Здесь бывали Злобины, Потылицыны, Кожуховские, Торгошины, Чанчиковы, Путимцевы, Потехины, Ошаровы, Юшковы, Мезенины и все, все, потомков которых мы знаем. Видно, у нас был большой дом, уже не дом ли Матвея дедушки? ² Суриков (Петр) ³ был в «кругу», где решили избить воеводу и утопить его в Енисее. Прочти и покажи знакомым эту статью. Можно достать или в гимназии, или в семинарии. Чрезвычайно интересно, что мы знаем с тобой предков теперь своих, уже казаков в 1690 году, а отцы их, конечно, пришли с Ермаком.

Твой Вася

Посвежее пришли еще урюшку.

1902

170. А. И. СУРИКОВУ

[Москва. Январь 1902]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Очень долго я тебе не писал, дожидаясь от тебя письма. Я же не писал тебе потому, что много хлопот было у нас. Нужно тебе сообщить весть очень радостную и неожиданную: Оля выходит замуж за молодого художника, хорошей дворянской семьи, Петра Петровича Кончаловского¹. Фамилия хотя и с нерусским окончанием, но он православный и верующий человек. Ну, так вот что думаю, что «паровичок» будет счастлива.

Здоров ли ты. Мы беспокоимся, что так долго не пишешь. Ну, целую тебя. Будь здоров.

Твой Вася

171. А. И. СУРИКОВУ

[1902]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Прости, прости тысячу раз, что я за хлопотами разными не писал тебе. Пишу тебе, что мы все собираемся к тебе летом. Оля и Петя и Лена поедут вместе, если бог велит, в середине или 9 мая, а я сначала проеду на Волгу и к концу мая и к тебе. Вот, брат, сколько к тебе нас наедет. Платки не будем посылать, а привезем к тебе сами. Посылку получили и всю ее съели за твоё здоровье. Как я рад поскорее с тобой повидаться. В Красноярске думаю поработать. У нас сидит Олечка и шьет шляпу на дорогу.

Ну, целую тебя.

Твой Вася

172. В. В. СТАСОВУ

[Москва]. 4 ноября 1902

Многоуважаемый Владимир Васильевич!

Мне мои земляки-красноярцы прислали статью, помещенную в «Журнале Министерства народного просвещения» за май месяц 1901 года о красноярском бунте 1695 года против воеводы, который притеснял.

В этом бунте принимали участие и мои предки — казаки Петр и Илья Суриковы, от которых и я, аз многогрешный, происхожу по прямой линии. Если найдете свободное времечко, прочтите. Статья любопытна с бытовой стороны наших предков.

Сердечно Вас уважающий В. Суриков

Адрес мой: Москва, Леонтьевский пер., д. Полякова.

1903

173. П. П. КОНЧАЛОВСКОМУ

[Москва. Январь 1903]

Дорогой Петя!
Очень рад, что все идет хорошо. Поцелуй Олечку и иксика (какое-то ей имя дадите?). Пиши почаще об Олечкином состоянии.
Целую вас обоих.

В. Суриков

174. О. В. КОНЧАЛОВСКОЙ

[Москва. 1903]

Дорогая Оливочка или Олечка-душа!
Это я пишу, папа, будь здоровенькая и твоя девочка Наташа¹. Я очень рад, что девочка. По моими воспоминаниям о вас с Леной. Пишите почаще с Петей. Целую тебя, и Петю, и крошку Наташу. Ну, а теперь пусть продолжает Еленушка письмо².

175. А. И. СУРИКОВУ

[1903]

Здравствуй, дорогой наш Саша!
Мы теперь живем в г. Елатье на Оке. Я тут пишу этюды.
Ты пиши так нам: г. Елатья, Тамбовской губернии¹, Подгорная улица, дом М. В. Булычева. Тут пробуду до 15 июня, а потом съезжу на Волгу. Мы здоровы. От тебя давно писем не получали. Здоров ли ты?
Написал здесь уже несколько этюдов для картины². Местность очень красивая, и очень тихо тут. Шума никакого. Все фруктовые сады.
Хозяин, у которого квартируем, вятский. Ходил на пароходах капитаном по Волге и Каме.
Напиши, Сашонок, по получении моего письма, чтобы мне успеть его здесь получить.
Кланяйся Гоголевым. Будь здоров. Целую тебя. Оля с мужем у родственников в имении живут. Наташа, говорят, растет, здорова.

Твой Вася

176. А. И. СУРИКОВУ

[Райки. Июль 1903]

Здравствуй, дорогой наш Саша!
Мы теперь с Леной живем там же, где и два года: по Ярославской железной дороге, станция Щелково, имение Райки Некрасова. Я раньше, в июне, ездил на Волгу; жил в Самаре — Симбирске. Писал этюды¹. Потом заехал к Оле в имение, где она с Петей жила; взял оттуда Лену и нанял дачу. А Оля поехала с Петей в Вологду, где будет работать Петя.

Внучка наша Наташа удивительно занятная девочка. Ей $1\frac{1}{2}$ года, а она довольно большая и крепконькая. Я, слава богу, здоров. Здесь пишу костюмы для картины ². От тебя месяца 2 не имею никакой вести. Здоров ли ты? Пиши сюда, мы пробудем до сентября. Мне Оля говорила, что случилось что-то с каким-то нашим знакомым, как ты писал ей! Напиши мне.

Целую тебя.

Твой Вася

177. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

[Райки]. 23 июля 1903

Здравствуйте, Олечка, Петя и Наташа!

Я очень обрадовался, получивши ваше письмо. Очень долго ждали. Вот куда вы заехали! ¹. Поклонитесь от меня памятнику Петра Великого ² и еще поклонитесь в сторону деревни Денисовки, откуда Ломоносов выбрался на свет божий. Желаю Пете побольше этюдов хороших нарабатывать. Наташечку поцелуйте несчетное число раз. Берегите ее — она всем нужна. Будьте здоровы. Целую вас крепко.

Я работаю тоже.

Ваш папа

178. О. В. КОНЧАЛОВСКОЙ

Райки. 21 августа 1903

Здравствуй, Олечка и Наталичка!

Мы уже писали тебе по фомкинскому адресу. Должно быть, ты уже получила, душа. Мы еще живем на даче и числа 1 сентября думаем в Москву перебраться. Я написал 3 капитальных этюда ¹, да и еще напишу.

Я здоров, слава богу. Бурочка ² все переписывает свое сочинение. Кончила-таки.

Рад за Петю, что он вошел в курс работы. Наверно, что-нибудь интересное привезет. Поцелуй его, когда приедет, и Наталичку в головку и ручки. Страшно интересно видеть, какая она теперь. Будьте здоровы. Целую.

Ваш папа

179. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

[Москва]. 23 декабря 1903

Здравствуйте, дорогие Олечка, Наташечка и Петя!

Зачем ты, душа, не бережешься? Ты ведь давно знала, что нельзя без фуфайки ходить. Боюсь я этой римской лихорадки. Помнишь, тогда простудилась в Риме? А то я буду беспокоиться. Слышал я, не знаю только, наверное ли, что ноги *Кустодиева* ¹ будут попираť все 7 холмов Вечного города. О Кустодиев, Кустодиев, его имя страшно успокоительно действует на душу. Не из духовных ли?

Я не работаю вот уже две недели: картины на выставку таскают². Боюсь простудиться. Здоровье ничего.

Наташечку и вас каждый день вспоминаю. Махочка отмерена на шкафу. Теперь, видно, на $1\frac{1}{2}$ вершка выше стала.

Целую всех вас.

Твой папа

Так бы и поносил махочку на руках... страшно я ее люблю... Махочка, махочка!

180. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

[1903]

Здравствуйте, Олечка, Наташечка и Петя!

Я здоров и работаю помаленьку. Мы всегда рады, когда получаем весточку издалека от вас.

Ну как махочка: я думаю, что уже здорово подросла?

Целую вас.

Твой папа

В Риме выбрали-таки тоже папу Пия X¹

181. П. В. ГОЛЯХОВСКОМУ¹

[Москва. Декабрь 1903]

Многоуважаемый г. редактор!

Я прочел в Вашем «Журнале для всех» статью обо мне. Я вообще не люблю писать, но тут заставляет меня необходимость исправить при жизни одну ошибку², которую я уже не раз замечал, когда заводили речь обо мне.

Меня почему-то считают потомком ссыльных стрельцов. Хотя это и очень романтично, но правды нет. Я происхожу из казаков. Послужными списками моих предков, имеющимися у меня, я сведения о них довел до 1765 года. И потому лет 20 тому назад, когда где-то написали о моем стрелецком происхождении, я не мог этого опровергнуть³. Но вот два года назад в «Журнале Министерства народного просвещения» появилась статья Оглоблина (май, 1901 г.) «Красноярский бунт 1695 г.». В ней я нашел, что казаки *Илья и Петр Суриковы* участвовали в бунте против воеводы, а Петр — даже и раньше в таких же бунтах. От этого Петра мы и ведем свой род. Они были старожилы красноярские времени царя Алексея Михайловича и, как все казаки того времени, были донцы, зашедшие с Ермаком в Сибирь *. Об этом, когда я был мальчиком, говорили мне дед, отец и дядя мои. Но тогда я, конечно, не обращал на это внимания.

А стрельцы, уцелевшие от страшных казней 1699 года, были потом уже Петром I разосланы по разным местам Сибири и России.

* Р и г е л ь м а н. Донские казаки. (Примеч. Сурикова).

Предки мои со стороны моей матери — тоже казаки Торгошины, а Торгошин Василий также был в бунте 1695 года. Бабушка моя с отцовской стороны — казачка Черкасова. Как видите, со всех сторон я — природный казак. Итак, мое казачество более чем 200-летнее. И только в конце 1860-х годов Енисейский казачий полк был расформирован, и все мы были обращены в гражданское ведомство.

Может быть, это никому неинтересно знать, но я пишу ради своего брата и родных, которых у меня много в Красноярске и которые с удивлением читали, что мы происходили от стрельцов.

В будущем, если случится надобность, то пусть это письмо останется «памяткой».

Уважающий Вас В. Суриков

1904

182. О. В. КОНЧАЛОВСКОЙ

[Москва]. 27 февраля 1904

Что же ты, Олечка, ничего не пишешь нам? Мы беспокоимся. Я думаю, что, видно, Петя болен, оттого тебе и не хочется писать. Здоровали махочка? Уж давно я от тебя жду ответа. Мы здоровы, слава богу.

Напиши поскорее. Японцев отбиваем все. Казаки тоже *действуют ладно*¹. Будь здоровенька. Целую вас всех.

Твой папа

183. О. В и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

[Москва]. 20 марта [1904]

Дорогая Олечка, Петя, Наталичка!

Не знаю, застанет ли наше письмо в Риме вас. Но мы ждем вас к пасхе, как ты писала, и остановишься у нас. Относительно остановки в Вене, то это, судя по возможности. Если будет время до поезда оставаться, то пусть Петя сходит в Коммерческий музей и спросит, где хранятся ковры старинные¹. Но если нельзя будет, то это не особенно важно. Целую вас всех. Ждем вас.

Твой папа

Не простудись дорогой. В Москве довольно холодно.

184. С. И. ЗИМИНУ¹

[Москва]. 4 апреля 1904

Этюды:

№ 1. Голова казака.

№ 2. Группа казаков. К «Покорению Сибири».

- № 3. Раненый казак.
№ 4. Головка. К «*Меншикову в Березове*».
№ 5. Казак на коне. К «*Суворову*».
№ 6. Странник. К «*Боярыне Морозовой*».
№ 7. Акварель мальчик.
За этюды получено мною тысячу рублей.²

В. Суриков

185. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

Звенигород. 29 июня [1904]

Здравствуйте, дорогие Олечка, Петя и Наташечка!

Елеша, слава богу, здорова, и мы переселились в Звенигород. Дача видом выходит на Москву-реку!!! И очень ограниченные дали. Но ничего. Воздух хороший. Наступило тепло.

Я думаю через неделю съездить в Москву поработать картину¹ по сделанным этюдам нынешним. Главное — пейзаж. Еще нужно типов несколько подыскать. Я здоров. Кашель ослабел. Слух мой возвратился. Сходил в баню и пропотел. Карточки с Наташика получили и любимся на нее. Вот милочка-то! Не боится она теперь мухи? Вася сосредоточенный мужчина, снятый с нею. Как бы из него министр не вышел. Пришли еще карточки с Наташи, с ее личика.

Ну, целую тебя, Петю и Наташечку.

Твой папа

186. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

Звенигород. 31 июля [1904]

Здравствуйте, дорогие Олечка, Петя и Наташик!

Мы, слава богу, здоровы. Думаю опять поехать числа 4 августа в Москву поработать.

Получили твое письмо, что написано про то, что Наташечка поет: кавакольчики степные темноговубые. Ужасно мило выходит, должно быть, у нее. Невозможная душечка. Не простудить бы только ее: теперь стало холоднее. Рад за Петю, что он энергично и с удовольствием работает.

Я тоже двинул картину к лучшему. Мне надо еще поездить лиц поискать.

Тут, в Звенигороде, на этот счет тугο. Пиши почаще. Целую тебя, Петю и Наташечку.

Твой папа

1906

187. С. И. ЗИМИНУ ¹

Москва. 25 мая [1906?]

Дорогой Сергей Иванович!

Вы приезжали ко мне в среду. Я был дома до 2 часов дня, так как Вы сказали, что будете в час. Теперь Вы напишите, когда Вы будете у меня. Назначьте день и час. Буду дома.

Жму вашу руку.

В. Суриков

188. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

[Москва. 1906?]

Здравствуйте, дорогие мои Олечка, Петя, Наташик и Миша! ¹

Я зайду к священнику и поговорю с ним. Наверно, согласится. Был у меня сейчас *Зимин с Афанасием Ивановичем* ², режиссером! Ну, я за ту цену не уступил, а он прибавил. Я отдал за *четыре* ³. Надоело держать перед глазами. Что еще дальше *будет неизвестно* в жизни всех. Хоть что-нибудь будет, и ладно. Целую тебя и всех вас.

Твой папа

Если понадобится деньжонок, то пошлю.

189. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

2 июня 1906

Здравствуйте, дорогие наши Олечка, Петя, Наташик и Миша!

К священнику еще не заходил, но на днях зайду и напишу об этом.

Лена ничего, поправляется; я к ней раза два в неделю езжу и исполняю разные ее поручения. Насчет картины я поторопился тебе написать. Зимин сегодня прислал мне письмо, где пишет, что он по приезде домой был ошеломлен такой надбавкой и теперь отказывается от картины.

А если уступлю за прежнюю [цену], то он с радостью возьмет; но я написал ему, что я решительно не могу это сделать. Хотя мне в глубине души не хотелось ему ее отдавать и за ту цену, так как у него есть купленная бездарность — картина какого-то Яковлева, — соседство плохое ¹.

Может быть, впоследствии попадет в более счастливые условия.

Наташечка пусть мне напишет своей ручкой. Целую ее, душечку. Скажи ей, что «дедушка ее целует».

Елеша думает пробыть до 20 июня.

190. А. И. СУРИКОВУ

10 сентября 1906

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Мы очень беспокоимся, что долго не получаем твоего письма. Здоров ли ты?

Олечка живет с нами, потому что ихняя квартира поправляется. Петя завтра приезжает с работы. Я тоже много работаю над картиной. Думаю к рождеству выставить в Москве на Передвижной выставке¹.

Напиши поскорее. Я здоров и все. Получил ли ты насчет черемухи мое письмо? Если будет возможность — пошли.

Целую тебя.

Твой Вася

1907

191. А. И. СУРИКОВУ

13 февраля 1907

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Я получил твое письмо и все собирался написать.

Картину выставлю в Питере с марта 2-го. Уже упаковали ее на Передвижную выставку. О покупке покуда ничего не знаю. Как Питер скажет. Времена-то настали не художественные.

Я здоров, и Лена учится. Нынешним годом кончит курсы¹, и тогда свободно можно жить, где угодно. Да и надоела Москва. Хочется в Красноярске пожить, отдохнуть. Думаю эту зиму приехать к тебе. Квартиру переменяю. Надобности нет для близости к Музею, где я работал.

Лена хочет лето на Кавказе прожить. Воды пить. Это вырешится к маю месяцу.

Олечка, Петя, Наташа и Миша здоровы.

Петя служит в артиллерии до сентября, а потом отпустят в запас.

Не нужно ли тебе, Сашенька, сапоги послать? То, к пасхе вышлю.

Числа 25 февраля надо ехать в Питер — картину поставить самому на выставке. Пробуду дня 3 там.

Еленчик пошел на курсы, оттого и не написала тебе. Она здорова. Целую тебя.

Твой Вася

Саша! Пошли карточку свою. Какой ты теперь — 5 лет не виделись.

192. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 4 апреля 1907

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Прости, что долго не писал. Все откладывал, думал что-нибудь хорошее сообщить тебе, но его не оказывается. Картина находится во владении ее автора Василия Ивановича и, должно быть, перейдет в собственность его дальнейшего потомства. Времена полного повсюду безденежья, и этим все разрешается. Писали в петербургских газетах, что будто Академия хотела ее приобрести, да откуда у ней деньги-то? Ну, да я не го-

рюю — этого нужно было ожидать. А важно то, что я Степана написал! ¹ Это все.

Лето это не знаю, как повернуть. Лена говорит — на Кавказ ехать, а я бы хотел к тебе приехать, да в Базаихе поселиться. Напиши, что, можно там что-нибудь найти? И что там за народ живет? И здорова ли там местность? Это я для Лены спрашиваю. Напиши поскорее. Да, нужно ли тебе что послать? Хорошо бы в Красноярск приехать. Черемухи бы свежей поест и пельменей с паскетишками. А утром, к чаю, пряженики горячие. Плохо разве это?

193. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

[Москва. 1907]

Здравствуйте, дорогие Олечка, Петя, Наташа и Миша!

Ну, что, как здоровье Наташечки? Очень рады, что Миша поправляется. А мы послали в Сиен'у телеграмму, спрашивали в ней о здоровье Миши.

Не знаю, получили вы ее? Здоровье мое ничего. Был у Беляева ¹. Он не нашел ничего. А Степанов ² уехал из Москвы. Думаем ехать в Крым. Только что Лена справится со своими делами. От Саши, брата, ничего не получал. Погода здесь холодная. Солнца нет. Может, в Крыму найдем.

Ну, каково поживаете, наверное, жарко у вас. Обедаем в кухмистерской. Дай бог, чтобы бомбошечка поправилась поскорее.

Целую всех вас.

Папа

194. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 18 июля 1907

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Получил сейчас твое письмо. Еду сегодня с Леной в Крым. Никогда там не бывал. Приеду в начале сентября. Саша, ты лесу на мастерскую покуда не покупай — я ведь больших картин писать не буду. А маленькие вещи можно и вверху писать, где писал и «Городок». Если не осенью, то к весне перееду к тебе. Я всегда мечтал об этом ¹. По приезде из Крыма, бог даст, некоторые вещи надо кончить из начатых, небольших.

Оля, Петя, Наташа и Мишук здоровы. Пишут письма.

Мы нанимали дачу в Звенигороде, да она оказалась сырой; пришлось бросить ее, деньги пропали. Когда приеду на место, пришлю тебе адрес.

Целую тебя.

Твой Вася

195. И. Е. ЦВЕТКОВУ ¹

[Москва]. 20 ноября 1907

«Василий Иванович! Напишите Суворова».

И вот он его написал ².

Когда Вы, многоуважаемый Иван Евмениевич, можете заглянуть к автору? Напишите.

1908

196. А. И. СУРИКОВУ

Москва. [5 января 1908]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Получили твое письмо на праздниках. Ты пишешь, что получил мое письмо 9 октября, но я написал еще письмо в декабре или ноябре, ты должен был его получить. Олюша и Петя с детьми в Париже живут. Они уехали еще 19 ноября туда. Все они здоровы. Хорошо устроились. Пробудут там до осени. Напиши им. Мы здоровы. Особенно ничего не пишу. Вышел из передвижников, потому что не выгодно. Картина моя «Разин» дала им сбор, а мне пользы мало; кроме убытка, даже ничего нет ¹.

От профессорства в Академии отказался. Я люблю свободу. А нужды нет. Теперь в Москве тепло стало, а то морозы с ветром были. Заходил ко мне Александр Петрович Кузнецов. У Саввы Ивановича Мамонтова дочь замужняя (Самарина) умерла ². Были с Леной на похоронах. Жаль, молодая была.

Ну, целую тебя, Сашок.

Твой Вася

Будь здоров. Пиши почаще.

197. А. И. СУРИКОВУ

30 августа 1908

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Поздравляем тебя с днем твоего ангела и будь здоров. Мы вчера, 29-го приехали из Крыма и ничего, слава богу, здоровы. Из газет я прочитал, что в Красноярске были 3 случая холеры и некоторые со смертельным исходом. Берегись, Саша, бога ради, не пей сырой воды и зелени разной сырой. В Москве тоже наблюдались случаи два, а куда ничего не слышно. Олечка скоро приедет. Должно быть, чрез неделю, числа 6 сентября, из Парижа. Дети здоровы. Пиши почаще. Получил ли письмо наше из Алупки? От 15 августа? Мы с Леной здорово загорели, написал штук 20 этюдов крымских — ярких по краскам. Там все время солнце. Ехали взад и вперед от Севастополя на лошадях до Алупки. Автомобилей я боюсь, хотя они и дешевле. Назад в Севастополе останавливались. Смотрели панораму Севастопольской обороны в 1854 году. Потом аквариум с морскими рыбами. Потом памятники: Нахимову, Корнилову и другим, погибшим на бастионах. Здесь же видели и броненосцы с подводными лодками в гавани. Очень Севастополь интересен. Урожай фруктов, как на грех, большой был, а есть вдоволь опасаются ввиду холеры. Беда да и только. Ну, будь здоров, Саша.

Целую тебя крепко.

Берегись от сырья *.

Твой Вася

* Желудок в тепле держи. (Примеч. Сурикова).

198. Н. Ф. МАТВЕЕВОЙ¹

Москва. [Декабрь] 1908

Посылаю Вам, Наталья Флоровна, билет (бесплатный) на открытие выставки С[оюза] Р[усских] художников². Там мы увидимся.

Ваш В. Суриков

1909

199. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 8 мая 1909

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Думаю выехать к тебе в 20-х числах сего мая¹. Не нужно ли тебе что купить здесь? Успеешь еще ответить. Везу тебе ружье и гитару. Отлично ее поправили. Елеша тоже кончает свои занятия. Вопрос только в том, что кончит ли к моему выезду, а то придется ей позже выехать. Квартира за мной остается. Здесь все торжества были по случаю открытия памятника Гоголю. Я был на всех банкетах, заседаниях². Очень интересно было. Потом расскажу тебе. Петя и Оля с детьми это лето будут жить в Абрамцеве у Мамонтовых на даче. Они здоровы все.

Целых 7 лет никуда далеко не выезжали. Кроме Крыма, 1¹/₂ суток, и двинуться трудно вдаль, в Красноярск. Но на этот раз шабаш — приеду. Быть бы только здоровому.

Ну, до свидания, дорогой Саша.

Целует тебя твой Вася

200. Н. Ф. МАТВЕЕВОЙ

[Москва]. 14 мая 1909

Я Вам, Наталия Флоровна, написал письмо, но нашел его очень зазорным и вручу его, когда Вы приедете в Москву. Думаю, что Вы теперь напитались духом подвижничества и поста, так не знаю, как теперь с Вами речи разговаривать¹.

Письмо Ваше получил.

Может быть, Вы в этом месяце приедете в Москву, а то я в начале июня — числа 3, 4 уеду в Сибирь на лето. Адрес мой там: *Красноярск, Благовещенская улица, собств. дом у Казачьей сотни.*

Я здоров. Портрет Ваш каждый день пред очами моими². Напишите поскорее.

Лена Вам кланяется.

Ваш В. Суриков

201. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

*[Красноярск].
18 сентября 1909*

Здравствуйте, Олечка, Петя, Наташа и Миша!

Получил я фотографию с плафона¹. Удивительно закончено. Есть интересные детали. Недаром говорил покойный Семирадский², что «полезно бывает иногда художнику и стену расписать». Это приучает и к смелости и к законченности произведения. А между тем это не декорация. Так и здесь.

Вчера получил и Наташино письмо. Вилочка у буквы У не в ту сторону, а в другую. Ну, да это поправится со временем. Хомут Мише привезем с собой. Решили не оставаться на зиму. Внизу очень душно, а наверху жаль гнать жильцов, живущих уже 7 лет, без особенной в том надобности. Если бы картину писать, то так, а то вдвоем слишком много помещения. Вот если бы всем нам с вами, то так. Как я уже писал, выедем 2 октября и 7-го, бог даст, увидимся.

Погода только что здесь начала поправляться, а все уж пожелтело. Чернышев много интересных домов понастроил в Красноярске, так что вид у него стал другой теперь. Мало деревянных домов осталось. Есть один автомобиль — (нрзб) по улицам.

Целую вас всех.

Папа

202. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

23 сентября [1909]

Здравствуйте, дорогие Олечка, Петя, Наташечка и Миша!

Сейчас получил ваше письмо. Очень рад, что вы еще поживете в России. А я еще поработаю в Красноярске тоже октябрь, а может быть, как и вы, ноябрь. Это хорошо устраивается.

Как в Москве насчет холеры? В газетах пишут, что с 1 июня по сентябрь было 16 случаев холеры и 9 смертей. Так неприятно.

Напиши, что, как относятся все к этому. Может быть, дальше не пойдет.

Вчера Крутовские, Кузнецовы и я с Леной ездили к ним на дачи на Енисей. Осенний убор чудный. Солнце сияло. Написал два этюда «На Енисей»¹. Чернышев приходит иногда с гитарой, и мы в две наяриваем. Жаль, что Пети нет. Мы бы его подучили на радость тебе. Очень рад, что бомбошечка кушает хорошо. Пусть будет потолще, поздоровше. А какой хомут, уздечку и дугу смастерил Саша для Миши. Просто шедевр в маленьком виде. Ни одна деталь не пропущена. Так как я не скоро поеду, то серы[?] пошлю по почте. А хомут — не знаю как. Да ведь у него и коня нет теперь.

Ну, целую вас всех.

Папа

203. Н. Ф. МАТВЕЕВОЙ

[Москва]. 29 октября 1909

Очень бы хотелось повидаться с Вами, Наталия Флоровна!
Мы остановились в гостинице «Княжий двор»¹ у храма Спасителя.
Может, дадите знать по телефону № 8—70?
Вернулись из Сибири 24 октября.
Очень крепко жму Вашу руку.

В. Суриков

204. К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

[Москва]. 20 ноября 1909

Многоуважаемый Константин Сергеевич!
Видел я вчера «Анатэму»¹. Постановка и исполнение выше всяких похвал. Нравственное значение трагедии огромное.
Нашел я одну только ошибку.
В Академии, когда я изучал ассирийское искусство, то во время пленя вавилонского евреев я запомнил молитву их, в русском тексте так написанную: Сур мэшали, охálnу бóруха иемунáй, Совэ́йну, взика́рну кидва́р Адонáи. Нужно имя бога произносить: *Адонáи*, а не *Аденоид* (аденоиды — это опухоли горловых желез).
Будет звучно, верно и красиво произносить Адонáи. *Адонáи*².
Не знаю, как Л. Андреев впал в эту ошибку.
Ну, до свидания. Спасибо.
Жму Вашу руку.

В. Суриков

205. И. Е. ЦВЕТКОВУ

[Москва]. 18 декабря 1909

Многоуважаемый Иван Евменьевич!
Прошу Вас распорядиться, чтобы портрет Ваш¹ передать посланному от Грабье². Он вставит его в раму и отошлет с другими моими вещами на выставку Союза.
Жму Вашу руку.

В. Суриков

206. Н. Ф. МАТВЕЕВОЙ

Москва. 21 декабря 1909

Получил первую Вашу открытку из Варшавы. Был очень рад. Вашу карточку мне в общежитии передали. Ну, что же делать! Не пришлось проститься, да ведь увидимся же. Пишу в Париж. Думаю, что застанет Вас письмо. Встретили ли Вашего Петрарку?¹ Должно полагать, он рехнулся от радости, что увидел свою Лауру. Итак, это Ваш первый (Петрарка-то) питательный пункт. А хорошо сказано, питательный пункт? А остальные, наверно, Вас ожидают в других районах. Это будет Ваше

заграничное триумфальное путешествие по обнаженным нервам Ваших обожателей! Жаль мне их! За что они гибнут от Ваших чар во цвете лет своих, не успевши расцвести. Но поделом им. Из сердец их Вы можете ожерелье себе великолепное сделать и посредине Петрарку, если не встретите Данте! Покажите им и славянскую любовь, и славянское коварство. До следующего раза. Я вместе с Вами сейчас весело смеюсь.

Ваш всегда В. Суриков

Напишите о получении этого письма.

207. В. А. НИКОЛЬСКОМУ ¹

[Москва]. 21 декабря 1909

Очень рад был получить Ваше письмо, которое напомнило мне о прошлом. Относительно Вашего желания, чтобы я дал Вам какие-нибудь сведения о моей жизни. Она была очень сложна, и говорить о ней долго будет, да я и не люблю о себе говорить. Но все-таки я дам Вам некоторые указания.

Я родился в г. Красноярске в 1848 году. Учился в гимназии ² и в 1870 году ³ поступил в Академию, где и кончил научное и художественное образование.

Род мой казачий, очень древний. Уже в конце XVII столетия упоминается наше имя (история Красноярского бунта в 1695 году), и до середины XIX столетия были простые казаки, а с 30-х годов прошлого столетия был один атаман и многие сотники и есаулы.

В 1879 году ⁴ я приехал в Москву и стал работать над исторической живописью. Идеалы исторических типов воспитала во мне Сибирь с детства; она же дала мне дух, и силу, и здоровье.

Картины мои Вы, наверное, все знаете и где они помещены.

«Разин» мною еще не окончен, и потому фотографии с него я не снимаю.

У частных лиц имеются только мои этюды к картинам.

Портрет, который Вы у меня просили для издания, я посылаю Вам самый удачный, и его, если понадобится, Вы и поместите. Другого я не желал бы. Он последний снимок с меня К. А. Фишер ⁵. Репинский портрет с меня слишком молод, и в нем моего духа нет ⁶.

Ну, будьте здоровы.

Ваш В. Суриков

208. В. А. НИКОЛЬСКОМУ

[Москва. 28 декабря 1909] ¹

Многоуважаемый Виктор Александрович!

На письмо Ваше я отвечаю, что я не принял предложения Академии ехать на 3 года за границу ², а вместо этого я взял заказ написать «Все-ленские соборы» в храме Спасителя. И отлично сделал. Приехавши в Москву, попал в центр русской народной жизни, — я сразу стал на

свой путь. Относительно «Разина» скажу, что я над той же картиной работаю, усиливаю тип Разина. Я ездил в Сибирь, на родину, и там нашел осуществление мечты о нем ³.

Благодарю Вас за присылку Ваших работ ⁴, я только начал их читать. Нету пера — пишу кистью.

Ваш В. Суриков

1910

209. В. А. НИКОЛЬСКОМУ

[Москва]. 7 января 1910

Многоуважаемый Виктор Александрович!

Я читаю Вашу «Разиновщину». Очень много верного. Хочу Вам сообщить: не читали Вы Красноярский бунт 1695 года? ¹ «Журнал Министерства юстиции» ² май или июнь 1901 года. Там и мои предки участвуют. Интересно для Вас по бытовым описаниям.

Жму Вашу руку В. Суриков

210. И. Е. ЦВЕТКОВУ

[Москва]. 8 января 1910

Многоуважаемый Иван Евменьевич!

Будьте добры, разрешите моим хорошим знакомым А. Д. Добринскому ¹ и студенту Казанского университета Н. И. Торопыгину ² осмотреть Вашу галерею.

Крепко уважающий Вас В. Суриков

211. В. А. НИКОЛЬСКОМУ

[Москва]. 11 января 1910

Многоуважаемый Виктор Александрович! ¹

Рисунок вышлю на днях ², а относительно портрета, который я Вам послал, то он, может быть такой же, Фишером лучший послан, в отпечатке. Напишите ему.

Ваш В. Суриков

Были ли вы за границей, и если были, то когда? Меня смущает относительно заграницы картина «Из римского карнавала».

В каком году была выставлена картина «Христос исцеляет слепого» и где она теперь?

Я был три раза за границей и в одной из поездок написал картину «Из римского карнавала» в 1884 году.

Она была выставлена, кажется, в 1890 или 1891 году ³. Она у меня.

Когда появился на выставке «Переход Суворова через Альпы»? Справедливы ли уверения, что эта картина писана по заказу?

Кто был вашим профессором в Академии?

«Суворов» был выставлен в 1899 году. Этот год совершенно случайно совпал со столетием перехода его через Альпы и *никто* мне этой картины не заказывал, да и «Ермака» тоже. Я никогда своих картин по заказу не писал, кроме храма Спасителя в Москве.

Шамшин ⁴, Виллевалльд ⁵, Чистяков, Бруни ⁶, Иордан ⁷, Вениг ⁸, Нефф, а в Красноярской гимназии — учитель Николай Васильевич Гребнев ⁹. Он в юности моей горячо желал, чтобы я шел дальше и ехал в Академию. Слух обо мне дошел до известного Сибирского золотопромышленника П. И. Кузнецова, который и помог мне добраться до Академии.

212. П. П. КОНЧАЛОВСКОМУ

[Москва]. 3 марта 1910¹

Дорогой Петя!

Получил сейчас ваше письмо и сообщаю, что я выеду 11 марта (русского) ², пишу портрет (в платке голубом) княгини Щербатовой ³, не той, какую вы знаете, не музея Исторического ⁴. Очень интересное бледное лицо. Выезжаем так же, как и вы, в 6¹/₂ часов вечера.

Заграничный паспорт уже достал. Ужасно хочется со всеми вами, милыми, повидаться. Успеем и в Испанию съездить. Увижу скоро и «маленького» и душечку Наташечку!

Будем гулять. Лена кое-какие книги берет. Не знаю, брать ли ящик от красок с собой? Пожалуй, лишний багаж, — в Париже достать можно.

Скажите Оле, что расписание ее у нас есть и будем поступать по ее указанию ⁵. Значит, 14-го вечером в Париже будем. Пошлем телеграмму, только не знаю, откуда.

Портрет кончу 10 марта, сегодня 3-е.

Поеду в осеннем пальто, а снизу надену фуфайки. Лена тоже в осеннем пальто.

Хорошо, чтобы вы нас встретили на вокзале в Париже.

Любящий вас В. Суриков.

Олечку и детей целую.

213. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

9 июня 1910

Здравствуйте, дорогие Олечка, Петя, Наташа и Миша!

Итак, мы на даче! Но что это за дача! На самом верху низенькая комната для Лены и у меня еще меньше. Но воздух для Лены прекрасный. Я-то поеду в Харьков в имение Харитоненки¹ и пробуду там дней 10. А потом, может быть, в Крым. Завтра едем с дачи искать квартиру, куда не разобрали.

После Испании-то страшная здесь скука, скука подмосковная, с решетчатыми заборчиками! Но все же не вечно. Одна утеха. Отвык я от этой гадости. Как-то вы поживаете? Наверно, есть поэзия. Малюткины загорели теперь, должно быть, сильно... Нет! Я еду завтра в Харьков. Тут холодно и телу и душе. Погода холодная, и лес кругом. Я хочу жары и простора. Лена боится, что в Харькове холера. Но и холера теплее московской дачи.

Папа

214. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

[Москва]. 4 августа 1910

Здравствуйте, дорогие Олечка, Петя, Наташечка и Миша!

Вчера я возвратился из Ставрополя¹, около Самары. Лето хорошо провел. Работал мало, да и ничего не было там особенного. Все это я уже писал и знаю.

Завтра едем с Леной *искать фатеру*. Думаю, что, не предъявляя особых требований, можно найти обывательскую.

Как-то вы поживаете в Испании? Судя по газетам, там идет война против клерикалов.

Да думаю, трудно их спихнуть, как и отменить бой быков. В кровь въелось. Петя, наверно, еще побывал в Барселоне и видел какого-нибудь Бомбиту. Душечки, должно быть, повзросли. Увидимся осенью. Малюткин и Наташечка-бомбошечка, наверно, загорели сильно.

Без меня приходил Машков². Лена говорит, что очень скучает без дела. Что в Малаховке напишешь, разве заборы только да симметричные сосенки с березочками.

Скучно тут. Я хотя немножко отдохнул на волжском просторе. Пишите почаще. Целую вас всех.

Папа

215. Д. И. ТОЛСТОМУ¹

[Москва]. 3 декабря 1910

Многоуважаемый и дорогой граф Дмитрий Иванович!

Сдаюсь на вашу просьбу и завтра разворачиваю картину «Степан Разин», чтобы осмотреть ее, так как она была свернута более года. Я, собственно, не принадлежу ни к Союзу, ни к передвижникам, то нельзя ли мою картину не причислять ни к какой группе на выставке в Риме,

а выставить отдельно? Надо ее застраховать. Нужно ли раму и подрамник посылать? Картина свернута на вал и в ящике.

Напишите поскорее, пошлю большой скоростью, числа 10 декабря или даже раньше, 8-го, накладным платежом.

Да, чего ей лежать-то в Историческом музее! Пусть прокатится Степа по Европе.

Любящий Вас В. Суриков

Мой поклон графине и Ивану Ивановичу.

216. Д. И. ТОЛСТОМУ

[Москва]. 12 декабря 1910

Многоуважаемый и дорогой граф Дмитрий Иванович!

Вчера я послал свою картину «Степан Разин», раму и подрамник. За перевоз я заплатил до Петербурга. Картину я совершенно закончил и в тоне и в форме. Думаю, что нужно на выставке в Риме дать небольшое объяснение этого исторического сюжета. А то ведь иностранцы совершенно не знакомы с нашей историей.

Напишите мне, что, находите ли Вы нужным это объяснение? Картина хорошо укупорена, так как, я думаю, в Академии надобности не будет ее развертывать. Картина знакома ей.

Жму Вашу руку и мой поклон графине.

Уважающий Вас В. Суриков

Картина отправлена с пассажирским поездом и будет в Петербурге утром 12 декабря, а рама вечером того же дня.

217. И. Е. ЦВЕТКОВУ

[Москва]. 13 декабря 1910

Многоуважаемый Иван Евменьевич!

Позвольте моей хорошей знакомой, сибирячке Евдокии Петровне Кузнецовой, осмотреть Вашу галерею.

Уважающий Вас В. Суриков

1911

218. Н. Ф. МАТВЕЕВОЙ

Москва. 25 мая 1911

Если бы люди знали, как относительно их поступают их лучшие друзья, то мир оглох бы от пощечин! ¹

В. Суриков

1912

219. Н. Ф. МАТВЕЕВОЙ

Москва. 28 марта 1912

Милая Natalie!

Я очень был удивлен, что Вы уехали, не сказав ни здравствуй, ни прощай своему лучшему другу. Нехорошо, нехорошо! Ну, как Вы устроились в Париже? Напишите, где Вы бываете и не встречали ли Кардона Грека! ¹ Я думаю, что его жена прибрала его к рукам, полным маленькими кардончиками!

Пасха здесь холодная, сырая, и ни капли солнца! Должно быть, как у Вас хорошо. Ходите в Люксембургский музей? Какие там дивные вещи из нового искусства! Моне, Дегас, Писсаро и многие другие.

Лена Вам кланяется. Напишите подробно. Оно конечно... Вы скоро исполните мое желание поделиться со мной вашими впечатлениями и приехать до лета в Москву?

Целую Вас в античную шею.

Ваш В. Суриков

220. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

Berlin. [Май] 1912 ¹

Здравствуйте, дорогие Олечка, Петя, Наташечка и Миша!

Были вчера у доктора Килиона. Он сказал, что носовая и глазная болезнь идет лучше, и определил лечение приблизительно недели на две, и про болезнь он сказал: es ist einfach (т. е. простой, несложный). Ну, вот и ладно.

Как-то вы доехали, благополучно ли? Поклонитесь от меня Тициановой «Флоре» и «Туалет Венеры» — лежащая. В сундуке горничные достают одежду.

Веронезу низкий поклон и всей нашей обожаемой братии — колористам-дорафаэлистам, если таковые найдутся. Покуда лечусь все, в галерею буду ходить. Единственная отрада.

Целую вас всех. Пишите.

В. С.

221. А. И. СУРИКОВУ

Москва. 28 июня 1912 .

Посылаю тебе карточку памятника Скобелеву ¹. Отличный памятник. Очень мне нравится. Я здоров, Лена тоже. Пиши. Москва, Триумфально-Садовая, д. Смирнова, № 15, кв. 44, Кончаловским.

Целую тебя.

Вася

222. О. В. и П. П. КОНЧАЛОВСКИМ

[Москва]. 28 июня 1912

Здравствуйте, дорогие Олечка, Петя, Наташечка и Миша!

Очень рад, что Миша поправился и бомбошечка поправляется. Как бы только не сразу на свет пускать, чтобы глаза предохранить¹.

Вы уже читали, что Сапунов утонул на море². Жаль мне очень его. Талантливый был человек. Трагические были подробности: одна из барышень пошла по лодке и опрокинула ее, а Сапунов не умел плавать — пошел ко дну. Говорят, что ему предсказала какая-то гадалка, что он утонет.

223. А. И. СУРИКОВУ

[Москва. Конец 1912]

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Получили мы от тебя урюшика и китайскую пастилу и съели целым миром. Был и твой посланный — славный мужик. Мы все просим тебя, дорогой Саша, вырвись ты из Красноярска и приезжай в Москву. Ведь ты с 1887 года не брал отпуска! Неужели тебе не дадут его? На рождестве и в театрах и везде побываешь. Жильцы ведь хорошие у тебя. Вот бы хорошо было! Картину кончил¹. Думаю, на рождестве на выставку в музей поставить². Я теперь сижу у Пети и Оли.

Целую тебя.

Твой Вася

Приезжай. Такая будет радость для всех.

1913

224. [РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ
«РУССКОЕ СЛОВО»]¹*[Москва]. 17 марта 1913*

Многоуважаемый г. редактор!

Позвольте мне чрез посредство Вашей газеты выразить искреннее сочувствие проекту постройки нового помещения на Девичьем поле для Третьяковской картинной галереи². Мы, художники, должны быть рады, что наши произведения будут удалены из невозможных окружающих галерею условий. И чем скорее эта идея осуществится, то тем лучше.

Я знаю, что в находящейся в Замоскворечье известной частной галерее П. И. Харитоненко двор весь засыпается углем от окружающих ее фабрик. Так что владельцу приходится все картины спасать под стекло, что и это, он говорит, не спасает. А Третьяковская галерея находится не в лучшем положении.

В. Суриков

225. В. А. БЕКЛЕМИШЕВУ ¹*[Москва]. 31 марта 1913*

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Картина «Посещение царевной женского монастыря» принадлежит одному банкиру в Петербурге ². Если он согласится дать ее на выставку в Мюнхен, то я ничего против этого не имею. Нужно справиться от Бычкова ³, заведующего Союза рус[ских] худ[ожников] на выставке.

Ваш В. Суриков

226. Н. Ф. МАТВЕЕВОЙ

Алупка. 9 июня [1913]

Мы уже в Крыму. Когда же Вы, Наталья Флоровна, переселитесь из земли Халдейской в землю Ханаанскую? Напишите. Мы июнь пробудем здесь.

Ваш В. Суриков

Адрес: Алупка, дача генерала Липицкого.

227. Н. Ф. МАТВЕЕВОЙ

Алупка. 18 июня 1913

Дорогая Наталия Флоровна!

Я получил Ваше письмо и спросил, где Вы можете предаваться музыке. Хозяйка нашей дачи сказала, что в клубе здесь можно играть по часам за плату в 50 коп. час. Узнаю еще что-нибудь в этом роде. Приезжайте-ка скорее.

Лена Вам кланяется, и я тоже.

Ваш В. Суриков

228. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПОПЕЧИТЕЛЮ
ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ ¹*[Москва]. 17 сентября 1913*

Так много говорят о преобразованиях в Третьяковской галерее, что, я думаю, и мне нелишне будет сказать несколько слов. Многие нападают на эти преобразования, но совершенно напрасно. Что картинам нужно? Свет! И вот этого, благодаря усилиям и трудам администрации галереи, вполне удалось достигнуть. Какая дивная огромная зала получилась с вещами Репина! Их только теперь можно и видеть в настоящем виде. Этюды Иванова к «Явлению Христа народу» стали особенно яркими и колоритными от света. Перовский «Никита Пустосвят» выиграл от перемещения в другую комнату. Вещи В. Маковского, картины Крамского тоже освещены в громадной зале. Но по эффекту лучше всех брюлловская зала. Она напоминает парижский Лувр. Ничто теперь не мешает смотреть. Перегородки убраны, многие картины старых русских мастеров, запрятанные под потолок и в углы, совершенно мне были неизвестны, и теперь для меня новость и доставляют наслаждение, поставленные на свет.

Не сомневаюсь, что и остальные вещи также будут удачно размещены, колоссальный труд еще не закончен. Покойному П. М. Третьякову просто некогда было заниматься систематическим размещением картин. Ему важно было одно: чтобы нужные для галереи картины не ушли мимо. И при жизни он не считал дела законченным. При этом он всегда шел навстречу желаниям художников. Мне случилось как-то говорить с ним о том, что картину мою «Боярыня Морозова» ниоткуда не видно хорошо. Тогда он сказал: «Нужно об этом подумать». И вот подумали. Расширили дверь комнаты, где помещена картина, и мне администрация галереи показала ее с такого расстояния и в таком свете, о которых я мечтал целых двадцать пять лет. И если по каким-либо непредвиденным обстоятельствам дверь опять заделают кирпичами, то об этом можно будет только пожалеть. Вообще до предполагаемой постройки новой Третьяковской картинной галереи все эти временные улучшения вполне целесообразны и необходимы.

В. Суриков

229. Я. Д. МИНЧЕНКОВУ ¹*[Москва]. 16 декабря 1913*

Многоуважаемый Яков Данилович!

Вчера днем звонила по телефону г-жа Смирнова, как передал мне слуга. Я не знаю, может быть, это жена того Смирнова, о котором Вы мне говорили ². Но у меня был доктор, выслушивал меня, и я не мог подойти на ее зов к телефону.

Может быть, Вы знаете ее адрес, то передайте ей это. Ответьте мне с этим посыльным, пожалуйста. А то, может быть, это и не та Смирнова.

Мой Вашей супруге поклон.

Ваш В. Суриков

Р. S. У Вас в субботу не мог быть. Не выхожу из дома.

1914

230. В. П. БЫЧКОВУ

[Москва]. 23 марта 1914

Многоуважаемый Вячеслав Павлович!

Я в провинцию своих вещей не даю ¹. Пошлите их мне. Там еще осталось, кажется, 150 руб., может пошлете мне их до поездки в Казань.

Ваш В. Суриков

231. Н. Ф. МАТВЕЕВОЙ

Красноярск. 18 июня 1914 ¹

Получил Ваше письмо, дорогая Наталия Флоровна. Вы исполнили Ваше обещание и написали мне. Здесь довольно холодно. Сегодня по Енисею плавали на пароходе. Чудная, большая, светлая и многоводная

река. Быстрая и величественная. Кругом горы, покрытые лесом. Вот если бы Вы видели! Такого простора нет за границей [...]

Хорошо сделали, что не поехали за границу с М...вым. Поживите лучше в деревне, отдохните от житейских треволнений.

Я тоже ничего не делаю. А только созерцаю природу и людей. Какие славные типы. Еще не выродившиеся. В Красноярск была принесена часть мощей св. Иннокентия, иркутского чудотворца, и были паломники почти со всей Сибири. Лица, как на итальянских картинах дорафаэлистов.

Думаю съездить еще на озеро Шира в Минусинском округе. Там живут татары, и у них табуны лошадей. Да мало ли что здесь интересного!

Вот бы Вам все это увидеть когда-нибудь!

Пишите еще мне. Может быть, и с-мол Шопена одолеете к осени. Тогда увидимся. Поклон Вам и Вашей сестре.

В. Суриков

232. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 15 ноября 1914

Мы все здоровы, дорогой Саша! Петя тоже здоров. У границы стоит. Получает Оля письма от него ¹. Пишу ². Целую тебя.

Вася

233. А. И. СУРИКОВУ

Москва. 11 декабря 1914

Дорогой Саша!

Поздравляю тебя с праздником и, наверное, еще напишу к рождеству. Петя здоров. Пишет с войны. Мы все тоже здоровы. Оля скоро тебе напишет.

Будь здоров. Целую тебя.

Твой Вася

234. И. Е. ЦВЕТКОВУ

[Москва]. 16 декабря 1914

Многоуважаемый Иван Евменьевич!

Позвольте посмотреть Вашу галерею Якову Алексеевичу Тепину ¹, очень интересующемуся русской живописью.

Будьте здоровы.

Вас уважающий В. Суриков

1915

235. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 29 января 1915

Здравствуй, дорогой Саша!

Мы все здоровы. От Пети получаем письма. Он здоров. Пиши. Я работаю. На выставке моя картина ¹. Она небольшая. В Союзе.

Целую тебя.

Твой брат В. Суриков

236. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 16 марта 1915

Христос воскрес!

Поздравляю тебя со светлым праздником и желаю тебе доброго здоровья.

Мы все здоровы. О Пете получаем сведения. Все благополучно. Я очень давно не получал от тебя письма. Здоров ли ты был?

Я работаю теперь мало, так как картину «Благовещение» я послал на выставку, которая теперь в Петрограде.

Здесь все кипит войной, так как сведения на другой же день получаются.

Должно быть, массу пленных ты видишь в Красноярске. А [мне] еще в Москве ни одного не удалось увидеть. Случая не было. Погода здесь — то растает, то опять снег. Сегодня ночью опять повалил снег, и ездят на санях. Пиши почаще. Я тоже буду. Поклонись В. М. Белоусовой ¹ и поздравь.

Целую тебя.

Твой Вася

237. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 29 июня 1915

Здравствуй, дорогой наш Саша!

Получил вчера твою открытку. Мы все здоровы. Оля с детьми на даче. Адрес: Московско — Киево — Воронежская ж. д., станция Наро-Фоминское, имение Якунчикова ¹. Петя приехал с войны и лечится в лазарете там же. У него растянуты сухожилия. 7 июля уезжает обратно. Я еще в Москве и не знаю, куда еще съезжу.

Где-нибудь неподалеку от Москвы. В Москве погода меняется с дождями. По-видимому, хороший урожай будет. Дай ты нам, господи, в тяжелую годину войны. Пишу подробнее письмом. Будь здоров.

Целую тебя.

Твой Вася

238. А. И. СУРИКОВУ

Алупка. 18 августа [1915]

Здравствуй, дорогой Саша!

Я теперь ненадолго приехал в Крым. Летом никуда не ездил. Здоров. К 1 сентября приеду в Москву. Оля на даче еще, а Лена в Москве лечит зубы. Напиши в Москву, в «Княжий двор» на Волхонке. Я там остановлюсь. Лена живет с Олей пока в д[оме] Пиит. Целую.

Вася

239. А. И. СУРИКОВУ

Алупка. 21 августа 1915

Поздравляю тебя, дорогой Саша, с днем ангела.

Будь здоров.

Я сегодня уезжаю из Крыма. Пиши в «Княжий двор», Волхонка.

Встретил Ицина, здесь у него больная дочка. Поговорили о Красноярске. Из Москвы напишу. Какие у вас пожары лесные были! Небывалые. Беда, да и только. Целую тебя.

Твой Вася

240. А. И. СУРИКОВУ

[Москва]. 3 декабря 1915

Дорогой брат!

Вот уже два месяца лежу в постели. Доктора ходят и нашли расширение аорты. Послали в санаторий, и там меня более простудили, заставляя лежать в конце октября по 2 часа на воздухе. Я бросил и деньги 250 рублей и на автомобиле опять приехал к Оле в квартиру. Вот уже было кровохарканье, прошло, да опять вернулось. Все от сердца (биенышко мамочкино).

Теперь немного лучше. Доктора не велели на воздух выходить, да и высоко с пятого этажа! Думают, что к концу декабря можно будет выходить. Тогда Лена найдет помещение внизу, чтобы не подниматься¹. Мне это сильно вредило для сердца. Хозяин дома Пиит умер. Сегодня хоронили. Его, должно быть, тоже ухайдакали высокие лестницы.

Лена живет теперь в отдельной комнате на Новинском бульваре. Навещает каждый день.

Утомилась она страшно от ухода по ночам за мной. Теперь Оля помогает по ночам. Пиши мне, как-то ты?

Вот она старость — не радость!

Целую тебя, брат. Посылаю всем поклон.

Твой Вася

Петю Оля все поджидает, да, видно, очередь отпуска не дошла до него.

1916**241. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
ГАЗЕТЫ «РУССКОЕ СЛОВО»¹***[Москва]. 31 января 1916*

Волна всевозможных споров и толков, поднявшаяся вокруг Третьяковской галереи, не может оставить меня безучастным и не высказавшим своего мнения. Я вполне согласен с настоящей развеской картин, которая дает возможность зрителю видеть все картины в надлежащем свете и расстоянии, что достигнуто с большой затратой энергии, труда и высокого вкуса. Раздавшийся лозунг «быть по-старому»², не нов и слышался всегда во многих отраслях нашей общественной жизни.

Вкусивший света не захочет тьмы.

В. Суриков

242. И. Е. ЦВЕТКОВУ*[Москва]. 12 февраля 1916*

Многоуважаемый Иван Евменьевич!

С удовольствием я бы пришел к Вам, но я никуда не выхожу из дома вот уже 4 месяца. Я был болен (расширение сердца). Потом еще что-то в легких, и пролежал в санатории, и теперь живу в гостинице. Доктор не велит еще на улицу выходить. Может быть, Вы не найдете ли возможным повидаться со мною? Здесь великолепный лифт.

Уважающий Вас В. Суриков

ПИСЬМА В. И. СУРИКОВУ

243. И. Е. РЕПИН

[Петербург.
Конец февраля 1881]

Василий Иванович!

Сегодня Вашу картину привезли при мне, раскупорили и натянули на подрамok¹; все благополучно. Восторг единодушный у всех; все бывшие тут в один голос сказали, что надобно отвести ей лучшее место. Картина выиграла; впечатление могучее! «На нервы действует», — сказал один с неподдельным чувством. Жаль, Курганников все еще раму не прислал; я был у него сейчас же *по приезде* — видел раму. Завтра вставляю. Читали ли Вы в «Голосе» в воскресном нумере об вашей картине в фельетоне из Москвы? Хорошо описано, совершенно верно². За все хлопоты по вашей картине заплатил я 150 к[опеек]. А теперь здесь совсем тепло.

Выставка будет блестящая, много хороших вещей³. Академия наук не могла дать нам зал, ее занял Пржевальский⁴, чтобы показать государю свою коллекцию. Мы наняли квартиру в д[оме] к[нязя] Юсупова на Невском проспекте у Литейного проспекта, великолепная квартира: окна высотой более 4 аршин; можно выставить 500 картин. Я остановился в гостинице «Метрополь», в Большой Конюшенной, № 46.

Ваш И. Репин

244. И. Е. РЕПИН

[Петербург]. 3 марта 1881

Василий Иванович!

Картина Ваша почти на всех производит большое впечатление. Критикуют рисунок и особенно на Кузю¹ нападают, ярее всех паршивая академическая партия: говорят, в воскресенье Журавлев² до неприличия кривлялся, я не видел. Чистяков хвалит. Да все порядочные люди тронуты картиной. Писано было в «Нов[ом] времени» 1 марта, в «Порядке» 1 марта³. Ну, а потом случилось событие⁴, после которого уже не до картин пока...

Приезжайте-ка сами; выставка хорошая, стоит.

Ваш И. Репин

Простите: нет времени писать подроб...⁵

245. П. П. ЧИСТЯКОВ

[Петербург. 1882]

Дорогой Василий Иванович!

Я давно собирался писать к Вам, и все почему-то откладывал; а хотелось! Искренно любя и уважая Вас и талант Ваш достойно почитая, я хотя несколько слов осмелюсь высказать Вам относительно картины Вашей. Не пренебрегайте перспективой комнаты, выправьте, насколько это для Вас возможно¹. В нашем искусстве две части: одна мужественная, твер-

дая, устойчивая — это рисунок; другая — тонкая, едва уловимая, чувственная, нежная — это живопись, колорит, светотень, тушевка. Еще скажу Вам, что у больных или у начинающих хворать во время лихорадочного жара блестят глаза и появляются красные пятна большей частью под глазами и очень небольшие пятна, но зато ясно очерченные. И вообще при всей странности, неестественности лица у таких женщин бывают красивы и для неопытного кажутся как будто здоровыми: а) румянец у здоровых, б) румянец у начинающих болеть ².

Я говорил о Вашей картине с г. Солдатенковым ³ и с г. Третьяковым. В нынешнем году в Академии получил 1-ю золотую медаль ученик мой г. Савинский ⁴. Юношу этого я обучал с самого начала и до конца. Рисует здорово; но зато и притесняли же его из-за меня. Теперь с души свалилось бремя, могу, в случае чего-либо, и оставить Академию. Искренний поклон многоуважаемой супруге Вашей и желаю всем вам доброго здоровья.

Душевно преданный Вам Павел Чистяков

При свидании передайте Евгению Михайловичу мое искреннее пожелание доброго здоровья, успеха и всего лучшего от бога. Жена моя Вам очень кланяется. Она Вас почитает и очень верно ценит.

246. И. Е. РЕПИН

СПб. 8 апреля 1887

Дорогой Василий Иванович!

Письмо Ваше с деньгами я получил, когда картина Ваша вместе с выставкой была уже на пути в Москву ¹, досмотреть я уже не мог. Благополучно ли все пришло в Москву и открыта ли там выставка? Я все время так здесь занят, что ни с кем из нашего правления не виделся и ничего не знаю. Я знаю, что Вы не любите писать, а потому и не смею просить Вас написать мне о выставке. Как поставлены и в каких залах большие картины? Где Ваша стоит, где Поленова ² и где моя царская? ³ Интересно, конечно, и очень даже, мне было бы услышать Ваше мнение о моей... но не жду; знаю, что Вы писать не станете. Я все думал, даже до сегодня, что я сам поеду в Москву, но дела расположились так, что я разве только в конце мая поеду прогуляться на юг, и, конечно, первым делом в Москву, а потом думаю спуститься в Киев — посмотреть на Васнецова ⁴.

А Крамской-то как всех нас тут огорошил! Беда!.. Я до сих пор без содрогания и беспокойства ума не могу вспоминать о нем ⁵. Видел портрет, который он написал с Вас, — очень похож и выражена вся Ваша сила богатырская ⁶. Написан он плохо, но нарисован чертовски верно и необыкновенно тонко, до виртуозности своего, совершенно своего, рода. Доктор Раухфус написан гораздо шире, проще и художественнее ⁷.

Будьте здоровы, желаю Вам и всей семье Вашей полного благополучия.

И. Репин

247. И. С. ОСТРОУХОВ

[Петербург. Начало 1888]

Дорогой Василий Иванович!

Долго не решался я писать Вам это письмо. Пишу — и судите меня, как хотите, но я поступил бы нечестно, если бы не написал его. Мои отношения к Вам обязывают меня сделать это, рискуя, быть может, услышать от Вас упрек за вмешательство не в свое дело. И я не вмешивался бы, если бы не любил Вас, говорю откровенно, если бы талант Ваш не был бы так дорог мне. Поймите меня хорошо и *немедленно телеграфируйте* мне ответ.

Вы прислали два пейзажа затмения ¹. *Этих пейзажей публика не поймет*; положительно, если бы Вы увидели их на выставке, Вы, я уверен в том, согласились бы со мной. Они выглядят чрезвычайно странно. Один из них положительно трудно разобрать. Я знаю, что будет, если Вы оставите эти вещи на выставке, и стеснялся бы сказать Вам в другом случае, но здесь я вижу опасность слишком ясно, чтобы не пожертвовать ради предупреждения ее этими скромностями и церемониями и говорю Вам прямо, что публика, *вся публика*, будет недоумевать и — Ваше имя, которое здесь, в особенности после прошлогоднего страшного успеха Морозовой, стоит так высоко, что на малейший мазок Ваш будет обращено самое напряженнейшее внимание, — это имя Ваше подвергнется страшному риску.

Если Вы не придаете большого значения этим пейзажам, телеграфируйте мне, чтобы я снял их Вашим именем. Вы знаете меня за человека откровенного и любящего Вас. Многие, быть может, хотели бы предупредить Вас, но не всякий настолько близок Вам, чтобы взять риск, на который я отваживаюсь, на себя.

Итак, судите меня как хотите, но, повторяю, я поступил бы нечестно по отношению к Вам, если бы не написал этого. Жду Вашего ответа. Выставка открывается 28-го. Вы получите это письмо 26 [или 25?]-го. Если телеграфируете в тот же день, то до приезда государя на выставку, который ожидается 27-го я успею снять пейзажи ².

Как здоровье Елиз[аветы] Август[овны]. Мой душевный поклон ей ³.

248. А. В. ПРАХОВ ¹

Киев, Гимназическая ул., д. № 3
14 апреля 1888

Дорогой мой Василий Иванович, бывают в нашей земной жизни минуты столь глубокого горя, что слова бессильны для утешения; если эти строки смогли бы передать теплое сердечное участие к понесенной Вами утрате ², которое охватило меня и мою жену при вести о Вашей беде, то Вы, наверно, почувствовали бы близость друзей, искренно, сердечно к Вам расположенных. Печальную весть привез нам Н. Д. Кузнецов ³, но мы еще не верили, пока не явилось прискорбное подтверждение из уст Аполлинария Михайловича Васнецова. В. М. Васнецов взволнован так же глубоко, как и мы; эта минута дала нам понять, что, несмотря на кратковременность

встреч, на дальность нашего местожительства, мы свои, тесно связанные узами, более сильными и более тесными, чем узы крови. Одинаково проникнутые глубоким сочувствием к Вам, мы и Васнецовы сходимся и в другом чувстве, в горячем желании видеть Вас у себя в Киеве как можно скорее. Вы доставили бы нам истинное удовольствие, если бы, не откладывая, приехали к нам, в нашу южную, уже расцветающую весну. Само собою разумеется, что я не могу представить Вас, дорогой мой Василий Иванович, в Киеве иначе, как только у меня, я и жена моя будем сердечно рады, если Вы не отвергнете нашего гостеприимства.

Крепко Вас обнимаю и целую и жду от Вас ответа.

Весь Ваш Адриан Прахов

249. П. П. ЧИСТЯКОВ ¹

[Петербург. Конец апреля 1891]

Христос воскрес, дорогой Василий Иванович!

Обнимаю Вас крепко и желаю Вам и всему семейству Вашему доброго здоровья и всего лучшего от бога. Спасибо Вам большое за письмо. 30 марта я начал писать ответ на Ваше письмо и не мог окончить. Дела совсем меня поглотили, и я, как волчок, кружусь в пространстве.

На вопрос Ваш скажу следующее. Содержание картины, величина ее и прочее обуславливают резкость тонов. Тихо задумавшаяся над младенцем сыном, с опущенными глазами, в сероватом скромном освещении мадонна Рафаэля, написанная мазками Рембрандта, погибнет. Роскошный праздник под южным небом или битва пестро одетых воинов на ярком солнце, написанные благородной кистью Рафаэля, проиграют перед Веронезом.

Я мало работал картин, но зато много учился, беседовал с природой, пытал ее со всех сторон, вдумывался и разрешал многое, многое — и понял. Все мои работы почти что не похожи одна на другую. Писал я очень ярко и очень быстро. Посмотрите этюд Муратора ² с трубкой у П. М. Третьякова (работал 7 часов). Там движение кисти и цвет довольно сильны, а головка русской девушки ³ у г-на Мамонтова совсем другая. Римский нищий ⁴ — манера другая; образ, что у меня в зале ⁵, и Мессалина ⁶ по приему и тонам совсем не похожи. Первая золотая медаль ⁷ — опять не то. Два этюда мои в Академии ⁸ никто не признает за работу одного художника. Следовательно, я разнообразю свою работу... И странно... у меня это выходит как будто не умышленно, очень просто... Я все-таки русский; а мы, русские, всего более преследуем осмысленность. По сюжету и прием; идея подчиняет себе технику.

Теперь — эта девушка, Аннушка ⁹, в едва заметном полутоне сладко задумалась о чем-то! Как ее написать машисто? Ведь это выйдет К. Маковский, т. е. костюм, мишура и куколка? — Нет, я все подчиняю идее. Быть может, вам, дорогой Василий Иванович, показалось, что она не блестит красками, т. е. грязновато написана? Можно лучше написать, но она еще не окончена, и притом я уже перешел тот возраст, когда художник преследует на всех парах вид, эффект. Я преследую и вижу уже

не полутоны, а тело — суть; не блеск, а чистоту — теплоту тонов. При этом идея моей картины требует спокойствия; в тонах у меня есть робость, но есть и чистота — простота; думаю, что когда окончу, будет ладно. Посмотрите Тициана Венеру. Там не ярко, но чисто — просто и тельно. Дойти до этого — идеально хорошо. Конечно, кроме таланта, нужно и работать столько, сколько Тициан работал, и постоянно. Яркость красок от времени тускнеет; чистота вечно остается чистотой. Простите, что и нескладно и отрывисто пишу. Я не могу писать письма, говорить — другое дело.

Передайте мой поклон В. А. Серову и поблагодарите за письмо.

Искренно Вас любящий и уважающий П. Чистяков

250. П. М. ТРЕТЬЯКОВ ¹

[Москва]. 9 февраля 1895

Дорогой Василий Иванович!

Дело устроилось так: десять тысяч можете получить тотчас, хотите — в Петербурге или в Москве по возвращении, как желаете; десять — 2 января 1896 года, и десять — 2 января 1897 года, т. е. значит менее чем через два года ². Сегодня уезжаю в Петербург, возвращусь в понедельник и опять буду в Петербурге к открытию выставки ³.

Преданный Вам П. Третьяков

251. В. В. СТАСОВ

[Петербург. Зима 1896]

Многоуважаемый Василий Иванович, посылаю Вам свою статью о нынешней передвижной выставке, где, конечно, Вы играете большую роль ¹. Весной буду и я сам в Москве, да, вероятно, Вас уж там не будет? Черкните мне, пожалуйста, теперь хоть несколько строк: *куда и когда* уезжаете, где будете жить и *что* будете нынче летом писать, какую картину. Вы знаете, как мне все интересно, что до Вас и Ваших будущих картин касается. Так же — *когда* воротитесь опять в наши края, т. е. в Москву и Петербург? А наконец, не приметесь ли Вы однажды за картину *сибирскую* (кроме «Ермака») — картину из жизни ссыльных, поселенцев, каторжных? Должно полагать, что тут у Вас вышло бы нечто самое превосходное, судя по Вашему «Острогу» и тем людям, что спят на *нарах* в Вашем рисунке к рассказу Л. Толстого ², на который я никогда не мог довольно любоваться!

Так вот-с, напишите мне, пожалуйста, хоть несколько строк о Ваших планах и намерениях — мне они так дороги! Разумеется, чем больше напишете, тем мне радости больше будет!

Жму Вашу руку.

Ваш всегда В. Стасов

252. В. И. АНУЧИН ¹

СПб. 14 октября 1901

Дорогой Василий Иванович,

Напраслины Ваши подозрения, и нашего с Вами Красноярска я не разлюбил, и писать «Красноярский бунт» не раздумал — только вот обстоятельства сложились — некуда хуже!

План трагедии остался все тот же, он материалом диктуется. А вот набросал первое действие и окончательно убедился, что труд будет напрасным, т. к. ни в какие цензурные рамки пьеса не войдет: слишком она бунтарская. Смягчить — и невозможно, да и не хочу. Придется, как я уже говорил Вам, отложить эту работу до лучших времен, а если они наступят нескоро, напишу трагедию под старость для посмертного издания², — пусть наши внуки радуются.

Для верности клянусь Такмаком и Черной Сойкой³, трагедия будет написана!!

Ну, а Вашу картину «Красноярский бунт» воистину нет никаких причин откладывать! Ведь это будет такой же шедевр, как и «Утро стрелецкой казни», — и наш Красноярск прославится и в ширь России и в глубь веков.

Материалами же я и впредь, конечно, делиться буду со всем усердием младшего брата.

В данный момент могу сообщить:

1. Ваш пращур Суриков Петр действительно принимал в бунте очень активное участие — это доказывается документально.

2. Добыл план старого Красноярска, копию которого при сем прилагаю⁴.

3. Великая удача! Нашел детальное описание боевого знамени красноярских казаков. Прилагаю⁵.

4. Покровская церковь стояла на том же самом месте. Она была деревянная, точно такая же, как церковь в селе Спас-Вежи в Костромской губернии (только одноэтажная). Фотографический снимок с последней у Вас есть — я помню: лежит она (он) у Вас в маленькой холщовой папке на круглом столе.

5. Дом Михаила Злобина (отца) стоял близ алтаря Покровской церкви. Приблизительно там теперь стоит маленький домишко, в котором всегда парикмахерская.

6. Относительно одежды. Платье краснояры шили русским покроем, но ткани были китайские и бухарские!

7. Краснояры пили чай (из китайских деревянных чашек) и курили табак (трубка манчжурского типа) на много раньше московитов.

8. (Вашему особому вниманию!!) Арины — союзники Красноярских бунтарей не были *калмыковатыми* и не в пример тобольским татарам на Вашем «Покорении Сибири» летом не носили меховых одежд. Опять китайские ткани, отнюдь не исключая бархата и шелка. Толпа цветистояркая.

Очень огорчительно, что Вы еще не остановились на сюжете. Я решаюсь настаивать, что для *картины* наиболее подходит момент изгнания воеводы («отказ в воеводстве») — и Вы как будто были согласны с этим. Почему же раздумали?

Если хотите, я пришлю Вам набросок первого действия пьесы, там эта сцена дана.

Теперь пару слов относительно Вашего «больного вопроса». Я так же, как и Вы, недолюбливаю царя Петра — слишком у него руки в крови,

но я все-таки не могу отрицать и того, что стрелецкое движение является реакционным с точки зрения исторического процесса ⁶.

Задайтесь вопросом: что бы было если б стрельцы одержали верх?

Конечно, глубоко неправы те, кто называет Вас реакционером только потому, что Вы тепло изобразили стрельцов, — это люди, которые не в состоянии заглянуть поглубже, люди короткого кругозора, мещане в политике. Современникам вообще непосильно дать оценку Ваших творений, — и ниже Вашего достоинства огорчаться тавканьем пустолаек. Как и всякого крупного человека, Вас поймут и оценят только лет через 25.

В Институте ⁷ особо интересного для Вас нет, русские древности читаются, но только юридические.

Григ[орий] Никол[аевич] ⁸ здравствует и усиленно работает, он еще много сделает — бодрый старик.

С Иваном Ивановичем ⁹ говорил подробно на днях. К экспедиции он отнесся весьма сочувственно и обещал приложить все старания, чтобы дело вытанцовалось. Я склонен ему верить.

В Москве буду дней через десять.

Всегда Ваш В. Анучин

253. В. В. СТАСОВ

СПб. имп. Публ. б-ка.
16 ноября 1902

Многоуважаемый Василий Иванович!

Вы сделали мне превеликий праздник, вспомнив обо мне и написав мне письмо ¹. Ведь я очень давно Вас так люблю и уважаю, еще с тех самых пор, как Вы написали «Морозову», предмет всегдашнего моего удивления и обожания, а отчасти даже и ранее того, когда я узнал в первый раз *первые* Ваши картины — «Стрельцов» и «Меншикова». Только обстоятельства, расстояния и времена разлучили нас и не давали нам встретиться и быть вместе. Я не переставал никогда ожидать от Вас еще много самого хорошего и важного и пребываю до настоящей минуты в *твердой вере* насчет этого. Когда я выдаюсь с *Евгением Петровичем Пономаревым*, я всегда тотчас же завожу речь о Вас и, к удовольствию своему, узнаю кое-что про Вас, а также хоть капельку — про Ваши работы. Конечно, в недалеком будущем мы опять увидим с наслаждением новые Ваши картины. Только бы они не были *малозначительны*, а затрагивали бы опять какую-нибудь глубокую и широкую русскую древнюю трагедию, корни русской старой истории, как в «Морозовой» и в «Стрельцах». Это настоящий Ваш удел, арена и задача! Трагедия, трагедия, трагедия — никак не что-то *спокойное и равнодушное!* Это не для Вас — как мне кажется и как глубоко убежден.

А теперь покуда искренно благодарю Вас за указание статьи о *Красноярском* движении во времена Петра Великого. Я про эту статью никогда ничего не слышал и не читал и потому бесконечно благодарен Вам за это сообщение. Оно доставило мне премного удовольствия и, наверное, столько же удовольствия многим другим, когда эта статья будет узнана и прочита-

на! Ваши предки *Илья* и *Петр* сильно заинтересовали — видно, славные и лихие люди были тогда. Начали они в *худом* лагере, а продолжали потом в *чудном* ². И история их не забудет, Вы же, конечно, можете гордиться такими великолепными предками. Само собой разумеется, у меня сильно, с первой же минуты разыгрался аппетит, и я, читая журнал, не переставал думать: «Ах, если б Суриков вздумал сделать картину из одного которого-то момента этих сибирских событий, да еще со своими Ильей и Петром!!» Да, думать-то я думал, но в конце концов все-таки приходил к заключению, что это чисто невозможно по нынешним временам. Разве только когда-нибудь в будущем, а когда — и сообразить мудрено. А жаль! Как еще жаль!!

Но вот о чем я очень давно хочу все спросить Вас: *где* Вы учились в молодости? У каких *учителей*? Кто и какие были у Вас товарищи раньше Академии? Мне бы это было очень интересно знать.

А знаете, кто (кроме меня) был всегда Ваш большущий поклонник? *Антокольский*. Сколько мы с ним про вас и про «Морозову» всегда толковали!! Он увидел ее в Москве, раньше меня. И с каким восторгом он тогда приехал сюда, в Петербург, и рассказывал мне про нее.

Ваш В. Стасов

254. Н. ЯКОВЛЕВ ¹

[Петербург]. 4 октября 1903

Многоуважаемый Василий Иванович!

Посылаю Вам каталог выставки «Blanc et noir» ², вместе с сим сообщаю, что офорты Я. Д. Андреева ³: портрет Виллевальде, барона Клодта и Уткина ⁴ все три продаются за 40 руб., а офорт Штрука ⁵ по каталогу № 224 — 40 рубл.

С почтением Н. Яковлев

255. И. Е. РЕПИН

Куоккала. 30 октября 1908

Глубокоуважаемый Василий Иванович,

Только сегодня отсылается мною рисунок к «Семи повешенным» Л. Андр[еева] ¹ по указанному Вами адресу в Москву Вере Дмитриевне Лебедевой ².

С искренним желанием Вам всего лучшего.

Илья Репин

Воспоминания о художнике

В. И. СУРИКОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Суриков принадлежит к тем художникам, жизненная биография которых теснейшим образом связана с их творчеством. Он мог бы сказать о себе словами Бальзака: «Главные события моей жизни — это мои произведения». Жизнь художника была действительно подчинена осуществлению его широких творческих замыслов. Видимо, поэтому современники Сурикова обычно ведут свой рассказ о нем в неразрывной связи с рассказом о его творчестве. Говоря о биографии художника, они, как бы не замечая того, «сбиваются» на рассказ о его произведениях. И не только потому, что эти произведения в известной мере автобиографичны. Всепокоряющая сила воздействия его творчества нередко заслоняет в представлении современников, а затем, тем более, в их воспоминаниях черты человека, с которым они общались в привычной товарищеской среде или в быту. Сквозь призму его творчества воспринимается ими иной раз и его живой облик. «Этот кряжистый, насквозь русский человек, — вспоминал о Сурикове А. Я. Головин, — был так же монументален и величав в своем характере, как величава его глубоко содержательная и поучительная живопись».

Среди современников, оставивших нам воспоминания о Сурикове, были люди разных поколений, разного общественного положения: известные художники — И. Е. Репин, М. В. Нестеров и А. Я. Головин, В. К. Бялыницкий-Бируля, И. Э. Грабарь и С. Т. Коненков, и более молодые из них — В. В. Рождественский и П. П. Кончаловский, и гораздо менее известные сибирские художники — Д. И. Караташов, А. Г. Попов. Это были также художественные деятели, писатели по вопросам искусства — М. Волошин, С. Глаголь и Я. А. Тепин. Были среди них и земляки художника, скромные труженики, своего рода культуртрегеры в стране «каторги и ссылки», какой была в царские времена Сибирь. Иные из них совсем не склонны были придавать своим воспоминаниям значение веского печатного слова.

Столь различный состав авторов предлагаемых читателю воспоминаний должен пояснить отличия и неравноценность этих воспоминаний и по содержанию и по форме изложения. Это — отрывки или монографические главы из мемуаров общего характера, это и статьи, написанные применительно к той или иной дате, связанной с памятью о художнике. Иногда это всего лишь описание отдельных эпизодов из жизни Сурикова или случайных встреч с ним, а иногда — попытки создать целостную картину его жизненного пути. Нередко рассказы о Сурикове перемежаются с излишне подробными рассказами авторов о самих себе.

Сам же Суриков был скуп на такие рассказы. Даже письма его к близким и родным ему людям, раскрывая какие-то черты его душевного склада, фиксируя отдельные, большей частью внешние события его жизни, не изобилуют сведениями, которые послужили бы достаточным материалом для обстоятельной биографии художника, характеристики

его облика. К выступлениям по вопросам своей биографии Сурикова побуждали лишь проникавшие иногда в печать ошибочные сведения о его родословной. Он, как известно, гордился ею. Сознание своей родовой причастности к воинским традициям предков, восхищение их свободолюбивыми нравами вместе с чувством сыновней привязанности к своей сибирской родине, и отнюдь не только по воспоминаниям детства, но и по связям с современной ему жизнью этой «страны с большими горизонтами» (Горький), с ее многонациональным населением, с особым характером ее природы — все это лежало в основе его творческих побуждений, служило источником вдохновения. Все это, по справедливому замечанию Волошина, образовало в нем «сосредоточенный и мощный заряд огромной творческой силы».

Об этом повествуют почти все авторы воспоминаний о Сурикове, хотя далеко не все из них были близкими свидетелями его жизни, его творческого труда. Лишь на первых порах пребывания художника в Москве, в годы создания «Утра стрелецкой казни», мастерская Сурикова была сравнительно доступна современникам, проявлявшим интерес к творчеству начинающего мастера. Среди них были и Л. Н. Толстой, и П. М. Третьяков. Тогда, как вспоминает Репин, «еще не было прятков друг от друга со своими работами», и именно Репин был одним из частых посетителей «небольшой комнаты (самой большой в его квартире)», служившей Сурикову мастерской. Не без оттенка покровительственного тона вспоминает он о том, как ему довелось тогда участвовать в работе Сурикова своими советами, как он подыскал натурщика для одного из главных персонажей картины и «даже затеял у себя натурные классы», стремясь таким образом помочь Сурикову, которому, по мнению Репина, не хватало мастерства в рисунке.

Впоследствии общение художника с кем-либо в процессе работы было редким явлением, как, впрочем, и вообще в практике передвижников, создававших свои произведения в большинстве случаев «на местах», то есть непосредственно на натуре. Много лет спустя это отмечал К. Коровин, и, имея в виду Сурикова, он при этом писал: «...прекрасный художник... Его большие картины... писались годами, и до окончания работы Суриков никогда никому их не показывал, тщательно оберегая, даже не говоря никому, что он пишет» *.

Подтверждение этим словам мы находим у Тепина, у Глаголя, у Нестерова. Минченков вспоминает, как, бывало, только «проносился слух» о том, что Суриков «пишет такую-то картину», и, заранее уверенные в том, что картина эта будет примечательным экспонатом выставки, передвижники всегда с нетерпением ждали ее появления, однако почти вплоть до самого открытия выставки не ведая, что же художник покажет на этот раз.

Живой и остроумный, с «казацкой лукавинкой» в глазах, как вспоминает о Сурикове Коненков, он умел быть жизнерадостным в кругу близких ему людей. Таким жизнерадостным, даже экспансивным и на склоне лет

* «Константин Коровин вспоминает...» М., 1971, с. 152.

характеризует его и П. П. Кончаловский, вспоминая свое путешествие с Суриковым в Испанию. Однако, уходя в работу, художник, видимо, резко менялся.

Г. А. Ченцова, знавшая его общительным и оживленным в обстановке повседневного быта ее семьи, пишет о том, как менялся распорядок его жизни, когда в сознании художника созревал замысел будущего произведения. Казалось, обрывались взаимоотношения с окружающими его людьми. Приходила пора напряженного творческого труда, которому он отдавал себя безраздельно. «Он вдруг как-то съезживался, — пишет она, — уходил в себя, задумывался и надолго исчезал. Это значит он работал...» Двери его мастерской закрывались.

Однако следует ли говорить о мастерской Сурикова, имея в виду наше представление о том, что такое мастерская большого художника, автора монументальных полотен?

Современников поражали условия, в которых он жил и создавал свои исторические эпопеи. Спартанский характер домашнего быта, видимо, отвечал его вкусам человека, не придававшего значения внешнему декору бытовой обстановки. Отсутствие такого декора отмечали почти все авторы публикуемых воспоминаний, и некоторые из них — не без наивного удивления этому обстоятельству. Но еще чаще писали они об отсутствии у художника помещения для работы. Для того чтобы видеть картину «Меншиков в Березове», стоявшую в одной из комнат квартиры Сурикова, «маленькой и холодной, — пишет В. П. Зилоти, — нужно было уйти в глубь передней и оттуда смотреть через дверь, открытую на обе половинки». С замыслом картины «Степан Разин», возникшим в 1880-х годах, Суриков должен был надолго расстаться из-за отсутствия мастерской для работы над ней. «Он задумал картину, — писала по этому поводу Т. Л. Толстая в письме к И. Е. Репину, — но она у него так разрослась, что не помещается у него в комнате, и потому он не может выполнить ее и на всю зиму обречен на портреты и этюды...»*

Над этой картиной Суриков, как известно, работал затем в 1900-х годах, «приютившись», как пишет Бялыницкий-Бируля, в «импровизированной мастерской», то есть в необжитом еще к тому времени помещении московского Исторического музея «за дощатой перегородкой, в неотделанной части зала» Здесь же в свое время были написаны «Покорение Сибири Ермаком» и «Переход Суворова через Альпы».

Н. В. Поленова, вспоминая свои встречи с Суриковым в Италии в 1884 году, писала, как, поглощенный мыслями о предстоящей работе над картиной «Боярыня Морозова», он сокрушался по поводу отсутствия у него необходимой мастерской, тем более что имел возможность видеть, как здесь, в Италии, «всякий маленький художничек, пишущий картинки на магазин, имеет настоящую мастерскую» **. Грабарь приводит слова

* Письмо от 24 декабря 1887 г. — В кн: И. Е. Репин и Л. Н. Толстой, т. I. М.—Л., 1949, с. 116.

** Е. В. Сахарова. В. Д. Поленов. Е. Д. Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964, с. 337.

самого Сурикова о том, как, работая над этой картиной у себя в квартире, он был лишен возможности обозревать всю картину целиком, так как она помещалась «в двух комнатах через дверь», а Минченков справедливо удивляется тому, как в подобных условиях «он умел выдержать единство в своих вещах».

Так из года в год, работая в «импровизированных мастерских», в основном наедине с самим собой, погруженный в свои творческие размышления, он избегал каких-либо официальных обязанностей и неоднократно отказывался от преподавательской деятельности. Пережив в пору расцвета своего мастерства глубокую личную трагедию в связи с безвременной смертью жены, он не склонен был посвящать кого-либо в обстоятельства своей личной жизни, точно так же, как и в свои творческие замыслы. «Он шел всегда особняком, — читаем мы в одном из некрологов о Сурикове, — это была одна из величайших индивидуальностей... Таким же «особым человеком» был он в жизни... замкнутый в процессе творчества... Когда «ставилась точка», когда накрепко запертые двери суриковской студии раскрывались и картина, несколько лет таимая, делалась общим достоянием, — оказывалось, что из рук этого сторонившегося, особого человека вышло произведение такой невероятной общезначительности, простоты и доступности, такой собирательной народной души, что так же хотелось снять имя автора и сказать, что это безымянное, национальное, всерусское создание, как хочется сказать, что безымянная, собирательная всерусская рука писала «Войну и мир» *.

Замкнутый образ жизни художника, конечно, сузил круг мемуарной литературы о нем и обусловил сравнительно ограниченный объем сведений, которые можно почерпнуть из этой литературы. К тому же в ряде очерков мы встречаемся с рассказами об одних и тех же фактах и обстоятельствах жизни Сурикова, освещаемых лишь с некоторыми расхождениями в деталях или в датировке их. Но когда речь идет о большом художнике, чье творчество представляло собой выдающееся явление в искусстве его эпохи и осталось надолго подлинной школой для последующих поколений, свидетельства современников, как бы ограничены и скупы они ни были, приобретают исключительно важное значение. Отдельные, наблюдаемые каждым из них черты, даже малозначительные штрихи, собранные воедино, помогают глубже осмыслить творческую биографию художника, помогают понять его взаимоотношения с окружающей средой, его восприятие искусства, реакцию на те или иные явления художественной жизни. И мемуары в целом приобретают характер своего рода «скрытой камеры», в фокусе которой личность художника получает живые конкретные очертания.

Последовательность расположения публикуемого материала диктуется его содержанием, хронологическими рамками тех периодов жизни и творчества Сурикова, к которым главным образом привлекает наше внимание каждый из авторов. Вне этого порядка оказываются первые три очерка,

* Р о с с ц и й [А. М. Эфрос]. Памяти В. И. Сурикова. — «Русские ведомости», 1916, 8 марта, № 55.

написанные Волошиным, Тепиным и Глаголем. Их нельзя рассматривать как произведения собственно мемуарного жанра. Они написаны не только как воспоминания, но в какой-то мере и как жизнеописания Сурикова. При этом каждый из авторов стремился изложить свои взгляды на творчество художника в целом.

Очерк Волошина — это почти дословная запись его бесед с Суриковым — единственный случай, когда художник, рассказывая о себе, заведомо знал, что его рассказ послужит материалом для обстоятельной монографии, которую намеревался писать его собеседник *.

Литературное дарование Волошина позволило ему запечатлеть не только своеобразие, стилистику речи Сурикова, но в какой-то мере характер и строй его образа мыслей и даже, быть может, «звуки его голоса», как полагает автор записей. Сам же художник как бы раскрыл перед писателем «кладовую» своей памяти и, увлекшись воспоминаниями, рассказывал о наиболее ярких впечатлениях своего детства, об особенностях сибирского жизненного уклада, среди которого он рос, обо всем, что он знал и помнил о своих предках, о том, как пробудился у него интерес к искусству и осознавал он в себе художника, как протекали годы его ученичества в Красноярске и в Петербурге; рассказывал он и об отдельных эпизодах своей последующей жизни. Все эти рассказы Волошин воспроизвел как прямую речь Сурикова, и то, что записано им таким образом, является бесспорно ценнейшим документом, позволяет отнести этот очерк к первоисточникам. Не случайно к тексту его до сих пор обращаются, широко цитируя, все исследователи творчества Сурикова.

Тепин и Глаголь также писали свои очерки, вспоминая беседы с Суриковым, причем Глаголь, как и Волошин, располагал записями своих бесед с художником. Очерки эти существенно дополняют публикацию Волошина.

Каждый из этих авторов воскрешает перед нами облик человека простой и скромной внешности, в котором всякий, не знавший Сурикова в лицо, не угадал бы, как пишет Глаголь, «человека палитры и кисти». Каждый из них, создавая своего рода литературный портрет художника, воссоздает облик человека, в чертах лица которого, в пронизательном взгляде, в привычных жестах, во всей его плотной и коренастой фигуре, в решительных интонациях голоса можно было уловить присущий ему темперамент, скупой на внешние проявления, но со всей силой раскрывающийся в процессе творчества. Всем этим авторам дано было понять меру огромного таланта Сурикова.

Вместе с тем созданные ими очерки несут на себе печать эпохи, в которую они были написаны, — эпохи напряженной идейной борьбы, породившей множество противоречивых художественных концепций, нашедших свое отражение в литературе, в искусстве и в сопутствующей им художественной критике.

* Машинописные экземпляры монографии хранятся в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи и в Секторе рукописей Государственного Русского музея.

Волошин констатирует «громадную силу наблюдательности» Сурикова, «ясный и резкий» разум, который, однако, оставляет «полный простор бессознательному». Справедливо утверждая, что Суриков не проявлял интереса к «археологической бутафории», он объясняет историзм его мышления как «провидение». Тепин, характеризуя Сурикова как новатора в области исторической живописи, отрицает какие-либо достижения русских художников в этом жанре на предшествующем этапе его развития. Он решительно перечеркивает русское искусство первых десятилетий пореформенной эпохи, как искусство, развивавшееся под влиянием «писаревщины», «направленства». Эти его убеждения неотрывны от взглядов на русскую живопись в целом, которая, как пишет Тепин, «не выработала стиля и великого мастерства; случайные элементы западного искусства, — полагает он, — перемешаны в ней с нашим провинциально-темным». Творчество Сурикова, само по себе высоко оцененное автором, оказывается лишенным своих корней, оторванным от тех традиций демократической русской художественной культуры, которые оно последовательно развивает. Завершая свой очерк, Тепин пишет: «В 80-х годах искали в его картинах демократических идей, в 90-х годах — исторической правды, наше время видит в Сурикове живописца чистой воды». И как бы поворачивая с ног на голову определение сущности искусства, он утверждает, что основной темой картины «Боярыня Морозова» являются «русские сани и ворона на снегу... Эта живописная тема, — пишет он, — и обусловила историческую тему...»

Глаголь обстоятельно излагает известные ему сведения относительно истории создания произведений Сурикова. Не менее обстоятельно рассказывает он содержание этих произведений, стремится пояснить конфликтные ситуации, составляющие его основу. Глаголь преисполнен сознания значительности творчества Сурикова и при этом из всех произведений художника отдает предпочтение картине «Взятие снежного городка». «Здесь он только художник и совсем не мыслитель», — пишет Глаголь. «Оттого, может быть, и оказалась картина лучше и по живописи, и по краскам, и по целости русского настроения».

В этом противопоставлении понятий «художник» и «мыслитель» раскрывается существенная сторона эстетической концепции Глаголя, которой вместе с ним следуют и Волошин и Тепин. Определяющую роль в творческом процессе они склонны отвести иррациональному, «бессознательному», по терминологии Волошина, постижению задач, стоящих перед художником. Об искусстве они судят с точки зрения самодовлеющего значения его живописных, формальных элементов.

Однако нетрудно заметить, как непоследовательны по отношению к этим своим собственным положениям авторы рассматриваемых очерков. Идя вслед за рассказами самого Сурикова, увлеченные логикой развития творческого процесса, каким он раскрывается в этих рассказах художника о самом себе, они пишут о жажде реального познания прошлого, которой был одержим Суриков, о том, как пристально он вглядывался в вещественные памятники старины, как широко он был осведомлен о соответствующих литературных источниках. Тепин пишет о том, что Суриков

знал труды И. Е. Забелина, с которым, заметим кстати, художник непосредственно общался. Ему было знакомо имя историка А. П. Щапова, известного в свое время исследователя раскола. Волошин записывает со слов Сурикова, что при создании «Утра стрелецкой казни» он пользовался дневниками Корба. Из этих же записей Волошина мы узнаем, что художник читал Кунгурскую летопись хотя, быть может, и после написания «Покорения Сибири Ермаком», но, видимо, соотнося свое толкование этого события с тем, как о нем повествует летопись. Глаголь сообщает, что, начиная работу над своей первой большой картиной, Суриков «взялся за чтение разных материалов по истории стрелецкого бунта», и в процессе чтения этих материалов у него возникла мысль написать «Боярыню Морозову», точно так же, как тема картины «Меншиков в Березове» «была навеяна чтением материалов по истории петровского времени». Сам Суриков писал брату, что, работая над «Покорением Сибири Ермаком», он увлекается чтением книги А. И. Ригельмана «История или повествование о донских казаках». Известно, что он интересовался трудами П. И. Савваитова об истории вооружения, неоднократно обращался к чтению материалов по истории Красноярского бунта, намереваясь писать картину на этот сюжет. Надо думать, он был знаком с текстом жития протопопа Аввакума и т. д.

Допуская в своих произведениях отступления от документальности в деталях, художник обращался ко всем этим источникам, к памятникам и документам старины для того, чтобы вникнуть в истинный исторический смысл событий, которые он воссоздавал, понять характеры людей далекого прошлого, «воскресить минувший век во всей его истине».

Если ко всему изложенному авторами очерков присовокупить то, что нам известно об огромном труде художника, предшествовавшем созданию картин, о том, с какой «математической» точностью решались композиционные задачи, как настойчиво собирались натурные этюды и как происходил затем отбор натуральных наблюдений, нам станет очевидно, сколь глубоким художником и одновременно мыслителем был Суриков. Нам станет очевидно, какое взаимодействие конкретных знаний и творческого воображения лежало в основе созидательной работы художника, какая потребность реальных представлений сопутствовала его вдохновенному творческому труду.

Современный читатель, конечно, заметит, что авторы очерков объясняют творчество Сурикова в основном своеобразием его биографии. Впечатления детских и юношеских лет, безусловно оказавшие влияние на круг его творческих интересов, они, в сущности, рассматривают едва ли не как единственный источник его замыслов, его истолкования исторических событий. При этом упускается из виду, что историческое мышление художника не могло сложиться вне соприкосновения воспоминаний об особом укладе сибирской жизни с наблюдениями над современной действительностью. Эту наполненность творчества Сурикова подобными наблюдениями имел в виду М. В. Нестеров, когда писал: «А как он любил жизнь! Ту жизнь, которая обогащала его картины. Исторические темы, им выбираемые, были часто лишь «ярлыками», «названием», так сказать, его кар-

тин, а подлинное содержание их было то, что видел, пережил, чем был поражен когда-то ум, сердце, глаз внутренний и внешний Сурикова...» Обостренное чувство современности, присущих ей противоречий убеждало в сложном течении исторического процесса, в непреложности объективного хода истории, «железного шага» ее. Оно-то и привело художника к столь богатому содержанию его творчества и к столь же глубоким обобщениям, которые, по выражению одного из современных Сурикову историков, дали «богатый материал не только для эстетических эмоций, но и для поучительных размышлений над основными моментами русского исторического развития» *.

Наш комментарий к тем фрагментам очерков, в которых речь идет об истоках творчества Сурикова, о своеобразии его исторического мышления, разумеется, отнюдь не лишает эти очерки их исключительного значения. Абсолютная, неоспоримая ценность их в обилии документальных сведений, заключенных в них, в том, что они, по сути дела, восполняют отсутствие автобиографии художника, которую Суриков вряд ли написал бы когда-нибудь.

Читая эти очерки, как и прочие публикуемые нами воспоминания о Сурикове, мы как бы воочию убеждаемся в том, с какой самоотдачей и целеустремленностью работал художник, оставаясь всегда самим собой. Его верность своим убеждениям, своему методу была непоколебимой и в тех случаях, когда его произведения подвергались критике со стороны обозревателей и рецензентов выставок. В этом отношении Суриков разделял участь многих больших мастеров, чье творчество опережало свое время. Верность своему методу он в основном сохранял и тогда, когда критические замечания в его адрес раздавались в близкой ему художественной среде.

Репин был одним из первых, кто встретил горячим признанием появление Сурикова среди передвижников и радовался его успехам. Но выше упоминалось, как в то же время он сокрушался по поводу плохого рисунка у Сурикова. Видимо, такого же мнения были в свое время и Поленов, и Васнецов **. Суждения о недостаточном чувстве формы, о грубом мазке Сурикова, об ошибках в перспективе не раз высказывались его современниками. Головин писал о «неряшливой» живописи Сурикова. Даже Волошин, работая над монографией о Сурикове, писал Грабарю: «А ведь по отношению к форме, к рисунку Василий Иванович, увы, очень слаб» ***.

* А. К и з е в е т т е р. Памяти В. И. Сурикова. — «Русские ведомости», 1916, 8 марта, № 55.

** А. И. Комашка, вспоминая свои беседы с Репиным, записал его слова о Сурикове: «Истинно огромная сила. Какие у него композиции. Колорит. А что касается рисунка, — он слаб, особенно в построении фигур. Большие анатомические неверности допускал он... Когда мы жили в Москве, Васнецов, Поленов и я, то мы сговорились помочь Сурикову, но так, чтобы не задеть его самолюбия. Завели у меня сообща вечерние рисования с обнаженной модели с тем, чтобы на эти штудии заманивать Сурикова, подвинуть слабую сторону его искусства». — «Художественное наследство. Репин». 1949, т. 2, с. 289.

*** Письмо от 3 августа 1916 г. (Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 106).

Видимо, непонятной оставалась долгое время новизна художественного языка, найденного Суриковым — автором монументальной формы станковой картины. Именно эта форма предопределяла доминанту живописной пластики над выразительностью пластически ясного контура.

В художественном наследстве Сурикова можно найти листы, свидетельствующие о том, как он в свое время штудировал приемы академического рисунка, постигал трехмерность формы, учился находить основные грани объема — усваивал то, что составляло фундамент профессиональной грамотности. Вместе с тем, надо думать, сам художник не стал бы настаивать на безупречности своего мастерства как рисовальщика с академической точки зрения. Он смело отказывался от догматического следования канонам, если того требовала, по его представлениям, выразительность образного построения картины. Именно это своеобразие суриковского метода воспринималось иными его современниками как ошибки, как изъяны профессионального мастерства. И, быть может, только Нестеров, воспринимавший произведения Сурикова изощренным глазом художника и одновременно сердцем тонкого и чуткого зрителя, сумел понять правоту «ошибок» Сурикова. Точно так же, как он понимал, что содержание его произведений нельзя сводить лишь к фабуле определенных исторических сюжетов, что каждое из них таит в себе размышления художника об исторических судьбах народа, о событиях, связанных с поворотными этапами истории, точно так же понимал он, что «ошибки», подобные тем, в которых упрекали Сурикова, «бывают художником выстраданы и тем самым оправданы». И не случайно прибегает он к авторитету «умного, благородного, справедливого» Крамского, вспоминая, как этот художник, признанный знаток рисунка, заметив диспропорцию фигуры Меншикова по отношению к интерьеру, в котором она изображена, не торопился упрекать автора в ошибке и сказал лишь, что картина «ему непонятна — или она гениальна, или он с ней еще не освоился. Она его и восхищает и оскорбляет своей... безграмотностью».

Сам Суриков по поводу такой своей «безграмотности» обмолвился в беседе с Волошиным всего лишь несколькими словами, имея в виду годы своих занятий в Академии: «Рисунок у меня был нестрогий — всегда подчинялся колоритным задачам». Впоследствии влечение к «колоритным задачам» откристаллизовалось в своего рода формулу: «Колорист — художник, не колорист — не художник».

1880—1890-е годы — период наивысшего проявления таланта Сурикова — были временем утверждения живописно-колористического начала в русском искусстве. Творчество Сурикова было одним из ярких проявлений этой тенденции *. Средствами живописной пластики он достигал зримой связи фигур и предметов в сложных многофигурных композициях. Широкое письмо помогало в этих же целях достигать необходимой степени обобщения. Посредством колористических отношений отмечались опор-

* Закономерно, что при обращении к наследию прошлого Суриков испытывал чувство преклонения более всего перед колористической выразительностью творчества мастеров венецианской школы, перед произведениями Веласкеса.

ные конструктивные и смысловые элементы композиции, решались пространственные задачи. В то же время живописное начало в произведениях Сурикова не спорило с чувством формы, будь то этюд или законченная картина. «Живописность» не являлась самоцелью, но лишь помогала композиционной, а тем самым и смысловой цельности произведения.

Поиски новых методов живописно-пластической выразительности, завоевания в области колорита, стремление к передаче свето-воздушной среды — все это естественно привлекало внимание молодого поколения живописцев к творчеству художника, который одним из первых в русском искусстве оказался автором монументального по своим масштабам станкового произведения, написанного в пленэре. Каждый из этих живописцев хотел видеть в Сурикове, которого А. Бенуа причислял к самым «смелым» художникам «из старшего поколения» *, сторонника своих художественных убеждений.

Имя Сурикова, его авторитет оказались, таким образом, объектом притязаний со стороны художников разных поколений. Грабарь в полемически-заостренной форме решительно противопоставлял художника его соратникам по Товариществу передвижников. Они же продолжали гордиться присутствием Сурикова в их среде, хотя и не могли не замечать с некоторых пор его намерений к обособлению. Художники младшего поколения хотели видеть в нем предтечу своих художественных идеалов. Головин ценил умение Сурикова «зажигать художественную молодежь своей страстностью, своим вдохновением». Коненков писал о том, что суждения Сурикова об искусстве служили для него, «как и для других молодых художников, своеобразной энциклопедией», из которой можно было почерпнуть много полезных сведений. Левитан, казалось, посвятивший все свои помыслы только искусству пейзажа, был, как записал Переплетчиков, «в восторге от типов, экспрессии и жизненности» суриковских образов **.

В конце 1907 года Суриков вышел из числа членов Товарищества. Надо думать, этот шаг не был обусловлен только принципиальным расхождением с позициями передвижничества, к тому же достаточно шаткими в это время. Это решение созревало в годы работы над картиной «Степан Разин», трудно дававшейся и подвергшейся, после показа ее на выставке, длительной переработке. Всегда ощущая реалистические традиции как прочную основу своего творческого кредо, художник, видимо, переживал состояние некоторой растерянности в обстановке разноголосицы, царившей в русской художественной культуре тех лет. Минченков в образной форме, относя свои слова к герою картины «Степан Разин», в сущности, применимые к характеристике состояния Сурикова в ту пору, писал: «Что-то запорошило утерянную им тропу...» И если Суриков, быть может, не столь активно, как полагает Грабарь, приветствовал «новейшие течения», то он, конечно, и «не отворачивался — как тут же пишет Грабарь — от молодежи», подобно некоторым его современникам из среды передвиж-

* «Александр Бенуа размышляет». М., 1968, с. 209.

** И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания. М., 1956, с. 165.

ников. Расположение к Сурикову художников молодого поколения было завоевано им не только неустанными поисками новых форм выразительности, но и непредвзятым отношением к их творчеству. Бялыницкий-Бируля вспоминает, как привлекали внимание Сурикова произведения Врубеля, подвергавшиеся даже третированию в консервативных художественных кругах. Суриков же говорил о нем: «Это художник большой внутренней силы». О К. Коровине, читаем мы в этих же воспоминаниях, Суриков говорил: «Как много вкуса и как много правды в его красивых красках». Он сумел распознать талант безвременно погибшего Сапунова *, ценил, как свидетельствуют авторы мемуаров, Кустодиева, скульпторов Андреева, Трубецкого. Человеком широких взглядов, умевшим беспристрастно судить о творчестве своих младших товарищей, характеризует Сурикова А. П. Ланговой, член Совета Третьяковской галереи **.

Но воспоминания современников знакомят нас не только с собственно художественными взглядами Сурикова. Мы узнаем и о его интересах в области литературы. Почти все авторы публикуемых воспоминаний пишут о его увлечении музыкой. И это, видимо, не случайно.

Музыка не была для Сурикова только отдыхом или, еще того менее, развлечением. Он испытывал потребность в музыкальных впечатлениях. Восприятие музыки было для него все тем же процессом творчества. Мы убеждаемся в этом, как только узнаем, каков был музыкальный репертуар, увлекавший Сурикова. Из произведений современной оперной музыки, как вспоминает Ченцова, он любил оперу Рубинштейна «Купец Калашников» и «Бориса Годунова» Мусоргского. В оперном театре его увлекали народные драмы с их массовыми сценами, с выразительностью не только сольных партий, но и хорового и оркестрового звучания. Но его музыкальные интересы в целом были гораздо шире.

С юношеских лет он увлекался игрой на гитаре, которая, как вспоминает Каратанов, «для Сибири была своего рода культом — ее можно было найти в любой квартире и в городе, и на приисках, и в деревне». Самоучкой Суриков освоил приемы игры на гитаре настолько, что даже переложил для исполнения на этом инструменте Лунную сонату Бетховена. Гитара отвечала свойственным ему наклонностям к лирике. Чертами скорбной лирики наделен ряд образов, присутствующих в его произведениях. Нестеров справедливо писал, что в творчестве Сурикова «драматические моменты человеческой души чередуются с глубоким лиризмом» ***. Художник и впоследствии на протяжении всей своей жизни не расставался с гитарой ****. Живя в Петербурге, в годы занятий в Академии художеств, он, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, обучился «довольно

* Письмо О. В. и П. П. Кончаловским от 28 июня 1912 г. (№ 222).

** А. П. Л а н г о в о й. Воспоминания (Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 3, ед. хр. 319).

*** Письмо П. П. Перцову от 8 июня 1903 г. — В кн.: М. В. Нестеров. Из писем. Л., 1968, с. 166.

**** Небезынтересно вспомнить, что первый эскиз картины «Утро стрелецкой казни» был исполнен на оборотной стороне листа нот для гитары.

порядочно», как он писал матери, игре на фортепьяно. Здесь, в Петербурге, он впервые услышал восхитившие его звуки органа в католической церкви на Невском проспекте. Одно из наиболее сильных впечатлений Сурикова в Париже, во время первого приезда туда, в 1883 году, было связано с посещением собора Парижской богородицы, с услышанной там праздничной мессой.

Органная, как и симфоническая музыка великих немецких композиторов Баха и Бетховена, увлекала его богатством и четкостью своей архитектоники. В. П. Зилоти вспоминает, как, живя в Мытищах и работая там над подготовительными этюдами для картины «Боярыня Морозова», Суриков после дня, наполненного напряженным трудом, «отмахивал» десяток верст до Куракина, где жили Третьяковы, для того, чтобы «послушать Баха». А. П. Боткина пишет в книге, посвященной ее отцу, П. М. Третьякову, как Суриков, посещавший музыкальные вечера в доме ее родителей, однажды, внимательно прослушав септюр Бетховена, сказал: «Хорошо, очень хорошо, но нельзя ли чего-нибудь пошире — бетховенского». Эту реплику художника она заключает своим суждением: «Его мерка Бетховена была, вероятно, финал 9-й симфонии» *.

«Я люблю Бетховена, — сказал однажды Суриков. — У него величественное страдание». Эти слова, записанные Минченковым, читаются как комментарий к собственным произведениям художника. Творчество Бетховена он воспринимал как гимн духовному облику человека, наделенного героическими чертами. Его увлекал мощный симфонизм великого композитора. К творениям Бетховена, к полифонии Баха он обращался как бы в поисках ключа для инструментовки своих монументальных композиций с их сложным многоголосием, с богатством их колористической полифонии.

Не переставая всегда восхищаться произведениями классического наследия, он в то же время проявлял пристальный интерес к новым явлениям искусства, будь то музыка или живопись. Его внимание привлекал разносторонний талант А. Н. Скрябина **. На седьмом десятилетии своей жизни, будучи во Франции, он ежевечерне с увлечением работал в одной из парижских студий, упражняясь в рисунке. Путешествуя в те же годы по Испании, он с юношеским восторгом, как свидетельствует его попутчик П. П. Кончаловский, глазами истинного художника воспринимал окружающую его жизнь и, работая без устали, запечатлел новизну своих впечатлений в великолепных акварелях.

* А. П. Боткина. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1960, с. 209—210.

** М. К. Морозова, пианистка, ученица А. Н. Скрябина, жена известного собирателя произведений западноевропейского и русского искусства М. А. Морозова, записала в своих воспоминаниях о Сурикове: «... как-то он обратился ко мне и сказал, что ему хотелось бы ближе познакомиться с музыкой А. Н. Скрябина. Мы с ним сговаривались и вместе ходили к Вере Ивановне Скрябиной, жене Скрябина, которая специально для Сурикова играла нам целую большую программу из произведений Скрябина...» (Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 4, ед. хр. 722).

Поиски обогащения художественного языка, средств выразительности привели его на склоне лет к созданию портретов, отличающихся тонким реалистическим мастерством, сложными цветовыми нюансами.

Человек своеобразного, самобытного склада, наделенный огромным талантом и титанической трудоспособностью, он, казалось, в процессе своих творческих поисков постигал не только законы живописного мастерства, но и какие-то непреложные законы поступательного движения истории. Вл. И. Немирович-Данченко, осмотрев выставку произведений Сурикова в Третьяковской галерее, записал: «Пишу как современник Сурикова. Большинство его произведений видел при первом появлении... Какой это был колосс — и как живописец, и как углубленный психолог, и как чувствовавший огромные проблемы духа» *.

Воспоминания о Сурикове, согласно законам мемуарного жанра, не лишены известной доли субъективизма. Каждый из авторов не свободен от своих пристрастий. Тем не менее, перелистав последнюю страницу сборника, мы сохраняем в памяти целостный образ художника, до конца своих дней остававшегося в состоянии творческого поиска. Искусство было истинной сферой его бытия, искусство живописи — драгоценным даром, посредством которого он выражал свои чувства и мысли.

Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, ф. 8. II., ед. хр. 786.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящий сборник включено все наиболее значительное, что было написано современниками В. И. Сурикова в собственно мемуарном жанре, а также очерки более общего характера, в которых, однако, материалам этого жанра отведено значительное место. Таковы очерки Я. А. Тешина, С. Глаголя, М. Волошина. Общая проблематика творчества Сурикова рассматривается в них в самой тесной связи с характеристикой его личности. Именно поэтому очерку Волошина отдано в данном случае предпочтение по сравнению с его же неопубликованной монографией о творчестве Сурикова. Мемуарный характер сборника обусловил и то обстоятельство, что среди современников, чьи материалы публикуются здесь, нет имени В. А. Никольского, первого биографа Сурикова и автора первых монографических исследований о его творчестве, общавшегося с художником вплоть до последних дней его жизни, но не оставившего об этом воспоминаний.

Значительная часть публикуемых материалов воспроизводится по книге А. Н. Турунова и М. В. Красноженовой «В. И. Суриков» (Москва — Иркутск, 1937), уроженцев Сибири, записавших и стилистически обработавших воспоминания местных жителей, помнивших Сурикова. Воспоминания М. В. Нестерова, А. Я. Головина, Н. А. Киселева, Я. Д. Минченкова, Н. П. Кончаловской, неоднократно публиковавшиеся, приводятся по текстам последней публикации. Источники всех публикуемых воспоминаний указаны в комментариях.

Статья И. Е. Репина — некролог, в котором, в отличие от множества откликов на смерть Сурикова, кроме общей высокой оценки его как художника, наличествуют конкретные данные мемуарного характера. По этим же соображениям из нескольких статей Д. И. Каратанова, публиковавшихся в разное время в сибирской печати, отобрана одна, написанная автором к столетию со дня рождения художника.

Из числа статей, написанных лицами, общавшимися с художником, в сборник не включены: пространный некролог, написанный В. М. Крутовским («Сибирские записки», 1916, № 2), статья, написанная тогда же Г. Н. Потаниным («Сибирская жизнь», 1916, № 54), отрывок из книги М. М. Щеглова («Наброски по памяти», 1952), статья В. М. Михеева («Артист», 1891, октябрь) и некоторые другие. Все эти статьи представляют собою либо изложение общеизвестных фактов биографии художника, либо общие суждения о его творчестве.

Составитель считает своим долгом с глубокой благодарностью вспомнить имя Анатолия Николаевича Турунова, в личном архивном фонде которого почерпнут ряд необходимых сведений при составлении комментариев.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

Познакомился я с Василием Ивановичем Суриковым в начале 1913 года, когда И. Э. Грабарь¹ предложил мне написать о нем монографию для издательства Кнебеля². Через общих знакомых я обратился к Василию Ивановичу с вопросом: не буду ли я ему неприятен как художественный критик, и не согласится ли он дать мне материалы для своей биографии. Василий Иванович ответил, что ничего не имеет против моего подхода к искусству, и согласился рассказать мне свою жизнь. Когда мы встретились и я изложил ему предполагаемый план моей работы, он сказал: «Мне самому всегда хотелось знать о художниках то, что вы хотите обо мне написать; и не находил таких книг. Я вам все о себе расскажу по порядку. Сам ведь я записывать не умею. Думал, так моя жизнь и пропадет вместе со мною. А тут все-таки кое-что и останется».

Наши беседы длились в течение января месяца. Во время рассказов Василия Ивановича я тут же делал себе заметки, а вернувшись домой, в тот же вечер восстанавливал весь разговор в наивозможной полноте, стараясь передать не только смысл, но и форму выражения, особенности речи, удержать подлинные слова.

Смерть Василия Ивановича³ застала мою монографию еще не оконченной. Но я спешу опубликовать мои разговоры с ним, как материалы для его биографии и для того, чтобы хоть в слабой степени запечатлеть звуки его живого голоса.

Приводя в порядок мои записи, я построил их не в последовательности наших бесед, так как Василий Иванович часто отвлекался, возвращался назад и повторял уже рассказанное, но в порядке хронологическом, чтобы дать связную картину его жизни.

Суриков был среднего роста, крепкий, сильный, широкоплечий, молодой, несмотря на то, что ему было уже под семьдесят: он родился в 1848 году⁴. Густые волосы с русою проседью, подстриженные в скобку, лежали плотною шапкой и не казались седыми. Жесткие и короткие, они слабо вились в бороде и усах.

В наружности простой, народной, но не крестьянской, чувствовалась закалка крепкая, крутая: скован он был по-северному, по-казацки.

Рука у него была маленькая, тонкая, не худая. С красивыми пальцами, суживающимися к концам, но не острыми.

Письмена на ладони четкие, глубокие, цельные. Линия головы сильная, но короткая. Меркуриальная — глубока, удвоена и на скрещении с головной вспыхивала звездой, одним из лучей которой являлось уклонение Аполлона в сторону Луны⁵.

Однажды, рассматривая его руку, я сказал Василию Ивановичу:

«У вас громадная сила наблюдательности: даже то, что вы видели мельком, у вас остается четко в глазах. Разум у вас ясный и резкий, но он не озаряет области более глубокие и представляет полный простор бессозна-

тельному. Идея, едва появившись, у вас тотчас же облекается в зрительную форму, опережая свое сознание. Вы осознаете из форм»...

Он перебил меня:

«Да вот у меня было так: я жил под Москвой на даче, в избе крестьянской⁶. Лето дождливое было. Изба тесная, потолок низкий. Дождь идет, и работать нельзя. Скушно. И стал я вспоминать: кто же это вот точно так же в избе сидел. И вдруг... Меншиков... сразу все пришло — всю композицию целиком увидел. Только не знал еще, как княжну посажу.

...А то раз ворону на снегу увидал. Сидит ворона на снегу и крыло одно отставила, черным пятном на снегу сидит. Так вот этого пятна я много лет забыть не мог. Потом боярыню Морозову написал. Да и «Казнь стрельцов» точно так же пошла: раз свечу зажженную, днем, на белой рубахе увидал, с рефлексами».

В творчестве и личности Василия Ивановича Сурикова русская жизнь осуществила изумительный парадокс: к нам в двадцатый век она привела художника, детство и юность которого прошли в XVI и в XVII веке русской истории.

В одной научной фантазии Фламарион⁷ рассказывает, как сознательное существо, удаляющееся от земли со скоростью, превышающей скорость света, видит всю историю земли развивающейся в обратном порядке и постепенно отступающей в глубину веков.

Для того чтобы проделать этот опыт в России в середине XIX века (да отчасти и теперь), вовсе не нужно было развивать скорости, превосходящей скорость света, а вполне достаточно было поехать на перекладных с запада на восток, по тому направлению, по которому в течение веков постепенно разворачивалась русская история.

Один из секретов Сурикова — цельного и подлинного художника-реалиста, посвятившего жизнь самому неверному из видов искусства, исторической живописи, — в том, что он никогда не восстанавливал археологически формы жизни минувших столетий, а добросовестно писал то, что сам видел собственными глазами, потому что он был действительным современником и Ермака, и Стеньки Разина, и боярыни Морозовой, и казней Петра.

Он происходил из старой казацкой семьи. Предки его пришли в Сибирь вместе с Ермаком. Род его идет, очевидно, с Дона, где в Верхне-Ягирской и Кундрючинской станицах еще сохранились казаки Суриковы⁸. Оттуда они пошли завоевывать Сибирь и упоминаются как основатели Красноярска в 1622 году. Здесь двести двадцать шесть лет спустя и родился В. И. Суриков.

«После того как они Ермака потопили в Иртыше⁹, — рассказывал он, — пошли они вверх по Енисею, основали Енисейск, а потом Красноярские остроги — так у нас места, укрепленные частоколом, назывались»¹⁰.

Развертывая документы и книги, он с гордостью читал вслух Историю красноярского бунта¹¹, когда казаки спустили по Енисею неугодного им царского воеводу Дурново¹², и при упоминании каждого казацкого имени перебивал себя, восклицая: «Это ведь все сродственники мои... Это мы-то —

воровские люди... И с Многогрешными я учился — это потомки гетмана»... ¹³

А потом он начинал рассказывать:

«В Сибири народ другой, чем в России: вольный, смелый. И край-то какой у нас. Сибирь западная — плоская, а за Енисеем у нас уже горы начинаются: к югу тайга, а к северу холмы, глинистые — розово-красные. И Красноярск — отсюда имя; про нас говорят: «Краснояры сердцем яры».

Горы у нас целиком из драгоценных камней — порфир, яшма. Енисей чистый, холодный, быстрый. Бросишь в воду полено, а его, бог весть, уже куда унесло. Мальчиками мы, купаясь, чего только не делали. Я под плоты нырял: нырнешь, а тебя водой внизу несет. Помню, раз вынырнул раньше времени: под балками меня волочило. Балки скользкие, несло быстро, только небо в щели мелькало — синее. Однако вынесло. А на Каче — она под Красноярском с Енисеем сливается — плотины были. Так мы оттуда — аршин шесть-семь высоты — по водопаду вниз ныряли. Нырнешь, а тебя вместе с пеной до дна несет — бело все в глазах. И надо на дне в кулак песку захватить, чтобы показать; песок чистый, желтый. А потом с водой на поверхность вынесет.

А на Енисее острова — Татышев и Атаманский. Этот по деду называли. И кладбище над Енисеем с могилой дедовой ¹⁴: красивую ему купец могилу сделал.

В семье у нас все казаки. До 1825 года простыми казаками были, а потом офицеры пошли ¹⁵. А раньше Суриковы все сотники, десятники. А дед мой Александр Степанович был полковым атаманом ¹⁶.

Подполье у нас в доме было полно казацкими мундирами, еще старой, екатерининской формы. Не красные еще мундиры, а синие, и кивера с помпонами.

Помню, еще мальчиком, как войска идут — сейчас к окну. А внизу все мои сродственники идут — командирами: и отец, и дядя Марк Васильевич ¹⁷, и в окно мне грозят рукой.

Атамана, Александра Степановича, я маленьким только помню — он на пятьдесят третьем году помер ¹⁸. Помню, он сказал раз: «Сшейте-ка Васе шинель, я его с собой на парад буду брать». Он на таких дрожках с высокими колесами на парад ездил. Сзади меня посадил и повез на поле, где казаки учились пиками. Он из простых казаков подвигами своими выдвинулся. А как человек был простой... Во время парада баба на поле заехала, не знает, куда деваться. А он ей: «Кума! Кума! Куда заехала?» Широкая натура. Заботился о казаках, очень любили его.

После него Мазаровича назначили. Жестокий человек был. Насмерть засекал казаков. Он до 56 года царствовал. Марка Васильевича — дядю — часто под арест сажал. Я ему на гауптвахту обед носил. Раз ночью Мазарович на караул поехал. На него шинели накинули, избили его. Это дядя мой устроил. Сказалась казацкая кровь. После него Голотевского назначили. После Корфа ¹⁹. А после Енисейский казачий полк был реформирован ²⁰.

А Василий Матвеевич (он поэт был — «Синий ус» его звали) ²¹, его на смотре начальник оскорбил, так он эполеты с себя сорвал и его по лицу отхлестал — ватрушками-то.

У деда, у Василия Ивановича, что в Туруханске умер ²², лошадь старая была, на которой он всегда на охоту ездил. И так уже приновился — положит ей винтовку между ушей и стреляет. Охотник был хороший — никогда промаху не давал. Но стареть начал, так давно уже на охоту не ездил. Но вздумал раз оседлать коня. И он стар, и лошадь стара. Приложился, а конь-то и поведи ухом. В первый раз в жизни промах дал. Так он обозлился, что коню собственными зубами ухо откусил. Конь этот — Карка, гнедой, огромный — после смерти его остался. Громадными правами гражданства пользовался. То в сусек забредет — весь в муке выйдет. А то в сени за хлебом придет. Это казачья черта — любят коней. И хорошие кони у нас. У брата Мишка был. Он-то уж за ним ходил — и чешет, и гладит. А меня раз на вожжах тащил на именинах брата. Брат его продал, а ночью он стучит: конюшню разломал и пришел».

Эта неудержимая и буйная кровь, не потерявшая своего казацкого хмеля со времен Ермака, текла в жилах Василия Ивановича. Она была наследием с отцовской стороны. Со стороны же матери было глубокое и ясное затишье успокоенного семейного уклада старой Руси.

«Первое, что у меня в памяти осталось, — рассказывал он, — это наши поездки зимой в Торгашинскую станицу. Мать моя из Торгошиных была ²³. А Торгошины были торговыми казаками — извоз держали, чай с китайской границы возили от Иркутска до Томска, но торговлей не занимались. Жили по ту сторону Енисея — перед тайгой. Старики неделенные жили. Семья была богатая. Старый дом помню. Двор мощный был. У нас тесаными бревнами дворы мостят. Там самый воздух казался старинным. И иконы старые, и костюмы. И сестры мои двоюродные — девушки совсем такие, как в былинах поется про двенадцать сестер. В девушках была красота особенная: древняя, русская. Сами крепкие, сильные. Волосы чудные. Все здоровьем дышало. Трое их было — дочери дяди Степана — Таня, Фаля и Маша. Рукодельем они занимались: гарусом на пальцах вышивали. Песни старинные пели тонкими, певучими голосами. Помню, как старики Феодор Егорыч ²⁴ и Матвей Егорыч под вечер на двор в халатах шелковых выйдут, гулять начнут и «Не белы снеги...» поют. А дядя Степан Федорович ²⁵ с длинной черной бородой. Это он у меня в «Стрельцах» — тот, что, опустив голову, сидит, «как агнец жребию покорный».

Там старина была. А у нас другое. Дом новый ²⁶. Старый суриковский дом, вот о котором в Истории Красноярского бунта говорится, я в развалинах помню ²⁷. Там уже не жил никто. Потом он во время большого пожара сгорел. А наш новый был — в тридцатых годах построенный. В то время дед еще сотником в Туруханске был. Там ясак собирал, нам присылал. Дом наш соболями и рыбой строился. Тетка к нему ездила ²⁸. Рассказывала потом про северное сияние. Солнце там, как медный шар. А как уезжала — дед ей полный подол соболей наклал. Я потом в тех краях сам был, когда остяков для «Ермака» рисовал. Совсем северно.

Совсем, как американские индейцы. И повадка, и костюм. И татарские могильники со столбами — «курганами» называются.

А первое мое воспоминание, это как из Красноярска в Торгашино через Енисей зимой с матерью ездили. Сани высокие. Мать не позволяла выглядывать. А все-таки через край посмотришь: глыбы ледяные столбами кругом стоймя стоят, точно дольмены. Енисей на себе сильно лед ломает, друг на друга их громоздит. Пока по льду едешь, то сани так с бугра на бугор и кидает. А станут ровно идти — значит, на берег выехали.

Вот на том берегу я в первый раз видел, как «Городок» брали²⁹. Мы от Торгошиных ехали. Толпа была. Городок снежный. И конь черный прямо мимо меня проскочил, помню. Это, верно, он-то у меня в картине и остался³⁰. Я потом много городков снежных видел. По обе стороны народ стоит, а посередине снежная стена. Лошадей от нее отпугивают криками и хвостинами бьют: чей конь первый сквозь снег прорвется. А потом приходят люди, что городок делали, денег просить: художники ведь. Там они и пушки ледяные, и зубцы — все сделают. А раньше, еще помню, мне мать на луну показывала — я глаза и рот различал.

В баню мать меня через двор на руках носила. А рядом у казака Шерлева медведь был на цепи. Он повалил забор и черный, при луне, на столбе сидит. Мать закричала и бежать».

Увлеченный воспоминаниями, Василий Иванович вытаскивает из крепкого кованого сундука, стоящего в темном углу комнаты, сундука, в котором у него хранятся все его рисунки, этюды, документы и фамильные воспоминания, несколько кусков шелковых тканей и показывает треугольный платок из парчовой материи — половину квадрата, разрезанного от угла до угла. Парча красновато-лиловая, с желтизной и золотым тканьем, и хранит жесткие, привычные складки, которыми ложилась вокруг лица.

«Этот платок бабушка моя на голове носила. Это его для двух сестер купили и пополам разрезали. Приданое моей матери все украли — только это осталось³¹. В Сибири ведь разбой всегда. На ночь, как в крепость, запирались. Я помню, еще совсем маленьким был. Спать мы легли. Вся семья в одной постели спала. Я у отца всегда «на руке» спал. Брат. Сестра. А старшая сестра, Елисавета³², от первого брака, в ногах спала. Утром мать просыпается: «Что это, говорит, по ногам дует?» Смотрим, а дверь разломана. Грабители, значит, через нашу комнату прошли. Ведь если б кто из нас проснулся, так они бы всех нас убили³³. Но никто не проснулся, только сестра Елисавета помнит, что точно ей кто ночью на ногу наступил. И все приданое материно с собою унесли. Потом еще платки по дороге на заборе находили. Да матери венчальное платье на Енисее пузырем всплыло: его к берегу прибило. А остальное так и погибло».

Тут же он достает фотографию своей матери в гробу³⁴. Она лежит с лицом старой крестьянки, с головой, повязанной платком. Облик спокойный, благостный, сильный. В нем кованость и медный чекан. Морщины глубокие и прямые.

А Василий Иванович продолжает вспоминать о встречах с разбойниками: как рабочий ломился к ним пьяный в кухню — зарезать хотел,

а она успела запереться и через окно позвать из казачьего приказа казаков.

«Мать моя удивительная была. Вот вы ее портрет видели³⁵. У нее художественность в определениях была: посмотрит на человека и одним словом определит. Вина она никогда не пила, только на свадьбе своей губы в шампанском помочила. Очень смелая была. Женщину раз, мужеубийцу, к следователю привели. Она у нас в доме сидела. Матери ночью понадобилось в подвал пойти. Она всегда все сама делала — прислугу не держала. Говорит ей: я вот одна, пойдем, подсоби мне. Так вместе с ней одна в пустом доме в подвал пошла — и ничего.

А то я раз с матерью ехал, — из тайги вышел человек и заворотил лошадей в тайгу, молча. А потом мать слышит, он кучеру говорит: «Что ж, до вечера управимся с ними?» Тут мать раскрыла руки и начала молить: «Возьмите все, что есть у нас, только не убивайте». А в это время навстречу священник едет. Тот человек в красной рубахе соскочил с козел и в лес ушел. А священник нас поворотил назад, и вместе с ним мы на ту станцию, откуда уехали, вернулись. А я только тогда проснулся, все время головой у матери на коленях спал, ничего не слышал.

Семья у нас небогатая. «Суриковская заимка»³⁶ была с покосами. Отец умер рано, в 1859 году. Мне одиннадцать лет было. У него голос прекрасный был. Губернатор Енисейской губернии его очень любил и всюду с собой возил³⁷. У меня к музыке любовь от отца. Мать потом на его могилу ездила плакать. Меня с сестрой Катей брала. Причитала на могиле по-древнему. Мы ее все уговаривали, удерживали».

Наряду с этими впечатлениями незапамятной русской старины, обступившей детство Василия Ивановича, на эти далекие окраины истории доходили и вести современной жизни.

«Дяди Марк Васильевич и Иван — образованные были³⁸. Много книг выписывали. Журналы «Современник» и «Новоселье» получали. Я Мильтона «Потерянный рай» в детстве читал, Пушкина и Лермонтова. Лермонтова любил очень. Дядя Иван Васильевич на Кавказ одного из декабристов, переведенных, сопровождал, — вот у меня есть еще шашка, что тот ему подарил. Так он оттуда в восторге от Лермонтова вернулся. Снимки ассирийских памятников у них были. Я уж иногда в детстве страшную их оригинальность чувствовал. Помню, как отец говорил: вот Исаакиевский собор открыли³⁹... вот картину Иванова привезли...⁴⁰

Дяди Марк Васильевич и Иван Васильевич оба молодыми умерли от чахотки. На парадах простудились. Времена были николаевские — при сорокаградусных-то морозах — в одних мундирчиках. А богатыри были. Непокорные. Когда после смерти дедушки другого атаманом назначили, им частенько приходилось на гауптвахте сидеть. Дядя Марк Васильевич — он уже болен был тогда, мне вслух «Юрия Милославского»⁴¹ читал. Это первое литературное произведение, что в памяти осталось. Я, прижавшись к нему под руку, слушал. Так и помню, как он читал: невысокая комната с сальной свечкой. И все мне представлялось, как Омляш в окошко заглядывает. Умер он зимой, одиннадцатого декабря. Мы, дети,

когда он в гробу лежал, ему усы закрутили, чтобы у него геройский вид был. Похороны его помню — лошадь его за гробом вели.

Мать моя декабристов видела: Бобрищева-Пушкина и Давыдова ⁴². Она всегда в старый собор ездила причащаться; они впереди всех в церкви стояли. Шинели с одного плеча спущены. И никогда не крестились. А во время ектеньи, когда Николая I поминали, демонстративно уходили из церкви. Я сам, когда мне было тринадцать лет, Петрашевского-Бутаевича ⁴³ на улице видел. Полный, в цилиндре шел. Борода с проседью. Глаза выпуклые — огненные. Прямо очень держался. Я спросил — кто это? — Политический, говорят. Его мономаном звали. Он присяжным поверенным в Красноярске был. Щапова ⁴⁴ тоже встречал, когда он приезжал материалы собирать».

Настоящее общение с природой началось для Сурикова лет с шести, когда его отца перевели в 1854 году в Бузимовскую станицу ⁴⁵, в шестидесяти верстах от Красноярска к северу. «В Бузимове мне вольно было жить. Страна была неведомая. Степь немеренная. Ведь в Красноярске никто до железной дороги не знал, что там за горами. Торгашино было под горой. А что за горой — никто не знал. Было там еще за двадцать верст Свищово. В Свищове у меня родственники были. А за Свищовым пятьсот верст лесу до самой китайской границы. И медведей полно. До пятидесятых годов девятнадцатого столетия все было полно: реки — рыбой, леса — дичью, земля — золотом. Какие рыбы были! Осетры да стерляди в сажень. Помню — их привезут, так в дверях, прямо, как солдаты стоят. Или я маленьким был, что они такими громадными казались...

А Бузимо было к северу. Место степное. Село. Из Красноярска целый день лошадьми ехали. Окошки там еще слюдяные, песни, что в городе не услышишь. И масленичные гулянья и христославцы. У меня с тех пор прямо культ предков остался. Брат до сих пор поминовение обо всех умерших подает. В прощенное воскресенье мы приходили у матери прощение на коленях просить. На рождестве христославцы приходили. Иконы льняным маслом натирали, а ризы серебряные — мелом. Мама моя чудно пирожки делала. Посты соблюдали. В банях парились. Прямо в снег выскакивали. Во всех домах в Бузиме старые лубки висели — самые лучшие.

Верхом я ездил с семи лет. Пара у нас лошадок была: соловый и рыжий конь. Кони там степные с большими головами — тарапаны. Помню, мне раз кушак новый подарили и шубку. Отъехал я, а конь все назад заворачивает; я его изо всех сил тяну. А была наледь. Конь поскользнулся и вместе со мной упал. Я прямо в воду. Мокрая вся шубка-то новая. Стыдно было домой возвращаться. Я к казакам пошел: там меня обсушили. А то раз я на лошади через забор скакал, конь копытом забор и задень. Я через голову и прямо на ноги стал, к нему лицом. Вот он удивился, думаю... А то еще, тоже семи лет было, с мальчиками со скирды катались — да на свинью попали. Она гналась за нами. Одного мальчишкухватила. А я успел через поскотину перелезть. Бык тоже гнался за мной: я от него опять же за поскотину, да с яра, да прямо в реку — в Тубу. Собака на меня цепная бросилась: с цепи вдруг сорвалась. Но сама, что ли, удиви-

лась: остановилась и хвостом вдруг завиляла. Мы мальчишками палы пускали — сухую траву поджигали. Раз летом пошли, помню, икону встречать — по дороге подожгли. Трава высокая. Так нас уже начали языки догонять. До телеграфных столбов дошло. Я на Енисее приток переплывал — не широкий, сажень пятьдесят. А у меня судорогой ногу свело. Но я умел плавать и столбиком, и на спине. Доплыл так. А охотиться я начал еще с кремневым ружьем. И в первый же раз на охоте птичку застрелил. Сидела она. Я прицелился. Она упала ⁴⁶. И очень я возгордился. И раз от отца отстал. Подождал, пока он за деревьями мелькает, и один остался в лесу. Иду. Вышел на опушку. А дом наш бузимовский на юру, как фонарь, стоит. А отец с матерью смотрят — меня ищут. Я не успел спрятаться — увидали меня. Отец меня драть хотел: тянет к себе, а мать к себе. Так и отстояла меня.

В школу — в приходское училище — меня восьми лет отдали ⁴⁷, в Красноярск. Я оттуда домой в Бузимо только приезжал. Интересное тут со мной событие случилось, вот я вам расскажу. В приходском училище меня из высшего класса в низший перевели. Товарищи очень смеялись. Я ничего не знал. А потом с первого класса я начал прекрасно учиться ⁴⁸.

Пошел я в училище. А мать пред тем приезжала — мне рубль, пятакими, дала. В училище мне идти не захотелось. А тут дорога разветвляется по Каче. Я и пошел по дороге в Бузимо. Вышел в поле. Пастухи вдали. Я верст шесть прошел. Потом лег на землю, стал слушать, как в «Юрии Милославском», нет ли за мной погони. Вдруг вижу, вдали — пыль. Глядь — наши лошади. Мать едет. Я от них от дороги свернул — прямо в поле. Остановили лошадей. Мать кричит: «Стой! Стой! Да никак ведь это наш Вася!» А на мне такая маленькая шапочка была — монашеская. «Ты куда?» И отвезли меня назад в училище».

Наряду с этими впечатлениями вольного детства среди вольной природы в жизнь врывались суровые впечатления быта и нравов XVII века. «Мощные люди были. Сильные духом. Размах во всем был широкий, — рассказывал Василий Иванович. — А нравы жестокие были. Казни и телесные наказания на площадях публично происходили. Эшафот недалеко от училища был. Там на кобыле наказывали плетми ⁴⁹. Бывало, идем мы, дети, из училища. Кричат: «Везут! Везут!» Мы все на площадь бежим за колесницей. Палачей дети любили. Мы на палачей, как на героев, смотрели. По именам их знали: какой Мишка, какой Сашка. Рубахи у них красные, порты широкие. Они перед толпой по эшафоту похаживали, плечи расправляли. Геройство было в размахе. Вот я Лермонтова понимаю. Помните, как у него о палаче: «Палач весело похаживает...» Мы на них с удивлением смотрели — необыкновенные люди какие-то ⁵⁰.

Вот теперь скажут — воспитание! А ведь это укрепляло. И принималось только то, что хорошо. Меня всегда красота в этом поражала, — сила. Черный эшафот, красная рубаха — красота! И преступники так относились: сделал — значит, расплачиваться надо. И сила какая бывала у людей: сто плетей выдерживали, не крикнув. И ужаса никакого не было. Скорее восторг. Нервы все выдерживали.

Помню, одного драли; он точно мученик стоял: не крикнул ни разу. А мы все — мальчишки — на заборе сидели. Сперва тело красное стало, а потом синее: одна венозная кровь текла. Спирт им нюхать дают. А один татарин храбрился, а после второй плети начал кричать. Народ смеялся очень. Женщину одну, помню, драли — она мужа своего, извозчика, убила. Она думала, что ее в юбках драть будут. На себя много навертела. Так с нее палачи как юбки сорвали — они по воздуху, как голуби, полетели. А она точно кошка кричала — весь народ хохотал. А то еще одного за троеженство клеймили, а он все кричал: «Да за что же?»

Смертную казнь я два раза видел. Раз трех мужиков за поджог казнили. Один высокий парень был, вроде Шаляпина, другой старик. Их на телегах в белых рубахах привезли. Женщины лезут, плачут — родственницы их. Я близко стоял. Дали залп. На рубахах красные пятна появились. Два упали. А парень стоит. Потом и он упал. А потом вдруг, вижу, подымается. Еще дали залп. И опять подымается. Такой ужас, я вам скажу. Потом один офицер подошел, приставил револьвер, убил его. Вот у Толстого, помните, описание, как поджигателей в Москве расстреливали? Там у одного, когда в яму свалили, плечо шевелилось. Я его спрашивал: «Вы это видели, Лев Николаевич?» Говорит: «По рассказам». Только, я думаю, видел: не такой человек был. Это он скрывал. Наверное, видел.

А другой раз я видел, как поляка казнили — Флерковского⁵¹. Он во время переклички ножом офицера пырнул. Военное время было. Его приговорили. Мы, мальчишки, за телегой бежали.

Его далеко за город везли. Он бледный вышел. Все кричал: «Делайте то же, что я сделал». Рубашку поправил. Ему умирать, а он рубашку поправляет. У меня прямо земля под ногами поплыла, как залп дали.

Жестокая жизнь в Сибири была. Совсем XVII век. Кулачные бои помню. На Енисее зимой устраивались. И мы мальчишками дрались. Уездное и духовное училища были в городе, так между ними антагонизм был постоянный. Мы всегда себе Фермопильское ущелье представляли: спартанцев и персов. Я Леонидом Спартакским⁵² всегда был.

Мальчишкой постарше я покучивал с товарищами. И водку тогда пил. Раз шестнадцать стаканов выпил. И ничего. Весело только стало. Помню, как домой вернулся, мать меня со свечами встретила.

Двух товарищей моих в то время убили. Был товарищ у меня — Митя Бурдин⁵³. Едет он на дрожках. Как раз против нашего дома лошадь у него распряглась. Я говорю: «Митя, зайди чаю напиться». Говорит — некогда. Это шестого октября было. А седьмого земля мерзлая была. Народ бежит, кричат: «Бурдина убили». Я побежал с другими. Вижу, лежит он на земле голый. Красивое, мускулистое у него тело было. И рана на голове. Помню, подумал тогда: вот если Дмитрия-царевича писать буду — его так напишу.

Его казак Шаповалов убил. У женщин они были. Тот его и заревновал. Помню, как на допрос его привели. Сидел он так, опустив голову. Мать его и спрашивает: «Что ж это ты наделал!» — «Видно, говорит, черт попутал». У нас совсем по-иному к арестантам относились.

А другой у меня был товарищ — Петя Чернов⁵⁴. Мы с ним франты были. Шелковые шаровары носили, поддевки, шапочки ямщицкие и кушаки шелковые. Оба кудрявые. Веселая жизнь была. Маскировались мы. Я тройкой правил, колокольцы у нас еще валдайские сохранились — с серебром. Заходит он в первый день пасхи. Лед еще не тронулся. Говорит: «Пойдем на Енисей в проруби рыбу ловить». — «Что ты? в первый-то день праздника?» И не пошел. А потом слышу: Петю Чернова убили. Поссорились они. Его бутылкой по голове убили и под лед спустили. Я потом его в анатомическом театре видел: распух весь, и волосы совсем слезли — голый череп.

Широкая жизнь была. Рассказы разные ходили. Священника раз вывезли за город и раздели. Говорили, что это демоны его за святую жизнь мучили. Разбойник под городом в лесу жил. Вроде как бы Соловья-Разбойника»⁵⁵.

О начале своей живописи Василий Иванович рассказывал так: «Рисовать я с самого детства начал. Еще, помню, совсем маленьким был, на стульях сафьяновых рисовал — пачкал. Из дядей моих один рисовал — Хозяинов⁵⁶. Мать моя не рисовала. Но раз нужно было казачью шапку старую объяснить. Так она неуверенно карандашом нарисовала: я сейчас же ее увидал. Комнаты у нас в доме были большие и низкие⁵⁷. Мне, маленькому, фигуры казались громадными. Я потому всегда старался или горизонт очень низко поместить, или фону сделать поменьше, чтобы фигура больше казалась.

Главное, я красоту любил. Во всем красоту. В лица с детства еще вглядывался, как глаза расставлены, как черты лица составляются. Мне шесть лет, помню, было — я Петра Великого с черной гравюры рисовал. А краски от себя: мундир синькой, а отвороты брусникой. В детстве я все лошадок рисовал, как все мальчики. Только ноги у меня не выходили. А у нас в Бузиме был работник Семен, простой мужик. Он меня научил ноги рисовать. Он их начал мне по суставам рисовать. Вижу, гнутся у его коней ноги. А у меня никак не выходило, это у него анатомия, значит.

У нас в доме изображение иконы Казанского собора, работы Шебуева⁵⁸, висело. Так я целыми часами на него смотрел. Вот, как тут рука ладонью сбоку лепится.

Когда я в красноярском уездном училище учился, там учитель рисования был — Гребнев⁵⁹. Он из Академии был. У нас иконы на заказ писал. Так вот, Гребнев меня учил рисовать. Чуть не плакал надо мною. О Брюллове мне рассказывал. Об Айвазовском, как тот воду пишет, — что совсем как живая; как формы облаков знает. Воздух — благоухание.

Гребнев брал меня с собою и акварельными красками заставлял сверху холма город рисовать. Пленэр, значит. Мне одиннадцать лет тогда было. Приносил гравюры, чтобы я с оригинала рисовал: «Благовещение» Боровиковского⁶⁰, «Ангел молитвы» Неффа⁶¹, рисунки Рафаэля и Тициана. У меня много этих рисунков было. Все в Академии пропали. Теперь только три осталось. А вспоминаю, дивные рисунки были. Так тонко сделаны. Я помню, как рисовал, не выходило все. Я плакать начинал, а сестра

Катя утешала: «Ничего, выйдет!» Я еще раз начинал, и ведь выходило. Вот, посмотрите-ка. Это я все с черных гравюр, а ведь краски-то мои. Я потом в Петербурге смотрел: ведь похоже — угадал. Ведь как эти складки тонко здесь сделаны. И ручка. Очень мне эта ручка нравилась — так тонко лепится. Я очень красоту композиции любил. И в картинах старых мастеров больше всего композицию чувствовал. А потом начал ее и в природе всюду видеть. Когда меня губернатор Замятин ⁶² хотел в Академию определить, я все эти рисунки собрал; их туда отправили. А ответ пришел: если хочет ехать на свой счет — пусть едет, а мы его на казенный счет не берем. А потом, когда я в Петербург уже приехал, меня спрашивает инспектор Шренцер ⁶³: «А где же ваши рисунки?» Нашел папку, перелистал. «Это? — говорит. — Да за такие рисунки вам даже мимо Академии надо запретить ходить». Все эти рисунки так у него и пропали.

Я в Красноярске в детстве и масляные краски видал. У атаманских в доме были масляные картины в старинных рамках ⁶⁴. Одна была: рыцарь умирающий, а дама ему платком рану затыкает. И два портрета генерал-губернаторов: Лавинского и Степанова ⁶⁵.

А потом у крестной, у Ольги Матвеевны Дурандиной ⁶⁶, у которой я жил, пока в училище был, когда наши еще в Бузиме жили; у нее тоже большие масляные картины были; одна саженная, и фигуры до колен: старик Ной благословляет Иафета и Сима — тоже стариков, а Хам черный — в стороне стоит. А на другой — Давид с головой Голиафа. Картины эти — кисти Хозяинова, одного из родственников, были.

Я вот вам еще один случай расскажу. Там, в Сибири, у нас такие проходимцы бывают. Появится неизвестно откуда, потом уедет. Вот один такой на лошади проезжал. Прекрасная у него была лошадь — Васька. А я сидел, рисовал. Предлагает: «Хочешь покататься? Садись». Я на его лошади и катался. А раз он приходит — говорит: «Можешь икону написать?» У него, верно, заказ был. А сам-то он рисовать не умеет. Приносит он большую доску разграфленную. Достали мы красок. Немного: краски четыре. Красную, синюю, черную да белила. Стал я писать «Богородичные праздники». Как написал, понесли ее в церковь — святить. У меня в тот день сильно зубы болели. Но я все-таки побежал смотреть. Несут ее на руках. Она такая большая. А народ на нее крестится: ведь икона и освященная. И под икону ныряют, как под чудотворную. А когда ее святили, священник, отец Василий, спросил: «Это кто же писал?» Я тут не выдержал: «Я», — говорю. «Ну, так впредь икон никогда не пиши».

А потом, когда я в Сибирь приезжал, я ведь ее видел. Брат говорит: «А ведь икона твоя все у того купца. Поедем посмотреть». Оседлали коней и поехали. Посмотрел я на икону: так и горит. Краски полные, цельные: большими синими и красными пятнами. Очень хорошо. Ее у купца хотел красноярский музей купить. Ведь не продал. Говорит: «Вот я ее поновлю, так еще лучше будет». Так меня прямо тоска взяла.

После окончания уездного училища поступил я в четвертый класс гимназии — тогда в Красноярске открылась. Но курса не кончил. Средств у нас не было, пришлось из седьмого класса уйти ⁶⁷. Подрабатывать приходилось. Яйца пасхальные я рисовал по три рубля за сотню. Помню,

журналы тогда все смотрел художественные. Тогда журнал издавался «Северное сияние». А раньше еще — «Художественный листок» ⁶⁸ Тимма. Это еще во время крымской войны ⁶⁹. Пушка одна меня, помню, очень поразила — огнем полыхает.

Очень я по искусству тосковал. Мать такая у меня была: видит, что я плачу, — горел я тогда, — так решили, что я пойду пешком в Петербург. Мы вместе с матерью план составили. Пойду я с обозами — она мне тридцать рублей на дорогу давала. Так и решили.

А раз пошел я в собор, — ничего ведь я и не знал, что Кузнецов ⁷⁰ обо мне знает, — он ко мне в церкви подходит и говорит: «Я твои рисунки знаю и в Петербург тебя беру». Я к матери побежал. Говорит: «Ступай. Я тебе не запрещаю». Я через три дня уехал. Одиннадцатого декабря 1868 года. Морозная ночь была. Звездная. Так и помню улицу, и мать темной фигурой у ворот стоит. Кузнецов — золотопромышленник был. Он меня перед отправкой к себе повел, картины показывал. А у него тогда был Брюллова — портрет его деда ⁷¹. Мне уж тогда те картины нравились, которые не гладкие. А Кузнецов говорит: «Что ж, те лучше».

Кузнецов рыбу в Петербург посылал — в подарок министрам. Я с обозом и поехал. Огромных рыб везли: я на верху воза на большом осетре сидел ⁷². В тулупчике мне холодно было. Коченел весь. Вечером, как приедешь, пока еще отогреешься; водки мне дадут. Потом в пути я себе доху купил.

Барабинская степь пошла. Едут там с одного извозничьего двора до другого. Когда запрягают, то ворота на запор. Готово. Ворота настезь. Лошади так и вылетят. В снежном клубе мчатся. И вот еще было у меня приключение. Может, не стоило бы рассказывать... Да нет — расскажу. Подъезжали мы уже к станции. Большое село сибирское — у реки внизу. Огоньки уже горят. Спуск был крутой. Я говорю: надо лошадей сдержать. Мы с товарищами подхватили пристяжных, а кучер коренника. Да какой тут! Влетели в село. Коренник, что ли, неловко повернул, только мы на всем скаку вольт сделали прямо в обратную сторону: все так и посыпались. Так я... Там, знаете, окошки пузырьные — из бычьего пузыря делаются... Так я прямо головой в такое окошко угодил. Как был в дохе — так прямо внутрь избы влетел. Старушка там стояла — молилась. Она меня за черта, что ли, приняла — как закрестится. А ведь не попади я головой в окно, наверное бы насмерть убился. И рыба вся рассыпалась. Толпа собралась, подбирать помогали. Собрали все. Там народ честный. До самого Нижнего мы на лошадях ехали — четыре с половиной тысячи верст. Там я доху продал. Оттуда уже железная дорога была. В Москве я только один день провел: соборы видел ⁷³. А 19 февраля 1869 года мы приехали в Петербург. На Владимирском остановились, на углу Невского. В гостинице «Родина».

Приехал я в Академию в феврале. Я уже вам рассказывал, как инспектор Шренцер посмотрел мои рисунки и сказал: «Да вас за такие рисунки и мимо Академии пускать не следует».

А в апреле — экзамен ⁷⁴. Помню, мы с Зайцевым ⁷⁵ — он архитектором после был — гипс рисовали. Академик Бруни не велел меня в Академию

принимать. Помню, вышел я. Хороший весенний день был. На душе было радостно. Рисунок я свой разорвал и по Неве пустил.

Поступил я тогда в школу Поощрения ⁷⁶, к художнику Дяконову ⁷⁷, и три месяца гипсы рисовал. И научился во всевозможных ракурсах: нарочно самые трудные выбирал. За эти три месяца я три года курса прошел и осенью прямо в головной класс экзамены выдержал. Там еще композиции не подавались. А я слышал, какие в натурном задаются, и тоже подавал. Пять лет я пробыл в Академии. И научные классы прошел. Горностаев ⁷⁸ по истории искусств читал. Мы очень любили его слушать. Прекрасный рисовальщик был: нарисует фигуру одной линией — Аполлона или Фавна, мы ее целую неделю с доски не стирали. Я в Академии больше всего композицией занимался. Меня там «композитором» звали. Я все естественность и красоту композиции изучал. Дома сам себе задачи задавал и разрешал. Образцов никаких не признавал — все сам. А в живописи только колоритную сторону изучал. Павел Петрович Чистяков очень развивал меня. Я это еще и в Сибири любил, а здесь он мне указал путь истинного колорита.

Я ведь со страшной жадностью к знаниям приехал. В Академии классов не пропускал. А на улицах всегда группировку людей наблюдал. Приду домой и сейчас зарисую, как они комбинируются в натуре. Ведь этого никогда не выдумаешь. Случайность приучился ценить. Страшно я ракурсы любил. Всегда старался дать все в ракурсах. Они очень большую красоту композиции придают. Даже смеялись товарищи надо мной. Но рисунок у меня был нестрогий — всегда подчинялся колоритным задачам. Кроме меня, в Академии только у единственного ученика — у Лучшева ⁷⁹ — колоритные задачи были. Он сын кузнеца был. Малоразвитой человек. Многого усвоить себе не мог. И умер рано...

А профессора... Нефф и по-русски-то плохо говорил. Шамшин все говорил: «Поковыряйте в носу. Покопайте-ка в ухе». Первая моя композиция в Академии была — как убили Дмитрия Самозванца. Но больше всего мне классические композиции дались. За «Пир Валтасара», как к нему пророк Даниил приходит, я первую премию получил ⁸⁰. Она в «Иллюстрации» воспроизведена была ⁸¹. Она в Академии хранится, слава богу, еще не украли.

В 69 году я, значит, поступил в Академию осенью. Так Петербурга и не покидал. После летами жил у товарища на Черной речке ⁸².

В 73 году я получил четыре серебряные медали ⁸³, в 74-м научные курсы кончил ⁸⁴. Конкурировал я на малую золотую медаль «Милосердным самаритянином» ⁸⁵ и получил. Потом я ее Кузнецову в благодарность подарил. Она теперь в красноярском музее висит.

А первая моя собственная картина была: памятник Петра I при лунном освещении ⁸⁶. Я долго ходил на Сенатскую площадь — наблюдал. Там фонари тогда рядом горели, и на лошади — блики. Ее Кузнецов тогда же купил. Она тоже в музее красноярском теперь.

Пока я в Петербурге был, мне Кузнецов стипендию выдавал до самого конца. И премии еще брал всегда на конкурсах: то сто, то пятьдесят рублей. Так что в деньгах я не нуждался и ни от брата, ни от матери ничего не получал.

Петербург мне очень плох для здоровья был: грудная у меня болезнь началась было. Но в 73 году я на лето в Сибирь поехал: Кузнецов меня в свое имение в Минусинскую степь на промыслы позвал. Все лето я там пробыл и совсем поправился ⁸⁷.

В семьдесят пятом я написал апостола Павла перед судом Ирода Антипы на большую золотую медаль. Медаль-то мне присудили, а денег не дали ⁸⁸. Там деньги разграбили, а потом казначея Исеева ⁸⁹ судили и в Сибирь сослали. А для того чтобы меня за границу послать, как полагалось, денег и не хватило. И слава богу! Ведь у меня какая мысль была: Клеопатру Египетскую написать ⁹⁰. Ведь что бы со мной было!

Но классике я все-таки очень благодарен. Мне она очень полезна была и в техническом смысле, и в колорите, и в композиции.

Так мне вместо заграницы предложили работу в храме Спасителя в Москве. Я там первые четыре вселенских собора написал ⁹¹.

Работать для храма Спасителя было трудно. Я хотел туда живых лиц ввести. Греков искал. Но мне сказали: если так будете писать — нам не нужно. Ну, я уж писал так, как требовали. Мне нужно было денег, чтобы стать свободным и начать свое».

С окончанием Академии кончается личная биография Сурикова и начинается творчество. Кровь старых бунтовщиков, покоривших Сибирь вместе с Ермаком, отстоянная в умиротворенном быту старой Руси, исключительно здоровое детство, обставленное суровыми, трагическими и кровавыми впечатлениями природы и человеческой жизни, глубоко потрясавшими детскую душу, но не осложнявшимися никакими личными катастрофами, образовали в нем сосредоточенный и мощный заряд огромной творческой силы.

Академия, плохо или хорошо, насколько это было в ее возможностях, научила его связной художественной речи.

Теперь нужно было только огниво, чтобы зажечь горючие материалы, скопившиеся в душе.

Огнивом этим была Москва.

«Я как в Москву приехал, — рассказывал Василий Иванович, — прямо спасен был. Старые дрожжи, как Толстой говорил, поднялись.

Я в Петербурге еще решил «Стрельцов» писать ⁹². Задумал я их, еще когда в Петербург из Сибири ехал. Тогда еще красоту Москвы увидал. Памятники, площади — они мне дали ту обстановку, в которой я мог поместить свои сибирские впечатления. Я на памятники, как на живых людей, смотрел, — расспрашивал их: «Вы видели, вы слышали, — вы свидетели». Только они не словами говорят. Я вот вам в пример скажу: верю в Бориса Годунова и в Самозванца только потому, что про них на Иване Великом написано ⁹³. А вот у Пушкина — не верю: очень у него красиво — точно сказка. А памятники все сами видели: и царей в одеждах, и царевен — живые свидетели. Стены я допрашивал, а не книги. В Лувре, вон, быки ассирийские стоят ⁹⁴. Я на них смотрел, и не быки меня поражали, а то, что у них копыта стерты — значит, люди здесь ходили. Вот что меня поражает. Я в Риме в соборе Петра в Петров день был ⁹⁵. На колени стал

над его гробницей и думал: «Вот они здесь лежат — исторические кости: весь мир об нем думает, а он здесь — тронуть можно».

Как я на Красную площадь пришел, все это у меня с сибирскими воспоминаниями связалось.

Когда я их задумал, у меня все лица сразу так и возникли. И цветовая раскраска вместе с композицией. Я ведь живу от самого холста: из него все возникает. Помните, там у меня стрелец с черной бородой — это Степан Федорович Торгошин ⁹⁶, брат моей матери. А бабы — это, знаете ли, у меня и в родне были такие старушки. Сарафанницы, хоть и казачки. А старик в «Стрельцах» ⁹⁷ — это ссыльный один, лет семидесяти. Помню, шел, мешок нес, раскачивался от слабости — и народу кланялся.

А рыжий стрелец — это могильщик ⁹⁸, на кладбище я его увидал. Я ему говорю: «Поедем ко мне — попозируй». Он уж занес было ногу в сани, да товарищи стали смеяться. Он говорит: «Не хочу». И по характеру ведь такой, как стрелец. Глаза, глубоко сидящие, меня поразили. Злой, непокорный тип. Кузьмой звали. Случайность: на ловца и зверь бежит. Насилу его уговорил. Он, как позировал, спрашивал: «Что, мне голову рубить будут, что ли?» А меня чувство деликатности останавливало говорить тем, с кого я писал, что я казнь пишу.

В Москве очень меня соборы поразили. Особенно Василий Блаженный: все он мне кровавым казался. Этюд я с него писал ⁹⁹.

И телеги еще все рисовал. Очень я любил все деревянные принадлежности рисовать: дуги, оглобли, колеса, как что с чем связано ¹⁰⁰. Все для телег, в которых стрельцов привезли. Петр-то ведь тут между ними ходил. Один из стрельцов ему у плахи сказал: «Отодвинься-ка, царь, — здесь мое место». Я все народ себе представлял, как он волнуется. «Подобно шуму вод многих». Петр у меня с портрета заграничного путешествия написан, а костюм я у Корба взял ¹⁰¹.

Я когда «Стрельцов» писал — ужаснейшие сны видел: каждую ночь во сне казни видел. Кровью кругом пахнет. Боялся я ночей. Проснешься и обрадуешься. Посмотришь на картину. Слава богу, никакого этого ужаса в ней нет. Все была у меня мысль, чтобы зрителя не потревожить. Чтобы спокойствие во всем было. Все боялся, не пробужу ли в зрителе неприятного чувства. Я сам-то свят, — а вот другие... У меня в картине крови не изображено, и казнь еще не начиналась. А я ведь это все — и кровь, и казни в себе переживал. «Утро стрелецких казней»: хорошо их кто-то назвал. Торжественность последних минут мне хотелось передать, а совсем не казнь.

Помню, «Стрельцов» я уже кончил почти. Приезжает Илья Ефимович Репин посмотреть и говорит: «Что же это у вас ни одного казненного нет? Вы бы вот здесь хоть на виселице, на правом плане, повесили бы».

Как он уехал, мне и захотелось попробовать ¹⁰². Я знал, что нельзя, а хотелось знать, что получилось бы. Я и пририсовал мелом фигуру стрельца повешенного. А тут как раз нянька в комнату вошла, — как увидела, так без чувств и грохнулась.

Еще в тот день Павел Михайлович Третьяков заехал: «Что вы, картину всю испортить хотите?» — Да чтобы я, говорю, так свою душу продал!..

Да разве так можно? Вон у Репина на «Иоанне Грозном»¹⁰³ сгусток крови, черный, липкий... Разве это так бывает? Ведь это он только для страха. Она ведь широкой струей течет — алой, светлой. Это только через час она так застыть может.

А вы знаете, Иоанна-то Грозного я раз видел настоящего: ночью в Москве на Зубовском бульваре в 1897 году встретил. Идет сгорбленный, в лисьей шубе, в шапке меховой, с палкой. Отхаркивается, на меня так воззрился боком. Бородка с сединой, глаза с жилками, не свирепые, а только пронизательные и умные. Пил, верно, много. Совсем Иоанн. Я его вот таким вижу. Подумал: если б писал его, непременно таким бы написал¹⁰⁴. Но не хотелось тогда писать — Репин уже написал.

А дуги-то, телеги для «Стрельцов» — это я по рынкам писал. Пишешь и думаешь — это самое важное во всей картине. На колесах-то — грязь. Раньше-то Москва немощеная была — грязь была черная. Кое-где прилипнет, а рядом серебром блестит чистое железо. И вот среди всех драм, что я писал, я эти детали любил. Никогда не было желания потрясти.

Всюду красоту любил. Когда я телегу видел, я каждому колесу готов был в ноги поклониться. В дровнях-то какая красота: в копылках, в вязах, в саноотводах. А в изгибах полозьев, как они колышутся и блестят, как кованые. Я, бывало, мальчиком еще — переверну санки и рассматриваю, как это полозья блестят, какие извивы у них. Ведь русские дровни воспеть нужно!..»

«Стрельцы» у меня в 1878 году начаты были¹⁰⁵, а закончены в восемьдесят первом. В восемьдесят первом поехал я жить в деревню — в Перерву¹⁰⁶. В избушке нищенской. И жена с детьми. Женился я в 1878 году. Мать жены была Свистунова — декабриста дочь. А отец — француз¹⁰⁷. В избушке тесно было. И выйти нельзя — дожди.

Здесь вот все мне и думалось: кто же это так вот в низкой избе сидел¹⁰⁸. И поехал я это раз в Москву за холстами. Иду по Красной площади. И вдруг!... — Меншиков! Сразу всю картину увидел. Весь узел композиции. Я и о покупках забыл. Сейчас кинулся назад в Перерву. Потом ездил в имение Меншикова в Клинском уезде. Нашел бюст его. Мне маску сняли. Я с нее писал¹⁰⁹.

А потом нашел еще учителя-старика — Невенгловского¹¹⁰; он мне позировал. Раз по Пречистенскому бульвару идет, вижу, Меншиков. Я за ним: квартиру запомнить. Учителем был математики Первой гимназии. В отставке. В первый раз и не пустил меня совсем. А во второй раз пустил. Позволил рисовать. На антресолях у него писал. В халате, перстень у него на руке, небритый — совсем Меншиков. «Кого вы с меня писать будете?» — спрашивает. Думаю, еще обидится — говорю: «Суворова с вас рисовать буду». Писатель Михеев¹¹¹ потом из этого целый роман сделал. А Меншикову я с жены покойной писал¹¹². А другую дочь — с барышни одной. Сына писал в Москве с одного молодого человека — Шмаровина сына¹¹³.

В 1883 году картину выставил¹¹⁴.

«Боярыню Морозову» я задумал еще раньше «Меншикова» — сейчас после «Стрельцов». Но потом, чтобы отдохнуть, «Меншикова» начал.

Но первый эскиз «Морозовой» еще в 1881 году сделал ¹¹⁵, а писать начал в восемьдесят четвертом, а выставил в восемьдесят седьмом ¹¹⁶. Я на третьем холсте написал. Первый был совсем мал. А этот я из Парижа выписал.

Три года для нее материал собирал. В типе боярыни Морозовой — тут тетка одна моя, Авдотья Васильевна, что была за дядей Степан Феодоровичем, стрелцом-то с черной бородой. Она к старой вере стала склоняться. Мать моя, помню, все возмущалась: все у нее странники да богомолки. Она мне по типу Настасью Филипповну из Достоевского напоминала. В Третьяковке этот этюд, как я ее написал ¹¹⁷.

Только я на картине сперва толпу написал, а ее после. И как ни напишу ее лицо — толпа бьет. Очень трудно ее лицо было найти. Ведь сколько времени я его искал. Все лицо мелко было. В толпе терялось.

В селе Преображенском, на старообрядческом кладбище — ведь вот где ее нашел.

Была у меня одна знакомая старушка — Степанида Варфоломеевна, из старообрядок. Они в Медвежьем переулке жили — у них молитвенный дом там был. А потом их на Преображенское кладбище выселили. Там, в Преображенском, все меня знали. Даже старушки мне себя рисовать позволяли и девушки — начетчицы. Нравилось им, что казак и не курю.

И вот приехала к ним начетчица с Урала — Анастасия Михайловна. Я с нее написал этюд в садике ¹¹⁸, в два часа. И как вставил ее в картину — она всех победила.

«Персты рук твоих тонкостны, а очи твои молниеносны. Кидаешься ты на врагов, как лев»...¹¹⁹

Это протопоп Аввакум сказал про Морозову, и больше про нее ничего нет.

А священника у меня в толпе помните? Это целый тип у меня создан. Это когда меня из Бузима еще учиться посылали, раз я с дьячком ехал — Варсонофием ¹²⁰, — мне восемь лет было. У него тут косички подвязаны. Въезжаем мы в село Погорелое. Он говорит: «Ты, Вася, поддержи лошадь: я зайду в Капернаум». Купил он себе зеленый штоф и там уже клюнул. «Ну, говорит, Вася, ты правь». Я дорогу знал. А он сел на грядку, ноги свесил. Отопьет из штофа и на свет посмотрит. Точно вот у Пушкина в «Сцене в корчме». Как он русский народ знал!

И песню еще дьячок Варсонофий пел. Я и слова все до сих пор еще помню.

«Монах снова испугался
(так и начиналось),
В свою келью отправлялся —
Ризу надевал.
Большу книгу в руки брал,
Очки поправлял
(он очки пел, а не очки).

Бросил книгу и очки,
Разорвал ризу в клочки.
Сам пошел плясать.
Наплясался до доволи,
Захотел он доброй воли,
Вышел на крыльцо.
Стукнул, брякнул во кольцо —
Ворон конь бежит.
На коня монах садился,
Под монахом конь бодрился,
В зеленых лугах.
Во зеленых во лужочках
Ходят девушки кружочком.
Девиц не нашел.
К честной девушке зашел.
Тут и лягу спать.
На полу монах ложился —
На перинке очутился:
Видит, что беда.
Что она ни вынимала,
Все монаху было мало.
Съел корову, да быка,
Да ребенка тредьяка...»

А дальше не помню — все у него тут путалось. Так всю дорогу пел. Да в штоф все смотрел. Не закусывая пил. Только утром его привез в Красноярск. Всю ночь так ехали. А дорога опасная — горные спуски. А утром в городе на нас люди смотрят — смеются.

А Юродивого я на толкучке нашел. Огурцами он там торговал. Вижу — он. Такой вот череп у таких людей бывает.

Я говорю — идем. Еле уговорил его. Идет он за мной, все через тумбы перескакивает. Я оглядываюсь, а он качает головой — ничего, мол, не обману. В начале зимы было. Снег талый. Я его на снегу так и писал. Водки ему дал и водкой ноги натер. Алкоголики ведь они все. Он в одной холщовой рубахе босиком у меня на снегу сидел. Ноги у него даже посинели. Я ему три рубля дал. Это для него большие деньги были. А он первым делом лихача за рубль семьдесят пять копеек нанял. Вот какой человек был. Икона у меня была нарисована, так он все на нее крестился, говорил: «Теперь я всей толкучке расскажу, какие иконы бывают».

Так на снегу его и писал¹²¹. На снегу писать — все иное получается. Вон пишут на снегу силуэтами. А на снегу все пропитано светом. Все в рефлексах лиловых и розовых, вон как одежда боярыни Морозовой — верхняя, черная; и рубаха в толпе. Все пленэр. Я с 1878 года уже пленэристом стал: «Стрельцов» тоже на воздухе писал.

Все с натуры писал: и сани, и дровни. Мы на Долгоруковской жили. (Тогда ее еще Новой Слободой звали.) У Подвисков в доме Збук¹²².

Там в переулке всегда были глубокие сугробы, и ухабы, и розвальней много. Я все за розвальнями ходил, смотрел, как они след оставляют, на раскатах особенно.

Как снег глубокий выпадет, попросишь во дворе на розвальнях проехать, чтобы снег развалило, а потом начнешь колею писать.

И чувствуешь здесь всю бедность красок.

И переулки все искал, смотрел; и крыши где высокие. А церковь-то в глубине картины — это Николы, что на Долгоруковской ¹²³.

Самую картину я начал в 1885 году писать; в Мытищах жил — последняя избушка с краю. И тут я штрихи ловил. Помните посох-то, что у странника в руках ¹²⁴. Это богомолка одна проходила мимо с этим посохом. Я схватил акварель да за ней. А она уже отошла. Кричу ей: «Бабушка! Бабушка! Дай посох!» Она и посох-то бросила — думала, разбойник я.

Девушку в толпе, это я со Сперанской писал — она тогда в монашки готовилась. А те, что кланяются, — все старообрядочки с Преображенского.

В восемьдесят седьмом я «Морозову» выставил. Помню, на выставке был. Мне говорят: «Стасов ¹²⁵ вас ищет».

И бросился это он меня обнимать при всей публике... Прямо скандал. «Что вы, говорит, со мной сделали?» Плачет ведь — со слезами на глазах. А я ему говорю: «Да что вы меня-то... (уж не знаю, что делать, неловко) — вот ведь здесь «Грешница» Поленова». А Поленов-то ведь тут — за перегородкой стоит. А он громко говорит: «Что Поленов... дерьмо написал». Я ему: «Что вы, ведь услышит»...

А Поленов-то ведь письма мне писал ¹²⁶ — направить все хотел: «Вы вот декабристов напишите». Только я думаю про себя: нет уж, ничего этого я писать не буду.

Император Александр III на выставке был. Подошел к картине. «А, это юродивый!» — говорит. Все по лицам разобрал. А у меня горло от волнения ссохлось: не мог говорить. А другие-то, как легавые псы кругом.

Я на Александра Третьего смотрю, как на истинного представителя народа ¹²⁷. Никогда не забуду, как во время коронации мы стояли вместе с Боголюбовым ¹²⁸. Нас в одной из зал дворца поставили. Я ждал, что он с другого конца выйдет. А он вдруг мимо меня: громадный, — я ему по плечо был; в мантии, и выше всех головой. Идет, и ногами так сзади мантию откидывает. Так и остались в глазах плечи сзади. Грандиозное что-то в нем было. Я государыни и не заметил с ним рядом.

А памятник этот новый у храма Христа Спасителя — никуда не годится. Опекушин ¹²⁹ совсем не понял его. Я ведь помню. Лоб у него был другой, и корона иначе сидела. А у него на памятнике корона приземистая какая-то, и сапоги солдатские. Ничего этого не было».

«Через год после того, как я «Морозову» выставил, жена умерла. В 1888 году, седьмого апреля! ¹³⁰

После смерти жены я «Исцеление слепорожденного» ¹³¹ написал. Лично для себя написал. Неставлял. А потом в том же году уехал в Сибирь ¹³². Встряхнулся. И тогда от драм к большой жизнерадостности перешел.

У меня всегда такие скачки к жизнерадостности бывали. Написал я тогда бытовую картину — «Городок берут»¹³³.

К воспоминаниям детства вернулся, как мы зимой через Енисей в Торгашино ездили. Там в санях — справа мой брат Александр сидит¹³⁴. Необычайную силу духа я тогда из Сибири привез.

В 1891 году начал я «Покорение Сибири»¹³⁵ писать. По всей Сибири ездил — материалы собирал. По Оби этюды делал¹³⁶. К 95 году кончил и выставил, а в том же году начал «Суворова» писать¹³⁷. Случайно попал к столетию в 1899 году¹³⁸. В девяносто восьмом ездил в Швейцарию этюды писать¹³⁹.

С девятисотого начал для «Стеньки Разина» собирать материалы, а выставил в девятьсот седьмом¹⁴⁰. В самую революцию попало. В Сибирь и на Дон для него ездил¹⁴¹.

С 1908 года «Посещение царевны» писал. Выставил в 1913 году¹⁴². Суворов у меня с одного казачьего офицера написан. Он и теперь жив еще: ему под девяносто лет¹⁴³. Но главное в картине — движение. Храбрость беззаветная — покорные слову полководца, идут.

Толстой очень против был. А когда «Ермака» увидел, говорит: «Это потому, что вы поверили, оно и производит впечатление».

А я ведь летописи и не читал. Она сама мне так представилась: две стихии встречаются. А когда я, потом уж, Кунгурскую летопись¹⁴⁴ начал читать — вижу, совсем, как у меня. Совсем похоже. Кучум ведь на горе стоял. Там у меня скачущие. И теперь ведь, как на пароходе едешь, — вдруг всадник на обрыв выскочит: дым, значит, увидал. Любопытство.

В исторической картине ведь и не нужно, чтобы было совсем так, а чтобы возможность была, чтобы похоже было. Суть-то исторической картины — угадывание. Если только сам дух времени соблюден — в деталях можно какие угодно ошибки делать. А когда все точка в точку — противно даже».

В этом одна из тайн суриковского творчества: он угадывал русскую историю не сквозь исторические книги и сухие летописи, не сквозь мертвую археологическую бутафорию, а через живые лики живых людей, через внутреннее чувство вещей, предметов и форм жизни. Для этих провидений была необходима вся необычная, бытовая и родовая подготовка души, которая была дана Сурикову. Только благодаря ей, конечно, он мог так творчески глубоко зажигаться о встречные лица.

«Женские лица русские я очень любил, непопорченные ничем, нетронутые. Среди учащихся в провинции попадаются еще такие лица. Вот посмотрите на этот этюд, — говорил он, показывая голову девушки с сильным, скуластым лицом, — вот царевна Софья какой должна была быть, а совсем не такой, как у Репина¹⁴⁵. Стрельцы разве могли за такой рыхлой бабой пойти?.. Их вот такая красота могла волновать; взмах бровей, быть может... Это я с барышни одной рисовал¹⁴⁶. На улице в Москве с матерью встретил. Приезжие они из Кишинева были. Не знал, как подойти. Однако решился. Стал им объяснять, что художник. Долго они опасались — не верили. И Пугачева я знал: у одного казацкого офицера такое лицо¹⁴⁷.

Мужские-то лица по сколько раз я перерисовывал. Размах, удаль мне нравились. Каждого лица хотел смысл постичь. Мальчиком еще, помню, в лица все вглядывался — думал: почему это так красиво? Знаете, что значит симпатичное лицо? Это то, где черты сгармонированы. Пусть нос курносый, пусть скулы, — а все сгармонировано. Это вот и есть то, что греки дали — сущность красоты. Греческую красоту можно и в остяке найти. А какое время надо, чтобы картина утряслась, так чтобы переменить ничего нельзя было. Действительные размеры каждого предмета найти нужно. В саженной картине одна линия, одна точка фона и та нужна. Важно найти замок, чтобы все части соединить. Это — математика. А потом проверять надо: поделить глазами всю картину по диагонали».

Жажда реализма, голод по точности были очень велики у Сурикова. «Если б я ад писал, то и сам бы в огне сидел и в огне позировать заставлял», — говорил он с энергией. Ту же самую непосредственность и силу вкладывал он в восприятия произведений искусства и людей.

Про Тинторетто он как-то говорил:

«Черно-малиновые эти мантии... Кисть-то у него просто свистит».

Про Александра Иванова:

«Это прямое продолжение школы дорафаэлитов ¹⁴⁸ — усовершенствованное. Никто не мог так нарисовать, как он. Как он каждый мускул мог проследить со всеми разветвлениями в глубину. Только у Шардена это же есть. Но у него скрыта работа в картинах. А у Иванова она вся на виду».

Однажды мы были вместе с Василием Ивановичем в галерее Сергея Ивановича Щукина ¹⁴⁹ и смотрели Пикассо. Одновременно с нами была другая компания. Одна из дам возмущалась Пикассо. Василий Иванович выступил на его защиту: «Вовсе это не так страшно. Настоящий художник именно так должен всякую композицию начинать: прямыми углами и общими массами. А Пикассо только на этом остановиться хочет, чтобы сильнее сила выражения была. Это для большой публики страшно. А художнику очень понятно».

Про публику: «Это ведь как судят... Когда у меня «Стенька» был выставлен, публика справлялась: «Где ж княжна?» А я говорю: «Вон круги-то по воде — только что бросил». А круги-то от весел. Ведь публика так смотрит: раз Иоанн Грозный, то сына убивает; раз Стенька Разин, то с княжной персидской». Про Льва Толстого: «Софья Андреевна ¹⁵⁰ заставляла Льва в обруч скакать — бумагу прорывать. Не любил я у них бывать — из-за нее. Прихожу я раз, Лев Николаевич сидит: у него на руках шерсть, а она мотает. И довольна: вот что у меня, мол, Лев Толстой делает. Противно мне стало — больше не стал к ним ходить».

Про разрыв Сурикова с Толстым я слышал такой рассказ от И. Э. Грабаря: «Он вам никогда не рассказывал, как он Толстого из дому выгнал? А очень характерно для него. Жена его помирала в то время. А Толстой повадился к ним каждый день ходить, с ней о душе разговоры вел, о смерти. Так напугает ее, что она после целый день плачет и просит: «Не пускай ты этого старика пугать меня». Так Василий Иванович в следующий раз, как пришел Толстой, с верху лестницы на него: «Пошел вон, злой старик!»

Чтобы тут больше духу твоего не было!» Это Льва Толстого-то... Так из дому и выгнал».

Этим исчерпываются мои записи бесед и рассказов В. И. Сурикова. Конечно, мне, знавшему Василия Ивановича только несколько месяцев, довелось услышать лишь небольшую долю его воспоминаний.

Сейчас живы десятки людей, знавших его несравненно более интимно и слышавших его рассказы в гораздо больших подробностях. Было бы бесконечно ценно для материалов о его творчестве и жизни, если б эти лица дополнили и исправили мои записи новыми вариантами и подробностями, так как обстоятельства детства и юности В. И. Сурикова настолько редки и необычны, что каждая новая черта имеет значение как для понимания его творчества, так и для психологии художественного творчества вообще.

Я. А. ТЕПИН

I

Смерть Василия Ивановича Сурикова была столь неожиданной, что до сих пор ей как-то не веришь. Еще за несколько дней до кончины он просил показать ему снимки с «Млечного пути» Тинторетто и между приступами кашля говорил об искусстве. А когда он жил и творил среди нас, молчаливый и скромный, одинокий и холодный, как олимпиец, — казалось, что он вечен. Казалось, что он древний-преддревний человек — современник изображенных им событий. Казалось невероятным, что он живет среди нас в плену современной кинематографичности жизни, таким богатырем рисовался он нам, суетливым пленникам сегодняшнего дня.

Буйный расцвет Сурикова относится к 80-м годам, когда «Стрелецкая казнь», «Меншиков» и «Боярыня Морозова», преодолев традиции «направленства», открыли нам путь к любованию национальной красотой. Это было время самоутверждения художника, его борьбы за свободу творчества и время его решительных побед. Картины Сурикова 90-х годов — «Городок», «Ермак» и «Суворов» — произведения зрелой его поры, с живописными задачами, более сложными и величественными. Последние годы его деятельности (1900—1915) — «Стенька Разин», «Царевна в женском монастыре» и «Благовещение» — можно назвать отдохновением. Вместо страдальческого драматизма 80-х годов и победного героизма 90-х годов в 900-х годах проявляется нечто лирическое, мечты о минувшем. Стенька Разин, бездеятелен, сидит среди пьяного веселья, слушает песню, и в суровых глазах у него — печаль. «Царевна» же уводит в тихую ласку теремной и монастырской поэзии. От казней, ссылок, пыток, взятий, покорений и переходов Суриков пришел к грустным образам.

«Неуч», ничего не взявший от прошлого и обогативший нас новыми ощущениями красоты, с грубым на первый взгляд рисунком и с удивли-

тельным по красоте своеобразием варварской палитры, — Суриков явился в период живописной растерянности и ушел, когда его твердой эстетикой пропиталась русская живопись. Можно привести множество доказательств его влияния, можно говорить об исключительной одаренности Сурикова, о неповторяемости его гения, о великих его завоеваниях в живописи, — но мне хотелось бы лишь в общих чертах отметить его значение в истории искусства и перейти к его жизни, которая красноречивее всего раскроет природу его творчества.

Русская живопись не представляется в своем течении цельной, она не выработала стиля и великого мастерства; случайные элементы западного искусства перемешаны в ней с нашим провинциально-темным. Особенно несовершенной представляется нам так называемая «историческая часть», усердно поощряемая Академией и увлекающая почти все крупные наши таланты.

Историческая картина по самой своей природе должна обладать кроме чисто живописных достоинств еще ценностью драматического и поэтического произведения. Но не только гармонического слияния этих элементов не было в русской исторической живописи, но, кажется, не было их и в отдельности. Исторические картины Брюллова, Шварца, Ге — условны; в них нет исторического характера, психологии и каких-либо переживаний. Суриков первый увидел в картине историческую драму, первый гармонически сочетал глубину исторической мысли с фундаментальностью чистой живописи. Вместо оперных финалов прежних исторических картин появилось подлинное изображение древней жизни на основании внутренней психологической правды исторического события. Ведь не внешняя историческая точность восхищает нас в «Морозовой», а то, что Суриков верно, как никто ни до него, ни после него, выразил духовную сущность всех этих старцев, баб, мужиков, понял дух времени, понял то вечное мистическое озарение, которое проявилось однажды в Морозовой. Суриков объективен; он как бы растворяется без остатка в переживаниях, мыслях и чувствах своих героев, окруженных атмосферой подлинной древности. И вместе с тем, несмотря на реализм и объективность в своих изображениях, Суриков сам в высокой степени индивидуален. Чувство древности, чувство предков и родины в нем необыкновенно сильны лиризмом. Внешний реализм сочетается в нем с вдохновенной фантастикой. Жуткие и нежные образы старой Руси — плоды его поэтических грез.

Силой собственных переживаний Суриков убедил нас в реальности своих исторических видений. Стрельцы, Морозова, Ермак — все это только *он*, Суриков, гениальный властитель нашего воображения, преступник и герой. До него исторические события изображались как нечто отвлеченное, необязательное для нас. Суриков же открыл, что все это он *сам видел*; казнили его дядю, пытали его бабу, а он бежал в те поры за санями, и боялся, и не мог отвести глаз от ее лица.

Способность в непостоянстве текущей жизни видеть образы, отстоявшиеся веками, — его дар пророческий. Этот дар почувствовался с первой же его картины. Даже Крамской¹ заметил в «Стрелецкой казни» какой-то древний дух. И действительно, дух — это главное, что нас пленяет в Су-

рикове. Вглядываясь в живопись его картин и портретов, мы можем любоваться их поверхностью, крепостью рисунка, мощностью тона и силуэта, но мы главным образом и невольно устремляемся вглубь, в душу изображенных предметов и, кажется, не можем их исчерпать.

Каждое лицо и предмет в его картинах живут не в силу своей натуральности, а в силу духа, заключенного в них и отражающего в себе богатство чувств целой нации.

Творчески выразить глубочайшую красоту народной души дано Сурикову свыше; многое в его творчестве надо отнести на счет бессознательного поэтического постижения, многое же приходится объяснить его наследственностью. Жизнь 50-х годов в Сибири, в старинном семейном укладе, отражавшем живой дух воинственных предков, в старом доме, где самые вещи говорили языком летописей, дала основной тон широкой манере Сурикова. Запас живописных идей весьма определенного характера был сделан Суриковым во время детства и юности в Красноярске. Здесь, как в дедовской кладовушке, он находил все нужное для своих работ. Улица в «Боярыне Морозовой» почти целиком перенесена из Красноярска, оттуда же взяты типы стрельцов, Суворова, Разина, Пугачева, не говоря уже о «Городке», «Ермаке» и «Меншикове». «Все женское царство «Морозовой» вышло из нашего дедовского дома в Торгашине», — говорил Суриков.

Суриков — реалист. Это первое, что нужно в нем оценить. Этюд с натуры должен быть для него настолько верным, «чтобы в глазах двоилось». Он в жизни искал историческое лицо, переживал сам подобие исторического события, чтобы в реальную форму вдунуть свой творческий дух. Натура для Сурикова не цель, а средство, история для него — арсенал, из которого он берет оружие для защиты своих живописных мыслей. В «Стрельцах», «Меншикове», «Морозовой» он создал идеальные образы, которые как бы раскрыли нам глаза на красоту старой Руси. Из этого раскрытия глаз вышел ряд художников, умилившись перед стариной, перед шатровой церковкой, перед санями, перед глубокими взорами суриковских героинь. Это умиление существенно отличается от стихии суриковского творчества, которое исходит не из памятников старины, а из живой действительной жизни и лишь попутно касается этих памятников, давая им новый, живой смысл. «Хороша старина, да бог с ней», — говорил Суриков. Не старина, а большие характеры привлекали художника. Он как бы выкорчевывает старые пни, творит и ломает. Он не умиляется перед старой Русью, он, вероятно, и не пожалел бы ее, если бы она не отвечала глухим желанием его души. В нем отзываются вздохи земли, темные народные зовы. И время-то его любимое — зима или поздняя осень, и краски его густые, как руда, а темы — страдание, подвиг, молитва.

Можно бы говорить об эпическом характере живописи Сурикова — так она объективна и народна, так органически слиты ее содержание и форма, так глубок замысел и просто исполнение. Но было бы напрасным трудом искать тайны ее очарования, ее магии вне личности художника. При первом и при последнем взгляде на работы художника поражаешься своеобразностью его личности так же, как и почти неестественною силою, двигающей его рукой.

1. Вид памятника Петру I
на Исаакьевской площади. 1870

2. Клеопатра. Эскиз. 1874

3. Княжий суд. 1874

4. Милосердный самаритянин. 1874

5. Пир Валтасара. 1874

6. Апостол Павел объясняет догматы веры в присутствии царя Агриппы, сестры его Береники и проконсула Феста. 1875

7. Автопортрет. 1879

8. Вид на Кремль зимой. 1876

9. Утро стрелецкой казни. Эскиз. 1878

10. Чернобородый стрелец.
Этюд к картине
«Утро стрелецкой казни». 1879

11. Стрелец в шапке.
Этюд к картине
«Утро стрелецкой казни». 1879

12. Седой стрелец.
Этюд к картине
«Утро стрелецкой казни»

13. Жена чернобородого стрельца.
Этюд к картине
«Утро стрелецкой казни»

14. Утро стрелецкой казни. 1881

15. Старуха, сидящая на земле.
Этюд к картине
«Утро стрелецкой казни»

16. Плачущая девушка.
Этюд к картине
«Утро стрелецкой казни». 1879

17. Портрет Е. К. Дерягиной. 1879

18. Меншиков в Березове. Эскиз. 1881

19. Мужской портрет.
Этюд к картине
«Меншиков в Березове». 1882

20. Старшая дочь Меншикова.
Этюд к картине
«Меншиков в Березове». 1882

21. Юноша, сидящий за столом.
Этюд к картине
«Меншиков в Березове». 1882

22. Меншиков в Березове. 1883

23. С гитарой
(Портрет С. А. Кропоткиной). 1882

24. Римский карнавал. 1884

25. Неаполь. Набережная. 1884

26. Молодая итальянка с цветами
в волосах и на плече. 1884

27. Помпея. Фонтан. 1884

28. Помпея. Улица. 1884

29. Рим. Колизей. 1884

30. Итальянка.
Этюд к картине
«Сцена из Римского карнавала»

31. Сцена из Римского карнавала. 1884

32. Старик огородник. 1884

33. Боярыня Морозова. Эскиз. 1881

34. Странник.
Этюд к картине
«Боярыня Морозова»

35. Нищенка.
Этюд к картине
«Боярыня Морозова»

36. Боярыня Морозова. Эскиз

37. Монашенка.
Этюд к картине
«Боярыня Морозова». 1884

38. Голова боярышни
в фиолетовой душегрее.
Этюд к картине
«Боярыня Морозова». 1885

39. Юродивый, сидящий на снегу.
Этюд к картине
«Боярыня Морозова»

40. Голова священника.
Этюд к картине
«Боярыня Морозова»

41. посох странника.
Этюд к картине
«Боярыня Морозова»

42. Старуха в узорном платке.
Этюд к картине
«Боярыня Морозова». 1886

43. Голова боярыни Морозовой.
Этюд к картине
«Боярыня Морозова». 1886

44. Склонившаяся боярышня
в синей шубке. Этюд к картине
«Боярыня Морозова». 1887

45. Боярыня Морозова. 1887

46. Портрет П. Ф. Суриковой. 1887

47. В столовой на пароходе. 1887

48. Дом Суриковых в Красноярске.
За столом — мать художника.
1890-е гг.

49. Дом Суриковых в Красноярске

50. Енисей. 1891

51. Портрет О. В. Кончаловской
в детстве.
1888

52. Сибирская красавица
(Портрет Е. А. Рачковской). 1891

53. Голова смеющейся девушки.
Этюд к картине
«Взятие снежного городка».
1890—1891

54. Взятие снежного городка.
1891

55. Вид города Красноярска с сопки.
1890-е гг.

56. Казачка (Портрет Л. Т. Маториной).
1892

57. Донской казак, заряжающий ружье.
Этюд к картине
«Покорение Сибири Ермаком». 1893

58. Казак Дмитрий Сокол.
Этюд к картине
«Покорение Сибири Ермаком». 1893.

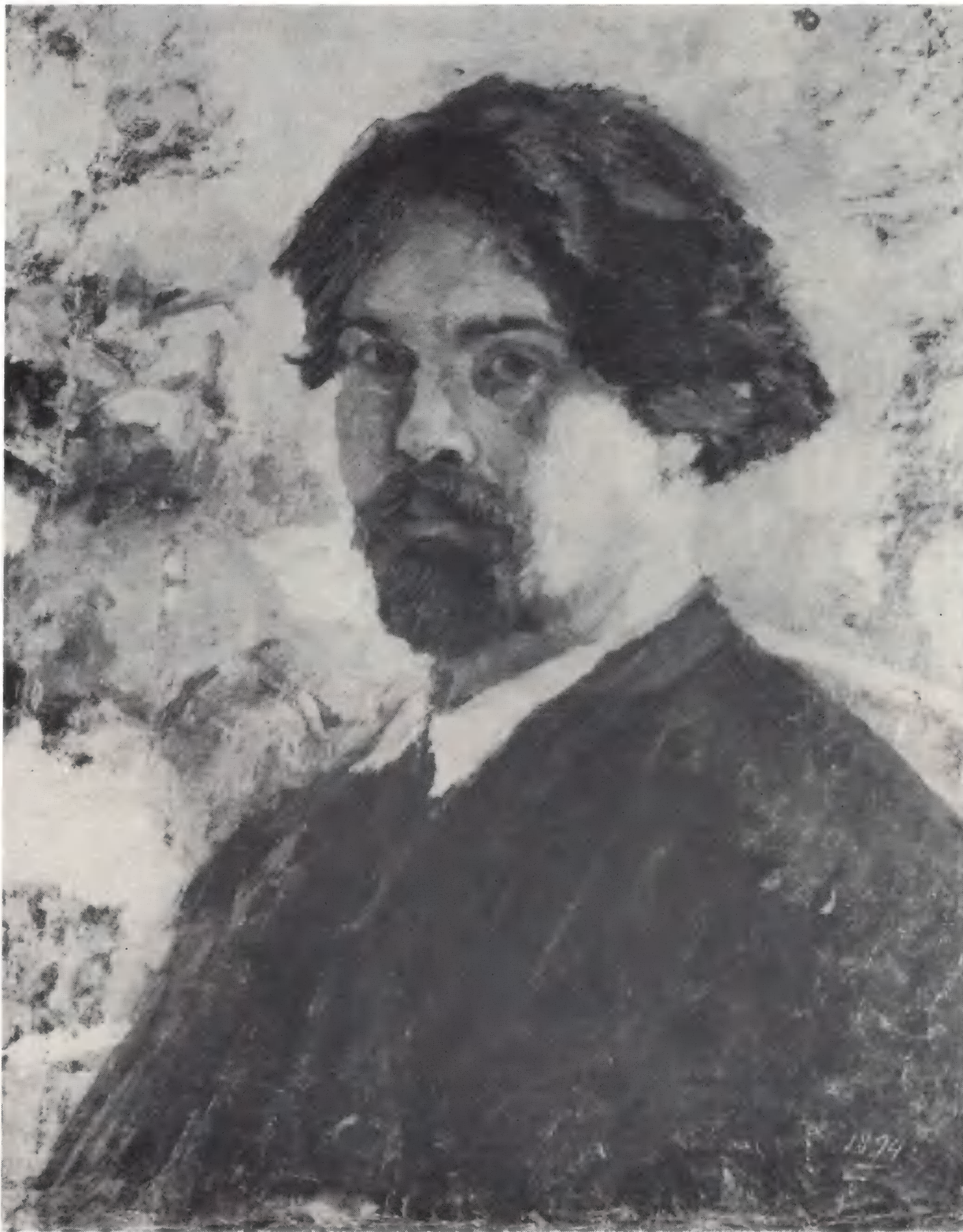
59. Донской казак Кузьма Запорожцев.
Этюд к картине
«Покорение Сибири Ермаком». 1893.

60. Вид на Красноярск. 1893.

61. Река Обь. 1895

62. Автопортрет на фоне картины
«Покорение Сибири Ермаком». 1894

63. Покорение Сибири Ермаком.
Эскиз. 1891

64. Покорение Сибири Ермаком. 1895

65. Смеющийся солдат.
Этюд к картине
«Переход Суворова через Альпы»

66. Переход Суворова через Альпы. 1899

67. Портрет Н. Ф. Матвеевой. 1909

68. Неаполь. 1900

69. Собор св. Марка в Венеции. 1900

70. Венеция. Палаццо Дожей. 1900

71. Автопортрет. 1902

72. Севилья. Бой быков. 1910

73. Севилья. 1910

74. Валенсия. 1910

75. Гренада. 1910

76. Арль. Бой быков. 1910

77. Автопортрет. 1910

78. Алупка. Ай-Петри. 1900-е гг.

79. Степан Разин. 1907—1910

80. Голова Разина.
Набросок для картины
«Степан Разин».
1910

81. Молодой казак. Этюд к картине
«Степан Разин»

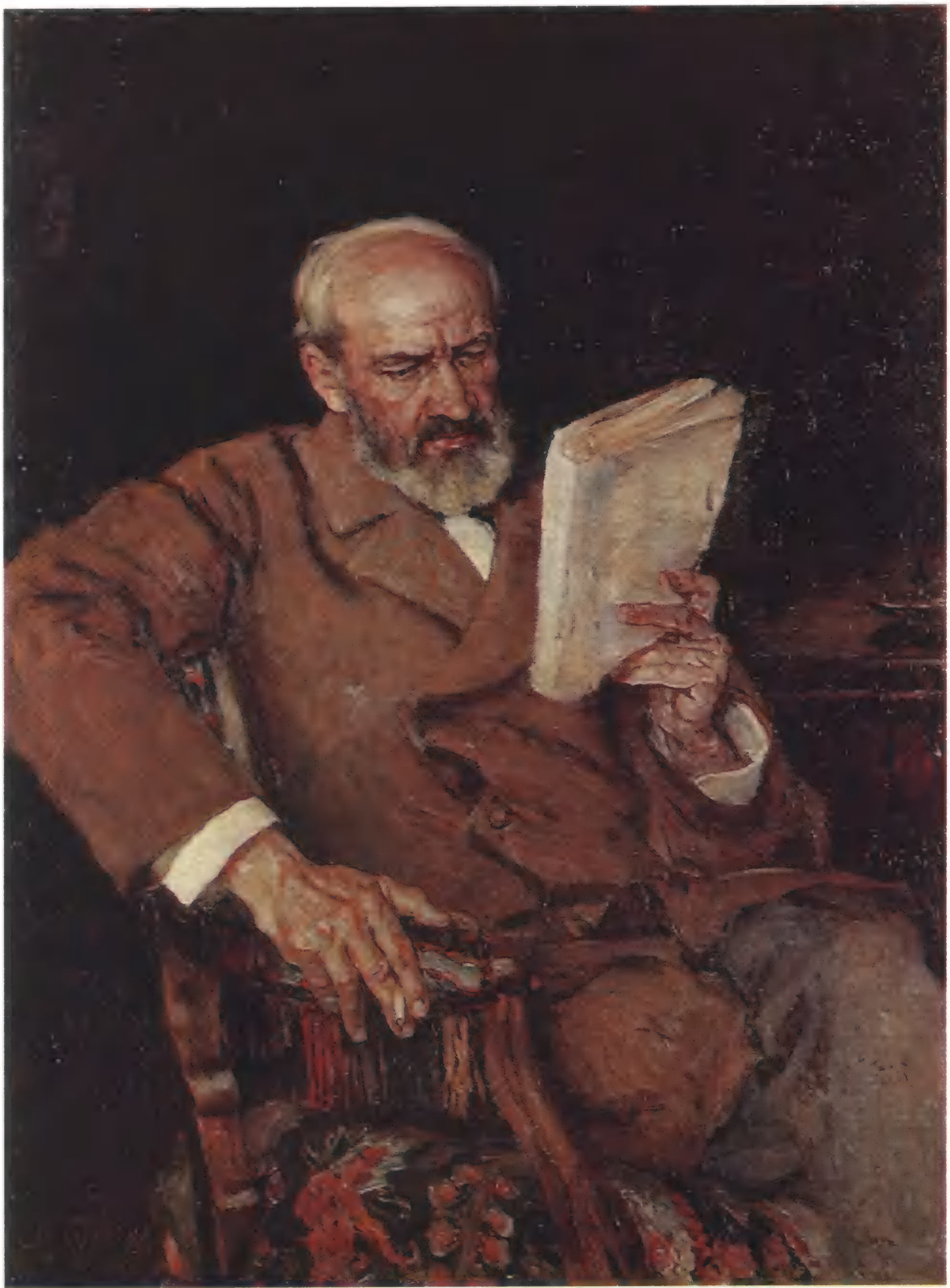
82. Красноярский бунт. Эскиз.
1900-е гг.

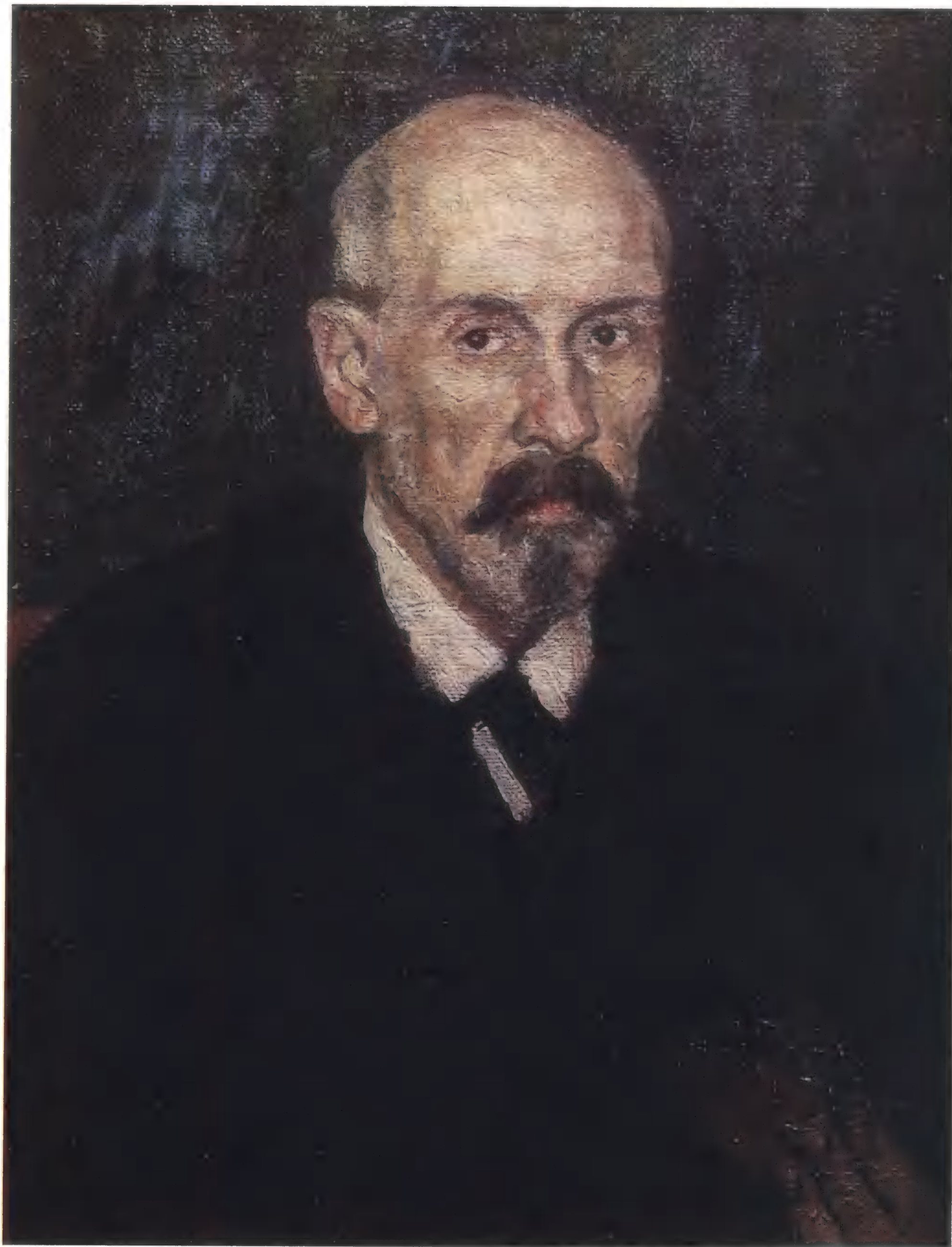
83. Княгиня Ольга встречает
тело Игоря. Эскиз. 1915

84. Портрет А. И. Емельяновой. 1902

85. Портрет А. Д. Езерского. 1910

86. Человек с больной рукой. 1913

87. Посещение царевной
женского монастыря. 1912

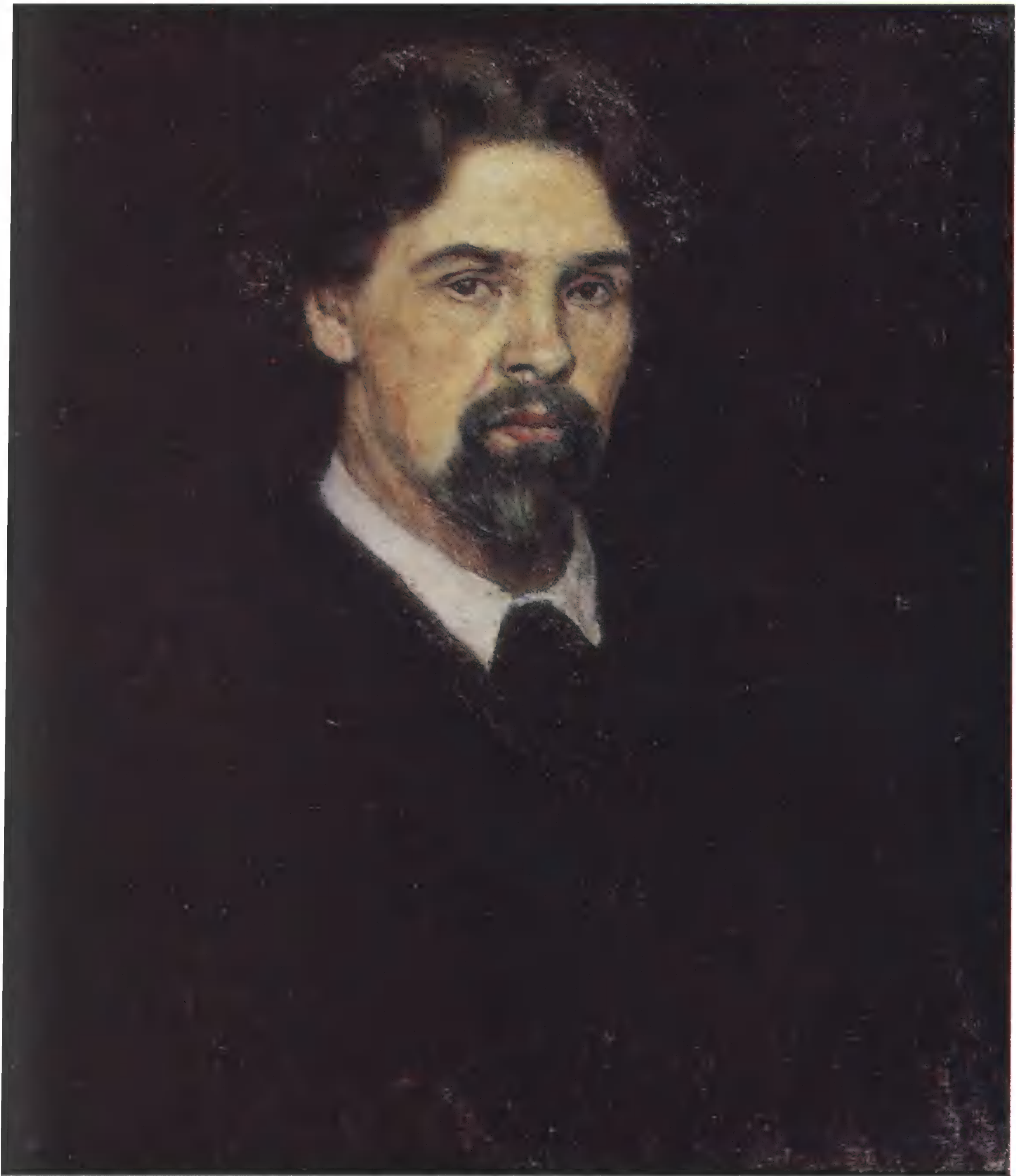
88. Зубовский бульвар

89. Вид из Кремля. 1913

90. Автопортрет. 1913

91. Автопортрет. 1913

92. Автопортрет. 1915

II

Василий Иванович Суриков родился в Красноярске 11 января 1848 года ². Представьте себе городок с несколькими белыми церковками, раскинувшийся между двумя группами гор, состоящих то из порфира, то из темной яшмы, то из ярко-красных мергелей. Внизу бушует река. Енисей только что вырвался из гор, еще весь желтый от цветной глины, и кружится, и злится, бросаясь пеной, расходясь по широкому долу в несколько русл. Здесь Суриков провел свое детство и юность до двадцати одного года.

Сибирь, замкнутая Уральскими горами, удаленная от Европы, долго сохраняла свою первобытность. Дикая природа располагает к стихийности, к буйству, к своеволию. Кажется, никакая природа не способна так заковать, застудить человеческое сердце, как эти могучие, безжалостные сибирские просторы с необъятной тайгой и суровым климатом. Но вместе с тем, кажется, никакая иная природа не открывает таких широких горизонтов, не питает такой самоуверенности и не внушает таких дерзких и вольных замыслов, как она. Сибирь еще ждет исторических событий и манит к большим свершениям. Ее казачьи остроги еще не умерли и живут своеобразной действительной жизнью. Вокруг Красноярска порфировые горы девственно холодны и недоступны, Енисей не обуздан. Кажется, что завоевание Сибири еще не кончилось, следы завоевателей не стерлись, а природа так же первобытна и мрачна, какою была и до Ермака. Вся обстановка сибирской жизни половины прошлого века мало чем отличалась от московской жизни конца XVII века, и немудрено, что боярыня Морозова была Сурикову, может быть, ближе, чем нашему времени... Илиодор ³.

В этой природе, в характерно сибирской семье старого времени воспитал Суриков свой крутой характер, железную волю и дар уединения. Его предки с отцовской и материнской стороны происходили из старых казачьих родов, пришедших в Сибирь с первыми завоевателями. По долгу службы они принимали участие во всех тогдашних боях, и их история неотделима от общей истории сибирского казачества. Казаки, занявшие Иртыш, в течение XVII века успешно продвинулись до самого Тихого океана. Завоевательным и колонизаторским образом, ставя на путях остроги и заслоны, они пришли на Енисей и основали здесь в 1621 году Красноярск, а вскоре и Енисейск ⁴. Среди оставшейся на местах енисейской казачьей группы с половины XVII века упоминаются Суриковы. Енисейский голод, окончившийся мятежом, заставил их перебраться оттуда в Красноярск и поселиться здесь навсегда. Красноярск тогдашнего времени не был еще в безопасности, и Енисейскому казачьему полку, в котором испокон служили Суриковы, пришлось нести здесь долгую сторожевую службу против инородцев. Еще в детстве художника с Караульного бугра в Красноярске казаки наблюдали за врагом и запаливали огни в знак опасности. В одной из стычек качинские татары вышибли стрелой глаз прадеду Сурикова, Петру Петровичу. Подумайте, *еще стрелой*.

Окруженные враждебными племенами, мужественные завоеватели долго после покорения Сибири не переставали ожидать бед и держались крепкою кучкою. Это положение, тянувшееся более трехсот лет, неизбежно выработало среди них прочную физическую и духовную связь, военную выправку и предупредительность, внешнюю замкнутость и многочисленные охранительные обычаи. Напряженная оборонительная атмосфера среди притаившихся врагов воспитала у казаков подозрительность, настороженность и крепость родовых и полковых традиций. В их характерах резко обозначается настойчивость и непокорство, всегда готовые к самозащите. И поэтому казаки так же охотно поднимаются на мятежные зовы, как и на завоевание вольных земель. То разиновщина, то пугачевщина волнами прокатываются по Сибири и буровят беспокойный казачий дух. В 1695 году в доме старого бунтаря Петра Сурикова собиралась «воровская» казачья дума, решившая «вырубить» лихого воеводу Дурново, запершегося в малом городе. В 60-х годах прошлого столетия при участии Суриковых был проучен и один войсковой старшина за стеснение казачьих вольностей.

Достоверная родословная Суриковых идет от казака Петра Сурикова, участника бунта 1695 года. От него через второго Петра (кривого), Ивана, Василия и второго Ивана прямая линия переходит к художнику. Все эти Иваны, Петры и Василии — казаки, сотники и есаулы, брали жен из казачьих же родов Черкасовых, Торгошиных, участвовавших в тех же бунтах и завоеваниях. Отнюдь не в туманных тонах рисуются предки Сурикова. Один из его дедов, атаман Александр Степанович, с лицом темным, «как голенище», за приметив с горы во время бури оторвавшийся от берега казачий плот, сбегал вниз, поймал бечеву и, по колена уйдя в землю, удержал войсковое добро. Другой дед художника, Василий Иванович, при охоте на коз имел обычай ставить ружье для прицела между ушей своего коня; однажды, когда конь не во время мотнул головой и выстрел пропал даром, дед в раздражении откусил ему ухо.

Родители художника строго блюли родовые традиции. Его мать — женщина большого ума и остроты, большой выдержки и вкуса — происходила из богатого и знатного дома Торгошиных, казаков «на льготе», основателей Торгашинской станицы, что раскинулась против Красноярска на другом берегу. Ее отец и дядья возили чай из Китая, имели табуны лошадей, узорчатый дом — полную чашу добра и разных диковинных вещей. Прасковья Федоровна, строгая в отношении обрядов и обычаев, внесла, однако, в воинственный дом Суриковых нежное дыхание поэзии, причудливый узор и колорит торгошинского дома. Торгашино сыграло в жизни художника громадную роль. Оно пленило его своеобразием и пряностью старинной обстановки. Старики Торгошины, его деды, жили неделиною дружной семьей. По праздникам они надевали свои шелковые китайские халаты, гуляли, обнявшись, по станице и распевали «не белы то снега выпадали». У них было двенадцать дочерей и внучек, которые «как цветы цвели» в старом доме с переходами, с узорчатыми крыльцами и слюдяными окнами. Богатырские кони и громадные повозки стояли на широком, мощенном плахами дворе, сады и огороды окружали дом. В хо-

роводе миловидных женских фигур, одетых в старинные сарафаны, в теплогреи, были мастерицы рассказать затейливую сказку, спеть старую песню, отгадать тайную примету; здесь был неисчерпаемый источник легенд и преданий. Подумайте, ведь историю о боярыне Морозовой рассказывала Сурикову в детстве по изустным преданиям его тетка Ольга Матвеевна! Когда впоследствии он прочел о Морозовой в книге Забелина «Домашний быт русских цариц», он точно старый сон вспомнил. «Знаете, — говорил он мне, — ведь все, что описывает Забелин, было для меня *действительной жизнью*». Отсюда пошло у Сурикова то острое ощущение женской прелести в старой Руси, которое выразилось в «Боярыне Морозовой». Торгашинские сани, высокая крыша дома воспеты в ней, и один из Торгошиных, Степан Федорович, изображен в виде черного бородатого стрельца «Стрелецкой казни». Суриков хотя и подолгу жил в Торгашине, но в качестве гостя, и потому оно рисовалось ему в особенно праздничных тонах. Обычно же мальчик жил или в старом своем красноярском доме, или у тетки Ольги Матвеевны, или в родительском доме на горе в селе Бузиме (в 60 верстах от Красноярска), где служил отец художника, сотник Иван Васильевич. Отцовский дом отложился в душе Сурикова не менее колоритно, чем торгошинский, но в ином духе. Здесь были дела посерьезнее. Громадные подвалы были полны вооружением разных эпох — саблями, шпагами, ятаганами, ружьями, мушкетонами и пистолетами, касками, киверами и погонами, мундирами разных форм — блестящим наследием воинственных предков. В углах же среди патронташей и пороховниц навалены были горы книг. Семейные предания, и живые свидетели бранной славы, и книги, открывшие мальчику области неведомые, — все это вместе преломилось в его воображении в фантастические образы. Суриков жадно с младенческих лет впитывал в себя родовые предания и прочитанные истории, и предметы прошлого перед ним оживали.

Способность жить мечтою и в действительности находить воображаемые образы прошлого была у Сурикова с юных лет. Когда семинаристы шли на учеников городского училища, среди которых находился Суриков, и происходила драка в узком переулке, он пресерьезно воображал себя Леонидом в Фермопилах. Когда же увидел труп убитого товарища Д. Бурдина, ему прежде всего представилось, что так именно лежал убитый Самозванец, и Суриков пытался его зарисовать. Как-то ночью за Суриковым и его товарищами гнались кузнецы с намерением убить, и он с товарищами, спрятавшись на чужом дворе, слышал шум промчавшихся врагов, — ему живо представился боярин Артамон Матвеев⁵, спрятавшийся от убийц в царской опочивальне, и фраза: «Стук их шагов подобен был шуму вод многих»⁶. Умение находить в жизни образы вымысла или литературы развилось впоследствии у Сурикова до такой степени, что терялась грань между виденным и вычитанным. Ему казалось, что образы, о которых повествует история, он видел воочию. Этому способствовала и необычайная область его наблюдений.

Шести лет Суриков ходил с отцом на охоту. Он стрелял настолько удачно, что был предоставлен самому себе. Мальчик тотчас вообразил себя взрослым и отбился от отца. Целый день он проблуждал в лесу и толь-

ко к вечеру выбрался к дому. «Отец и мать стояли на плотине и кричали мне. Помню, солнце садилось и красиво отражалось в реке; помню, как отец схватил меня за ноги, чтобы бить, а мать схватила за голову, чтобы защитить, — чуть меня не разорвали».

В 1856 году осенью мать отвезла Сурикова из Бузима в Красноярск учиться. А ему не хотелось. Недолго думая, он покинул город и по мало-знакомой дороге пустился домой. «Иду я в скуфеечке, встречные думают про меня: экий монашек идет. А я думаю: нет ли за мною погони? Приложил ухо к земле, — тарыхтит по дороге телега. Гляжу, а она уже видна, а в телеге-то мать сидит, домой едет. Ух, страшно стало, кинулся я в просо. А мать кричит: никак это Васенька наш? Схватила она меня, сжала, сама заплакала, и я реву: в Бузим хочу! Строгая у меня мать была, а меня пожалела, первый раз от отца правду скрыла, что я из школы бежать хотел».

В Красноярске в 50-х годах было одно гражданское училище — уездное, называвшееся гимназией, — там и обучался Суриков шесть лет. По окончании курса Суриков еще лет шесть прожил в Красноярске, занимаясь самообразованием. Отец его умер, когда ему было 11 лет, и он с братом остался на попечении матери при значительно сократившихся средствах. Матери хотелось определить сына в чиновники, но судьба решила иное.

III

С малых лет Суриков потянулся к живописи. Первыми рисунками гвоздем он украсил сафьяновые стулья, за что и был в достаточной степени наказан. Четырех лет он был очарован искусством работника Андрея, который впервые нарисовал ему коня со сгибающимися ногами. Шести лет он уже сам разводил синьку и надавливал бруснику, чтобы раскрасить нарисованный им портрет Петра Великого. В уездном училище раза два в неделю бывали классы рисования по оригиналам. Здесь впервые Суриков познакомился с элементарной техникой и чрезвычайно обрадовался. Он не мог дожидаться рассвета тех дней, когда в училище бывало рисование, — карандаши и резинки заготавливались задолго вперед. Рисование поглотило мальчика целиком, он целые дни возился с красками, рисовал с гравюр и с натуры беспрестанно. Учитель рисования Н. В. Гребнев не мог не хвалиться его способностями, пророчил славную будущность и развивал в нем желание попасть в Академию. Губернатор же Родиков⁷, присутствовавший на выпускном акте, — «старый екатерининский вельможа, похожий на Державина», по словам Сурикова, — прямо сказал ему: «Ты будешь художником!»

Занятия Сурикова живописью носили первобытный характер. В Красноярске не было ни картин, ни художников. Ему приходилось пробиваться самоучкой. Перерисовав все имеющиеся в училище оригиналы, он разыскивал у товарищей гравюры, копировал и раскрашивал их с большою ловкостью. Копии с Брюллова или Неффа из «Северных цветов»⁸ сделаны им чрезвычайно тонко, с большим изяществом в выражении. Все это было, конечно,

рукоделие, но сложная работа совершалась в его душе, — вырабатывалось умение находить образы, мыслить ими, созревал художнический темперамент.

Собственно художественных корней у Сурикова мало. Сибиряки не особенно любят искусство. Но Суриков сам неоднократно и в разных формах говорил, что все его искусство пошло из Сибири, что всему причина — его детские впечатления, что всю жизнь он приводит в исполнение то, на что смутно намекнула родина. Все это условно, но можно все-таки сказать, что именно детство дало Сурикову направление, окунув его в созерцание старой жизни. Чисто живописные влияния на него в детстве были незначительные. Правда, его дядя, есаул Василий Матвеевич, писал стихи и рисовал акварелью, рисовал и другой его дядя, хорунжий Марко Васильевич, но все это равнялось копированию с литографий. Мог повлиять на Сурикова еще муж сестры, Хозяинов. Тот был профессиональным иконописцем, он написал даже портрет енисейского губернатора Степанова — его красная, жирная фигура произвела тогда на Сурикова сильное впечатление. Но с Хозяиновым Суриков виделся редко.

Вспоминая, кому он обязан своим искусством, Суриков более всего отдает дань признательности сибирской природе и матери. Прасковья Федоровна, портрет которой висит в Третьяковской галерее, была женщина острая, с пронзительными глазами и аристократическими манерами. Она любила торжественные приемы, декоративный узор, любила красивые ткани и уборы. Она сама была мастерицей вышивать шелками и бисером, да «не какими-нибудь крестиками», а листьями и травами по своему рисунку. Она тонко разбиралась в полутонах и обладала чувством колорита, производившим на художника, по его признанию, неотразимое впечатление. Еще в 90-х годах, вопреки своему обычаю, он слушался ее советов в картине «Городок»; она помогала ему иногда находить и создавать костюмы для героев его «Ермака». Не случайность, что в живописи Сурикова главную роль играет колорит — женственное начало искусства. Товарищи Сурикова в те времена увлекались Писаревым⁹, мужское население Красноярска любило грубые удовольствия, и только любящие глаза матери и сестры могли угадать новую красоту, зреющую в душе художника. Часто, огорченный неудачами, Суриков рвал свои рисунки и плакал, а сестра Катя ободряла его, и мальчик рисовал снова и по несколько раз одно и то же, пока не достигал совершенства. Женское участие в его искусстве и сообщило ему некое свое обаяние.

Художественный инстинкт никогда не покидал Сурикова. Благодаря ему он уцелел в училище от писаревщины, а бурно проведенная молодость только усилила краски в его артистической натуре. В самые драматические моменты жизни художественное созерцание не затемнялось в нем. Вместо малодушного самоосуждения в каком-нибудь ужасном деле его увлекала живописная сторона события и заполняла его воображение. При виде казни его зеркальный глаз не забывал отметить руку осужденного, оправляющую свой саван, и когда Суриков тонул под плотами, то заметил, как красиво бежали над ним зеленые струи в просветах между красными бревнами.

Красноярская жизнь художника была богата сильными ощущениями. Однажды сидел пятилетний Суриков с матерью в кухне; мать вышивала, а он ловил тараканов и запрягал их в саночки, то есть попросту втыкал им сзади спички с бумажками и заставлял «довольно оживленно» бегать по столу. Вдруг бежит кухарка с предупреждением, что работник-варнак идет их резать. Едва успели запереться на крюк и, выломав раму, выскочить на улицу. В другой раз, возвращалась мать Сурикова с детьми в Красноярск. Выскочил из-за изгороди мужик в красной рубахе, сел рядом с ямщиком на козлы и велел ему сворачивать в лес: мы-де до вечера с ними справимся (т. е. убьем). Суриков был в лихорадке и, как во сне, видел разбойничье выражение и то, как мать, оберегая детей, совала деньги разбойникам. На счастье, тогда знакомый поп с работником показался на дороге — выручил. Училище, в котором обучался Суриков, находилось против острога, около которого на площади происходили «торговые» казни плетью. Черный эшафот был виден из классов; детям нравилось следить за колесницей, на которой привозили осужденных. Одиноким палач в красной рубахе и плисовых шароварах, страшным силуэтом рисующийся на помосте высоко над толпой, вызывал в маленьком Сурикове восхищение. Суриков несколько раз без всякого самоосуждения провожал за город приговоренных за поджоги к смертной казни. Их вели в белых рубахах посреди толпы, большей частью состоящей из женщин. Осужденные прощались с народом и нервными руками оправляли складки савана. Двое любимых товарищей Сурикова пали жертвою диких нравов. Одного убили из ревности и выбросили голое тело на поругание; другого опустили под лед, но он выплыл и долго лежал ободранный на берегу. Да и сам художник не отличался нежностью. Его любимым развлечением была охота, дикie скачки по горам; он любил переплывать реку, нырять под плывущие плоты или бросаться с плотины в водопад, чтобы достать из омута горсть песка. Конь много раз его сбрасывал, и однажды, нырнув под плоты, Суриков едва не потонул — судорогой свело ногу, и пловец застрял посередине.

Красочное детство: казни и рассказы о чудесах Китая, дикie скачки, охота на волков и страшные сказки Устиньи Дужниковой¹⁰, пьяное молодечество и хор двенадцати двоюродных сестер, которые «как цветы цвели» в узорочье торгошинского дома, — и надо всем этим мечта о какой-то новой, красивой жизни. Если Суриков избежал смерти от разбойников, если его не растерзали звери и не убили кони или товарищи при случайной вспышке, если он сам не утонул, ныряя под плоты, — то, видно, судьба хранила его для высоких целей. Ведь дух-то, дух-то каков! Можно ли было, помня о казнях, о нападениях кочевников, о разбойниках и каторжанах и много раз бывши на краю гибели, ему, потомку завоевателей, ограничиться в искусстве изображениями быта, хотя бы и боярского, или компиляциями на исторические темы, когда, кажется, сама древняя история напирала на него своими темными глыбами.

К концу 60-х годов Суриков определенно решил быть художником, и все его помыслы устремились к этой цели. Но он не замкнулся и не перестал вести компанию с буйными сверстниками, даже наоборот, верховодил их

дикими забавами, вполне отвечавшими казачьим обычаям того времени. К этому времени относятся наиболее сильные его переживания и мысли, которые вместе с родовой жизнью и семейными традициями легли впоследствии в основу его фантастического реализма.

В конце 60-х годов Суриков самоучкой достиг такого совершенства в живописи, что его акварельные пейзажи и портреты уже ценились, он давал уроки рисования в губернаторском доме, а случайно написанную им икону красноярцы почли было чудотворной. Художник поступил на службу, чтобы скопить денег на Академию. Губернатор принял в Сурикове участие и познакомил его с енисейским золотопромышленником П. И. Кузнецовым, который дал Сурикову свою стипендию на обучение.

11 декабря 1868 года, с обозом, груженным рыбой, в кузнецовской кошеве, Суриков выехал в Петербург. Новый свет открылся ему. Никогда далеко не уезжая из Красноярска, он был поражен новыми красотами самой сибирской природы во всей прелести зимнего убора. В Екатеринбурге ¹¹ Суриков впервые увидел европейский город и театр. Здесь он со своими спутниками лихо отпраздновал вступление в Европу, спустив накопленные денежки. Суриков был красив; черные кудри, большие темные глаза, дышащее здоровьем и отвагою лицо, шелковая рубашка, бархатные шаровары, синий казакин — делали его героем на екатеринбургских танцевальных вечерах.

IV

В мае 1869 года Суриков держал экзамен в Академию, но провалился «на гипсе». Это обстоятельство его не смутило. Поступив в рисовальную школу Общества поощрения художеств, он в течение лета преодолел все гипсовые преграды и тою же осенью поступил-таки в Академию. В первый же год он прошел два академических класса и в 1870 году был уже в фигурном ¹². В течение 1871—1873 годов он прошел натурный класс и получил за свои работы все серебряные медали. В это же время, с 1869 по 1873 год, он прошел шестилетний научный курс и находил еще время делать композиции на темы, задаваемые в старших живописных и архитектурных классах, — «сорвал ими немало сторублевых премий, так что всегда был при деньгах». Архитектор Брюллов ¹³ одобрял его чертежи, а товарищи прозвали Сурикова «комполитором».

Разнообразные эскизы того времени — «Пир Валтасара», «Памятник Петру I», «Княжий суд» — обнаруживают в нем будущего художника массовых сцен и горячего поклонника художественной честности. В знойной роскоши «Валтасара», в мрачном силуэте Петра, покрытого снегом и освещенного снизу красными фонарями, и в характеристиках «Княжего суда» пробивается присущий Сурикову древний дух.

Суриков усердно посещал Академию. Еще затемно, при свете уличных фонарей выходил он из дому и возвращался вечером. Работал много и по живописи, и по наукам, и по архитектуре. Добровольное преодоление курса Академии сделало его неуязвимым для ее тирании. Впрочем, он

вообще не принадлежал к тем натурам, которых «забивает» академизм. Как пришел он из сибирской тайги еще неотесанным провинциалом в Академию, так и вышел из нее готовым художником все с такою же независимою и светлой головой, полной замыслов, и с твердой волей для их воплощения.

В 1874—1875 годах Суриков работал над академическими программами. Первая программа — «Милосердный самаритянин» — очень реалистична. Больной, самаритянин и негр-слуга написаны на солнце убедительно и красиво по тонам и по силуэтам. За вторую программу — «Апостол Павел объясняет догматы веры» — Сурикову присуждены звание художника и заграничная поездка. Но, в виду недостатка у Академии средств, поездка была заменена заказом четырех фресок для московского храма Спасителя — «Вселенские соборы». В 1876 году, еще в Петербурге, Суриков сделал для них эскизы, а в 1877—1878 годах исполнил и самые фрески в Москве. Этот заказ обеспечил на несколько лет художника, уже семейного, и дал ему возможность без нужды отдаться свободному творчеству. Еще будучи в Академии, Суриков женился на внучке декабриста Свистунова, Елизавете Августовне. Ко времени выставки «Стрелецкой казни» у них было двое детей.

Переезд в Москву открыл художнику новые возможности. Древние московские памятники, старинные дома, тесные переулки и пережитки в обычаях и манерах, напоминавшие прежние века, воскресили в Сурикове мечты сибирского детства. Живя в Петербурге и заражаясь общим тогда академическим направлением, он предполагал посвятить себя живописи на библейские и классические темы. В «Самаритянине», «Валтасаре», «Клеопатре», «Апостоле Павле» он уже сделал шаги в этом направлении, но в Москве он почувствовал, что старая Русь — настоящий его путь. С 1878 года Суриков твердо сел на Москве. С этого времени, если он не шатался где-нибудь по Руси в поисках природы, то проживал или здесь, или в Красноярске.

В 1878 году задумана «Стрелецкая казнь». Еще работая в храме Спасителя, Суриков часто заходил на Красную площадь, названную так по крови, на ней пролитой¹⁴. Еще живые памятники кровавого прошлого — Лобное место, зловещий памятник Грозного, Василий Блаженный и Земский приказ на месте нынешнего Исторического музея — пробуждали в Сурикове жуткие воспоминания и видения детства, мятежные души предков и казни.

Высшая красочная нота в «Стрельцах» дана белыми рубашками осужденных на смерть и горящими свечами в их руках, а низшая представлена черной позорной доской. Все остальное выдержано в гармонии серых и цвета запекшейся крови тонах, прекрасно передающих гул народной толпы и мрачный силуэт Василия Блаженного. Узкая цепь, соединяющая враждебные группы, как бы дрожит. В беспокойной разорванности композиции — как бы рыдание. Мглистое осеннее утро покрывает картину холодными тонами. В этой первой же своей картине Суриков обнаружил свою стихию: драматизм и жажду религиозного подвига. В «Меншикове» эта стихия вылилась в новой, углубленной форме, в «Морозовой» достигла

непревзойденных высот. Старуха «Стрелецкой казни» со свечой в руке — последним даром богу, Мария Меншикова, умирающая при чтении Евангелия, Морозова, вся в мистическом экстазе, — целая лестница религиозных чувств. Эти картины, написанные в течение 80-х годов, — трилогия страдания: *казнь стрельцов, ссылка Меншикова, пытка Морозовой*.

Суриков писал Петра, «рассердившись». Ему снились казненные стрельцы и распаляли воображение. «Во сне пахло кровью». Репин советовал ему заполнить виселицы: «Повесь, повесь!» Но Суриков не послушался — «красота победила»¹⁵. «Кто видел казнь — тот ее не нарисует». Суриков не прибег к поваленным подставкам, к качающимся висельникам, к эффектной позе — у него все в психологии пришедших к роковому столкновению людей.

«Стрельцы» написаны добросовестно. Каждая деталь изучена в натуре. В поисках желанного лица обысканы все московские щели. На кладбище среди могильщиков, на Смоленском рынке среди грязных телег собирал Суриков рассыпанные зерна исторической драмы. Часто в погоне за расписной дугой он проводил целые дни, забывая даже о «Стрельцах». За все эти три года (1879—1881) он не написал ничего постороннего, кроме, разве, маленького портрета г-жи Дерягиной¹⁶, сделанного мимоходом в ее тульском имении, где писались лошади и телеги для картины.

Зимой 1879 года Суриков заболел. Выскакивая на улицу в легком пальто и застаиваясь подолгу на морозе для своих наблюдений, он простудился и получил воспаление легких. Отчаявшись в лечении докторов, он прибег к старому казачьему средству — пустил «руду». К весне 1880 года Сурикову стало легче, а летом на кумысе он совсем поправился¹⁷.

В 1881 году задуман «Меншиков». Лето этого года Суриков с семьей проводил под Москвою в Перерве. Стояли дождливые дни. Художник сидел в крестьянской избе перед раскольничьей божницей и перелистывал какую-то историческую книгу. Семья собралась у стола в грустном выжидании хорошей погоды. Замутилось окно от дождевых капель, стало холодно, и почему-то вспомнилась Сибирь, снег, когда нет охоты выйти за дверь. Сибирь, детство и необычайная собственная судьба представились Сурикову как бы в одном штрихе; в этой обстановке ему вдруг мелькнуло что-то давно знакомое, как будто он когда-то, очень давно, все это пережил и видел — и этот дождь, и окно, и божницу, и живописную группу у стола¹⁸. «Когда же это было, где? — спрашивал себя Суриков, — и вдруг точно молния блеснула в голове: Меншиков! Меншиков в Березове. Он сразу представился мне живым во всех деталях, таким, как в картину вписать. Только семья Меншикова была не ясна». На другой день Суриков поехал в Москву за красками и по дороге все думал о новой картине. Проходя по Красной площади, странно, вдруг среди толпы увидел то, чего искал — детей Меншикова. Встреченные типы не были еще теми, что нужно, но дали нить к тому, чего нужно искать. Суриков тотчас вернулся домой и в этот же день написал эскиз картины в том виде, в каком она сейчас¹⁹. Дальнейшая работа заключалась уже в том, чтобы найти в реальности лица, представившиеся ему в одно крат-

кое мгновение в Перерве. В этом Сурикову всегда помогала улица. Ее неустанная жизнь разрешала все его затруднения.

Чувство подсказывало Сурикову определенный тип Меншикова, который он тщетно искал в исторических источниках и совершенно случайно встретил на улице. Впереди него, раздраженно шагая по лужам, шел мрачного вида господин. Художник тотчас заметил его исполинскую фигуру, большой властный подбородок и клочья седых волос, выбившихся из-под шляпы. Быстро перегнав, Суриков заглянул в его бледное, угрюмое лицо, и даже ноги у него подкосились от страха, от радости, от опасения, что этот человек исчезнет прежде, чем он успеет его рассмотреть. Художник осторожно пошел за ним. Обычный его прием — заговорить и попросить попозировать — показался ему здесь неуместным. Упрямый, жесткий седой клоч на лбу и желчное, раздражительное лицо не предвещали добра. И действительно, только после целого ряда подходов, вплоть до задабривания прислуги, Сурикову удалось зарисовать этого старого нетерпеливого холостяка, отставного учителя ²⁰.

В лице старшей дочери Меншикова — Марии изображена супруга художника ²¹.

В 1883 году задумана «Боярыня Морозова» в таком виде, как она выражена в эскизе у Цветкова: боярыню везут по Никольской улице по направлению к Красной площади, с виднеющимися вдали кремлевскими бойницами ²².

«Столбовой путь» Сурикова, его верность одной картине не нарушалась по отношению к «Боярыне Морозовой» тем, что в это же время были написаны портрет Озерского ²³ и «Сцена из римского карнавала». Осенью 1883 года, не переставая думать о «Морозовой», имея ее всегда перед глазами и как бы готовясь к подвигу, Суриков поехал отдохнуть за границу, посмотреть европейских колористов. Зимой этого года он прожил в Париже, работая над эскизом Морозовой и посещая картинные галереи. Весною поехал в Италию, посетил Милан, Флоренцию, Венецию, Рим ²⁴. Венецианские мастера произвели на Сурикова сильное впечатление. Думается, серебристость «Морозовой» не обошлась без их влияния. В Риме была написана «Сцена из карнавала» — произведение этюдного характера с солнцем; в свесившемся ковре ее предвидится колорит «Морозовой».

В мае 1884 года Суриков вернулся в Москву и, как человек, хорошо и приятно отдохнувший, принялся за картину и до 1887 года от нее не отрывался. «Боярыня Морозова» — по тону, по цвету и свету и по цельности композиции безусловно выше «Стрельцов» и всех следовавших за ними произведений Сурикова. Все ее качества достигнуты гениальными по простоте средствами. Ее основная тема — русские сани и ворона на снегу. Исходя из отношений сизовато-черного крыла к розоватому снегу — вечной антитезы черного с белым, — Суриков развил их в вибрирующей массе густого воздуха. Эта живописная тема обусловила и историческую тему — религиозные противоречия в душной атмосфере московского государства. Но Суриков не судья истории — он ее поэт. Его путь шел не от славянофилов, а от «Персты твои тонкостны, и очи

твой молниеносны», — как писал Морозовой протопоп Аввакум. Отсюда, через узор саней, высокие крыши, поверх жалованной шапочки княгини Урусовой, его путь шел к печальному лику Гребенской божией матери и от него уже к гудящей толпе, в которой — разрешение всех живописных и исторических вопросов. Трагический элемент, начавшийся с правого угла картины от двуперстия блаженного, развился по диагонали в воздетой руке Морозовой в высшее напряжение и рассыпался в том же направлении в подлом смехе московского попа.

«Боярыня Морозова», которая каждым вершком своей живописи вызывает удивление и соблазняет зрителя на тысячи комментариев, была встречена обществом с восторгом²⁵, не остывающим до сего дня. В ней Суриков действительно достиг вершины, за которой уже открывается широкая равнина уверенного, мощного мастерства.

V

Но ни всеобщее признание, ни светлые перспективы не избавили художника от надвинувшейся на него печали — весной 1888 года умерла его жена. Несколько лет он находился под тяжелым впечатлением ее смерти: только чтение Библии служило ему утешением. Задуманный еще в 1887 году «Стенька Разин» был заброшен. Благодаря равнодушию художника к делам множество его этюдов было расхищено.

Но здоровая казачья натура за себя постояла. 1888—1890 годы, проведенные в Красноярске у матери²⁶, вновь обратили Сурикова к живописи. В 1889 году было написано «Исцеление слепого», как бы выражающее надежду художника на новое прозрение. В этом же году был задуман «Ермак».

В 1890 году, чтобы размять пальцы и приласкать глаз светлыми красками, Суриков написал «Взятие снежного городка» — предтечу «Покорения Сибири». Ему припомнилась эта старинная масленичная игра, которую он видел в раннем детстве в глухой деревне, возвращаясь с матерью из Минусинска. Почти современное явление Суриков трактовал с таким проникновением в источник игры, что от картины повеяло древнею былью, когда богатыри перескакивали леса и горы.

«Ермак» окончательно восстановил энергию Сурикова. Жизнь в Красноярске в родном доме, овеянном казачьими легендами, понудила художника к теме, прославляющей подвиги предков. Начатое, может быть, и в минуту уныния, «Покорение Сибири» выросло в мощную эпопею. Страстный, необузданный мастер, прильнув к родной стихии, почуял в себе древние силы. Эскизы один за другим вырастали в течение двух лет; в 1890 году композиция выяснилась окончательно. В течение следующих пяти лет Суриков весь отдается выполнению картины и разъезжает по России в поисках натуры. Лето 1891 года он провел в Тобольске для пейзажа, в 1892 году был на Дону, изучая казачьи типы, одежды и оружие, в 1893 году — снова Сибирь, лодки, инородцы. В 1894 году, поздней

осенью, Суриков — снова в Тобольске, на мутном Иртыше намечает последние удары ²⁷. В 1895 году картина была выставлена.

Она передает почти сказочный подвиг казачьей дружины. Колорит, выдержанный в желтоватых и сероватых тонах с красной фигурой впереди, и воздух, густой и тяжелый, по контрасту со светлыми пятнами выстрелов, отвечает поэтическому образу кунгурского летописца: «Было темно от летящих стрел».

В 1895 году умерла мать художника и задуман «Суворов». Послепетровская Русь не находила в душе Сурикова тех стихийных настроений, которыми проникнуты его ранние произведения, и лишь отдельные, «еще русские» герои — Суворов, Скобелев ²⁸ — находят в нем созвучные ноты. Обстановка же, среди которой они действовали, не связана с ним органически, и, чтобы понять дух новых героев, Суриков должен был с ними «сживаться», привыкать к их нравам, обуви и одежде. В 1897 году он ездил в Швейцарию, прошел весь знаменитый суворовский путь в суворовских гетрах и даже скатывался в снежные ущелья, повторяя подвиги суворовских солдат ²⁹. В 1898 году Суриков снова ездил в Сибирь, где еще сохранился дореформенный солдатский тип ³⁰.

В «Переходе Суворова через Альпы» взят рискованнейший момент в жизни русского человека. Суриков поставил его на чуждую отвесную плоскость и заставил пережить сложный психологический момент — лететь или не лететь в зияющую пропасть. Здесь выступает на сцену не народное движение, а обаяние «отца командира», гипнотизирующее армию; его улыбка, как фонарем, освещает попавшие в его сферу солдатские лица.

Девяностые годы можно назвать героическим периодом Сурикова: *Взятие городка, Покорение Сибири, Переход через Альпы*. В них остроумно разрешены задачи движения, напора, падения — необходимых элементов героических действий. В XX век Суриков вступил усмирённым и даже как бы разочарованным. Хотя по-прежнему его занимают бунты и темные страсти — Разин, Пугачев ³¹, Павел I ³², Красноярский бунт ³³, — но все это рисуется в каком-то унижении. Пугачев — в клетке, красноярская смута подавлена, смерть Павла — зловеще-темная, а Стенька — в бездеятельности.

В 1900 году Суриков вернулся к своему любимому герою, Стеньке Разину, как к старому невыполненному долгу. В эскизе 1887 года Разин изображался в обществе персидской княжны во главе целой флотилии судов, выступающих в поход. В картине, писанной с 1900 по 1908 год, сюжет разработан проще, тише, без буйства. Одна большая ладья, точно крылья, поднятыми веслами рассекает волны и воздух.

Над «Разиным» Суриков работал долго и упорно — герой, столь ему близкий, не поддавался воплощению. Каждое лето с 1900 по 1907 год художник проводил то на Каме, то на Волге, то на Дону, то в Сибири, в своем обычном поиске натуры. В 1907 году картина была выставлена, но после того вновь переделывалась и вновь выставлялась в 1908 году в Риме ³⁴.

В 1906 году попутно с «Разиным» был задуман «Пугачев». В Ростове Великом, в харчевне, Суриков встретил человека, похожего на Пугачева

и приковавшего художника к этой теме. Но «Пугачев» не был написан, и только этюды и эскизы свидетельствуют об этом замысле.

В 1910 году Суриков ездил в Испанию³⁵. Яркая природа, пышный стиль, танцовщицы и бой быков в Севилье ему понравились более, чем испанская живопись. Отсюда был привезен ряд необычайно красочных этюдов³⁶, не отразившихся, впрочем, на дальнейших работах художника. По приезде домой Суриков вновь берется за древнерусскую тему и исполняет ее в своей характерной чисто русской гамме.

За всенощной на праздник покрова у Василия Блаженного в Москве в 1910 году Сурикову привиделась «Царевна в женском монастыре». Зимой этого года как пролог к «Царевне» он сделал портрет кн. Щербатовой³⁷ в русском костюме, а лето 1911 года провел в Ростове, где написал подготовительные этюды для картины. В 1912 году «Царевна» была выставлена.

В 1915 году выставлено Суриковым «Благовещение» — последняя крупная его работа; написан автопортрет в полфигуры и задумана картина «Красноярский бунт».

Кроме картин, обозначающих вехами «столбовой» путь Сурикова, необходимо отметить ряд портретов, исполненных им «между делом»: Озерского, матери художника, Л. П. Подвинцовой, Человека с больной рукой, кн. Крапоткиной, А. И. Шведовой³⁸, и др. Острота суриковской наблюдательности, любовное приятие жизни и фундаментальность живописи выразились в них ярко. В их композиции — строгая устойчивость, простота и торжественная материальность.

Мощная фигура Сурикова издавна служила источником многочисленных легенд. Своеобразный и нетерпеливый, но простой и прямой по характеру, он не выносил лжи и ханжества в искусстве. Он не любил досужих советчиков и держался всегда особняком в своей закрытой мастерской, резко проводя свою твердую линию. Во время буйного расцвета Сурикова Репин и Куинджи считали его своим товарищем по свержению академических традиций³⁹. Новая школа искателей национальной красоты от него же ведет свою родословную. Не без оснований примыкает к нему и «Бубновый валет», который в своих исканиях колорита ближе к Сурикову, чем «Союз»⁴⁰ или «Мир искусства». В 80-х годах искали в его картинах демократических идей, в 90-х годах — исторической правды, а наше время видит в Сурикове живописца чистой крови.

Последние годы жизни Сурикова проходили сравнительно ровно, без резкостей и чудачеств. Он с большим сочувствием следил за успехами молодых художников.

Среднего роста, коренастый, с глазами и переносицей, как у тигра, с упрямыми завитками волос и с характерной манерой сидеть на стуле, как на коне, — он всегда производил впечатление мудрого и сильного, смиренного и страстного, сосредоточенного в себе человека. Он жил очень скромно. Ни картин, ни мягкой мебели, никаких предметов роскоши не находилось в его квартире. Многочисленные этюды и эскизы хранились у него тут же в простых сундуках вместе с кусками материй, вышивками и

оружием. Его комната, большая и голая, казалась неудобной, пока не раскрывались заветные сундуки с рисунками и не раскрывалась душа художника, затронутая интересной темой в разговоре, — тогда и комната, и Суриков преображались: рисунки выволакивались на пол, и острые замечания художника раскрывали в обычном и преходящем вечные символы.

В 1914 году Суриков в последний раз посетил Красноярск. Здоровье, подорванное раньше, в 1915 году сильно пошатнулось. Летом он поехал в Крым, но вскоре вернулся в Москву, поселился было в санатории, но сбежал и оттуда. 6 марта 1916 года он умер.

СЕРГЕЙ ГЛАГОЛЬ

Когда я собирал материалы для главы, посвященной Сурикову, в очерке истории русской живописи в тексте изданной И. Кнебелем «Третьяковской галереи»¹, мне довелось провести несколько вечеров с художником и выслушать его рассказы о своем детстве и юности, а также и о том, при каких обстоятельствах была написана та или иная из его картин.

Когда Василий Иванович умер, эти рассказы его ярко встали в памяти, и так как многое было записано мною почти стенографически во время самого рассказа, то естественно, что у меня явилось желание воспроизвести эти записки, представляющие, несомненно, ценный материал. К сожалению, тетрадь с записями мне не сразу удалось найти, и дело затянулось; однако месяца через два я все-таки написал предлагаемые теперь вниманию читателя страницы и прочел их сначала в кружке московских писателей на одной из «сред»², а затем — в заседании Московского общества преподавателей графических искусств³.

За различными другими делами я отсылку рукописи куда-либо для напечатания снова отложил, а тем временем на страницах «Аполлона» появилась статья Я. Тепина⁴ с обстоятельными сведениями из семейной хроники Сурикова и с кратким его жизнеописанием.

Однако в моих записях читатель найдет многое, чего у г. Тепина нет, а кое-что — переданным иначе. Разногласия все эти я отметил в примечаниях. Дальнейшие исследования, конечно, их разъяснят, но во всяком случае отмечаю, что все вошедшее из моих записей в текст «Третьяковской галереи» было самим Василием Ивановичем Суриковым просмотрено в корректуре и изменений или исправлений он никаких не сделал.

Встречи мои с В. И. Суриковым относятся к тому времени, когда он писал своего «Раина». Писал он его в одной из запасных зал Исторического музея⁵ и, как все прочие картины, никому не показывал в период работы. Я увидел картину, когда она была уже окончена, и помню, как поразила меня тогда неудобность залы с ее грязными белыми стенами

и полным отсутствием какой-либо мебели, кроме двух простых табуретов. Впрочем, неуютно выглядела и квартира, в которой жил тогда Василий Иванович, в Леонтьевском переулке ⁶. Она походила не на квартиру художника, а на жилье холостяка, всецело ушедшего в свое дело и совершенно не думающего о том, в какой живет он обстановке.

Да и сама внешность Сурикова была очень скромна и проста, и когда с приближением сумерек, в своем слегка поношенном пальто с черным барашковым воротником и в надвинутой на глаза черной смушковой шапке, Василий Иванович шел, бывало, по Тверской из музея домой, едва ли кто, не знавший его в лицо, угадал бы в нем человека палитры и кисти. Только приглядевшись к лицу этого прохожего, каждый, хоть немного наблюдательный человек, сейчас же угадал бы в нем незаурядную личность. Слишком уж остро смотрели из-под шапки черные умные глаза, слишком много энергии и воли было в очертаниях этого скуластого лица с коротко подстриженной татарской бородою.

Суриков далеко не был экспансивен. На разговор о себе шел он очень неохотно, но раз удавалось убедить его, что это нужно, и раз приступал он к рассказу, он скоро начинал увлекаться и тогда уже говорил много, вдаваясь порою во всевозможные подробности. А потом опять вдруг точно спохватывался, обрывал рассказ и спрашивал: «Да нужно ли это? К чему это?..» — И тут уж не всегда удавалось вернуть его к тому, на чем он остановился. От этого рассказы Сурикова о себе были отрывочны и страдают значительными пробелами.

Порою говорил Василий Иванович искренно и очень откровенно, порою же — с очевидной утайкою и с хитрецою в глазах. Особенно уклончив бывал он, когда дело касалось его самооценки, его мнения о себе.

Род свой Суриков вел от донских казаков, ушедших с Ермаком за Урал. По материнской линии это были тоже казаки — Торгошины ⁷; несмотря на фамилию, они были строптивые и непокорные люди, настоящая казацкая вольница, судя по тому, что имена и их, и Суриковых не раз встречаются в списках бунтовщиков, шедших против сибирского воеводы.

«В то же время предки мои, — прибавлял Суриков, — были по-своему образованные люди. В подполье нашего дома, например, было целое книгохранилище. По большей части все книги духовные, толстые и тяжелые, переплетенные в крепкие кожаные переплеты, но было среди них и кое-что светское, историческое и философское. Что же касается ближайших моих предков, то среди них были люди даже не чуждые и искусству: один из дядей писал стихи, другой любил срисовывать картинки ⁸, а мать сама рисовала и великолепно вышивала шелками по своим собственным рисункам».

Ко времени рождения Василия Ивановича Суриковы уже успели выслужиться из рядовых казаков ⁹, в Красноярске у них был свой дом и порядочное хозяйство, но вскоре по рождении художника отца его назначили на какую-то службу в село Бузимо ¹⁰, верстах в 60-ти от города, где и протекло детство будущего художника.

Широко и привольно протекло оно здесь.

«Целыми днями пропадал я с ватагою сверстников, то в поемных лугах, где паслись казачьи табуны, то в тайге в поисках ягод и грибов, — рассказывал Василий Иванович. — Был я смелым и ловким мальчишкою. Лет десяти уже умел поймать коня, взнуздать его и взобраться ему на спину, а потом и носишься на нем, бывало, наперегонки с другими ребятами, пока не надоест это своевольному коню и не сбросит он меня неожиданно куда-нибудь в траву.

Бывала иногда опасность и посерьезнее. Раз, помню, забрались мы в тайгу, в самую глушь. Ягоды собирали. Вдруг — хрустит что-то. Смотрим, а из-за деревьев медведь идет. Ну, разумеется, лукошки побросали и — наутек. Прямо к речке. Уж не помню, как с обрыва скатились. Перебрались на другую сторону и притаились в кустах, спрятались, духу перевести не можем. А медведь тоже подошел к обрыву и начал спускаться к воде. Мы, разумеется, опять бежать, но вот, подите же, успел я все-таки приметить, как смешно медведь с обрыва съезжал: сел на зад, вытянул передние лапы, скорчился и поехал по песчаному откосу вниз. Как сейчас его фигуру вижу. Должно быть, тогда уже появилась во мне наклонность многое заметить и запомнить глазом. И всю жизнь потом было так. Увижу что-нибудь, поразившее внимание, сразу ярко замечу во всех подробностях, и потом, стоит только припомнить, и оно, как живое, перед глазами».

Когда мальчик подрос, его отвезли в Красноярск и определили в школу *.

«Должно быть, я был все-таки шустрым и находчивым мальчишкою, — вспоминал Василий Иванович, блеснув глазами, улыбался и весело встряхивал нависавшими на лоб черными кудрями.

Пришлось, помню, как-то возвращаться в город из побывки у родных на каких-то праздниках. Послали меня на лошади в тележке вдвоем с работником, а работник в первом же попутном кабаке напился до бесчувствия, свалился на дно тележки, да и захрапел. Однако я не растерялся, взялся за вожжи и как ни в чем не бывало отмахал все остальные верст пятьдесят. А шел мне в те поры, должно быть, всего год одиннадцатый.

А то однажды уже в Красноярске, зимою, когда отца перевели туда, забрались к нам вечером грабители. Ни отца, ни матери дома не было. Оставались одни мы, ребяташки. Двери, разумеется, изнутри крепко заперты на засов. Возимся мы с чем-то у стола с зажженной сальной свечкой. Вдруг шаги на лестнице и в сенях. Постучались, переговариваются, а потом и начинают дверь ломать. Мы, разумеется, помертвели от страха, а что сделать — не знаем. Но я быстро опомнился. Мигом все сообразил, зову всех в заднюю горницу и давай общими силами зимнюю раму выстав-
лять. Потом отворили окошко, я выскочил во двор, поднял тревогу и

* Сам Суриков говорил, что его определили в гимназию. По словам г. Тепина, школа почему-то так и называлась в то время, в сущности же она представляла собою только уездное училище. (Примеч. автора).

всполошил соседей. Грабителей схватили, и оказалось, что это наши же рабочие задумали хозяйским добром попользоваться.*

Вспоминается мне и еще одно жуткое переживание, хотя я помню его уже, точно какой-то страшный сон.

Взяла меня мать как-то с собою в гости к замужней моей сестре, верст за сто¹¹. Назад ехать пришлось с незнакомым ямщиком, а у нас с собою деньги. В дороге запоздали, вечереет, а дорога идет глухой тайгой. На беду со мною начался приступ лихорадки. Мать уложила меня на дно тарантаса, укрыла, и я впал в забытие. Вдруг просыпаюсь и ничего понять не могу. Мы стоим. Мать плачет и причитает:

— Нате, возьмите все, что есть, только душеньки наши не губите, — и протягивает какому-то бледному кудлатому человеку в красной рубахе кошелек с деньгами, а тот стоит и как-то жутко смотрит на мать горящими глазами. И вдруг смятение, тархтят колеса чьей-то телеги, слышны голоса, и какой-то старичок священник уговаривает и успокаивает мою плачущую матушку, и опять все заволгло туманом лихорадочного бреда.

Потом уж я узнал, что остановили нас бродяги и грозились мать и меня зарезать, да повстречался знакомый священник, ехавший из Красноярска с сыном и работником. Ну, они и спасли нас».

В городе мальчику не было такого простора, как в деревне, но и здесь нашлось, в чем развернуться юной удали.

«Летом больше всего привлекал нас Енисей, — рассказывал Суриков. — Бывало, как только пройдет лед, мы уже спим и видим, как бы поскорее раздобыть лодку и махнуть на другую сторону — рыбачить с неводом и варить в котелке уху из свеженаловленной рыбы. Вымокнешь, бывало, так, что нитки сухой не останется, и ничего, сначала продрогнешь, зуб на зуб не попадет, а потом обсушишься у костра, и как ни в чем не бывало. А когда потеплеет, начинается купанье, и целыми днями, бывало, барахтаемся в воде. Ну, конечно, сейчас же на спор, кто дальше уплывет, кто, нырнув, дальше вынырнет или кто под плоты нырнет и на другой стороне вынырнет.

Однажды чуть было так и не остался в Енисее. Нырнул, а течением снесло; хочу вынырнуть, а над головою бревна. Уж и не помню, как удалось из-под них выбраться. Должно быть, попал куда-нибудь недалеко от края плота. Помню только, как зеленые струйки бежали в просвете между бревнами».

Мне очень хотелось выслушать из уст художника общую характеристику тогдашней сибирской жизни, но это долго не удавалось. Суриков все как-то не настраивался на тот лад, на какой мне хотелось. Наконец однажды это удалось, и действительно, передо мною развернулась грандиозная картина девственной суровой природы и своеобразной, то жуткой, то какой-то особо широкой жизни сибиряка.

«Сибирь под Енисеем, — говорил Василий Иванович, — страна полная большой и своеобразной красоты. На сотни верст — девствен-

* У г. Тепина этот случай описан иначе. По его словам, с детьми оставалась дома мать, и о том, что варнак-работник идет их резать, предупредила кухарка. Я привожу рассказ, как он у меня записан со слов самого художника. (Примеч. автора).

ный бор тайги с ее диким зверьем. Таинственные тропинки вьются тайгою десятками верст и вдруг приводят куда-нибудь в болотную трясину или же уходят в дебри скалистых гор. Изредка попадется несущийся с гор бурный поток, а ближе к Енисею то по одному берегу, а то и по обоим — убегающие в синюю даль богатые поемные луга с пасущимися табунами. И все это прорезывал широкий исторический сибирский тракт с его богатыми селами и бурливой то торговой, то разбойничьей жизнью.

Как это в одной сибирской былине сказано...

«Широко урман-тайга раскинулась
Со полуденя да на полночь,
От Китай-песков к океан-морю.

А и нет тайгой проходу-поезду,
И живет в тайге зверье лютое,
Стерегут тропы разбойнички,
Варнаки, воры клейменные...»

В такой обстановке сибиряк стал особым человеком с богатой широкой натурой, с большим размахом во всем: и в труде, и в разгуле. В Сибири на все своя особая мера: расстояние в сотню верст — нипочем, стройка — на сотни лет, из векового лиственничного леса, широкая, просторная, прочная, чтобы нипочем были ни трескучие морозы, ни вьюги. И жилось в этих домах тоже вольно и широко. Богатства природы, торговый тракт, близость рудников и приисков с приносимым ими быстрым обогащением — все это создавало и в обращении с деньгами широкий размах. Прибавьте сюда еще вольное население, не знавшее крепостного права, да необходимость каждому охранять себя и в лесу, и в дороге от лютого зверя или лихого человека; припомните также, что Сибирь долго была вне всяких культурных влияний, и станет понятным, что здесь русский человек долго сохранял типичные свои черты, давно стершиеся с него по сю сторону Урала.

Наложила свою печать на Сибирь и каторга с ссылкой. По сибирскому тракту все лето рядом с вереницами торговых обозов

«Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль»¹².

Остроги с зловещими частоколами, клейменные лица, эшафоты с палачом в красной рубахе, свист кнута и бой барабана, заглушавшего вопли наказываемого, — все это было обычными впечатлениями сибиряка. А рядом — беглые, жуткими тенями скользящие по задворкам в ночной тишине, разбои, грабежи, поджоги, пожары, уничтожавшие целые села...

Такова была обстановка, в которой протекли детство и юность Сурикова, полные бесшабашного веселья и забав. По мере того, однако, как он рос, забавы, увлекавшие его и товарищей, становились, конечно, все менее и менее невинными, а скоро они стали переходить даже в целые сражения и побоища, что опять-таки было характерным явлением тогдашней сибирской жизни. В городе царили еще старинные кулачные бои, и стенкою на стенку хаживали в большие праздники то горожане на жителей казацкой слободы, то гимназисты на семинаристов и т. п.

Юный Суриков был страстным любителем этих боев и не раз даже хаживал с товарищами за атамана. Увлекался он и игрою в снежный городок, хотя, впрочем, сам участия в ней не принимал: «Подходящего коня не было», — пояснял художник с нескрываемым сожалением в голосе. Игра эта состояла в том, что всадник скачет узким коридором между двумя сложенными из снегу стенками, налетает на такую же еще более высокую стену из снегу и должен пробить ее конем.

По мере того как Суриков мужал, товарищи стали вовлекать его в кутежи и разные дебоши. За одной из застав в Красноярске была слобода, куда великовозрастная молодежь нередко закатывалась кутить на целые ночи.

«Не столько увлекали нас самые кутежи, сколько — та удаль, которая просыпалась при этом, — рассказывал Суриков. — В слободу, бывало, в одиночку и не ездил. Попади туда гимназист, когда там кутят семинаристы, или наоборот, все равно незваному гостю грозила такая потасовка, что не всегда даже хватило бы сил ее вынести. Бывало, впрочем, и так, что нарвутся семинаристы на кутящую молодежь из казачьей слободы и шлют гонца за гимназистами. Идите-де вместе казаков вышибать. Побойща эти порою принимали далеко не шуточный характер. Случалось, что наутро кого-нибудь привозили в больницу с вывихом или переломом; бывали случаи, что кто-нибудь платился и жизнью.

Раз и одного из наших убили. Славный малый был, красавец писанный и общий любимец.

Иду я переулком после схватки с казаками. Стараюсь пройти в тени домов, потому что светает и меня могут заметить притаившиеся за углом враги. Вдруг догоняет меня один из товарищей и, задыхаясь, шепчет:

— Стой, не беги, Митю убили.

Меня точно ледяной водой облили.

— Где? — спрашиваю, а у самого руки от страха дрожат.

— Да вон, у ворот лежит.

Позабыли мы об опасности, повернули и бежим к месту, на которое указывал товарищ. А враги наши тоже, очевидно, испугались того, что натворили, и разбежались. Нигде никого. Смотрим: у ворот дома одиноко лежит на снегу, беспомощно раскинув руки, Митя, мальчик лет семнадцати. Отблеск зари синеет на снегу, и черным силуэтом рисуется на нем тело убитого. Лицо его мертвенно-бледно и как-то по-новому красиво, а вокруг один за одним тихо сходятся с разных сторон товарищи, и молча, точно боясь потревожить убитого, смотрим мы на него с жутким любопытством¹³.

Вот так же лежал когда-то и убиенный царевич Димитрий в Угличе, — пронеслось вдруг в моей голове, и удивительно ярко запомнилась опять вся сцена. Дома утром я даже попробовал ее нарисовать¹⁴, но рука не слушалась и ни за что не хотела изобразить все таким, каким оно стояло в памяти. В это время я уже много портил и карандашей, и бумаги, и акварельных красок, мечтая сделаться художником».

Василий Иванович задумчиво умолкает на минуту, но затем, стряхнув какие-то мысли, снова рассказывает:

«Однажды и я сам был на волосок от гибели. Ссора с казаками перешла в настоящее сражение, и победа, увы, осталась не за нами. Наши дрогнули и бросились врассыпную, кто куда поспел. Я очутился в узком и темном переулке. Казаки, очевидно, заметили меня, и человек пять-шесть бросились за мною. Что тут делать? Бегу так, что дух захватывает. Вижу: переулок заворачивает вправо, и вдруг — приотворенная калитка. Мигом шмыг во двор, беззвучно запер калитку и стою ни жив ни мертв, навалившись на щеколду. Две-три секунды — и уже слышен топот преследователей. «Неужели заметили и сейчас ворвутся?» — проносится в голове, но еще момент, и я слышу, как толпа, тяжело дыша и топоча ногами, проносится мимо. А в голове опять мысль: вот так же, вероятно, и Артамон Матвеев¹⁵, притаившись, стоял и слушал, как бежали мимо двери стрельцы, и, сам не замечая того, я задумался над тем, какое удивительное жуткое настроение создает этот топот мимо бегущей невидимой толпы...

Долго пришлось мне тогда простоять, притаившись за калиткой. Наконец все вокруг затихло и светать начало. Выглянул я в переулок — никого. Вышел потихоньку и пошел как ни в чем не бывало, а на перекрестке вижу, что казаки тоже уходят домой, взбираются по крутому обрыву, и темные силуэты их четко рисуются мне снизу на фоне светлеющего предутреннего неба. И опять ярко-ярко запоминается эффект этих темных силуэтов, и опять тщетно стараюсь я дома запечатлеть на бумаге это впечатление».

Между тем семью Сурикова посетили разные невзгоды. Умер отец, пришло в расстройство хозяйство и надвинулась бедность. Продолжать ученье стало трудно. Надо было думать о том, чтобы поскорее и собственными силами встать на ноги. И вот тут-то и созревает у Сурикова решение бросить Красноярск и добраться до Петербурга и Академии.

«Вопрос о том, как я доберусь туда, мало меня смущал, — говорил Суриков. — Вспоминал Ломоносова и думал: если он с обозами из Архангельска до Петербурга добрался, почему же мне это не удастся? С лошадьми обращаться умею, могу и запрячь и отпрячь. Буду помогать в дороге, коней и кладь караулить, вот и прокормлюсь как-нибудь...

Труднее было расстаться с семейными, которые, конечно, всячески пугали и отговаривали. Не встретило мое намерение сочувствия и среди товарищей. Было это ведь в конце шестидесятых годов, молодежь была заражена писаревщиной, идеями Чернышевского и т. п., на искусство смотрела свысока, с пренебрежением...*

Однако я все-таки решил свое намерение выполнить, и даже не пришлось мне добираться до Петербурга по способу Ломоносова. Нашелся добрый человек — золотопромышленник Кузнецов. Прослышал он о моем намерении и взял с собою в кибитку»¹⁶.

В Петербурге в Академии Сурикова ждало, однако, грустное разочарование. Здесь требовали прежде всего умелого рисования с гипсов, а Суриков гипсов и в глаза не видал. На экзамене он с треском провалился,

* Сочувствие Суриков встретил только со стороны своего учителя рисования Гребнева, который всячески уговаривал его идти избранным путем. (Примеч. автора).

а неумелые эскизы его, представленные профессорам, только вызывали на их лицах улыбку. Никто в этих эскизах дарования Сурикова не угадал, и никто в Академии им не интересовался.

«Обидно было до смерти, — рассказывал Суриков. — Однако я духом не упал. Было много веры в себя, а главное, много было упрямого желания. Что же, думаю: гипсы так гипсы. Если другие умеют их рисовать, почему же я не смогу. Стал советоваться с товарищами, державшими экзамен, узнал про рисовальные классы в школе Общества поощрения, поступил туда и усердно принялся за работу. Оказалось, как и думал, не бог знает какая трудность...»

Осенью Суриков снова явился на экзамен и на сей раз уже благополучно его преодолел. Начались академические занятия и пошли удачно, так что через четыре года у художника уже имелись все серебряные медали, представленная им на программу картина тоже была одобрена, и Сурикову предстояло получить обычную заграничную командировку.

«Был я тогда очень далек от того, что увлекло меня впоследствии, — рассказывал Суриков, — и от «Стрельцов», и от «Боярыни Морозовой», и вообще от русской истории. Страстно увлекся я сначала далеким античным миром и больше всего Египтом. Величавые суровые формы памятников, переживших тысячелетия, казались мне полными необычайного очарования. Затем как-то незаметно место Египта занял Рим с его охватившею полмира властью и, наконец, — воцарившееся на его развалинах христианство. Первые века христианства с его подвижниками и мучениками, фигуры вдохновенных проповедников новой веры и их страдания на крестах и на аренах цирков — все это влекло к себе величием и силою своего духа. Заданную мне картину «Апостол Павел проповедует Евангелие императору Агриппе» я писал с увлечением, совершенно не замечая того, что и она мне чужая, и я ей чужой».

Сложись дальнейшая судьба Сурикова обычным порядком, и, кто знает, быть может, он так и не нашел бы никогда себя. Уезжай он в заграничную командировку, и, может быть, никогда не задумался бы он над трагическими страницами русской истории. Но, видно, в самом деле все к лучшему в сем лучшем из миров.

В чем было дело, это остается пока невыясненным. По одним объяснениям, в кассе Академии не все было благополучно, по другим — Сурикова не захотел послать в заграничную командировку тогдашний президент Академии. Юноша держал себя очень самостоятельно, и это многим не нравилось. Как бы то ни было, но за границу Сурикова не послали¹⁷, а взамен заграничной командировки дали ему другую — ехать в Москву и писать в храме Христа Спасителя «Вселенские соборы». Вместо Рима или Парижа и Мюнхена Суриков оказался в Москве, и переезд сюда действительно сыграл в его жизни решающую роль. Вот что рассказывал сам Суриков о происшедшем в нем переломе.

«Началось здесь, в Москве, со мною что-то странное. Прежде всего почувствовал я себя здесь гораздо уютнее, чем в Петербурге. Было в Москве что-то гораздо больше напоминавшее мне Красноярск, особенно зимою. Идешь, бывало, в сумерках по улице, свернешь в переулок, и

вдруг что-то совсем знакомое, такое же, как и там, в Сибири. И как забытые сны стали все больше и больше вставать в памяти картины того, что видел и в детстве, а затем и в юности, стали припоминяться типы, костюмы, и потянуло ко всему этому, как к чему-то родному и несказанно дорогому.

Но всего больше захватил меня Кремль с его стенами и башнями. Сам не знаю, почему, но почувствовал я в них что-то удивительно мне близкое, точно давно и хорошо знакомое. Как только начинало темнеть, я бросал работу в соборе и уходил обедать, а затем, с наступлением сумерок, отправлялся бродить по Москве и все больше к кремлевским стенам. Эти стены сделались любимым местом моих прогулок именно в сумерки. Спускавшаяся на землю темнота начинала скрадывать все очертания, все принимало какой-то новый незнакомый вид, и со мною стали твориться странные вещи. То вдруг покажется, что это не кусты растут у стены, а стоят какие-то люди в старинном русском одеянии, или почудится, что вот-вот из-за башни выйдут женщины в парчовых душегрейках и с киками на головах. Да так это ясно, что даже остановишься и ждешь: а вдруг и в самом деле выйдут. И скоро я подметил, что населяю окрестности этих стен знакомыми мне типами и костюмами, теми, которые я столько раз видел на родине, дома. Доставляли мне эти вечерние прогулки огромное наслаждение, и я все больше и больше пристращался к ним.

И вот однажды иду я по Красной площади, кругом ни души. Остановился недалеко от Лобного места, засмотрелся на очертания Василия Блаженного, и вдруг в воображении вспыхнула сцена стрелецкой казни, да так ясно, что даже сердце забилося. Почувствовал, что если напишу то, что мне представилось, то выйдет потрясающая картина. Поспешил домой и до глубокой ночи все делал наброски то общей композиции, то отдельных групп. Надо, впрочем, сказать, что мысль написать картину стрелецкой казни была у меня и раньше. Я думал об этом еще в Красноярске. Никогда только не рисовалась мне эта картина в такой композиции, так ярко и так жутко».

Само собою разумеется, что прежде всего Суриков взялся за чтение разных материалов по истории стрелецкого бунта и за подготовку этюдов. Картина потребовала большого и долгого труда¹⁸, и хотя многие этюды были написаны здесь же, в Москве, но в главных типах приговоренных к казни, в рыжеволосом озлобленном стрельце, в измученном пытками бледном чернобородом человеке и в фигурах плачущих женщин Суриков впервые воплотил черты тех, кого он знал и хорошо помнил еще по Красноярску, тех, кого он видал и закованными в кандалы, и на помосте эшафота.

Вся Россия знает картину, кто по оригиналу, а кто хотя бы по копиям и всевозможным репродукциям. Поэтому едва ли нужно что-либо о ней говорить.

Картина вышла сильная, жуткая и, главное, настоящая историческая. Смотря на нее, чувствуешь, как тяжело всем. Мучительно жаль этих сотен людей, приговоренных к казни, но понимаешь и Петра, который, стиснув зубы и зажав в кулаке поводья, смело смотрит в глаза этим людям,

которых он считает заклятыми врагами своего великого дела. Как и в истории, можешь встать на ту или на другую сторону, смотря по тому, куда влекут тебя твои симпатии, но все же видишь, что нет и в истории ни правых, ни виноватых, а есть только ужас таких коллизий, которые не разрешаются без того, чтобы не пролилось море крови.

В живописном отношении, однако, картина не во всем удалась. Она вышла все же чернее, нежели Суриков думал, и он сейчас же сам это увидал:

«Конечно, как только картина была принесена на выставку, я сейчас же увидал, чем она страдала. Больно было это мне ужасно: ведь как никак, а эта картина была уже куском моей жизни, я вложил в нее часть самого себя. И я даже сейчас же понял, почему картина оказалась такою черною. Я сам был в этом виновен.

В смысле зрительного впечатления в картине большое значение имели огоньки свечей, зажженных в руках приговоренных к смерти. Я знал, что эти огоньки, мерцающие в сумерках раннего утра, придадут впечатлению от картины особую жуткость, и я хотел, чтобы эти огоньки в самом деле светились, в самом деле были похожи на мерцающие огоньки. И вот, вместо того, чтобы достигнуть этого контрастом красок, я, не замечая того, придал общему тону картины грязный оттенок. Я достиг впечатления, которого хотел, но за счет общего тона. Да, я сейчас же это понял, но поправить уже ничего было нельзя. Впрочем, надо сознаться, что, выставив картину, я как-то очень скоро к ней охладел...»

В мозгу Сурикова горела уже мечта о новой картине — «Боярыне Морозовой». Мысль написать эту картину возникла у него при изучении разных материалов для «Казни стрельцов». Чем больше вчитывался в них Суриков, чем глубже заглядывал он в историю того времени, тем ярче вставала перед его глазами картина непримиримой борьбы, которая шла тогда по всей Руси между двумя началами: консервативным самобытным и прогрессивным, но полным тяготения к чужому, иноземному и враждебному для русского духа. И, точно вспоминая свое прежнее увлечение христианами первых веков, тогдашними проповедниками и мучениками, остановился Суриков на фигуре вдохновенной страдальцы за старую веру. Однако он не сразу взялся за картину и сначала решил написать другую — «Меншиков в ссылке». Тема была навеяна тоже чтением материалов по истории петровского времени. Трагическая фигура временщика, сначала вознесенного из простых людей чуть не на ступени трона, а затем низвергнутого в полярный Березов в ссылку, эта фигура не могла не заинтересовать Сурикова. Но мысль написать картину так и осталась мыслью. Ни общая композиция ее, ни отдельные лица, которые пробовал Суриков набрасывать для картины, ему не удавались. Все, что он набрасывал, не выражало того, что хотелось ему дать в картине. И вот как создалась наконец композиция этой картины.

«Жил я тогда с семьей на даче в Перерве, — рассказывал мне художник. — Дачка была дешевенькая и маленькая. Это была просто одна половина крестьянской избы без печи с низким потолком и крошечными окнами, а осень стояла холодная, дождливая, и мои семейные не на шутку

зябли, кутаясь в платки и шубы. Как-то к вечеру, когда уже начинало смеркаться, я возвращался из Москвы. Подошел к даче, вхожу в сени, открываю дверь и... даже замер от удивления, потому что передо мною была как раз та композиция картины, которую я искал. Посреди комнаты, где не так дуло, прямо против окна, у столика сидела, сумерничая, жена, а у ног ее куталась в шубу дочь. Против жены, закутанная в теплую кофточку, сидела знакомая барышня и, уткнувшись в книгу, слабо освещенную светом из окна, что-то читала вслух... В тот же вечер я набросал эту группу, как она мне запомнилась, и этот набросок был первым карандашным эскизом «Меншикова»*.

С переездом в Москву Суриков принялся за большой холст, но сейчас же выросла на пути новая преграда. Хотя композиция картины и вполне определилась в воображении художника и он уже почти записал все полотно, хотя обе дочери Меншикова тоже как-то сразу ясно определились в его воображении и были почти написаны, но лицо самого временщика все-таки оставалось Сурикову неясным. Много раз принимался он чертить его на бумаге, но ничего из этого не выходило. Получалось что-то либо слишком значительное, либо, наоборот, ничтожное. Суриков почувствовал, что ему необходимо найти подходящее лицо в жизни, но где его найдешь, да и где искать. И вот неделя уходила за неделю и — месяц за месяцем, а картина не подвигалась вперед. Вдруг однажды, идя по Страстному бульвару, Суриков увидал высокого старика в старой поношенной енотовой шинели. Из обмотанного на шее шарфа высывался давно не бритый подбородок с колючками седых волос, а из-под надвинутой на лоб шапки и из-под нависших бровей остро глядели два маленьких недобрых глаза. Черты лица были крупны и резко обозначены. Суриков с радостью почувствовал, что перед ним то именно лицо, какое ему хотелось найти. Оставалось только написать с него этюд и придать лицу сходство с сохранившимися описаниями лица знаменитого временщика. Как, однако, это сделать.

«Я решил прежде всего выследить, где мой старик живет, и пошел за ним, — рассказывал Суриков. — Так прошли мы Страстной бульвар, Тверской и Никитский²⁰. Дело было зимой. Было довольно холодно, а старик шел медленно, шмыгая огромными высокими калошами, и скоро я не на шутку озяб. Однако я решил не отступать и хоть продрог,

* По этому поводу невольно вспоминается схожая история композиции «Тайной вечери», написанной Н. Н. Ге. В основу картины легла мысль создать впечатление контрастом между озаренною светом фигурою Христа и стоящею в тени темною фигурою Иуды. Однако найти композицию, которая передавала бы этот контраст, художнику долго не удавалось. И вот однажды вечером Ге пошел что-то искать в своей мастерской. В комнате было темно. Низенький подсвечник с огарком свечи художник оставил на столе. Переложив туда же несколько коробок с красками с другого стола и найдя, что было нужно, он обернулся и ахнул от удивления: перед ним была именно та композиция «Тайной вечери», которую он безнадежно искал. Коробки, переставленные на стол, закрывали свечку и темным силуэтом рисовались на фоне стоящих дальше предметов, ярко освещенных пламенем свечи. Ге так и написал потом картину, изобразив Иуду в виде темного силуэта загородившего светильник, которым освещены Христос и апостолы. (Примеч. автора)¹⁹.

а все иду за своей жертвой. И так прошли мы весь Пречистенский бульвар²¹ и повернули вверх по Остоженке²². Думал, конца не будет нашему путешествию. Наконец прошли мимо церкви Николы в Хамовниках, еще переулок, еще свернули, и вдруг старик открыл какую-то калитку и исчез во дворе. Я постоял минуты две, вызвал звонком дворника, дал ему двугривенный и спрашиваю, описав старика:

— Кто это такой? * Скажи, пожалуйста.

Дворник назвал и в свою очередь спрашивает:

— А вам зачем?

— Да очень нужно портрет с него для одной картины списать, нельзя ли тебе прислугу его сюда вызвать? Я бы с ней поговорил на этот счет.

— Что ж! Отчего не вызвать. Только едва ли что у вас выйдет.

— А все-таки вызови, пожалуйста. Может, и удастся.

— Да мне что. Сейчас схожу, вызову.

Через две-три минуты ко мне, кутаясь в платок, вышла женщина лет тридцати.

— Что вам? — спрашивает.

— Да вот, надо бы мне очень с барина твоего портрет списать. Для картины для одной. Подговори его как-нибудь, чтоб согласился.

— Да что вы, что вы! Нешто он согласится?! — замахала баба руками. — К нему и так не знаешь как подступиться, а вы патрет списывать...

— Похлопочи как-нибудь. Ежели подговоришь, плачу тебе трешницу, а это в задаток, — и я сунул ей полтинник.

— Уж не знаю, право, — задумалась баба. — Ну, да попытаю счастья. Вызовите меня завтра об эту пору.

Само собою разумеется, что на другой день в тот же час я опять звонил у ворот и опять — двугривенный дворнику. Опять вышла баба:

— Нет, говорит, и слышать не хочет. Только ты все-таки послезавтра опять приходи. Может и одумается. Я характер его знаю.

Через день действительно узнаю, что старик поддался, велел узнать все толком: кого я буду с него писать и для какой картины, сколько времени должен он мне уделить и т. п. Ну, я обрадовался, конечно. «Скажи, говорю, что я... Суворова с него писать буду, а времени мне не-

* По-видимому, это был некий Студенников²³, которого пишущему эти строки пришлось узнать года три спустя. Это был отставной учитель одной из московских гимназий. Он занимался дисконтом, давал деньги в рост под залог недвижимости и нажил порядочный капитал. Он жил в одном из флигелей своего доходного дома в Трубецком переулке²⁴, и жил в странной обстановке. Помещался он в довольно большой квартире старого одноэтажного строения в невероятно неряшливых и грязных комнатах. Мебели почти не было, да и та, что стояла, была рваная и ломаная. По всем комнатам бродили хромые и слепые собаки, которых Студенников собирал по всей Москве, и было их тут штук двадцать или того больше, да еще столько же жило во дворе. От этого запах стоял и в комнатах, и на дворе невероятный, хуже, чем в зверинце, потому что единственная прислужница Студенникова, кривоногая баба, конечно, ничего не успевала убрать. И среди такой обстановки бродил этот старик, молчаливый, суровый, подозрительно оглядывавшийся по сторонам. Совсем тип из каких-нибудь «Петербургских трущоб»²⁵. (Примеч. автора).

много надо, всего часа полтора или два». Почему мне пришел в голову Суворов, сам не знаю.

В конце концов попал я таки к моему Меншикову. Встретил он меня сердито, подозрительно, еще раз подробно расспросил: как, что, для чего и пр., однако согласился, позволил себя усадить, как мне надо, и стал позировать. Работаю я лихорадочно, со всем напряжением сил, на какое только способен, и часа через полтора удалось мне наконец схватить и характер лица, и блеск недобрых медвежьих глазок. Явился было страх: а ну как отберет он у меня этот этюд. Однако обошлось благополучно. Посмотрел старик на этюд, покачал сомнительно головою и ничего. Только проговорил: «Ну, пиши, пиши»... Спрятал я мой набросок в этюдник, сунул трешницу бабе и бросился домой. Летел, как на крыльях ветра. Все казалось, а ну отымут? Знаю, что глупая мысль, самому смешно, а отделаться от нее не могу».

Суриков в самом деле добродушно улыбается, и веселым довольным огоньком загораются его глаза*.

Картина по заданию своему не могла быть светлой и вышла, быть может, какой-то чересчур коричневатой, но Суриков был все же доволен ею и в смысле колорита. Все-таки он избежал того грязноватого тона, который был в «Стрельцах». Что же касается общего впечатления от картины, то всем известно, как она была встречена и критикой, и публикой. Сурикову не на что было жаловаться²⁷, и окрыленный новым успехом принялся он наконец за свою «Боярыню Морозову». Композиция картины как-то сразу сложилась в голове его. Это было воспоминание об одной из Красноярских улиц, которую он видел запруженной толпой и по которой везли кого-то из наказанных на эшафоте. Выражения лиц тоже были давно знакомы. Много таких лиц приходилось Сурикову видеть вокруг эшафотов. Много вспоминалось ему и из тех споров и столкновений, которые не раз происходили на его глазах между старообрядцами и защитниками официальной церковности.

Композиция была перед глазами, но необходимы были этюды.

«И вот, — рассказывал художник, — решил я наблюдать и улавливать типы богомольцев. Поселился в Мытищах²⁸ и нарочно подыскал себе дачку у самого шоссе, по которому ходят на богомолье к Троице. Ожидание меня не обмануло. Типы попадались изумительные, и я сделал немало карандашных набросков на лету. Все это было, однако, не то, что мне нужно. Мне нужно было написать ряд обстоятельных этюдов, нужно было, чтобы мне хоть неподолгу, но согласились позировать мои натурщики и натурщицы. И вот тут и оказалась опять неодолимая трудность. Не могу никого зазвать, да и на, поди! Особенно бабенки помоложе. У иной лицо такое, что прямо в картину, а как только остановлю и заговорю, так и замашет руками: «Да что ты, что ты. Поди, что выдумал!» — и наутек. Дело, конечно, новое, никому у нас не знакомое, и, должно быть,

* История этой картины, между прочим, была описана В. М. Михеевым²⁶ в «Артисте», но там ей придана беллетристическая форма и Суриков выведен под другим именем. (Примеч. автора).

многие бог знает что о моих намерениях думали. Так и не удалось мне собрать даже половины того, что было надобно. Удалось только залучить баб постарше и двух-трех молодух, да и то не тех, что хотелось».

Помогли Сурикову московские старообрядцы. «Казнь стрельцов» произвела среди них большое впечатление. Старообрядцы почувствовали в ней много близкого им, у Сурикова среди них завязалось знакомство, и мало-помалу ему удалось запастись этюдами. Кое-кого находил он и просто так, случайно. Нищего, например, сидящего на снегу, он написал с натуры с одного настоящего нищего, который самоотверженно позировал художнику, не боясь ни отморозить ноги, ни заболеть ²⁹.

Месяц за месяцем тянулась работа, и наконец картина стала подходить к концу. Говорят, что в поисках большей красочности художник прибегнул к хитрости и писал картину, обвешав ее лоскутками разноцветных тканей, сшитых наподобие того, как это делают в деревенских одеялах. Когда я спрашивал Сурикова, так ли это, он в ответ смеялся и говорил: «Пустяки», — но говорил это так, что я все же не знаю, было это так или нет. Несомненно, однако, что краски художника стали в этой картине иными, чем раньше. В этом отношении большую роль сыграла поездка Сурикова за границу, где он многое увидел и где познакомился со всеми тогдашними исканиями импрессионистов.

Однако, по мере того как картина подвигалась вперед, перед Суриковым все более и более грозно вырастала такая же преграда, какая затрудняла его и в «Меншикове». И здесь не удавалось ему лицо главной фигуры — самой боярыни Морозовой.

«Как я ни бился, а лицо это мне не удавалось, — рассказывал Суриков. — Толпа вышла выразительною и яркою, — я это чувствовал, но лица самой боярыни я не видел ясно перед собою. Мне нужно было, чтобы это лицо доминировало над толпою, чтобы оно было сильнее ее и ярче по своему выражению, а этого-то передать и не удавалось. Я дошел до того, что даже стал подумывать, не притушить ли мне толпу, не ослабить ли яркость выраженных в ней переживаний, но жалко было поступить и этим. Обращался к знакомым, просил, не подыщет ли мне кто в жизни подходящее лицо, но и из этого ничего не выходило. Иногда и указывали мне на ту или иную женщину, но когда я находил случай ее увидеть, опять оказывалось совсем не то.

Однажды приходит знакомый старичок старообрядец и говорит: — Нашел я вам, Василий Иванович, с кого боярыню Морозову написать. Есть такая женщина.

— Кто же? Где? — спрашиваю с забившимся от радости сердцем.

— А вот, с Иргиза скитница одна скоро в Москву приедет. С нее и напишите. Как раз такая, как вам требуется.

Ну, обрадовался, конечно, всею душою, потому что старичок был умный, зоркий, и я ему доверял. Действительно, недели через две приходит он опять ко мне. «Едем, — говорит. — Покажу». Приехали. И в самом деле увидал я женщину, в лице которой было много подходящего. Сначала, конечно, не соглашалась позировать. То, говорит, грешно, то совестно и т. п. Однако уговорили ее мои приятели. Ну, и написал я с нее этюд».

Но и это лицо не удовлетворило в конце концов художника, и окончательно написал он свою Морозову с одной совсем простой женщины, которую подыскала ему жена.

Едва ли нужно говорить о том, как удалась Сурикову эта фигура. Действительно, несмотря на ярко выраженные переживания толпы, Морозова поднимается над толпой, и вы понимаете тот благоговейный восторг и ужас, который охватывает стоящую направо толпу. Всем известно также, какой восторг вызвала эта картина у всех, кто увидел ее на выставке. Картину приняли буквально все направления русской живописи, и уже это одно говорит достаточно.³⁰

С окончанием «Боярыни Морозовой» Сурикова еще больше потянула к себе родная Сибирь. Захотелось всецело отдаться во власть тех впечатлений, которые глубоко залегли в душе художника с самого его детства, и обе последующие картины — «Снежный городок» и «Покорение Сибири» были ответом именно на эти влечения. Обе они полны Сибирью и только одной Сибирью. Картину «Снежный городок» я считаю даже кульминационным пунктом в работе Сурикова как живописца. Оттого ли, что картина гораздо проще «Морозовой», или отчего другого, но в ней и в общем колорите, и в красках, и в силуэтности фигур на снежном фоне — еще больше чего-то настоящего русского, удивительно близкого нам и так хорошо знакомого глазу.

«В «Снежном городке» я написал то, что я сам много раз видел, — говорил Суриков. — Мне хотелось передать в картине впечатление своеобразной сибирской жизни, краски ее зимы, удаль казачьей молодежи. В «Покорении Сибири» тоже много лично пережитого. Точно так же, бывало, идем в кулачном бою стенка на стенку, сомнем врага, собьем в кучу, прижмем к обрыву и врежемся в кашу человеческих тел. И типы инородцев — тоже все это было хорошо знакомое по сибирской жизни. Даже и силуэты всадников, в смятении скачущих на дальнем берегу, — тоже не что иное, как передача ярко сохранившегося в памяти впечатления*. Только некоторых казаков я написал не в Сибири, а на Дону, где мне не трудно было их подыскать».

Следующей картиной Сурикова был, как известно, «Суворов». Однако об этой картине и ее истории я не поднимал с Василием Ивановичем разговора. Я не люблю этой картины. По-моему, в ней мало выражено и в композиции, и в красках. Вся она какая-то точно и не суриковская. Поэтому и не хотелось поднимать о ней речь.

Ничего не могу рассказать и по поводу «Разина», и по поводу других последующих картин. На мой взгляд, с «Покорением Сибири» Суриков

* Это было воспоминание, уцелевшее тоже от какой-то мальчишеской проделки, в которой Суриков участвовал в гимназические времена. В отместку кому-то из насоливших молодежи обывателей мальчуганы ночью притащили к дому его дохлого теленка и устроили торжественное его отпевание. Произошел, конечно, переполох. Даже явились власти, и конные стражники кинулись ловить разбежавшихся шалунов. Суриков, спрятавшись за забором, видел, как высоко на обрыве носились всадники. Их силуэты, рисующиеся на фоне утренней зари, ярко запомнились, и он перенес их в картину. (Примеч. автора).

как художник был уже покончен. Он успел высказать все, что мог, вылил все, что крылось в его таланте...

В заключение хотелось бы добавить несколько слов к характеристике Сурикова как художника. Во всех картинах его, в сущности, одно и то же содержание: столкновение толпы и личности. В «Стрельцах» побеждает личность, но вы видите и то, какую ценою куплена эта победа. В «Меншикове» — побежденная личность и трагедия ее поражения. В «Морозовой» снова та же личность, только в периоде самой борьбы, и потрясающее действие этой личности на толпу. Та же крупная сильная личность и в «Ермаке», сметающем с горстью удальцов целые полчища дикарей. Та же личность, с ее всеильною властью над толпою, и в основе «Суворова». Только в одном «Снежном городке» художник далек от этого, да и вообще от всякого идейного содержания. Здесь он только художник и совсем не мыслитель. Оттого, может быть, и оказалась картина лучше и по живописи, и по краскам, и по целости русского настроения. Как будто художник писал ее в дни отдыха от того, что считал своим главным делом, в дни своего художественного праздника, отдаваясь всецело во власть искусства и только его одного.

Эту характеристику творчества Сурикова я высказал ему самому. Он задумался и потом ответил:

«Не знаю. Может быть, это и так. Только я не думал об этом, когда писал. Почему приходила мне мысль о той или иной картине, я совершенно не могу объяснить. Приходила откуда-то мысль и увлекала. Мне казалось, что должна выйти интересная картина, и я принимался писать...»

Думаю, что Суриков говорил искренно, и, может быть, потому картины его и получили такое огромное художественное содержание, что ничего не было в них надуманного и хотя бы даже самому себе навязанного художником. Впрочем, в этом очерке я не собирался ни делать характеристики Сурикова как художника, ни определять его значения в истории русского искусства, ни даже писать его биографии. Просто — это воспоминания о встречах с ним и передача его собственных рассказов.

А. И. СУРИКОВ

В первый раз брат Вася после поступления в Академию приезжал в Красноярск летом в 1873 году, но жил дома слишком мало, так как с Петром Ивановичем Кузнецовым ездил к нему на прииск¹. Возвратившись домой в конце августа, вскоре уехал обратно в Питер. Во все его короткое пребывание в Красноярске я с ним побывал раза два-три в саду (где он любовался китайской беседкой и ротондой, в последней он когда-то танцевал). Затем он приезжал в Красноярск в 1887 году, год солнечного затмения², женатым и с двумя маленькими дочерьми; тут мы всей семьей

проводили время вместе, ездили в дер. Заледееву (Бугачеву), Торгашино и Базаиху, почти ежедневно бывали в саду, где тогда очень часто устраивались гулянья. Накануне солнечного затмения мы с Васей натягивали холст на подрамники для рисования. 7 августа утром Вася уехал один на гору к часовне³, где устроился на склоне к западу от часовни, что было очень хорошо видно из нашего двора. Там он до начала солнечного затмения успел сделать наброски всего города и выделить большие здания; картина вышла страшная и сильная — ее приобрел Пассек⁴. Не знаю почему, Г. Хотунцев⁵ в своем описании о затмении в «Памятной книжке Енисейской губернии на 1890 г.» не пожелал написать о брате и его участии по наблюдению солнечного затмения, тогда как брат был приглашен экспедицией на предварительное заседание о затмении. Хотунцев лишь вскользь упоминает об одном наблюдавшем художнике, который выразился о картине затмения: «Это нечто апостольское, апокалипсическое, это смерть, ультрафиолетовая смерть».

Жена брата, Елизавета Августовна, была религиозная женщина, в праздничные дни она с детьми всегда ходила к обедне, а в будничные помогала маме на кухне стряпать, сама обшивала своих детей и даже сшила маме великолепное платье из привезенной из Москвы черной материи, в котором мама, по желанию ее, и была похоронена.

Жилось в то лето очень весело; в начале сентября брат с семьей уехал обратно в Москву.

1888 год, по случаю смерти Елизаветы Августовны, я ездил к Васе в Москву: брат сильно скучал по жене, но благодаря моему приезду он несколько развлекся, потому что ему пришлось показывать мне всю Москву с ее достопримечательностями. Ездили с ним в Питер, и, благодаря Васеньке, я осмотрел храмы, некоторые дворцы, музеи, зверинцы и т. п. Побывал в Москве в театрах: Малом на «Горе от ума», и Большом на [опере] «Жизнь за царя», и в цирке Саламонского⁶. Везде было хорошо и интересно, но дома лучше, и я, соскучившись о маме и доме, стремился в Красноярск, куда выехал 31 августа.

Трудно было брату воспитывать своих двух дочерей, пришлось быть матерью, нянькой и отцом. Мы с мамой написали ему письмо, в котором я постарался обрисовать ему его обязанности и заботы по воспитанию дочерей и советовал ему приехать хотя на один год в Красноярск, где мама и возьмет на себя заботы по обшиванию и питанию девочек. Брат согласился: в противном случае ему приходилось впору бросать свое художество. В мае 1889 года Вася с девочками приехал в Красноярск. Девочек устроили в гимназию, где они учились хорошо. Таким образом, у Васи главная забота о детях отпала. Я в свою очередь занялся развлечением его и подал ему мысль написать картину «Городок» (это всем известная старинная игра). Мне сильно хотелось, чтобы он после смерти жены не бросал свое художество. Поехали мы с ним в с. Ладейское, где и наняли молодых ребят сделать снежный городок, с которого была им написана в последний день на масленице 1890 года картина «Взятие снежного города». За работой этой картины Вася уже менее стал скучать о жене; одним словом, до некоторой степени пришел в себя, стал бывать в гостях,

и у нас бывали знакомые. С мамой всегда вспоминал о старинке. В общем жили не скучно...

Вася любил гитару, играл много по нотам, иногда к нему приходил Л. А. Чернышев ⁷ с гитарой, и вот они с ним разыгрывали не мало вещей по нотам. Хотя Чернышев [был] и любитель гитары, но Вася, кажется, изводил его разучиванием чего-нибудь по нотам по целым вечерам, да и для меня не радость была, когда Чернышев оставлял свою гитару у нас. Тогда уж знай, вечером очередь моя вторить ему на гитаре, а отговорки, что я устаю по службе, мало действовали: хоть не надолго, но бери гитару в руки. Часто бывал Николай Иванович Любимов ⁸, любитель художества и гитары, и частенько Вася с ним обменивались знанием каких-нибудь вещей и друг у друга разучивали. К девочкам приходили подружки по гимназии: Жилины, Ростовых и др., брат играл на гитаре, а девочки танцевали или играли.

Почти ежедневно после обеда катались по городу, а большей частью за городом. В особенности он любил ездить на гору к часовне, любясь городом и его окрестностями, по Енисейскому тракту по направлению к Сухому Бузиму, где в детстве он каждое лето проводил с отцом, и где они ходили на охоту. Хорошо Васе жилось в Бузиме, так что, когда мама привезла его в город учиться в уездное училище, видимо, он неохотно приехал в город, то он сделал так: пошел будто бы в училище, что было, по всей вероятности, в начале учебного года, но в действительности пошел по Енисейскому тракту в Сухой Бузим, должно быть надеясь, что мама его возьмет обратно в Бузим. В это время мама собралась ехать домой в Бузим и, видимо, что-то долго собиралась. Когда выехала за город, то на 9-й версте от города в стороне от дороги увидела, что сын ее идет. Она пришла в ужас и говорит: «Стой, Внуков (работнику), — Вася, ты куда?» В ответ ни слова. «Ведь надо, Вася, учиться; папа рассердится, если я привезу тебя обратно, — садись лучше, я тебя сама повезу в училище». Вася сел и ни слова не сказал маме. Подвезли бродягу, как он называл себя, к училищу, и он ушел туда. Мать подождала некоторое время, боясь, чтобы он опять не сбежал, потом поехала в Бузим, даже не заезжая к крестной Васи Ольге Матвеевне Дурандиной ⁹, — и побег брата остался в тайне как от отца, так и от Дурандиной. Потом он часто вспоминал об этой 9-й версте; бывало, пообедаем и поедем прокатиться, спросишь: «Куда, Вася, поедешь?» — «Поедем на 9-ю версту». Всегда приблизительно представлял место, где он мамой был схвачен и отвезен в училище. Любил ездить и к сопке, иногда заходил на нее и зарисовывал окрестности города. Выезжая в поле, Вася всегда почти говаривал: «Дышите, девочки, сильнее, здесь воздух — рубль фунт. Это не в Москве, что дышать нечем». Вот почему Вася с детьми всегда уезжал на лето из Москвы, да и для собирания этюдов для своих картин.

Отправляясь в загородную поездку, он всегда брал с собой альбом и краски; другой раз и скажешь ему; к чему это краски, ведь едем не надолго? (ужасно надоедало ждать его, как мне, так и девочкам, пока он зарисует себе что-нибудь в альбом), но он всегда говорил нам одно:

«Ни один хороший охотник не пойдет в поле без ружья, так и художник — без красок и альбома».

Мамочку всегда по приезду заставлял надевать канифасное платье, старинный шарф и косынку, и непременно, чтобы одевалась так, как одевались в старину, все, бывало, повытаскивает у ней из ящика, покажи и расскажи, как носили и т. п. — страшно любил старину и ею, можно сказать, жил. Приезжая в Красноярск при маме и после ее смерти, всегда радовался, что хозяйство не ухудшается, а главное, что было встарь, то и теперь, говаривал: «Нам роскоши не надо, но нужно сохранить, пока мы живы, всю старину в доме, мы ее любим, ценим и дорожим, но нынешнее поколение стариной не дорожит и не понимает ее — одним словом, слишком мало ею дорожит, да ведь для них хоть трава не расти», — очень часто говаривал брат так.

В последние годы Вася приезжал частенько, одним словом, редкий год (летом) он не приезжал. Брату Васе сильно хотелось переехать на жительство в Красноярск, где я ему обещал купить лесу и всего материала для постройки галереи, — как он мечтал, с верхним светом, большими окнами и печами, чтобы можно было работать в ней и зимой. Леонид Александрович Чернышев свои услуги предлагал и как архитектор, и как знающий устройство помещения для работ художника. Вася часто говаривал, что он бы стал работать в Сибири (дома) и только ездил бы повидаться с дочерьми и на выставки картин. Даже в последний свой приезд летом 1914 года он говорил об этом, и однажды, гуляя по нашему двору, мы с ним избрали место, где должна была быть построена галерея. Мешал флигель, но я ему сказал, что флигель жалеть нечего, как малоодоходный, я его сломаю, а этот же лес уйдет на постройку этой галереи, на что Вася согласился и даже сказал, что в следующий приезд его план этот осуществим, но смерть его не дала осуществить, так как в 1916 году брат умер.

И. Е. РЕПИН

I

Вероятно, 1872 год.

Я был уже на выезде за границу¹, когда Суриков стал выдвигаться и готовился быть «конкурентом»². Я видел его только мельком, и мне очень врезались его выразительные глаза; я был не прочь с ним познакомиться. Но однажды, встретившись со мною в коридоре Академии художеств, он взглянул мне так холодно в упор, что я сразу охладел к нему. Я уже тогда написал «Бурлаков» и «Дочь Иаира»³, и явно демонстративный взгляд мне, столь известному тогда не только в академическом коридоре, но и дальше его, показался обидным. Но, кажется, он малоинтеллигентен, подумал я для успокоения своего любопытства к восходящей новой звезде, и сам не искал с ним знакомства.

Знакомство это состоялось только в 1877 году в Москве.

Уже после своего академического пенсионерства я, поселившись в Москве ⁴, был в храме Христа Спасителя, где и Суриков писал на стенах большие образа-картины.

Здесь с первых же слов мы почувствовали себя родственниками — кстати, и жили недалеко друг от друга ⁵, в Хамовниках. Я упросил Сурикова позировать мне для портрета ⁶, он согласился, и мы стали видаться очень часто. Работы в храме он уже кончил, и сейчас же на Зубовском бульваре, в небольшой комнате (самой большой в его квартирке), он начал «Казнь стрельцов» ⁷. Тогда еще не было прятков друг от друга со своими работами: они стояли на мольберте всегда открытыми, и авторы очень любили выслушивать замечания товарищей.

Все подробности обсуждались до того, что даже мы рекомендовали друг другу интересные модели. Я вспоминаю в себе в ту пору много кочкаревских черт ⁸.

С большой заботой, до назойливости, я критиковал всякую черту в картине; и, поразившись сходством намеченного им в своей картине одного стрельца, сидящего на телеге с зажженной свечой в руке, я уговорил Сурикова поехать со мною на Ваганьковское кладбище, где один могильщик был чудо-тип. Суриков не разочаровался. Кузьма долго позировал ему ⁹, и Суриков при имени Кузьмы, даже впоследствии, всегда с чувством загорался от его серых глаз, коршуничьего носа и откинутого лба.

С Суриковым мне всегда было интересно и весело. Он горячо любил искусство, вечно горел им, и этот огонь грел кругом его и холодную квартирушку, и пустые его комнаты, в которых, бывало: сундук, два сломанных стула, вечно с продырявленными соломенными местами для сиденья, и валяющаяся на полу палитра, маленькая, весьма скупо замаранная масляными красочками, тут же валявшимися в тощих тюбиках. Нельзя было поверить, что в этой бедной квартирке писались такие глубокие по полноте замыслов картины, с таким богатым колоритом.

Не могу не вспомнить опять, что в то время нас обогревало великое солнце жизни — Лев Толстой. Он часто заходил то ко мне, то к нему. И я, еще со Смоленского бульвара, завидев издали фигуру Сурикова, идущего навстречу мне, в условленное время — вижу и угадываю: «он был».

— Ах, что он сегодня мне говорил!.. — кричит Василий Иванович. И начинался тут бесконечный обмен всех тех черточек великого творца жизни. Он невзначай бросает их, глядя на работы еще малоопытных художников. Он чувствовал, что сердца их прыгали от счастья, почуяв, как живую, трепещущую частицу их единственных наблюдений проницательного знатока жизни, и это его располагало не скупиться.

Да и у Сурикова было много страсти к искусству. Нельзя было не пожалеть об его не крепком рисунке, о слабой форме. Я даже затеял у себя натурные классы ¹⁰ — один раз в неделю, по вечерам, приходили из Училища живописи натурщики. Все же лучше, чем ничего. Суриков сам не соберется одолевая скуку изучения. Но он ко мне не часто прихо-

дил на эту скуку. Как жаль, а ведь я, главным образом, имел его в виду...

Ах, школу надо одолевать в юности, чем раньше, тем лучше, как язык... А когда голова художника полна небывалыми образами, когда сердце его охвачено потрясающими страстями прошлой жизни, тогда уже нет сил удержаться на изучении вообще.

II

Вчера г. Б. написал ¹¹, что Суриков не был за границей до самой смерти, — это неверно. Суриков несколько раз ездил в Европу и в разные места ¹². В Венеции он даже увлекся до того, что написал «Карнавал» ¹³. Любимой эпохой живописи были для него венецианцы — он обо-жал Тициана...

И вот на нем, как на самобытном художнике — русском, националь-ном, — с особой ясностью видно, что посылки за границу вредны для исключительных художественных дарований.

Искусственно воспитанные эклектики (выражаясь вульгарно: хладные скопцы) как сыр в масле катаются по Европе, прибавляя многое множество консервов к своему легкому гербариуму чужих опытов. А живому темпераменту, обуреваемому реальной действительностью, нужен простор и новые формы. Разумеется, какой же художник не влюбится в Тициана?! И Суриков отдал ему дань восхищения. И что всего опаснее: художест-венные величины завоевывают нас *без остатка*. Чем глубже впечатление, тем ближе и ближе хочется художнику произвести то же.

Это всегда будет нечто вроде копии, — значит, слабее оригинала. И еще... О, беспощадность *образца* — другой уже не нужен миру. Ни Рафа-эль, ни Рембрандт, ни Тициан, *другой* невозможен — он будет только хлад-ный скопец, жалко, скромно и загадочно стоящий в стороне от истинного движения искусства. Это живой мертвец в искусстве. Вот почему акаде-мии — консерватории великих принципов искусства — всегда и везде производили только мертворожденных гомункулов.

Да, Суриков яркий пример самобытности. Вот его «*Ермак, покоритель Сибири*»...

...Впечатление от картины так неожиданно и могуче, что даже не при-ходит на ум разбирать эту копошащуюся массу со стороны техники, красок, рисунка. Все это уходит как никчемное, и зритель ошеломлен этой невидальщиной. Воображение его потрясено, и чем дальше, тем подвижнее становится живая каша существ, давящая друг друга.

После и казаков, и Ермака отыщет зритель; начнет удивляться, на каких каюках-душегубках стоят и лежат эти молодцы; даже серьги в ушах некоторых героев заметны... И уж никогда не забудет этой живой были в этих рамках небылиц.

III

В заключение желательно определить в искусстве место и значение В. И. Сурикова, сделать ему характеристику. Теперь это очень, очень трудно, — время не такое.

Вместо горячих жертвенников творцу от искренних сердец жрецов искусства закурились кучи навоза — *кизяк*... Кроме газов, от удушливости которых можно угореть, эти дымящиеся кучи производят такой едкий дым, что решительно ничего видеть не может человек с добрыми побуждениями, — наглядеться произведениями искусства и даже приобрести из виденного для воспоминания...

Его, заплатившего за вход на выставку, как везде, приводят в некую неприглядную кладовую, где и на полу и по стенам досужие шутники-дворники наложили и накрепляли к стенам какие-то деревяшки, поленца, жестянки, даже коробочки от пудры, щетки от сапог с ваксой, вешалки для платья, обрезки цинковых листов; некоторые поленца и концы брусьев даже раскрасили в яркие цвета...

Недоумевающий простак уже готов звать на помощь полицию, требует назад деньги; поднимается шум; смех переходит в нелестные эпитеты устроителей... Скандал. Заправилы поневоле должны спасти положение: они уверяют непочтенную публику в ее невежестве, — за границей за эти сверххудожества платят громадные суммы; в Москве некий чудака купил великолепный дворец, украшенный резьбой и позолотой блестящей эпохи Ренессанса и развесил по стенам эти гениальности, еще недоступные пониманию. Выставка носила загадочную цифру, вместо заглавия красовалась вывеска: 0,10¹⁴.

Ах, не время смеяться, когда гениальный художник, еще не похороненный, лежит в гробу...

Я хотел определить Сурикова как художника. Извиняюсь за отступление.

В искусстве, как в жизни человечества, установились два типа, два течения: эллинское и варварское. И художников, по их натурам, также придется разделить на эллинов и варваров.

Эллины со своим искусством представляют гармоническое, цельное, изящное явление. Ритм, красота, спокойное сочетание линий, красок, форм — все вместе, распределенное в меру, с аристократическим вкусом, очаровывает нас, и душа наша отдыхает от этой изящной пластики. Представители у старых греков: Фидиас¹⁵, Пракситель и др., у итальянцев: Рафаэль, Тициан и др. У нас представитель эллинизма — Карл Брюллов, величайший художник Европы XIX столетия.

Другой тип искусства, для краткости, назовем *варварским* (в смысле понимания древних греков, для которых все, что не входило в область Эллады, считалось варварским).

Разумеется, все малокультурные народы были варварами, и сами греки имели довольно продолжительный период архаического искусства, так схожего еще с египетским. Аполлон Терентенейский¹⁶, Диана Эфесская¹⁷, Эгинеты¹⁸ и др. — все это еще можно считать варварскими при-

митивами, к которым так ревниво стремятся теперь декаденты, ломая себя даже нарочно, слюняво шепелявя для сходства с дикими и детьми. Вот почему их идеалы уже только у дикарей и ограниченных народностей, не поднявшихся еще до великого искусства.

У нас представители варварского начала ¹⁹: *лубки, иконы* и произведения живых, но еще неокультуренных сил природного гения. К таковым можно отнести *Перова*, к таковым же, по своей натуре, принадлежит и *Суриков*.

Натура страстная, живая, с глубоким драматизмом; он творил только непосредственно, выливая себя; он не мог подчинить свои силы никакой школе, никаким канонам. И лица, и краски, и линии, пятна, светотени, — все в нем было своеобразно, сильно и беспощадно по-варварски.

А искусство он горячо любил, более всего на свете. И послушать, как он рассуждал о нем, — можно было решить, что он эстет аристократ. Он понимал все и глубоко и верно ценил.

М. В. НЕСТЕРОВ

В 1916 году, в ближайшие дни после смерти В. И. Сурикова, по просьбе, обращенной к нам, художникам, «Русскими ведомостями», я написал следующие строки:

«Суриков умер. От нас ушел в мир иной гениальный художник, торжественный, потрясающий душу талант. Суриков поведал людям страшные были прошлого, показал героев минувшего, представил человечеству в своих образах трагическую, загадочную душу своего народа. Как прекрасны эти образы! Как близки они нашему сердцу своей многогранностью, своими страстными порывами! У Сурикова душа нашего народа падает до самых мрачных низин; у него же душа народная поднимается в горные вершины — к солнцу, свету. Суриков и Достоевский — два великих национальных таланта, родственных в их трагическом пафосе. Оба они прошли свой земной путь как великий подвиг. Прими наш низкий поклон, великий русский художник» ¹.

Строки эти были напечатаны, и мне тогда же газета предлагала написать о Василии Ивановиче Сурикове статью больших размеров, отводя для нее место двух воскресных фельетонов. Я отказался от такого щедрого предложения тогда потому, что о Сурикове можно было в то время, сейчас же после его смерти, или говорить сжато, сдержанно, так, как принято говорить о только что умерших, или говорить полно, широко, пользуясь всем тем, что давала собой яркая личность славного художника. Для последнего тогда еще не наступило время.

Мое знакомство с Суриковым произошло в юношеские мои годы, когда мне было двадцать три года, в пору первой женитьбы, когда писалась мной на звание «классного художника» картина «До государя челобитчики» ², когда для этой картины мне нужны были костюмы XVII века и меня

надоумили обратиться за советом по этому делу к автору «Боярыни Морозовой», тогда писавшейся. Вот к каким временам нужно отнести нашу первую встречу. Я знал и помню супругу Василия Ивановича — Елизавету Августовну. Дочь его, Ольгу Васильевну Кончаловскую, и сестру ее, Елену Васильевну, я знал детьми, в возрасте 6—7 лет, в том возрасте, когда был написан Василием Ивановичем с Ольги Васильевны прекрасный этюд в красном платице с куклой в руках, у печки...

Как давно все это было!

Наши ранние отношения с Василием Ивановичем были наилучшими. Я бывал у него, он также любил бывать у меня, видимо, любясь моей женой, — любовался ею не он один тогда.

Скоро наступили для нас с Василием Ивановичем тяжелые годы. В июне 1886 года умерла моя Маша³. Через год или два, не помню, не стало и Е. А. Суриковой. С этих памятных лет наши отношения, несмотря на разницу лет, углубились, окрепли на многие годы, вплоть до того времени, когда дочка Василия Ивановича, Ольга Васильевна, стала Кончаловской⁴, а сам П. П. Кончаловский занял в душе Василия Ивановича первенствующее и никем не оспоримое место. Тогда же, в ранние годы, в годы наших бед, наших тяжелых потерь, повторяю, душевная близость с Суриковым была подлинная, может быть, необходимая для обоих. Нам обоим казалось, что ряд пережитых нами душевных состояний был доступен лишь нам, так сказать, товарищам по несчастью. Лишь мы могли понять некоторые совершенно исключительные откровения, лишь перед нами на какое-то мгновение открылись тайны мира. Мы тогда, казалось, с одного слова, с намека понимали друг друга. Мы были «избранные сосуды». Беседы наши были насыщены содержанием, и содержанием до того интимным, нам лишь доступным, что, войди третий, ему бы нечего было с нами делать. Он бы заскучал, если бы не принял нас за одержимых маньяков в бредовом состоянии. Мы же, вероятно, думали бы, что этот несчастный, попавший в наше общество, был на первых ступенях человеческого состояния, и постарались бы от него поскорее избавиться. Так высоко парили мы тогда над этой убогой, обиженной судьбой, такой прозаической, земной планетой. Вот чем мы были тогда.

Сам Василий Иванович позднее и по-иному переживал свое горе. Тогда говорили, что он после тяжелой, мучительной ночи вставал рано и шел к ранней обедне. Там, в своем приходе, в старинной церкви он пламенно молился о покойной своей подруге, страстно, почти исступленно бился о плиты церковные горячим лбом... Затем, иногда в вьюгу и мороз, в осеннем пальто бежал на Ваганьково и там, на могиле, плача горькими слезами, взывал, молил покойницу — о чем? О том ли, что она оставила его с сиротами, о том ли, что плохо берег ее? Любя искусство больше жизни, о чем плакался, о чем скорбел тогда Василий Иванович, валяясь у могилы в снегу? Кто знал, о чем тосковала душа его?

Но миновала эта пора, как миновало многое в его незаурядной жизни. Успокоились нервы, прошли приступы тоски-печали. Стал Василий Иванович жить, работать, как и раньше. Написал как финал, как заключение к пережитому — свое «Исцеление слепого». Целая полоса жизни миновала,

ушла в вечность. Иные пошли разговоры. Опять мы вспомнили об искусстве, о старине, о том, как жилось там, в Красноярске. Помню рассказ Василия Ивановича о том, как дед его в порыве ярости закусил ухо своему старому, служилому коню. Рассказывал о том, как пустился он в путь с обозом в Питер и как обоз на повороте раскатился и Василий Иванович из него вылетел... Вспомнил и последнее расставание со своей матушкой, как, весь в слезах, десятки раз отрывался он, прощаясь с ней, и как зверь завопил напоследок: «Ма-амынька»... и на долгие годы покинул любезный свой Красноярск, променяв его на холодную, важную Петербургскую Академию художеств с ее Шамшиным, Басиным⁵, Марковым⁶, Бруни — этими жрецами им любимого искусства.

Вспомнил, как отводил душу с Павлом Петровичем Чистяковым — единственным, кто мог оценить скрытые еще так глубоко залежи огромного таланта молодого сибиряка.

Говорилось нами о любимой Суриковым живописи, о рисунке, который он тоже умел любить, когда хотел любить, когда, по его расчету, не любить его было нельзя. Говоря о живописи, о красках, он как никто разбирался в них. И это не было «лабораторное» отношение к ним.

Суриков и краску, и живопись любил любовью живой, горячей. Он и тут, в беседу о живописи, о ее природе, о ее особом «призвании», вкладывал свой страстный, огненный темперамент. Поэтому, может быть, краски Василия Ивановича «светятся» внутренним светом, излучая теплоту подлинной жизни.

А как любил он жизнь! Ту жизнь, которая обогащала его картины. Исторические темы, им выбираемые, были часто лишь «ярлыком», «названием», так сказать, его картин, а подлинное содержание их было то, что видел, пережил, чем был поражен когда-то ум, сердце, глаз внутренний и внешний Сурикова, и тогда он в своих изображениях — назывались ли они картинами, этюдами или портретами — достигал своего «максимума», когда этому максимуму соответствовала сила, острота, глубина восприятия. Суриков любил композицию, но и эту сторону своего искусства он не подчинял слепо установленным теориям, оставаясь во всех случаях свободным, исходя из жизни, от ее велений и лишь постольку считаясь с теориями, поскольку они носили в себе законы самой жизни. Он был враг высасывания теорий из пальца. Суриков в хорошем и великом, равно как и в несуразном, был самим собой. Был свободен. Василий Иванович не любил делиться своими замыслами, темами ни с кем. Это было его право, и он им пользовался до того момента, когда творческие силы были изжиты, когда дух его переселялся в картину и уже она жила им, а Василий Иванович оставался лишь свидетелем им содеянного — не больше.

Помню, он позвал меня посмотреть «Ермака». Слухи о том, что пишет Суриков, ходили давно, года два-три. Говорили разное, называли разные темы и только в самое последнее время стали увереннее называть «Ермака»... И вот завтра я увижу его... Наступило и это «завтра». Я пошел в Исторический музей, где тогда устроился Василий Иванович в одном из запасных неконченных зал, отгородив себя дощатой дверью, которая замыкалась им на большой висячий замок. Стучусь в дощатую

дверь. — «Войдите». — Вхожу и вижу что-то длинное, узкое... Меня направляет Василий Иванович в угол, и, когда место найдено, — мне разрешается смотреть. Сам стоит слева, замер, ни слова, ни звука. Смотрю долго, переживаю событие со всем вниманием и полнотой чувства, мне доступной; чувствую слева, что делается сейчас с автором, положившим душу, талант и годы на создание того, что сейчас передо мной развернулось со всей силой грозного момента, — чувствую, что с каждой минутой я больше и больше приобщаюсь, становлюсь если не участником, то свидетелем огромной человеческой драмы, бойни не на живот, а на смерть, именуемой «Покорение Сибири»...

Минуя живопись, показавшуюся мне с первого момента крепкой, густой, звучной, захваченной из существа действия, вытекающей из необходимости, я прежде всего вижу самую драму, в которой люди во имя чего-то бьют друг друга, отдают свою жизнь за что-то дорогое, заветное.

Суровая природа усугубляет суровые деяния. Вглядываюсь, вижу Ермака. Вон он там, на втором, на третьем плане; его воля — непреклонная воля, воля не момента, а неизбежности, «рока» над обреченной людской стаей.

Впечатление растет, охватывает меня, как сама жизнь, но без ее ненужных случайностей, фотографических подробностей. Тут все главное, необходимое. Чем больше я смотрел на Ермака, тем значительней он мне казался как в живописи, так и по трагическому смыслу своему. Он охватывал все мои душевные силы, отвечал на все чувства. Суриков это видел и спросил: «Ну, что, как?» Я обернулся на него, увидел бледное, взволнованное, вопрошающее лицо его. Из первых же слов моих он понял, почувствовал, что нашел во мне, в моем восприятии его творчества то, что ожидал. Своими словами я попадал туда, куда нужно. Повеселел мой Василий Иванович, покоривший эту тему, и начал сам говорить, как говорил бы Ермак — покоритель Сибири.

Наговорившись досыта, я просил Василия Ивановича разрешить мне сказать то малое, что смущало меня. Надетый на Ермака шишак, мне казалось, слишком выпирал своей передней частью вперед, и затем я не мог мысленно найти ног Ермака... Василий Иванович согласился, что в обоих случаях что-то надо «поискать». Конечно, он ни тогда, ни после и не думал ничего искать, да и прав был: такие ошибки всегда почти бывают художником выстраданы и тем самым оправданы.

Прощаясь еще более дружелюбно, чем встретил, Василий Иванович сказал, что «Ермака» из посторонних якобы видел пока один Савва Иванович Мамонтов, бывший тогда во всей славе своей. Года через два-три был написан «Суворов», я тоже видел его один из первых, но того впечатления, что от «Ермака», не испытал.

«Разина» видел я на Международной выставке в Риме; картина была дурно повешена, да в ней и не было прежнего Сурикова, Сурикова «Стрельцов», «Меншикова», «Морозовой», «Ермака», — годы брали свое.

Нарушая последовательность появления суриковских картин, скажу о своей самой любимой — о «Меншикове в Березове». Появление ее когда-то вызвало большое разногласие как среди художников, так и среди

общества. Умный, благородный, справедливый, равно требовательный к себе и другим, Крамской, увидав «Меншикова», как бы растерялся, встретив, спускаясь с лестницы, идущего на выставку Сурикова, остановил его, сказал, что «Меншикова» видел, что картина ему непонятна — или она гениальна, или он с ней недостаточно освоился. Она его и восхищает и оскорбляет своей... безграмотностью — «ведь если ваш Меншиков встанет, то он пробьет головой потолок»... Однако, несмотря ни на какие разногласия, П. М. Третьяков тогда же приобрел картину для своей галереи.

Нам, тогдашней молодежи, картина нравилась, мы с великим увлечением говорили о ней, восхищались ее дивным тоном, самоцветными, звучными, как драгоценный металл, красками. «Меншиков» из всех суриковских драм наиболее «шекспировская» по вечным, неизъяснимым судьбам человеческим. Типы, характеры их, трагические переживания, сжатость, простота концепции картины, ее ужас, безнадежность и глубокая, волнующая трогательность — все, все нас восхищало тогда, а меня, уже старика, волнует и сейчас.

Однако вернусь к тому времени, когда Суриков был еще в поре, когда он жил в Леонтьевском переулке ⁷, где продолжались наши встречи с ним. Тогда еще наши встречи с ним были горячи и дружны. Эти встречи не были часты; они не могли быть часты потому, что я бывал в Москве наездом из Киева ⁸. Мои посещения Василия Ивановича иногда бывали в обществе приятелей-художников. Больше всего я любил бывать у него один. К тому времени обе дочери его стали подрастать, кончили гимназию, у них были уже свои интересы, знакомства. На окнах появились какие-то занавесочки, стоял диван, кресла и еще какие-то несоответствующие новшества, и лишь в комнате самого Василия Ивановича оставался его старый друг — красноярский сундук с этюдами, эскизами-«аквареллами», покрытый нарядным сибирским ковром, давно знакомым мне еще по дому Збука ⁹, где мы в старые годы отогревались у Василия Ивановича чаем, сидя за столом на этом сундуке.

В Леонтьевском вечерами нередко беседа наша касалась великого Иванова. Кто и когда из русских художников, серьезно настроенный, любящий искусство, не останавливался на этой волнующей теме? Тогда еще не замолкли голоса Хомякова ¹⁰, Гоголя ¹¹, тогда мы, художники, ставили превыше всего «Явление Христа народу», а не эскизы Иванова, сами по себе превосходные, но не вмещающие всего Иванова, Иванова в пору его величайшего творческого напряжения, в пору его ясновидения. Вот об этом-то сильном, творящем свое гениальное «Явление Христа народу» мы и говорили в те времена с Суриковым. Василий Иванович любил Иванова любовью полной, всевмещающей, любил как художник-мастер и как творец: так в те времена любили Иванова и Крамской и Репин. Любили и Поленов, и В. Васнецов, и кое-кто из нас, тогдашних молодых...

Мне говорили, как Василий Иванович в последние годы жизни, когда знаменитая картина была уже в лучших условиях, стояла в помещении с верхним светом, приходил в Румянцевский музей ¹² за час, за два до его

закрытия и, одинокий, оставался перед картиной, стоял, садился, снова вставал, подходил к ней вплотную, впиваясь в нее, ерошил свои волосы и с великим волнением уходил домой, чтобы опять прийти, опять насладиться, приходить в смущение и восторг от того, что видел своим духовным оком, оком творца «Морозовой», «Меншикова», «Ермака».

В Сурикове в годы нашей близости, да, вероятно, и до конца дней его, великий провидец времен минувших, человек с величайшим интеллектом уживался с озорным казаком. Все это вмещала богатая натура потомка Ермака. Быть может, потому-то, захватывая в его лучших картинах так широко, так всеобъемлюще жизнь, отражая ее трагические и иные причуды, он так поражает ими наше чувство и воображение. В нем жили все его герои, каковы бы они ни были.

Когда-то Остроухов рассказывал: однажды Суриков, В. Васнецов и Поленов встретились у него — Остроухова. Тогда были ими уже написаны «Морозова», «Каменный век»¹³ и «Грешница»¹⁴. Остроухов же был молодым, малоизвестным художником. Все сговорились собраться у Сурикова на пельмени. Собрались... Были пельмени, была и выпивка, небольшая, но была. Были тосты.

Первый тост провозгласил хозяин. Он скромно предложил выпить за трех лучших художников, здесь присутствующих. Выпили. Прошло сколько-то времени — Поленов, посмотрев на часы, заявил, что ему, как ни жаль покидать компанию, необходимо уйти. Простился и ушел. Оставшиеся трое — Суриков, Васнецов и Остроухов — продолжали дружескую беседу. Василий Иванович, налив вина, предложил теперь снова выпить за здоровье оставшихся двух — Васнецова и Сурикова, уже действительно лучших и славных. Выпили. Остроухов присутствовал при этом...

Время шло. Надо было и Васнецову собираться домой, с ним поднялся и Остроухов. Простились, ушли. Спускаясь по лестнице, Васнецов и говорит добродушно Остроухову: «А вот теперь Василий Иванович налил еще рюмочку и выпил ее совершенно уже искренне за единственного лучшего русского художника — за Василия Ивановича Сурикова...»

Шли годы, мы жили, работали, росли наши дети, старились мы, старики. Являлись новые художники, сменялись законы жизни и сама жизнь. И нашим добрым отношениям с В. И. Суриковым, видимо, приходил конец...

Первые признаки перемены прежних отношений проявились в годы, предшествующие моей выставке (1907)¹⁵. Я скоро догадался, что то, что было, ушло невозвратно. В последние девять-десять лет мы встретились два-три раза — не больше... Последний раз мы, помнится, встретились с Василием Ивановичем на выставке икон¹⁶. Разговаривать было не о чем. Более в живых я Сурикова не видал. Увидел его во время отпевания, простился, проводил до могилы на Ваганьковом.

Я, как и в молодости, продолжаю восхищаться огромным талантом Сурикова и уверен, что его значение в русском искусстве, так же как значение великого Иванова, как многих истинно великих людей нашей родины, будет незыблемо, вечно.

В. П. ЗИЛОТИ

Приблизительно в тех же годах, когда мы видались с Васнецовым¹, поселился в Москве Василий Иванович Суриков. Родом он был из Красноярска, «почти якут», по его собственному выражению, и наружность у него была, мне кажется, типичная для того Сибирского края: небольшой, плотный, с широким вздернутым носом, темными глазами, такими же прямыми волосами, торчащими над красивым лбом, с прелестной улыбкой, с мягким, звучным голосом. Умный-умный, со скрытой, тонкой сибирской хитростью, он был неуклюжим молодым медведем, могущим быть, казалось, и страшным, и невероятно нежным. Минутами он бывал прямо обворожительным.

Познакомились мы раньше всего с его картиной «Казнь стрельцов» на одной из Передвижных выставок, вскоре после которой картина была повешена на стене нашей галереи. Какое сильное, страшное впечатление давала эта изумительная картина. Облик Петра меня так поразило, что в мою болезнь, случившуюся вскоре, я бредила им. Он являлся мне во сне, в виде кошмара, в продолжение многих лет.

Не вспомню, когда мы лично познакомились с Василием Ивановичем. Ни в его картине, ни в нем самом невозможно было сразу не почувствовать громадной силы гения. Он стал заходить к нам из галереи, с нашим отцом, к завтраку. Как-то позвал мамочку и нас с Сашей² к себе, показать свою новую, еще не оконченную картину «Меншиков в Березове». Когда мы приехали к нему, мы услышали его звучный голос: «Лиля!» Вышла к нам милая, молодая, скорее красивая, скажу даже, очаровательная женщина, бледная, с лучистыми темными глазами, темной косой. Она была всегда, и впоследствии, конфузливая, но приветливая. Квартира была у них чрезвычайно маленькая и холодная. Чтобы видеть картину его, стоявшую на мольберте в первой комнате, надо было уйти в глубь передней и оттуда смотреть через дверь, открытую на обе половинки. Невероятной силой, невероятной грустью повеяло от фигур детей Меншикова, особенно от старшей дочки, сидящей у колен отца, на скамеечке, по всей вероятности. Она кутается в шубу, очевидно ее знобит, она расхварывается. Исторически известно, что вскоре она умерла от оспы. Как далеко несутся на лицах детей мысли о покинутом, потерянном! И эта сокрушенная мощь на лице затравленного человека, еще недавнего временщика!

Посмотрев картину, мы пошли в детскую, где нас встретили две девочки: старшая Оля, лет шести, портрет отца, и младшая, Лиля, более миловидная. Мы посидели у них с часок, было у них очень уютно.

Со следующей Передвижной выставки «Меншиков» был привезен в нашу галерею и повешен неподалеку от «Стрельцов».

В половине 80-х годов наняли Суриковы на лето избу в Мытищах. Село это знаменито центральным водопроводом для снабжения всей Москвы питьевой водой. Лежит оно на Троицком, собственно, Ярославском шоссе, по которому столетиями шли целый год, особенно летом, непрерывные вереницы богомольцев, направлявшихся в Хотьковский монастырь, затем в Троице-Сергиеву лавру; шли со всех краев России,

сначала поклониться мощам множества московских угодников, а в Лавре — мощам Сергия Преподобного. Разнообразие типов не было конца. Мы сразу догадались, что Суриков задумал писать картину с толпой, народную историческую картину.

Село Мытищи отстояло от деревни Тарасовки по тому же шоссе, только верст на 10 ближе к Москве. Суриков писал, захлебываясь, всех странников, проходивших мимо его избы, интересных ему по типу.

Когда смеркалось, часто он пешком «отмахивал», по его выражению, десять верст и появлялся неожиданно у нас в Куракине³. Пили чай на балконе, живо, интересно беседовали; потом переходили в дом, где в гостиной засаживали меня, грешную, за фортепьяно, и надолго. Василий Иванович всегда тихо и звучно просил: «Баха, Баха, пожалуйста». Игрались из «Wohltemperiertes Klavier»⁴ прелюд за прелюдом, фуга за фугой; игрались и органная токката и фуга d-moll в переложении Таузига⁵, тогда — мало известная, а в настоящее время везде заигранная, но Василий Иванович трогался более всего самыми красивыми, и на мой вкус, прелюдами в оригинале, особенно любил прелюд f-moll, который приходилось каждый раз ему повторять по нескольку раз.

Темнело. Приезжал из Москвы отец наш, всегда душевно радовался найти у нас Василия Ивановича, который обычно оставался обедать. А если шел дождик, то и вечером музыка продолжалась к удовольствию и отца. К осени, как дни становились короче, Василий Иванович все чаще приходил «послушать Баха» и за дружеской беседой отдохнуть от утомительного дня писания прохожих странников, с которыми не обходилось иногда без недоразумений всякого рода.

На следующей Передвижной выставке увидели мы выставленную в отдельной комнате «Боярыню Морозову». И поняли, зачем Василию Ивановичу понадобились все эти оригинальные, сильные, а иногда даже страшные лица, которые он нам показывал в этюдах летом, когда мы, катаясь, заезжали к ним в Мытищи.

«Боярыня Морозова», разумеется, тоже висит в нашей галерее, украшая самую дальнюю стену анфилады пяти зал пристройки, идущей вдоль Толмачевского переулка. [...]

Не без волнения я заканчиваю мои воспоминания о В. И. Сурикове, о величайшем, гениальном, стихийном живописце русском. Контакт с гениальной личностью, хотя бы в продолжение недолгих лет, оставляет невольно навсегда глубокое впечатление на душу человека [...]

А. А. КУЗНЕЦОВА-ЯРИЛОВА

С В. И. Суриковым я встречалась несколько раз, когда он приезжал в Красноярск и бывал у нас на даче в Бугачево. Первый раз я встрети-лась с ним, вероятно, в 1887 году, когда он вместе с женой и двумя маленькими дочерьми приехал летом в родной город. Василий Иванович был

крепкого телосложения, бодрый и жизнерадостный человек, в противоположность ему жена его Елизавета Августовна была существом хрупким и болезненным. Этот контраст особенно бросался в глаза, когда они были вместе. В характере Сурикова было много экспансивного. Ему ничего не стоило, например, вдруг передумать что-нибудь, принять какое-нибудь внезапное решение.

Из наших встреч припоминается такой курьезный эпизод. Однажды мы компанией решили совершить прогулку на знаменитые красноярские «столбы» (ныне заповедник). Суриков оказался одетым слишком щеголевато для такого путешествия — на нем был хорошо сшитый столичный костюм, отличная обувь. Однако он принял участие в прогулке, не рассчитав, что придется переходить несколько бродов через речушку Лалетину. При переходе через первый же брод Василий Иванович оказался перед тяжелой задачей. Стоял и думал, что делать. Вдруг махнул рукой и, попустившись костюмом, смело шагнул вперед. Мы очень смеялись над его видом.

Помню я и тот «городок», с которого Суриков писал свою картину. Он был устроен за Торгашино близ селения Ладеек, на открытом месте. Группировка толпы очень хорошо передана художником, он несколько лишь видоизменил костюмы, взяв более старинные для некоторых персонажей. Для одной из женских фигур, насколько помнится, ему позировала Екатерина Александровна Рачковская¹, жившая в Красноярске. Ее он, кажется, рисовал несколько раз.

Не раз мне приходилось слышать от него восторженные отзывы о сибирской природе, приволье и красках Сибири.

А. Я. ГОЛОВИН

В каждом, кто встречался с В. И. Суриковым, живо воспоминание об удивительной силе его индивидуальности. Суриков производил впечатление человека, который на своем творческом пути не остановится ни перед какими препятствиями. Казалось, нет такой жертвы, которую бы он не принес ради искусства. Редкая сила воли и необычайная страстность составляли основные свойства этой могучей натуры. Можно было подумать, что если бы ему понадобилось пожертвовать чьей-нибудь жизнью ради достижения того или иного художественного эффекта, он не задумался бы ни на минуту. В каждом его движении и выражении глаз, в характерном напряжении мышц на скулах — во всем чувствовалась неукротимая творческая сила, стихийный темперамент. Это сказывалось и в его манере рисовать: когда он делал наброски карандашом, он чертил с такой уверенностью и силой, что карандаш трещал в его руке. У него было пристрастие к трудным ракурсам, которые он набрасывал быстро и уверенно. Всякой работе он отдавался горячо и упорно, весь уходя в нее и настойчиво добиваясь намеченной цели.

Мои встречи с Василием Ивановичем относятся к 80-м годам. Помню, он пришел однажды с В. Д. Поленовым в Московскую школу живописи и ваяния¹. Поленов поставил нам натюрморт, в котором большую трудность составляло изображение котла из красной меди. Край этого котла ярко блестел, и нужно было передать неподдающийся красочным сочетаниям блеск. Никто из нас не мог справиться с этой задачей. Суриков загорелся желанием изобразить этот котел. Нужно было видеть, как его увлекла работа, как он забыл о всем окружающем. Но и ему не удалось вполне осилить неподражаемый блеск меди. Он долго бился, насажал целые горы краски, и хотя достиг иллюзии блеска, но тон меди был передан не совсем точно. Позже за ту же тему взялся Поленов, и ему удалось добиться нужного блеска: он применил краску *laque rose d'or* *, которую Суриков не признавал.

Вообще нужно заметить, что Суриков был недостаточно осторожен и разборчив в выборе красок. Он смешивал их, не считаясь с химическими взаимоотношениями, и с его картинами произошло то же, что с картинами знаменитого Фортунни². Фортунни достигал изумительных красочных эффектов, получал такую яркость и свежесть красок, какой не удавалось получить никому, и все-таки его картины со временем потускнели и почернели благодаря химическому взаимодействию красок, подобранных без должного расчета. Поленов был в этом отношении значительно осторожнее, по крайней мере он исследовал влияние света на краску. У него имелись три шкалы красок: одну он держал в ярком свете, другую в обычном комнатном освещении, третью — в темноте. В своей живописи он сообразовался с этими опытными данными, соблюдая также и правила смешения, и потому краски его картин так свежи до сих пор.

Кроме неосторожности в подборе красок, чернота картин Сурикова объясняется отчасти и условиями работы. Его скромная мастерская на Долгоруковской улице³ была недостаточно светла и недостаточно просторна для работы над большими полотнами. Правда, подготовительные этюды он писал под открытым небом, но затем переносил их на большую композицию у себя в мастерской.

Василий Иванович занимал две небольшие квартиры, расположенные рядом, и когда писал свою «Боярыню Морозову», он поставил огромное полотно на площадке и передвигал его то в одну дверь, то в другую, по мере хода работы. Разумеется, при этом «писании в двух дверях» условия освещения не могли быть благоприятными.

Тремя самыми значительными произведениями Сурикова я считаю «Морозову», «Утро стрелецкой казни» и «Меншикова». Как сейчас помню потрясающее впечатление, которое произвела «Морозова». Были люди, часами простаивавшие на «Передвижной» перед этой картиной, восхищаясь ее страшной силой. Трудно указать в русской живописи что-либо равное этому произведению по замечательной экспрессии отдельных образов. «Морозова» — как бы воплощение непобедимого фанатизма. В толпе есть лица, которые остаются в памяти совершенно неизгладимо.

* Золотистый розовый лак (франц.).

Все персонажи написаны необычайно правдиво и убедительно. Менее удачными представляются мне фон этой картины и все вообще «суриковские» фоны. Мне кажется, что следует различать два совсем разных рода живописи — фигурную и пейзажную, и нельзя писать пейзаж той же самой манерой, какую написаны фигуры. Нужен иной прием, иной подход. Этого разделения совсем нет у Семирадского, у которого пейзаж и фигуры кажутся сделанными из одного материала. У Сурикова есть та же обобщенность живописных приемов. Между тем возможно полное разделение фигурной живописи от пейзажной, и это достигнуто, на мой взгляд, в гениальной картине Александра Иванова «Явление мессии».

Первый эскиз «Морозовой» был сделан в 1881 году, а появилась картина на выставке только шесть лет спустя. В перерыве работ над «Морозовой» был создан «Меншиков». Суриков ездил куда-то на север⁴, писал там внутренность избы, работал при таком холоде, что масло, стоявшее на окне, замерзало.

Для каждой своей картины Суриков долго и тщательно подбирал материал, выискивал подходящие типы — то блаженного найдет на толкучке (он изображен в «Морозовой»), то старого учителя (для «Меншикова»), то светскую даму, то богомолку. Только Петр в «Утре стрелецкой казни» написан не с натуры, а по портретам⁵. И как это чувствуется: в нем есть что-то театральное, аффектированное и вместе с тем он какой-то картонный.

К слабейшим вещам Сурикова нужно отнести «Суворова». Это произведение удалось ему значительно меньше других исторических картин.

Любопытно, что часто планы картин возникали у Сурикова под влиянием случайных, резко запечатлевшихся в памяти образов. Так, толчком к созданию «Морозовой» была увиденная художником черная ворона на снегу; «Казнь стрельцов» возникла от впечатления отблесков свечи на белой рубахе.

Что замечательно передано Суриковым — это Венеция. Его венецианские этюды, находившиеся у Polenova⁶, бесподобно передают колорит Венеции и особенно тон воды. Я не знаю лучших изображений венецианского пейзажа, чем у Серова⁷ и Сурикова; как ни странно, но именно эти русские художники больше прониклись сущностью Венеции, глубже почувствовали ее душу, чем иностранцы. Мы знаем венецианские пейзажи Уистлера⁸, Гаррисона⁹ и других знаменитостей, все это не то: у Сурикова, как ни у кого, передано все живописное очарование Венеции.

В личной жизни Суриков был аскетичен и прост. В его квартире всем домашним полагалось по кровати и стулу. Остальной мебели было очень мало. Стены были голые, без картин; он не любил развешивать свои произведения по стенам.

Вспоминаю Сурикова за чаем у Polenovых, в семье которых он любил бывать. Василий Иванович мало говорил на темы искусства, еще меньше — на художественную злобу дня, но его краткие замечания всегда были яркие, образны и метки.

Облик Сурикова рисуется мне строгим, суровым и простым. Этот кряжистый, насквозь русский человек был так же монументален и величав

в своем характере, как величава его глубоко содержательная и поучительная живопись.

Значение Сурикова громадно, что бы ни говорили о технических недостатках его живописи. Как у великих художников слова можно встретить технические недочеты, ничуть не умаляющие художественной силы их произведений, так и у Сурикова некоторая неряшливость живописи — скорее достоинство, чем недостаток.

Большой заслугой Сурикова является также и то, что он вместе с Репиным выступил в свое время против раболепства перед академической школой. Он и Репин сделали нечто аналогичное тому, чего добились во Франции импрессионисты¹⁰. Картины Сурикова, написанные грязновато и, пожалуй, грубо, зажигали художественную молодежь своей страстностью, своим вдохновением и размахом.

Не говорю уже о глубоко национальном значении Сурикова. Он умел воскрешать прошлое со всей отчетливостью настоящей жизни, воссоздавая подлинную старину, словно он был ее современником, ее очевидцем.

А. Г. ПОПОВ

О В. И. Сурикове, как о большом художнике, я слышал давно, еще в восьмидесятых годах, когда я был учеником семинарии, от нашего директора И. Т. Савенкова. Рассказывали и о том, как Василий Иванович, будучи до этого писцом при губернском правлении, случайно попал в Академию художеств. Случилось это так. Был в городе пожар, тогдашний енисейский губернатор проявил на этом пожаре энергичное участие, вмешавшись в командование пожарной частью, порой доходил до комических положений. Василий Иванович также был на этом пожаре, все это видел и зафиксировал в своем беглом рисунке. Набросок этот, обежав все губернское правление, сделался достоянием сослуживцев Василия Ивановича, которые, узнав в комической фигурке свое высшее начальство, втихомолку пересмеивались между собою и только. Но каково же было изумление всех знавших про существование этого рисунка, и в особенности автора этого рисунка, когда узнали, что комический набросок в руках губернатора. О, ужас... виновному грозит гнев начальника. Однако губернатор, узнав в рисунке свою собственную персону, не только не рассердился на автора его, но проявил участие и впоследствии даже заручился согласием от П. И. Кузнецова на стипендию для определения даровитого рисовальщика в Академию художеств.

В 1875 году Василий Иванович окончил Академию, получив за программную картину «Милосердный самаритянин» степень классного художника и серебряную медаль¹. Впоследствии картина эта была подарена Суриковым семье Кузнецовых. Жюри Академии оценило ее в 5 000 рублей.

Имея склонность к изящным искусствам, я искал знакомства с Василием Ивановичем, но сделать этого долго мне не удавалось. Василий Иванович жил в Москве и делал лишь периодические наезды в Красноярск. В один из таких приездов (кажется, это было в 1890 году) я осуществил наконец свое желание познакомиться с Суриковым. С первого же дня знакомства между нами установились отношения заочного ученика-самоучки и даровитого учителя. Не буду описывать внешность своего первого учителя, она довольно известна по фотографиям и репродукциям, но подчеркну его характерную психологическую особенность (суриковскую манеру) рассказывать или вести разговор с оттенком тонкого добродушного юмора. Так однажды, в один из своих приездов в Красноярск, он зашел ко мне и увидел сделанную мною копию с картины профессора Венига «Дмитрий Самозванец и боярин Басманов у окна»², засмеялся и воскликнул: «В которой части пожар», а потом пояснил, что эта картина слывет в Москве под этой кличкой. «Кстати, Вениг один из моих учителей, — сказал он, — большой любитель выпивок, частенько повторял перед своей аудиторией: «Не пейте вы, ребята, вино рюмками, а пейте стаканами».

В своих советах, как вести дело художественного самообразования, Суриков всегда отправлял учиться к природе. «Натура, натура и натура», часто повторял он, когда я уходил от него после беседы. Или говорил: «Я похож на путешествующего доктора, а вы на пациента, даю вам советы и рецепты, а вы сами распознавайте ваши болезни и сами лечитесь. Такова доля самоучки».

Реализм картины «Милосердный самаритянин» подкупил меня сделать с него копию. Картина была уже собственностью Красноярского городского музея. Копия была выполнена мною в течение месяца в том же масштабе. В один из приездов Сурикова (кажется, это был предпоследний, в 1900 году³, за даты не ручаюсь) копия была представлена на просмотр самого мастера. Василий Иванович остался очень доволен моим исполнением и сказал: «С моих картин много было сделано копий московскими живописцами, но как они исказили лицо оригиналов! Какие уморительные рожи у моих персонажей, несмотря на надпись «написана с Сурикова».

Из общения с Василием Ивановичем выяснилось, что я больше скульптор, чем живописец, а потому, не бросая живописи, Василий Иванович советовал мне сосредоточить свое внимание на скульптуре. После этого определения я стал налегать на лепку. Первой моей работой в этом направлении была вылеплена фигурка «Христианская мученица» и мраморный барельеф «Христос в терновом венце»⁴.

Относительно барельефа припоминаются некоторые подробности. Барельеф был сделан мною в деревне Торгашиной из валяющегося там, около мельницы, куска крупнозернистого мрамора. Вскоре я узнаю, что приехал Василий Иванович. Несу барельеф на просмотр своему учителю в город. Дорогой, не дойдя до Сурикова, по пути зашел я отдохнуть к своему сослуживцу, который, увидав мою работу, просит ее подарить. На подарок я согласился, но тогда, когда покажу Сурикову. Василий Иванович нашел мою работу вполне удовлетворяющей его художествен-

ное чувство, и когда услышал от меня, что барельеф уже нашел себе владельца, то воскликнул: «Вы сделали дорогой подарок! Куда он ему? Он его бросит, как человек, не понимающий в этих вещах. Не заносите его обратно, — я вам найду покупателя», и сейчас же написал письмо Е. П. Кузнецовой⁵.

Д. И. КАРАТАНОВ

Прошло уже шестьдесят лет с тех пор, как я в первый раз встретился с Василием Ивановичем Суриковым, когда он приехал из Москвы с мужем моей сестры — Леонтием Федотовичем Пирожниковым¹.

В Красноярске В. И. Суриков часто посещал моих родственников, заходил к моим родителям и к художнику Михаилу Александровичу Рутченко², у которого я тогда учился. Тогда я имел возможность видеть его довольно часто. К тому же мой отец³ и Василий Иванович были знакомы еще с детства.

Первое мое посещение мастерской Василия Ивановича относится к 1888 году⁴. Подробности этой встречи ярко сохранились в моей памяти. Сперва Василий Иванович просмотрел мои рисунки, а потом повел на второй этаж в свою мастерскую. Все стены комнаты были увешаны его масляными работами, а некоторые полотна, свернутые в трубки, стояли по углам.

В угловой, выходящей во двор маленькой комнате на мольберте стояла его картина «Исцеление слепого». Мне кажется, что она тогда была уже завершена и Василий Иванович вводил в нее последние штрихи и некоторые поправки.

Рядом с мольбертом, на табуретке, лежала небольшая палитра с раздавленными на нее красками. Водя меня по комнатам, он разворачивал трубки холстов и, между прочим, показал один из больших эскизов к «Боярыне Морозовой»⁵.

По стенам большой, выходящей на запад комнаты были развешаны автопортрет, портреты его дочери, стоящей с куклой, старика огородника, этюд девушки-итальянки в розовом домино и его академическая картина «Апостол Павел»⁶. В следующей комнате лежали на столе рисунки карандашом и небольшие акварельные работы, сделанные в Италии.

Часа три Василий Иванович беседовал со мной; он просто и понятно объяснил, как нужно рисовать с натуры, и для примера на маленьком листе бумаги сделал беглый набросок со своей руки. «Сначала — общее, а потом — частное», — говорил он. Прощаясь, Василий Иванович подарил мне небольшую гравюру с изображением головы девушки. Это была работа итальянского художника Блеас⁷.

После этого я не раз заходил к Василию Ивановичу и, как правило, заставлял его за работой. Так и запомнился его образ — художник, вдохновленный творческим трудом.

Несколько раз мне доводилось слышать его игру на гитаре. И в музыке он был виртуоз. Следует заметить, что гитара для Сибири была своего рода культом — ее можно было найти в любой квартире и в городе, и на приисках, и в деревне. Василий Иванович любил все, что имело общее с народом. Он высоко ценил народное творчество и называл его хрустально-чистым родником, откуда берут начала творческие пути лучших русских художников. Помню, как восхищался Василий Иванович домово́й резьбой во время одной из наших прогулок по городу.

У плашкоута, где всегда стояли крестьянские подводы, Василий Иванович завел оживленный разговор с крестьянами. Особенно понравилась художнику одна дуга, украшенная резьбой. Он искал клочок бумаги, чтобы зарисовать ее, а крестьяне наперебой рассказывали о «знаменитых» дуговых мастерах. Он восхищался ритмичной композицией народного орнамента, его лаконичной выразительностью.

При непосредственном участии Василия Ивановича была открыта в 1910 году в Красноярске художественная школа⁸. Она помещалась в здании купеческого общества — в доме, где сейчас гостиница, и была оборудована всем необходимым, даже электрическим освещением. Василий Иванович живо интересовался ее работой, просматривал работы учащихся и меня, как преподавателя, при встречах всегда спрашивал о том, как идут дела в школе.

Василий Иванович мечтал тогда остаться навсегда в Красноярске, выстроить мастерскую во дворе дома; он даже шагами отмерил место для строения. Но мечты его не сбылись. Началась первая мировая война, и родственники вызвали его в Москву.

Мечтал он также здесь, на родине, начать работу над новой картиной — «Красноярск»⁹. Он усиленно собирал для нее подготовительный материал.

Для меня, как и для всех художников нашей страны, Василий Иванович является примером беззаветного служения искусству родного народа, примером ясной целеустремленности и в жизни, и в творчестве.

А. Р. ШНЕЙДЕР

В каждый из своих приездов в Красноярск Василий Иванович бывал у моих родителей. Со слов моей матери хорошо помню, что отец мой, будучи студентом петербургского Технологического института, по просьбе своего товарища по Институту Александра Петровича Кузнецова¹, готовил Василия Ивановича по математике к вступительному экзамену в Академию художеств и что это положило начало их знакомству, а затем и добрым отношениям между ними.

Первое мое воспоминание о Василии Ивановиче относится к лету (июнь или июль) 1889 года. В этом году я поступил во II класс красноярской гимназии, мы жили на даче Г. В. Юдина². Василий Иванович приехал к нам с двумя своими маленькими дочками. Когда во время раз-

говора я вошел в столовую и поздоровался с ним, он, обращаясь к своим дочерям, сказал: «Вылитая тетя Соня ³, не правда ли?» — и несколько раз в этот вечер, обращаясь ко мне, повторял: «Тетя Соня». Помню, как сейчас, в его мягком взгляде была глубокая грусть, и после того, как они уехали, я спросил мать, почему он такой грустный. Она объяснила мне, что он недавно потерял свою жену и вот теперь остался с двумя девочками-сиротками.

Второй раз я помню Василия Ивановича на «Столбах» в компании Шепетковских ⁴, Кузнецовых и как будто бы И. Т. Савенкова. Года не помню, но это было спустя несколько лет после первой встречи. Василий Иванович писал этюд панорамы, открывающейся с так называемой Архиерейской площадки. В один из перерывов, обращаясь к сидевшим, он сказал: «Видел я Альпы швейцарские и итальянские, но нигде не видал такой красоты, как эта, наша сибирская. Наша природа такая своеобразная, чарующая. Краски, тон, общий колорит тоже особенно близкие нам». Это не дословное выражение, а лишь общая мысль его слов, которая запечатлелась в моей памяти.

В третий раз встречу с Василием Ивановичем я помню летом 1901 года, спустя полгода после смерти моей матери (Александры Александровны, урожденной Шепетковской). Он пришел к отцу, и они сидели на террасе нашего дома, выходящей в сад. Василий Иванович рассматривал альбом с фотографиями, в котором, кроме фотографий со знакомых и родных, были фотографии с картин Рафаэля и различных художников. «Не правда ли, — сказал он, обращаясь к моему отцу, — это ведь ее выбор? В этом выборе, как в капле воды, отразилась ее удивительно глубокая любящая душа, нежная психическая организация». В ответ отец заплакал, и Василий Иванович стал его утешать. Я ушел не в силах видеть слезы отца и побороть свои...

В последний раз я видел Василия Ивановича в Москве в ноябре 1902 года, когда с отцом и дядей (П. И. Рачковским ⁵) мы были у него в квартире (как будто бы в одном из переулков около Тверской улицы). Он очень радушно встретил отца и дядю, говорил о Сибири, восторгаясь красотами окрестностей Красноярска. Память не сохранила каких-либо отдельных ярких мыслей, но сохранилось общее впечатление о том, как сильно и глубоко любил Василий Иванович свою родину.

Помню также рассказы родных о том, что одно из женских лиц в картине «Боярыня Морозова» (в непосредственной близости к саням, над головой смеющегося мальчугана в шапочке, закутанной шалью) Василий Иванович писал с родной моей тетки Екатерины Александровны Рачковской. Я хорошо помню, что в кабинете дяди висел в 90-х годах в рамке, по-видимому, один из вариантов эскиза, очень схожий по композиции с указанным персонажем портрет ⁶. Позднее (после 1901 года) я этого эскиза не помню среди вещей дяди.

У Ивана Тимофеевича Савенкова имеется карандашный набросок В. И. Сурикова, сделанный с него (Ивана Тимофеевича) для картины «Стенька Разин» ⁷.

М. А. РУТЧЕНКО

Впервые я познакомился с В. И. Суриковым в 1890 году в Красноярске, куда он приехал к матери с детьми отдохнуть и забыться от пережитого им горя — потери любимой жены. В то время Суриков произвел на меня впечатление нездорового человека. Говорил он как-то отрывисто коротко, несколько глухим голосом, если и случалось с ним разговариваться, то часто и неожиданно впадал в задумчивость. Видимо, я ему понравился, так как уже при втором свидании Суриков был разговорчивей и душевней. Вскоре Суриков пришел ко мне. Сидели мы и рассматривали французский художественный журнал, если не ошибаюсь, «Salon»¹, где были помещены снимки с картин разных известных художников, в том числе и исторического художника Лорана². По поводу творчества Лорана Суриков сказал: «Вот французы с Лораном носятся, а он как исторический художник слаб. Нет в его картинах эпохи. Это иллюстрации на исторические темы». Сказал и добродушно рассмеялся. Мастерством художника Рошгроса³ восторгался: «О, как там написан мастерски ангел!» И вдруг погрузился как бы в забытье, подавил вздох и уже говорил коротко и как-то болезненно.

Был я у Сурикова в третий раз. Он обрадовался моему приходу, говорил много, показал мне свои академические рисунки, а затем и свою последнюю работу — картину «Исцеление слепорожденного». Я сразу заметил, что слепорожденный похож на автора картины. И вот из пояснений автора я понял, что именно он болеет, — он переживал острый религиозный экстаз. Это его исцелил Христос от слепоты. Говорил он прежним глухим голосом, вдохновенно. Я молча слушал и слушал. Наконец речь оборвалась. Я взглянул на Сурикова. Он был погружен в свои переживания. На глазах признаки слез. Я не прерывал молчания. Наконец Суриков спросил мое мнение о картине: «Говорите, не стесняясь». Я сказал, что картина мне очень нравится своей безыскусственной простотой, и то нравится, что есть сходство в лицах у Христа и слепорожденного. Но я не советовал бы пропускать луч солнца на руку слепца, от этого разбивается-де цельность впечатления, но я понимаю значение этого луча на руке. Картина была тогда еще не окончена. В окончательном виде я ее не видел.

Опять Суриков был у меня. На этот раз он рассматривал мои работы, похвалил один эскиз и советовал бросить этюды, а писать картины — «Картина научит скорее, чем этюды!»...

Как-то я прихожу к Сурикову. Он в большом беспокойстве. Оказалось, люто заболела его мать. Я спросил: «Доктор был?» — «Нет, да и зачем он? Без воли божией и волоса не падают с головы». Большого труда стоило мне убедить его, что и доктора существуют и лечат не без божьей воли. Суриков попросил меня съездить за доктором. Я привез небезызвестного в Красноярске доктора Крутовского⁴, и вовремя — Крутовский скоро поставил на ноги старушку. С этого времени Суриков всегда относился ко мне с доверием и дружбой.

Однажды он заговорил об Академии художеств. Я высказал свое мнение, что она приносит больше вреда, чем пользы, в таком виде, в каком она тогда была.

Показывал Суриков мне свой портрет работы Крамского ⁵: «Написал он портрет мой, я и говорю ему — ни одного мазка! Положите хоть на лбу блеск мазком». А Крамской говорит: «А где же вы видите на лицах мазки?» — И все же положил мазок. «Вот он мазок», — и засмеялся.

Нередко мы с ним гуляли по улицам Красноярска. Идем как-то по Качинской улице, близ старого базара. Суриков указывает мне на старый домишко с острой крышей: «Вот откуда я взял характер домов в своей картине „Боярыня Морозова“». Сибирь много сохранила от старого уклада жизни. В этот период Суриков жил в Красноярске что-то около 7—8 месяцев.

Примерно через год еду я в Петербург и заехал в Москву. Посетил Сурикова. Был вечер. Пьем чай. Вдруг Суриков говорит: «А знаете, Михаил Александрович, как-то я был у Л. Н. Толстого и был там разговор о вас и ваших взглядах на искусство и на Академию художеств. Толстой очень заинтересовался и просил меня, когда вы будете в Москве, привести вас к нему. Толстой пишет что-то по вопросам искусства». Долго я думал, что делать. Хотелось, крепко хотелось видеть Льва Николаевича и в то же время не хотелось показать перед ним убожество своей мысли. Так и не поехал к Толстому, о чем впоследствии жалел, когда прочел его статью «Что такое искусство» ⁶.

Теперь уже всего не припомню, о чем мы говорили с Василием Ивановичем, а надо сказать, Суриков был интересный, вдумчивый собеседник. Когда же не гуляли по вечерам, а сидели дома у него или у меня, то Суриков брал гитару, на которой он артистически играл своими короткими пальцами. В особенности любил он играть «думку», сочинения его бывшего друга, сослуживца по губернскому правлению, Мельницкого. И надо сказать, эта «думка» действительно была прекрасна своею тихою грустью. После этой «думки» мы долго сидели молча, переживая каждый свое в прошлом. В один из таких вечеров Суриков рассказал, как он работал по росписи храма Христа Спасителя. Писал он картину «Вселенский собор» и одному дьякону такую шапку волос навернул. Приходит распорядитель работ и говорит: «Что вы делаете! Уберите половину волос». Пришлось убрать, а жаль... В то же время говорит художнику Творожникову ⁷: «Ну, а вы слишком зализали свою работу», — а раньше хвалил его.

Проходит 4 года. Я живу в Красноярске. Много работы. Пишу огромное полотно — «Рождество», по В. П. Верещагину ⁸, но в умбристых тонах. Вдруг в мастерскую заявляется Василий Иванович. Как же был ему рад. Разумеется, сейчас же завязался разговор о картине Верещагина: «Когда писал Верещагин эту картину в храме Христа Спасителя, — говорит Суриков, — заходит туда П. П. Чистяков, увидел картину и говорит: «Это не рождество, а торжество жженой тердисени» ⁹. Раздался общий хохот. Вы хорошо сделали, что пишете в умбристых тонах...» — «Надолго приехали?» — спрашиваю я. «Нет, не надолго. Надо собрать материал, написать этюды ¹⁰. Еду на Абакан». Суриков взял у меня тогда таежные

сапоги и вскоре уехал на Абакан. По приезде в Красноярск долго сидел у меня. Было много переговорено, но о своих работах ничего не говорил. Суриков неохотно говорил о своих работах, когда они были в процессе творчества. На столе лежали карандаш и бумага, Суриков в разговоре взял карандаш и нарисовал казака; того казака, который разбивает кулаком снежное укрепление в картине «Взятие снежного городка». При чем начал рисовать коня с левой ноздри и закончил казаком. Рисунок этот взял Ин. А. Матвеев¹¹ для музея. Взял и мою работу «В одиночном заключении» для того же музея. В этот свой приезд Суриков заметно освободился от религиозного психоза, был бодр и жизнерадостен.

В 1896 году я переехал на жительство в Иркутск. В 1905 году я ехал в Петербург и заехал в Москву к В. И. Сурикову. Всего 4 дня назад как была открыта Передвижная выставка картин в Москве, на которой стояла картина Сурикова «Разин»¹². Сурикову хотелось слышать мое мнение о картине, мы уговорились с ним на завтра в 8 часов утра посетить выставку, а пока сидели вечером за чаем и говорили о том, о сем, и главное, о войне с Японией. Суриков питал надежды на помощь адмирала Небогатова¹³, который был отправлен с флотом на Дальний Восток. На другой день в 8 часов утра мы уже были на выставке, одни (выставка открывалась в 10 часов утра). Картина «Разин», грандиозных размеров, произвела на меня невыгодное впечатление. Я молчал, а Суриков понуждал меня высказаться. Я сказал: «Василий Иванович, а не будете сердиться за откровенное слово?» — «Только так, Михаил Александрович, откровенно!» Я старался как можно мягче высказать свое мнение: «Видите ли, Василий Иванович, Разин сам по себе безусловно хорош. Тип Разина собирательный. Ни одна из славянских народностей целиком, пожалуй, не припишет его себе. Хороши типы его ватаги. На редкость хорош Кольцо, на носу баркаса. Хорош в своем роде вот этот медведь, с громадными руками. Но вот в чем беда — между всеми ними нет связи, и в особенности между ватагой и Разиным...» Долго Суриков стоял перед своим полотном. Я посмотрел выставку, подошел к нему и стал за его спиной. Неожиданно он повернулся и пожал мне крепко руку. Мы молча с ним вышли, простились и расстались.

Не могу точно сказать, когда у нас был разговор по поводу преобразования Академии художеств¹⁴. Говоря об этом событии, Василий Иванович рассказал мне, как его приглашал И. Е. Репин занять место профессора. Дело было на каком-то собрании художников, забыл каком, кажется, на съезде перед открытием Передвижной выставки. Был такой шуточный эпизод. «Сижу я на диване, — рассказывал Суриков, — а Репин стоит передо мной и все просит меня на работу в Академию. Мне это было смешно и досадно. Я и говорю ему: «На колени!» Представьте себе, стал на колени. Я расхохотался и сказал ему: «Не пойду!»

Вот и все, что мог я вспомнить из своих встреч с В. И. Суриковым. Записи разговоров, которые мы с ним вели и которые я хотел сохранить, погибли в 1907 году¹⁵.

...Когда, не помню, ехал я через Москву, был у В. И. Сурикова. В Москве как раз была Передвижная выставка. На выставке стояла картина

«Переход Суворова через Альпы». Мы отправились с ним вместе на выставку. Говоря о картине, Суриков обратил мое внимание: «Посмотрите на этого старого казака, испытанного в боях. Дрогнул. Страшно. Крестится и ринется в пропасть, как и тот солдат, который уже летит туда. Я долго бился над этим солдатом. Не летит в пропасть, да и только, а когда я неестественно поднял его локти вверх, — полетел... Приходится иногда утрировать, чтобы добиться нужного впечатления. Я ездил в Альпы и зарисовал место перехода с натуры. Какой там ужас! Не верится как-то, чтобы даже Суворов мог перейти в этих местах Альпы».

В приезд Сурикова в Красноярск в 1889 году услышал он, что в Учительской семинарии есть хорошая подзорная труба; пожелал показать своим дочкам луну. В назначенное время мы с детьми явились в семинарию. Я с преподавателем П. С. Проскуряковым несли во двор станок с трубой и застряли в дверях. Протискиваясь через дверь, вздумали подурачиться и запели «со святыми упокой». Вдруг Суриков как закричит: «Что вы, что вы делаете!..» Мы сразу прикусили языки. Надо сказать, что в это время Суриков переживал острую религиозность. Не сразу он успокоился, а мы, как школьники, попавшиеся в нехорошем деле, в смущении не знали, что нам делать. Проскуряков оправился и начал настраивать трубу. Настроивши, предложил Сурикову смотреть на луну. Суриков и дети были в восторге от обозрения луны. Настроение у Сурикова изменилось, он был с нами любезен, чувствовалось, что хотел сгладить этот инцидент.

Как и все люди, не обладающие красноречием, Суриков всегда говорил несколько в шутливом тоне и чуть-чуть с добродушной иронией, — почему некоторые считали его насмешливым. Но когда Василий Иванович говорил один на один с человеком, которого уважал и которому доверял, то в своей задушевной речи возвышался до большой поэтической красоты языка и мыслей. В области же искусства Суриков не имел ни поверенных, ни друзей. Он был одинок. Сурикова вполне никто не понимал как художника и как человека. Даже такие столпы искусства, как И. Е. Репин, не могли понять, почему Суриков отказался принять участие в строительстве обновленной Академии художеств. К слову, после отказа Сурикова от преподавания в Академии, Репин как будто недолюбливал Сурикова и даже позволил себе сказать ему при осмотре картины «Разин»: «Вы все, Василий Иванович, чем дальше, тем больше преуспеваете в технике», а Суриков чем дальше, тем больше игнорировал технику, что ярко сказалось в его картине «Разин». Но когда хотел того, Суриков был хорошим техником кисти и рисунка, в чем не трудно убедиться при осмотре его работ.

К. А. ЯКОВЛЕВА-КОЗЬМИНА

После длинного переезда на лошадях из Иркутска 10 августа 1891 года в Томске мы сели на пароход «Казанец» и поплыли по Томи к северу, затем поднялись по Оби, вошли в Иртыш и начали спускаться к Тобольску.

Плыли мы долго, дней шесть. Погода была мрачная, небо было закрыто тяжелыми тучами, шел, почти не переставая, дождь, дул холодный пронизывающий ветер. Приходилось большею частью сидеть в каюте, а выходя на палубу, надевать шубу. Но я плыла в первый раз на пароходе, и новизна впечатлений скрашивала монотонность пути и неприветливость природы. Пароход этот был приготовлен для переезда «наследника» (Николая Романова) и потому был заново выкрашен, блестел чистотой, порядком, все было предусмотрено для комфорта и казалось мне особенно роскошным. Дамская каюта II класса, где находилась я, имела удобные широкие диваны и круглые маленькие окошки, женщин в ней было немного, они большею частью спали. В мужской каюте ехали наши караванные спутники; там играли в карты, какой-то актер забавлял анекдотами, пел куплеты, постоянно слышался громкий хохот, но разговоры были такого рода, что ехавший с нами директор народных училищ В. К. Златковский закрывал себе уши шубой, а молодой поляк А. И. Тышко предпочитал часами маршировать по трапу. Пароход тащился медленно, в сопровождении тяжело нагруженной баржи, часто останавливался у пустынных берегов, набирая заготовленные дрова. Чтобы развлечься, молодежь выскакивала на берег, почти всегда крутой, глинистый, скользкий, с жалкой травяной растительностью. Бродили по берегу, ежась от холода и пряча руки в рукава.

Постепенно началось ознакомление пассажиров друг с другом. Их было в общем немного, исключая тех, которые ехали с караваном из Иркутска. Внимание обратил на себя плотный коренастый человек среднего роста с типичным смуглым лицом сибиряка и с длинными густыми черными волосами, которыми при разговоре он забавно встряхивал. Мы узнали, что это был художник Василий Иванович Суриков, возвращавшийся из Красноярска в Москву со своими двумя дочками, занимавший отдельную каюту. Василий Иванович тогда уже пользовался славой большого художника, но с его картинами я была знакома только по снимкам в иллюстрированных изданиях да по письмам А. В. Потаниной¹, которая особенно восхищалась его картиной «Боярыня Морозова» за созданный им величавый образ героини-женщины.

Василий Иванович охотно и много разговаривал с молодежью, он любил Сибирь и понимал ее особенности и красоты. Когда мы жаловались на скуку и монотонность путешествия, он указывал на окружающую природу, заставлял вглядываться, уметь ценить и беспредельную ширь Оби, и мрачный пустынный характер ее берегов, понимать величие природы, которое создавалось этой беспредельностью. А Обь, чем дальше к северу, тем становилась обширнее, ее берега иногда казались узкой полоской земли на далеком горизонте, а вблизи были низкие, глинистые, поросшие одним тальником. Редким оживляющим диссонансом являлись немногие раскиданные по берегам деревни с их длинными улицами и крепко сплоченными деревянными домиками. «Вот, — говорил Василий Иванович, — борьба человека с природой, борьба за жизнь, жестокая борьба... Здесь выковываются стойкие сибирские характеры». Особенно характерными для сибирского пейзажа были юрты остяков, убогие жилища, где жили

люди, еще лишенные культуры, пасынки человечества, люди в самодельных меховых одеждах, с непонятной речью, задавленные голодом, нищетой и болезнями. При остановке парохода они забирались на борт, предлагали рыбу, просили табаку и водки. Матросы их гнали. А Василий Иванович спешно делал наброски в своих книжках ².

Бывали редкие моменты, когда вдруг вечером ветер разгонял тучи, полная луна прихотливо выглядывала из-за разорванных краев, широким лунным столбом отражалась в воде и заливала светом громадное водное пространство. Тогда низкие берега, пароход, баржа — все окрашивалось чудесным светом, и по этой пустынной глади, казалось, гордо двигается пароход — пионер цивилизации, который разбудит и даст новую жизнь этой еще спящей, нетронутой стране. Изредка попадались встречные пароходы, и мы обменивались с ними веселыми гудками сирены. Были и жуткие моменты, когда небо, вода, пароход — все затягивалось густым непроницаемым туманом, дышать становилось страшно трудно, и жутко гудели почти непрерывные гудки сирены, создавалось угнетенное настроение...

Но вот мы покинули мрачную, величественную Обь, вошли в Иртыш и начали спускаться к югу. Здесь картина природы изменилась. Эта река уже не так широка, воды ее светлее, берега разнообразны и местами живописны. Есть и скалы, и утесы, и дремучие леса, иногда вплоть доходящие до краев круто срезанного берега. Василий Иванович приходил в восторг, указывая на красоту отражения в воде берега, леса. Он говорил: «Ни один художник еще не смог передать в красках этой дивной красоты. Посмотрите-ка, какая глубина отражения, какая чистота линий, красок, сколько жизни в движении воды». Он любовался и полетом птиц, поднимавшихся из лесу, и грацией спугнутого зайца, мелькавшего среди деревьев.

Особенно красивы были берега в праздничный день, 15 августа ³, когда мы плыли мимо деревень, которые здесь попадались гораздо чаще. На берегах виднелись живописные группы по-праздничному пестро одетых крестьян, слышалась гармоника, кое-где пели песни. Бегали и играли ребятишки. Василий Иванович приходил в восторг от этих картин, почти не отходил от борта парохода. Он рассказывал о задуманной им картине из сибирской истории, где должен был фигурировать Ермак, и, наблюдая окружающее, он, очевидно, подбирал подходящие мотивы.

Василий Иванович познакомил меня со своими дочерьми, им было 10—12 лет. Они перед этим потеряли свою мать и были одеты в темные платья. Это были застенчивые скромные девочки с грустной печатью сиротства. Мы понемногу сблизились друг с другом и дальше уже по железной дороге и на пароходе от Перми до Нижнего ехали в одной каюте. Моим козырем были рассказы. Я увлекалась греческой историей, и девочки с большим интересом слушали мифы о греческих богах и героях. Василий Иванович был доволен, что девочки привязались ко мне, и убедительно просил не прерывать знакомства и дальше. Но они жили в Москве, а я ехала в Петербург, где меня ожидала новая жизнь, поступление на Высшие курсы, студенческая среда, все, что казалось так увлекательно и полно серьезных задач. И наше знакомство прервалось на этом...

Василий Иванович был интересный, живой собеседник, он любил говорить о Сибири и на сибирские темы. И по поводу своих девочек он говорил: «Посмотрите — это тип будущих сибирячек, их мать была французенкой, у отца они взяли сибирские черты, и я думаю, что тип коренных сибиряков — смесь русского и монгольского элемента — создастся под влиянием культуры, вот именно с такими чертами».

Девочки были очень хорошенькие, смуглые, с тонкими нежными чертами. «Каждый год, — говорил он, — я стараюсь возить своих девочек в Сибирь, чтобы они научились любить мою родину. Там живет моя мать, старая казачка, и ее я навещаю. И вообще я не могу долго быть вне Сибири. В России я работаю, а в Сибирь езжу отдыхать. Среди ее приволья и тишины я запасаюсь новыми силами для своих работ».

Когда через 4 года я возвращалась в Сибирь, мы снова встретились с ним в поезде Московской железной дороги, но ехали в разных вагонах. Он опять ехал в сопровождении своих дочерей, тогда уже взрослых девушек, но мне показалось, что и они, и Василий Иванович настолько позабыли о моем существовании, что я не решилась и напомнить о себе, а по приезде в Нижний, мы попали на разные пароходы.

С. Т. КОНЕНКОВ

Помнится мне, в 1891 году приехал я в Москву из Ельнинского уезда, Смоленской губернии, поступать в Училище живописи, ваяния и зодчества, и, как водилось, прежде всего направился в Третьяковскую галерею. Долго, как зачарованный, не в силах отвести глаз, стоял я перед «Боярыней Морозовой» и тогда-то по-настоящему ощутил величие Сурикова.

Познакомился я с Василием Ивановичем значительно позже, когда, окончив училище, экспонировал на Передвижной выставке статую «Каменобоец»¹. В день вернисажа, взволнованный (выставлялся-то у передвижников впервые), я пошел на выставку. Посредине главного зала увидел Сурикова. Он подошел ко мне и похвалил мою работу. Сердце мое подпрыгнуло и забилось часто-часто: сам заметил меня — Суриков!

Таким, как я увидел тогда Василия Ивановича, таким он навсегда запечатлелся в моей памяти: ладный и крепкий, с широким размеренным шагом, увенчанный черными пенистыми кудрями. Все в нем было свое, суриковское, типичное для него. Прониновенный, чистый взор, и будто написанный кистью алый и ровный рот, и спрятавшаяся в глазах казачья «лукавинка», и неожиданно мягкое пожатие большой и сильной руки.

Суриков выставил картину, на которой изображался переход суворовской армии через Альпы. Картина имела успех несравненный (впрочем, как и другие суриковские работы), и Суриков подле нее казался мне выше ростом. С той знаменательной для меня выставки началось знакомство с Василием Ивановичем, которое продолжалось вплоть до его кончины.

Беседы с ним были истинным наслаждением. Суриков говорил отлично, и знал это, и поэтому любил рассказывать. Выразительная и образная речь его сопровождалась широкими взмахами рук. Рассказывал ли он о Сибири, о снежных равнинах и о могучей глади Енисея, или о Средней России — о перелесках и болотцах, яркие картины, точно живые, вставали перед глазами слушателей.

Его высказывания об искусстве служили для меня, как и для других молодых художников, своеобразной энциклопедией, откуда черпали мы знания, крайне полезные.

Суриков безгранично любил природу. Помню, он говорил так: «Учиться в Академии нужно, но не очень следовать за указаниями академиков. Искусство — оно большое, и ему не влезть в академических стенах, — Суриков взмахивал при этом обеими руками. — Природа! Она велика, и вот где истинная школа художника!»

Наговорившись всласть, Суриков брал гитару, играл на ней и подпевал вполголоса.

В искусстве Суриков не переносил ничего гостиного, напмаженного, прилизанного, выполненного в угоду салонным вкусам. Да и в жизни тоже.

Бывало, входя в комнату, он ловким движением взбивал свои черные кудри, чтобы «они не лежали, точно я от цирульника». Одет он был всегда аккуратно, чисто, без единой пылинки на платье, но органически не выносил выглаженных в струнку брюк.

Однажды Суриков покупал в магазине шляпу. Примерил ее — подошла. Затем он ее снял и старательно смял. У продавца от удивления расширились зрачки. Суриков поглядел на него игриво, бросил шляпу на пол и придавил ногой. Продавец заикнулся: «А д-деньги кто будет платить?» Суриков поднял шляпу, почистил щеткой и, надев на голову, сказал: «Теперь и носить ее! Отличная шляпа, а то какие-то дамские складочки. Смерть не люблю новых шляп».

Суриков ценил хорошую мебель и знал в ней толк. Как-то фабрикант Морозов² приобрел гостиный гарнитур и пригласил Сурикова посмотреть его: «Зайдите, Василий Иванович, отменно хорош гарнитур, редкой работы». Суриков зашел. Гарнитур ему не понравился. Это была безвкусная мебель с бьющими на эффект украшениями. Так как хозяин не переставал восхищаться, Суриков, к неописуемому ужасу Морозова, вскочил ногами на диван и поддакнул лукаво: «М-да, пружины добротные...»

Суриков ежедневно часами работал в своей мастерской, помещавшейся в Историческом музее. Как мне ни хотелось, но Суриков не позволял посещать мастерскую. Только его дочь Ольга имела туда доступ.

Любимым отдыхом Сурикова были прогулки и сопровождавшие их беседы с крестьянами и рабочими. Василий Иванович каждодневно подчеркивал, что художнику прежде всего нужно изображать народ, ибо тема народа превыше всего. Поэтому был ему близок образ Степана Разина, которого понимал Суриков как народного вожака, героя, борца за счастье народа.

В дни революции 1905 года Суриков крайне сочувственно относился к революционным рабочим, и на их стороне были его симпатии.

В 1916 году, не припоминая, в силу каких причин, я долго не видел Василия Ивановича. Моя мастерская располагалась тогда на Красной Пресне, неподалеку от Ваганьковского кладбища.

Выхожу я как-то на улицу и вижу траурную процессию. Узнал в ней знакомых. Подошел, а мне говорят: «Суриков». Все поплыло перед глазами...

Еще при жизни Сурикова, когда я вместе с художником Кончаловским возвратился из Звенигорода, где мы провели летние месяцы, Василий Иванович, рассматривая мои последние работы, сказал: «Я бы охотно позировал вам». Но я не посмел лепить Сурикова. Полагал, что эта ответственная задача мне не по плечу.

Однако создание образа дорогого художника, друга всегда оставалось моей мечтой. Минуло более тридцати лет. Сейчас я работаю над памятником Сурикову³. Мечта моя сбывается.

Н. А. КИСЕЛЕВ

Когда наша семья жила в Москве, в девяностых годах, отца моего¹ часто посещал Василий Иванович Суриков. Хотя я еще был тогда очень молод, лет четырнадцати, мне удалось быть свидетелем его глубоких увлечений в области музыки.

Дело было так. Однажды Василий Иванович пришел к отцу днем и, проходя через гостиную в кабинет отца, застал меня играющим на пианино гаммы и другие упражнения. Я поднялся со стула, чтобы поздороваться с ним, но он, поспешно проходя, просил меня не прерывать занятий. Я снова принялся играть этюды, а затем и кое-какие пьесы. Занимался я много и серьезно. Прошло более часа. Снова открылась дверь кабинета. Вышел Василий Иванович и, прося отца не провожать его до передней, подошел ко мне, сел на стул рядышком и стал расспрашивать, люблю ли я музыку, что играю и какие вещи особенно люблю. Затем, поговорив еще немного, он, очень радушно, по-приятельски пожимая руку, сказал, чтобы я обязательно пришел к нему. Назначил день и час. «Я хочу сыграть тебе кое-что, — сказал он уходя, — обязательно приходи». Я спросил Василия Ивановича, на чем он играет и что. «Там увидишь», — ответил он.

Когда он ушел, я все рассказал отцу. Но он никогда не слышал, чтобы Василий Иванович на чем-либо играл и что он любит музыку.

Я спросил, пойдет ли отец со мной, но он, улыбаясь, сказал, что не пойдет, так как Василий Иванович его не звал и ни о какой музыке у них разговора не было.

В назначенный час, разыскав по адресу, данному мне Василием Ивановичем, дом по одной из Ямских улиц близ Садовой, я поднялся по длин-

ной прямой лестнице на второй этаж. Позвонил. Скоро послышались шаги, и, открыв дверь, Василий Иванович встретил меня, приветливо улыбаясь. Я снял пальто и, пройдя с ним через две совершенно пустые комнаты, очутился в длинной, тоже пустоватой, видимо, мастерской. У окна стоял мольберт. На нем стояла начатая большая картина, покрытая сверху занавеской. Как я ни старался разглядеть, что там нарисовано, кроме пустого белого холста в нижней части картины, ничего не увидел. Заметив мои любопытствующие взгляды, Василий Иванович, махнув в сторону картины рукой, сказал, что она еще в работе, что еще и половины не сделано. Указав мне на стоящий в стороне большой сундук, он объяснил, что в нем много настоящих старинных одежд и оружия, которые должны быть написаны и ждут своей очереди, а пока еще никто картины не видел.

Я с любопытством стал ждать, что и на чем Василий Иванович мне сыграет. Усадив меня на стул и поставив другой против него, он отошел в дальний угол комнаты и вернулся с гитарой в руках, на ходу подтягивая струны. Глаза его с вызывающей улыбкой, не отрываясь, следил за моим лицом, желая понять, какое впечатление создаст появление этого инструмента. Настраивая гитару, Василий Иванович едва коснулся струн, и послышались мягкие, приглушенные, ласкающие ухо звуки. Он спросил, знаю ли я этот инструмент, люблю ли его и приходилось ли мне слышать серьезную музыку, исполняемую на нем. Я сказал, что мой старший брат любит цыганские романсы, немного поет и сам аккомпанирует себе на гитаре, но лишь при закрытых дверях, когда его никто не слышит. «Ну, это другое дело», — сказал Василий Иванович и, нагнувшись несколько вперед, мягким прикосновением, медленно, нежно и звучно начал играть. Я услышал первую часть Лунной сонаты Бетховена. Меня поразила серьезность исполнения. Хотя все это было далеко от игры на рояле, но по-своему очень приятно, причем весьма музыкально. Да! Василий Иванович прекрасно чувствовал и передавал все очарование знаменитой бетховенской сонаты.

Надо сказать, что сравнительно недавно в журнале «Огонек» появилась небольшая заметка, если не ошибаюсь, внучки² Василия Ивановича о его большой любви к музыке и о том, что ей удалось впервые узнать и услышать исполнение дедушкой Лунной сонаты на гитаре уже незадолго до его кончины. Прочтя воспоминания внучки, я подумал, что Василий Иванович очень редко при ком-либо играл на гитаре, а тем более исполнял Лунную сонату. Не знаю, так ли это. Но во всяком случае, очень характерно для Сурикова и совпадает с его самоуглубленностью, с любовью в одиночестве наслаждаться искусством как в музыке, так и в живописи. Писал он свои великие произведения по несколько лет, кажется, не делясь ни с кем своими переживаниями.

Суриков был прямой и гордый человек. Несмотря на свою скромность, он не способен был смолчать, если кто-либо пытался умалить его труд и достоинство произведения. Помню рассказ отца о беседе великого князя Владимира с Василием Ивановичем. Великий князь высказал желание приобрести у Сурикова «Переход Суворова через Альпы» для Михайловского музея³ в Петербурге. В конце беседы великий князь спросил,

как оценивает свою картину художник. Суриков ответил: «Десять тысяч рублей». Великий князь заметил, что это слишком дорого. И Василий Иванович довольно резко, в повышенном тоне, не вставляя в речь «ваше высочество» (что считалось по этикету необходимым), сказал: «Это ничуть не дорого, если учесть, во сколько художнику обходятся приобретения костюмов, оружия и других предметов, которые он должен писать с натуры, да еще надо учесть многолетний напряженный труд».

Когда великий князь, помолчав, сказал, что картина им приобретается, Василий Иванович добавил: «Вот то-то и оно!»⁴

Надо было видеть, с каким интересом и своеобразной гордостью говорил он о своих родичах казаках, показывая мне и объясняя в подробностях назначение приобретенных им старинных костюмов и оружия. У него было бесконечное количество головных уборов и одежд как женских, так и мужских, с какими-то длинейшими рукавами необычно прочного материала, тяжелых и на совесть крепко сшитых. Это все скупалось Василием Ивановичем из тайников старожилов в сибирских казачьих селениях. Многие одежды, сшитые чуть ли не сотню лет назад, мало чем отличались по фасону от нарядов трехсотлетней давности. В глухих уголках Сибири новомодье прививалось с большим опозданием. Так же было и с оружием. Кремневые ружья времен Ермака Тимофеевича не только украшали стены старых казацких домов, но служили иногда вооружением и современных охотников. Их конструкция и тяжесть говорили о вековой службе в могучих руках богатырей-казаков.

Познакомив меня с интереснейшими образцами старинного оружия, Василий Иванович сказал: «Идем чай пить, там дочки заждались».

При этих словах я почувствовал большую робость. Мне в том возрасте всегда казалось, что девушки, если их несколько, посмеиваются над нашим братом, недаром они с улыбочкой перешептываются. У меня обычно в этих случаях прилипал язык к гортани, и вел я себя очень глупо. Василий Иванович, заметив мое замешательство, подтолкнул меня в спину рукой и, весело глядя на дочерей, предложил поскорей налить чайку и занять гостей.

Комната была большая, квадратная, уютно обставленная мягкой мебелью. Перед диваном-тахтой, на котором сидели девушки, стоял стол, а на нем самовар и много интересной расписной посуды и всякого вкусного угощения. Смущение мое не уменьшалось, пока девушки не вытянули из меня несколько ответных фраз на их вопросы о музыке и моих занятиях. Я, отвечая одной из девиц, сказал, что, к сожалению, поздно начал заниматься, и недостаток техники мешает мне исполнять многие вещи. Василий Иванович сказал: «Конечно, техника — не лишнее, но лишь, когда она помогает почувствовать глубже музыку, музыкальную мысль [...], а у Куинджи она мешала бы выявить силу его «Березовой рощи»⁵. У великих музыкантов есть неисчислимое количество вещей, где техника не играет большой роли. Все переиграть — жизни не хватит».

Однако пора было и возвращаться домой. Простившись с девушками, которые меня уже не так пугали, я в сопровождении Василия Ивановича вновь прошел ряд пустых полутемных комнат, в одной из которых опять

увидел у окна на мольберте продолговатый холст начатой большой картины. Эх, с каким бы удовольствием я заглянул под занавеску, скрывающую полотно.

В передней Василий Иванович с улыбкой простился со мной, сказав: «Привет отцу». Дверь захлопнулась. Я медленно стал спускаться по невероятно длинной прямой лестнице, с волнением перебирая в уме только что пережитые впечатления. Все было особенное, не похожее на обычное.

Вернувшись домой, я в подробностях сообщил отцу о пребывании у Василия Ивановича. Когда я рассказал ему, как Василий Иванович отозвался о картине Куинджи «Березовая роща», отец заметил, что многие бы согласились с ним, но немало и таких, кто видит в этой вещи особый технический прием Куинджи, который помогает выявить силу света и создать впечатление живой природы.

Я. Д. МИНЧЕНКОВ

Смотришь, бывало, на Василия Ивановича и думаешь: «Вот она, могучая, стихийная сила сибирская! Самородок из диких гор и тайги необъятного края!»

Был ли он потомком лихих завоевателей Сибири или купцов, рыскавших и менявших товары на меха и золото «инородцев», — не знаю, но вся фигура его ярко выделялась на фоне людей, попавших под нивелировку культуры и сглаженных ею до общего среднего уровня. В основе его натуры лежал несокрушимый сибирский гранит, не поддающийся никакому воздействию.

Самобытность, непреклонная воля и отвага чувствовались в его коренастой фигуре, крепко обрисованных чертах скуластого лица со вздернутым носом, крупными губами и черными, точно наклеенными, усами и бородой. Кудлатая черная голова, вихры которой он часто по-казацки взбивал рукой. Речь смелая, упорная, решительная, подкрепляемая иногда ударом кулака по столу.

Ему бы бросаться на купецкие ладьи с криком: «Сарынь на кичку!» или скакать на диком сибирском коне по полям и лесным просекам. Садко купец или ушкуйник!

У него, выросшего среди необъятной природы, было необычайно развито чутье охотника, отслеживающего зверя, чутье художника, улавливающего тропу, протоптанную людьми давних эпох.

Он чует брожение народных масс, ясно видит образы их вожаков, умелой сильной рукой бросает их на свои огромные полотна, и они там оживают и дышат настоящим своим дыханием, дыханием эпохи, близкие и родственные самому художнику.

Где и как он рос?

— Пошли это мы с ребятами за город на обрыв, — вспоминает Суриков, — сидим... Слышу — сопит кто-то. Подошел я к обрыву, гляжу —

медведь взбирается снизу к нам. Ах ты! Я испугался, и медведь испугался, оборвался вниз, а мы убежали.

— То, что вы называете у себя лесом, — говорил Суриков, — так это зубные щетки, не больше, а вот как поедешь, бывало, в Сибири по дороге среди леса, так это действительно настоящая лесная симфония. Только над вами светлое небо, а с боков зеленая тьма! А лошадь ногами-то, ногами ступает по колени в ямки, пробитые раньше другими лошадьми. Упадет поперек дороги дерево — едва перелезешь через него с лошадью.

И Василий Иванович прекрасно знал этот могучий край. Чтобы собрать этюды для картины «Ермак», учуять следы покорителя Сибири, он проехал там верхом более трех тысяч верст. Рассказывал он эпизод из своих странствований по Сибири:

— Ехал я по настоящей пустыне, доехал до реки, где, говорили, паром ходит. Деревушка — несколько изб. Холодно, сыро. «Где, — спрашиваю, — переночевать да попить хоть чаю?» Ни у кого ничего нет. «Вот, — говорят, — учительница ссыльная живет, у нее, может, что найдете». Стучусь к ней. «Пустите, — говорю, — обогреться да хоть чайку согреть».

— А вы кто?

— Суриков, — говорю, — художник.

Как всплеснет она руками:

— «Боярыня, — говорит, — Морозова»? «Казнь стрельцов»?

— Да, — говорю, — казнил и стрельцов.

— Да как же это так вы здесь?

— Да так, — говорю, — тут как тут.

Бросилась это она топить печь, мед, хлеб поставила, а сама и говорить не может от волнения.

Понял я ее и тоже вначале молчал. А потом за чаем как разговорились, как начала она расспрашивать! Просит: «Говорите все, и какие дома в Петербурге и Москве, и как улицы называются, и кто жив, и кто умер. Я, — говорит, — ничего не слышу и никого не вижу, живу за тысячи верст от центров, от жизни». Спать не пришлось, проговорили мы до утра.

Утром подошел пароход. Сел я на него, а она, закутавшись в теплую шаль, провожала меня на пристани. Пароход отошел. Утро серое, холодное, сибирское. Отъехали далеко, далеко, а она, что видно, все стоит и стоит одна на пристани. Да, тяжела была их жизнь в изгнании...

Картины свои Суриков писал годами. Пронесился слух, что он пишет такую-то картину, и мы с нетерпением ждали ее на выставке.

При мне появилась его большая картина «Ермак». Как и все его произведения, она подавила меня своим суровым величием, мощью и жизненной правдой. Верилось, что так оно и должно было быть, как рассказано в картине, но краски казались черными и скучными. Впоследствии я увидел эту картину в музее, и странное дело: она убила здесь все картины своим колоритом. У Сурикова не было заметно красок, картина его отливала особым необыкновенно тонким и правдивым перламутром.

За этюдами к картине «Переход Суворова через Альпы» Суриков ездил в Швейцарию¹. Помню, как он восторгался тамошней природой и победой человека над ней.

— Вот, — говорил он, — вылетаешь это из туннеля, из тьмы, и прямо как будто в небо, в свет, на мост, а сбоку и внизу — облака над бездной!

Петербурга, куда ему приходилось приезжать по делам Академии художеств² и для постановки своих картин, Василий Иванович не любил.

— Тут, в Петербурге, — говорил он, — живут одни чиновники, бюрократы. Живых людей и живого дела нет. Дело делают другие люди, а эти только бумажки пишут. Вот и в Академии: соберутся и начнут говорить и говорить без конца, а потом еще заговорят «по существу», как будто раньше разговор шел без всякого существа. А в искусстве делает как раз тот, кто ничего и не говорит-то.

И всегда в Петербурге не везло Сурикову, что-нибудь с ним случалось. Приезжает как-то раз, входит ко мне на выставку с чемоданом.

— Откуда, — спрашиваю, — почему с чемоданом?

— Ох, уж этот мне Петербург! — жалуется Василий Иванович. — Вот опять случилось — не доехал до места.

— Как так?

— А вот так: еду я с вокзала на извозчике, доехали до Английской набережной, а там около каждого дома стоят дворники и метут снег. Мой извозчик поехал и сломал метлу первого дворника. А другие видят это, и — только извозчик подъедет к следующему дворнику, как тот его по шее, и третий, и четвертый — все по шее-то, по шее. Ну, думаю, как бы они и меня не стали благословлять, — схватил чемодан да сюда пешком и удрал.

Поставили «Суворова» на выставку. Князь Владимир приказал приводить туда по утрам воинские части, чтобы они посмотрели в свое назидание подвиги полководца.

Застаю перед картиной такую сцену. У громадного холста, почти вплотную к нему, стоит взвод солдат. Один упирается глазами в кусок скалы, другому достался сползающий солдат, третьему копыто лошади Суворова — кто перед чем стоял. Унтер объясняет: «Смотри, ребята! Помнишь, как их благородие поясняли? Вверху француз живет, пониже итальянец, а посерединке швейцар. Тут на нашего генералиссимуса Суворова француз наседали, а он от него отбивался на этом самом месте со всей славой русского оружия за веру, царя и отечество. Смотри, запоминай, чтоб не проштрафиться, когда опрос будет. Налево кругом!» И ушли.

В погоне за натурой Суриков стремился неотступно, как охотник за дичью, и ничто не останавливало его на пути. Если натура подходила для его картины, он считал ее чуть ли не своей собственностью.

Когда писал он «Меншикова в ссылке», то долго не мог найти женского типа для дочери Меншикова. Вдруг видит на улице девушку, и именно такую, какая требовалась в его представлении для картины.

Он идет за ней, пробует заговорить, но та пугается и почти бежит от него, Суриков не отстает и доходит до ее дома. Девушка вбегает в свою квартиру — Суриков стучится в дверь. Перепуганная девушка, видимо,

рассказала о своем приключении домашним: на стук выходит мужчина с явным намерением, как подобает в этих случаях, спустить преследователя с лестницы. Но не таков Василий Иванович, чтобы испугаться и отступить от своей цели.

— Что вам надо? — спрашивает открывший дверь.

— Мне нужна та девушка, что вошла сейчас в дом.

— Для чего? Как вы смеете?

— А вот чтобы ее написать, это необходимо.

Хозяин теряется.

— Но кто вы? Для чего?

— Я Суриков, художник, девушка необходима для картины, и ее другая заменить не может.

Хозяин начинает что-то соображать, просит даже Василия Ивановича войти. А кончается все чаепитием, и в конце концов образ прекрасной девушки появляется на картине.

На товарищеских собраниях³ Суриков подолгу не появлялся, так как уезжал из Москвы на поиски натуры, на этюды. Частных же, семейных собраний у москвичей почти не водилось, и потому мне с ним редко приходилось встречаться.

По рассказам, вначале трудновато жилось художнику.

Для больших полотен у него была настолько малая комната, что картину приходилось писать по частям, закатывая половину холста в трубку. И при этих условиях он умел выдерживать единство в своих вещах. В квартире было холодно, работать приходилось стоя в валенках.

Для того чтобы уйти и отдохнуть от образов, которые стояли в его воображении и требовали своего воплощения, при страшно мучительных условиях работы, художнику надо было переключаться на другое, такое же сильное, как живопись, искусство — и Суриков находил отдых в музыке. Отдыхая в ней, он в то же время получал и новую зарядку для дальнейшей работы. Забравшись с ногами на диван, Василий Иванович играл на гитаре и пел народные сибирские песни.

При полном равенстве членов Товарищества Суриков не пользовался, конечно, никакими преимуществами и сам ничем не выделял себя из общей среды; вел себя необычайно скромно и просто, что не мешало каждому товарищу сознавать его громадную величину и ценить его по заслугам.

Недолюбливал Василий Иванович скороспелых критиков, авторитетно решающих сложные вопросы искусства и часто не понимающих живописи.

— Они вот все пишут, теорию выставляют: делай так-то и так, а теория их вся задним числом пишется. Каждый художник по-своему творит, а они уже из готового выводы делают и теорию сочиняют. Новая сила родится, перевернет всю их теорию, и критикам опять приходится приспособляться, новую теорию писать. И так без конца.

Не любил он и повторений в картинах уже решенных задач и тем.

— К чему писать одно и то же? Еще премудрый сын Сираха говорил: не повторяй сказанного, и ничего тебе не убудет.

Прожектор своего искусства Суриков направлял во тьму прошедших веков и там освещал стихийные народные движения, борьбу классов и партий, героизм отдельных лиц. Но его чутье и ум художника не могли не подметить также и современные ему общественные настроения, назревшие социальные запросы. Думается, в картине «Степан Разин» Суриков задумал выразить протесты и требования народных масс, их надвигающиеся выступления.

Василий Иванович наслушался и сам немало пропел народных песен о Степане, выразителе дум и силушки народной. Никто, как новый Степан — весь народ — сбросит оковы в вольную Волгу.

Вечерняя тишина над ширью Волги. Плывет с набега вольная дружина. Везет отбитое в Персии и у купцов добро. Песни и разгул. Один Степан Тимофеевич далек от веселья; задумался думой, как сделать вольным русский народ. Едва скользит по Волге лодка, под широким парусом полулежит Степан с глубокой думой во взоре, и дума та легла над всем широким раздольем Волги.

Таков, как видно, был замысел картины.

И вот она написана и доставлена на выставку.

Вставили картину в огромную золоченую раму. Поместили ее в отдельной круглой комнате в башне Исторического музея. Подняли картину, стали ей давать наклон — больше, меньше... Автор не удовлетворен. Здесь, в новых условиях, художник видит картину как бы впервые, и это первое, самое верное и решающее впечатление не удовлетворяет его. Проклятое «не то» не произносится, но висит в воздухе, заражая и других зрителей.

Суриков заметался. Он ищет, чего недостает для выгодного впечатления, обращается к другим за помощью. Ему кажется, что рама светла, позолота сливается с тонами вечернего неба, разжижает картину. Ра́му перекрашивают в темную бронзу. Картина выиграла, стала лучше, но все же и теперь остается «не то».

И снова начинаются мучения, растерянность, неудовлетворенность, попытки исправить недочеты в картине, поиски живой воды.

Суриков запирает для публики двери своей комнаты. Каждое утро приходит он на выставку и пытается улучшить внешнюю обстановку картины. Вызываем маляра и пробуем перекрасить стены комнаты в более темные тона, чтобы вызвать вечерний свет в картине. Новая окраска стен тоже не удовлетворяет художника, она ему кажется слишком темной. Маляр составляет заново краску, но теперь стены очень светлы. Снова пробуем тон клеевых красок. Суриков требует добавить мела, маляр уверяет, что опять будет светло, и сыплет сажу. Происходят жаркие споры. Но что за чудо? Маляр утемняет краску, а стены светлеют. Маляр жалуется, что тут подвох со стороны Василия Ивановича. Оказалось, верно: входим мы случайно в комнату, а Суриков стоит, нагнувшись над ведром с краской, и сыплет туда мел.

«Вот отчего стены светлые и полосатые! — почти кричит обиженный маляр, а растерявшийся Василий Иванович виновато оправдывается: «Я немножечко, ей-богу, немножечко!»

Маляр рассердился, отказался продолжать работу, ушел и попутно унес красные сафьяновые сапоги, специально сшитые для суриковского Степана Разина, с которых художник делал поправки в картине.

Василий Иванович переписывал некоторые детали в картине, звал меня: «Сегодня я лоб писал Степану, правда, теперь гораздо больше думы в нем?»

Было ясно, что художнику не удалось вполне выразить свой замысел. Что-то запорошило утерянную им тропу, по которой двигалась разинская вольница. Как будто художник поддался настроению, потеряв образы живых людей. Одна фигура Разина не могла выдержать огромного полотна, а остальные фигуры мало помогали картине. У них не было ни единства с главной фигурой, ни сильного контраста, который бы ярче выделял состояние Разина.

Для Сурикова, справлявшегося до сих пор с огромными замыслами и привыкшего уже пользоваться заслуженным большим успехом, и малое «не то» было очень тяжелым. К тому же картину никто как будто не собирался приобрести. Для правительственного музея она не подходила по своему содержанию, а частному лицу была не под силу и по цене, и по своим большим размерам. Художник проработал долгое время как бы впустую.

Понятно было душевное состояние великого художника.

Суриков почувствовал себя обиженным чуть ли не всем светом и прежде всего Товариществом, несмотря на то, что передвижники относились к нему весьма доброжелательно и чутко, стараясь поддержать упавший дух своего боевого товарища. И хотя картина в конце концов все же была приобретена в частную галерею⁴, Василий Иванович приписывал свои неудачи тому обстоятельству, что он стоял в рядах передвижников⁵, которых в то время уже не очень чтили. По этой причине, думалось ему (или ему так говорили), и картина его не пользовалась таким успехом, как прежние. Он решил перейти в более молодое художественное общество — в Союз русских художников⁶. Однако он не порвал совсем с Товариществом и числился в его списках.

В Союз он дал этюды, написанные им в Испании: «Бой быков» и другие. Несмотря на их живописные достоинства, все же это были вещи не суриковского склада, случайные и ничего не добавлявшие к его имени; однако о них писали, как о новых больших завоеваниях художника. Мало того, писали даже, что вот, мол, теперь только, вырвавшись из «тенет передвижничества», Суриков раскрылся во всем блеске своего таланта, что вместо скучной передвижнической живописи у него появились настоящие краски, блеск колорита и проч.

А между тем в этом Суриков совершенно не нуждался. Живописные задачи решал он блестяще и в прежних произведениях. Суриковские краски — сильные и в то же время необычайно тонкие, не поверхностные, а выходящие из глубоко пережитых ощущений — были известны, и не в них одних сила Сурикова. Глядя на лучшие его произведения, на «Утро стрелецкой казни», «Меншикова в ссылке», «Боярыню Морозову», забываешь про рисунок, краски, технику письма, так тесно слиты у Сурикова

форма с содержанием. Вас захватывает прежде всего могучий замысел картины, великая историческая эпоха и живые, великолепно очерченные образы.

И все это было в заповедях передвижничества, которые выполнял Суриков, будучи в рядах Товарищества.

Василий Иванович необыкновенно просто, трезво и ясно определял содержание и живописные решения у других авторов. Помню, мы восхищались нагромождением сильных красок у одного известного, тогда еще молодого, художника, а Суриков взглянул на картину и ахнул: «Смотрите-то, смотрите! Насинил, накрасил! Как с быка шкуру содрал и распластал перед вами, а она еще свежая, в синяках, с жиром, кровью политая». И мы удивлялись потом, как мы не заметили сразу в картине ее «сырости», отсутствия тонкости, прочувствованности в колорите.

Богданов-Бельский написал картину «Новые хозяева»⁷: крестьянская кулацкая семья купила имение и в полном довольстве пьет чай в барских хоромах. Суриков расхохотался перед картиной: «Вот и смешно, а страшно-то как! В мертвеца-покойника черные раки впились! Все косточки обгложут, а другой не подступай — загрызут, своего не отдадут!» Так резко (хоть и грубовато, но ясно) определял Василий Иванович социальный смысл картины — приход кулака на место барина.

С переходом Сурикова в Союз передвижники почти утратили его из виду, хотя, конечно, все с нетерпением ждали, что нового, настоящего, своего даст Василий Иванович при своем возрождении.

Ждали довольно долго — и дождались.

На открывшуюся выставку Союза⁸ Суриков дал картину «Благовещение»: беспомощная Мария и архангел Гавриил с пестрыми наивными крылышками.

Мы смотрели на Сурикова в этой картине с таким же чувством, как если б увидели его в митре архиерея или в костюме опереточной балерины.

Случился однажды подобный грех с Василием Ивановичем и во время передвижничества. Под сильным впечатлением такого явления в природе, как солнечное затмение, он написал картину «Затмение». Хотя здесь было у художника переживание от «могучего в природе», но и оно не совмещалось с его натурой, общим направлением его искусства, было случайным, наносным. Передвижники пожалели своего товарища и категорически посоветовали ему убрать картину⁹. Ее никто из посторонней публики не увидел. Теперь же не пожалели старика художника и выставили его словно на поругание. Бесконечно обидно было за огромного художника, обидно, что этим закончил великий Суриков. И хотелось об этом не думать, но мысли досадливо возвращались к этому.

Позже мы потеряли его из виду. В нашем кругу он не появлялся больше, и никому не было известно, что он делает.

Однажды вечером у меня в передней раздался звонок. Кто-то из моих детей позвал меня: «Там тебя страшный человек спрашивает».

Выхожу и вижу Василия Ивановича. Наружность его была всегда особенная, а сейчас, видимо из-за болезни, еще более выделялись его индивидуальные черты, и оттого он и показался детям страшным.

Суриков пришел по незначительному делу, но оставался допоздна. Вечер прошел в разговорах и воспоминаниях о прежней жизни Товарищества. Под конец он стал просить сыграть ему что-либо. Спрашиваю — что?

— Играйте, — говорит, — Бетховена, его «Крейцерову сонату». Я люблю Бетховена. У него величественное страдание; и в этой сонате я его вижу, а не то, о чем говорит Толстой. Впрочем, из великого создания каждый может почерпнуть то, что ему надо в разное время и в разном состоянии. Когда над необъятным простором, в громадном небе поднимаются величественные облака, мне слышатся могучие аккорды Бетховена. Играйте, я найду свое.

Мы с женой стали играть. В середине анданте, в его миноре, я взглянул на Сурикова и хотел было остановиться. Он сидел бледный, осунувшийся. Лоб как бы надвинулся на глаза, крупные губы, с точно наложенными на них черными усами, выпятились вперед, от носа легли грустные складки. Половину лица закрывала темная тень от руки, которой он подпирает голову.

Когда мы кончили играть, Василий Иванович провел рукой по лицу и тихо проговорил:

— Как хороший роман... жаль, что все кончилось.

Медленно встал, сердечно и грустно распрощался.

В передней несколько раз повторил: «Они-то, они — великие были люди, эти композиторы».

Он ушел. Во дворе и на улице было очень темно...

Вскоре я уехал в Петербург и там узнал, что и для могучего Сурикова пришла пора с болезнью и неизбежным концом.

ИГОРЬ ГРАБАРЬ

С В. И. Суриковым я познакомился в 1904 году у коллекционера В. О. Гиршмана¹. Здесь ежедневно собирались художники и артисты. Приходили к обеду и сидели весь вечер, часов до двенадцати. Из художников у Гиршмана бывали москвичи — члены выставочного объединения Союза русских художников, чаще других — Коровин, Серов, Иванов, Архипов, Борисов-Мусатов, Малявин, Ап. Васнецов, Переплетчиков, Виноградов, Остроухов, Клодт, Мещерин, Первухин. Почти всегда приходил и Суриков, оживленно беседовавший, много рассказывавший о своих былых встречах и впечатлениях, веселый, вечно балагуривший и державший себя необыкновенно просто и по-товарищески легко с художниками.

Приезжавшие из Петербурга художники — Бенуа, Сомов, Лансере, Добужинский, Бакст — также бывали завсегдатаями «гиршмановских вечеров», на которые съезжались и все главные московские коллекционеры.

Суриков обычно уходил раньше других домой, часов около 11, я — также, мы шли пешком, чтобы прогуляться. Он всю дорогу охотно и интересно говорил, причем тема была всегда одна — искусство. Больше всех художников он ценил старых венецианцев, особенно Тициана и Тинторетто ².

Суриков был единственным из русских художников старшего поколения, не только не отворачивавшимся от молодежи, захваченной новейшими течениями, шедшими из Парижа, но и открыто их приветствовавшим.

Будучи членом Товарищества Передвижных выставок, Суриков не скрывал своего презрения к большинству своих сотоварищей, когда-то интересных художников, впавших в начале нынешнего века в полное ничтожество.

С еще большим презрением он относился к московским купцам-коллекционерам, собиравшим картины из чванства и снобизма. Он бывал у них потому, что это была единственная возможность встречаться с московскими художниками.

Как-то Гиршман просил меня и Переплетчикова поехать с ним к Сурикову, чтобы помочь ему выбрать у него несколько этюдов. Суриков встретил нас очень радушно и стал показывать этюды к «Стрельцам», «Морозовой» и «Ермаку». Он показывал сначала самые слабые вещи, явно не ценившиеся им и только под конец извлекал откуда-то из другого места вещи позначительнее. Гиршман от поры до времени справлялся о цене и каждый раз вздыхал:

— Что вы, Василий Иванович, да разве можно так высоко расценивать такой крошечный этюд?

А Василий Иванович действительно хватил: «5 000, и никаких!»

— Уступите, Василий Иванович.

На это Суриков с лукавой усмешкой, подмигнув нам с Переплетчиковым, сказал:

— И хотел бы, да имя не позволяет ³.

В этой озорной реплике сквозило нескрываемое презрение к «мecenатам».

Московские старожилы помнят еще, какой хаотической была до 1913 года развеска картин в Третьяковской галерее. П. М. Третьяков умер, не успев осуществить задуманную им перевеску всех картин. После его смерти первые «попечители» галереи — Голицын ⁴, Остроухов и Цветков ⁵ — считали необходимым оставить галерею в том виде, в каком она была в момент смерти ее основателя, не трогая с места ни одной картины.

Знаменитая картина Сурикова «Боярыня Морозова» висела в узкой комнате ⁶, в которую вела маленькая дверь, и не было никакой возможности видеть как следует картину, ибо не было «отхода» от нее.

Эта злополучная суриковская комната вмещала еще гигантский холст Перова «Никита Пустосвят» и большую картину Милорадовича ⁷ «Черный собор».

Я руководил перевеской 1913 года ⁸ и распорядился вынести из этого зала все не-суриковские картины, а также пробил на месте входной двери большую арку, открывавшую вид на картину сквозь анфиладу зал. «Боярыня Морозова» загорелась всеми своими радужными цветами.

Когда В. И. Суриков пришел в галерею после новой повески, он, в присутствии собравшихся старейших служащих, отвесил мне земной поклон и со слезами на глазах обратился к ним со словами:

— Ведь вот в первый раз вижу свою картину: в квартире, где ее писал, не видел — в двух комнатах через дверь стояла. На выставке не видал — так скверно повесили, и в галерее раньше не видал, без отхода-то.

В этот день мы долго стояли с ним перед его картинами, причем он рассказал немало любопытных эпизодов, связанных с историей их создания.

Подойдя к «Утру стрелецкой казни», он вспомнил, как к нему в мастерскую в 1880 году зашел И. Е. Репин. Картина была уже вся прописана и в основном решена. Репину она очень понравилась, он спросил только Сурикова, почему тот не повесил нескольких стрельцов на виселицах, видневшихся вдали, по спуску вдоль Кремлевской стены. Суриков замялся, сказав, что ему это казалось излишним и дешевым.

— А я бы непременно повесил двух-трех, а то какая же казнь, если никто еще не повешен.

Суриков попробовал на другой день начертить мелом по масляной живописи несколько висящих фигур. Когда он окончил, в комнату вошла старуха няня.

— Увидев картину, она грохнулась на пол, — закончил Суриков. — Тут я и понял, что был прав я, а не Репин: искусство не так должно действовать...⁹

В. К. БЯЛЫНИЦКИЙ-БИРУЛЯ

Суриков — наша гордость. Наш народ свято хранит благодарную память о художнике, оставившем своей Родине великое наследие в своих бессмертных полотнах.

Еще будучи учеником Училища живописи¹, я впервые увидел В. И. Сурикова. Он беседовал с Л. Н. Толстым в вестибюле Училища (Лев Николаевич поджидал свою дочь Татьяну², которая училась у нас). Появление Сурикова в Училище живописи было нередким. Он любил заходить в классы своих друзей-передвижников — профессоров В. Маковского, Прянишникова, Поленова, Неврева, С. Коровина.

Однажды разнесся слух, что Суриков будет преподавать в Училище живописи. Это нас очень взволновало и обрадовало. Мы с нетерпением ждали того дня, когда Суриков появится у нас. Дни проходили, а Сурикова все не было. Тогда мы обратились к С. Коровину: когда же наконец будет преподавать у нас Суриков. Но Коровин нас огорчил, сказав, что Суриков наотрез отказался преподавать, объяснив, что у него так мало времени для работы над картинами, а жизнь так коротка³.

Ярко запомнилась мне одна неожиданная встреча с Василием Ивановичем, когда мы, ученики Училища живописи, пошли после вечерних клас-

сов поиграть на бильярде в трактир «Саратов», куда неоднократно заглядывали и раньше. Это было близ Юшкова переулка ⁴, у Сретенских ворот. Войдя в трактир, мы поднялись на верхний этаж и в большом зале, где был оркестрион, увидели в стеклянную дверь сидящих за чайным столом В. Е. Маковского, Л. Н. Толстого и В. И. Сурикова. Мы замерли при виде их и остановились смущенные, не решаясь двинуться, а идти нам надо было через этот зал. Стоявший тут половой, увидев нашу растерянность, пояснил: «Они к нам изволят иногда захаживать».

Мое близкое знакомство с Суриковым произошло на собрании Товарищества передвижников в Училище живописи, где я присутствовал, будучи уже членом Товарищества ⁵.

Суриков захватил внимание всех присутствующих своими рассказами о поездке за границу; особенно взволнованно говорил он о художниках Тинторетто, Веронезе, Тициане. Меня поразила красочность его рассказов и необыкновенная, глубокая любовь к своей Родине. Он говорил, что, когда, подъезжая к нашей границе, увидел в окно вагона наших русских солдат-пограничников в белых рубахах на загорелых телах, то ему захотелось обнять их, очутиться рядом с ними, ступить на родную землю; и закончил пословицей: «В гостях хорошо, а дома лучше!»

Мне хорошо помнятся часы и дни, проведенные в Историческом музее, где в верхних залах устраивалась передвижная выставка (я был одним из ее участников и организаторов). На эту выставку Суриков дал картину «Степан Разин». И вот помню, когда Василий Иванович пришел и увидел свою картину на фоне обивки темно-сизого цвета, страшно огорчился и сказал: «Вся моя теплота в картине исчезла, и Волга сделалась дисгармоничной...»

Мне пришлось позвонить художнику Голову ⁶, моему товарищу, работавшему в Большом театре. Голов вызвал маляров, которым, по указанию Сурикова, удалось добиться подходящего цвета фона. Наутро пришел Суриков, он был очень доволен и сказал: «Вот теперь моя Волга ожила, и она такая, какой я ее представлял».

Картина была повешена на новом месте и при дневном свете прекрасно выглядела.

Суметь показать картину так, чтобы она звучала, — это дело трудное, важное и требует особого умения от организаторов выставки. Часто бывает так, что на выставках картины проигрывают, принося разочарование художнику.

Зимний день угасал. Были сумерки. Картина «Степан Разин», поставленная в одном из залов выставки, освещалась только рассеянным светом от больших уличных фонарей, стоящих около здания музея. В зале было тихо. Мы сидели тут же, как вдруг Суриков сказал мне: «А знаете что — я, кажется, не подписал свою картину, пойду возьму краски и подпишу». Василий Иванович встал перед картиной на одно колено и стал ее подписывать. Его склоненная фигура показалась мне такой маленькой, что я невольно подумал: «Какая титаническая сила, какой огромный талант заключены в таком небольшом человеке!» Подписав картину, Суриков сказал: «Моя роль художника пока закончена, теперь я купец; я должен

продать картину и иметь возможность писать другие и существовать с семьей лет пять, по крайней мере; ведь я выставляюсь в пять лет один раз».

Было уже темно, когда мы с Василием Ивановичем вышли через главный вход Исторического музея на Красную площадь. Падал тихий снег, впереди — стены Кремля и силуэт Василия Блаженного. В это время на Спасской башне стали бить часы, Суриков остановился, весь ушел в слух и произнес: «Слушайте, слушайте глагол седых времен».

В руках у Сурикова был ящик с красками, я хотел взять у него, чтобы помочь, но он возразил: «Нет, нет, ящик я сам понесу, всю жизнь его сам носил». У меня было чувство большой гордости, что так близко иду с Василием Ивановичем Суриковым. Некоторым счастливым москвичам не раз приходилось видеть Сурикова идущим в зимние дни из своей квартиры, которая находилась в Леонтьевском переулке, в доме Полякова. Среднего роста, всегда скромно одетый, с поднятым барашковым воротником, в такой же шапке, немного надвинутой на лоб, он шел по бывшей Тверской⁷ в сторону Исторического музея, где за дощатой перегородкой, в неотделанной части зала приютился писать свои картины, и то по счастливой случайности⁸. В этой импровизированной мастерской Суриков и написал свои картины «Переход Суворова через Альпы» и «Степан Разин», которые я видел в процессе их созидания.

Вспоминается еще один яркий эпизод, когда Василий Иванович захотел показать военным специалистам свою только что оконченную картину «Переход Суворова через Альпы»: ему было интересно проверить впечатление и узнать мнение военных о картине. Мне посчастливилось быть при этом осмотре. Здесь присутствовали человек 15 военных — академиков и штабных офицеров. После глубокой тишины один из них, старший по рангу, обратился к Сурикову: «Всех нас, конечно, очень взволновала ваша картина, мы любим и очень уважаем вас как художника, но позвольте заметить вам, что у нас, военных, существуют определенные законы и положения при походах, а тем более в горах, — штыки должны быть сомкнуты. И потом, мне кажется, что Суворов у вас появился на коне как-то случайно, нет впечатления, что он весь путь шел вместе со своими солдатами». Никогда не забуду ответа Сурикова: «Я очень много думал над этой картиной. Мне хотелось создать образ Суворова как легендарного русского полководца, единственного полководца, не знавшего поражений. Его солдаты знали только одно слово — «вперед». Это полководец, о котором и песню сложили и сказку сказали. Говорите, штыки по уставу не сомкнуты; так ведь все походы Суворова были не по уставу».

Мне пришлось, встречаясь с Суриковым, столкнуться с московским богачом Рябушинским⁹ и петербургским фабрикантом-табачником Богдановым¹⁰, которые хотели приобрести хоть какую-нибудь работу Сурикова. Никогда не забуду, какое впечатление произвела на них квартира Сурикова — это скромное жилище спартанца. Когда мы вышли от Сурикова, Богданов сказал: «Неужели так живет тот самый знаменитый Суриков — автор картин «Боярыня Морозова» и «Меншиков в Березове»!»

В памятный для меня 1908 год, в декабре месяце, приехал в Москву Репин с женой, Нордман-Северовой¹¹, во время устройства очередной выставки передвижников. Они посещали своих друзей, московских художников. Было много интересных, запоминающихся встреч.

Вечером, накануне отъезда Репина из Москвы в Ясную Поляну, мы с женой, Ольгой Ивановной¹², устроили обед, на котором присутствовали все передвижники. К общей радости всех присутствующих, вместе с Репиным и Саввой Ивановичем Мамонтовым пришел и Суриков. В тот день Суриков запомнился мне небольшим и коренастым, с седеющими волосами, подстриженными аккуратно в скобку, с ровно подрезанными над верхней губой усами. Был он в сером костюме. Особенно запомнился его смех, громкий и здоровый, открывающий его крепкие белые зубы.

Репин очень любил и ценил Сурикова; запомнились его слова, сказанные тогда о Сурикове: «Очень я ценю и люблю его, мы всегда говорили друг другу правду. Его замечания очень глубоки и правдивы».

В Москве тогда существовало Общество любителей художеств¹³, поддерживаемое меценатами Москвы: Третьяковым, Бахрушиным¹⁴, Боткиным¹⁵, Мазуриным¹⁶, Солдатенковым¹⁷ и другими. Ими были установлены ежегодные премии во время выставочных сезонов: за жанр, пейзаж и портрет. В том же помещении Общества любителей художеств устраивались концерты, в которых принимали участие многие художники. Эти-то концерты и вечера очень часто посещал Суриков.

Любовь к музыке свела его с некоторыми из участников концертов. Особенно сблизился Суриков с Пелецким¹⁸, известным гитаристом-профессионалом, у которого Суриков впоследствии брал уроки игры на гитаре. Пелецкий часто бывал у Сурикова, иногда в сопровождении художника-пейзажиста Д. Э. Мартэна¹⁹, тоже музыканта-гитариста.

Пелецкий был любимцем общества, и когда устраивали любительские домашние концерты ученики Училища живописи, мои товарищи всегда приглашали Пелецкого и Мартэна, которым часто аккомпанировала художница Кувшинникова²⁰. В этом кругу художников я зачастую встречал Сурикова.

Каждый год верхние залы Исторического музея предоставлялись для выставок передвижников, Петербургского общества художников, периодических выставок Московского Общества любителей художеств и Московского Товарищества художников. Чтобы попасть к себе в мастерскую, Суриков должен был пройти через все залы выставки, и не было случая, чтобы он прошел мимо и не вступил в беседу с кем-либо из художников, делаясь впечатлениями о новых произведениях. Все были рады, когда видели Сурикова на выставке.

«Сколько мыслей, сколько труда!» — говорил Суриков, проходя по выставочным залам. Василий Иванович особенно внимательно относился к выставкам москвичей, высоко ценил работы Василия Никитича Мешкова²¹. Его портреты сангиной приводили Сурикова в восторг. А когда он увидел портреты семьи Щербатовых, сказал Мешкову: «Хорошие у вас портреты! Вы очень хорошо рисуете, и ваши портреты, сделанные сангиной, еще никем не превзойдены! Я с удовольствием бы вам стал позировать».

Василий Никитич Мешков работал над портретом Сурикова долго. Портрет получился очень хорошим.

Любил и ценил Суриков скульптора Н. А. Андреева, моего товарища. Особенно восторженно он отзывался о его памятнике Гоголю, об изумительном бюсте Л. Н. Толстого и бюсте писателя П. Д. Боборыкина ²². Большое внимание Сурикова привлекали пейзажи А. И. Чиркова ²³ и замечательные акварели И. Л. Калмыкова ²⁴. С любовью говорил Суриков о Врубеле: «Это художник большой внутренней силы», а при встрече как-то сказал ему: «А вы ведь тоже чистяковец!» Картины Врубеля «Ночное», «Пан», и «Царевна-лебедь» не раз останавливали его внимание. Свое отношение к К. Коровину Суриков выразил в следующих словах: «Как много вкуса и как много правды в его красивых красках!»

Эти частые встречи и беседы с Суриковым во время выставок очень сблизили его с Московским Товариществом художеств ²⁵.

Суриков — это художник-фанатик. Он не шел ни на какие компромиссы в своем искусстве. Труден был его путь. Достаточно вспомнить письмо Чистякова к Поленову, написанное в те годы, когда Суриков учился в Петербургской Академии художеств. Чистяков пишет: «У нас допотопные болванотропы провалили самого лучшего ученика Академии Сурикова за то, что не успел мозоли написать в своей картине. Не могу говорить, родной мой, об этих людях, голова сейчас заболит, и чувствуется запах падали кругом. Как тяжело быть между ними» ²⁶.

Суриков сумел защитить свое искусство от академической рутины, чему немало способствовал и в чем огромная заслуга Чистякова, который взлелеял его талант, сохранив самобытное и яркое, именно суриковское дарование.

Титаническая трудоспособность и одаренность гения, непреклонная воля и целеустремленность, вера в свое искусство и любовь к Родине, которые чувствуются в каждом его произведении, помогли занять Сурикову вершины в русском искусстве.

Н. Б. СЕВЕРОВА

12 декабря

Вчера... была на чествовании памяти П. М. Третьякова в Обществе любителей художеств ¹. Там познакомились с Суриковым... Суриков приводит меня в восторг. Это натура, темперамент истинного художника. Человек цельный, выточенный из одной скалы, монолит, самородок! Красноярец, на морозный, зимний день, градусов в 20—25 похож. А улыбка славная, веселая...

День пятый в Москве

Охо! Сегодня интересно. В третьему часу собираемся к Сурикову.

— И чего вы радуетесь? Ведь это ужас, как он живет. В пустой комнате, и только есть в ней, что один сундук, — говорит Илья Ефимович.

— Сундук?

— Ну да, сундук, окованный железом, и в нем кое-как, часто измятые и переломанные, драгоценнейшие работы Сурикова.

— Вот интересно! Если бы он только открыл сундук!

Адрес Сурикова — Тверская, д. Полякова, в третьем этаже...

В ранней юности мне казалось, что всякий художник какое-то особенное, избранное существо и что творчество свое он питает красотой и гармонией окружающего. Позже, устраивая собственное гнездо, я увидела, что реальные, будничные вопросы жизни занимают столько места и времени, что красота и фантазия отходят на второй план. Но все же хоть отблески их должны же освежать жизнь. Ну какие-нибудь, хоть преломленные лучи света.

Крутая лестница, ступеньки высокие, с трудом поднимаемся к Сурикову. На самом верху обшморганная дверь без надписи. Дергаем звонок. Открывает заурядная, мещанской семьи горничная, и на нас веет тепленьким, непроветренным, скучным воздухом. В передней серо, темно. На столе горкой навалены чьи-то шапки, дверь в столовую настежь. Там совсем пусто, в стороне стол, в углу на полу чей-то бюст затылком к зрителю. В тусклые окна видны крыши и закат морозного зимнего дня.

Тоска до злобы сжимает мое сердце.

Как же тогда другим, заурядным людям жить?

Шаги. Маленькая, серая фигура Сурикова. Веселый смех его, рукопожатие, крепкое, энергичное. Но я уже без прежнего восторга смотрю на него. Человек в такой обстановке кажется жалок.

— А вот и мастерская моя. Пожалуйста, войдите.

Узкая, небольшая комната с видом на те же крыши. Железная кровать, гитара на гвозде. Не то писарь, не то денщик живет.

Сумерки спускаются в мою душу.

— А вы давно тут живете? — спрашиваю вяло.

— Уже десять лет.

— А летом?

— Да что же, знаете, летом? И летом тут. Разве вот куда на натуру съездишь.

— И Стеньку тут писали?

— Ну, нет. Стеньку в Историческом музее. Там мне помещение хорошее дают.

— А вы каждый день работаете?

— Ну вот, каждый день?! Иной раз месяцами не дотрагиваюсь.

Темно, скучно, говорить не о чем. Жаль мне еще недавнего очарования и домой хочется. Но в таких случаях, я заметила, Илья Ефимович не сдается. Что-нибудь да постарается раздобыть из собеседника.

— Василий Иванович, — говорит он. — Где же ваш сундук?

— Сундук? Что же это, не забыли вы про сундук? А вот там в углу.

— Сундук? Боже мой, где сундук?!

Вот где последняя надежда — последняя мечта.

Суриков идет в темный угол комнаты и, колеблясь, стоит перед чем-то.

— Мамочка, откройте сундук! — вдруг вырывается у меня горячо.

И все мы смеемся, смеемся. Приносится стол, зажигается лампа. Вот он с коваными углами, как в старину купчихи в таких приданое держали.

Суриков подымает тяжелые затворы и опять роняет их от смеха.

— Мамочка, говорит, откройте!

Помнишь сказку из «Тысячи и одной ночи» — «Зезам, откройся»?

В пустынной, ровной местности тому, кто владеет волшебной лампочкой, по мановению ока открываются все великолепия мира.

«Зезам, откройся». Затворы сняты.

Нет больше скучных крыш за окнами, нет тесной комнаты, нет и того Сурикова, что был сейчас. Есть другой — сразу похудевший, быстрый, взволнованный, с открывшимися черными, блестящими глазами, и как же не блеснуть им? Художник открыл нам сокровища своего сердца, алмазы и камни самоцветные; переливаются они и блещут, и восторг наш еще больше возбуждает его.

Какие эскизы, этюды, наброски с натуры! Какая разносторонняя и глубокая обработка сюжета!

— Да-с, да-с, писали, не гуляли, вот еще и еще на эту тему, — говорит как-то задыхаясь Суриков. — Эге! как художник-то за работу берется, так уж тут подвижничество начинается. Все забыть надо!

Какие краски! Теплые, глубокие, точно что-то вкусное пить вам дают.

Исчезло куда-то время. Мы смотрим и смотрим, и новый Суриков окружает нас образами своей фантазии. Всюду расставлены они — и вдоль стен, и на столе, и на полу.

— Вот, вот этому стрелцу хоро-о-ший бархатный кафтан из Италии привез, а этому шапку чудную!

Идут воспоминания, рассказы, про Волгу широкую, про Сибирь далекую, про Морозову боярыню, про казнь стрельцов; все интересно, все ярко, все освещено творческой фантазией.

«Зезам» перед нами в полном блеске, в полной красоте.

— Папа, чай подан. Вы идете?

Потухла лампа Алладина...

Мы в пустой столовой за чаем. Одна тощая, младшая дочь Василия Ивановича с высших курсов, другая пышная, как георгина, жена Кончаловского, — хозяйничают, наливают чай. Вот и внуки.

Опять прежний, смеющийся Суриков против меня.

— Что? Ухайдакал я вас своими работами? А? Уж говорите правду!

— Что? Что такое?

— Что? Ухайдакал! Ведь вы говорите, что я сибирский день морозный, ну и выражения у меня сибирские.

Все смеются. Все подписываются на открытке, я бережно прячу автографы.

— А что это у вас, Василий Иванович, в углу, как наказанный, чей-то бюст стоит?

— А это, знаете ли, Савва Мамонтов с меня делал ².

— Мамонтов? Так вы бы его поставили на пьедестал или хоть на шкаф!

— Да что же его ставить? Ведь он упасть может. Толкнет кто-нибудь. Так спокойнее.

— А это он недавно работал?

Дочери смеются: — Недавно! Да он тут лет шесть стоит!

Ласковое дружеское прощание, и мы опять спускаемся по крутой, темной лестнице вниз, но я как-то не вижу ее. Нет, вот сундук хорош. Хорош сундук!!!

НАТАЛЬЯ КОНЧАЛОВСКАЯ

Мы зимовали в Париже. Шел 1910 год. В Латинском квартале, на улице Вавэн, мы снимали квартиру в первом этаже старинного дома. [...]

В апреле приехал к нам дедушка с Еленой Васильевной¹. Они сняли квартирку этажом выше. Василий Иванович и Петр Петрович были здесь совершенно неразлучны. Их дружба была удивительной — они понимали друг друга с полуслова. Несмотря на разницу в возрасте, разницу в живописных задачах (отец тогда увлекался французскими импрессионистами, а дед был занят композицией «Княгини Ольги»²), несмотря на различие в характерах, они многое в жизни воспринимали одинаково. Одно и то же их смешило, возмущало или радовало. Отец учился у деда искусству живописного видения, дед с интересом относился к его поискам новых путей, к его взыскательности по отношению к себе, к его мятущемуся, вечно ищущему, ненасытному духу. Каждый день бродили они по Лувру. Любимыми картинами деда были «Брак в Кане Галилейской» и «Христос в Эммаусе» Веронезе³. Василий Иванович подолгу стоял перед ними.

— Посмотрите, Петя, — говорил он зятю, — как полосы теряются в складках ткани! Как все логично и обобщенно. А как легко написано!

У Тициана Василий Иванович любил «Положение во гроб»⁴ и портреты. Он наслаждался, рассматривая, как выписаны нос или ухо. Нравился ему и Делакруа. Внимание его всегда задерживалось на «Смерти Сарданапала» и «Женщине из Марокко»⁵.

Вечерами они ходили в студию д'Англада⁶, куда любой человек мог зайти с улицы и, уплатив 50 сантимов, весь вечер рисовать обнаженных натурщиков. Василий Иванович каждый вечер сидел там, с увлечением тренируясь в рисунке, с интересом поглядывая на посетителей студии, часто самых различных национальностей. Сурикова восхищала эта атмосфера свободы, отвлеченности и высокой культуры, царившая в парижских студиях.

К лету дедушка с отцом задумали поехать вдвоем в Испанию. Решили отправиться налегке. И вот впервые в жизни отец оставил нас с мамой одних в Арле⁷, а сам уехал с Василием Ивановичем в путешествие по Испании. Впоследствии Петр Петрович записал все события этого путешествия, и мне ничего не остается, как предоставить читателю его записки:

«Мы взяли места в вагоне первого класса и с комфортом проехали Францию до границ Испании. Поезд подошел к первой испанской станции Порбу. И сразу же пейзаж резко изменился. Перед нашими глазами вы-

росли темные, суровые горы, озеро, к скалам лепились домишки. На станции замелькали интересные типы людей. Оба мы с Василием Ивановичем почувствовали, что в мягком, удобном вагоне, в обществе вялых, холодных англичан нам не усидеть. И тут же в Порбу мы вылезли и пересели в вагон третьего класса — «пуэбло», вагон для простонародья. Сиденья здесь располагались по стенкам, а вся середина была пустой, пассажиры горой наваливали сюда свой багаж — узлы, корзины, тюки.

С первого же момента мы почувствовали прелесть общения с народом. Все тут же перезнакомились, угощая друг друга ужином — оливами, ветчиной, сыром и вином. Вино пили из «пуррона» — это плоская бутылка с носиком, какие бывают у чайника. В узкое отверстие носика, если наклонить пуррон, льется тонкая струйка вина. Бутылка передавалась из рук в руки, и надо было пить, не прикасаясь губами, принаровясь угодить струйкой прямо в горло. Все чувствовали себя как дома и тут же с восторгом приняли в компанию двух русских художников. Появилась гитара, стали петь, а потом, отодвинув багаж в сторону, пустились даже в пляс.

Василий Иванович любовался горцами, у которых через плечо были перекинута клетчатые пледы. Некоторые из них повязывали их вокруг пояса: к ночи в горах становилось холодно, и пледы служили горцам плащами. Я объяснялся с пассажирами по-испански, а Василию Ивановичу, не знавшему языка, вдруг так захотелось общения с народом, что, заметив сидящего на другом конце вагона пастора, он неожиданно бросил ему первую фразу из речи Цицерона к Катилине по-латыни: «Куоускуэ тандэм абугэрэ патиенциа ностра, о Катилина!»⁸ Пастор, знавший эту речь, ответил ему следующей фразой из нее, и так, к обоюдному удовольствию и общему веселью, они перекидывались фразами через весь вагон, создавая впечатление живой беседы.

Весь день проведя в вагоне, к ночи мы прибыли в Мадрид. Мы вышли из вагона в глухую темень вокзала. Тут же какие-то услужливые мальчишки в темноте подхватили наши вещи, повели нас к выходу, посадили в старинную колымагу с фонарями, и кучер повез нас по ночным улицам неизвестно куда. В каком-то переулке мы остановились. Кучер окликнул кого-то, оказалось — сторожа, хранившего ключи от всех дверей в домах этого переулочка. Нам предложили вылезти, оставив вещи в колымаге. Мы проследовали за сторожем, который со звоном открывал одну за другой двери домов и будил хозяев. Они вылезали из перин, сонные, всклокоченные, и, зевая, показывали нам свободные комнаты. Но ни одна из них нам не подошла. И вот мы снова сели в колымагу, и кучер отвез нас в маленькую гостиницу. Заспанный хозяин, с черной курчавой шевелюрой, в ярко-красном халате, повел нас по этажам. Чем-то он вдруг пленил нас с Василием Ивановичем, и мы сняли у него большую комнату. Василий Иванович тут же осведомился — любит ли он бой быков? Тот ответил: «Мучиссимо!» — очень! — что Василий Иванович перевел, как «мучительно». Впоследствии этот пожилой симпатичный человек горячо привязался к нам, особенно когда увидел наши акварели, что мы каждый раз приносили из походов.

Ежедневно мы проводили несколько часов в музее Прадо. Василий Иванович любил зал портретов Тинторетто⁹. Он входил туда с благоговением и каждый портрет рассматривал с любовью и восхищением.

— Смотрите, Петя, — говорил он мне, — как он писал жемчуг, как маляр, — кружок и точка, кружок и точка! А живопись получалась первоклассная!..

Однажды мы отправились в знаменитую усыпальницу испанских королей — Эскуриал. Ехать туда нужно было поездом. У нас были взяты железнодорожные билеты по 3000 километров в любом направлении, пока не используешь указанной цифры. От станции, на которую мы прибыли рано утром, надо было подняться пешком на высокую гору, где стоял дворец. Мы добрались до него, осмотрели внимательно все гробницы Эскуриала. Посмотрели эскизы Гойи для ковров и гобеленов¹⁰ и двинулись обратно на станцию.

Дорогой нам захотелось сделать по одной акварели. Я выбрал место и сел рисовать. А Василий Иванович пошел вниз в направлении железной дороги. Едва я закончил рисунок, как небо затянуло тучами, стало темно, подул ветер и пошел снег, что часто бывает летом в высокогорных районах. Тогда я начал вторую — снежную акварель. Закончив ее, я собрал краски в ящик, снег к этому времени прекратился, и я пошел на станцию, рассчитывая по дороге встретиться с тестем. Но на всем протяжении пути я нигде не нашел его. Я сел на вокзале и стал ждать. Жду час, жду другой — его все нет. Растревоженный не на шутку, я стал расспрашивать проходящих на станцию жителей. Никто не мог мне сказать ничего утешительного. В полном отчаянье я сел в последний вечерний поезд и уехал в Мадрид. Всю дорогу я думал, что же теперь делать? Где искать его? Тревогам не было конца. Приехав в Мадрид, я тут же решил с вокзала бежать в русское консульство и заявить об исчезновении тестя. И вдруг вижу: из последнего вагона этого же поезда выходит мой Василий Иванович — жив, здоров и невредим! Радости нашей не было конца — мы обнимались, словно не виделись годами. Оказалось, что, спускаясь с горы, Василий Иванович уклонился в сторону и боковой тропой ушел далеко от станции. Дорогой попалась ему «ганадерия» — загон для быков, где их держат до боя. Василий Иванович остановился возле них и начал их рисовать. Потом пошел снег. Василий Иванович стал мерзнуть. Мимо проезжал крестьянин на арбе, которую тащил осел. Василий Иванович остановил его, чтоб узнать, далеко ли до станции; не зная языка, он нарисовал испанцу в своем альбоме рельсы, станцию и поезд. Горец предложил довести его на своей арбе до поворота. Оттуда Василий Иванович прошел еще десять километров пешком до следующей остановки, где сел в тот же последний поезд. Так на билете Василия Ивановича из 3000 десять километров остались неиспользованными: он их отшагал.

Следующим городом, который мы посетили, была Севилья. Мы остановились в гостинице на площади Сан-Фернандо. Каждый день с утра отправлялись на этюды. Но в Испании очень трудно было писать на улицах из-за мальчишек. Испанские мальчишки — это бич! Они совсем не дают

художникам работать. Они лезут в палитру, галдят, толкаются, мешают расспросами, хохочут, озорничают.

Однажды мы для них купили вареных креветок, надеясь откупиться от их приставаний. Они слопали креветки и стали приставать еще хуже прежнего. Тогда мы попробовали уговорить одного отгонять остальных, но получилось совсем скверно — все перессорились, разделились на два лагеря, и пошел уже настоящий уличный бой, от которого нам пришлось спасаться за ограду церкви, куда вход мальчишкам без родителей был воспрещен. Там мы уже спокойно работали — мальчишки глазели на нас через решетку, напоминая каких-то диких зверенышей.

Василий Иванович очень любил орган. Как-то мы после работы зашли в собор и попали на торжественное богослужение. Органист исполнял Баха. Потом к органу присоединился хор, это было похоже на ангельское пение, где-то там наверху, под сводами. Епископ в роскошном облачении стал подниматься по витой лесенке на балкончик — трибуну, с которой обычно говорят проповеди. Всем прихожанам в этот момент положено опуститься на колени и смиренно опустить головы. Мы с Василием Ивановичем зазевались на восхождение епископа, как вдруг оба, один за другим, почувствовали довольно сильный удар по затылку — соборный сторож в ливрее подкрался к нам сзади и каждого из нас своей булавой бухнул по голове, — дескать, нечего глазеть вверх, когда следует опустить «очи долу». Все это произошло так неожиданно, что мы оба прыснули и долго еще, переглядываясь, хохотали про себя.

Севилья была для нас наслаждением. Южная роскошь природы, живописность, типы. С утра до трех часов дня там люди не выходили из домов — зной был невыносим. Все уличные работы производились в городе только ночью при свете фонарей или факелов. Особенно мы любили улицу Калье де лас Сиерпос. Она была вся под тентом, натянутым между домами. Сквозь щели тента прорезалось яростно-синее небо. Улица шла вверх — террасами, и на ней сидели цирюльники. Испанцы с утра стриглись, брились, причесывались и потом, надушенные, намаженные, с расстегнутыми воротами белых рубаш, заправленных под широкие красные или черные кушаки, садились пить кофе или шоколад, курить крепкие сигары, балагурить тут же в маленьких кафе. Работа начиналась после трех часов дня.

Выше террасы был рынок цветов. Красотки севильянки покупали там цветы перед боем быков и прикалывали их на кружевные мантильи и косынки, бросали их любимцам публики — прославленным матадорами — под ноги. Двух таких знаменитостей Мачакиту и Бальиту нам с Василием Ивановичем удалось увидеть на арене. Мы не пропускали ни одного боя быков, рисуя акварелью и делая наброски карандашом и углем.

Однажды нам захотелось посмотреть на испанские танцы. Севильянце посоветовали нам пойти в школу Отеро. Это был брат знаменитой испанской актрисы ¹¹. Он открыл заведение, где специально для иностранных туристов устраивались какие-то бутафорские танцы под старину. Разумеется, это нас не удовлетворило. Мы взяли извозчика и попросили отвезти

нас туда, где танцует народ. Он привез нас в театр «Лас коведадэс», и это было уже совсем иное дело — кабачок-театр с ложами, где сидели зрители, и помост, на котором плясали танцовщицы из народа под аккомпанемент превосходных гитаристов. В те времена выступала там знаменитая «гитана». Она блестяще танцевала и пела народные песни с руладами. Но характер у нее был капризный и дикий — она упиралась, не хотела бисировать и без конца заставляла себя уламывать. Мы с Василием Ивановичем сделали с нее по акварели ¹².

Из Севильи мы перебрались в Гренаду и остановились в гостинице «Альгамбра». Из окон нашей комнаты была видна вся Сиерра-Невада. В этой гостинице было множество туристов. Однажды мы увидели, как англичанин с женой, оба художники, наняли специально обслуживающих эту публику старика «гитано» и молоденькую «гитану», наряженных в цыганские костюмы. Англичанка взгромоздилась на осла с мольбертами и этюдником, и они отправились на поиски соответствующей обстановки для позирования. Мы с Василием Ивановичем пошли следом. Англичане долго выбирали место, наконец нашли пейзаж, на фоне которого стали устанавливать какую-то жанровую сцену. Пока они усаживали старика, Василий Иванович переманил «гитану», увел ее подальше, пообещав ей побольше уплатить, и мы оба нарисовали с нее акварели у фонтана. Как хохотал и потешался Василий Иванович этой проделкой. Вообще он часто смеялся, характер у него был необычайно веселый, и вся наша поездка была пронизана его блестящим, жизнелюбивым юмором.

В Гренаде был целый квартал цыган, и когда мы собрались туда, нам предложили захватить с собой полицейского, так как там постоянно случаются грабежи и убийства. Но мы, понятно, отказались и поехали одни. Приехав на место, мы немедленно же принялись за работу. Обоих нас пленил интересный пейзаж с цепью гор и типы диких, красивых и гордых людей. Устроились мы в тени, возле двери сапожной мастерской. Сапожник вышел посмотреть на нас. Василий Иванович тут же снял с ноги свой прохудившийся сапог и отдал ему в починку. А сапожки он носил особые — с мягкими голенищами, заправляя их под брюки. Сапожник очень удивился фасону русского сапога и добротности работы. Пока он чинил, Василий Иванович сидел без сапога и писал акварель. И все-то у него выходило весело и непринужденно...

После Гренады перебрались мы в Валенсию. Но там, кроме народного праздника и танцев, смотреть было нечего. Зато праздник был великолепен: на площади, на помосте, танцевали испанские крестьяне. Тут же стояли верховые лошади, на которых они приехали. Танцы их были совсем особые — медленные, плавные, они больше походили на греческие движения, чем на буйную испанскую пляску.

Из Валенсии мы вскоре поехали в Барселону. Остановились в гостинице «Пенинсулар». Она была построена по арабскому образцу. Внутри был квадратный двор, и в него выходили все окна гостиницы. Можно было видеть, в какой комнате кто живет. И мы постоянно были свидетелями жизни испанцев. В Барселоне мы видели самые интересные бои быков и сделали множество акварелей.

Однажды, придя в громадный барселонский цирк на 1 500 зрителей задолго до начала, мы видели всю подготовку к бою. Интересно, что испанские цирки разделяются на две части — «Соль и собмра», то есть «Солнце и тень». На солнце места были дешевле, в тени дороже. Мы видели дрессировку лошадей перед боем, врачебную подготовку на несчастный случай. Василия Ивановича всегда привлекало героическое и трагическое, и сильное впечатление произвело на него то, что когда к цирку подъезжали матадоры в каретах, то им подносили их маленьких детей, чтоб они простились с ними на всякий случай. В то время в Барселоне были знамениты два матадора — Педро Лопец и Ломбардини. Как-то нам удалось хорошенько рассмотреть их у стойки кабачка. И когда они вышли оттуда, мы пошли за ними вслед и полдня ходили повсюду, не уставая любоваться их статными фигурами, их бронзовыми лицами...

Последним городом, который мы посетили, был Толедо. Тут мы полностью насладились произведениями Эль Греко...»¹³

На этом кончаются воспоминания моего отца о поездке в Испанию. Но мне хочется прибавить к ним те небольшие детали, которые я слышала изустно. Вот что говорил отец о первых своих акварельных работах в Испании: «Меня поразила яркость красок, этот желтый песок, синее небо и совершенно изумрудные тени на песке. И когда я потом писал бой быков, я все боялся взять краски в полную силу — никто бы не поверил такой невероятной яркости в цвете».

А вот что он рассказывал о посещении музеев:

«До сих пор я знал какого-то итальянизированного Веласкеса. А в «Пряках»¹⁴, что висят в Прадо, я увидел подлинного испанского художника: не теплого по колориту, как в портрете папы Иннокентия X, а холодного, сумрачного. Какие потрясающие у испанских мастеров оттенки голубого, мышино-серого, черного цвета! Они меня захватили с такой силой, что, когда мы были в Эскуриале, я прошел мимо чудесных красочных гобеленов Гойи и не оценил их!..»

И еще интересный эпизод рассказывал отец о бое быков в Барселоне, на который они с Василием Ивановичем пришли задолго до начала. Рядом с ними сел какой-то русский художник — турист. Когда начался бой и разъяренный бендерильями бык распорол брюхо первой лошади, русский художник не выдержал и закричал о варварстве, о дикости нравов. Тогда Василий Иванович переругался с земляком и настоял, чтоб тот ушел из цирка. Как и Кончаловский, Суриков также был увлечен ловкостью матадоров, красотой движений в игре плащом, точностью прицела шпагой, и, когда матадор Ломбардини блестяще сразил быка, Василий Иванович, как молодой, перескочил через изгородь и вместе со всеми поклонниками победителя обнял его, всего сверкающего золотым шитьем, разгоряченного, надушенного, с лицом, показавшимся моему отцу очень похожим на врубелевского демона.

Из путешествия по Испании Василий Иванович привез много рисунков и акварелей необычайной силы цвета и выразительности. Он возвращался на родину, полный новых ощущений и впечатлений.

Г. А. ЧЕНЦОВА

Знакомство моей семьи с Василием Ивановичем Суриковым произошло не совсем обычно.

Состоялось оно в 1910 году в Москве, куда мы (семья Добринских)¹ приехали во время японской войны с Дальнего Востока.

Наше детство — мое и сестры Аси — прошло в Сибири, где наш отец, Анатолий Михайлович Добринский, работал на постройке Сибирской железной дороги, затем во Владивостоке; там к нашей семье прибавился еще один член — родился брат Арсений.

Из Владивостока нам пришлось выехать в двадцать четыре часа — началась война с Японией.

Приехав в Москву, мы довольно долго жили в гостинице «Княжий двор», что на Волхонке².

Это была уютная, не очень большая гостиница, где жили преимущественно семейные постоянные жильцы. Помню, там одновременно с нами жили композитор Блара́мберг, Скрябин и другие.

При гостинице был небольшой сад, куда мама отправляла на прогулку Арсения.

Скоро брат стал куда-то исчезать из сада. На тревожные вопросы мамы — где он бывает? — отвечал, что ходит к одному человеку, который очень интересно рассказывает и рисует ему лошадок.

Мама сказала, что ей не нравятся «визиты» брата к неизвестному человеку.

Вскоре брат, выйдя на прогулку, быстро вернулся, ведя за руку несколько смущенного, улыбающегося человека.

— Вот, мама, ты хотела посмотреть, у кого я бываю. Вот этот человек!

На минуту воцарилось неловкое молчание, потом все весело расхохотались, и незнакомец сказал:

— Я — Суриков. Василий Иванович Суриков. Художник.

Так просто вошел Василий Иванович в нашу жизнь.

Это был человек среднего роста, коренастый, с умными пронзательными глазами, с очень густыми, длинными с проседью волосами, маленьким ртом, небольшой бородой и усами.

Говорил сильно на «о» — «окал».

Был у него очень характерный жест: он взбивал правой рукой волосы над ухом, кверху.

Когда был чем-нибудь взволнован, у него двигались на лице желваки.

Он казался очень молодежавым, живым и веселым. Он как-то со всеми нами сразу нашел общий язык. Узнав, что мы тоже из Сибири, Суриков много рассказывал нам о своей жизни в Красноярске, о родных, о своем детстве.

Рассказчик он был замечательный! Во всех рассказах его было так много своеобразного колорита, лирики и любви к людям. С особенной нежностью он рассказывал о матери, сестре Кате и о жене.

Рассказывал он так, что даже теперь, по прошествии шестидесяти лет, многое из его рассказов ясно помню.

Раз как-то, в чем-то провинившись, он был выпорот отцом («строгий был казак!»).

Наказание было суровым, и Вася убежал из дому.

«Я долго шел с узелком в руках. Думы были горькие. Кругом, по обе стороны дороги, стеной стояла пшеница, вся розовая от закатного солнца. Над головой вились жаворонки, от пения которых хотелось плакать.

Мысленно я был дома. Представлял себе мать и сестру плачущими, а отца терзающимся горьким раскаянием...

Оглянувшись, я вдруг увидел пыль над дорогой, услышал звук колес. Я быстро скрылся в пшенице. Сердце мое бешено билось. Необычайная радость охватила меня («ищут!»), но на дорогу я не спешил выйти. Мимо промчалась лошадь, а в знакомой пролетке я увидел маму и сестру Катю.

Обе горько плакали. Этого вынести я уже не смог. С криком: «Я тут, вот где я!» — я выскочил на дорогу и очутился в объятиях близких».

Василий Иванович любил и умел слушать. Причем он охотно выслушивал все рассказы мои и моей сестры о гимназической жизни. Ася была моложе меня на два года и в 1911 году, когда я стала студенткой Высших женских курсов, еще училась в гимназии. Суриков слушал о моих профессорах, читал и критиковал мои рефераты.

По вечерам мы все собирались за чайным столом, где делились впечатлениями дня или читали вслух.

Читала обычно я; иногда Василий Иванович.

Он очень любил рассказы Мопассана.

Прочли мы вместе вслух «Юлиана Отступника» и «Леонардо да Винчи» Мережковского³.

Не принимая философии Толстого, Суриков любил его романы. Льва Николаевича знал лично и был у него как-то в Ясной Поляне⁴.

У меня была полоса увлечения творчеством Л. Андреева.

Это совпало с приездом Андреева в Москву в связи с постановкой его пьесы в Художественном театре⁵.

Леонид Николаевич был у нас несколько раз и встретился как-то с Василием Ивановичем.

Мне очень нравился Леонид Николаевич, этот красивый человек с большими, всегда лихорадочно блестящими глазами. Он увлекательно рассказывал о фиолетовых скалах и голубых фиордах Финляндии, о своей белой яхте и приглашал нас всех летом к нему.

— Василий Иванович, умоляю вас, — обратилась я к Сурикову, — воспользуемся приглашением Андреева, поедemте к нему в Финляндию.

— Нет, нет! — ответил он. — Не ездок я в гости ни к писателям, ни к художникам. От Толстого, из Ясной Поляны, не знал прямо как быстрее домой вырваться, а у Репина его жена меня так сеном накормила, что не знаю, как и жив остался.

Однажды Андреев просил меня «сейчас же», при всех рассказать о моей любви.

— Любите же вы кого-нибудь? Покажите же мне «его». Эта любовь должна быть очень красивой, необыкновенной, чистой! Кто же «он»? Кто?

Я должен увидеть и узнать «его», чтобы написать повесть об этой любви! — горячо настаивал Леонид Николаевич...

Но что я могла ответить ему? В тот вечер я была страстно влюблена только в него...

Как-то Леонид Николаевич приехал из Финляндии в Москву в канун пасхи. Приехал он специально послушать перезвон колоколов. Начиная перезвон Иван Великий в Кремле. За ним начинали свой хор все сорок сороков церквей. Все сливалось в мощный своеобразный оркестр. Сосед не слышал на улице соседа.

Пришел Андреев к нам и пригласил меня «завтра, в шесть часов утра поехать на тройке на Воробьевы горы, встречать солнце и слушать колокольный звон». Я была так счастлива этим приглашением!

— А кто поедет еще? — спросила я.

— Поедет еще Куприн и Скиталец⁶.

Я, счастливая, побежала к маме сказать о приглашении Леонида Николаевича. Но мама не дала мне разрешения на эту поездку. Я была оскорблена и, плача, кричала маме:

— Они — Андреев и Куприн — мои любимые писатели...

Я плакала весь вечер и ночь. И в первый день пасхи встала с неимоверно распухшими и красными носом и глазами. А Василий Иванович ходил мимо меня, побряхывая, и говорил, хитро подмигивая:

— Не пустили пичугу! Захлопнули клетку-то... Не дали с соловьями полетать.

Нервы мои не выдержали. Я вскочила, стукнула кулаком по столу и крикнула Василию Ивановичу:

— Вы самый, самый препротивный сатир и фавн!!! — Дальше я не нашла слов, но Василий Иванович, с которым мы незадолго перед тем читали книги по мифологии, добавил:

— Из всех, которых я знала в прошлые века...

Как-то после встречи у нас Василия Ивановича с Андреевым я с волнением спросила:

— Василий Иванович, вам, видимо, не понравился Леонид Николаевич?

— Позер, позер! Знает, мерзавец, что красив, так зачем же старается подчеркнуть красоту этими бархатными блузами? Пленить решил и без того влюбленную в него девчушку...

Я страшно рассердилась и спросила:

— А вот вы, кого решили пленить вашим парижским костюмом... сапогами? Прямо безобразный вид! (Василий Иванович не носил ботинок, а из-под брюк у него всегда были видны сапоги, что меня очень шокировало).

— Ну и что? — спросил Василий Иванович сердито. — «Мне хоть чё так ни чё», — ответил он словами сибирской поговорки.

Андреев не понравился Василию Ивановичу. Он находил в его манере держаться и говорить много искусственного, наигранного и потому назвал его «позером».

Однако некоторые рассказы Андреева Василию Ивановичу понравились («В подвале», «В темную даль»). Но когда я начала было читать ему «Черные маски»⁷, — вещь, которую сам автор очень любил, он прервал меня, сказав:

— Нет, знаешь, дай «очухаться»... Пойду подышать свежим воздухом, — и ушел.

У нас часто бывал известный в то время адвокат по политическим и уголовным делам Б. М. Овчинников⁸. Человек он был очень интересный, блестяще остроумный.

Я, работая в театрах, слушая всех известных чтецов, никогда, ни раньше, ни позднее, не слышала такого художественного чтения прозы, как в исполнении Овчинникова. Мы все и Василий Иванович по нескольку раз слушали в его чтении «Игрока» Достоевского, «Полуночников» Лескова, стихи Блока и Брюсова.

Это было блестяще, неподражаемо! Читал Овчинников у нас или у себя дома, где мы бывали вместе с Суриковым.

Василий Иванович очень любил музыку.

Мы и не подозревали, что он сам играет на рояле, пока как-то раз он не сел за рояль и прекрасно исполнил Лунную сонату Бетховена.

Любил Василий Иванович и гитару. У него мы не раз слушали гитариста Шевелева⁹, а к нам он приводил известных тогда гитаристов — братьев Пелецких¹⁰. Часто на двух гитарах, вдвоем с моим женихом Колей Ченцовым¹¹, они брали просто аккорды. За этим делом они проводили часы, пока на пальцах не образовывались водяные мозоли. У Коли был небольшой, приятного тембра баритон, и он пел по «заказу» Василия Ивановича не только романсы, но и оперные арии.

Часто мы с Василием Ивановичем бывали в опере С. И. Зимина. Суриков был знаком с Зиминим, и тот на все премьеры и интересные спектакли присылал билеты. Василий Иванович брал с собой в театр меня и сестру.

В театре, когда Зимин в антракте приходил здороваться с нами, Суриков очень смешно обыгрывал встречу с Сергеем Ивановичем. Зимин был очень полный, и Василий Иванович, делая вид, что хочет поцеловать его, долго принаравливался, с какой же стороны ближе дотянуться губами до его лица. Наконец целовались, весело приветствуя друг друга.

Из опер Суриков любил «Бориса Годунова» Мусоргского, «Купца Калашникова» Рубинштейна, «Травиату» Верди, но не выносил в этой опере арии Жермона «Ты забыл край милый свой».

Из «Княжьего двора» мы переехали на Пречистенку, в дом Воскресенского¹².

Василию Ивановичу очень нравилась наша уютная квартира с большим итальянским окном на улицу. Суриков не раз, сидя у этого окна, делал зарисовки проходящих мимо и чем-то поразивших его людей.

Иногда, уходя от нас, он оставлял записку: «Напомнить, что сегодня прошла „Дохлюшка“». Вернувшись, он быстро набрасывал рисунок с поразившей его своей необыкновенной худобой женщины...

В этой квартире в 1911 году Суриков написал маслом прекрасный портрет сестры («Портрет Анастасии Анатольевны Добринской»).

Работал Василий Иванович всегда очень увлеченно.

Начиная портрет, Василий Иванович брал уголь и быстро делал первый набросок. Почти никогда не изменял позы натуры. Говорил: «Сядь, как удобнее, и не позируй».

Отрывался от дела очень неохотно. Готов был писать целый день.

Когда сестра говорила, что устала сидеть, он сердито отвечал: «А я почему не устал стоять? Еще немножко! Послушай, что расскажу...» И начинал новый, всегда интересный рассказ.

Суриков терпеть не мог, чтобы смотрели его незаконченные работы. Окончив на сегодня, он быстро поворачивал мольберт к стене.

Василий Иванович много и охотно писал сестру Асю. Он уделял ей много внимания, считая, что в семье ее любят меньше, чем меня. «Она в семье своей родной казалась девочкой чужой»¹³, — говорил Василий Иванович. Но в этом он глубоко ошибался.

У сестры был очень странный и трудный характер. Она была очень замкнутым человеком. Была крайне необщительна, не имела подруг. Упрямая, своеправная, крайне застенчивая, она мечтала по окончании гимназии уйти в монастырь. Никого из нас она особенно не любила, но мои родители относились к ней очень бережно и чутко. Василию Ивановичу она доверяла все свои тайны и делилась с ним своими мечтами.

Я с ней не была особенно дружна. Я любила людей. У меня было много подруг и товарищей. Они собирались у нас. Сестра принимала участие в устройстве вечеринок, но когда приходили мои друзья, она уходила в свою комнату и там запиралась.

Мы с ней и с Василием Ивановичем бывали весной в Страстном монастыре¹⁴. Там сестра подолгу беседовала с настоятельницей, бывшей княгиней или графиней, которая соблазняла Асю «поэзией» монастырской жизни, а мы с Василием Ивановичем предпочитали чай у настоятельницы (он был крепкий), лакомились вкусными горячими просфорами и любовались цветущими яблонями в монастырском саду. Поэтому, наверное, когда Суриков писал одну из последних своих картин — «Посещение царевной женского монастыря» (которую он обычно называл «Вход царевны в монастырь»), он изобразил меня у самого выхода, глядящей «в жизнь», как он говорил. (Этюд, написанный с меня, приобрел позднее какой-то сибиряк-коллекционер.) Царевну Суриков писал с сестры¹⁵. В этой же картине в лице одной из монахинь он изобразил мою подругу по университету Катю Головкину¹⁶.

Катя была дочерью богатого домовладельца и дачевладельца в Ставрополе Самарском. Там мы снимали у них дачу. Дача стояла в прекрасном сосновом бору.

Этим летом к нам приехал Василий Иванович¹⁷. Он сразу обнаружил под крышей кухни «пустое пространство» и, вооружившись лестницей и ящиком с красками, нарисовал в этом треугольнике громадное смеющееся лицо. Никто, глядя на это лицо, не мог удержаться от смеха. (Головкин потом вырезал эти доски с рисунком себе на память.)

Это положило начало веселому лету!

Суриков принимал участие во всех наших прогулках и даже проделках.

В Ставрополе было озеро с двумя купальнями, где по утрам было очень тесно, шумно и неопрятно.

— Хотите, завтра одни будем купаться? — спросил Василий Иванович. Он долго о чем-то шептался с папой, они что-то укладывали в чемодан из старого белья и одежды.

Наутро, когда мы пришли купаться, на берегу растерянно толпились дачники. В озере не было никого...

— Там кто-то утонул, — сказали нам.

В купальне нашли костюм и ботинки, а в пиджаке записка:

«Прощай, милая Агаша!

Всему виною любовь наша...

Хотел я ею с тобой упиться,

Но пришлось мне утопиться...»

Дальше мы не успели прочесть, так как записку «самоубийцы» приобрели к «делу».

История эта имела продолжение. В одной из самарских газет появилось сообщение о неизвестном «самоубийце». В Ставрополь выехали следственные власти. Все озеро было обследовано баграми, но... пропал «утопленник»!

В это лето было сделано много фотографий, запечатлевших наших гостей и нас ¹⁸.

Там же Василий Иванович, пойдя как-то в город, купил себе ярко-красную косоворотку (обычно он на даче ходил в темных косоворотках и белой фуражке). Нас эта покупка несколько удивила, но мы промолчали. Арсений же неожиданно вдруг спросил Василия Ивановича: «А палачи в прежнее время всегда в красном ходили?»

На другое утро Василий Иванович что-то долго делал в кухне. Оказывается, он синил свою новую рубашку, отчего она приобрела лиловый цвет и была отдана пареньку, принесшему ягоды.

В Москве Суриков принес нам как-то свой большой альбом с акварельными рисунками и карикатурами ¹⁹. На первой странице альбома было написано.

«Рисунки все — не важно дело.

Кто весел — тот смотри их смело,

А кто угрюм — тот в печку кинь.

Вот предисловие. Аминь».

Что это был за прелестный альбом!

Недели две рассматривали мы его, восторгались. Кончали и начинали снова.

Особенно понравилась мне «Улика». ...Раннее утро в монастырской келье. Чуть брезжит рассвет в решетчатое окно. Смятая постель. Около нее стоит бледный, растерянный инок, а перед ним грозный монах держит в руке женскую гребенку.

Хороши были «Невский проспект», «Генерал, бежавший с парада», «На небо поглядывает, а по земле пошаривает» и много, много других. Все они высмеивали купцов, генералов, духовенство.

Василий Иванович делал много зарисовок и с меня ²⁰.

Часто, когда я сидела, не думая даже, что он смотрит на меня, он вдруг строго кричал: «Сиди так! Не двигайся! Чертовски хорошо посажена у тебя голова!» И, схватив альбом, быстро зарисовывал ту или другую позу.

Примерно раз в неделю у меня с Василием Ивановичем происходили «беседы по душе». Обычно это было в сумерки, без огня. Мы садились в разных углах дивана в моей комнате, обязательно с ногами, и Василий Иванович как-то сердито говорил:

— Ну?

— Василий Иванович, скажите, я красивая?

— Видишь ли, для художника мерилom красоты является античная красота, ею ты не обладаешь...

— А почему же в меня все влюблены? Все, кроме вас?

— Видишь ли... Ты обладаешь бóльшим даром, чем красота: в тебе много обаяния, очарования, женственности... Что же касается того, что я единственный, кто в тебя не влюблен, так надо же мне хоть этим отличаться от остальных и тем самым... привлечь к себе твое внимание... (О, сколько иронии мне слышится теперь в его голосе!)

Суриков умел и любил находить все красивое. Помню, как покорила его своими танцами приехавшая в Москву Айседора Дункан. «Ведь нельзя сказать, чтобы и красива была, — говорил он, — но какая гармония в ее теле, в ее движениях!»

На свои рисунки Василий Иванович был скуповат. Правда, нам он дарил их много.

Рисовал он иногда на коробках от тортов, на плоских камнях в Крыму.

Василий Иванович гостил у нас в Суук-Су ²¹. Рядом с нами жили две очень милые девушки — сестры Надя и Зоя Орловы. Они не раз просили Сурикова нарисовать им на память «ну хоть какой-нибудь пустяк». Василию Ивановичу не нравилась их настойчивость, но все же накануне отъезда в Москву он сделал им по рисунку... на двух персиках.

Помню я Василия Ивановича и в другие минуты его жизни... Он вдруг весь как-то «сжеживался», уходил в себя, задумывался и надолго исчезал. Это значит, он работал, рисовал. Писал в мастерской, делал эскизы дома.

В период знакомства с нами он заканчивал «Степана Разина» и написал «Посещение царевной женского монастыря» и «Благовещение».

Ему долго не давалось выражение глаз Степана. Он все искал какую-то «точку». Раз как-то в три часа утра он разбудил нас и шепотом в щель двери сказал: «Нашел я точку-то!» И потребовал, чтобы утром же мы пришли посмотреть глаза Степана.

Для «Благовещения» Сурикову позировал Н. С. Ченцов. Василий Иванович писал его руки.

Суриков так трактовал «Благовещение»: «В протянутых руках Гавриила должна быть земная страсть, хотя он и архангел. Не надо забывать, что мужем Марии был старец, а у нее все же родился сын».

С Василием Ивановичем я и сестра посещали все вернисажи выставок — и «Русских художников»²², и «Передвижников», и «Бубнового валета».

Я очень любила Коровина, Нестерова, Кустодиева. Суриков одобрял мой вкус.

Из скульпторов в то время Суриков восторгался Роденом и Трубецким.

Много раз мы были с Василием Ивановичем в Третьяковской галерее. Он всегда подолгу останавливался перед картиной В. Васнецова «После побоища Игоря Святославича с половцами». С восхищением вглядывался в молодого убитого воина и говорил: «Здорово, черт возьми!.. Будто жизнь только что покинула его, а смерть еще не сковала... И эти цветы рядом... Хорошо!»

Меня тянул к себе «Иван Грозный» Репина. Но Василий Иванович говорил: «Крови уж больно много... Не выдержал, должно быть, тот безумец, кто разрезал эту картину. Протестовал по-своему, может быть...»²³

Суриков знакомил нас со многими художниками, но я не припомню, чтобы с кем-либо из них он был особенно дружен.

Василий Иванович был хорошо знаком и всегда очень тепло отзывался об известном меценате С. И. Мамонтове. Он посетил Мамонтова, когда тот был арестован и от него все отвернулись²⁴.

Василий Иванович умел бурно и горячо чем-нибудь увлекаться. Никогда не забуду его писем из Испании, куда он ездил со своим зятем П. П. Кончаловским²⁵. От писем пахло горячим песком арены, в них было синее небо и страстные песни этой чудесной страны.

Каким «заболевшим и одержимым» он вернулся из этой поездки в Москву! Целыми вечерами он показывал зарисовки боя быков, испанок, танцующих на красных каблучках, фотографии знаменитых тоreadоров. Привез ноты испанских песенок и проигрывал их на гитаре. Прочел нам вслух Ибаньеса «Кровь и песок»²⁶ и раз пять ходил со знакомыми смотреть эту картину в кино. Привез нам подарки: веера, кастаньеты и испанскую шаль.

Василию Ивановичу нравились мои импровизации: я изображала музыку в танцах. Он провел меня сам в балетную студию М. М. Мордкина²⁷ — замечательного танцовщика Большого театра, куда я поступила, учась одновременно на Высших женских курсах.

А как блестяще знал и любил Суриков историю! Я училась на историко-филологическом факультете. Перед сессией Василий Иванович меня всегда «экзаменовал», и мне казалось, что я по сравнению с ним ничего не знаю.

Когда я готовилась к экзамену по древнегреческой философии, мы с Василием Ивановичем решили, что мы с ним безусловно эпикурейцы, а Ася, пожалуй, стоик...

Суриков очень любил бывавшую у нас молодежь. Больше всех ему

правился Н. С. Ченцов, но с особым сочувствием и как-то трогательно он относился к скромному и некрасивому студенту Пете Петрову ²⁸, который был из очень бедной семьи и начал работать с четырнадцати лет в торговой фирме Альшванг ²⁹. Так, работая и учась, он закончил Высшее техническое училище.

Часто Василий Иванович вдруг предлагал: «А знаете, не поехать ли нам к Петрухе?» Заходил в магазин, покупал бутылку вина, торт, и мы ехали к Пете в его скромную комнату.

И ничего, что у хозяина вместо скатерти расстилалась простыня на столе! Все искренне веселились, а Василий Иванович рассказывал о годах своего учения, о времени своего студенчества, о том, как он писал в московском храме Христа Спасителя «Вселенские соборы», как комиссия, принимавшая его работу, нашла, что у участников соборов слишком длинные бороды и сказала, что бороды необходимо укоротить. Василий Иванович «укоротил», и комиссия приняла работу, а он затем за несколько ночей вновь «отрастил» все бороды.

Вспоминал он, как однажды в Академию художеств на выставку учеников приехал царь Александр II. Осмотрев выставку, царь сказал: «Позвать ко мне художника лучшего...» А в Академии был ученик, один из самых плохих, по фамилии Лучшев. Администрация растерялась. Кинулись звать Лучшева. А тот понял, что царь хочет увидеть лучшего художника, и не шел, упирался, и его буквально вытолкнули в зал, где был царь...

Однажды Суриков живо откликнулся на мою просьбу нарисовать несколько программ для вечера в Горном институте, весь сбор с которого шел в пользу студентов, не могущих уплатить за свое учение. Он чудесно нарисовал пять программ и все их подписал. Желающих приобрести эти программы было много, но их опередил сын сибирского золотопромышленника Касьянов ³⁰, который приобрел три, уплатив за них сумму, намного превышающую стоимость всех цветов и бутылок шампанского, проданных в этот вечер.

Купив программы, Касьянов направился к дивану, где сидели мы с Василием Ивановичем (я давно обещала Касьянову познакомить его с Суриковым).

Но сделаю маленькое отступление.

Василий Иванович всегда прекрасно одевался — черный костюм с мягким бантом вместо галстука, но под брюками были неизменные сапоги, что меня очень шокировало.

Когда Касьянов приближался к нам, я жалобно сказала:

— Василий Иванович, поправьте правую брюку! У вас очень виден сапог.

Суриков вдруг ужасно рассердился:

— А почему он не должен быть виден? — И, добавив излюбленную им сибирскую поговорку: «Мне хоть чё, так ни чё», — еще сильнее подтянул брюки...

Суриков всегда тяготел к простым людям. Не раз он, возмущаясь, рассказывал о пошлости и глупости, которые царили в великосветских гостиных, где ему изредка приходилось бывать.

Помню такой случай. Он был у нас, когда в парадном позвонили и ливрейный лакей передал для Василия Ивановича конверт, в котором было приглашение «пожаловать на открытие дворца» к князю Щербатову ³¹.

В конце письма была приписка: «Дам просят быть в вечерних туалетах, мужчин во фраках».

Суриков был взбешен. «Им мало Сурикова! Им подавай его во фраке».

— Я сейчас вернусь! — крикнул он, быстро одевшись и выходя на лестницу.

Примерно через час он вернулся сияющий и очень довольный собой. «Да! Было дело под Полтавой!» — несколько раз повторил он одну из своих поговорок и рассказал, как он вложил в коробку свой фрак и, приложив визитную карточку, отправил все это князю Щербатову.

Суриков был очень скромный человек. Был неприхотлив в еде. Ипогда любил выпить немного хорошего вина, но не выносил индейку, о чем предупредил нас заранее: «Уж очень преспротивно — некрасивая птица! Если поем, всегда плохо бывает!»

Удивлял он нас своим равнодушием к цветам. Если он их приносил кому-либо из нас, то всегда или за полый пальто, или в кармане. Торты всегда носил под мышкой, повернув коробку боком.

В январе 1915 года я сказала Василию Ивановичу, что выхожу замуж и ответила на вопрос: «За кого?» — «За Колю Ченцова». Он сказал:

— Ну и ошарашила ты меня!!! Он же не блещет красотой, как твой Леонид Андреев, не танцует так замечательно, как твой Мордкин, не произносит потрясающих речей на суде, как твой Овчинников. Правда, он благороден, и скромен, и беспрдельно влюблен...

— Ну что же, — сказала я, — пока мне и этого довольно... — И пригласила Василия Ивановича на свадьбу.

9 января 1915 года, в день моей свадьбы, мы были поражены его видом: он выглядел совсем больным. Это, однако, не помешало ему сделать прекрасный рисунок со всех сидящих за столом ³².

За все время нашего знакомства я не помню, чтобы Василий Иванович хворал, но вскоре он попросил меня поехать с ним к нашему близкому знакомому профессору Ф. А. Андрееву ³³, специалисту по сердечным болезням (впоследствии лауреату Государственной премии). Он решил, что родственник его, профессор М. П. Кончаловский ³⁴, скроет, если найдет у него что-либо серьезное.

Андреев нашел в сердце Сурикова «возрастные изменения», но ничего угрожающего не обнаружил.

Тем не менее Василий Иванович как-то сразу сдал. Бывать у нас стал редко. Когда приходил, то не смеялся... Стал как будто другим человеком...

6 (19) марта 1916 года Суриков скончался. Не стало великого художника и большого, чуткого, доброго и хорошего человека.

Вот мои краткие воспоминания о самом интересном человеке из всех, с кем мне пришлось встретиться на моем длинном жизненном пути.

Ю. В. РАЗУМОВСКАЯ

Мне выпало счастье лично встречаться и общаться с Василием Ивановичем Суриковым. Первый раз я увидела его на даче под Ставрополем на Волге, куда меня пригласили погостить мои родственники — семья сестры моей матери — Добринские¹.

У меня с детства проявилась любовь к искусству. Добринские, приглашая меня к себе на дачу и зная мое увлечение, сообщили, что к ним должен приехать на лето В. И. Суриков, с которым они были в близких дружеских отношениях.

Надо ли говорить, с каким нетерпением и трепетом я ждала встречи с великим художником, которого уже хорошо знала по его произведениям и который был для меня чем-то недостижимым, чем-то почти сказочным.

Эта первая встреча тогда была лучезарно жизнерадостной. Василий Иванович в семье Добринских был очень любим и чувствовал себя у них просто и легко. Был веселым, общительным, любил подшутить над кем-либо из окружающих, рисовать на них карикатуры, сочиняя шуточные стишки. Помню, как-то утром мы видим — на двери сарая красками намалевана страшная рожа. Это Василий Иванович, встав очень рано, сотворил ее, пока еще все спали, и был сам в восторге от своей затеи.

Подобными шутками и весельем были наполнены дни моего пребывания у Добринских. Любил Василий Иванович прогулки с нами то в лес, то на берег Волги — в Ставрополе дачи были не так близко от реки. Он очень внимательно смотрел мои работы, которые я показывала ему, конечно, с великим страхом и волнением.

Осенью 1911 года я поехала в Москву сдавать экзамен в Училище живописи, ваяния и зодчества. Я провалилась. Огромное огорчение... В. И. Суриков, узнав о моем провале, утешал меня, отговаривал ехать в Петербург, куда я стремилась для подготовки в Академию художеств, советовал остаться в Москве и поступить в одну из частных студий, которых тогда в Москве было немало. Он указал мне на студию Василия Никитича Мешкова².

И вот начались мои занятия в этой студии, где я проучилась весь сезон 1911/12 года, после чего успешно сдала экзамен в Академию художеств. Действительно, в студии Мешкова было прекрасно поставлено преподавание. Все работали с огромным увлечением. В отношении Василия Никитича к ученикам не было никакого чувства превосходства, снисхождения, которые всегда так дают молодежь. А молодежи здесь было много.

Студия помещалась на пятом этаже большого дома на углу Моховой и Воздвиженки, в двух комнатах. В большой, очень светлой, днем занимались живописью, во второй по вечерам рисовали.

И вспоминаю я, как праздник, те дни, когда вдруг неожиданно к нам в студию приезжал Василий Иванович, — по-видимому, он был в дружбе с Мешковым. Он с интересом обходил мастерскую, смотрел работы учеников, изредка делал какие-то замечания. Конечно, мы с жадностью ловили каждое его слово.

Весь этот год я часто встречалась с Суриковым у Добринских, иногда на выставках. В семье Добринских всегда бывало много молодежи, рядом с которой и Василий Иванович становился молодым. Веселый, общительный, он часто пел, аккомпанируя себе на гитаре. Могучая фигура сибирского казака, непокорные пряди густых, седеющих волос... Я всегда любовалась и восхищалась им, чувствуя за его незаурядной внешностью великого художника.

П. И. НЕРАДОВСКИЙ

У Кончаловских всегда было интересно бывать. Гостеприимные, они радушно принимали, вкусно угощали. Интереснее всего были рассказы и пение Петра Петровича...

Мне памятли рассказы и Ольги Васильевны Кончаловской о Сурикове и других художниках, о заграничных поездках. Рассказы о Сурикове были особенно интересны, и я тогда же (15 марта 1928 года) их записал.

«... Суриков был недоступным и крутым в отношениях с людьми вне дома, в семье же был общительный, веселый, любящий. Делал гимнастику, шутил. Смотрел в окно и, наблюдая прохожих, смеялся, зарисовывал тех из них, которые занимали его чем-либо.

На улице, в трамвае, увидев забавную фигуру, смеялся в кулак. Попов, монахов, монахинь любил рисовать в смешном виде.

На акварели, сделанной в Троицкой лавре ¹, изобразил, как передают по головам просфоры и свечи, как стучат свечой по голове волосатого протодиакона...

Голубкину уговорил разбить свой бюст ² ее работы и успокоился и повеселел только тогда, когда добился этого.

Портрет с него Крамского исправил, придав себе особенности казацкой прически и сделав на нем другие поправки. На оборотной стороне этого портрета под подписью: «Писал Крамской» написал: «Поправлял Суриков» ³, но потом эту приписку стер.

Суриков написал великолепный портрет дамы-немки ⁴. Этот портрет долго висел у него, он вполне был им доволен. А в один прекрасный день он почему-то его изрезал. (Кончаловские говорили, что этот портрет был отличной живописи и как женский портрет тоньше и выше серовских.)

Картина «Благовещение» стояла свернутой, и Суриков, показывая на видневшийся кусочек живописи, говорил: «Нужно смотреть, Петя, как не надо писать. Картину видно по маленькому куску, хороша она или плоха».

Суриков продал в Харьков две свои работы за большую цену, а продав, поехал догонять покупателя. Ночью разбудил его, выпросил у него обратно свои вещи, вернул ему деньги, а картины уничтожил ⁵. И только после того успокоился...»

В. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Отбывая воинскую повинность в лагерях под Можайском, я встретился с прапорщиком П. П. Кончаловским, и мы с ним сблизились.

1911 год. В квартире Кончаловских, на Садовой улице в Москве, за чайным столом с самоваром сидит семья художника, сам Петр Петрович и я, приехавший из Перервы...

Мы сидим за чаем и спорим... Звонок в передней... Входит просто одетый, в шубе с барашковым воротником и в поношенной шапке Василий Иванович Суриков. Ему помогают раздеться. Окруженный внуками, проходит с Ольгой Васильевной в столовую знаменитый русский художник.

Суриков — среднего роста, крепкого сложения, с упрямым сосредоточенным лицом человека, привыкшего достигать намеченного; в нем нет чрезмерной интеллигентности, он прост и народен. Большая шевелюра густых с сильной проседью волос напоминает казаков, подстриженных в скобку. Он в черном костюме, брюки спускаются на сапоги с мягкими голенищами, что придает художнику несколько старомодный вид. Голос его, глуховатый, говорит о слабых легких.

Василий Иванович здоровается и садится за стол. Сидит он прямо, собранно, как казак в седле. Опять начинается чаепитие, немногословный разговор о домашних делах, в котором Ольга Васильевна участвует деловито, наставительно: так должна вести себя дочь казака, блюдя крепкое хозяйство. Внук Сурикова, маленький Миша¹, взбирается на колени к деду, требуя, чтобы он нарисовал ему тройку. Приносят лист бумаги, карандаш, и Василий Иванович принимается за работу, обсуждая вслух детали упряжи, попутно продолжая начатый разговор. Рисунок окончен, внук слезает с колен, а Василий Иванович просит принести испанский журнал², который выписывал Кончаловский. Номера журнала наполнены изображениями боев быков, знаменитых матадоров. Рассматривая их, Суриков увлекается. Вместе с Петром Петровичем они путешествовали по Испании и теперь вспоминают виденные бои.

Мне казалось несколько странным такое одностороннее отношение к Испании, с ее прекрасной живописью прошлого. Потом я понял, что художник, любя Веласкеса, в своих ощущениях, в своей живописи предпочитал идти не от музеев, а от жизни. В этом его сила реалиста, в этом своеобразие автора «Боярыни Морозовой».

В 1910 году умер Врубель. В это время нас, стремящихся к новому, стало интересовать западное искусство: импрессионисты и постимпрессионисты, вносившие другие возможности в живопись. Наша небольшая группа работала, экспериментируя, но не забывая о своей национальной сущности. Мы отрицали в живописи натурализм, эстетство и стилизацию. Отсюда наше стремление к обыденному содержанию, к национальному декоративному цвету, который интересовал нас в древней иконе и даже в трактирных подносах. Мы энергично работали и участвовали на выставках «Бубнового валета». Наша искренность, наш напор делали свое дело. Некоторые искусствоведы, художники, а среди них В. И. Суриков, стали находить и положительное в новых исканиях.

Хотя мы были антагонистами «Мира искусства», но в 1911 году большинство из нашей основной группы получило приглашение участвовать на выставке этого общества в Москве. Я без жюри выставил две работы: «Трактир» и «Трактирная посуда», написанные с натуры в Перерве. Помню, на эту выставку пришел В. И. Суриков, и мы ходили с ним, рассматривая живопись. Он резко высказывался против направления «мирискусников», я испытывал некоторую неловкость, слушая его, так как на выставке были картины В. А. Серова ³.

В эти же годы, будучи как-то с П. П. Кончаловским в галерее западной живописи С. И. Щукина ⁴, зашли оттуда к В. И. Сурикову поздравить его с днем рождения. Он жил в переулке около Музея изящных искусств, занимая две смежные комнаты в скромной гостинице ⁵.

Помещение не отличалось красотой и даже уютом: на стенах не висели картины в золоченых рамах. Только одна гитара напоминала о стремлении их обитателя к эстетике. Его этюды находились в большом сундуке, стоявшем тут же, в одной из комнат. Когда после смерти Сурикова Ольга Васильевна показывала мне содержимое сундука, я понял весь творческий путь художника.

В последний раз видел Василия Ивановича в 1916 году, уже мертвым. Была война с Германией. О том, что он умер, узнал, приехав с фронта в отпуск.

В небольшой церкви около Тверской улицы ⁶, окруженный родными, почитателями, лежал в гробу великий художник — воинствующий реалист, проникавший своим острым взглядом в глубь веков, вскрывший там могучий героизм русского народа и его всегдашнее стремление к свободе.

Комментарии

Летопись

жизни В. И. Сурикова

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея.

ГРМ — Государственный Русский музей.

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР.

Х. — холст.

М. — масло.

К. — картон.

Б. — бумага.

Акв. — акварель.

Кар. — карандаш.

Граф. кар. — графитный карандаш.

Ит. кар. — итальянский карандаш.

ПИСЬМА

1

¹ Датируется по содержанию. Адресат письма не установлен. По-видимому, это был кто-то из родных В. И. Сурикова, знавших о его стремлении учиться в Академии художеств.

² *Смелянский Николай Васильевич* — знакомый Суриковых, фельдшер Енисейского казачьего конного полка.

³ *Замятнин Павел Николаевич* — генерал-майор, с 1862 по 1869 г. гражданский и военный губернатор Енисейской губернии. (В некоторых материалах упоминается как П. Н. Замятин).

Обстоятельства знакомства Сурикова с семьей Замятниных изложены в статье М. В. Красноженовой «Василий Иванович Суриков по воспоминаниям красноярцев и по письмам его к родным» (А. Н. Турунов и М. В. Красноженова. В. И. Суриков. Иркутск — Москва, 1937, с. 73—75).

Замятнин принял деятельное участие в судьбе Сурикова. 10 декабря 1867 г. направил в Академию художеств письмо с просьбой зачислить Сурикова в число учеников Академии. К письму были приложены рисунки по следующей описи:

«Опись посылаемым рисункам.

Рисунки Василия Сурикова

- 1 Ангел молитвы (с картины Неффа).
- 2 Благовещение (с картины Боровиковского).
- 3 Голова Спасителя.
- 4 Тройка.
- 5 Ямщик.
- 6 Хоровод.
- 7 Голова мальчика.
- 8 Старик.
- 9 Девушка, стерегущая ребенка.
- 10 Пляшущие русские.
- 11 Мальчик с луком.
- 12 Курганы в Минусинском округе».

(Цит. по кн.: В. К е м е н о в. Историческая живопись Сурикова. 1870—1880-е годы. М., 1963, с. 16).

Получив приведенный в публикуемом письме ответ вице-президента Академии художеств кн. Гагарина, Замятнин помог организовать поездку Сурикова в Петербург и изыскать необходимые для этого средства (см.: Там же, с. 77—78).

⁴ Сведений о Г. Шалине не имеется.

⁵ *Гагарин Григорий Григорьевич* (1810—1893) — вице-президент Академии художеств (1859—1869).

⁶ На этом текст письма обрывается.

2

¹ *Сурикова Прасковья Федоровна* (1818—1895) — мать художника, происходила из старинного казачьего рода Торгошиных, упоминаемого в документах XVII в. Уроженка и постоянная жительница Красноярска. Неграмотная женщина, одаренная, по отзывам знавших ее, природным вкусом к художественным работам, искусная вышивальщица.

Суриков Александр Иванович (1856—1930) — брат В. И. Сурикова, единственный человек, с которым на протяжении всей жизни вел переписку художник. А. И. Суриков не имел законченного образования. Первоначально он поступил в гимназию, но вскоре перешел в уездное училище, курс которого не окончил. Впоследствии, сдав экзамен на первый классный чин при красноярской гимназии, служил в Красноярском губернском суде, занимая различные незначительные должности (столоначальника, протоколиста, секретаря суда, архивариуса). В 1911 г. вышел в отставку. Всю жизнь почти безвыездно провел в Красноярске. (Воспоминания А. И. Сурикова о брате см. на с. 221—224).

² Суриков выехал из Красноярска 11 декабря 1868 г. с двумя попутчиками: архитектором А. Ф. Хейном, ехавшим в Европейскую Россию для лечения, и своим сверстником Дмитрием Лавровым, который направлялся в Троице-Сергиеву лавру для обучения иконописи.

³ *Кошмы* — местное название войлока. Суриков писал «кочмы».

⁴ *Кошева* — крытые сани.

⁵ *Кожуховский Петя, Давыд* (Давыдов Дмитрий Никанорович) и *Абалakov Андрей Капитонович* — товарищи и сослуживцы Сурикова по Енисейскому общему губернскому управлению. Давыдов — дальний родственник Суриковых. Полковник *Корх Иван Иванович* — командир Енисейского казачьего конного полка, зять губернатора П. Н. Замятнина (см. письмо 1 и коммент. 3 к нему), квартировал в доме Суриковых. *Варвара Павловна* — его жена, старшая дочь Замятнина. *Орешников Геннадий Порфирьевич* — знакомый Суриковых, сын красноярского купца.

⁶ *Бабушкины* — знакомая семья Суриковых. Одна из дочерей Бабушкиных — Анна Дмитриевна нравилась Сурикову. В письмах он называет ее Анютой, Аннушкой.

⁷ *Сереза (Серж)* — *Виноградов Сергей Васильевич* (? — 1879) — муж сестры художника, Екатерины Ивановны (1846—1868). Суриков гостил у Виноградовых в селе Тесь Минусинского округа в конце лета 1866 г. Поездка эта произвела на него большое впечатление, и он много лет спустя неоднократно вспоминал о ней. После смерти сестры Суриков снова побывал в селе Тесь летом 1868 г., взяв 4 июня после болезни отпуск на три недели. В юности Суриков был очень дружен с Виноградовым. Во время обеих поездок В. И. Суриков много рисовал, о чем свидетельствует фраза в письме Виноградова от 30 ноября 1868 г.: «Высылаю тебе, Вася, твои картины (15), о целостности которых ты беспокоишься» Письмо Виноградова хранится в Красноярском краевом краеведческом музее.

В 1894 г. Суриков сделал по фотографии портрет Виноградова с сестрой Екатериной Ивановной.

3

¹ Фотокопия карточки хранится в отделе рукописей ГТГ (ф. 36).

² Крестной матерью Сурикова была его двоюродная тетка с материнской стороны Ольга Матвеевна Дурандина, урожд. Торгошина (1816—1881). В 1856—1859 гг. Суриков, будучи учеником уездного училища, жил у нее в доме по Больше-Качинской улице. Дом этот изображен Суриковым на рисунке «Улица в Красноярске».

³ *Танечка* — *Торгошина Татьяна Степановна* — (1849—1884) — двоюродная сестра художника. Ее отец — брат Прасковьи Федоровны Суриковой, Торгошин Степан Федорович (1810—?), послужил натурой для чернобородого стрельца в картине «Утро стрелецкой казни» (в ГТГ хранится этюд, написанный с С. Ф. Торгошина), а мать — Евдокия Васильевна позировала для головы «Боярыни Морозовой».

4

¹ *Катушки* — сибирское название снежных гор.

² *Замятнина Екатерина Павловна* — дочь красноярского губернатора.

³ *Кузнецов Петр Иванович* (1818—1878) — городской голова Красноярска (1853—1865), золотопромышленник. Часто бывал в Петербурге, ездил за границу. Интересовался искусством. Благодаря его помощи Суриков

получил возможность учиться в Академии художеств. П. И. Кузнецов дал средства для поездки Сурикова в Петербург и поддерживал его материально в течение пребывания в Академии художеств (с 1869 по 1875 г.), выплачивая ему стипендию.

Бывая в Петербурге, Кузнецов неизменно проявлял внимание к Сурикову, интересовался его успехами, приглашал в свою ложу на оперные спектакли. В семье Кузнецовых Суриков проводил праздники. Когда в 1873 г. обнаружилось, что климат Петербурга плохо отразился на здоровье молодого художника, Кузнецов взял его летом того же года в свое имение. Это имение («резиденция») П. И. Кузнецова находилось в верховьях рек Немир и Узун-Джул, впадающих в приток Енисея Абакан, у отрогов Саянского хребта (около 150 км к юго-западу от г. Минусинска). Здесь Суриков восстановил свои силы (см. коммент. 3 к письму 25 и очерк М. Волошина, с. 182).

Со всей семьей П. И. Кузнецова Суриков был хорошо знаком, поддерживал отношения в Петербурге и Красноярске, а с сыновьями Кузнецова — Александром Петровичем и Иннокентием Петровичем его связывала дружба.

⁴ Токарева Александра Федосовна (см. коммент. 1 к письму 6).

⁵ Приписка в конце первой страницы письма.

⁶ Приписка сбоку страницы.

5

¹ Вступительный экзамен в Академию художеств в апреле 1869 г. Суриков первоначально не выдержал, так как не имел навыков в рисовании с гипсов. Поступив в школу Общества поощрения художеств, он практикуется в течение трех месяцев в рисовании гипсов, осенью успешно сдает вступительный экзамен и 28 августа 1869 г. зачисляется вольнослушателем.

² О каких картинах идет речь не установлено.

³ Суриков очень хотел, чтобы брат его учился в гимназии, по окончании которой мог бы поступить в университет. Красноярская гимназия была открыта в год отъезда Сурикова из Красноярска в Петербург (1868).

⁴ *Савицкий Семен Яковлевич* и *Иванов Иван Евгеньевич* — бывшие сослуживцы Сурикова по губернскому управлению.

6

¹ *Токарев Феодосий Петрович* («отец Федос», как называет его Суриков в других письмах) — священник, настоятель Минусинского собора.

Жил прежде в Красноярске. В юности Суриков был дружен с его дочерью Сашенькой — Александрой Федосовной.

² Неизвестно, о каком имении дяди и о каком Попове идет речь.

³ Чебаков Михаил Иосафович — смотритель училищ Красноярского и Канского округов. Одно время преподавал в Красноярском уездном училище, где учился Суриков.

⁴ Кузнецов Александр Петрович (1848—1913) — в то время студент-технолог, старший сын П. И. Кузнецова.

⁵ Калина Леонид и Мартин (Маркиан) Васильевичи — чиновники губернского управления, бывшие сослуживцы Сурикова.

7

¹ Суриков пишет о «Выставке художественных произведений в имп. Академии художеств в 1869 году», на которой были экспонированы работы В. Г. Перова, Г. Г. Мясоедова, И. Н. Крамского, А. Д. Литовченко, И. И. Шишкина, К. Е. и В. Е. Маковских, Г. И. Семирадского, А. И. Куинджи, И. Е. Репина, В. Д. Поленова, Ф. А. Бронникова, А. И. Корзухина и др.

8

¹ Вел. кн. Мария Николаевна (1819—1876) — президент Академии художеств с 1852 по 1876 г.

² Вел. кн. Владимир Александрович (1847—1909) — в 1869—1876 гг. товарищ президента, а с 1876 по 1909 г. президент Академии художеств.

³ Исеев Петр Федорович (1831—?) — конференц-секретарь Академии художеств с 1868 по 1889 г. См. о нем коммент. 89 к очерку М. Волошина.

⁴ Стаховский Владислав Карлович. — По окончании Тифлисской гимназии поступил осенью 1869 г. учеником Академии художеств по архитектурному классу, в 1888 г. получил звание неклассного художника. В конце 1880-х гг. преподавал рисование в тифлисских учебных заведениях.

⁵ Шмелев Семен Егорович — красноярский «городовой врач». Поль — его младший сын, служивший в красноярском окружном суде, товарищ Сурикова.

⁶ После смерти отца художника, Ивана Васильевича Сурикова (1809—1859), семья очень бедствовала. Пенсия, назначенная матери, была весьма незначительна — 28 руб. 50 коп. в год. Жили главным образом квартирной платой от сдачи внаем верхнего этажа дома и случайным заработком матери и сестры рукоделием. Когда в 1864 г. Суриков поступил

канцелярским служителем (писцом) в губернское управление, его скромное жалованье было большим подспорьем для семьи. О поступлении Сурикова на службу в «Енисейских губернских ведомостях» (1864, 20 июня, № 25) имеются следующие данные: «Сын канцелярского служителя Василий Суриков, согласно прошению его, принят на службу в штат Енисейского общего губернского управления, с причислением к 3 разряду канцелярских служащих».

⁷ Лиза — Доможилова Елизавета Ивановна (1837—1884) — старшая сестра Сурикова от первого брака отца. Жена священника Доможилова Капитона Филипповича.

9

¹ Торгошин Гаврила Федорович (1814—1889) — брат матери Сурикова, бывший казак Енисейского конного полка. По упразднении в 1871 г. полка причислен к крестьянам села Торгашино, жил в семье брата Степана.

10

¹ В системе обучения в Академии художеств прохождение курса «по искусству» и «по наукам» не всегда совпадало. Суриков перешел на второй курс по рисунку в феврале 1870 г. По научным дисциплинам сдал часть экзаменов в мае, а часть в августе того же года, и тогда же был зачислен действительным студентом Академии художеств (ЦГИА, ф. 789, д. № 150 за 1869 г., лл. 4—9, а также отдел рукописей ГТГ, ф. 36, ед. хр. 114—119).

² Лоссовских Александр Александрович — архитектор, знакомый Сурикова по Красноярску.

³ Курылев Александр Иванович — чиновник Енисейского общего губернского управления. В мае 1870 г. переведен в Ачинск заседателем окружного суда. Преподавал рисование и черчение в Ачинском уездном училище.

⁴ Черепанова (по мужу Давыдова) Александра Петровна — дочь бывшего сослуживца Сурикова по губернскому управлению.

11

¹ Родственников Павел Алексеевич — отставной гвардейский поручик, золотопромышленник.

² Шепетковский Николай Александрович — красноярский банковский служащий, общественный деятель.

³ Махов Павел Николаевич — топограф, командированный для работ в 1864 г. из Иркутска в Минусинский уезд. Суриков познакомился с ним во время своих поездок в село Тесь.

12

¹ Суриков пишет о Всероссийской мануфактурной выставке 1870 года, открывшейся в Петербурге 15 мая и закрытой 1 августа того же года. Подробное описание выставки см. в статье В. В. Стасова «Художественные заметки о выставке 1870 года. (В Соляном городке)» — В. В. Стасов. Избр. соч., т. I. М. — Л., 1937, с. 127—161.

13

¹ Александра Федоровна — жена П. И. Кузнецова.

² Карякин Михаил Александрович — учился в Академии художеств по классу живописи с осени 1869 г. В 1871 г., не оказав успеха по наукам, был исключен из числа учеников, но остался вольнослушателем. В 1875 г., не окончив курса, вышел из Академии. В ГТГ находится его пейзаж «Перед грозой» (1882).

³ О занятиях Сурикова в головном классе Академии художеств и его первых композициях см. очерк М. Волошина, с. 181.

14

¹ В 1870 г. Суриков работал над картиной «Вид памятника Петру I на Исаакиевской площади». Этой картиной он дебютировал на Академической выставке, открывшейся 29 сентября 1870 г. (О работе над этой картиной см. очерк М. Волошина, с. 181).

15

¹ Картина «Вид памятника Петру I на Исаакиевской площади» была приобретена П. И. Кузнецовым за 100 руб. Тогда же, в 1870 г., художник исполнил вариант этой картины. Подробно о создании обоих вариантов картины см.: В. Кеменов. Историческая живопись Сурикова..., с. 26—29.

² Замятин Дмитрий Павлович — младший сын красноярского губернатора, служил чиновником особых поручений в Красноярске.

³ Шуточное прозвище брата.

⁴ Поездка осуществилась лишь летом 1873 г. (см. письмо 25 и коммент. 3 к нему).

16

¹ Первую медаль («вторую серебряную» или «малую серебряную») Суриков получил 23 декабря 1871 г. за рисунок (эюд с натуры).

17

¹ Тютрюмовы — вероятно, квартиранты Суриковых.

² Гриша и его брат — лица не установленные.

³ Кузнецов Иннокентий Петрович (литературный псевдоним Кузнецов-Красноярский; 1851—1916) — один из сыновей П. И. Кузнецова. Историк и археолог, издатель и автор ряда печатных работ по истории Сибири, владелец обширной библиотеки. Был дружен с Суриковым. Лето 1892 г. Суриков провел в его «резиденции» (см. коммент. 3 к письму 4), где писал этюды для картины «Покорение Сибири Ермаком» (см. письмо 102).

18

¹ На подлиннике пометка: «Получено 8 января 1871 года».

² Возможно, Суриков пишет о деньгах, полученных за рисунок пером на камне «Исаакиевская площадь ночью», исполненный им со своей картины для альбома «Художественный автограф. Выставка в Академии художеств в 1870 г.» (Изд. СПб. Артели художников, 1870).

³ Потылин (Потылицын) Миша — красноярский знакомый Суриковых.

20

¹ Шаховский Николай Павлович. — Поступил в Академию художеств вольнослушателем одновременно с Суриковым в 1869 г. В 1874 г. получил вторую золотую медаль за программу «Милосердный самаритянин». В 1877 г. окончил Академию со званием классного художника 1-й степени. В 1890 г. получил звание академика.

² Политехническая выставка в Москве, организованная Обществом любителей естествознания при Московском университете, была открыта с 30 мая по 1 сентября 1872 г. Экспонаты находились в 40 выставочных павильонах, частью в Кремле, частью на набережных Москвы и в здании Манежа. Долгое время не было известно, о каких рисунках упоминает Суриков в своем письме. В. С. Кеменовым найдено литографское воспроизведение всего цикла рисунков из жизни Петра I, заказанных известным исследователем севера России, лесопромышленником, красноярским купцом М. К. Сидоровым студентам Академии — Сурикову и П. А. Ивачеву для Политехнической выставки. Весь цикл этих рисунков был издан под названием: «Картины из деяний Петра Великого на Севере, 12 картинок, снятых с рисунков, представленных М. Сидоровым на Политехническую выставку в Москве 1872 г.» (СПб., литография А. Аргмакова). В. С. Кеменов обнаружил и опубликовал два оригинальных рисунка этого цикла.

подписанных Суриковым: «Петр Великий перетаскивает суда из Онежского залива в Онежское озеро для завоевания крепости Нотебург у шведов» и «Обед и братство Петра Великого в доме князя Меншикова с матросами голландского купеческого судна, которое Петр I, как лоцман, провел от о. Котлин до дома генерал-губернатора». См.: В. С. К е - м е н о в. Неизвестные работы В. И. Сурикова о Петре I. — «Искусство», 1949, № 6; Е г о ж е: Вновь найденные работы Сурикова о Петре и Меншикове. — «Искусство», 1951, № 4.

21

¹ Письмо написано кистью.

² Суриков получил второй раз малую серебряную медаль за рисунок 28 октября 1872 г. Медаль была вручена ему на акте 4 ноября 1872 г.

22

¹ Суриков получил премию за эскиз 1872 г. «Нерукотворный образ» («Посол Авгаря, князя Эдесского, к Иисусу Христу»). По этому эскизу им была написана картина того же названия.

24

¹ На экзамене 3 марта 1873 г. Суриков получил большую серебряную медаль за живопись, как сообщает он родным. В этом же году получил денежные премии в 25, 50 и 70 рублей за композиции: «Саломея приносит голову Иоанна Крестителя своей матери Иродиаде», «Изгнание из храма торжников», «Евангельская притча о богаче и нищем» («Богач и Лазарь»).

25

¹ Станция Белоярская (Белоярский), бывш. Пермской губ., находится между Свердловском и Камышловом.

² Четвертая — последняя большая серебряная медаль за рисунок была присуждена Сурикову 26 мая 1873 г.

³ Письмо написано по пути в Сибирь. Об этой поездке см. очерк М. Волошина, с. 182. В воспоминаниях брата художника имеются сведения о пребывании Сурикова в Красноярске в 1873 г. (см. с. 221).

Во время этой поездки в Минусинских степях Суриковым был сделан ряд акварелей: «Минусинская степь», «Минусинские татары», «Матур — панорама реки», «Татарка», «Каменная баба», «Таштып».

26

¹ На подлиннике надпись: «Получено 15 ноября, четверг, 1873 года».

² О каком эскизе упоминает Суриков, не установлено.

27

¹ На подлиннике надпись: «Получено 28 декабря, пятница, 1873 года».

² Кун Михаил Александрович — бывший хорунжий Енисейского казачьего полка. По выходе в отставку служил в Минусинске. Принимал активное участие в устройстве Минусинского музея.

³ Шуточная кличка брата.

28

¹ 9 марта 1874 г. студентам Академии была задана программа на малую золотую медаль — картина на библейский сюжет «Милосердный самаритянин». Суриков получил за нее медаль 4 ноября 1874 г. Картина экспонировалась на академической выставке того же года; была подарена Суриковым П. И. Кузнецову.

² Кузнецова Евдокия Петровна — старшая дочь П. И. Кузнецова. Ее сестры: Елизавета Петровна (в замужестве Пассек), Александра Петровна и Юлия Петровна (в замужестве Матвеева).

29

¹ На подлиннике надпись: «Получено 3 апреля 1874 года».

30

¹ Вевелович Ольга Ивановна — красноярская знакомая Суриковых, Евгения Ивановна — ее сестра.

32

¹ В журнале «Всемирная иллюстрация» (1874, № 307, с. 338—339) был помещен «Обзор выставленного теперь в императорской Академии художеств», почти целиком посвященный рассмотрению работ Сурикова («Милосердный самаритянин» и «Пир Валтасара»). Суриков именовался «героем нынешнего академического года в смысле научной и практической подготовки для могучего самостоятельного творчества». Автор писал о глубоком и свежем таланте Сурикова. «Простота концепции, — отмечал он, — характерность и сила типов, прекрасная кисть и ум, просвечивающий в общем и деталях, дают право видеть в нем надежду не обманчивую на талант, способный принести честь родному искусству. Талант этот особенно ярко дает себя чувствовать в эскизе «Пир

Валтасара». Не много таких страниц видели академические выставки и не между ученическими попытками создавать свое».

² Большой рисунок Сурикова с эскиза «Пир Валтасара», гравированный на дереве К. Крыжановским, был помещен в журнале «Всемирная иллюстрация» (1875, № 339, с. 8—9). Пояснение к репродукции заканчивалось словами: «...от молодого таланта, умеющего заключать так много смысла и идей в рамку срочного эскиза, вправе ожидать мы многого в будущем».

³ Фотокопия аттестата об окончании курса наук хранится в отделе рукописей ГТГ, ф. 36, ед. хр. 106. Приводим его текст:

«Аттестат. Дан сей ученику имп. Академии художеств по живописи, Василию Сурикову, в удостоверение оказанных им успехов на выпускном испытании из наук: Истории церковной — отличные, Истории всеобщей — очень хорошие, Истории русской — очень хорошие, Истории изящных искусств и археологии — очень хорошие, Математики — хорошие, Физики — отличные, Химии — хорошие, Русской словесности и эстетики — очень хорошие, Перспективы и Теории теней — хорошие, Архитектуры — отличные, Анатомии — хорошие.

Товарищ президента Кн. Владимир
Конференц-секретарь П. Исеев
4 ноября 1874 года
№ 2094»

33

¹ Тема конкурсной картины на большую золотую медаль: «Апостол Павел объясняет догматы веры в присутствии царя Агриппы, сестры его Береники и проконсула Феста».

² Речь идет о картине «Милосердный самаритянин».

34

¹ Неизвестно о продаже какой «картинки» пишет Суриков.

² Очевидно, для утверждения эскиза программы на большую золотую медаль.

35

¹ На подлиннике надпись: «Получено 8 апреля 1876 года».

² Как и другие конкуренты 1875 года — Н. П. Загорский, И. И. Творожников и Н. К. Бодаревский, Суриков не был удостоен большой золотой медали и не получил, таким образом, права поездки за границу за счет Академии.

4 ноября 1875 г. Суриков получил лишь диплом на звание классного художника пер-

вой степени (фотокопия диплома хранится в отделе рукописей ГТГ, ф. 36, ед. хр. 107).

Возмущенный этим обстоятельством П. П. Чистяков писал 1 декабря 1875 г. В. Д. Поленову: «У нас допотопные болванотропы провалили самого лучшего ученика, Сурикова» (Е. В. Сахарова. В. Д. Поленов. Письма, дневники, воспоминания. М., 1950, с. 107).

Однако программа, представленная Суриковым, встретила положительную оценку в печати. Необоснованность своих суждений по отношению к его работе осознал затем и академический Совет, члены которого возбудили ходатайство о предоставлении Сурикову, в виде исключения, права на двухгодичную поездку за границу. После двукратного обращения к министру имп. двора А. В. Адлербергу, лишь 27 апреля 1876 г. это ходатайство было удовлетворено с предупреждением, «чтобы этот случай не мог служить в будущем примером для подобных же ходатайств» (ЦГИА, ф. 789 Академии художеств. Личное дело В. И. Сурикова, № 150).

Суриков отказался от предложенной ему двухгодичной поездки за границу. Еще до получения ответа от министра имп. двора он принял заказ на росписи храма Христа Спасителя и, выполнив в Петербурге эскизы этой росписи, в июне 1877 г. переехал в Москву. Одной из причин его отказа был оскорбительный тон письма Адлерберга.

36

¹ В 1876 г. в иллюстрированных журналах было воспроизведено несколько работ Сурикова: картина «Апостол Павел объясняет догматы веры в присутствии царя Агриппы, сестры его Береники и проконсула Феста» («Пчела», приложение к № 42 и «Всемирная иллюстрация» № 402, с. 196—197); рисунок «Борьба добрых и злых духов», композиция на тему «Потерянного рая» Мильтона («Всемирная иллюстрация», № 766, с. 220—221).

Рисунок «Борьба добрых и злых духов» решением Совета Академии от 21 февраля 1875 г. был удостоен премии в 100 рублей.

37

¹ Речь идет о заказе на роспись строившегося храма Христа Спасителя в Москве. К этой работе были привлечены в разное время многие известные художники, в том числе И. Н. Крамской, Г. И. Семирадский и другие. Сурикову было поручено написать на хорах четыре больших фрески (402 × 363) на темы Первого, Второго, Третьего и Четвертого вселенских соборов.

Для предварительной работы над эскизами Сурикову, по его просьбе, была предоставлена мастерская в Академии художеств. Работа протекала под контролем специальной комиссии, что препятствовало осуществлению первоначальных замыслов художника, ограничивало его творческие возможности, вынуждало идти на уступки официальным требованиям.

Одна из этих фресок — Четвертый вселенский собор — сохранена после разборки храма, находится в Музее истории религии и атеизма Академии наук СССР в Ленинграде (б. Казанский собор). Четыре первоначальных эскиза — 1, 2, 3, 4-й Вселенские соборы — хранятся в ГРМ, вариант эскиза к 1-му вселенскому собору — в ГТГ.

² Суриков пишет о начавшейся русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

39

¹ Работы по росписи храма Христа Спасителя Суриков закончил лишь летом 1878 г. (см. письмо 42).

² Картина А. А. Иванова «Явление Христа народу» была перевезена из Петербурга в Москву и с 1862 г. находилась в Румянцевском музее. В 1932 г. картина и многочисленные этюды к ней были переданы в Третьяковскую галерею.

³ В подлиннике рисунки Царь-колокола и Царь-пушки.

⁴ *Авраамий Палицын* (? — 1625), ошибочно названный Суриковым Потылицыным — келарь (монах, ведающий хозяйством монастыря) Троице-Сергиевой лавры, организовавший защиту монастыря от поляков в 1612 г.

40

¹ Болгарский город Плевна, занятый армией турецкого генерала Османа-паши, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., после длительной блокады русской армией, был взят 28 ноября 1877 г.

² *Черняев Михаил Григорьевич* (1828—1898) — генерал, участник Севастопольской обороны, главнокомандующий сербской армией во время сербско-турецкой войны 1876 г. В мае 1884 г. Суриков встретился с ним в Неаполе и написал его акварельный портрет.

41

¹ *Дмитриев Семен Васильевич* (1831—1893) — академик архитектуры. В 1878 г. получил звание профессора «по художественно-архитектурным работам» за работы, осуществленные при строительстве храма Христа Спасителя в Москве. Дмитриев был

помощником главного архитектора — строителя храма Христа Спасителя — К. А. Тона.

² О каком прошении идет речь — неизвестно. Возможно, о принятии законченных Суриковым работ по росписи храма Христа Спасителя.

42

¹ Окончив работу в храме Христа Спасителя летом 1878 г., Суриков навсегда остался жить в Москве.

² Суриков пишет о работе над картиной «Утро стрелецкой казни». Мысль о создании этой картины возникла у художника еще по пути из Сибири в Петербург при первом посещении Москвы (см. об этом очерк М. Волошина, с. 182). Картина была закончена в 1881 г. О том, как в процессе работы усложнялся ее замысел и в соответствии с этим изменялось композиционное решение, см. статью С. Н. Гольдштейн «Из истории создания картины «Утро стрелецкой казни» («Художник», 1973, № 2, с. 15—19).

³ *Суриков Иван Васильевич* — отец художника. По окончании Красноярского уездного училища, 4 октября 1829 г. был определен писцом в канцелярию общего губернского управления; впоследствии занимал ряд других должностей по гражданскому ведомству, был смотрителем красноярских богоугодных заведений, служил в земском суде и в казенной палате. 11 августа 1854 г. получил место в акцизном управлении в Сухобузимской дистанции Красноярского округа (село Сухой Бузим в 62 верстах от Красноярска), куда переехала и вся семья. После смерти отца, в 1859 г., семья Суриковых, оставшаяся без средств, возвратилась в Красноярск.

43

¹ Картина «Утро стрелецкой казни».

² Суриков делал для своей картины этнографические зарисовки (см.: А. Н. Тур у н о в. Народный быт в зарисовках В. И. Сурикова. — «Советская этнография», 1937, № 4, с. 120—133).

44

¹ *Лиза* — Елизавета Августовна Сурикова, урожденная Шаре (1858—1888), жена художника.

Оля — старшая дочь Сурикова, Ольга Васильевна, в замужестве Кончаловская (1878—1958).

46

¹ От поездки в Самару летом 1880 г. из акварелей известны: «Самара» («Пейзаж») и «Дачи под Самарой».

47

¹ По возвращении с Поволжья, Суриков поселился на Зубовском бульваре, в доме Вагнера. Об этой тесной квартире Сурикова, где писалась картина «Утро стрелецкой казни», сохранились воспоминания критика Н. А. Александрова («Сторонний зритель»; 1840—1907), редактора и издателя «Художественного журнала». «В маленькой комнате с низкими окнами картина стояла чуть не диагонально поперек комнаты, — вспоминал Александров, — и когда он писал одну часть картины, то не видел другой, а чтобы видеть картину в целом, он должен был смотреть на нее искоса из другой темной комнаты» («Художественный журнал», 1881, т. 1, № 4, с. 227).

² См. коммент. 2 к письму 43.

³ Раевская Мария Михайловна — сестра Кузнецовой Екатерины Михайловны, жены А. П. Кузнецова. Акварельный портрет ее, о котором ниже пишет Суриков, неизвестен.

48

¹ Леночка — младшая дочь Сурикова, Елена Васильевна (1880—1963). См. о ней подробно коммент. 1 к воспоминаниям Н. Кончаловской.

50

¹ В той же статье «Художественного журнала» (см. коммент. 1 к письму 47) Н. А. Александров на с. 223 писал, что сюжет картины «Утро стрелецкой казни» связан с происхождением художника от ссыльных стрельцов. Опровержение, которое просит дать Суриков, было опубликовано в «Художественном журнале», 1881, т. 1, № 5, с. 282.

51

¹ Картина «Утро стрелецкой казни», оконченная в начале 1881 г., была экспонирована на IX Передвижной выставке. Она произвела большое впечатление на современников. А. П. Боткина в книге «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве» (М., 1960, с. 209) писала: «Появление его [Сурикова] в художественном мире с картиной «Казнь стрельцов» было ошеломляющим». Подробный обзор критических отзывов о картине см.: В. К е м е н о в. Историческая живопись Сурикова..., с. 151—158.

Непосредственно над картиной Суриков работал в течение трех лет (1879—начало 1881). В процессе работы им было создано множество этюдов. Эскиз картины сохранился один (в виде двух набросков на одном листе с авторской надписью: «Первый набросок «Стрельцов» в 1878 году»). Об истории созда-

ния картины см.: В. К е м е н о в. Историческая живопись Сурикова..., с. 159—202.

Став в 1881 г. членом Товарищества Передвижных выставок, Суриков оставался участником этого объединения до конца 1907 г.

² К 1881 г. относится эскиз неосуществленной картины «Царевна Ксения Годунова у портрета умершего жениха-королевича». В этом же году Суриков написал эскиз для картины «Меншиков в Березове» и сделал первый эскиз к картине «Боярыня Морозова». Неизвестно, какое из этих трех произведений Суриков имеет в виду в данном случае.

³ Фотокопия карточки хранится в Отделе рукописей ГТГ, ф. 36.

52

¹ Вероятно, речь идет о картине «Меншиков в Березове».

53

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Поездку в Сибирь Суриков смог осуществить только в 1887 г.

54

¹ П. М. Третьяков одним из первых оценил творчество Сурикова, его картины «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове» и «Боярыня Морозова» он приобрел для своей галереи.

² За картину «Меншиков в Березове» Третьяков заплатил Сурикову 5000 рублей. Над картиной Суриков работал 1881—1883 гг. Она была выставлена на XI Передвижной выставке, открывшейся 2 марта 1883 г. К «Меншикову в Березове» было сделано много эскизов и этюдов.

О том, как была принята картина современниками, см.: коммент. 27 к воспоминаниям С. Глаголя, а также: В. К е м е н о в. Историческая живопись Сурикова, с. 241—245; об истории ее создания — с. 246—258.

56

¹ Матвеев Николай Сергеевич (1855—1939) — исторический живописец и жанрист, иллюстратор. Участник передвижных художественных выставок и периодических выставок Московского общества любителей художеств. Член-учредитель Общества художников исторической живописи.

² Первую заграничную поездку Суриков осуществил после окончания картины «Меншиков в Березове». Он выехал вместе с семьей из Москвы 24 сентября 1883 г. и возвратился из путешествия в мае 1884 г. За 8 месяцев пребывания за границей Суриковы посетили

Германию (Берлин, Дрезден, Кельн), Францию (Париж), Италию (Милан, Флоренцию, Рим, Неаполь, Венецию), Австрию (Вену). Маршрут путешествия сохранился в дорожном альбоме художника.

³ В Дрезденской галерее находились следующие произведения Веронезе: «Брак в Кане Галилейской» (вариант картины, хранящейся в Лувре), «Леда с лебедем», «Христос, несущий крест», «Поклонение волхвов», «Милосердный самаритянин» и др.

⁴ Суриков имеет в виду картину Рембрандта «Жена Пентефрия обвиняет Иосифа» (1655), находившуюся в Кайзер-Фридрих-Музеуме в Берлине.

⁵ Выставка состояла из произведений, созданных после Всемирной парижской выставки 1878 года. Она была открыта с 15 сентября по 15 ноября 1883 г. во дворце Елисейских полей и называлась Национальная выставка изящных искусств. Суриков называет ее «трехгодичной», так как на ней были выставлены работы 1878—1881 гг. (живопись, скульптура, графика, предметы декоративного искусства).

⁶ *Рошгросс Жорж-Антуан* (1859—1938) — французский живописец. Картина «Андромаха» на сюжет поэмы Гомера «Илиада», бывшая на этой выставке, находится в музее города Руана.

⁷ *Фриан Эмиль* (1863—1932) — французский живописец и рисовальщик. Ученик Кабанеля. На выставке были его картины: «Мастерская художника» и «Отдых».

⁸ Добиньи был представлен на выставке пейзажами: «Окрестности фермы Сен-Симон», «Старая дорога», «Затопленный луг».

⁹ *Брозик (Брожик) Венцель* (1851—1901) — чешский исторический живописец. Ученик Пилоти. На выставке была его картина «Суд над Яном Гусом в 1415».

¹⁰ Скульптура (около 570 работ) была выставлена в саду Елисейского дворца.

¹¹ *Ниттис Джузеппе, де* (1846—1884) — итальянский художник, жил и работал во Франции; примыкал к импрессионистам. На выставке были его произведения: «Чай», «Беседка из деревьев», «Старый сад» и «Площадь Карусель».

¹² На выставке были следующие картины Бастьен-Лепажа: «Отдых в поле», «В октябре» (Суриков называет эту картину «Женщина картофель собирает» или «Октябрьский сезон»), «Зреющая нива» и три портрета.

¹³ *Беккер Жорж* (1845—1909) — французский живописец. Ученик Жерома. Суриков

ошибочно называет его Карлом Беккером. На выставке были его работы: «Христианская мученица» и портрет генерала Галифе.

¹⁴ Суриков имеет в виду картины Поля Вайсона (1842—1911), французского живописца, ученика Глеера и Лоранса. На выставке были его произведения: «Бараны» («Прованс»), «Стадо, пасущееся в горах», «Возвращение стада вечером» и «Ярмарка».

¹⁵ Восемь футов, два дюйма (нем.).

¹⁶ *Богатов Николай Алексеевич* — живописец и график.

57

¹ *Жильбер Виктор-Габриэль* (1847—?) — французский живописец-жанрист. На выставке были его картины: «Уголок рыбного базара утром» и «Продавщица супа утром на рынке».

² *Воллон Антуан* (1833—1900) — французский живописец-жанрист. На Национальной выставке изящных искусств 1883 г. не участвовал. Суриков вспоминает натюрморт Воллона, находившийся в Москве в собрании С. М. Третьякова, коллекционировавшего работы западных мастеров. Сейчас картина находится в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

³ *Даньян-Бувере Паскаль-Адольф-Жан* (1852—1929) — французский живописец, ученик Жерома. У С. М. Третьякова была его картина «Благословение новобрачных». Сейчас находится в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

⁴ *Реньо Анри-Виктор* (1843—1871) — французский исторический живописец и жанрист. В Лувре находились его картины: «Конный портрет генерала Прима», «Казнь без суда при мавританских королях Гренады», «Портрет графини де-Барк».

⁵ Неизвестно, о каком скульпторе — Бегасе Рейнгольде (1831—1911) или его брате Бегасе Карле (1845—1916) — пишет Суриков.

⁶ См. коммент. 4 к письму 56.

⁷ Речь идет о получении Суриковым денег за проданную им П. М. Третьякову картину «Меншиков в Березове».

⁸ *Третьякова (урожденная Мамонтова) Вера Николаевна* (1844—1899) — жена П. М. Третьякова.

59

¹ *Боткин Михаил Петрович* (1839—1914) — исторический живописец. Член Совета Академии художеств. Принимал активное участие

в деятельности Общества поощрения художников. Коллекционер.

² Неизвестно о какой акварели идет речь.

60

¹ В Италию Суриков с семьей выехал в январе 1884 г.

61

¹ Суриков учился у П. П. Чистякова с 1873 по 1875 г.

² Вероятно, Суриков пишет о картине де Ниттиса «Площадь Карусель».

³ *Монтенар Фредерик* (1849—1926) — французский живописец. На выставке были его картины: «Военное судно «Корез», покидающее рейд Тулона», «Кладбище на берегах Прованса» и «Торговая гавань в Тулоне».

⁴ Гибертом Суриков называет художника Жильбера — см. письмо 57 и коммент. 1 к нему.

⁵ *Кабанель Александр* (1823—1889) — французский художник, портретист, исторический живописец, работал также в области декоративной живописи. Творчество Кабанеля характерно для салонно-академического искусства периода Второй империи. На выставке были его картины: «Федра», «Ревекка и Элиазар», «Свадьба Товия» и семь портретов.

⁶ *Давид Жак-Луи* (1748—1825) — французский живописец, представитель революционного классицизма.

⁷ *Гро Антуан* (1771—1835) — французский исторический живописец, портретист. Ученик Давида.

⁸ *Жером Жан-Леон* (1824—1904) — французский исторический живописец и скульптор. Суриков напоминает Чистякову о его картине «Сцена из жизни гладиаторов».

⁹ *Мейссонье Эрнест* (1815—1891) — французский исторический живописец, жанрист, портретист и скульптор. Мейссонье принимал большое участие в организации Национальной выставки 1883 года и экспонировал на ней ряд своих работ: «Проводник», «Армии Рейна и Мозеля 1797 г.», «Пение», «Тюильри, май 1871 г.», «Приезд гостей», «Сан-Марк» («Madonna del Baccio») и два портрета.

¹⁰ *Хельст Бартоломеус ван дер* (1613—1670) и *Нетчер Каспар* (1639—1684) — голландские портретисты; Нетчер работал также в области жанровой живописи.

¹¹ В Лувре находились картины Рубенса: «Кермесса», «Бегство Лота из Содомы», «Мадонна с ангелами», «Христос на кресте», ряд

портретов и пейзажей, а также серия аллегорических картин «История Марии Медичи», выполненных художником в 1621—1623 гг. по заказу вдовы Генриха IV Марии Медичи. Эти огромные полотна предназначались для украшения галерей Люксембургского дворца в Париже.

¹² Суриков называет «Антигоной» картину Рубенса «Триумф правды» из серии «История Марии Медичи».

¹³ *Барбьери Джованни-Франческо*, прозванный *Гверчино* (1591—1666) — итальянский живописец, офортист и рисовальщик. В Лувре находились его картины: «Воскрешение Лазаря», «Мадонна в облаках и поклоняющиеся ей святые», «Лот с дочерьми».

¹⁴ В Лувре находились картины Мурильо: «Святое семейство», «Христос в Гефсиманском саду», «Непорочное зачатие девы Марии», «Рождество богородицы», «Богоматерь во славе», «Маленький нищий» и портреты.

¹⁵ В Лувре находились картины Тициана: «Дева Мария с младенцем и предстоящими святыми», «Святое семейство», «Христос в терновом венце», «Дева Мария с кроликом», «Положение во гроб», «Портрет Франциска I», «Аллегория в честь Альфонса д'Авалоса», «Туалет молодой женщины», «Св. Иероним», «Юпитер и Антиопа», «Мужской портрет» и некоторые другие.

¹⁶ Суриков ошибся. Картину Тициана «Христос и динарий» (1514—1515) он видел в Дрезденской галерее.

¹⁷ В Лувре находились картины Веласкеса: «Инфанта Мария-Маргарита», «Филипп IV», «Инфанта Мария Терезия», «Женский портрет» и др.

¹⁸ Суриков имеет в виду портрет дочери Тициана Лавинии, на котором она изображена в белом платье и, по венецианскому обычаю, с веером в руке — атрибутом новобрачной.

¹⁹ То есть Ван Дейка.

²⁰ Суриков пишет о картине Рембрандта «Жена Пентефрия обвиняет Иосифа».

²¹ *Макарт Ганс* (1840—1884) — австрийский исторический живописец. Представитель салонно-академического искусства. Картина «Катарина Корнаро» находилась в Берлинской национальной галерее.

²² На этом письмо обрывается. На полях письма надпись рукою Сурикова: «Письмо это я затерял в переездах. Так заодно посылаю и его». По-видимому, это письмо было послано одновременно с письмом из Вены 17/29 мая 1884 г. (см. письмо 64).

62

¹ Суриков пишет о своей картине «Старик на огороде» 1883 г., которая экспонировалась на XII Передвижной выставке в 1884 г. под названием «Этюд старика».

² *Мо А.* — владелец рамочной мастерской в Москве.

³ В картинной галерее Брера Суриков мог видеть полотна Рафаэля, Веронезе, Тинторетто, Беллини, Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка и других великих мастеров.

⁴ В картинной галерее Уффици хранится крупнейшее в мире собрание картин, рисунков и гравюр выдающихся итальянских мастеров XIII—XVIII вв. В галерее представлены также прекрасные образцы французской, немецкой, нидерландской, голландской и фламандской живописи, памятники античной скульптуры. Галерея знаменита также собранием автопортретов художников.

⁵ В картинной галерее Палаццо Питти находятся, главным образом, картины итальянских художников. Особенно ценно собрание картин Рафаэля.

⁶ Собор Санта Мария дель Фиоре.

⁷ Неясно, о какой картине идет речь. Возможно, Суриков имеет в виду картину «Старик на огороде».

63

¹ То есть собор св. Петра в Риме.

² *Мове* — так Суриков называет владельца рамочной мастерской А. Мо.

64

¹ Черновик этого письма, хранящийся в Отделе рукописей ГТГ, был опубликован В. А. Никольским в журнале «Искусство» (1925, № 2, с. 273—279). Между черновиком и публикуемым в настоящем сборнике письмом имеется ряд мелких разночтений.

² Мозаики в соборе св. Марка в Венеции выполнены мастерами XI века. Мозаичный пол относится к XII веку.

³ Потолки и стены Палаццо дождей расписаны Веронезе и Тинторетто.

⁴ Суриков имеет в виду живопись потолков в Палаццо дождей, в котором особенно знаменит плафон зала Большого совета «Триумф Венеции» — монументальная композиция, исполненная Веронезе на потолке масляными красками. В Палаццо дождей им написаны большие декоративные панно, прославляющие Венецию и ее военные победы («Завоевание Смирны», «Оборона Скутари», «Прославление битвы при Лепанто» и др.), а также

панно на мифологические и аллегорические сюжеты («Похищение Европы», «Венеция между Справедливостью и Миром», «Старый воин и молодая девушка» и др.).

⁵ *Нефф Тимофей Андреевич* (1805—1876) — профессор исторической и портретной живописи, представитель салонно-академического искусства.

⁶ В залах Палаццо дождей Тинторетто принадлежит роспись многих плафонов и панно. Среди них грандиозные композиции «Битва при Заре», «Рай» и др.

⁷ Суриков имеет в виду два групповых портрета Тинторетто, на которых изображены члены венецианских братств.

⁸ Суриков называет «Академией художеств» Венецианскую академию (иначе: Венеция, Академия; галерея Академии, Венеция), обладающую большой картинной галереей, преимущественно венецианских художников.

⁹ То есть в картине «Брак в Кане Галилейской».

¹⁰ В вилле Боргезе находится обширная коллекция античных скульптур и картинная галерея.

¹¹ «Лежащая Венера» («Венера Урбинская»).

¹² Картина Тициана «Венера перед зеркалом», ныне в Национальной картинной галерее в Вашингтоне.

¹³ Картина Рафаэля «Мадонна дель гран Дюка» (1505), находящаяся в Палаццо Питти.

¹⁴ Суриков ошибочно называет «ложами» парадные залы Ватиканского дворца (станции), расписанные Рафаэлем (1508—1514). Лоджии — галереи, выходящие во двор Сан-Домазо в Ватиканском дворце, сооружались архитектором Д. Браманте и Рафаэлем. Фрески, украшающие галерею, выполнены Рафаэлем и его учениками.

¹⁵ Микеланджело выполнена роспись потолка Сикстинской капеллы (1508—1512). Содержанием росписи является история человеческого рода по библейской легенде. В нижней части сводов изображены пророки и сивиллы. На алтарной стене — грандиозная композиция «Страшный суд» (1534—1541).

¹⁶ «Тайная вечеря» была написана Леонардо да Винчи на стене трапезной монастыря Санто Мария делла Грация в Милане (1494—1497).

¹⁷ Скульптура Микеланджело «Моисей» (1513—1516) находится в церкви Пиетро ин Винколи в Риме.

¹⁸ По-видимому, Суриков пишет об эллинистической скульптуре «Умирующий галл»

(III в. до н. э.), известной по мраморной римской копии в капитолийском музее в Риме.

¹⁹ Речь идет о картине Риберы «Пьяный силен» (1626).

²⁰ Этруссские вазы (чернофигурные и краснофигурные) относятся к VII—VI вв. до н. э.

²¹ Будучи в Неаполе, Суриков видел помпейские фрески при осмотре развалин Помпеи. Здесь им был выполнен ряд акварелей, в том числе две акварели «Помпея. Фонтан», акварели «Помпея. Фреска» и «Помпея. Улица»

²² В связи с открывшейся в Турине в конце апреля 1884 г. Общеитальянской промышленно-художественной и Международной электрической выставкой на развалинах Помпеи была устроена грандиозная инсценировка древнеримских празднеств, которая длилась три дня. В первый день, 10 мая, в древнем цирке состоялись игры — ристалища колесниц и инсценировка обряда римской свадьбы. Торжества открылись пышным шествием: императора Веспасиана несли на носилках восемь юношей в окружении толпы жрецов, преторианцев, телохранителей, сенаторов, всадников, скороходов и т. д. Празднества продолжались 11 и 13 мая.

65

¹ Речь идет о картине «Боярыня Морозова».

² «Временные правила о некоторых изменениях по судопроизводству и судостроительству Сибири» были рассмотрены и утверждены в Государственном Совете. «Правила» должны были быть введены с сентября 1885 г. Они были суррогатом судебной реформы 1864 г., которая ранее совсем не коснулась Сибири.

³ Согласно исторической справке (Отдел рукописей ГТГ, ф. 36, ед. хр. 259), составленной по материалам архивов сотрудником архивного управления Красноярского края, библиографом Степаном Николаевичем Мамеевым (1859 или 1860—1939), предки Сурикова служили в казачьих дружинах, в Красноярской казачьей команде, в Енисейском городском казачьем полку, в Енисейском конном полку.

В разделе IV своей рукописи С. Н. Мамеев приводит краткий список предков художника из рода Суриковых начиная с 1695 г.:

1. Прапращур — Илья, десятник.
2. Пращур — Петр Ильич, казак.
3. Прапрапрадед — Василий Петрович, отставной казак (1698—1776).
4. Прапрадед — Петр Васильевич, пятидесятник (1728—после 1775).
5. Прадед — Иван Петрович, отставной пятидесятник (1762—1846)

6. Дед — Василий Иванович, сотник и атаман казачьей команды (1786—1836).

7. Отец — Иван Васильевич, коллежский секретарь (1806—1859).

Двоюродный брат деда художника — Александр Степанович Суриков (1794—1854) прослужил в должности сотника, полкового атамана и войскового старшины Енисейского казачьего конного полка более 30 лет. Второй его двоюродный брат — Петр Степанович также служил сотником. (О родословной Сурикова см. также коммент. 3 к письму 103, очерк М. Волошина, с. 170 и коммент. 8 к нему).

Дом Суриковых по Благовещенской улице, 76 (ныне улица Ленина, 98), в котором родился художник, — деревянный, двухэтажный, под железной крышей, был построен его отцом в 1830-х годах. Семья Суриковых обычно занимала нижний этаж его. В настоящее время этот дом превращен в мемориальный Дом-музей В. И. Сурикова.

66

¹ *Турчанинов Петр* — вольноприходящий ученик Академии художеств. В 1855 г. получил звание неклассного художника. Сведения о его копии с картины «Меншиков в Березове» не имеется.

67

¹ Весну и лето 1885 г. Суриков провел под Москвой в Мытищах, работая над этюдами для картины «Боярыня Морозова».

² *Ивачев Павел Адрианович* (1844—?) — художник, родом сибиряк. Учился в Академии художеств одновременно с Суриковым, окончил курс в 1873 г. со званием классного художника II степени. До 1881 г. был преподавателем в педагогических классах при Академии художеств. В 1882—1887 гг. сопровождал выставки Товарищества передвижников в провинции.

69

¹ *Чехов Николай Павлович* (1858—1889) — брат А. П. Чехова. Живописец, декоратор, иллюстратор, сотрудник ряда московских юмористических журналов 1880-х гг. Близкий друг И. И. Левитана. Учился одновременно с ним в Московском училище живописи, ваяния и зодчества в 1875—1881 гг. Сведения о его копии с картины «Меншиков в Березове» не имеется.

72

¹ Речь идет о портрете Сурикова работы И. Н. Крамского, бывшем на посмертной выставке Крамского в 1887 г. В настоящее

время находится в Красноярске в Доме-музее В. И. Сурикова. См. воспоминания М. Рутченко, с. 244 и П. Нерадовского, с. 288.

73

¹ Картина «Боярыня Морозова» экспонировалась на XV Передвижной выставке 1887 г., открывшейся в Петербурге 25 февраля, а затем в Москве 6 апреля. Приобретение картины Третьяковым встретило живой отклик в среде художников. В частности, скульптор М. М. Антокольский писал Третьякову: «Я очень рад, что вы приобрели картину Сурикова, я равнодушно не могу говорить ни про картину Сурикова и ни про него самого. Эта картина — чудное создание; правда, в ней есть некоторые недостатки, но зато она до того искренна, своеобразна и сильна, что она захватывает. После Шварца Суриков, да притом же он не чуть ли единственный драматург, да вряд ли кто так чувствует историю, как он...» (Отдел рукописей ГТГ, ф. 1, ед. хр. 444).

Об истории создания картины см.: В. К е м е н о в. Историческая живопись Сурикова..., с. 351—445 и альбом «Картина В. И. Сурикова «Боярыня Морозова». История создания». Автор текста и составитель С. Н. Гольдштейн. Л., 1972; об оценке картины «Боярыня Морозова» современной ей критикой см. коммент. 25 к воспоминаниям Я. Тепина, а также: В. К е м е н о в. Историческая живопись Сурикова..., с. 333—350.

74

¹ Гравюра на дереве с картины «Боярыня Морозова» работы В. В. Матэ была помещена в виде вкладного листа (в разворот) в журнале «Всемирная иллюстрация» (1890, т. 43, № 1093, между с. 3 и 6).

75

¹ Известны зарисовки, относящиеся к этой поездке: «Тобол» и «Памятник Минину и Пожарскому в Нижнем Новгороде».

76

¹ Очевидно, речь идет о квартире на Смоленском бульваре в доме Кузьмина, где Суриков жил около двух лет.

² Пассек Николай Помпеевич — харьковский помещик, дипломат, некоторое время жил в Канаде и Персии. Был женат на дочери П. И. Кузнецова — Елизавете Петровне (? — 1932). В 1887 г. художник возвращался вместе с ним из Сибири. По-видимому, во время этой поездки Суриковым была исполнена акварель «В столовой на пароходе», на ко-

торой Н. П. Пассек изображен сидящим за столом.

³ Сибирско-уральская научно-промышленная выставка была открыта в Екатеринбурге с 14 июня по 15 сентября 1887 г. во время Ирбитской ярмарки. На выставке был открыт в числе других и художественный отдел, организованный Академией художеств, где экспонировались картины известных художников, привезенные из Петербурга.

⁴ См. коммент. к письму 75.

⁵ В подлиннике помещены ноты.

⁶ Очевидно, речь идет об акварельном эскизе 1887 г. для картины «Степан Разин», в котором запечатлена первая мысль этого произведения.

77

¹ Мельницкий Алексей Иванович — бывший сослуживец Сурикова по губернскому управлению, один из его близких товарищей. Мельницкий был музыкантом, сочиненную им «Думку» Суриков любил играть на гитаре. Посылая поклон Мельницкому, Суриков не знал, что незадолго перед тем (18 октября 1887 г.) Мельницкий умер.

² «Портрет дочери художника О. В. Кончаловской в детстве», на котором она изображена в рост, в красном платье на фоне белой кафельной печи с куклой в руке. Портрет был выставлен на XVI Передвижной выставке 1888 г.

78

¹ Марфа Васильевна — тетка Сурикова по отцовской линии.

79

¹ Имеется в виду Кропоткина Софья Августовна. Акварельный портрет ее с гитарой был написан Суриковым в 1882 г.

80

¹ Текст письма, являющегося ответом на письмо А. В. Прахова от 14 апреля 1888 г. (см. письмо 248), предоставлен научным сотрудником Киевского музея русского искусства М. Д. Факторовичем.

Прахов Андриан Викторович (1846—1916) — историк искусства, археолог, художественный критик. В 1880-х гг. под руководством Прахова осуществлялась реставрация древних фресок в Кирилловской церкви и внутренняя отделка Владимирского собора в Киеве. Прахов вел кафедру истории искусств в Киевском университете.

² В. М. Васнецов, выполнявший основные работы по росписи Владимирского собора, находился в это время в Киеве.

81

¹ Летом 1888 г. А. И. Суриков приезжал к брату. В. И. Суриков показывал ему московские достопримечательности и сопровождал его в поездке в Петербург.

² Е. А. Сурикова похоронена на Ваганьковском кладбище в Москве.

82

¹ Вяленое на солнце оленьё и лосевое мясо.

² Николай Петрович Пономарев — брат Евгения Петровича Пономарева (1852—1906). Е. П. Пономарев, художник-декоратор, однокашник Сурикова по Академии художеств, был художником и библиотекарем при дирекции императорских театров. Суриков во время поездок в Петербург иногда останавливался в его квартире.

³ Крестная мать старшей дочери Сурикова Елизавета Константиновна Марина. Евгения Ивановна Грушецкая, старушка, жившая у Мариной. Портрет Грушецкой нарисован Суриковым в 1883 г. («Набросок головы старушки в очках»).

⁴ Речь идет о художнике В. Д. Поленове.

83

¹ Всероссийская фотографическая выставка была организована в связи с пятидесятилетием изобретения фотографии. См. «Указатель Всероссийской фотографической выставки, устроенной фотографическим отделом Общества распространения технических знаний в Москве в ознаменование пятидесятилетия открытия светописы 1838—1888». М., 1889.

² Кузнецова Евдокия Петровна — старшая дочь П. И. Кузнецова.

³ 12 января 1889 г. Московский университет праздновал сто тридцать четвертую годовщину со дня основания. К этому дню Университетом было получено много приветственных телеграмм. Об одной из них, посланной из Красноярска бывшими студентами, пишет Суриков (см.: «Московские ведомости», 1889, 13 и 15 января, № 13 и 15).

84

¹ Смерть жены болезненно переживалась художником. В начале лета 1889 года Суриков уехал с детьми в Красноярск, предполагая переселиться туда на постоянное жительство. (О душевном состоянии Сурикова в это время см. воспоминания М. Рутченко, с. 244).

В. В. Стасов в письме к П. М. Третьякову от 14 октября 1889 г. спрашивал его: «А не имеете ли Вы сведений о Сурикове из Сибири? Какая это потеря для русского искусства — его отъезд и нежелание более писать!!! На мои глаза, кроме Репина и Верещагина, это самая великая сила нашего нового искусства! Я так рад, что у Вас в галерее его «Морозова» (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874—1897. М. — Л., 1949, с. 126).

Однако поездка в Сибирь, природа родного края, забота близких помогли Сурикову вернуться к занятиям искусством. Осенью 1890 г. он возвратился в Москву.

85

¹ По инициативе В. Д. Поленова в Москве была организована Первая выставка этюдов и рисунков русских художников, открытая с 1 ноября по 1 декабря 1889 г. Суриков выставил семнадцать этюдов, из них четыре к картине «Утро стрелецкой казни» («Казнь стрельцов») и тринадцать к картине «Боярыня Морозова» (см. «Общество любителей художеств. Каталог первой выставки этюдов и рисунков русских художников». М., 1889).

Упоминание о Первой выставке этюдов, в устройстве которой активное участие принимали Е. Д. и Н. В. Поленовы, см. в кн.: Е. В. Сахарова. Василий Дмитриевич Поленов. Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964, с. 439, 441, 444.

² Остроухов Илья Семенович после смерти П. М. Третьякова был попечителем (1905—1913) и членом Совета Третьяковской галереи.

³ Наталия Васильевна — жена Поленова, урожд. Якунчикова (1858—1931). В 1886—1889 гг. училась в Училище живописи, ваяния и зодчества, ее этюды хранятся в Музее-усадьбе В. Д. Поленова.

Поленовы очень сочувствовали горю Сурикова после смерти жены и старались поддерживать его морально.

86

¹ Забелин Иван Егорович (1820—1908) — историк и археолог, член Археологической комиссии. В 1879—1888 гг. председатель Общества истории и древностей Российских, крупный знаток истории Московского государства. Один из создателей Исторического музея в Москве и фактический его руководитель (1883—1908). Почетный член Академии наук. Автор многочисленных исторических трудов, которыми Суриков пользовался, работая над своими картинами (в том числе книгами: Домашний быт русского народа

в XVI и XVII ст. Т. 1—2. М., 1872. Т. 1 — Домашний быт русских царей. Т. 2 — Домашний быт русских цариц).

87

¹ Ковалевский Михаил Григорьевич — товарищ прокурора Московского окружного суда.

² Речь идет о картине «Взятие снежного городка», написанной Суриковым в Сибири.

88

¹ В некоторых дореволюционных средних учебных заведениях счет классов велся в обратном порядке.

² Картина «Взятие снежного городка».

³ Долинский Сергей Матвеевич — председатель красноярского губернского суда.

⁴ Рутченко Михаил Александрович (1863—?) — художник, преподаватель средних художественных учебных заведений. Подробно о нем см. с. 339; его воспоминания — с. 244—247. Жена Рутченко — Лидия Аркадьевна.

⁵ Доможилова Татьяна Капитоновна — племянница Сурикова, дочь его старшей сестры Елизаветы. Она позировала ему для картины «Взятие снежного городка», изображена сидящей в кошеве. В 1891 г. Суриков написал портрет Т. К. Доможиловой («Девушка в сетке»).

90

¹ Картину «Взятие снежного городка».

91

¹ Суриков пишет о картине «Взятие снежного городка». Она была выставлена на XIX Передвижной выставке, открытой в Петербурге 9 марта 1891 г.

О работе Сурикова над этой картиной см. воспоминания брата художника и других красноярцев.

92

¹ Речь идет, по-видимому, об этюде «Монах», начатом Чистяковым в 1884 г. и не оконченном (ГРМ).

² Чистяков долго работал над картиной «Боярышня» («Аннушка»), начатой в 1888 г. и также не оконченной (Одесская картинная галерея).

³ См. письмо 249, являющееся ответом на это письмо Сурикова.

94

¹ Летом 1891 г. Суриков поехал с дочерьми в Сибирь на этюды для картины «Покорение Сибири Ермаком». О знакомстве с Сурико-

вым, возвращавшимся в Москву из Сибири на пароходе «Казанец», рассказывает в своих воспоминаниях К. Яковлева-Козьмина (см. с. 247 — 250).

95

¹ «Покорение Сибири Ермаком».

² Гоголевы — Михаил и Павел Яковлевичи — красноярские чиновники — позировали Сурикову для этюда «Казачи в лодке» к картине «Покорение Сибири Ермаком».

96

¹ Речь идет о картине «Взятие снежного городка», которая с XIX Передвижной выставкой побывала в Москве, Харькове, Киеве, Елисаветграде, Одессе, Кишиневе и Полтаве. Картина долгое время оставалась непроданной. В мае 1899 г. ее купил В. В. фон-Мекк за 10 000 рублей. В 1900 г. она экспонировалась на Всемирной выставке в Париже и была отмечена серебряной медалью.

97

¹ Бенуа Альберт Николаевич (1852—1937) — художник, академик акварельной живописи. С 1885 г. преподавал акварельную живопись в классах Академии художеств. В 1897 г. — хранитель художественного отдела Русского музея.

² Мещерский Арсений Иванович (1834—1902) — художник-пейзажист. Судьба его картины «Север на взморье», принадлежавшей Ю. П. Матвеевой, дочери Кузнецова, неизвестна.

98

¹ У А. А. Знаменской Третьяков приобрел 21 января 1892 г. рисунок П. А. Федотова «Портрет Федора Евдокимовича Яковлева», двоюродного брата художника.

99

¹ «Покорение Сибири Ермаком».

² «Портрет казачки в голубом шелковом пугае» был экспонирован на XX Передвижной выставке в 1892 г. под названием «Портрет г-жи N». Позировала Лидия Тимофеевна Маторина (жительница Смоленска).

100

¹ См. коммент. к письму 96.

² Изображение скачущей лошади долго не давалось Сурикову. М. В. Красноженова записала 24 октября 1927 г., со слов брата художника, рассказ о том, что Василий Иванович «всегда брал с натуры и ему необходимо было схватить лошадь, бросающуюся вперед грудью; чтобы уловить реализм этого

момента, Александр Иванович с каким-то товарищем раз пять делали городок в своем дворе и звали казака с лошастью, который, настегивая лошадь, летел на городок. И только один раз удалось наблюдать лошадь, которая шла грудью (а не головой), разбрасывая снег», то есть так, как она изображена на картине. (А. Н. Турунов и М. В. Красноженова. Цит. соч., с. 120).

101

¹ В «Тобольских губернских ведомостях» (1892, 6 июня, № 23) сообщалось о приезде в Тобольск Сурикова, о том, что художник знакомится с окрестностями города, местностью, где происходила битва казаков с кучумовцами. В газете также сообщалось о зарисовках Сурикова в Тобольском музее.

² В 1892 г. Суриковым написаны виды Иртыша: «Лодка на воде» и «В лодке на реке».

102

¹ См. коммент. 3 к письму 4.

² Этюды к картине «Покорение Сибири Ермаком» писались Суриковым в 1891—1895 гг. Они были сделаны в Сибири и на Дону. Часть из них датирована и имеет авторскую подпись. В имении Кузнецовых Суриковым был написан пейзаж «В горах по р. Немиру».

³ В Минусинске находится богатейший по своим коллекциям краеведческий музей, основанный в 1877 г. известным краеведом Н. М. Мартьяновым, имя которого музей носит в настоящее время. В музее особенно богато представлены отделы археологии и этнографии. В создании музея и публичной библиотеки при нем деятельное участие принимали политические ссыльные. В. И. Ленин, находясь в минусинской ссылке, пользовался книгами из библиотеки музея.

⁴ Местонахождение этюда Ермака не установлено. В ГТГ находится рисунок «Голова Ермака», на котором справа внизу подпись: «27 ноября 1891 года».

103

¹ Картина «Исцеление слепорожденного Иисусом Христом» была выставлена на XXI Передвижной выставке, открывшейся в Петербурге 15 февраля 1893 г., а в Москве 29 марта того же года. Суриков работал над ней в течение 1888—1892 гг. Картина была начата в связи с тяжелым душевным состоянием автора после смерти жены.

² Рачковский Иван Матвеевич — протоиерей красноярского Воскресенского собора.

³ Спиридонов Федор Федорович (1828 — после 1913) — отставной сотник, знакомый Суриковых по Красноярску. Сохранились два портрета Спиридонова, написанные в Красноярске летом 1892 г. Один из них подписан: «В. Суриков, 1892, 26 августа», второй — без подписи.

Ф. Ф. Спиридоновым была составлена краткая записка под названием «История о Сибирских городских казаках», копия которой находится в Отделе рукописей ГТГ. ф. 36. В этом документе упоминаются родные Сурикова. По-видимому, эти сведения были получены Суриковым от брата в 1893 г. (см. письмо 104).

⁴ Жилин Александр Дмитриевич — сосед Суриковых по Красноярску, владелец типографии.

104

¹ Суриков ездил в Петербург на открывшуюся 15 февраля 1893 г. XXI Передвижную выставку.

² Шаре Мария Александровна.

105

¹ Ф. Ф. Спиридонов указал Сурикову на книгу Александра Ивановича Ригельмана (1720—1789): «История или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие были дела и чем прославились и проч., собранные и составленные из многих вернейших российских и иностранных историков, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра Великого, чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана 1778 года. Москва в Университетской типографии 1846». В ней на с. 11—15 кратко изложена история похода Ермака в Сибирь, а на с. 138—143 упоминается «О происхождении от донцов казаков сибирских...»

² Рецензии на XXI выставку, в которых упоминалось о картине Сурикова «Исцеление слепорожденного Иисусом Христом» и которые могли быть известны Сурикову ко времени написания им письма, были помещены во многих газетах и журналах за 1893 г. Приводим названия некоторых из них: «Петербургская газета» (15 февраля, № 44); «Биржевые ведомости» (17 февраля, № 47 — рец. Диллетант); «Новости и биржевая газета» (1 изд., 19 февраля, № 49 — рец. Л. Е. Оболенский); «Всемирная иллюстрация» (февраль, № 1258, с. 171 — рец. В. Чуйко); «Север» (28 февраля, № 9, с. 505—510 — рец. Северянин); «Русские ведомости» (19 апреля,

№ 105 — рец. В. Сизов); «Московские ведомости» (19 апреля, № 106 — рец. В. Грингмут).

106

¹ *Пирожников Леонтий Федотович* — знакомый Сурикова по Красноярску.

² *Рачковский Петр Иванович* — врач, общественный деятель, председатель Общества врачей Енисейской губернии. Сын священника И. М. Рачковского, был женат на Екатерине Александровне Шепетковской (сестре Н. А. Шепетковского). В 1891 г. Суриков написал с нее большой этюд «Сибирская красавица». Этюд был выставлен на XXIV Передвижной выставке в 1896 г. Вероятно, о нем и идет речь.

107

¹ В станице Раздорской Суриковым были написаны этюды «Стреляющий казак» и «Голова казака».

108

¹ Во время летней поездки 1893 г. на Дону Суриков написал ряд этюдов казаков для картины «Покорение Сибири Ермаком». Среди них хорошо известны: «Казак Дмитрий Сокол», «Донской казак, заряжающий ружье», «Донской казак Кузьма Запорожцев».

² *Старочеркасск* — бывшая резиденция войскового атамана. В каменном соборе (восстановлен в 1706—1719 гг.) висела большая железная цепь, которой, по преданию, был прикован к стене Степан Разин перед отправкой его в Москву. Там же был погребен атаман Яковлев, глава домовитых казаков, предавший Разина.

³ *Савельева Мария Семеновна* — знакомая Суриковых по Красноярску, учительница.

109

¹ *Чернышев Леонид Александрович* (1875—1932) — архитектор. Земляк Сурикова. Учился на архитектурном отделении Московского Училища живописи, ваяния и зодчества. В 1880-х гг. Суриков написал его портрет.

В 1910—1915 гг. Чернышев принимал активное участие в делах Красноярской художественной школы. (Подробно о ней см. коммент. 8 к воспоминаниям Д. Каратанова).

110

¹ 14 октября именины матери Сурикова, Прасковьи Федоровны.

111

¹ *Савенков Иван Тимофеевич* (1846—1914) — сибирский археолог. Открытием в окрестно-

стях Красноярска культуры палеолита приобрел европейскую известность. Долгое время занимался педагогической работой, был преподавателем Красноярской гимназии, основателем и директором учительской семинарии. В последние годы жизни — директор минусинского Мартыановского музея.

А. Р. Шнейдер в своих воспоминаниях о Сурикове в 1926 г. рассказывает, что Суриков сделал с Савенкова карандашный набросок для головы Разина (см. с. 243). Об этом же пишет в своих воспоминаниях А. Л. Яворский (Отдел рукописей ГТГ, ф. 36). Имеется в виду рисунок, находящийся в настоящее время в Муромском краеведческом музее.

² Михаил Яковлевич Гоголев.

³ В «Московских ведомостях» (1893, 21 декабря, № 354) была помещена корреспонденция об утверждении новых действительных членов Академии художеств. Среди них были названы Суриков, Репин, Поленов, Чистяков, Матэ, Мясоедов, а также Третьяков.

⁴ На XXII Передвижной выставке в 1894 г. Суриков выставил «Итальянский этюд» (Итальянка в розовом капоре) и «Сибирский этюд» (Девушка в узорчатом платке).

⁵ *Лопатин Сергей Матвеевич* — сослуживец А. И. Сурикова.

112

¹ М. В. Нестеров, видевший картину «Покорение Сибири Ермаком» еще в процессе работы, оставил яркое описание своего впечатления. Он упоминает также, что картину, как сказал ему Суриков, «пока видел один Савва Иванович Мамонтов» (см. воспоминания М. В. Нестерова, с. 231).

113

¹ Письмо написано, видимо, из Томска, на обратном пути из Красноярска в Москву.

² *Азям* — распространенная тогда среди крестьянского населения Сибири летняя одежда.

³ *Ичиги* — крестьянская мягкая кожаная обувь.

114

¹ Суриков работал над картиной «Покорение Сибири Ермаком» в помещении Исторического музея. Там же были написаны «Переход Суворова через Альпы» и «Степан Разин».

115

¹ *Потанин Григорий Николаевич* (1835—1920) — известный путешественник по Цент-

ральной Азии, автор многих печатных трудов, общественный деятель.

² *Щербатов Николай Сергеевич* (1853—1929) — председатель строительной комиссии Исторического музея. С февраля 1909 г. товарищ председателя Исторического музея.

³ *Оболенская Надежда Сергеевна*.

⁴ *Комаровский Алексей Егорович* (1841—1899).

⁵ *Семидалов Вениамин Иванович* — врач-психиатр, знаток польской литературы и переводчик, сотрудник Сибирской газеты «Восточное обозрение». После переезда из Красноярска в Москву работал ординатором психиатрической больницы на Канатчиковой даче (ныне больница им. П. П. Кащенко). Вокруг него в Москве группировались земляки. Его брат — Семидалов Владимир Иванович служил в 1890-х гг. председателем Красноярского окружного суда.

⁶ *Мария Ксенофонтовна Ремезова* — с 1904 г. издатель еженедельного литературно-художественного иллюстрированного журнала «Север», выходившего в Петербурге с 1888 по 1914 г. Один из первых редакторов-издателей журнала — Н. Ф. Мертц. Цветная репродукция (105 × 70) с картины Сурикова была разослана в декабре 1895 г. подписчикам журнала в виде премии (при № 49, 50, 51).

⁷ В «Русских ведомостях» (1894, 16 сентября, № 256) была помещена заметка, в которой сообщалось, что «известный художник В. И. Суриков заканчивает свою новую большую картину «Покорение Сибири», которая представляет результат четырехлетнего труда; картина, очевидно, будет закончена к ближайшей Передвижной выставке»; там же было приведено подробное описание картины.

⁸ В иркутской газете «Восточное обозрение» (1894, 26 октября, № 125) была помещена статья В. Енисейцева (В. И. Семидалова) «Новая картина В. И. Сурикова».

⁹ Александр Петрович Кузнецов был хорошим фотографом-любителем. Ему принадлежит интересный снимок Сурикова, пишущего этюд на балконе дачи Кузнецовых в Бугачеве. Суриков просит прислать снимок, сделанный в Красноярске летом 1894 г.

116

¹ То есть репродукции с картины «Покорение Сибири Ермаком» (см. письмо 115 и коммент. 6 к нему).

117

¹ Разрешение Сурикова на снятие фотографии с картины «Покорение Сибири Ермаком»

написано на бланке: «Главная контора и редакция журнала «Север», С. Петербург, Екатерининская ул. д. 4». В ЦГАЛИ (ф. 326) хранятся две записки М. К. Ремезовой:

1. «Картину В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком», данную издателю-арендатору журнала «Север» Николаю Федоровичу Мертцу для воспроизведения ее в 1895 году, получила обратно.

М. Ремезова.

7 марта 1896 г. С. Петербург.

2. «Многоуважаемый Николай Федорович, прошу Вас передать картину г-же Самохваловой.

С совершенным почтением М. Ремезова.

8 марта 1896 г.

Картину получила

Самохвалова».

119

¹ Картина «Покорение Сибири Ермаком» экспонировалась на XIII Передвижной выставке и была приобретена для Музея Александра III. До открытия выставки ее хотел купить П. М. Третьяков (см. письмо 250), которому художник впоследствии подарил вариант-повторение картины.

Эскиз картины (левая часть композиции) был выполнен Суриковым в 1891 г.

² *Толстой Иван Иванович* (1858—1916) — нумизмат и археолог. С 1889 по 1893 г. был конференц-секретарем, а с 1898 по 1905 г. — вице-президентом Академии художеств.

³ Вероятно, Суриков читал рецензии о своей картине, помещенные в следующих газетах: «Новое время» (1895, 19 февраля, № 6816), «Сын отечества» (1895, 20 февраля, № 40) и «С.-Петербургские ведомости» (1895, 22 февраля, № 51).

120

¹ Письмо с сообщением о смерти матери, которая скончалась в ночь с 3 на 4 февраля 1895 г. и была похоронена 6 февраля.

² Суриков вспоминает отъезд из Красноярска в конце июля 1894 г. Летом 1894 г. Суриков написал последний портрет матери.

³ Фотография П. Ф. Суриковой в гробу, снятая красноярским фотографом Лухтанской, хранится в Отделе рукописей ГТГ, ф. 36, ед. хр. 296.

⁴ Летом 1895 г. Суриков ездил к брату в Красноярск. В газете «Енисей» (1895, 21 июня, № 73) сообщалось, что Суриков приехал в Красноярск 16 июня с намерением пробыть здесь до осени. В эту поездку им были написаны акварели: «Река Обь», «На пароходе по Оби» (обе в собрании красноярского

Дома-музея В. И. Сурикова) и «Река Обь» (ГТГ).

121

¹ Суриков ошибался. Профессора-руководители художественных мастерских «состояли» в VI классе, тогда как звание академика давало чин VII класса (счет чином шел в обратном порядке). См.: С. Н. Кондаков. Юбилейный справочник имп. Академии художеств. 1764—1914 гг., ч. I, СПб., с. 209—210.

122

¹ См. письмо 35 и коммент. 2 к нему.

² Семья Дьяченко квартировала в доме Суриковых в Красноярске.

123

¹ Видимо, к письму был приложен рисунок.

124

¹ *Туруханка* — мелкая селедка, сушеная на солнце способом, заимствованным от остяков. В Сибири считалась лакомством.

125

¹ По-видимому, Суриков пишет об эскизе к картине «Переход Суворова через Альпы».

² Портрет О. В. Кончаловской, написанный в 1895—1896 гг.

³ Шуточное прозвище второй дочери, Елены.

126

¹ Строительство Великой Сибирской магистрали велось участками, почти одновременно с востока и запада. В 1891 г. было начато строительство восточного участка, от Владивостока до станции Графской (ныне ст. Лазо), а в 1892 г. — строительство на участке от Челябинска до Оби. В 1893 г. начали строить Средне-Сибирскую железную дорогу — Обь — Красноярск. 1 декабря 1895 г. было открыто временное движение от Челябинска до Красноярска, а 1 января 1898 г. началось регулярное движение на этом участке.

² *Гофман Иосиф (Юзеф)* (1876—1957) — польский пианист, педагог и композитор, завоевавший мировую известность. Учился в Берлине у М. Мошковского и в Дрездене у А. Г. Рубинштейна. В 1924—1938 гг. был профессором и директором Музыкального института Кёртис в Филадельфии (США). В России гастролировал почти ежегодно с 1895 по 1913 г.

127

¹ Суриков перечисляет этюды, приобретенные П. М. Третьяковым в 1896 г.: «Этюды Минусинских татар Енисейской губернии»,

«Сибирский этюд девочки» («Портрет девочки в красном платье»), «Казак. Этюд» («Казачий урядник Кобяков»).

128

¹ На XXIV Передвижной выставке 1896 г. Суриков выставил этюды для картины «Покорение Сибири Ермаком» — «Казачи в лодке» и 8 этюдов казаков (см. письмо В. В. Стасова к Сурикову, 251).

² Всероссийская промышленно-художественная выставка в Нижнем Новгороде 1896 г. (шестнадцатая) была открыта с 30 мая по 1 октября 1896 г. На выставке экспонировались образцы продукции различных промышленных фирм в богато и красиво оформленных павильонах. Среди других особенно выделялся павильон «Крайний Север». Оригинальный по замыслу, организованный по инициативе С. И. Мамонтова, этот павильон имел целью привлечь внимание русских промышленников к богатствам Северного края.

129

¹ Об этюдах, выполненных Суриковым в местечке Эдинбург на Балтийском море, сведений не обнаружено.

² Письмо не подписано. Далее идут письма дочерей.

130

¹ Летом 1896 г. Суриков с дочерьми поселился на углу Тверской (ныне ул. Горького) и Леонтьевского переулка (ныне ул. Станиславского), в доме Полякова, кв. 39, где и прожил более десяти лет.

131

¹ Имеется в виду четырехтомное издание «Царская и императорская охота на Руси». Исторический очерк Николая Кутепова. СПб., 1896—1902.

Для второго тома — «Царская охота на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. XVII век» — Суриков исполнил два рисунка: «Царская потеха царя Михаила Федоровича. Расстрел шапок стольника князя Пронского, окольничего князя Львова и князя Одоевского в 1634 году» и «Охота царя Михаила Федоровича на медведя».

Для третьего тома — «Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век» — Суриков исполнил две акварели: «Большой морской маскарад в 1722 году на улицах г. Москвы с участием Петра Великого и кесаря кн. И. Ф. Ромодановского» и «Императрица Анна Иоанновна в Петергофском «Темпле» стреляет оленей».

² Речь идет о картине «Переход Суворова через Альпы».

³ *Лоскутов Александр Владимирович* — ученик Красноярской рисовальной школы, приезжал в Москву для поступления в Училище живописи, ваяния и зодчества. Состоял учеником Училища живописи с 1897 по 1902/03 г. Однако курса не кончил, так как был сослан в Енисейск.

⁴ *Дьяченко Вера Прокофьевна* — красноярская казачка. Суриков писал ее портрет в 1898 г.

⁵ *Крутовский Владимир Михайлович* (1856—1939) — известный в Сибири врач, общественный деятель. Крутовским был написан некролог о Сурикове («Сибирские записки», 1916, № 2, с. 175—181). См. о нем также коммент. 4 к воспоминаниям М. Рутченко.

132

¹ *Милорадович Сергей Дмитриевич* (1852—1943) — исторический живописец и жанрист. Преподаватель Училища живописи, ваяния и зодчества. Участник передвижных художественных выставок.

² Речь идет о картине Милорадовича «Патриарх Гермоген в заточении в Чудовом монастыре», экспонировавшейся на XXIV Передвижной выставке в 1896 г.

133

¹ *Ставровский Николай Александрович* — сослуживец А. И. Сурикова.

134

¹ После образования Красноярского окружного суда брат Сурикова перешел на должность архивариуса.

135

¹ «Переход Суворова через Альпы».

² Поездка Сурикова с дочерьми в Швейцарию состоялась летом 1897 г. Маршрут поездки: Берлин, Франкфурт, Берн, Базель, Интерлакен, Мюнхен, Вена, Варшава, Киев.

136

¹ Помимо этюдов снежных гор и нескольких эскизов картины «Переход Суворова через Альпы», от этой поездки сохранился альбом с целым рядом карандашных зарисовок альпийских горных пейзажей и композиционных набросков для картины.

138

¹ С 7/19 по 14/26 августа 1897 г. в Москве проходил XII Международный съезд врачей.

139

¹ Речь идет о работе над картиной «Переход Суворова через Альпы».

142

¹ Возможно, что одним из участников вечера был гитарист Федор Федорович Пелецкий. См. о нем воспоминания В. Бялыницкого-Бирули (с. 267) и коммент. 18 к ним.

143

¹ По окончании занятий младшей дочери Суриков выехал в Красноярск, где продолжал писать этюды для картины «Переход Суворова через Альпы».

144

¹ В московской газете «Новости дня» (1898, 25 ноября, № 5565) была помещена заметка в разделе хроники, в которой сообщалось, что «Суриков заканчивает теперь в залах Исторического музея свое новое большое полотно «Взятие Суворовым Варшавы».

² В приложениях к этой газете на отдельных листах печатались фотографии ученых, музыкантов, артистов, художников, адвокатов. В № 5553 от 13 ноября 1898 г. на с. 4 в серии «Наши художники» среди фотографий художников помещена фотография Сурикова.

145

¹ Издательство И. Н. Кушнерева, одним из пайщиков которого был Петр Петрович Кончаловский старший, выпустило 3-томное собрание сочинений А. С. Пушкина к столетию со дня его рождения («Сочинения А. С. Пушкина. Москва. Т-во типографии А. И. Мамонтова, Леонтьевский пер., дом Мамонтова. 1899»).

К этому изданию Суриков сделал четыре рисунка. Во втором томе на с. 182 помещен рисунок к поэме «Полтава» — «И он промчался меж полками». В третьем томе на с. 31 помещен рисунок «Прощание Бориса Годунова с сыном» и два рисунка к повести «Метель»: первый на с. 20 (заставка), второй на с. 28 — иллюстрация к словам: «Она вскрикнула: «Ай, не он, не он!».

² Третьяков умер 4/16 декабря 1898 г.

³ Суриков называет «Архипкой-художником» А. Г. Попова, скульптора-самоучку. Суриков консультировал Попова по поводу его работ. Воспоминания Попова о В. И. Сурикове см. на с. 239—241.

147

¹ *Проскуряков Павел Степанович* — преподаватель истории и географии в Красноярской учительской семинарии.

² Картина «Переход Суворова через Альпы» была впервые выставлена на XXVII Передвижной выставке в Петербурге, открывшейся 7 марта 1899 г. Над картиной Суриков работал в течение четырех лет (1895—1899), выполнив для нее, как и для других своих произведений, много эскизов и этюдов в разной технике.

148

¹ Речь идет об одной из двух первых скульптурных работ А. Г. Попова — «Христианская мученица». Фотография ее хранится в Отделе рукописей ГТГ (ф. 36, ед. хр. 217). Не установлено, была ли скульптура выполнена в мраморе.

149

¹ Имеется в виду вице-президент Академии художеств И. И. Толстой.

² В подлиннике — рисунок.

150

¹ Речь идет о картине Репина «Дуэль», которая экспонировалась на XXVII Передвижной выставке в Москве.

² Шаре Михаил Августович, шурин В. И. Сурикова.

³ Имеется в виду Владимир Егорович Маковский.

⁴ *Ковалевский Павел Осипович* (1843—1903) — профессор, руководитель батальной мастерской Высшего художественного училища при Академии художеств.

⁵ *Свиньин Василий Федорович* (1865—1939) — архитектор Академии художеств, занимал должность придворного архитектора. Ему была поручена перестройка здания Михайловского дворца для размещения в нем Музея Александра III (ныне — Государственный Русский музей).

⁶ *Вел. кн. Георгий Михайлович* (1863—1919) — управляющий Музеем Александра III с 1897 г.

151

¹ Картина была приобретена для Музея Александра III. С 1904 по 1922 г. экспонировалась в Музее А. В. Суворова в Петербурге (Петрограде). В 1922 г. была возвращена в Русский музей.

² Суриков пишет о решетке на могиле своего деда Александра Степановича Сурикова, атамана Енисейского казачьего конного полка.

Два его акварельных портрета, сделанных Суриковым в 1890-х гг. по фотографии, сохранились в семье художника.

153

¹ В газете «Русские ведомости» (1899, 14 марта, № 72) была помещена большая статья за подписью «Буква» (Ип. Ф. Василевский) — «Петербургские наброски». Статья содержала восторженный отзыв о картине Сурикова «Переход Суворова через Альпы». «В этом году у передвижников есть своя заглавная картина, — писал рецензент, — есть свой первенствующий художник».

² В периодике за 1899 г., кроме указанной выше, были помещены еще рецензии на XXVII Передвижную выставку: «Новое время» (8 марта, № 8271 — рец. Н. К.), «Петербургская газета» (8 марта, № 65), «Новости дня» (13 марта, № 5672 — рец. Квидам [Кугель А. Р.]), «С. Петербургские ведомости» (19 марта, № 75 — рец. Н. Селиванова [Старовер]).

³ В Москве XXVII Передвижная выставка открылась 19 апреля 1899 г.

⁴ Лето 1899 г. Суриков с дочерьми провел на Кавказе.

154

¹ См. коммент. к письму 96.

155

¹ На рисунке изображены две мужские фигуры: толстяк и человек нормального сложения. Подпись: «До» и «После».

156

¹ В Боржоми в 1899 г. Суриков сделал ряд акварельных рисунков.

² О каких рисунках идет речь, не установлено.

157

¹ Суриков имеет в виду Всемирную Парижскую выставку 1900 г., на которой экспонировалась картина «Взятие снежного городка», находившаяся в то время в собрании В. В. фон-Мекка.

158

¹ *Соколов Анатолий Васильевич* — почтово-телеграфный чиновник, сосед Суриковых по Красноярску.

² А. И. Суриков в это время строил флигель.

161

¹ В подлиннике рисунок: собор св. Петра и колокольня Ивана Великого.

162

¹ Во время поездки в Италию в 1900 г. Суриков побывал в Неаполе, Венеции, Риме,

Флоренции. К этой поездке относится много акварелей и этюд маслом, в том числе: «Неаполь» (ГТГ), «Собор св. Марка в Венеции», «Неаполь» (собрание семьи художника), «Венеция. Палаццо дожей», «Колизей» и др.

163

¹ Речь идет о выводе русских войск, находившихся на территории Маньчжурии с 1900 г. в связи с восстанием ихэтуаней (боксеров).

² *Матвеев Иннокентий Алексеевич* — зять П. И. Кузнецова. По образованию ветеринарный врач. Одно время был городским головой Красноярска.

164

¹ *Львов Алексей Евгеньевич* (1850—?) — директор Московского училища живописи, ваяния и зодчества с 1896 по 1917 г.

² 18 января 1901 г. Совет преподавателей Училища живописи, ваяния и зодчества избрал Сурикова на должность преподавателя.

³ Сурикова неоднократно приглашали преподавать в Академии художеств. Особенно настаивал на этом И. Е. Репин в связи с реформой Академии 1893—1894 гг. Однако Суриков категорически отказывался от подобных предложений (см. об этом также письмо 196, коммент. 39 к воспоминаниям Я. Тепина и коммент. 3 к воспоминаниям В. Бялыницкого-Бирули).

165

¹ По-видимому, Суриков имеет в виду начало работы над картиной «Степан Разин».

166

¹ Летом 1901 г. Суриков совершил поездку по Волге, собирая этюды для картины «Степан Разин».

167

¹ Имение «Райки» по Ярославской ж. д. (ст. Щелково) принадлежало знакомому Сурикова — сибиряку Некрасову.

168

¹ В Исторический музей, где Суриков работал над картиной «Степан Разин».

169

¹ Н. Н. Оглоблин работал в архивах над документами Сибирского приказа. В «Журнале Министерства народного просвещения» (1901, № 5, с. 25—69) была напечатана его статья «Красноярский бунт 1695—1698 годов» (Очерк из истории народных движений в Сибири). В 1902 году эта статья вышла отдельной брошюрой. «Идея переиздания этой работы при-

надлежит Вл. М. Крутовскому. Он заинтересовался красочными эпизодами из прошлого Сибири, нашел деньги на переиздание статьи (у мецената А. П. Кузнецова), познакомился с составителем и получил его согласие на переиздание статьи. Нами получены дополнительно некоторые сведения от Вл. М. Крутовского об обстоятельствах сообщения им этой статьи Сурикову. Тогда же, когда он вел переговоры в Москве с Оглоблиным о переиздании статьи, он обратил на нее внимание и Сурикова, зная, что тот всегда интересовался стариной Красноярска. Брошюру же он подарил Сурикову уже позднее при новой встрече в Красноярске, летом 1902 года» (см.: А. Н. Турунов и М. В. Красноженова. Цит. соч., с. 30).

² По данным С. Н. Мамеева, старый дом казаков Суриковых, где собирались «бунтовщики», сгорел при пожаре 26 июня 1773 г. Дом находился по Качинской улице, «во второй куртине», по левую сторону, под № 77. Старый суриковский дом, который художник, по его рассказу, помнил в развалинах (см. очерк М. Волошина и коммент. 27 к нему), находился тоже по Качинской улице, но в «третьей куртине» и по правую сторону под № 173. Дом этот был куплен прадедом художника у крестьянина Тихона Пьяненкова (Отдел рукописей ГТГ, ф. 36).

³ *Суриков Петр Ильич* — пращур художника.

170

¹ *Кончаловский Петр Петрович* (1876—1956) — живописец, впоследствии народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, действительный член Академии художеств СССР.

174

¹ *Кончаловская Наталья Петровна* — внучка художника. Подробно о ней см. с. 345, ее воспоминания — с. 271—276.

² Далее следует письмо Е. В. Суриковой.

175

¹ В настоящее время город Елатьма входит в состав Рязанской области.

² Вероятно, для картины «Степан Разин».

176

¹ Этюды для картины «Степан Разин».

² Для той же картины.

177

¹ Суриков пишет о путешествии П. П. Кончаловского с семьей по Северу России.

Неясно, о каком памятнике Петру I пишет Суриков. В Архангельске памятник Петру I, один из отливов скульптуры М. Антокольского, был установлен лишь в 1914 г.

178

¹ Неясно, какие этюды для картины «Степан Разин» Суриков называет капитальными.

² Шуточное прозвище Е. В. Суриковой.

179

¹ В декабре 1903 г. Б. М. Кустодиев, получивший золотую медаль за картину «Базар в деревне», уехал как пенсионер Академии художеств за границу.

² В здании Исторического музея Московским обществом любителей художеств устраивались «Периодические выставки». В конце декабря 1903 г. шли приготовления к 22-й «Периодической выставке», открывшейся в 1904 г.

180

¹ *Пий X* (1835—1914) — в миру Джузеппе Сарто — был избран римским папой в 1903 г. Упоминание об его избрании позволило датировать письмо.

181

¹ *Голяховский Петр Власьевич* — журналист, редактор журналов «Детское чтение», «Звезда», «Всходы» и «Журнал для всех».

² В № 11 за 1903 г. «Журнала для всех» на с. 1371—1374 была помещена статья критика Ив. Лазаревского «Василий Иванович Суриков», в которой он ошибочно указал, что «Суриков по своему происхождению потомок ссыльных стрельцов».

В следующем номере этого же журнала на с. 1539—1540 редакцией было опубликовано письмо Сурикова с опровержением допущенной Лазаревским ошибки.

³ См. письмо 50 и коммент. 1 к нему.

182

¹ Во время русско-японской войны, начавшейся в январе 1904 г., активное участие в боях в Маньчжурии принимали Сибирские казачьи полки.

183

¹ Возможно, Суриков проявлял интерес к старинным коврам в связи с его поисками живописного решения изображения ковра в картине «Степан Разин».

184

¹ *Зимин Сергей Иванович* (1875—1942) — театральный деятель, основатель частного

оперного театра в Москве (Опера С. И. Зимина). Коллекционер.

² Не установлено, где находятся этюды, проданные Суриковым С. И. Зимину.

185

¹ «Степан Разин».

187

¹ Письмо написано на бланке: «Опера С. И. Зимина, Москва, Никитская, «Интернациональный Театр», 25 мая 190..г.»

188

¹ *Кончаловский Михаил Петрович* (р. 1906) — художник, внук В. И. Сурикова.

² *Маторин Афанасий Иванович* — один из художников, оформлявших спектакли в Оперном театре Зимина.

³ Неизвестно, о продаже какой картины Сурикова идет речь.

189

¹ Не выяснено, какую картину «какого-то Яковлева» имеет в виду Суриков.

190

¹ Картина «Степан Разин» была выставлена на XXXV Передвижной выставке, открывшейся в Москве 30 декабря 1906 г. и в Петербурге 2 марта 1907 г.

191

¹ Е. В. Сурикова училась на Высших женских курсах в Москве.

192

¹ После закрытия XXXV Передвижной выставки работа над картиной «Степан Разин» продолжалась. Художник делал дополнительные этюды, изменяя, главным образом, тип Разина (см. письмо 208 и коммент. 3 к нему). Всего для этой картины Суриковым было сделано до десяти эскизов и свыше тридцати этюдов, выполненных в разной технике.

В 1911 г. картина экспонировалась на Международной выставке в Риме.

193

¹ *Беляев* — врач.

² *Степанов* — врач.

194

¹ Суриков в 1907—1914 гг. вновь поднимал вопрос о переезде на постоянное жительство в Сибирь. См. об этом воспоминания брата художника, с. 224.

195

¹ *Цветков Иван Евменьевич* (1845—1917) — банковский деятель, собиратель картин и рисунков русских художников. Основатель галереи, получившей наименование «Цветковской», принесенной им в 1909 г. в дар Москве. В 1920-х гг. значительная часть этого собрания вошла в состав Третьяковской галереи.

² Речь идет о портрете Суворова, написанном по просьбе И. Е. Цветкова.

В подлиннике письма рукой Цветкова сделаны карандашом следующие пометки. Вверху: «От В. И. Сурикова»; фраза «Василий Иванович! Напишите Суворова», заключена в кавычки; после слова «напишите» вставлено над строкой «портрет» и между строк вписана фраза в скобках: «Я постоянно повторял Сурикову».

196

¹ Свой выход из Товарищества передвижных художественных выставок Суриков в письме к брату объяснял упрощенно. В действительности, очевидно, причины его выхода коренились глубже: его не удовлетворял общий уровень творчества передвижников на рубеже 1890—1900 гг.

² Мамонтова (в замужестве Самарина) Вера Саввишна (1876—1907), вдохновившая в свое время В. А. Серова на создание одного из его выдающихся произведений — «Девочка с персиками» (1887, ГТГ).

198

¹ *Матвеева (Тиан) Наталия Флоровна* (1892—?) — пианистка и исполнительница ритмических танцев. В 1909 г. Суриков написал ее портрет.

² Суриковым был послан билет на открытие VI выставки Союза русских художников, открытой в Москве с 26 декабря 1908 г. по 8 февраля 1909 г. В каталоге этой выставки указаны следующие работы Сурикова: «Этюд», «Портрет» и «Акварели».

199

¹ Об этой поездке в Сибирь см.: А. Н. Тур у н о в и М. В. К р а с н о ж е н о в а. Цит. соч., с. 44—59 (глава «Поездка В. И. Сурикова в Минусинский край в 1909 году»).

² Гоголевские торжества в связи с открытием памятника писателю, исполненного скульптором Н. А. Андреевым, состоялись 26—28 апреля 1909 г. В эти дни в Москве проходили заседания, концерты и спектакли, посвященные памяти писателя. 26 апреля в здании Румянцевского музея была открыта «Гоголевская выставка», на которой экспонировались портреты Гоголя, его рукописи и

личные вещи. Торжества завершились 28 апреля банкетом в ресторане «Метрополь», на котором присутствовали видные деятели науки и искусства. (Подробное описание торжеств см.: «Московские ведомости», 1909, 26, 28 и 29 апреля, № 94, 95, 96).

200

¹ Н. Ф. Матвеева жила в это время возле одного из подмосковных монастырей.

² См. коммент. 1 к письму 198.

201

¹ Суриков пишет о плафоне, исполненном П. П. Кончаловским в доме иваново-вознесенского купца Маракушева.

² *Семирадский Генрих Ипполитович* (1843—1902) — польский и русский исторический живописец. Учился и работал преимущественно в России. Представитель академического направления.

202

¹ О каких двух этюдах «На Енисей» упоминает Суриков, не установлено.

203

¹ Гостиница «Княжий двор» (меблированные комнаты) помещалась в большом трехэтажном доме на ул. Волхонке, № 14. В гостинице подолгу жили многие деятели искусства. Суриковы снимали две комнаты на третьем этаже. В настоящее время это здание занимает объединение «Автоэкспорт» (современный адрес — ул. Маркса—Энгельса д. 1).

На стене, слева от входа, установлена мемориальная доска красного гранита с портретным изображением Сурикова и надписью: «Здесь жил и работал великий русский художник Василий Иванович Суриков. 1848—1916».

204

¹ «Анатэма» — пьеса Леонида Андреева, написанная в 1909 г. и в том же году поставленная на сцене Московского Художественного театра.

² Одним из произношений слова «бог» было «Адонай», которое и запомнил Суриков при изучении истории ассирийского искусства в Академии художеств. Но в древнееврейском языке было и другое произношение этого слова — «Аденей». По-видимому, Андреев и Художественный театр придерживались второго произношения.

205

¹ Портрет И. Е. Цветкова, написанный Суриковым, выставлялся на VII выставке Союза русских художников в Москве в 1909—1910 гг.

² *Грабье* — владелец рамочной мастерской в Москве.

206

¹ Не установлено, кого из знакомых Н. Ф. Матвеевой Суриков называл Петrarкой.

207

¹ *Никольский Виктор Александрович* (1875—1934) — искусствовед, сотрудник газеты «Русское слово», издаваемой И. Д. Сытиным (1851—1934), автор ряда работ по искусству, в том числе посвященных творчеству Сурикова (В. И. Суриков. Жизнь и творчество. М., 1918; В. И. Суриков («Образы человечества»). Пг., 1923; Творческие процессы В. И. Сурикова. М., 1934).

В журнале «Вестник Европы» (1916, май, книга 5, с. 382—389) был помещен некролог В. Никольского: «Василий Иванович Суриков» (6 марта 1916). В своей статье автор впервые приводит письма Сурикова к нему, являющиеся ответом на его вопросы в связи с задуманной монографией, посвященной художнику, и анализирует его творчество.

² Суриков в письме к Никольскому и в записях, сделанных М. Волошиным (см. с. 179), сообщает, что он учился в гимназии. Однако в статье М. Ефремовой «Посещение В. И. Суриковым 1-го высшего начального училища в июне 1914 г.» («Сибирская школа», 1916, № 5, с. 36—39) указано, что гимназия в Красноярске открылась в 1868 г., то есть в год отъезда Сурикова в Петербург. Суриков учился в приходском, а затем в уездном училище, которое окончил в 1861 г. По словам Я. А. Тешина, это училище называли гимназией (см. с. 196).

³ Неточность. Суриков был принят в Академию художеств вольнослушателем 28 августа 1869 г.

⁴ Неточность. Суриков приехал в Москву в 1877 г.

⁵ *Фишер Карл Андреевич* — известный фотограф. Фотография Сурикова его работы воспроизведена в книге В. Никольского «В. И. Суриков». С. Петербург, 1910.

⁶ Речь идет о портрете работы Репина 1885 г. (ГТГ).

208

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² См. коммент. 2 к письму 35.

³ Суриков имеет в виду встречу со своим давнишним знакомым Иваном Тимофеевичем Савенковым (см. о нем коммент. 1 к письму 111). Савенков послужил Сурикову натурой при

завершении работы над образом Разина. Графический этюд, написанный с Савенкова, хранится в Муромском краеведческом музее под названием «Портрет казака». Этюд, исполненный масляными красками, имеется в частном собрании в Москве.

⁴ Очевидно, В. А. Никольский прислал Сурикову свои работы, написанные им в 1908 и 1909 гг.: «Народные движения в России. Семнадцатый век. Морозовщина». С. Петербург, 1908; «Народные движения в России. Семнадцатый век. Стенька Разин и Разиновщина» (Всеобщая библиотека). СПб., 1909.

209

¹ Описка. Суриков имеет в виду Красноярский бунт 1695 г.

² Описка. Статья Н. Н. Оглоблина, о которой упоминает Суриков, была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (см. коммент. 1 к письму 169).

210

¹ Инициалы Добринского указаны Суриковым неправильно. Анатолий Михайлович Добринский работал на постройке Сибирской железной дороги. С семьей Добринских Суриков был хорошо знаком (см. воспоминания Г. Ченцовой, с. 277).

² *Торопыгин Н. И.* — лицо не установленное.

211

¹ Документ представляет собою вопросы, предложенные Сурикову Никольским и ответы на них художника.

² Не установлено, о каком рисунке пишет Суриков.

³ Неточность. Картина «Исцеление слепорожденного Иисусом Христом» была выставлена на XXI Передвижной выставке в 1893 г.

⁴ *Шамшин Петр Михайлович* (1811—1895) — исторический живописец. С 1843 г. преподавал рисование в классах Академии художеств. В 1853 г. получил звание профессора, в 1883 г. был назначен ректором живописи и скульптуры.

⁵ *Виллевальде Богдан Павлович* (1818—1903) — профессор, руководивший классом батальной живописи в Академии художеств.

⁶ *Бруни Федор Антонович* (1799—1875) — профессор исторической живописи. Ректор Академии художеств с 1855 по 1871 г.

⁷ *Иордан Федор Иванович* (1800—1883) — профессор, руководивший гравировальным классом в Академии художеств, с 1871 г. — ректор живописи и скульптуры.

⁸ *Вениг Карл Богданович* (1830—1908) — профессор исторической живописи.

⁹ *Гребнев Николай Васильевич* (1831—?) — окончил Московское Училище живописи, ваяния и зодчества. В 1855 г. за этюд «Девочка с кувшином», представленный в Академию художеств, ему было присуждено звание некласного художника. Будучи преподавателем рисования в Красноярском уездном училище (с 1859 по 1863 г.) сыграл очень значительную роль в формировании Сурикова как художника. Почувствовав исключительную одаренность своего ученика, Гребнев занимался с ним индивидуально, помимо школьных уроков. Он продолжал с ним занятия и после окончания Суриковым уездного училища. Гребнев поддержал стремление Сурикова поступить в Академию художеств. (Подробнее о Н. В. Гребневе см.: В. К е м е н о в. Историческая живопись Сурикова..., с. 14—15 и с. 452 прим. 41).

212

¹ Письма 212, 217, 219, 224, 225, 230 написаны на бланках: «Княжий Двор». Меблированные комнаты. Москва, Волхонка, Телефон № 8-70.

² Весной 1910 г. Суриков совершил поездку во Францию и Испанию. Об этой поездке см.: воспоминания Н. Кончаловской с. 271—276 и коммент. 35 к воспоминаниям Я. Тепина, а также письмо П. П. Кончаловского жене из Барселоны от 22 апреля 1910 г. (Отдел рукописей ГТГ, ф. 36, ед. хр. 402). Из поездки по Испании Суриков привез много акварелей, в том числе: «Арль. Бой быков», «Севилья. Бой быков», «Севилья. Альказар», «Толедо. Собор», «Гренада. Альгамбра» и др.

³ Суриков имеет в виду портрет Полины Ивановны Щербатовой (1880—1966), жены Сергея Александровича Щербатова (?—1962), художника, коллекционера, члена Совета Третьяковской галереи с 1911 г.

⁴ Суриков уточняет, что речь идет не о жене Н. С. Щербатова (см. коммент. 2 к письму 115).

⁵ Имеется в виду маршрут поездки, составленный О. В. Кончаловской.

213

¹ *Харитоненко Павел Иванович* (1852—1914) — коллекционер, владелец галереи, помещавшейся в Москве на Софийской набережной. Часть его коллекции, находившаяся в имении Натальевка, близ Харькова, вошла в состав собрания Харьковского музея изобразительных искусств (в том числе портрет Н. Ф. Матвеевой), а другая, находившаяся в Москве, — в ГТГ.

214

¹ *Ставрополь* — ныне город Тольятти.

² Машков Илья Иванович, художник.

215

¹ *Толстой Дмитрий Иванович* (1860—ок. 1942) — с 1901 г. товарищ управляющего Музеем Александра III, с 1909 г. директор Эрмитажа. В 1911 г. был генеральным комиссаром русского отдела на Всемирной выставке в Риме, на которой экспонировалась картина Сурикова «Степан Разин».

218

¹ Автограф Сурикова представляет собой запись на листке, вынутом из альбома, принадлежавшего Н. Ф. Матвеевой.

219

¹ Так проиически называет Суриков английского режиссера, художника и теоретика театра Гордона Крэга. Н. Ф. Матвеева была знакома с Крэгом и находилась с ним в переписке. Среди других писем к Н. Ф. Матвеевой (Ф. Т. Маринетти, Ю. К. Балтрушайтиса, Г. Б. Якулова) имеются также письма Крэга (Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 178 в составе Музейного фонда № 7735—7739).

220

¹ В мае 1912 г. Суриков ездил в Берлин для лечения. Здесь им была написана акварель «Берлин. Набережная».

221

¹ Памятник генералу М. Д. Скобелеву, исполненный по проекту скульптора Самонова, был открыт в Москве на Тверской (ныне Советской) площади 24 июня 1912 г.

222

¹ Внуки Сурикова болели в это время корью.

² Речь идет о художнике Сапунове Николае Николаевиче (1880—1912), утонувшем в Финском заливе.

223

¹ Суриков закончил картину «Посещение царевой женского монастыря». Эскизы и этюды к ней были написаны в 1911—1912 гг.

² Картина была экспонирована на десятой выставке Союза русских художников 1912—1913 гг.

224

¹ Письмо Сурикова было напечатано в газете «Русское слово» (1913, 19 марта, № 65),

последний абзац письма в газете не был помещен.

В подлиннике письма карандашом зачеркнуто «Многоуважаемый г. редактор» и сделана надпись «Письмо в редакцию» (Отдел рукописей ГТГ, ф. 3, ед. хр. 305).

² Вопрос о постройке нового помещения для Третьяковской галереи, поставленный ее руководством, вызвал большие споры. Петербургские художники опубликовали свой протест в газете «Новое время» (1913, 16 марта, № 13294). В. М. Васнецов в газете «Русское слово» (1913, 23 марта, № 69) поддержал их мнение о том, что Третьяковскую галерею, то есть то, что было собрано П. М. Третьяковым, надлежит оставить на старом месте, новое же здание должно быть предназначено для последующих приобретений.

225

¹ *Беклемишев Владимир Александрович* (1861—1920) — скульптор. Был председателем подготовительного комитета русского отдела выставки в Мюнхене в 1913 г.

² Картина «Посещение царевной женского монастыря» была приобретена В. Г. Винтерфельдом. Не установлено, экспонировалась ли она на выставке в Мюнхене.

³ *Бычков Вячеслав Павлович* (1877—1954) — художник, учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у Н. А. Касаткина, В. А. Серова, К. А. Коровина. Член Союза русских художников, постоянный участник выставок этого художественного объединения, его бессменный ответственный секретарь с 1910 по 1923 г. Последние десять лет жизни занимался педагогической деятельностью.

228

¹ Осенью 1913 г. по инициативе попечителя Третьяковской галереи И. Э. Грабаря была проведена реэкспозиция галереи. Собранные здесь произведения были расположены в историко-хронологическом порядке. Осуществление этого плана встретило широкий общественный отклик, вызвало большие споры. Некоторые художники и искусствоведы резко возражали против новой развески картин, считая это нарушением воли завещателя (см.: «Утро России», 1913, 7 сентября, № 212; «Московские ведомости», 1913, 7 декабря, № 282 — статья И. Лебедева). Гласные городской думы особенно остро ставили вопрос о недопустимости каких-либо изменений в галерее П. М. Третьякова. Однако большинством, 48 против 46, голосов дума разрешила Грабарю продолжать «опыт» по перевеске картин в галерее.

Суриков, как и Репин, приветствовал реорганизацию галерей. Комментируемое письмо Сурикова было опубликовано в «Русских ведомостях» 19 сентября 1913 г. (№ 216). Письмо Репина — там же 3 января 1914 г. (№ 2).

В дальнейшем дискуссия возобновилась в начале 1916 г. За месяц до своей кончины Суриков вновь написал по этому поводу письмо в редакцию «Русского слова» (см. письмо 241 и коммент. 2 к нему).

229

¹ О Я. Д. Минченкове см. с. 341—342; его воспоминания — с. 255—262.

² Можно предположить, что Суриковым интересовалась жена банкира Н. А. Смирнова, петербургского коллекционера (см.: Я. Д. Минченков. Воспоминания о передвижниках. Л., 1964, с. 294).

230

¹ Неясно, на какую просьбу Бычкова Суриков отвечает отказом.

231

¹ Поездка Сурикова летом 1914 г. в Сибирь была его последней поездкой на родину.

232

¹ С начала первой мировой войны П. П. Кончаловский был призван в армию и находился на фронте.

² Суриков работал над картиной «Благовещение».

234

¹ О Якове Алексеевиче Тепине см. с. 329—330; его воспоминания — с. 190—206.

235

¹ Картина «Благовещение», над которой Суриков работал в 1913—1914 гг., была выставлена на XII выставке Союза русских художников в 1914—1915 гг.

236

¹ *Белоусова Варвара Матвеевна* — одна из давних знакомых семьи Суриковых, жена казачьего офицера Иннокентия Митрофановича Белоусова.

237

¹ Суриков пишет об имени фабриканта Якунчикова Владимира Васильевича (1855—1916), одного из устроителей отдела русского искусства на Всемирной Парижской выставке в 1900 г., субсидировавшего поездки художников в Италию для снятия копий произве-

дений живописи эпохи Возрождения для Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина).

Его жена, Якунчикова Мария Федоровна (1864—1951), организовала кустарно-промысловые мастерские, руководила Абрамцевской кустарно-резчицкой и вышивальной артелью. В 1920-х гг. основала «Артель вышивальщиц» в Тарусе.

240

¹ Из квартиры О. В. Кончаловской Сурикова перевезли в гостиницу «Дрезден» (ныне д. № 6 на ул. Горького), где он и скончался.

241

¹ Письмо было напечатано 4 февраля 1916 г. в газете «Русское слово» (№ 27).

² Письмо было написано Суриковым в связи с вновь поднявшимся вопросом о перевеске картин в Третьяковской галерее.

Часть художников требовала, чтобы галерея была приведена к такому виду, как это было при жизни П. М. Третьякова. См. об этом: письмо В. М. Васнецова («Русское слово», 1916, 22 января, № 17), протест художников Москвы и Петрограда («Утро России», 1916, 26 января, № 26), заявление совета Петроградского общества им. Куинджи в Московскую думу («Речь», 1916, 5 февраля, № 35), письмо художников — членов Товарищества Передвижных выставок («Русское слово», 1916, 12 февраля, № 34).

За перевеску высказались художники и деятели искусства Москвы в заявлении, напечатанном в газете «Русское слово» (4 февраля 1916 г. № 27). В газете «Речь» 28 января 1916 г. (№ 27) была напечатана статья Чужого (Н. Е. Эфроса), а 30 января 1916 г. (№ 29) А. Н. Бенуа, приветствовавших все начинания Грабаря.

243

¹ Репин пишет о картине «Утро стрелецкой казни».

² Фельетон «Московские заметки» был помещен в газете «Голос» (1881, 24 февраля, № 55). Один из разделов этого фельетона был посвящен описанию картины Сурикова «Утро стрелецкой казни». «Картина по глубокому чувству, высокой технике и археологической верности производит глубокое впечатление, — писал рецензент. — На днях она высылается к вам в Петербург на Передвижную выставку. Г. Суриков — артист весьма просвещенный, горячий патриот и серьезный работник. Он не тратится на мелочи, предпочитая создание крупных вещей. Эта картина несомненно утвердит славу художника».

³ Речь идет о IX Передвижной выставке.

⁴ *Пржевальский Николай Михайлович* (1832—1888) — ученый, путешественник, исследователь Средней Азии. Н. М. Пржевальский создал замечательную коллекцию флоры и фауны Центральной Азии, которая была им показана в феврале 1881 г. в Петербурге в помещении Академии наук.

244

¹ *Кузя* — рыжий стрелец, которого Суриков, по его рассказам, писал с Кузьмы, могильщика Ваганьковского кладбища (см. очерк М. Волошина, с. 183).

² Речь идет о художнике-жанристе Журавлеве Фирсе Сергеевиче (1836—1901).

³ В «Новом Времени» (1881, 1 марта, № 1798) была помещена рецензия на IX Передвижную выставку. Автор рецензии писал, что картина Сурикова производит сильное впечатление и ее бесспорно следует признать притягательным центром выставки. В газете «Порядок» 1 марта (№ 59) была небольшая заметка в разделе хроники об открытии выставки и 2 марта (№ 60) большая статья «Наше искусство» за подписью А. И. (А. И. Урусов). Картину Сурикова этот рецензент именовал «одной из самых замечательных картин выставки». «Картина, — писал он, — в которой до 15 главных фигур, написанных с большой силой, производит потрясающее впечатление. Второй и третий план, здания, аксессуары, лица в толпе — все свидетельствует о тщательной и талантливой работе». Рецензия заканчивалась словами: «Историческая живопись в лице Сурикова сделала несомненное приобретение».

⁴ Открытие IX Передвижной выставки в Петербурге 1 марта 1881 года совпало с днем покушения народовольцев на Александра II.

⁵ Конец письма оторван.

245

¹ Чистяков имеет в виду картину «Меншиков в Березове».

² Слова Чистякова относятся к изображению Суриковым дочери Меншикова Марии, сидящей у ног отца. В оригинале письма сделаны два схематических рисунка, на которых буквами *a* и *b* указываются особенности румянца здоровых и больных.

³ *Солдатенков Козьма Терентьевич* (1818—1901) — крупный коммерческий и финансовый деятель. Московский коллекционер, издатель научно-популярной литературы и литературы по вопросам искусства. Свое собрание картин и скульптур русских мастеров завещал московскому Румянцевскому музею, откуда оно в

1925 г. в значительной своей части было передано в ГТГ.

⁴ *Савинский Василий Евменьевич* (1859—1937) — исторический живописец, портретист. Учился в Академии художеств у П. П. Чистякова с 1875 по 1882 г. В 1882 г. получил большую золотую медаль и заграничную командировку за картину «Больной князь Пожарский принимает московских послов» (Краснодарский художественный музей). С 1911 г. — профессор, руководитель мастерской Высшего художественного училища при Академии художеств.

246

¹ Репин пишет об отправке в Москву картины «Боярыня Морозова» на XV Передвижную выставку после ее закрытия в Петербурге.

² Речь идет о XV Передвижной выставке, где экспонировалась картина В. Д. Поленова «Христос и грешница» (ГРМ).

³ Репин спрашивает, где помещена его картина «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве» (ГТГ).

⁴ Репин имеет в виду работу В. М. Васнецова над росписью Владимирского собора в Киеве.

⁵ Иван Николаевич Крамской внезапно умер от паралича сердца 24 марта 1887 г. за работой над портретом врача Раухфуса.

⁶ См. коммент. к письму 72.

⁷ Неоконченный портрет доктора Раухфуса находится в ГРМ.

247

¹ О пейзажах затмения, написанных Суриковым в Красноярске в 1887 г., см. воспоминания его брата — с. 222 и коммент. 4 к ним.

² Очевидно, Суриков согласился с мнением Остроухова. Произведения с изображением затмения, обозначенные в Петербургском каталоге XVI Передвижной выставки под названием «2 этюда», были изъяты из экспозиции (см. об этом же воспоминания Я. Минченкова, с. 261). В двух отзывах о выставке, опубликованных на следующий день после ее открытия, мы читаем о том, что произведение Сурикова оказалось снятым с выставки («Минута», 1888, 1 марта, № 59; «Сын отечества», 1888, 1 марта, № 59). В каталоге московской выставки эти произведения не значились.

³ Публикуемый черновик письма не подписан.

248

¹ Текст письма предоставлен научным сотрудником Киевского музея русского искусства М. Д. Факторовичем.

² Речь идет о смерти жены Сурикова.

³ *Кузнецов Николай Дмитриевич* (1850—1929) — жанрист, портретист, член Товарищества Передвижных выставок. Один из основателей Южнорусского Товарищества художников.

249

¹ Данное письмо является ответом на письмо Сурикова от 19 марта 1891 г. (см. письмо 92).

² Этюд «Муратор» (итальянец каменотес) написан в Риме в 1870 г. (ГТГ).

³ Этюд «Девушка в повязке» (ГТГ).

⁴ Картина «Римский нищий» написана в Риме в 1869 г. (ГТГ).

⁵ ...образ, что у меня в зале... — очевидно, тот, о котором упоминает В. А. Серов в письме к Остроухову от 19 декабря 1888 г., описывая свой визит к Чистякову: «Та же зала с образом Христа, благословляющего детей, та же Вера Егоровна [жена П. П. Чистякова, урожд. Мейер], смотрящая как-то мимо тебя» (Отдел рукописей ГТГ). «Образ» был начат в 1871 г. и не окончен. Местонахождение не установлено.

⁶ Чистяков еще в 1864 г. в Риме начал работать над большой картиной «Мессалина», к которой сделал много этюдов и эскизов. Картина осталась неоконченной (ГРМ).

⁷ Большую золотую медаль Чистяков получил в Академии в 1861 г. за программу «Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе Василия Темного» (ГРМ).

⁸ Два этюда натурщиков.

⁹ Об этой картине см. коммент. 2 к письму 92.

250

¹ На подлиннике надпись карандашом рукой Сурикова: «О картине «Покорение Сибири».

² Третьяков вел переговоры с Суриковым о покупке картины «Покорение Сибири Ермаком» (см. письмо 119 и коммент. 1 к нему).

³ Третьяков имеет в виду XXIII Передвижную выставку, открытую в Петербурге с 17 февраля по 26 марта 1895 г.

251

¹ Стасов посылает Сурикову свою статью «Заметки о 24-й выставке передвижников», опубликованную в газете «Новости и биржевая газета» (1 изд., 1896, 1 марта, № 60).

² Стасов имеет в виду иллюстрацию Сурикова к рассказу Л. Н. Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет», исполненную в 1882 г. Этот рисунок — сепия («Острог. Макар Семенов кается перед Аксеновым в своей вине перед ним») — был воспроизведен в книге «Рассказы для детей И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого». М., 1883.

252

¹ *Анучин Василий Иванович* (1875—1941) — этнограф, сибировед, писатель, автор ряда этнографических работ о Сибири, а также беллетристических произведений.

Как следует из текста письма, оно является ~~ответом на~~ неизвестное письмо Сурикова, написанное в период прочтения художником статьи Н. Н. Оглоблина «Красноярский бунт 1695—1698 годов». Из публикуемого письма, а также из воспоминаний В. М. Крутовского (см. А. Н. Турунов и М. В. Красноженова. Цит. соч., с. 30—31, 42, 116—117) следует, что Суриков был увлечен мыслью написать картину на тему «Красноярский бунт», которая, однако, осуществлена не была. Известны к ней лишь два эскиза.

Историческая трагедия «Красноярский бунт» была закончена В. И. Анучиным после Великой Октябрьской революции. Одним из действующих лиц трагедии является участник бунта — Петр Суриков. В ЦГАЛИ имеется машинописный экземпляр, датированный 1933—1938 гг. (ф. 14, оп. 1, ед. хр. 5). Сведения о выходе трагедии из печати не обнаружено.

³ *Такмак и Черная Сойка* — живописные скалы в окрестностях Красноярска. Этот коммент., а также коммент. 7, 8 и 9 сделаны ЦГАЛИ в машинописной копии трагедии Анучина.

⁴ Копия плана старого Красноярска не обнаружена.

⁵ Описание боевого знамени также не обнаружено.

⁶ О понимании Суриковым исторической роли Петра I и о работе над созданием его образа в картине «Утро стрелецкой казни» см.: В. К е м е н о в. Историческая живопись Сурикова..., с. 187—190.

⁷ Археологический институт в Петербурге.

⁸ Григорий Николаевич Потанин.

⁹ Иван Иванович Толстой. Принимал деятельное участие в вопросе о снаряжении не-

скольких экспедиций художников. Предполагалось обследовать весь север России, в частности Сибирь, и сделать зарисовки русских древностей. План работы был составлен Н. К. Рерихом. Экспедиция не состоялась из-за недостатка средств.

253

¹ Стасов отвечает на письмо Сурикова (см. письмо 172), в котором Суриков писал ему о статье Н. Н. Оглоблина «Красноярский бунт 1695—1698 годов», содержащей сведения о предках художника.

² Стасов имеет в виду сведения, сообщенные Оглоблиным об Илье Сурикове, который, будучи послан во главе отряда с поручением доставить участников бунта в Красноярск, не выполнил этого поручения, а затем и сам перешел на сторону бунтовщиков.

254

¹ О Н. Яковлеве сведения не обнаружены.

² Выставки «Blanc et noir» устраивались в Петербурге в помещении Академии художеств в 1890—1903 гг.

³ *Андреев Яков Дмитриевич* (1871—после 1911) — художник-гравер, ученик В. В. Матэ.

⁴ Речь идет о портретах художника-баталиста Б. П. Виллевальде, скульптора П. К. Клодта и гравера Н. И. Уткина.

⁵ *Штрук Герман* (1876—1944) — немецкий гравер, поддерживавший связи с русскими художниками.

255

¹ Рисунок Репина «Их привезли» к «Рассказу о семи повешенных» Л. Н. Андреева был помещен в книге того же названия, вышедшей в издательстве Саблина (М., 1909). Он был выполнен Репиным по просьбе Московского отделения негласного Шлиссельбургского комитета помощи политкаторжанам и ссыльным. Подробно об иллюстрациях Репина к этому рассказу см.: З. И. Крапивин. Репин и революция 1905 года. — «Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. М. Потемкина», т. 95-а, вып. 2, 1960, с. 79—81; А. П а р а м о н о в. Иллюстрации И. Е. Репина. М., 1952, с. 208—209.

² *Лебедева Вера Дмитриевна* (1846 — ок. 1922) — участница народнического движения 1870 гг., председатель Московского отделения Шлиссельбургского комитета помощи политкаторжанам.

ВОСПОМИНАНИЯ О ХУДОЖНИКЕ

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Аполлон», 1916, № 6-7 («Суриков. Материалы для биографии»).

Волошин (Карпенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932), поэт, примыкавший к символизму, переводчик, художник-пейзажист, участник выставок «Мира искусства»; художественный критик, принимавший участие в диспутах по вопросам искусства, автор статей о русских художниках, о французской поэзии, об искусстве театра.

В 1897 г. Волошин поступил в Московский университет, откуда вскоре был исключен за участие в студенческих беспорядках. Уехав за границу, он много путешествовал, жил во Франции. С 1917 г. поселился в Коктебеле. В настоящее время дом Волошина в поселке Планерское (б. Коктебель), согласно его завещанию, является Домом творчества писателей.

Человек разносторонне одаренный, Волошин в своем литературном и художественном творчестве стремился к философско-историческому осмыслению мира. В подобных своих размышлениях он нередко ощущал себя как бы вне конкретного, реального времени, к чему в какой-то мере располагала и его жизнь в окружении величественной, необжитой природы восточного Крыма. Своеобразный историзм его мышления, возможно, способствовал возникновению интереса с его стороны к личности исторического живописца Сурикова, и, в свою очередь, расположил Сурикова к Волошину как к будущему своему биографу. М. В. Нестеров писал, что статья Волошина о Сурикове «быть может лучшее, что когда-либо было написано о рус[ских] художниках». (М. В. Нестеров. Из писем. Л., 1968, с. 262).

¹ Воспоминания И. Э. Грабаря см. на с. 262—264.

² Кнебель Иосиф Николаевич (1854—1926) — московский издатель, предпринявший выпуск серии монографий о русских художниках под редакцией И. Э. Грабаря. Монография М. Волошина о Сурикове не была издана.

³ Суриков скончался 6/19 марта 1916 г.

⁴ 12/24 января 1848 г.

⁵ Эти строки свидетельствуют об увлечении Волошина хиромантией.

⁶ Суриков вспоминает лето 1881 г., когда он с семьей жил в деревне Перерва, близ

станции Люблино по Московско-Курской железной дороге.

⁷ Фламарион Камиль (1842—1925) — французский астроном, автор научно-популярных книг.

⁸ Казацким происхождением своего рода Суриков чрезвычайно гордился и считал своим долгом исправлять какие-либо искажения этого факта (см. письмо 50 и коммент. к нему, письмо 181 и коммент. 2 к нему). В 1893 г., собирая и изучая материал для картины «Покорение Сибири Ермаком», Суриков в письмах к брату неоднократно подчеркивал родственные связи их семьи с донскими казаками (см. письма 103 и 105).

Интересуясь своей родословной, художник составил генеалогическую таблицу своего рода. В его распоряжении, кроме статьи Н. Н. Оглоблина «Красноярский бунт 1695—1698 годов» (см. коммент. 1 к письму 169) и послужных списков его предков имелась справка «История о сибирских городских казаках», составленная жителем Красноярска Ф. Ф. Спиридоновым (см. коммент. 3 к письму 103).

⁹ Ермак погиб в августе 1584 г. во время внезапной ночной схватки с отрядом сибирского хана Кучума. Спасаясь от преследователей, он бросился вплавь по Иртышу, но утонул под тяжестью кольчуги.

¹⁰ Енисейск был основан в 1618 г., Красноярский острог был построен в 1628 г. Упоминаемая Волошиным выше дата «1622» как дата основания Красноярска ошибочна.

¹¹ Очевидно, статью Н. Н. Оглоблина (см. коммент. 1 к письму 169).

¹² Дурново Семен Иванович, которого красноярцы, добиваясь его смещения, «...держали несколько месяцев «в осаде»... но в конце концов изгнали из города, причем воевода только случайно сохранил свою жизнь» (Н. Н. Оглоблин. Цит. соч., с. 27).

¹³ Суриков имеет в виду гетмана Левобережной Украины Многогрешного Демьяна Игнатьевича, обвиненного в 1672 г. в измене и сосланного в Сибирь. Его брат, Василий Игнатьевич Многогрешный, возглавлял в период красноярского бунта воеводское меньшинство.

¹⁴ Суриков упоминает о двоюродном брате своего деда, полковом атамане Александре Степановиче Сурикове, который был похоронен на Троицком кладбище близ Енисейского тракта.

¹⁵ О предках Сурикова см. коммент. 3 к письму 65.

¹⁶ См. коммент. 14.

¹⁷ Отец художника Иван Васильевич на военной службе не состоял (см. о нем коммент. 3 к письму 42). Его брат Марк Васильевич (1829—1856) служил пятидесятником, а затем хорунжим в Енисейском казачьем конном полку.

¹⁸ Неточность. А. С. Суриков родился в 1794, а умер в 1854 г., то есть 60-ти лет.

¹⁹ Упоминаемые здесь фамилии искажены. Мазаровича сменил войсковой старшина Голашевский, после которого временно исполнял должность атамана есаул Корх Иван Иванович (см. о нем коммент. 5 к письму 2).

²⁰ Енисейский казачий конный полк был упразднен в 1871 г., после чего Суриковы приписались к мещанскому обществу.

²¹ *Василий Матвеевич Суриков* — двоюродный дядя художника, служил пятидесятником, хорунжим и сотником. Умер в отставке, 42 лет, 5 марта 1868 г.

²² Василий Иванович Суриков (см. коммент. 3 к письму 65) умер «от горячки», будучи командиром 2-й сотни Енисейского городского казачьего полка в Туруханске.

²³ О матери художника см. коммент. 1 к письму 2. Станица, в которой жили предки художника со стороны матери, — Торгашинская.

²⁴ По данным С. Н. Мамеева (см. коммент. 3 к письму 65), Федор Егорович Торгошин умер в 65 лет 4 апреля 1845 г., за 3 года до рождения Сурикова.

²⁵ О Степане Федоровиче Торгошине см. коммент. 3 к письму 3.

²⁶ См. коммент. 3 к письму 65.

²⁷ Неточность. Дом казаков Суриковых, упоминаемый Н. Н. Оглоблиным в статье «Красноярский бунт 1695—1698 годов» сгорел в 1773 г. Суриков мог помнить старый дом по Качинской улице, построенный в конце XVIII века, перешедший по наследству от прапрадеда художника Петра Васильевича Сурикова к его старшему сыну Степану, или дом своего прадеда Ивана Петровича на той же Качинской улице, однако не наследственный, а приобретенный им самим. Оба эти дома также сгорели во время пожара Красноярска 17—18 апреля 1881 г. (см. коммент. 2 к письму 169).

²⁸ Жена Ивана Васильевича Сурикова младшего (1807—1845) — Гликерия Федоровна.

²⁹ По-видимому, на правом берегу Енисея, у селения Ладейки.

³⁰ Суриков имеет в виду свою картину «Взятие снежного городка».

³¹ Копия описи приданого матери художника хранится в Отделе рукописей ГТГ, ф. 36, ед. хр. 262.

³² Суриков упоминает своего брата Александра, сестру Екатерину и сестру от первого брака его отца Елизавету (см. о них коммент. 1 и 7 к письму 2 и коммент. 7 к письму 8).

³³ Рассказ Сурикова, по-видимому, относится ко времени жизни в селе Сухой Бузим (см. коммент. 3 к письму 42).

³⁴ См. коммент. 3 к письму 120.

³⁵ Сохранились два портрета Прасковьи Федоровны Суриковой: исполненный в 1887 г. и принесенный художником в 1913 г. в дар Третьяковской галерее и второй, исполненный в 1894 г.

³⁶ Неясно, о какой «заимке» идет речь. Возможно, Суриковы располагали каким-либо земельным участком до 1871 г., то есть до упразднения Енисейского казачьего конного полка. Известно, что позднее брат художника безрезультатно хлопотал о наделении его таким участком из казачьих земель.

³⁷ Отец художника в качестве чиновника походной канцелярии сопровождал В. И. Копылова, исполнявшего должность губернатора, в его разъездах по губернии.

³⁸ Дяди художника — Марк Васильевич Суриков (см. коммент. 17) и Иван Васильевич Суриков младший, как и отец художника, окончили Красноярское уездное училище.

³⁹ Освящение Исаакиевского собора в Петербурге состоялось 30 мая 1858 г.

⁴⁰ Картина А. А. Иванова «Явление Христа народу» была привезена из Рима в Петербург в 1858 г.

⁴¹ Исторический роман М. Н. Загоскина, изданный в 1829 г., пользовавшийся широкой популярностью.

⁴² *Бобрищев-Пушкин Николай Сергеевич* (1800—1871) — отбывал ссылку в Красноярске с 1831 по 1839 г., его брат *Павел Сергеевич* (1802—1865) — с 1832 по 1839 г.; *Давыдов Василий Львович* (1792—1855) — с 1839 г. жил в Красноярске, где и скончался.

⁴³ *Бутаевич-Петрашевский Михаил Васильевич* (1821—1866) — революционер, глава кружка «петрашевцев». В 1849 г. был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В 1856 г. вышел на поселение, жил в Иркутске; в 1860 г. был выслан в село Шу-

шенское, Минусинского округа, в 1861 г. — переведен в Красноярск и вновь выслан оттуда в 1864 г. Скончался в селе Бельском Енисейского округа. Живя в Иркутске и Красноярске, занимался адвокатурой.

⁴⁴ *Шапов, Афанасий Прокопьевич* (1830—1876) — известный историк и публицист, общественный деятель. В 1864 г. был сослан в Иркутск. В 1866 г. принял участие в туруханской экспедиции известного геолога и географа И. А. Лопатина в качестве этнографа и статистика. Для подготовки к этой экспедиции приезжал в Красноярск, где занимался в местном архиве, изучая материалы Томского архива, переданные в Красноярск в 1822 г., со времени образования Енисейской губернии.

⁴⁵ См. коммент. 3 к письму 42.

⁴⁶ Возможно, этот эпизод нашел отражение в трактовке Суриковым иллюстрации к рассказу И. С. Тургенева «Перепелка» (И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой. Рассказы для детей. М., 1883).

⁴⁷ Суриков был зачислен на старшее отделение приходского училища 27 августа 1856 г.

⁴⁸ То есть с первого класса уездного училища, в которое Суриков поступил в 1858 г. по окончании курса приходского училища.

⁴⁹ Казни производились за городом, а телесные наказания на Острожной площади. Площадь эта была видна из окон уездного училища.

⁵⁰ Эти впечатления легли в основу иллюстрации, исполненной Суриковым в 1891 г., к «Песне о купце Калашникове» (М. Ю. Лермонтов. Сочинения, т. I. Изд-во Товарищества И. Н. Кушнерев и К^о и книжного магазина П. К. Прянишникова. М., 1891).

Известна также акварель Сурикова «Публичная казнь» с авторской надписью: «до 1863 года видѣлъ собственными глазами. В. Суриковъ».

⁵¹ Публичная казнь Федора Флерковского, о которой вспоминает Суриков, ссыльно-каторжного солеваренного завода «из политических преступников», состоялась 6 июля 1866 г. «в г. Красноярске за городом, при стечении многочисленной публики...» Казненный обвинялся в нанесении ножом раны своему начальнику зауряд-есаулу Серебренникову «во время исполнения им, Серебренниковым, обязанностей службы с намерением лишить его жизни, а после того в нападении на казака Новикова, с целью причинить и ему также вред...» («Енисейские губернские ведомости», 1866, 9 июля, № 28. «Смертная казнь»).

⁵² Суриков упоминает имя спартанского царя Леонида, руководившего героической обороной Фермопильского горного ущелья в греко-персидской войне 500—449 гг. до н. э.

⁵³ Сообщение об убийстве «чиновника Бурдина» было опубликовано в газете «Голос» (1865, 2 января, № 2) в разделе «Внутренние новости» — Корреспонденция из Красноярска.

⁵⁴ Петр Николаевич Чернов, служил журналистом в Енисейском приказе общественного призрения, утонул 22 лет 16 апреля 1867 г.

⁵⁵ В конце 1850-х — начале 1860-х гг. в окрестностях Красноярска происходили частые грабежи обозов и почты. Эти грабежи совершались шайкой, руководимой неким Соловьевым, скрывавшейся в лесах близ тракта, ведущего из Красноярска в Ачинск.

⁵⁶ *Хозяинов Иван Михайлович* (ум. 41 года в 1856 г.) — дальний родственник художника, был женат на Черкасовой, сестре бабушки Сурикова; работал как иконописец, расписывал иконостас Благовещенской церкви в Красноярске.

⁵⁷ Интерьер дома Суриковых художник запечатлел в акварели 1890-х гг. «Дом Суриковых в Красноярске. За столом П. Ф. Сурикова, мать художника».

⁵⁸ *Шебуев Василий Кузьмич* (1777—1855) — профессор исторической живописи, ректор Академии художеств (с 1832 г.).

⁵⁹ О Н. В. Гребневе см. коммент. 9 к письму 211.

⁶⁰ Суриков упоминает о том, как он копировал с репродукции «Благовещение» В. Л. Боровиковского, выполненное для иконостаса Казанского собора в Петербурге.

⁶¹ Копия с репродукции произведения Т. А. Неффа была исполнена Суриковым в 1866 г.

⁶² О П. Н. Замятине и его участии в судьбе Сурикова см. письмо 1 и коммент. 3 к нему.

⁶³ *Шрейндер Карл-Август Матвеевич* (1815 или 1819—1887), академик акварельной живописи. С 1859 по 1873 г. инспектор классов Академии художеств, с 1873 г. — хранитель академического музея.

⁶⁴ Суриков имеет в виду дом своего двоюродного деда, полкового атамана Александра Степановича Сурикова (см. коммент. 14).

⁶⁵ *Лавинский А. С.* — генерал-губернатор Восточной Сибири с 1822 по 1833 г.; *Степанов Александр Петрович* (1781—1837) — отец известного карикатуриста Н. А. Степанова,

редактора журнала «Искра». Енисейский гражданский губернатор с 1823 по 1831 г.

⁶⁶ О О. М. Дурандиной см. коммент. 2 к письму 3.

⁶⁷ Неточность. Красноярская гимназия была открыта 1 июля 1868 г. — в год отъезда Сурикова из Красноярска.

⁶⁸ «Русский художественный листок» — иллюстрированный журнал, издававшийся в Петербурге в 1851—1862 гг. художником В. Ф. Тиммом.

⁶⁹ Война России с Англией, Францией, Турцией и Сардинией 1853—1856 гг.

⁷⁰ О П. И. Кузнецове см. коммент. 3 к письму 4.

⁷¹ Очевидно, Суриков видел портрет золотопромышленника И. К. Кузнецова, отца П. И. Кузнецова. Местонахождение портрета в настоящее время неизвестно (см. список произведений К. П. Брюллова в кн.: Э. А. Паркина. Карл Павлович Брюллов. Жизнь и творчество. М., 1963, с. 359).

⁷² О путешествии Сурикова из Красноярска в Петербург см. письмо 2.

⁷³ О своих первых впечатлениях от Москвы Суриков рассказывал в письме к родным из Петербурга 23 февраля [1869] (см. письмо 4).

⁷⁴ См. коммент. 1 к письму 5.

⁷⁵ Зайцев Дмитрий Дмитриевич (1849—?) — с 1869 г. учился в Академии художеств на архитектурном отделении. В 1877 г. получил звание классного художника 2-й степени; в 1902 г. — звание академика.

⁷⁶ С. Петербургская рисовальная школа, основанная в 1839 г. С 1857 г. существовала на средства Общества поощрения художеств (первоначально — художников) — объединения любителей искусств, возникшего в Петербурге в 1821 г.

⁷⁷ Дяконов Михаил Васильевич (1807—1886) — преподаватель рисовальной школы Общества поощрения художников с 1861 г., с 1865 по 1881 г. директор этой школы.

⁷⁸ Горностаев Иван Иванович (1821—1874) — архитектор. С 1860 г. преподавал в Академии художеств историю искусств. Его лекции отличались обилием нового, по тем временам, материала; они были изданы четырьмя выпусками в 1860—1864 гг. с иллюстрациями автора.

⁷⁹ Лучшев Сергей Яковлевич (1850—?). — Учился в московском Строгановском училище технического рисования, в 1870 году поступил в Академию художеств. В 1879 г. получил звание классного художника 1-й степени.

⁸⁰ См. письмо 29.

⁸¹ См. коммент. 2 к письму 32.

⁸² Неизвестно, у кого из товарищей Суриков жил на Черной речке. В ГТГ имеется сепия, исполненная им в 1871 г. «Под дождем в дилижансе на Черную речку».

⁸³ Во время обучения в Академии Суриков получил следующие серебряные медали: 23 декабря 1871 г. — малую серебряную медаль за рисунок (этюд с натуры), 28 октября 1872 г. — малую серебряную медаль за рисунок, 3 марта 1873 г. — большую серебряную медаль за живопись, 26 мая 1873 г. — большую серебряную медаль за рисунок.

⁸⁴ См. письмо 32 и коммент. 3 к нему.

⁸⁵ См. коммент. 1 к письму 28.

⁸⁶ См. коммент. 1 к письму 14 и коммент. 1 к письму 15.

⁸⁷ См. коммент. 3 к письму 4.

⁸⁸ См. коммент. 1 к письму 33 и коммент. 2 к письму 35.

⁸⁹ Облеченный доверием со стороны «высочайших» покровителей искусства, конференц-секретарь Академии художеств П. Ф. Исеев фактически руководил всей деятельностью Академии. В 1889 г. в связи с крупной денежной растратой, к которой был причастен ряд лиц, возглавлявших Академию, Исеев был отстранен от должности, судим и сослан в Сибирь.

⁹⁰ Эскиз неосуществленной картины «Клеопатра», исполненный карандашом, белилами и акварелью, датирован 1874 годом.

⁹¹ См. коммент. 1 к письму 37.

⁹² То есть «Утро стрелецкой казни».

⁹³ Суриков имеет в виду надпись, сделанную медными литерами под куполом золоченой главы колокольни Ивана Великого в Московском Кремле. В тексте надписи указано: «...сей храм совершен и позлащен во второе лето господства...», то есть во второй год царствования Бориса Годунова. После смерти Годунова надпись эта была закрыта и затем вновь открыта по указанию Петра I.

⁹⁴ Суриков упоминает хранящиеся в Лувре изваяния человекоподобных крылатых быков, найденные в середине XIX в. при раскопках Ниневии.

⁹⁵ Будучи в Риме, в феврале 1884 г., Суриков исполнил акварель «Собор св. Петра в Риме».

⁹⁶ См. коммент. 3 к письму 3.

⁹⁷ Седой стрелец, сидящий в телеге. Этюд для фигуры этого стрельца был исполнен в 1879 г.

⁹⁸ См. воспоминания И. Репина, с. 225. Для фигуры рыжебородого стрельца Суриков исполнил ряд этюдов карандашом и масляными красками.

⁹⁹ См. письмо 86.

¹⁰⁰ Об увлечении Сурикова народным творчеством см. воспоминания Д. Каратанова, с. 242.

Большинство этюдов для картины «Утро стрелецкой казни» Суриков писал летом 1879 г. в имении Н. Н. Дерягина «Липецы», Липецкой волости, Чернского уезда, Тульской губернии.

Приводим отрывок из нашей записи рассказа А. Н. Дерягина (1873—1945) в 1927 г.: «Стрельцы писались в имении Дерягиных... Девочка в «Стрельцах», плачущая, писана с Бориса Николаевича Дерягина (брата автора рассказа. — С. Г.), которому поручено было его дразнить для того, чтобы он плакал... Баба на земле — Мария Петровна Никольская, рожденная Соколова, жившая в доме Дерягиных. Петр — управляющий имением Н. Н. Дерягина... Кузьма Тимофеевич Шведов, крестьянин-собственник, высокого роста, сдвигал верхом всегда подбоченья, стрелец, сидящий в телеге спиной — Саватеев — крестьянин...» (Отдел рукописей ГТГ, ф. 36, сд. хр. 26).

Известно, что натурой для плачущей девочки в картине «Утро стрелецкой казни» послужила также старшая дочь художника, которой ко времени окончания картины было около трех лет.

¹⁰¹ При создании картины «Утро стрелецкой казни» Суриков пользовался книгой «Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гварнента посла императора Леопольда I к царю и великому князю Московскому Петру Первому в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом». Перевод с латинского Б. Женева и М. Семевского. М., 1867.

Описывая казнь, состоявшуюся в феврале 1699 г., Корб пишет: «...один из осужденных проявил такую закоренелость, что, готовясь лечь на плаху, дерзнул обратиться к царю, вероятно, стоявшему очень близко, с такими словами: «Посторонись, государь. Это я должен здесь лечь».

¹⁰² Рентгеноскопия картины «Утро стрелецкой казни», произведенная в 1970 г., показала, что в первоначальный замысел художника все же входило намерение изобразить казненных стрельцов. На фоне кремлевской стены, несколько левее фигуры Петра, отчетливо просматривается подмалевок фигур двух повешенных стрельцов. Впоследствии эти фигуры были

записаны, холст картины надставлен справа, и на этой надставленной части его была написана свита Петра (см. об этом: С. Н. Гольдштейн. «Утро стрелецкой казни». — «Художник», 1973, № 2).

¹⁰³ То есть на картине «Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 года».

¹⁰⁴ Этюд «Иоанн Грозный» (изображение фигуры в рост) был создан Суриковым, по-видимому, под впечатлением этой встречи.

¹⁰⁵ В ГТГ хранится лист, на котором сделаны два наброска композиции картины «Утро стрелецкой казни». На листе вверху надпись: «Первый набросок «Стрельцовъ въ 1878 г.».

¹⁰⁶ См. коммент. 6.

¹⁰⁷ В. И. Суриков женился 25 января 1878 г. на Елизавете Августовне Шаре. Ее мать, Мария Александровна (? — 1893), приходилась родственницей декабристу П. Н. Свистуну.

¹⁰⁸ Сцену в избе художник запечатлел в этюде «Две женщины в деревенской избе». В этом произведении зафиксирована первая мысль композиции картины 1883 г. «Меншиков в Березове».

¹⁰⁹ В родовом имении Меншиковых в с. Александровском, Клинского уезда, Московской губернии художник сделал хранящиеся в ГТГ зарисовки акварелью и карандашом с портретов дочерей и сына Меншикова, а также с мраморного бюста Меншикова, работы Бартоломео Карло Растрелли.

Поездку в с. Александровское Суриков совершил в сопровождении художника Н. А. Богатова (1854—1935), который сделал из глины упоминаемую Суриковым маску.

¹¹⁰ Фамилия лица, позировавшего Сурикову при создании образа Меншикова, в разных источниках называется по-разному.

В. А. Никольский в книге «В. И. Суриков. Творчество и жизнь» (М., 1918, с. 55), как и С. Глаголь в публикуемых ниже воспоминаниях (см. с. 217), имеет в виду отставного учителя Студенникова, жившего в Москве. С. Глаголь уточняет его адрес: Трубецкой переулок.

Я. А. Тепин, не называя фамилии, пишет об «отставном учителе» (см. с. 202).

Н. П. Кончаловская, внучка художника, в книге «Дар бесценный» (М., 1974, с. 120) называет преподавателя математики Е. И. Невенгловского.

А. Н. Турунов в книге «В. И. Суриков и его картины» (Иркутск, 1948, с. 55) называет отставного учителя математики 1-й московской гимназии Октавиана Ивановича Невенгловского, жившего близ церкви Николы в Ха-

мовниках, то есть примерно в том же районе, который указывает С. Глаголь. Вместе с тем Турунов в одной из своих записей уточняет имя и отчество Студенникова — Михаил Иванович, и его адрес — Трубецкой переулок, № 10 (Отдел рукописей ГТГ, ф. 89, ед. хр. 24, л. 9).

Таким образом, авторы книг о Сурикове, так или иначе касавшиеся этого вопроса, сходятся лишь на том, что натурой для Меншикова послужил учитель одной из московских гимназий.

¹¹¹ *Михеев Василий Михайлович* (1859—1908) — автор очерков и рассказов, сборника «Песни о Сибири» (М., 1884). Суриков имеет в виду его рассказ «Миних», опубликованный в журнале «Артист» (1891, ноябрь, № 17), и в сборнике «Художники» (М., 1894).

Суриков был дружен с Михеевым. В 1897 г. он принимал участие в иллюстрировании его книги «Отрок-мученик. Угличское предание» (СПб., 1898).

¹¹² Этюд для фигуры старшей дочери Меншикова, Марии, был написан акварелью с жены художника Е. А. Суриковой.

¹¹³ Для фигуры сына Меншикова Сурикову позировал Николай Егорович Шмаровин, брат Владимира Егоровича Шмаровина (1850—1924), организатора Московского художественного кружка «Среды». В ГТГ хранится рисунок, сделанный Суриковым с Н. Е. Шмаровина.

¹¹⁴ См. коммент. 2 к письму 54.

¹¹⁵ Эскиз, о котором идет речь, находится в ГТГ.

¹¹⁶ См. коммент. 1 к письму 73.

¹¹⁷ Художник имеет в виду этюд «Голова боярыни Морозовой», переданный в дар Третьяковской галерее по завещанию М. А. Морозова в 1910 г.

¹¹⁸ Этюд головы боярыни Морозовой, датированный 1886 г., приобретенный ГТГ в 1960 г. у наследников художника.

¹¹⁹ Суриков цитирует слова, обращенные к боярыне Морозовой протопопом Аввакумом. Его письма к Морозовой были опубликованы в качестве приложения к статье Н. Тихонравова «Боярыня Морозова. Эпизод из истории русского раскола» («Русский вестник», 1865, № 9).

¹²⁰ *Варсонофий Семенович Закоурцев* — дьячок сухобузимской Троицкой церкви. Его черты художник запечатлел в этюде «Голова священника».

¹²¹ Для фигуры юродивого Суриков исполнил серию рисунков и этюдов масляными

красками. Созданию образа юродивого послужил также этюд «Нищий» (1883) и этюд «Нищий, стоящий на коленях» (1884).

¹²² На Долгоруковской улице (ныне Новослободская) Суриковы впервые поселились в 1884 г., по приезде из-за границы, и жили там до 1887 г.

¹²³ Церковь Николы на Долгоруковской улице, сооруженная в 1703 г., имела позднейшие пристройки. В настоящее время — разобрана.

¹²⁴ Сохранился этюд с изображением посоха и этюд «Рука странника с посохом».

¹²⁵ «Боярыня Морозова» экспонировалась на XV Передвижной выставке 1887 г. одновременно с картиной В. Д. Поленова «Христос и грешница». В. В. Стасов в своей статье «Выставка передвижников» («Новости и биржевая газета», 1887, 1 марта, № 58) уделил большую долю внимания картине Сурикова.

¹²⁶ Письма В. Д. Поленова к Сурикову неизвестны.

¹²⁷ Характеристика Александра III, как «истинного представителя народа», основывалась на непосредственных зрительных впечатлениях художника. «Громадная», как говорил Суриков, фигура царя, облаченного в мантию и корону, в свое время (см. коммент. 128) поразила его своей внешней импозантностью, воплощенной в ней физической силой и именно поэтому была воспринята им как олицетворение той мощи, которая свойственна, по убеждению Сурикова, народу.

¹²⁸ *Боголюбов Алексей Петрович* (1824—1896) — пейзажист, маринист. Профессор и член Совета Академии художеств; член Товарищества Передвижных художественных выставок. Суриков имеет в виду свое присутствие вместе с Боголюбовым на коронации Александра III в 1883 г. В альбоме (СПб., 1883), посвященном коронации, воспроизведена акварель Сурикова «Торжественный обход вокруг храма Спасителя».

¹²⁹ Памятник Александру III, работы А. М. Опекушина, был открыт в Москве у здания храма Христа Спасителя 30 мая 1912 г. После Великой Октябрьской революции разобран.

¹³⁰ Е. А. Сурикова умерла 8 апреля 1888 года (см. письмо 79).

¹³¹ Об этой картине см. письмо 103 и коммент. 1 к нему, а также письмо 105 и коммент. 2 к нему.

¹³² См. коммент. 1 к письму 84.

¹³³ «Взятие снежного городка».

¹³⁴ О возникновении замысла картины «Взятие снежного городка» и о работе над ней см. воспоминания А. И. Сурикова и других красноярцев (с. 222, 236), а также письмо 100 и коммент. 2 к нему.

А. Н. Турунов сообщает следующие сведения об истории создания картины «Взятие снежного городка»: «Для крестьянина в розвальнях с кнутом в поднятой руке позировал житель села Дрокино Михаил Дмитриевич Нашовочников. «Герой», берущий городок (центральная фигура композиции), по одним известиям, печник Дмитрий, живший в то время в Красноярске, по другим — торгошинский казак Стрижнев. В кошеве лицом к зрителям в дохе и меховой шапке брат художника... Спной к зрителям в той же кошеве, в горностаевой пелерине племянница художника Татьяна Капитоновна Доможилова. Для второго всадника позировал Александр Николаевич Пестунов. ...У кошевы, в правой части картины, изображен стоящий ладейский казак Иван Иванович Перов (в бобровой шапке). В отдалении на последнем плане в розовой шапке виднеется другой суриковский знакомец ладейский же казак Евграф Зиновьевич Яхонтов. Есть сведения, что для этой же картины позировали казаки Александр Мамонтов и Веретнов (жители с. Ладейки)» (Отдел рукописей ГТГ, ф. 89, ед. хр. 19).

¹³⁵ «Покорение Сибири Ермаком».

¹³⁶ О поездках Сурикова, связанных со сбором этюдов для картины «Покорение Сибири Ермаком», см. письма 94, 101, 102, 107, 108, и коммент. к ним.

¹³⁷ «Переход Суворова через Альпы».

¹³⁸ То есть к столетию Швейцарского похода Суворова в 1799 г.

¹³⁹ Неточность. Поездку в Швейцарию с целью собирания материала для картины «Переход Суворова через Альпы» Суриков совершил летом 1897 г.

¹⁴⁰ Эскиз картины «Степан Разин», запечатлевший первоначальный замысел художника, был исполнен акварелью в 1887 г. Вернувшись к этой теме в 1900 г., Суриков кардинально переработал композицию картины, которую экспонировал на XXXV Передвижной выставке. Однако и после выставки Суриков продолжал работать над картиной (см. письмо 208 и коммент. 3 к нему).

¹⁴¹ Об этих поездках см. письма 166 и 176. В альбоме, с которым художник ездил на Волгу, имеются композиционные наброски картины (ГТГ).

¹⁴² Картину «Посещение царевной женского монастыря».

¹⁴³ М. В. Красноженова предполагает, что Суриков писал Суворова с отставного сотника Ф. Ф. Спиридонова (см. коммент. 3 к письму 103), которому в 1913 г., то есть в год бесед Сурикова с М. Волошиным, было 85 лет.

¹⁴⁴ Одна из сибирских летописей, возникла во 2-й половине XVII в. в г. Кунгуре. Содержит сведения о походе Ермака в Сибирь.

¹⁴⁵ Суриков имеет в виду картину Репина «Царевна Софья Алексеевна через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги в 1698 году».

¹⁴⁶ Неясно, о каком этюде идет речь.

¹⁴⁷ К теме «Пугачев» Суриков обращался неоднократно на разных этапах своего творчества. Не написав картины на этот сюжет, он создал ряд подготовительных работ для нее. В ГРМ хранится живописный эскиз многофигурной композиции, исполненный, возможно, в 1870-х гг. (см. В. К е м е н о в. Образ Пугачева в творчестве В. И. Сурикова. — «Искусство», 1962, № 2).

Очевидно, в данном случае Суриков говорит о модели, которую он запечатлел в произведении, известном под названием «Мужской портрет» (1909). Произведение это принадлежит Калининской областной картинной галерее. В ГТГ имеется графический эскиз однофигурной композиции «Пугачев в клетке», исполненный в 1911 г. в Ростове Ярославском, как об этом свидетельствует авторская надпись на рисунке.

¹⁴⁸ Суриков имеет в виду мастеров Раннего Возрождения.

¹⁴⁹ *Щукин Сергей Иванович* (1854 [1852?] — 1936) — московский коллекционер, собрал в своем особняке в Большом Знаменском переулке (ныне улица Грицевец) богатейшую коллекцию произведений французских художников новейшей школы. После Великой Октябрьской революции эмигрировал. В настоящее время его собрание включено в состав коллекций Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

¹⁵⁰ *София Андреевна Толстая, урожд. Берс* (1844—1919) — жена Л. Н. Толстого.

Я. А. ТЕПИН

Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Аполлон», 1916, № 4—5 («Суриков»).

Яков Алексеевич Тепин (1883—1953), уроженец г. Ржева. Девятнадцати лет за участие в работе местной подпольной типографии,

в 1902 г., был сослан в Сибирь, где познакомился с Суриковым. По возвращении из ссылки работал гравером, занимался линогравюрой и ксилографией, посещал студию В. Д. Фалилеева. В 1918—1919 гг. работал под руководством И. Э. Грабаря по охране памятников старины и искусства. В 1920-х гг. участвовал в создании Смоленской картинной галереи, выступал в печати со статьями о русских художниках. Впоследствии преподавал рисование в начальной школе, работал в качестве копииста.

Знакомство Тепина с Суриковым, начавшееся в 1900-х гг., продолжалось вплоть до последних лет жизни художника. В эти годы, живя в «Князем дворе», Суриков, будучи уже тяжело больным, должен был, как пишет Н. Кончаловская, «почаще выходить на воздух... Он старался поменьше бывать дома, часто сидел напротив — в сквере возле храма Христа Спасителя, который когда-то расписывал. Он уезжал в Петровский парк к одному из своих почитателей — критику Якову Тепину. Там можно было сидеть в садике на чистом воздухе, под солнцем» (Н а т а л ь я К о н ч а л о в с к а я. Цит. соч., с. 324).

¹ Автор имеет в виду письмо Крамского к Стасову от 14 апреля 1884 г., в котором Крамской, отмечая невысокий уровень исторического жанра в русском искусстве, писал: «...пожалуй, у Сурикова какой-то древний дух (и один только запах) в его «Казни стрельцов» — вот и все». (И. Н. К р а м с к о й. Письма, статьи. В 2-х т. Т. 2. М., 1966, с. 127).

² Ошибка. Суриков родился 12 января 1848 г.

³ *Илиодор* (Сергей Труфанов, 1880 — ?) — иеромонах, член «Союза русского народа», получивший широкую известность в 1905—1912 гг. своей черносотенной деятельностью. В 1912 г. отрекся от православной церкви, был лишен сана. Обвиненный затем в подстрекательстве к убийству Распутина, бежал за границу.

⁴ Ошибка. См. коммент. 10 к очерку М. Волошина.

⁵ *Матвеев Артамон Сергеевич* (1625—1682) — дипломат, руководивший с 1671 г. Посольским приказом. Был убит стрельцами во время мятежа 15 мая 1682 г.

⁶ Вольная интерпретация библейского текста.

⁷ *Родиков* — заместитель Красноярского губернатора.

⁸ Ошибка. Речь должна идти о журнале «Северное сияние» — см. очерк М. Волошина, с. 180.

⁹ В основе философских, социально-политических и эстетических взглядов Д. И. Писарева лежало убеждение в примате конкретной практической деятельности, опирающейся на реальное научное мышление в области точных наук, и небрежение теми проявлениями духовной жизни, которые не участвуют непосредственно в усовершенствовании норм общественной жизни. Руководствуясь позитивистской, вульгарно-материалистической концепцией, Писарев решительно ниспровергал общепризнанные авторитеты, выступал поборником нигилизма, подвергал критическому рассмотрению творчество Пушкина, истолкование его Белинским, сатиру Салтыкова-Щедрина и т. п.

1862—1866 гг. — время заключения Писарева в Петропавловской крепости за антиправительственное выступление — годы его активной литературной деятельности на страницах радикального журнала «Русское слово». Талант публициста, просветительский пафос его выступлений, вера в могущество конкретных наук снискали в свое время расположение к Писареву со стороны прогрессивной молодежи.

¹⁰ Об Устинье Дужниковой сведений не обнаружено.

¹¹ Ныне г. Свердловск.

¹² Автор имеет в виду прохождение классов рисования с гипсовых голов, с классических гравюр и переход в класс рисования с гипсовых фигур.

¹³ *Брюллов Александр Павлович* (1798—1877) — в 1842 г. получил звание профессора 1-й степени по архитектуре, с 1854 г. — заслуженный профессор Академии художеств, брат К. П. Брюллова.

¹⁴ Автор произвольно толкует происхождение названия площади. Она была названа «Красной» в XVII веке. Это название ее являлось синонимом понятия «красивая».

¹⁵ См. коммент. 102 к очерку М. Волошина.

¹⁶ Портрет Елены Корнилиевны Дерягиной, урожд. Бодаревской (1855—1906), сестры художника Николая Корнилиевича Бодаревского, с которым Суриков одновременно учился в Академии художеств.

Портрет этот был написан в 1879 г., одновременно с этюдами для картины «Утро стрелецкой казни» (см. коммент. 100 к записям М. Волошина). Представляя собою вполне законченное портретное изображение, он тем не менее не может быть отнесен к «посторонним» работам, как пишет автор очерка. Е. К. Дерягина послужила натурой для написанных тогда же двух этюдов жены чернобородого стрельца в картине «Утро стрелецкой казни».

¹⁷ См. письмо 46.

¹⁸ См. коммент. 108 к очерку М. Волошина.

¹⁹ Известны один графический и два живописных эскиза картины «Меншиков в Березове». В этих эскизах намечена в основном композиция, близкая к окончательному решению ее в самой картине. Графический эскиз и один из живописных эскизов датированы 1881 г., второй живописный эскиз не имеет авторской даты.

²⁰ См. коммент. 110 к очерку М. Волошина.

Живописный этюд для фигуры Меншикова, датированный 1882 г., находится в ГТГ.

²¹ См. коммент. 112 к очерку М. Волошина.

²² Имеется в виду единственный живописный эскиз к картине «Боярыня Морозова», исполненный в 1881 г., принадлежавший московскому собирателю Ивану Евменьевичу Цветкову (в настоящее время — в ГТГ).

²³ Ошибка. Портрет А. Д. Езерского, ошибочно названный портретом Озерского, был исполнен в 1910 г. и экспонировался на VIII выставке Союза русских художников в 1910—1911 гг.

²⁴ О маршруте этой поездки и о впечатлениях от нее см. письма 56—64 и коммент. к ним.

²⁵ Отклики современников на картину «Боярыня Морозова» в действительности были в большинстве своем отнюдь не восторженными. Художника упрекали в грубом реализме при отсутствии в его произведении исторической достоверности. Его обвиняли в том, что он шаржировал образ изображенного в картине священника и в то же время обнаружил себя сторонником «древнего благочестия», то есть старообрядчества, которое современная Сурикову официальная церковь отрицала и преследовала.

Подвергалась критике композиция картины, хаотичная, по мнению рецензентов, отличавшаяся «скученностью народных масс»; художника упрекали в грубом рисунке, в пестроте колорита. Рассуждая о том, какой должна быть историческая картина, иные критики утверждали, что не следует изображать историческое событие «без всякой идеализации». Картину Сурикова рассматривали с позиций канонизированных приемов академической школы.

Среди рецензентов выставки были писатели В. М. Гаршин («Северный вестник», 1887, № 3 — «Заметки о художественных выставках») и В. Г. Короленко («Русские ведомости», 1887, 16 апреля, № 102 — «Две картины. Раз-

мышления литератора»). Оба они по достоинству оценили талант художника, чеканный рисунок созданных им живых характеров, выразительность центрального образа картины. Но вместе с тем каждый из них возражал против исторической концепции художника, против истолкования избранного им сюжета. Гаршин ставил в вину художнику пристрастное возвышение героини произведения, которая, по мысли писателя, увлекая за собой окружающую ее толпу, в действительности была «внутренним насильником», не менее жестоким, нежели официальные «угнетатели» раскольников, Морозовой и ее сторонников. Короленко, сопоставляя два центральных произведения выставки — картины Поленова и Сурикова, — рассматривал их в плане абстрактного противопоставления идеи гармонии — идее дисгармонии. Воплощение первой из них он видел в картине Поленова «Христос и грешница», выражению идеи дисгармонии, по его мнению, служила картина Сурикова. Оба писателя, рассуждая таким образом, были далеки от конкретно-исторического осознания эпохи, воссозданной Суриковым, от понимания социально-исторических корней церковного раскола в XVII в.

«Восторженным» можно было бы назвать отзыв В. В. Стасова о картине Сурикова в статье, посвященной XV Передвижной выставке (см. коммент. 125 к записям М. Волошина). Обходя молчанием произведения художника, показанные им ранее, Стасов на этот раз утверждал, что Суриков «сделал громадный шаг вперед», создал картину, которая «есть первая из всех наших картин на сюжеты из русской истории». Он отмечал мастерство художника в изображении массы народа, в характеристике Морозовой. Вместе с тем он тут же писал, что видит в картине ряд недостатков, среди которых самым существенным является отсутствие в ней «мужественных, твердых характеров». Изображая толпу, окружающую Морозову, пассивной, смиренной, Суриков, по мысли Стасова, «оставался далеко позади Перова и двух главных действующих лиц в его картине «Никита Пустосвят». «Все кротки. Возможно ли это?» — спрашивал Стасов. Он как бы корректировал образный строй произведения, настаивая на более открытом, развернутом в действии, а по существу, на более упрощенном, схематичном изображении трагической ситуации.

Можно сказать, что при появлении своей картина Сурикова — художника, опережавшего уровень исторического мышления своей эпохи, — получила справедливое признание лишь в художественной среде, непосредственно близкой автору. Картину тогда же без коле-

баний, несмотря на множество критических отзывов печати, приобрел П. М. Третьяков; этот факт сам по себе означал апробацию произведения. «Самая выдающаяся картина — это картина В. И. Сурикова «Боярыня Морозова», — писал П. П. Чистяков в марте 1887 г. В. Е. Савинскому, а вскоре затем и Третьякову: «Очень она (картина Сурикова. — С. Г.) верно и сильно выражает собою нашу матушку-Русь, и прошлую, да и теперешнюю» (П. П. Чистяков. Письма, записные книжки, воспоминания. М., 1953, с. 212, 232). «До сих пор нет у нас ничего подобного», — писал 2 июля 1887 г. Стасову М. М. Антокольский, одним из первых оценивший по достоинству творчество Сурикова (М. М. Антокольский, его жизнь, творения, письма и статьи. СПб. — М., 1905, с. 602).

²⁶ Неточность. Суриков пробыл в Сибири с мая 1889 г. до осени 1890 г.

²⁷ В 1890 г. были сделаны лишь первые эскизы картины «Покорение Сибири Ермаком». Впоследствии работа над ее композицией шла одновременно с работой над этюдами. О поездках Сурикова, связанных с поисками натуры, см. письма 94, 101, 102, 107, 108, 113 и коммент. к ним.

²⁸ Работы Сурикова, посвященные Скобелеву, неизвестны.

²⁹ О поездке Сурикова в Швейцарию и о работе над этюдами для картины «Переход Суворова через Альпы» см. коммент. 2 к письму 135, письмо 136 и коммент. 1 к нему, письмо 137.

³⁰ В 1898 г., живя в Красноярске, Суриков исполнил ряд графических и живописных этюдов для картины «Переход Суворова через Альпы». Тогда, именно в Красноярске, был написан этюд для головы Суворова (ГТГ), наиболее близкий к образу полководца в самой картине. Натурой для этого этюда, по видимому, послужил Ф. Ф. Спиридонов (см. коммент. 3 к письму 103 и коммент. 143 к очерку М. Волошина).

³¹ См. коммент. 147 к очерку М. Волошина.

³² Суриковым был сделан, утерянный впоследствии, черновой набросок композиции «Убийство Павла I» (см.: Наталья Кончаловская. Цит. соч., с. 244—245).

³³ Замысел не был осуществлен. Известны лишь два эскиза композиции; один из них исполнен акварелью (ГРМ), второй исполнен карандашом и акварелью (ГТГ).

³⁴ Ошибка. Международная выставка в Риме, на которой экспонировалась картина «Степан Разин», состоялась в 1911 г.

³⁵ Будучи в Испании, Суриков посетил Барселону, Мадрид, Толедо, Севилью и Гренаду. О поездке в Испанию, завершившуюся пребыванием в Париже, см. воспоминания Н. Кончаловской, с. 271—276.

³⁶ Во время поездки Суриков создал серию акварельных этюдов, в которых запечатлел характерный типаж, природу и города Испании, сцены боя быков.

³⁷ Называя портрет кн. Полины Ивановны Щербатовой (см. коммент. 3 к письму 212) «прологом» к «Царевне», автор, очевидно, предполагает, что, в процессе создания его, Суриков, после пребывания в Испании и Франции, после обращения к образам, навеянным этим путешествием, возвратился к поискам выразительности национальных черт русских женских образов, воплощению которых он посвятил затем картину «Посещение царевой женского монастыря».

³⁸ О портрете А. Д. Езерского см. коммент. 23.

О портретах матери художника см. коммент. 35 к очерку М. Волошина.

Портрет Л. П. Подвинцевой неизвестен.

«Человек с больной рукой» — произведение, датированное 1913 г., экспонировавшееся на XI выставке Союза русских художников в 1913—1914 гг.

Портрет Софии Августовны Кропоткиной, урожд. Шаре, сестры жены художника, был исполнен акварелью в 1882 г.

Портрет Александры Ивановны Шведовой был исполнен акварелью и карандашом в 1915 г.

³⁹ Имеется в виду реформа Академии художеств, принятие нового устава Академии, утвержденного 15 октября 1893 г. Согласно этому уставу функции Академии, как школы, должно было осуществлять учрежденное при ней Высшее художественное училище. Профессорами — руководителями мастерских в этом училище стали А. И. Куинджи, И. Е. Репин, В. Е. Маковский, И. И. Шишкин и другие передвижники. В числе других московских художников предполагалось привлечь к этой деятельности и Сурикова. По этому поводу И. С. Остроухов 4 января 1894 г. писал Н. А. Ярошенко: «...могу говорить почти наверняка, из москвичей (кроме В. Д. Поленова?) никто «по собственной охоте» не шел в члены академического совета и назначений не ожидал. Да надо же наконец знать Прянишникова, Сурикова и Киселева, о которых, в частности, Вы спрашиваете, что это за люд... Суриков, по правде сказать, всегда жил, живет, да думаю и будет всегда жить лишь перед своей картиной и для нее. Я не знаю, по край-

ней мере, Сурикова за стеной его мастерской. Да он последние годы и на людях-то редко показывается. Не могу понять, каким образом станет он проявлять практически свое новое назначение, Сурикову так дорога свобода своей работы, что после «Стрельцов» ни одной вещи он никому не кажет до последнего дня, даже больше, не любит и говорить о ней, попробуйте призвать Сурикова к какой-нибудь деятельности, которая возьмет час его дня — я посмотрел бы на него!! Сурикову так дорога свобода своей работы, что, разумеется, только в Т[оварищес]ве мыслима ему для него мыслимая совместная жизнь. Положение «художественного чиновника» — не для Сурикова» (Отдел рукописей ГТГ, ф. 10, ед. хр. 702, черновик письма).

В 1907 г. Репин, оставляя преподавательскую деятельность в Академии, снова пытался привлечь к ней Сурикова, очевидно, видя в нем своего преемника по мастерской. Однако Суриков и на этот раз отказался (см. воспоминания М. Рутченко, с. 247).

⁴⁰ То есть Союз русских художников.

СЕРГЕЙ ГЛАГОЛЬ

Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Русская старина», 1917, № 2 («В. И. Суриков. Из встреч с ним и бесед»).

Сергей Глаголь — псевдоним Сергея Сергеевича Голоушева (1855—1920), выступавшего также под псевдонимами С. Сергеевич, И. Митропольский, De Sergy.

Врач по образованию, он посвятил значительную часть своей жизни деятельности в области искусства, литературной и художественной критики. В 1870-х гг., обвиненный в причастности к революционному движению, к делу «193-х», Глаголь был судим и после почти четырехлетнего тюремного заключения сослан в Архангельскую губернию под надзор полиции.

По возвращении из ссылки, он закончил медицинское образование, служил городским врачом в Москве «при Хамовнической части», но демонстративно оставил службу, отказавшись присутствовать в качестве врача при казни «политических преступников». Занимаясь поначалу только частной практикой, а затем, уже в последние годы жизни, получив должность врача в учреждениях водного транспорта, Глаголь беззаветно отдался своему увлечению искусством. Его выступления в печати по вопросам изобразительного и театрального искусства, по вопросам литературы принесли ему признание в художественных кругах. Широкую известность приобрели его мо-

нографии о Левитане, Коненкове, Нестерове, издание «Московская городская художественная галерея П. и С. М. Третьяковых», которое он создал в содружестве с И. С. Остроуховым, и др.

Глаголь выступал и как художник-пейзажист, экспонируя свои работы на выставках Московского общества любителей художеств и на Передвижных выставках. Два пейзажа его были приобретены П. М. Третьяковым. Много внимания Глаголь уделял развитию графических искусств, организовав графическую мастерскую при Строгановском училище, где он также вел курс пластической анатомии. Одним из первых он стал практически осваивать гравирование на линолеуме.

Глаголь был активным участником Общества любителей художеств, шмаровинских «сред», а затем и литературных телешевских «сред» (см. коммент. 2).

Возможно, на «средах», происходивших в доме московского любителя искусств, коллекционера Владимира Егоровича Шмаровина (1852—1924), состоялось знакомство Глаголя с Суриковым. «Суриков на «среде» — это праздник, событие — читаем мы в книге историко-графа этого объединения. — Придет неожиданно, долго в передней стряхивает снежинки, обметает веником ноги и, поправив плотную шапку волос, стриженную скобкой, пройдет в комнату. Сядет не за столом, а где-нибудь сбоку, на диване. Иногда так вечер просидит, ни слова не скажет и, попрощавшись, уйдет. Иной раз возьмет карандаш и вбдит по листу бумаги, а сам разговаривает. Бывало, что с кем-нибудь одним — Голоушев подсядет к нему и говорят. О чем — никто не слышит, а подолгу беседовали они» (Е. К и с е л е в а. «Среды» московских художников. Л., 1957, с. 127—128). Видимо, эти беседы послужили материалом для комментируемого очерка.

¹ О с т р о у х о в И. С. и Г л а г о л ь С. «Московская городская художественная галерея П. и С. М. Третьяковых». Под общей редакцией И. С. Остроухова. М., 1909.

² «Среда» — московский литературный кружок, собиравшийся по средам на квартире писателя Н. Д. Телешева; существовал с конца 1890-х гг. до 1916 г., объединял прогрессивных писателей. Участником кружка был А. М. Горький, оказавший большое влияние на направление его деятельности. Многие из членов «сред» принимали участие в издательстве «Знание», руководимом Горьким.

³ Общество преподавателей графических искусств было основано в Москве 16 декабря 1906 г. как всероссийское объединение лиц,

имеющих «право преподавать графические искусства во всякого рода учебных заведениях России» (Устав, § 5). Общество преследовало цели творческой и материальной взаимопомощи своих членов, имело периодический орган — «Известия общества преподавателей графических искусств» (1907—1917). Своими воспоминаниями о Сурикове Глаголь поделился с участниками заседания Общества, состоявшегося 16 апреля 1916 г., посвященного памяти художника.

⁴ См. воспоминания Я. Тепина.

⁵ См. коммент. к письму 114.

⁶ См. коммент. к письму 130.

О магери Сурикова см. коммент. 1 к письму 2.

⁸ Очевидно, Суриков имеет в виду своего двоюродного дядю Василия Матвеевича Сурикова и дальнего родственника Ивана Михайловича Хозяинова (см. коммент. 21 и 56 к очерку М. Волошина).

⁹ См. коммент. 3 к письму 65.

¹⁰ См. коммент. 3 к письму 42.

¹¹ Сестра художника Екатерина Ивановна, в замужестве Виноградова, жила в селе Тесь (см. коммент. 7 к письму 2).

¹² Цитата из стихотворения А. К. Толстого «Колодники», которое не было опубликовано при жизни автора, но получило распространение в виде популярной песни.

¹³ См. очерк М. Волошина (с. 177), где этот эпизод описан в иной редакции, и коммент. 53 к ним.

¹⁴ Рисунок неизвестен.

¹⁵ См. коммент. 5 к воспоминаниям Я. Тепина.

¹⁶ О поездке Сурикова из Красноярска в Петербург см. письмо 2.

¹⁷ См. коммент. 2 к письму 35.

¹⁸ См. коммент. 1 к письму 51 и коммент. 100 к очерку М. Волошина.

¹⁹ С. Глаголь приводит рассказ И. Е. Репина о работе Н. Н. Ге над картиной «Тайная вечеря» (1863, ГРМ), изложенный Репиным в очерке «Николай Николаевич Ге и наши претензии к искусству», опубликованном впервые в ежемесячных литературных приложениях к журналу «Нива» (1894, ноябрь, № 11).

²⁰ Ныне Суворовский бульвар.

²¹ Ныне Гоголевский бульвар.

²² Ныне Метростроевская улица.

²³ См. коммент. 110 к очерку М. Волошина.

²⁴ Ныне Трубецкая улица.

²⁵ Автор имеет в виду роман В. В. Крестовского (1840—1895), написанный в 1864—1867 гг.

²⁶ См. коммент. 111 к очерку М. Волошина.

²⁷ Оценка картины «Меншиков в Березове» не была столь бесспорной, как это явствует из слов С. Глаголя. В этом вопросе был гораздо ближе к истине М. В. Нестеров, когда писал, что появление картины вызвало «большое разногласие, как среди художников, так и среди общества» (см. с. 231).

Реакционная критика, исходя из своей общей отрицательной позиции по отношению к выставкам Товарищества передвижников, и на этот раз обращала свои грубо тенденциозные выпады в адрес выставки в целом, в адрес ее корифеев, следовательно, в первую очередь в адрес Сурикова.

Представители прогрессивной критики отмечали тонкую психологическую характеристику персонажей картины, успехи художника в области колорита, а также глубину содержания картины, сводя его, однако, всего лишь к личной драме Меншикова. Нередко они присоединялись к наиболее распространенному упреку в несоразмерности фигур, в непропорциональности фигуры самого Меншикова по отношению к изображенному в картине пространству.

Даже П. П. Чистяков, действительный поклонник таланта Сурикова, в данном случае воспринял нарушение определенных правил перспективы как проявление неграмотности с его стороны (см. письмо 245).

²⁸ *Мытищи*, ныне город, — расположен в 19 километрах от Москвы на пути в Троице-Сергиеву лавру (ныне г. Загорск).

²⁹ «Нищим» Глаголь называет юродивого. Об этюдах для этого персонажа картины «Боярыня Морозова» см. коммент. 121 к очерку М. Волошина.

³⁰ О восприятии картины «Боярыня Морозова» современниками при появлении ее на выставке в 1887 г. см. коммент. 25 к воспоминаниям Я. Тепина.

А. И. СУРИКОВ

Печатается по тексту, опубликованному в кн.: А. Н. Тур у н о в и М. В. К р а с н о ж е в о в а. В. И. Суриков. Москва — Иркутск, 1937.

Об авторе воспоминаний, Александре Ивановиче Сурикове, см. коммент. 1 к письму 2.

¹ См. коммент. 3 к письму 4.

² Солнечное затмение 7 августа 1887 г.

³ Так называемая Часовенная гора близ Красноярска.

⁴ Неясно, была ли Суриковым написана «картина», изображающая затмение, которую «приобрел Н. П. Пассек» (см. о нем коммент. 2 к письму 76), как пишет автор воспоминаний. В каталоге XVI Передвижной выставки 1888 г. в Петербурге были обозначены два этюда, в которых художник запечатлел тот же сюжет. Очевидно, это были произведения, не отвечавшие таланту и мастерству Сурикова. Известен черновик письма И. С. Остроухова, в котором он убеждает Сурикова не выставлять этюды (см. письмо 247 и коммент. 2 к нему). Вероятно, именно эти этюды, которые Суриков имел в виду экспонировать на выставке 1888 г., были приобретены Пассеком. Об этом рассказывала дочь художника О. В. Кончаловская: «Им были приобретены у В. И. Сурикова два этюда затмения солнца, написанные в Красноярске. Через некоторое время В. И. стало казаться, что эти этюды не отвечают его собственным строгим художественным требованиям. Он поехал в Харьков, где в это время жил Пассек и, к большому огорчению последнего, вернул ему деньги, взял этюды и уничтожил их» (А. Н. Турнов и М. В. Красноженова. Цит. соч., с. 103).

⁵ Хотунцев Геннадий Александрович — преподаватель математики и физики в красноярской гимназии; исполнял также должности секретаря губернского статистического комитета и делопроизводителя Губернского по крестьянским делам присутствия. В «Памятной книжке Енисейской губернии на 1890 г.» была помещена его статья «Полное солнечное затмение 7 августа 1887 г. в Красноярске».

⁶ Московский стационарный цирк, основанный в 1880 г. А. И. Саламонским (1843—1913), известным русским дрессировщиком лошадей.

⁷ О Л. А. Чернышеве см. коммент. к письму 109.

⁸ Любимов Николай Иванович — архивариус губернского правления в Красноярске.

⁹ См. коммент. 2 к письму 3.

И. Е. РЕПИН

Печатается по тексту, опубликованному в газете «Биржевые ведомости», 1916, 11 марта, № 15434 («В. И. Суриков»).

¹ Репин уехал за границу как пенсионер Академии художеств в мае 1873 г.

² Репин имеет в виду участие Сурикова в конкурсе на малую золотую медаль (см. коммент. 1 к письму 28).

³ «Бурлаки на Волге» — картина, исполненная Репиным в 1870—1873 гг.; «Воскрешение дочери Иаира» — картина, за которую Репин в 1871 г. получил большую золотую медаль.

⁴ Репин поселился в Москве в сентябре 1877 г.

⁵ Суриков в конце 1877 г. жил в Москве, в меблированных комнатах на Остоженке (ныне Метростроевская ул.) в доме Челищева, № 215. В 1878 г., окончив работу в храме Христа Спасителя, Суриков поселился на Плющихе в доме Ахматова, № 20, а вскоре затем — на Зубовском бульваре в доме Вагнера, примыкавшем непосредственно к бульвару. В настоящее время, в связи с реконструкцией Москвы, оба эти дома снесены.

⁶ Портрет Сурикова, созданный Репиным, находится в ГТГ.

⁷ О том, в каких условиях создавалась картина «Утро стрелецкой казни», см. коммент. 1 к письму 47.

⁸ Кочкарев — один из персонажей комедии Н. В. Гоголя «Женитьба», которого писатель характеризует, как чрезвычайно деятельного и навязчивого друга главного героя комедии — Подколесина. Репин, отмечая в себе «кочкаревские черты», имеет в виду свое отношение к Сурикову в годы их общения в Москве (1877—1882), свое участие в обсуждении картины «Утро стрелецкой казни» в процессе ее создания и свою заботу о подыскании натурщиков, которые были нужны Сурикову.

⁹ См. очерк М. Волошина, с. 183 и коммент. 98 к нему.

¹⁰ «Натурными классами» Репин называет рисовальные вечера, происходившие у него на дому. Один из таких вечеров Репин запечатлел в рисунке «В мастерской Репина. Рисовальный вечер» (ГТГ), на котором изображены Н. Д. Кузнецов, Н. К. Бодаревский, И. С. Остроухов, В. И. Суриков, Н. С. Матвеев. На рисунке имеется авторская дата: «1882 1-го февр.».

¹¹ Репин упоминает статью «Памяти проф. В. И. Сурикова», опубликованную в вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости» 7 марта 1916 г. (№ 15427). Автор статьи Б. (Н. Н. Брешко-Брешковский?) допустил в тексте ее ряд неточностей фактического характера.

¹² О поездках Сурикова за границу см. письма 56—64 и коммент. к ним, коммент. 2

к письму 135, письма 136, 137, 160, 161, коммент. к письму 162, письмо 220, а также воспоминания Я. Тепина, с. 202, 204, 205 и Н. Кончаловской, с. 271—276.

¹³ Неточность. Произведение, о котором упоминает Репин, было написано в 1884 г. в Риме и названо художником «Сцена из Римского карнавала».

¹⁴ Выставка, о которой упоминает Репин, именовалась «Последняя футуристическая выставка картин 0,10 (Ноль-десять)». Она открылась 15 декабря 1915 г. в Петрограде, в помещении художественного бюро Н. Е. Добычиной (Марсово поле, 7). Организатором ее был Пунин Иван Альбертович (1894—1956).

¹⁵ То есть Фидий.

¹⁶ Репин имеет в виду мраморную статую Аполлона Тенейского (сер. VI в. до н. э.), находящуюся в Мюнхенской глиптотеке.

¹⁷ Репин имеет в виду храм Артемиды Эфесской — памятник VI в. до н. э., остатки которого обнаружены в начале XX в. в процессе археологических раскопок на территории древнегреческого города Эфеса.

¹⁸ То есть памятники эгейского искусства, открытие которых было начато раскопками немецкого археолога Г. Шлимана в 70-х гг. XIX в.

¹⁹ В данном случае, надо полагать, Репин прибегает к определению «варварское начало» как к синониму понятия «самобытность».

М. В. НЕСТЕРОВ

Печатается по тексту кн.: М. В. Нестеров. Давние дни. Встречи и воспоминания. М., 1959.

¹ Нестеров цитирует свой некролог о Сурикове, опубликованный в газете «Русские ведомости» 8 марта 1916 г.

² Картина, за которую Нестеров в 1886 г. получил большую серебряную медаль и звание классного художника (частное собрание, Москва).

³ Мария Ивановна Нестерова, урожд. Мартыновская — первая жена М. В. Нестерова.

⁴ Венчание О. В. Суриковой и П. П. Кончаловского состоялось 10 февраля 1902 г.

⁵ Басин Петр Васильевич (1793—1877) — исторический живописец, портретист; работал в области религиозной живописи, принимал участие в росписи Исаакиевского собора в Петербурге. Преподавал в академических классах, в 1856 г. получил звание заслуженного профессора.

⁶ Марков Алексей Тарасович (1802—1878) — исторический живописец, в 1865 г. получил звание заслуженного профессора. Руководил работами по росписи храма Христа Спасителя в Москве.

⁷ См. коммент. к письму 130. Нестеров имеет в виду 1890-е гг.

⁸ Нестеров работал в 1890-х гг. в Киеве над росписью Владимирского собора.

⁹ Нестеров имеет в виду квартиру Сурикова на Долгоруковской (ныне Новослободской) улице.

¹⁰ Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — писатель и поэт, славянофил. Автор богословских сочинений, утверждал преимущественную роль религии в развитии искусства.

¹¹ Нестеров имеет в виду статью Н. В. Гоголя «Исторический живописец Иванов», написанную в 1846 г. в виде письма к известному русскому виолончелисту, музыкальному деятелю Матвею Юрьевичу Виельгорскому (1794—1866). Гоголь писал о самоотверженном и бескорыстном отношении Иванова к своему труду, который «обратился в его душевное дело». Обличая бюрократическое отношение к Иванову со стороны руководства Академии художеств, в то время как художник «ведет жизнь истинно монашескую, корпя день и ночь над своей работой», Гоголь просил Виельгорского помочь в обеспечении Иванову хотя бы «бедного и нищенского» содержания.

Статья Гоголя, опубликованная в 1847 г., подвергшаяся цензуре, все же привлекла внимание Министерства имп. двора, побудила к оказанию Иванову известной материальной помощи после того, как в марте 1846 г. Академия художеств отказалась от каких-либо ходатайств по этому поводу.

¹² См. коммент. 2 к письму 39.

¹³ «Каменный век» — монументальная роспись, исполненная В. М. Васнецовым в 1882—1885 гг. в виде фриза, украшающего зал, посвященный эпохе каменного века, в Московском Историческом музее.

¹⁴ То есть «Христос и грешница» (см. коммент. 125 к очерку М. Волошина).

¹⁵ На этой выставке М. В. Нестерова широко экспонировались произведения, написанные на религиозные сюжеты. Центральным экспонатом выставки была картина «Святая Русь» (1901—1907, ГРМ).

¹⁶ Выставка древнерусского искусства, организованная Московским археологическим институтом в 1913 г. в ознаменование 300-летия

царствования дома Романовых. Выставка имела 4 раздела: I — иконопись, II — рукописи, III — шитье и ткани, IV — золото, серебро, медь, дерево, кость XV—XVII вв.

В. П. ЗИЛОТИ

Печатается по тексту кн.: В. П. З и л о т и. В доме Третьяковых. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк, 1954.

Вера Павловна Зилоти (1866—1940), старшая дочь П. М. Третьякова, жена пианиста и дирижера Александра Ильича Зилоти (1863—1945). В. П. Зилоти состояла членом Совета Третьяковской галереи с 1913 г. В 1919 г. эмигрировала.

¹ Автор имеет в виду конец 1870-х гг.

² *Саша* — *Александра Павловна Третьякова* (1867—1959) — вторая дочь основателя галереи, жена Сергея Сергеевича Боткина (1859—1910), профессора Военно-медицинской академии, коллекционера, действительного члена Академии художеств (с 1905 г.). С 1899 по 1912 г. А. П. Боткина состояла членом Совета галереи, после Великой Октябрьской революции — членом Ученого совета галереи.

³ *Куракино* — усадьба по Ярославской (Северной) железной дороге в нескольких километрах от станции Тарасовка. Здесь Третьяковы проводили летние месяцы начиная с 1880 года.

⁴ Автор упоминает произведение И.-С. Баха «Хорошо темперированный клавир».

⁵ *Таузиг Карл* (1841—1871) — польский пианист, композитор, педагог, ученик Листа.

А. А. КУЗНЕЦОВА-ЯРИЛОВА

Печатается по тексту, опубликованному в кн.: А. Н. Т у р у н о в и М. В. К р а с н о ж е н о в а. В. И. Суриков. Москва — Иркутск, 1937.

Автор воспоминаний — родственница П. И. Кузнецова (см. о нем коммент. 3 к письму 4); была замужем за известным почвоведом А. А. Яриловым (ум. в 1948 г.), работавшим в Минусинске. В 1920-х гг. А. А. Ярилов — сотрудник Госплана СССР, позже — вице-президент Международной ассоциации почвоведов.

¹ *Рачковская Екатерина Александровна*, *рожд. Шенетковская*, — жена красноярского врача Петра Ивановича Рачковского. В 1891 г. Суриковым был написан ее портрет («Сибирская красавица»). Рачковская послужила натурой для образа боярышни в желтой шубке и белом платке в картине «Боярыня Морозова»

(см. воспоминания А. Шнейдера, с. 243). Сохранился этюд, написанный с Рачковской в 1886 г. для этой картины.

А. Я. ГОЛОВИН

Печатается по тексту кн.: Александр Яковлевич Головин. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. Л. — М., 1960.

¹ В. Д. Поленов в 1882—1894 гг. вел пейзажный класс и класс натюрморта в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества. А. Я. Головин, обучавшийся в Училище в течение 1882—1889 гг., был одним из учеников Поленова.

² *Фортуни Мариано* (1838—1874) — испанский художник; исторический живописец, ориенталист.

³ См. коммент. 122 к очерку М. Волошина.

⁴ Неясно, о какой поездке на север пишет Головин.

⁵ Над образом Петра I Суриков работал еще в 1872 г., создавая серию рисунков (см. о них коммент. 2 к письму 20).

Несомненно, что в работе над этими рисунками, а впоследствии — над картиной «Утро стрелецкой казни» художник использовал известную в то время иконографию Петра I. Однако, стремясь всегда найти возможно более конкретные черты образа, возникшего в его представлении, он и в данном случае делал натурные зарисовки и этюды (см. коммент. 100 к очерку М. Волошина).

⁶ В. Д. Поленову принадлежали пять акварелей, исполненных Суриковым в 1884 г. во время пребывания в Италии. Четыре из них были созданы в Неаполе. В пятой, исполненной в Венеции, художник запечатлел Дворец дождей с прилегающими к нему зданиями и набережную Большого канала.

⁷ Головин имеет в виду произведения, исполненные Серовым во время пребывания в Италии в 1887 г., — «Площадь св. Марка в Венеции» и «Набережная Скъявони в Венеции» (оба в ГТГ).

⁸ *Уистлер Джеймс Мак-Нейл* (1834—1903) — американский живописец и график. Работал главным образом во Франции и Англии.

⁹ *Гаррисон Томас-Александр* (1853—1930) — американский живописец и акварелист. Учился и работал преимущественно во Франции.

¹⁰ Противопоставляя Репина и Сурикова академической школе, Головин не имеет в виду какое-либо конкретное их выступление против

этой школы. Оба художника воспринимались им как выдающиеся представители реалистического искусства, творчество которых само по себе опровергало авторитет современной им Академии и служило ярким доказательством нежизнеспособности академического искусства той поры.

Точно так же, упоминая об импрессионистах, Головин далек от отождествления творческого метода русских реалистов и французских художников-импрессионистов. К этой аналогии он прибегает, имея в виду и в том и в другом случае художников, противопоставивших себя общепризнанному, современному им салонно-академическому искусству в России и во Франции.

А. Г. ПОПОВ

Печатается по тексту, опубликованному в кн.: А. Н. Турунов и М. В. Красноженова. В. И. Суриков. Москва — Иркутск, 1937.

А. Г. Попов, скульптор-самоучка, преподаватель народного училища в Красноярске. Внучка Сурикова Н. П. Кончаловская вспоминает о том, как на похоронах Сурикова «говорил сибирский художник Попов, — хорошо, по-сибирски, сурово и крепко». (Н а т а л ь я К о н ч а л о в с к а я. Цит. соч., с. 329).

¹ Ошибка. За картину «Милосердный самаритянин» Суриков в 1874 г. получил малую золотую медаль (см. коммент. 1 к письму 28).

² Речь идет о картине К. Б. Венига «Последние минуты Григория Отрепьева» (Горьковский областной художественный музей).

³ Неточность. В 1900 г. Суриков не был в Красноярске.

⁴ См. письмо 148 и коммент. к нему.

⁵ По-видимому, Евдокии (Авдотье) Петровне Кузнецовой (? — 1913), старшей дочери золотопромышленника П. И. Кузнецова.

Д. И. КАРАТАНОВ

Печатается по тексту, опубликованному в газете «Красноярский рабочий», 1948, 24 января, № 17 («Незабываемые встречи»).

Дмитрий Иннокентьевич Каратанов (1874—1952), живописец и график. Пейзажист, автор жанровых и батальных композиций, картин на революционные и исторические сюжеты, портретист. Учился в Красноярске у Сурикова и М. А. Рутченко, в Академии художеств (1892—1896) у А. И. Куинджи, в 1900-х гг. посещал студию-мастерскую М. К. Тенишевой.

На протяжении 1906—1928 гг. многократно участвовал в экспедициях по северу Красноярского края, по Туруханскому краю, по рекам и озерам Сибири. В 1920-х гг. работал в качестве художника в Красноярском краевом краеведческом музее. По рекомендации Сурикова преподавал рисование в Красноярской рисовальной школе, был ее ведущим педагогом. Участник выставки Союза русских художников (1905), краевых художественных выставок (1916—1949) в Красноярске, Новосибирске, Иркутске, всесоюзных художественных выставок в Москве (1945, 1947). В 1953 и 1959 гг. в Красноярске состоялись посмертные выставки произведений Каратанова. Произведения художника находятся в Красноярской краевой художественной галерее, в Красноярском краевом краеведческом музее, в Музее антропологии и этнографии Академии наук в Ленинграде и др. музеях.

¹ Пирожников Леонтий Федорович — муж Ольги Михайловны Каратановой. Служил доверенным в одном из красноярских магазинов. Был дружен с Суриковым.

² О М. А. Рутченко см. с. 339, его воспоминания — с. 244—247.

³ Отец Д. И. Каратанова, Иннокентий Иванович Каратанов, из мещан Красноярска, служил в резиденции П. И. Кузнецова (см. о нем коммент. 3 к письму 4) вблизи хакасского селения Аскыз, Енисейской губернии, где родился его сын Дмитрий. Хорошо зная быт местного населения, создал этнографический труд, изданный в 1890-х гг. Академией наук, за который получил почетную грамоту с присуждением звания действительного члена имп. географического общества и серебряную медаль.

С Суриковым И. И. Каратанов был хорошо знаком с молодых лет. Дома их дедов были расположены поблизости.

⁴ Неточность. Знакомство Д. И. Каратанова с Суриковым состоялось в 1889 г.

⁵ Неясно, о каком «большом эскизе» к картине «Боярыня Морозова» упоминает Каратанов. Известны следующие эскизы для картины: недатированный эскиз, исполненный акварелью (10, 1 × 18), основные контуры которого, отчетливо просматриваемые с оборотной стороны листа, подправленные рукою автора, образуют собою эскиз композиции, построенный по принципу зеркального отражения (ГРМ), эскиз, исполненный масляными красками в 1881 г. (48, 7 × 72, ГТГ), эскиз, исполненный акварелью в 1885 г. (17, 2 × 32,5, ГТГ), три недатированных эскиза, исполненные акварелью (22,5 × 45, ГРМ; 17 × 33;

21,6 × 42,6 — оба в ГТГ) и множество графических эскизов, исполненных на листах альбомов малого и среднего размеров (все в ГТГ).

Возможно, Каратанов упоминает один из двух больших этюдов с изображением Морозовой в саях. Один из них (78 × 108), датированный 1884 г., находится в Художественном музее Латвийской ССР в Риге; второй (75 × 101) — в ГТГ.

⁶ Каратанов перечисляет следующие произведения Сурикова: Автопортрет (1889), Портрет О. В. Кончаловской в детстве (1888), «Старик на огороде» (1883), «Сцена из Римского карнавала» (1884), «Апостол Павел объясняет догматы веры в присутствии царя Агриппы, сестры его Береники и проконсула Феста» (1875).

⁷ Неясно, какого итальянского художника имеет в виду автор. Возможно, он искажает его фамилию.

⁸ Инициатива организации в Красноярске художественной школы принадлежала Сурикову и городскому архитектору Красноярска Л. А. Чернышеву. Вопрос об организации школы обсуждался в октябре 1909 г. на заседании городской училищной комиссии. Торжественное открытие ее состоялось 27 января 1910 г. Преподавателями ее были Д. И. Каратанов, А. Г. Попов, Л. А. Чернышев. Школа существовала до 1919 г., а затем возобновила свою деятельность по окончании гражданской войны. Великая Отечественная война снова прервала работу школы, которая возобновилась в 1946 г.

⁹ Очевидно, Каратанов имеет в виду неосуществленный замысел Сурикова «Красноярский бунт».

А. Р. ШНЕЙДЕР

Печатается по тексту, опубликованному в кн.: А. Н. Турунов и М. В. Красноженова. В. И. Суриков. Москва—Иркутск, 1937.

Александр Робертович Шнейдер (?—1930), известный сибировед, автор ряда печатных трудов. Заведовал контрольной редакцией Сибирской советской энциклопедии. Жил долгое время в Красноярске.

¹ См. о нем коммент. 4 к письму 6.

² Юдин Геннадий Васильевич (1840—1912) — красноярский купец, откупщик. Библиофил, обладатель обширной библиотеки и собрания рукописей, содержавших материалы по истории Сибири, ее освоения, по истории городов,

а также по вопросам литературы, всеобщей истории и т. п. Свою библиотеку Юдин хранил на даче, расположенной в Таракановке, в окрестностях Красноярска, где, как вспоминает автор комментируемых воспоминаний, состоялась его первая встреча с Суриковым.

В 1907 г., после безуспешных попыток включить свою библиотеку в какое-либо книжное хранилище в России, Юдин продал ее в Америку, где она вошла как самостоятельная часть в состав Вашингтонской библиотеки конгресса, положив тем самым основание ее «Славянскому отделу».

Библиотекой Г. В. Юдина пользовался В. И. Ленин, когда, будучи сослан в Сибирь, в течение марта—апреля 1897 г. находился в Красноярске до направления к месту ссылки в с. Шушенское (см. коммент. 4 к воспоминаниям М. Рутченко).

³ По-видимому, Суриков имел в виду сестру своей жены Софью Августовну Шаре, в замужестве Кропоткину.

⁴ Имеется в виду семья красноярского жителя Александра Кирилловича Шепетковского, отставного полковника.

⁵ См. коммент. 2 к письму 106.

⁶ См. коммент. к воспоминаниям А. А. Кузнецовой-Яриловой.

⁷ См. коммент. 3 к письму 208.

М. А. РУТЧЕНКО

Печатается по тексту, опубликованному в кн.: А. Н. Турунов и М. В. Красноженова. В. И. Суриков. Москва—Иркутск, 1937.

Михаил Александрович Рутченко (1863—?), уроженец Украины. Учился в художественной школе Н. И. Мурашко (1844—1909), с 1887 г. работал в Московской типолитографии И. И. Пашкова, с 1890 г. преподавал рисование в средних учебных заведениях в Красноярске, Якутске и Иркутске, а затем на Украине — в Кременчуге и Новозыбкове. В 1907 г. получил от Академии художеств звание учителя рисования и черчения. В том же году был арестован за участие в революционном движении. С 1910 г. — снова на педагогической работе в Сибири и Чите. Принимал участие в деятельности Общества изучения Сибири и улучшения быта ее населения. В 1917 г. вернулся на Украину, где продолжал педагогическую работу.

¹ Очевидно, речь идет об одном из иллюстрированных обзоров выставок французского Салона.

² Очевидно, имеется в виду Лоранс Жан-Поль (1838—1921), французский исторический живописец. Его произведения, отличавшиеся тщательностью технической отделки, были лишены глубокого истолкования сюжетов, заимствованных главным образом из истории средневековья.

³ О Ж. А. Рошгроссе и отношении Сурикова к его работам см. письмо 56 и коммент 6. к нему, письма 57 и 61.

⁴ Крутовский Владимир Михайлович (1856—1939) — врач и общественный деятель. Служил младшим врачом красноярской больницы Приказа общественного призрения, в 1890-х гг. — помощник енисейского губернского врачебного инспектора, представитель городской думы в губернском по городским делам присутствии, организатор общества врачей в Красноярске. Одновременно с врачебной деятельностью вел большую работу в области садоводства, опубликовал около 40 статей по сибирскому садоводству. После Великой Октябрьской революции заведовал Красноярским медицинским техникумом.

В 1880—1890-х гг. принимал участие в революционном движении, за что был однажды арестован и неоднократно привлекался в административном порядке.

В. М. Крутовский — автор воспоминаний о В. И. Ленине, с которым познакомился в 1897 г. во время следования Ленина в ссылку (см.: В. Крутовский. В одном вагоне с Ильичом. — В кн.: Воспоминания медиков о В. И. Ленине. Изд. 2-е, доп. М., 1969). По рекомендации Крутовского Ленин познакомился в Красноярске с Г. В. Юдиным и получил возможность работать в его библиотеке (см. коммент. 2 к воспоминаниям А. Р. Шнейдера).

⁵ Портрет, исполненный И. Н. Крамским в 1887 г., находящийся в настоящее время в Доме-музее им. В. И. Сурикова в Красноярске.

⁶ Трактат Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» был впервые опубликован в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1897 г. (№ 5) и в 1898 г. (№ 1), а затем в том же 1898 г. в 15 томе Собрания сочинений писателя (тип. И. Н. Кушнерова и К^о). В этом трактате Толстой приводил в систему свои эстетические взгляды и мысли об искусстве, неоднократно высказывавшиеся им ранее в его художественных произведениях и критических статьях.

⁷ Творожников Иван Иванович (1848—1919) — жанрист. Учился в Академии художеств, которую закончил одновременно с Суриковым в 1875 г. Как и Суриков, по оконча-

нии Академии участвовал в росписи храма Христа Спасителя в Москве. В 1890-х гг. преподавал в натурном классе Академии художеств. Участник академических выставок.

⁸ Верецагин Василий Петрович (1835—1909) — исторический живописец, автор произведений на сюжеты, заимствованные из былин; много работал в области религиозной живописи. Учился в Академии художеств (1856—1861). Преподавал в Академии, получив в 1869 г. звание профессора исторической и портретной живописи. Участник академических выставок.

⁹ Искаженное обозначение жженой сиены (итал. — terra di Siena — сиенская земля) — природной краски бурого оттенка.

¹⁰ Суриков работал над этюдами для картины «Покорение Сибири Ермаком».

¹¹ О И. А. Матвееве см. коммент. 2 к письму 163.

¹² Автор воспоминаний ошибается. Картина Сурикова «Степан Разин» экспонировалась на XXXV Передвижной выставке, открывшейся в Москве 30 декабря 1906 г.

¹³ Небогатов Н. И. — контр-адмирал. Его эскадра участвовала в Цусимском сражении, которым завершилось поражение России в русско-японской войне 1904—1905 гг.

¹⁴ См. коммент. 39 к воспоминаниям Я. Тепина.

¹⁵ То есть во время ареста М. А. Рутченко.

К. А. ЯКОВЛЕВА-КОЗЬМИНА

Печатается по тексту, опубликованному в кн.: А. Н. Турунов и М. В. Красноженова. В. И. Суриков. Москва—Иркутск, 1937.

Калерия Александровна Яковлева, по мужу Козьмина (?—1943), преподавательница истории в женской гимназии в Иркутске. Была близка с семьей Потаниных. Автор предисловия к сборнику статей А. В. Потаниной (Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895) академик Д. Н. Анучин упоминает К. А. Яковлеву среди лиц, услугами которых пользовались издатели этого сборника.

¹ Потанина Александра Викторовна (1843—1893) — первая русская путешественница, исследовательница Центральной Азии, жена Г. Н. Потанина (см. о нем коммент. 1 к письму 115).

² Во время пребывания в Сибири в 1891 г. Суриков собирал материал для картины «Покорение Сибири Ермаком».

³ Автор имеет в виду церковный праздник успение богородицы.

С. Т. КОНЕНКОВ

Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Огонек», 1947, № 29 («Воспоминания о художнике В. И. Сурикове»).

¹ «Каменобоец» — произведение, исполненное Коненковым к окончанию Московского Училища живописи, ваяния и зодчества, удостоенное большой серебряной медали; экспонировалось на XXVII Передвижной выставке 1899 г. (ГТГ).

² Морозов Михаил Абрамович (1870—1903) — крупный московский промышленник, один из владельцев Тверской мануфактуры, по образованию — историк; коллекционер, собирал произведения французского и русского искусства. Русская часть его коллекции, в которой имелись этюды Сурикова к картинам «Боярыня Морозова», «Взятие снежного городка», «Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы», была в 1910 г., согласно завещанию Морозова, передана в Третьяковскую галерею.

³ Проект памятника В. И. Сурикову создан Коненковым в 1950 г., находится в Краснодарском краевом художественном музее им. А. В. Луначарского.

Н. А. КИСЕЛЕВ

Печатается по тексту кн.: Н. А. К и с е л е в. Среди передвижников. Воспоминания сына художника. Л., 1976 («В. И. Суриков»).

Николай Александрович Киселев (1876—1965), юрист по образованию. Получил также музыкальное образование в Петербургской консерватории; в 1890-х гг. обучался на правах вольнослушателя в пейзажном классе Академии художеств под руководством отца, А. А. Киселева, впоследствии учился в школе Общества поощрения художеств у Ф. Ф. Бухгольца и А. А. Рылова. Участник весенней выставки в Академии художеств (1918), XVI выставки Товарищества художников (1922), Выставки московских художников (1927) и др. С 1918 г. — сотрудник Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, в 1930-х гг. работал в качестве художника-графика и оформителя.

¹ Киселев Александр Александрович (1838—1911) — пейзажист. Не получив законченного художественного образования, приобрел, однако, широкое признание в 1880-х гг. как

автор произведений, проникнутых поэтическим восприятием природы. Начиная с 1875 г. Киселев активный участник Товарищества Передвижных художественных выставок. С 1897 г. — руководитель пейзажной мастерской Академии художеств. Выступал в печати как художественный критик.

² Автор имеет в виду статью Натальи Копчаловской «Гитара Сурикова», опубликованную в журнале «Огонек», 1960, № 20.

³ Михайловским музеем автор называет Русский музей, открытый для посетителей в 1898 г. в здании Михайловского дворца в Петербурге.

⁴ Картина «Переход Суворова через Альпы» была в 1899 г. приобретена царем за 25 000 р. для Русского музея (см. письмо 151). Излагая переговоры вел. кн. Владимира Александровича с Суриковым, автор ошибается, полагая, что речь шла в данном случае о картине «Переход Суворова через Альпы». В действительности вел. кн. намеревался приобрести этюд Сурикова «Голова боярыни Морозовой» 1886 г. Поскольку цена, назначенная Суриковым — 10 000 рублей, была воспринята покупателем как превышающая стоимость этюда, он остался собственностью автора и лишь в 1960 г. был приобретен Третьяковской галереей у наследников художника.

⁵ «Березовая роща» — произведение А. И. Куинджи, исполненное в 1879 г. (ГТГ). Видимо, Суриков относился критически к своеобразию технических приемов Куинджи, при помощи которых художник достигал излюбленных им световых эффектов.

Я. Д. МИНЧЕНКОВ

Печатается по тексту кн.: Я. Д. М и н ч е н к о в. Воспоминания о передвижниках. Л., 1964.

Яков Данилович Минченков (1871—1938), пейзажист, автор жанровых произведений, портретных этюдов. В 1898 г. окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где его учителями были Н. А. Касаткин и В. А. Серов. С конца 1890-х гг. по 1918 г. состоял уполномоченным Товарищества передвижников по организации выставок этого объединения в Петербурге, в Москве и провинции. С 1905 г. экспонировал свои произведения на передвижных выставках, в 1913 г. был принят в члены Товарищества. После революции жил и работал в Майкопе (1920—1922), вел педагогическую работу в Институте народного образования, заведовал художественным отделом РОСТА и худо-

жественной студией. В 1922 г. поселился в Каменке (ныне г. Каменск-Шахтинский), где продолжал преподавать рисунок и историю искусств в местных учебных заведениях, руководил художественными студиями. Одновременно, обладая разносторонними способностями, преподавал музыку, руководил любительским симфоническим оркестром, работал как скульптор. При участии Минченкова в 1921 г. в Майкопе был сооружен памятник героям революции; в 1930 г. в Каменке был установлен бюст В. И. Ленина, выполненный им в содружестве с его учениками. В книге «Воспоминания о передвижниках», написанной в 1927—1934 гг., сказалось незаурядное литературное дарование автора.

¹ О поездке Сурикова в Швейцарию и о работе там над этюдами для картины «Переход Суворова через Альпы» см. коммент. 2 к письму 135, письмо 136 и коммент. 1 к нему, письмо 137. Этюды для этой картины Суриков писал также в 1898 г. в Красноярске (см. об этом коммент. 143 к очерку М. Волошина и коммент. 30 к воспоминаниям Я. Тепина).

² В 1895 г. Суриков был избран академиком. Имеется в виду его участие в годичных заседаниях Совета Академии художеств.

³ То есть на собраниях передвижников, которые устраивались ежегодно при открытии очередной Передвижной выставки.

⁴ В собрание В. Г. Винтерфельдта в Петербурге, откуда в 1918 г. картина поступила в ГРМ.

⁵ Из числа членов Товарищества Передвижных художественных выставок Суриков вышел, очевидно, в конце 1907 г.

⁶ Суриков участвовал на выставках Союза русских художников с 1908 по 1915 г. На этих выставках он экспонировал этюды к своим большим полотнам, живописные и акварельные этюды, исполненные во время поездок в Сибирь и за границу, ряд портретов, а также картины «Посещение царевной женского монастыря» и «Благовещение».

⁷ Богданов-Бельский Николай Петрович (1868—1945) — жанрист и портретист. Речь идет о его картине «На новой квартире» («Новые хозяева»), экспонировавшейся на XLII Передвижной выставке 1913—1914 гг. (Музей Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде).

⁸ Речь идет о XII выставке Союза русских художников 1914—1915 гг.

⁹ О произведении, на котором Суриков запечатлел картину солнечного затмения, см.

письмо 247 и коммент. 1, 2 к нему, воспоминания А. Сурикова, с. 222 и коммент. 4 к ним.

ИГОРЬ ГРАБАРЬ

Печатается по тексту, опубликованному в газете «Советское искусство», 1937, 11 января, № 2 («Памятные встречи»).

¹ Гиршман Владимир Осипович (1867—1936) — московский фабрикант. Коллекционер, обладатель обширного собрания произведений русской живописи и графики, старинной мебели, предметов прикладного искусства. После Великой Октябрьской революции эмигрировал. Собранный им коллекция произведений изобразительного искусства принадлежит в настоящее время в значительной своей части Третьяковской галерее.

² Об отношении Сурикова к мастерам венецианской школы см. письма 61 и 64.

³ В собрании В. О. Гиршмана было два этюда Сурикова к картине «Покорение Сибири Ермаком» (в настоящее время в ГТГ): «Донской казак, заряжающий ружье» и «Донской казак Кузьма Запорожцев».

⁴ Голицын Владимир Михайлович (1847—1932) — московский вице-губернатор (1883—1887), а затем губернатор (1887—1891). Будучи городским головой Москвы (1897—1905), входил в состав учрежденного в 1899 г. Совета Московской городской художественной галереи им. П. и С. Третьяковых, занимал пост попечителя галереи (1899—1905).

⁵ И. Е. Цветков (см. о нем коммент. 1 к письму 195) не был попечителем Третьяковской галереи, но с 1899 по 1905 г. состоял членом ее Совета.

⁶ Ныне зал 13 в Третьяковской галерее, который был до 1929 г. тупиковым, замыкавшим перспективу четырех предшествующих залов.

⁷ Милорадович Сергей Дмитриевич (1852—1943) — исторический живописец, жанрист. Член Товарищества Передвижных художественных выставок. Грабарь упоминает его картину «Черный собор (Восстание Соловецкого монастыря против новопечатных книг 1666 г. 4 октября)», находящуюся в ГТГ.

⁸ См. письма 228, 241 и коммент. к ним.

⁹ См. коммент. 102 к очерку М. Волошина.

В. К. БЯЛИНИЦКИЙ-БИРУЛЯ

Печатается по тексту, опубликованному в кн.: «Вопросы изобразительного искусства». М., 1954 («Василий Иванович Суриков»).

¹ В. К. Бялыницкий-Бируля состоял учеником Московского Училища живописи, ваяния и зодчества на протяжении 1889—1897 гг.

² *Толстая Татьяна Львовна, в замужестве Сухотина* (1864—1950) — старшая дочь Л. Н. Толстого. Училась в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества у В. Г. Перова и Н. А. Касаткина. Пользовалась советами И. Е. Репина.

Автор мемуарных очерков, составивших книгу «Друзья и гости Ясной Поляны» (М., 1923). После Великой Октябрьской революции была хранителем Музея-усадьбы Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, в 1923—1925 гг. — директор Музея Л. Н. Толстого в Москве. С 1925 г. жила в Риме, где создала музей Л. Н. Толстого.

³ По этому поводу С. Д. Милорадович записал в своих воспоминаниях о поручении, которое было возложено на него, как на одного из преподавателей Училища: «Я поехал к Сурикову и передал Василию Ивановичу желание преподавателей иметь его руководителем мастерской в Школе. «Это, — говорит, — в котле-то кипеть, ну, скажите, хорошо ли вам. Нас таких независимых, как я, один, другой, да и обсчитался, и мы должны дорожить своей свободой» (С. Д. М и л о р а д о в и ч. Воспоминания. ЦГАЛИ, ф. 2056, ед. хр. 4).

Впоследствии, 18 января 1901 г., Совет преподавателей Училища избрал Сурикова на должность руководителя класса жанровой живописи. 19 января Н. А. Касаткин писал И. С. Остроухову: «...вчера был назначен совет... Выбран В. И. Суриков» (Отдел рукописей ГТГ, ф. 10, ед. хр. 3075). В ответ на это избрание Суриков 24 января 1901 г. ответил письмом на имя директора Училища А. Е. Львова (см. письмо 164).

В. А. Серов в своем заявлении в Совет Училища 19 января 1901 г., то есть на следующий день после выборов, выражая свое несогласие с процедурой выборов, в примечании к своему заявлению писал: «В. И. Суриков был предложен первым на предварительном совещании, но вследствие его отказа (как и на предложение Академии), и только потому, кандидатура его была снята» (Отдел рукописей ГТГ, ф. 49, ед. хр. 99).

⁴ Ныне Бобров переулочек.

⁵ Бялыницкий-Бируля был избран членом Товарищества передвижников в 1904 г., состоя до того, с 1899 г., экспонентом передвижных выставок.

⁶ *Голов Георгий Иванович* (1885—1918) — живописец, театральные декоратор. В 1905 г.

окончил Строгановское училище. Один из ближайших помощников К. А. Коровина в его декорационной работе.

⁷ Ныне ул. Горького.

⁸ Вопрос об отсутствии у Сурикова мастерской, в которой он мог бы работать над большими полотнами, видимо, беспокоил некоторых его современников еще ранее и, в частности, в годы, когда у художника возник замысел картины «Покорение Сибири Ермаком». 17 августа 1890 г. А. П. Боголюбов писал В. Д. Поленову: «...радуюсь, что общее желание наше быть приятелями и полезными нашему доброму товарищу Сурикову родилось в нас без всяких сговоров и просьб. Я уже говорил о Сурикове генералу Н. С. Петрову, чтобы тот дал помещение в одном из Московских дворцовых флигелей, — и вчера завтракал у его высочества и имел случай повторить государю — описал, кто такой Суриков, его стремление написать картину из быта Ермака, на что его высочество мне сказал, что Сурикова знает по его работам и что боярыня Морозова ему очень нравилась... Да, кроме того, я писал Н. С. Третьякову, чтобы тот предложил Сурикову свое ателье на время отъезда. Что будет, то будет, — а пока я сделал и сделаю, что могу...» (Отдел рукописей ГТГ, ф. 54, ед. хр. 1323). Возможно, ходатайство Боголюбова сыграло известную роль в получении Суриковым помещения в здании Исторического музея.

Видимо, тогда же Боголюбов стремился обусловить работу Сурикова над картиной «Покорение Сибири Ермаком» как царский заказ. «...Мне неудобно было просить о заказе, — писал он тут же Поленову, — ибо я их всегда веду через графа Воронцова, а его, как на грех, нет в городе» (там же). Заказ не был оформлен. Но картина, как известно, в 1895 г. была приобретена для Музея Александра III.

⁹ *Рябушинский Михаил Павлович* — крупный промышленник, один из руководителей банкирского дома братьев Рябушинских; коллекционер. В собрании Рябушинского был академический этюд Сурикова «Мальчик натурщик» (1874, ГТГ).

¹⁰ *Богданов* — глава табачной фирмы «Товарищество А. Н. Богданов и К^о».

¹¹ Воспоминания Н. Б. Северозой см. на с. 268—271.

¹² *Ольга Ивановна Бялыницкая-Бируля* (урожд. Суворова).

¹³ Московское Общество любителей художеств — организация, возникшая в 1860 г. с целью «содействия распространению и про-

цветанию художеств», а также оказания материальной помощи художникам. Членами общества являлись художники и любители искусства. Общество устраивало выставки, аукционы, лотерси, конкурсы с выдачей денежных премий, посылало на свои средства художников за границу. Общество существовало до 1918 г.

¹⁴ *Бахрушин Алексей Александрович* (1865—1929) — московский купец. В 1894 г. основал первый в России, крупнейший в мире театральный музей, который в 1913 г. принес в дар Петербургской Академии наук. В 1918 г. музеем было присвоено имя Бахрушина, оставшегося пожизненным директором музея.

¹⁵ *Боткин Дмитрий Петрович* (1829—1889) — один из совладельцев крупной чайной фирмы. Коллекционер, собиратель произведений иностранной и русской живописи. С 1877 по 1888 г. был председателем Московского Общества любителей художеств.

¹⁶ *Мазурины* — московские купцы, владевшие реутовской мануфактурой, обувными предприятиями и т. п.

¹⁷ О Солдатенкове см. коммент. 3 к письму 245.

¹⁸ *Пелецкий Федор Федорович* (1853—1916) — известный московский гитарист. В 1899 и в 1900 гг. Суриков исполнил два графических портрета Ф. Ф. Пелецкого. На первом из них имеется авторская надпись: «Многоуважаемому Федору Федоровичу Пелецкому. В. Суриков 1899 г.»

¹⁹ *Мартэн Дмитрий Эмильевич* (1860—1918) — пейзажист. Учился в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества в 1880-х гг., экспонент Товарищества Передвижных художественных выставок с 1900 г.

²⁰ *Кувшинникова Софья Петровна, урожд. Сафонова* (1847—1907) — пейзажистка. Участница выставок Московского Общества любителей художеств и Товарищества Передвижных художественных выставок.

²¹ *Мешков Василий Никитич* (1867—1946) — живописец и рисовальщик. Учился в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества (1882—1889) у Е. С. Сорокина, И. М. Прянишникова и В. Д. Поленова. Портретист, приобретший широкую известность как автор портретов, исполненных углем и сангиной; жанрист, работал также в области пейзажа. Руководил художественной студией в Москве. Экспонент Товарищества Передвижных художественных выставок (1891—1923), один из учредителей Московского Товарищества художников, с 1922 г. — член Ассоциации художников Революционной России.

В 1912 г. Мешков исполнил углем портрет Сурикова (ГТГ).

²² Памятник Н. В. Гоголю, установленный в 1909 г. на Гоголевском бульваре, ныне находится во дворе дома, где жил Гоголь, на Суворовском бульваре; бюст Л. Н. Толстого исполнен в 1905 г. Бронзовый экземпляр — в ГТГ; бюст писателя П. Д. Боборыкина исполнен в 1904 г. в бронзе (ГТГ).

²³ *Чирков Александр Иннокентьевич* (1876—1913) — пейзажист, экспонент Товарищества Передвижных художественных выставок (1901—1911).

²⁴ *Калмыков Иван Леонидович* (1866—?) — живописец и акварелист; пейзажист. Учился в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества в 1880-х гг. Экспонент Товарищества Передвижных художественных выставок (1904—1907), участник выставок Московского Товарищества художников.

²⁵ *Московское Товарищество художников* — выставочная организация, в которую объединились представители молодого поколения художников начала 1890-х гг. Толчком к возникновению ее послужила определившаяся к этому времени конфликтная ситуация в Товариществе передвижников в результате ряда ограничительных мер, на которых настаивали наиболее консервативные представители передвижничества по отношению к молодым экспонентам своего объединения. Московское Товарищество художников существовало вплоть до начала 1920-х гг. На протяжении этого времени на выставках Товарищества эпизодически экспонировались художники, принимавшие также участие в выставках Союза русских художников, «Мира искусства», «Голубой розы» и др.

²⁶ Письмо от 1 декабря 1875 г. (см. Е. В. Сахарова. В. Д. Поленов и Е. Д. Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964, с. 195).

Н. Б. СЕВЕРОВА

Печатается по тексту кн.: Н. Б. Северова. Интимные страницы. СПб., 1910 («Письма к друзьям»).

Наталия Борисовна Нордман-Северова (1863—1914), вторая жена И. Е. Репина, владелица «Пенат» — усадьбы, расположенной на Карельском перешейке, которая после ее смерти, по завещанию, перешла в собственность художника. В настоящее время «Пенаты» — Музей-усадьба И. Е. Репина.

Нордман-Северова — автор пьес, повестей, мемуарных записок, редактор книги «Воспоминания, статьи и письма из-за границы

И. Е. Репина». СПб., 1901. Приобрела также известность как активная сторонница вегетарианства, пропаганде которого посвятила ряд брошюр.

¹ Вечер памяти П. М. Третьякова состоялся в Обществе любителей художеств 11 декабря 1908 г. в связи с 10-летием со дня смерти основателя галерей. С воспоминаниями выступили И. Е. Репин и В. Е. Маковский. На вечере был поднят вопрос о постановке в Москве памятника П. М. Третьякову. Средства для этой цели имелось в виду собрать путем пожертвования художниками своих картин.

² Бюст В. И. Сурикова, исполненный С. И. Мамонтовым в мраморе, находится в ГТГ. Гипсовая модель его экспонировалась на третьей выставке Московского Товарищества художников в 1895 г.

НАТАЛЬЯ КОНЧАЛОВСКАЯ

Публикуется по тексту кн.: Наталья Кончаловская. Дар бесценный. Романическая быль. М., 1974 («Я помню...»).

Автор книги Наталья Петровна Кончаловская (р. 1903), внучка Сурикова, заслуженный деятель искусств, писательница, поэтесса, переводчица.

¹ Елена Васильевна — младшая дочь Сурикова. Закончила исторический факультет Высших женских курсов, преподавала историю в средних учебных заведениях. Одновременно принимала деятельное участие как режиссер и исполнитель в театральных постановках на сценах клубных театров.

² Замысел картины «Княгиня Ольга встречает тело Игоря» возник у художника в 1909 г. во время поездки в Сибирь. Тогда же, живя близ озера Шира, он сделал несколько этюдов для картины. К работе над замыслом Суриков возвратился после окончания картины «Посещение царевной женского монастыря». В 1914—1915 гг. было исполнено несколько графических и акварельных эскизов.

³ «Брак в Кане Галилейской» (1563) и «Христос в Эммаусе» (1560) Веронезе привлекли внимание Сурикова еще при первом посещении Лувра во время поездки во Францию в 1883—1884 гг. (см. об этом письма 57, 61, 64).

⁴ Суждения Сурикова о картине Тициана «Положение во гроб» (1520-е гг.), находящейся в Лувре, см. в письме 61.

⁵ Речь идет о произведении Делакура, написанном в 1827 г. на сюжет трагедии Байрона «Сарданапал», и о произведении «Алжирские

женщины», написанном в 1834 г., по возвращении из путешествия в Алжир.

⁶ Д'Англеда — испанский художник, обладатель частной художественной студии в Париже.

⁷ Неточность. Семья Кончаловского во время его путешествия с Суриковым по Испании оставалась в Кальдетас, близ Барселоны.

⁸ В тексте комментируемого очерка приводится следующая фраза из речи Цицерона: «Доколе ты будешь испытывать терпение наше, о Катилина!» Речь Цицерона была обращена к Катилине Луцию Сергию (I в. до н. э.), неоднократно претендовавшему на должность консула и в этих целях замышлявшему политический заговор.

⁹ Суждения Сурикова о портретах Тинторетто см. также в письме 64.

¹⁰ Говоря об эскизах Гоин «для ковров и гобеленов», автор имеет в виду серию картонов для шпалер королевской мануфактуры, исполненных художником на протяжении 1776—1791 гг. на сюжеты из народной жизни.

¹¹ Речь идет об известной испанской певице и танцовщице Каролине Отеро (1869—1965).

¹² Местонахождение акварели неизвестно.

¹³ В Толедо, где главным образом жил и работал Эль Греко, произведения художника сохранились в ряде церквей и капелл, в соборе, а также в Доме-музее Эль Греко.

¹⁴ «Пряхи» — произведение, исполненное Веласкесом в 1657 г. и знаменовавшее собою одну из вершин в его творчестве. П. П. Кончаловский сопоставляет это произведение с портретом папы Иннокентия X (1650), находящимся в галерее Дориа в Риме.

Г. А. ЧЕНЦОВА

Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Искусство» (1961, № 6, «Годы знакомства с В. И. Суриковым»), дополненному автором в 1975 г. для данного издания.

Галина Анатольевна Ченцова, урожд. Добринская (1892—1977), получила образование на историко-филологическом факультете Высших женских курсов в Москве. В 1930-х гг. работала в Малом театре в качестве литературного работника газеты «Малый театр», в Московском академическом Художественном театре им. А. М. Горького также в качестве сотрудницы издававшейся в этом театре газеты «Горьковец», в Доме актера при Всероссийском театральном обществе, где заведовала лекторием.

¹ Добринский Анатолий Михайлович, его жена Валентина Антониновна, урожд. Залесова, их дочь Галина Анатольевна, автор публикуемых воспоминаний, ее сестра Анастасия Анатольевна (1895—1959) и брат Арсений Анатольевич (?—1923).

² См. коммент. к письму 203.

³ Упоминаемые произведения Мережковского «Юлиан Отступник» и «Леонардо да Винчи» — 1 и 2-я части трилогии «Христос и Антихрист».

⁴ Дата посещения Суриковым Л. Н. Толстого в Ясной Поляне неизвестна. Знакомство художника с писателем состоялось вскоре после переезда Сурикова в Москву, на рубеже 1879—1880 гг.

⁵ Речь идет о постановке пьесы Андреева «Анатэма». Впечатления Сурикова от спектакля Художественного театра см. в письме 204, адресованном К. С. Станиславскому.

⁶ *Скиталец (настоящая фамилия Петров), Степан Гаврилович* (1869—1941) — писатель, поэт. Был близок с М. Горьким.

⁷ Произведение, созданное в 1907 г., в котором сказались ущербные черты творчества Андреева.

⁸ *Овчинников Борис Михайлович* — известный московский адвокат; после Октябрьской революции работал некоторое время юрисконсульт Малого театра.

⁹ О Шевелеве сведений не обнаружено.

¹⁰ *Пелецкие Федор Федорович* (см. коммент. 18 к воспоминаниям В. Бялыницкого-Бирули) и *Дмитрий Федорович* (1852—1918).

¹¹ *Ченцов Николай Степанович* (1885—1965) — юрист; служил в Северном страховом обществе, а впоследствии — в Главном совете народного хозяйства, в Министерстве тяжелого машиностроения.

¹² Ныне ул. Кропоткина, д. № 13.

¹³ Цитата из второй главы «Евгения Онегина».

¹⁴ Страстной монастырь, сооруженный в XVII в., был разобран в 1937 г. в связи с реконструкцией площади Пушкина.

¹⁵ При создании образа царевны в картине «Посещение царевной женского монастыря» натурой служили А. А. Добринская и внучка художника Н. П. Кончаловская.

¹⁶ Головкина Екатерина Васильевна послужила натурой для фигуры склонившейся монашенки, крайней слева.

¹⁷ Суриков приехал в Ставрополь в июле 1910 г.

¹⁸ Некоторые из упоминаемых фотографий хранятся в Отделе рукописей ГТГ, ф. 36, ед. хр. 109.

¹⁹ Упоминаемый альбом в настоящее время неизвестен. Известны лишь отдельные листы с карикатурами и юмористическими набросками, выполненными карандашом и акварелью: «Невский проспект утром» (1874), «Невский проспект вечером» (1874), «Влюбленная старуха» (1874), «Барская прогулка» (1870-е гг.), «Отставной генерал» (1900-е гг.), «Основы самодержавия» (1900-е гг.), «Генерал» (1906).

В. А. Никольский в книге «В. И. Суриков» (М., 1923, с. 212—214) упоминает ряд юмористических рисунков и шаржей Сурикова, местонахождение которых также в настоящее время неизвестно.

²⁰ Местонахождение этих зарисовок в настоящее время неизвестно.

²¹ Очевидно, автор имеет в виду приезд Сурикова в Крым в 1913 г. *Суук-Су* — имение близ Гурзуфа.

²² То есть выставки Союза русских художников.

²³ Автор имеет в виду картину И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 года», находящуюся в ГТГ. 16 января 1913 г. некий Абрам Балашов, иконописец по профессии, во время осмотра картины, нанес три удара ножом по холсту. Удары пришлись по лицу Грозного, по лицу и правой руке царевича. Картина была тогда же реставрирована опытнейшими реставраторами той поры Д. Ф. Богословским и И. И. Васильевым.

²⁴ В сентябре 1899 г. С. И. Мамонтов был обвинен в растрате, объявлен банкротом и заключен в тюрьму.

Растрата, в которой обвинялся Мамонтов, отнюдь не была связана с какими-либо соображениями личной выгоды. Лишь в интересах дела он совершил формально незаконный перевод из капиталов Северной железной дороги на счет Невского завода. В июле 1900 г. суд оправдал обвиняемого.

Автор воспоминаний ошибается утверждая, что со времени ареста друзья Мамонтова изменили ему. В действительности, они — и в первую очередь Поленов, Серов и многие другие художники, музыканты и актеры — приняли деятельное участие в судьбе Мамонтова. Их хлопоты в свое время увенчались переводом его из тюрьмы под домашний арест. Весной 1900 г. по инициативе Поленова Мамонтову было послано коллективное письмо, авторы которого провозглашали ему «честь

и славу» за все сделанное им для русского искусства и выражали надежду на скорое возвращение его «к новой жизни, к новой деятельности». Среди множества подписей под этим письмом была и подпись Сурикова.

²⁵ О поездке Сурикова в Испанию в 1910 г. см. воспоминания Н. Кончаловской, с. 271—276.

²⁶ *Бласко Ибаньес Висенте* (1867—1928) — испанский писатель. «Кровь и песок» — произведение из цикла философско-психологических романов, которые создавались им на протяжении 1906—1909 гг., в годы, непосредственно предшествовавшие поездке Сурикова в Испанию.

²⁷ *Мордкин Михаил Михайлович* (1881—1944) — артист балета, балетмейстер, исполнитель ведущих партий в классических балетах. С 1924 г. жил в Соединенных штатах Америки, основал там балетный театр, пропагандировавший традиции русской балетной школы.

²⁸ *Петров Петр Георгиевич* — впоследствии инженер.

²⁹ Торгово-промышленное товарищество братьев А. и Я. Альшванг, имевшее отделения во многих городах России.

³⁰ *Касьянов Александр Васильевич* — сибирский промышленник, известный в московских коммерческих кругах.

³¹ «Дворец» С. А. Щербатова, о котором упоминает Г. Ченцова, — дом, построенный им на Новинском бульваре (ныне улица Чайковского, д. № 11) по проекту архитектора А. И. Таманова в стиле ампира. Во внутренней отделке дома были восстановлены некоторые интерьеры, демонстрировавшиеся на выставке 1903 г. «Современное искусство», одним из организаторов которой был С. А. Щербатов. Эта выставка имела своей задачей организовать работу художников в области художественной промышленности и прикладного искусства с тем, чтобы предметы этого искусства являли собою, как впоследствии писал в своих воспоминаниях Щербатов, «некий цельный замысел ряда художников, постепенно привлекаемых для устройства интерьеров комнат, как некоего органического и гармонического целого...» (С. Щербатов. Художник в ушедшей России. Нью-Йорк, 1955, с. 159). Авторами интерьеров, экспонированных на выставке, были К. А. Коровин, А. Н. Бенуа, Е. Е. Лансере, Л. С. Бакст, И. Э. Грабарь, С. А. Щербатов и В. В. фон-Мекк.

³² Местонахождение рисунка неизвестно.

³³ *Андреев Федор Андреевич* (1879—1952) — доктор медицины, заслуженный деятель науки, дважды лауреат Государственной премии.

³⁴ *Кончаловский Максим Петрович* (1875—1942) — врач-терапевт, профессор, заслуженный деятель науки; брат П. П. Кончаловского.

Ю. В. РАЗУМОВСКАЯ

Воспоминания написаны автором для данного издания.

Юлия Васильевна Разумовская (р. 1896), живописец и рисовальщик; портретист, пейзажист, автор жанровых произведений. Училась в Саратовской художественной школе, в студии В. Н. Мешкова в Москве, в Академии художеств у Д. Н. Кардовского, а затем у него же, в Москве, закончив в 1924 г. Высшие художественно-технические мастерские. Участник выставок «Жар-цвет» (1920-е гг.), Московских живописцев (1930-е гг.), женщин-художниц (1930-е гг.), художников Ставропольского края (1940-е гг.) и др.; персональные выставки, начиная с 1948 года, многократно состоялись в Москве, Саратове, Ставрополе и др. городах.

Ю. В. Разумовская — автор воспоминаний о Д. Н. Кардовском и других художниках.

¹ См. коммент. 1 к воспоминаниям Г. Ченцовой.

² О студии, руководимой В. Н. Мешковым, мы читаем в воспоминаниях И. Н. Павлова: «Мешковская школа пользовалась среди художников громадным успехом... Школа эта привлекала общедоступностью, демократизмом обстановки. Мешков вел преподавание с энтузиазмом, отлично ставил рисунок. Под его руководством художники получали твердые основы изобразительного искусства и выходили с серьезными профессиональными навыками. Он детально указывал ученикам на недостатки и давал ясные советы» (И. Н. Павлов. Моя жизнь и встречи. М., 1949, с. 256).

П. И. НЕРАДОВСКИЙ

Публикуется по тексту кн.: П. И. Н е р а д о в с к и й. Из жизни художника. Л., 1965. («П. П. Кончаловский и его рассказы о В. И. Сурикове»).

Петр Иванович Нерадовский (1875—1962), живописец и рисовальщик, работавший пре-

имущественно в области графического портрета; знаток искусства и музейного дела, специалист по вопросам реставрации, общественный деятель. Учился в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества у С. А. Коровина и Л. О. Пастернака, а затем в Академии художеств, которую закончил в 1903 г. по классу И. Е. Репина. В 1903—1904 гг. — один из организаторов «Нового общества художников», на выставках которого экспонировал свои произведения. С 1909 г. — хранитель, а затем заведующий художественным отделом Русского музея. В 1914 г. избран действительным членом Академии художеств. С 1917 г. — активный деятель Комиссии по охране памятников искусства, председатель комитета Общества поощрения художеств (1921—1928), член правления Третьяковской галереи (1925—1928) и совета Центральных реставрационных мастерских в Москве; с 1943 г. возглавил Загорский филиал этих мастерских, с 1950 г. — сотрудник Академии архитектуры СССР по вопросам методики реставрации художественных памятников.

¹ Речь идет об акварели «У Троицы», исполненной Суриковым в 1893 г.

² Сведения о работе А. С. Голубкиной над бюстом Сурикова не обнаружены.

³ См. коммент. к письму 72 и воспоминания М. Рутченко, с. 245.

⁴ Сведения о портрете «дамы-немки» не обнаружены.

⁵ Речь идет о двух этюдах, в которых Суриков запечатлел картину затмения 1887 г. Об этих произведениях см. воспоминания А. И. Сурикова и коммент. 4 к ним, воспоминания Я. Минченкова, с. 261.

В. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Печатается по тексту кн.: В. В. Рождественский. Записки художника. М., 1963. («Василий Иванович Суриков. 1911—1916 годы»).

Василий Васильевич Рождественский (1884—1963), пейзажист, запечатлевший в своих произведениях природу севера и юга России,

Средней Азии, Алтая и Подмосковья, природу индустриального Урала. Много работал в области натюрморта, автор живописных и графических портретов; работал также в области театральной декорации. Учился в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества в течение 1900—1910 гг. у А. Е. Архипова, К. А. Коровина, Н. А. Касаткина и В. А. Серова. Член-учредитель объединения «Бубновый валет», участник выставок «Мира искусства», Общества московских художников, Ассоциации художников революционной России, юбилейных выставок, посвященных Красной Армии, выставки «Индустрия социализма», крупнейших выставок периода Великой Отечественной войны, множества зарубежных выставок. Неоднократные персональные выставки широко демонстрировали многообразие пейзажных работ художника. С 1919 г. Рождественский вел педагогическую работу в качестве руководителя класса живописи в Государственных свободных художественных мастерских, в 1920-х гг. — был одним из создателей деревенской художественной школы при этих мастерских в бывшей Тверской губернии (ныне Калининская область).

¹ Михаил Петрович Кончаловский — см. о нем коммент. 1 к письму 188.

² Журнал «Sol y Sombra» («Солнце и тень»), который П. П. Кончаловский получал из Испании.

³ На выставке «Мир искусства» в 1911 г. в Москве экспонировались следующие произведения В. А. Серова: эскиз занавеса для балета «Шехеразада», портреты К. С. Станиславского, А. А. Стаховича, кн. Львовой.

⁴ О галерее С. И. Щукина см. коммент. 149 к очерку М. Волошина.

⁵ В гостинице «Княжий двор» (см. коммент. к письму 203).

⁶ В церкви Космы и Дамиана — ныне д. № 2 в Столешниковом (ранее Космодамианском) переулке.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ В. И. СУРИКОВА

- 1848** Родился 12/24 января в г. Красноярске в семье губернского регистратора Ивана Васильевича Сурикова.
- 1854** В августе в связи с переводом отца на другую работу семья Суриковых переезжает в село Сухой Бузим.
- 1856** 27 августа поступил в приходское училище г. Красноярска.
- 1858** Переведен в 1-й класс Красноярского уездного училища. Знакомство с художником Н. В. Гребневым — учителем рисования, сыгравшим большую роль в жизни Сурикова.
- 1859** 17 февраля смерть отца.
Весна. Семья Суриковых возвращается на жительство в Красноярск.
- 1861** 25 июня окончил курс уездного училища с похвальным листом.
- 1864** 20 июня зачислен в штат Енисейского губернского управления с причислением к 3-му разряду канцелярских служащих.
- 1866** В конце лета поездка в с. Тесь к сестре Е. И. Виноградовой. Пишет этюды в деревне.
- 1867** 10 декабря красноярский губернатор П. Н. Замятнин обратился в Совет Академии художеств с ходатайством о приеме Сурикова учеником в Академию. В Петербург с прошением посланы рисунки.
- 1868** 11 февраля Совет Академии, рассмотрев отношение красноярского губернатора, дал положительный отзыв о способностях юноши.
Обед в доме губернатора, на котором присутствовал городской голова золотопромышленник П. И. Кузнецов. Здесь решился вопрос о стипендии Сурикову для учения в Академии художеств.
20 марта смерть сестры.
11 декабря отъезд из Красноярска в Петербург для поступления в Академию художеств.
14 декабря — в Томске, 30 декабря — 26 января 1869 года — в Екатеринбурге, остановки: в Казани (3 дня), в Нижнем Новгороде (5 дней), в Москве (3 дня).
- 1869** 19 февраля приезд в Петербург.
Апрель — неудавшаяся попытка поступления в Академию.
Май — июль — занятия в школе Общества поощрения художеств (у художника Дьяконова).
28 августа принят в число вольнослушателей Академии (в головной класс).
- 1870** В августе принят в число действительных слушателей и одновременно переведен в натурный класс.

- Пишет картину «Вид памятника Петру I на Исаакиевской площади» и экспонирует ее на академической выставке.
- 1871** 23 декабря получил малую серебряную медаль за рисунок (этюд с натуры).
- 1872** Лето (июнь — июль) провел у академического товарища Шаховского в Калужской губернии, проездом осматривал Москву.
На Политехническую выставку в Москве дал рисунки «из жизни Петра I». 28 октября получил малую серебряную медаль за рисунок, премию в 25 рублей за эскиз «Посол Авгаря, князя Эдесского к Иисусу Христу».
- 1873** 3 марта получил большую серебряную медаль за живопись и награду за композицию.
9 марта получил стипендию в 120 рублей, как оказавший хорошие успехи в живописи.
26 мая получил последнюю большую серебряную медаль за рисунок.
Май — август поездка в Сибирь. Недолгая остановка в Красноярске, затем поездка на прииски П. И. Кузнецова, где делает ряд зарисовок.
С 1 ноября получает стипендию императорского двора в размере 350 рублей в год.
Получает денежные премии за композиции: «Саломея приносит голову Иоанна Крестителя своей матери Иродиаде», «Изгнание из храма торжников» и «Евангельская притча о богаче и нищем» (25, 50 и 75 рублей).
- 1874** 4 марта получил денежную премию (100 рублей) за эскиз «Пир Валтасара». 9 марта получил задание для работы на малую золотую медаль.
4 ноября получил малую золотую медаль за картину «Милосердный самаритянин».
4 ноября получил аттестат о завершении образования по научным предметам.
Помещает ряд рисунков в иллюстрированных изданиях.
Делает первую композицию на тему из русской истории «Княжий суд».
- 1875** В апреле приступает к программной работе на большую золотую медаль на тему: «Апостол Павел объясняет догматы веры в присутствии царя Агриппы, сестры его Береники и проконсула Феста».
31 октября определение Совета Академии о присуждении звания классного художника I степени.
4 ноября открылась выставка программ. Конкурировали В. И. Суриков, Н. П. Загорский, И. Н. Творожников и Н. К. Бодаревский. Никому из конкурентов большая золотая медаль присуждена не была.
- 1876** Получает заказ на роспись в храме Христа Спасителя.
- 1877** 16 марта Академией предоставлена мастерская для изготовления картонов к «Вселенским соборам».
В июне переезжает в Москву, где и остается на постоянное жительство. Знакомство с И. Е. Репиным.

- 1878** 25 января женитьба на Елизавете Августовне Шаре.
Летом заканчивает работы по росписи в храме Христа Спасителя.
20 сентября рождение старшей дочери.
Начал работать над композицией картины «Утро стрелецкой казни», задуманной ранее.
- 1879** Знакомство с Л. Н. Толстым.
Работа над картиной «Утро стрелецкой казни».
Поездка летом в имение Дерягиных в Тульской губернии.
- 1880** Январь — февраль — тяжелая болезнь (воспаление легких). Лето проводит на кумысе в Самарской губернии.
21 сентября рождение второй дочери.
Работает над картиной «Утро стрелецкой казни».
- 1881** 1 марта на IX Передвижной выставке выставляет картину «Утро стрелецкой казни». Сурикова принимают в члены Товарищества передвижников.
Лето на даче в деревне Перерва (ст. Люблино, Курской ж. д.).
Сделан первый (единственный живописный) эскиз к картине «Боярыня Морозова» и эскиз неосуществленной картины «Царевна Ксения Годунова у портрета умершего жениха».
Осенью начинает работу над картиной «Меншиков в Березове».
- 1882** Работает над картиной «Меншиков в Березове».
- 1883** 2 марта выставляет в Петербурге на XI Передвижной выставке картину «Меншиков в Березове».
Первая поездка за границу: выезд из Москвы 24 сентября 1883 г., Берлин (3 дня), Дрезден (2 дня), Кельн, Париж (с 16 октября по 24 января 1884 г.), Милан (4 дня), Флоренция (30 января — 3 февраля), Рим (5—10 февраля), Неаполь, Венеция, Вена. В мае 1884 г. вернулся в Москву.
- 1884** Написал картину «Из Римского карнавала». Делает первые этюды для «Боярыни Морозовой».
- 1885** Весна и лето на даче в Мытищах под Москвой.
- 1885—1887** Работает над картиной «Боярыня Морозова».
- 1887** 25 февраля на XV Передвижной выставке экспонирует картину «Боярыня Морозова».
Делает первый эскиз картины «Степан Разин».
Летом поездка с семьей в Красноярск, где остается до начала сентября.
- 1888** 1 февраля — 8 апреля. Болезнь и смерть жены. Тяжелая депрессия.
Пишет картину «Исцеление слепорожденного Иисусом Христом».
- 1889** В начале лета отъезд в Сибирь.

- 1890** Пишет картину «Взятие снежного городка». Задумывает «Покорение Сибири Ермаком», делает первые эскизы композиции.
Осенью возвращается в Москву.
- 1891** 9 марта на XIX Передвижной выставке выставляет картину «Взятие снежного городка». Картина была с Передвижной выставкой в Москве, Харькове, Киеве, Елисаветграде, Одессе, Кишиневе, Полтаве.
Летом поездка в Сибирь на этюды для картины «Покорение Сибири Ермаком».
- 1892** Летом поездка в Сибирь. В июне пишет этюды в Тобольске и Самарове для картины «Покорение Сибири Ермаком», потом живет на даче Кузнецовых в Минусинском округе, где пишет этюды.
- 1893** 15 февраля на XXI Передвижную выставку дает картину «Исцеление слепорожденного Иисусом Христом».
Поездка на Дон (Раздорская, Константиновская, Старочеркасск), где пишет этюды донских казаков для картины «Покорение Сибири Ермаком».
Отказ от предложения преподавать в Академии.
- 1894** Поездка в Сибирь: Красноярск, на пароходе по Енисею в Минусинский край. Пишет этюды для «Покорения Сибири Ермаком» в Красноярске, на даче в Бугачеве, в окрестностях озера Шира, поздней осенью на Иртыше.
- 1895** Смерть матери.
17 февраля на XXIII Передвижной выставке в Петербурге выставляет картину «Покорение Сибири Ермаком».
20 марта Совет Академии присуждает Сурикову звание академика.
Летом поездка в Красноярск.
Задумывает картину «Переход Суворова через Альпы».
- 1896** Летом недолгая поездка на Рижское взморье, затем живет в деревне Перерва.
Выполняет рисунки для издания «Царская и императорская охота на Руси» (текст Кутепова).
- 1897** Поездка в Швейцарию на этюды для картины «Переход Суворова через Альпы» (маршрут: Берлин, Франкфурт, Берн, Базель, Интерлакен, Мюнхен, Варшава).
На обратном пути останавливается на месяц в Киеве.
Работа над картиной «Переход Суворова через Альпы».
- 1898** Поездка в Красноярск, где пишет этюды для картины «Переход Суворова через Альпы».
Выполняет рисунки к изданиям произведений А. С. Пушкина.
- 1899** 7 марта на XXVII Передвижной выставке в Петербурге выставляет картину «Переход Суворова через Альпы».

- Летом поездка на Кавказ в Боржом на два с половиной месяца (до 23 августа).
- 1900** Третья поездка за границу: Неаполь, Венеция, Рим, Флоренция. Возобновляет работу над картиной «Степан Разин». Экспонирует в Париже на Всемирной выставке «Взятие снежного городка».
- 1901** 24 января отказался от предложения преподавать в Училище живописи, ваяния и зодчества.
Делает новый композиционный эскиз «Разина». Заинтересовывается статьей Н. Н. Оглоблина «Красноярский бунт 1695—1698 годов».
Июль — поездка на Волгу, в августе — имение «Райки» (ст. Щелково Ярославской ж. д.)
- 1902** 10 февраля старшая дочь выходит замуж за художника П. П. Кончаловского.
Поездка всей семьей в Красноярск.
Работает над эскизами к картине «Красноярский бунт».
- 1903** 4 марта Московское общество любителей художеств избрало Сурикова своим почетным членом.
Начало июня — в г. Елатье на Оке, с 15 июня поездка на Волгу на этюды для картины «Степан Разин», июль — август — имение «Райки».
- 1904** Лето проводит в Звенигороде.
Работает над картиной «Степан Разин».
- 1906** 30 декабря в Москве выставляет на XXXV Передвижной выставке картину «Степан Разин».
- 1907** Отказ от предложения преподавать в Академии.
18 июля — до начала сентября поездка в Крым, в Симеиз.
В конце года выход из Товарищества Передвижных выставок.
- 1908** Летом поездка в Крым. Пишет много крымских этюдов.
- 1909** Июнь — октябрь — поездка в Сибирь. Проводит месяц на озере Шира в Минусинском округе. Пишет много этюдов, некоторые из них послужили материалом для замысла неосуществленной картины «Княгиня Ольга встречает тело Игоря».
- 1910** Заканчивает картину «Степан Разин».
Весной поездка во Францию. Работа в Париже в студии д'Англады. Затем вместе с П. П. Кончаловским поездка по Испании (Барселона, Мадрид, Толедо, Севилья, Гренада).
Июль. Поездка в Ставрополь (на Волге).
- 1911** Посылает картину «Степан Разин» на Международную выставку в Рим. Поездка в Ростов Великий. Делает рисунок «Пугачев». В 1911—1912 гг. делает эскизы и этюды для картины «Посещение царевной женского монастыря».

-
- 1912** Поездка в Берлин для лечения.
Выставляет картину «Посещение царевной женского монастыря» на X выставке Союза русских художников.
- 1913** Поездка в Крым, в Алупку.
Пишет крымские этюды, автопортрет и портрет «Человек с больной рукой».
- 1914** Поездка в Сибирь с семьей.
Пишет картину «Благовещение». Выставляет на XII выставке Союза русских художников.
- 1915** Пишет автопортрет. Работает над композицией неосуществленной картины «Княгиня Ольга встречает тело Игоря».
Поездка в Крым. Болезнь.
- 1916** 6/19 марта в 4 часа 15 минут скончался в Москве в гостинице «Дрезден».
Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Указатели

Список иллюстраций

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- АБАЛАКОВ Андрей Капитонович 22, 26, 29, 293
АВАНЦО Иван Иосифович 84
АВВАКУМ (протопоп) 161, 185, 203, 328
АДЛЕРБЕРГ Александр Владимирович 298
АЙВАЗОВСКИЙ Иван Константинович 178
АЛЕКСАНДРОВ Николай Александрович (псевдоним «Сторонний зритель») 19, 53, 300
АЛЬШВАНГ А. и Я. 285, 347
АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА 185
АНДРЕЕВ Леонид Николаевич 131, 152, 278—280, 316, 322, 346
АНДРЕЕВ Николай Андреевич 165, 267, 316
АНДРЕЕВ Федор Андреевич 286, 347
АНДРЕЕВ Яков Дмитриевич 152, 322
АНТОКОЛЬСКИЙ Марк Матвеевич 152, 305, 315, 332
АНУЧИН Василий Иванович 15, 18, 19, 149, 322
АНУЧИН Дмитрий Николаевич 340
АРГАМАКОВ А. 296
АРХИПОВ Абрам Ефимович 262, 348
АСТАХОВА Анастасия Михайловна 38, 40
АХМАТОВ 50, 335
АЦАРКИНА Эсфирь Николаевна 326

БАБУШКИН Степан Дмитриевич 46
БАБУШКИНА Анна Дмитриевна 22, 26, 28—32, 34—37, 294
БАБУШКИНА Мария Дмитриевна 22, 26
БАЙРОН Джордж Ноэл Гордон 345
БАКСТ (РОЗЕНБЕРГ) Лев Самойлович 262, 347
БАЛАШОВ Абрам 346
БАЛТРУШАЙТИС Юргис Казимирович 318
БАЛЬЗАК Оноре де 155
БАЛЬИТА 274
БАРБЬЕРИ Джиованни Франческо — см. Гверчино
БАРТАШОВА Елизавета Петровна 88
БАРТАШОВА Марья Петровна 88
БАСИН Петр Васильевич 230, 336
БАСТЬЕН-ЛЕПАЖ Жюль 11, 55, 56, 59, 301
БАХ Иоганн Себастьян 166, 235, 274, 337
БАХРУШИН Алексей Александрович 267, 344
БЕГАС Карл 57, 301
БЕГАС Рейнгольд 301
БЕККЕР Жорж 55, 58, 301
БЕКЛЕМИШЕВ Владимир Александрович 18, 19, 139, 319
БЕЛЕЛЮБСКИЙ 107
БЕЛИНСКИЙ Виссарион Григорьевич 16, 330
БЕЛЛИНИ Джованни 303
БЕЛОУСОВА Варвара Матвеевна 142, 319
БЕЛЯЕВ 127, 315
БЕНУА Александр Николаевич 164, 262, 320, 347
БЕНУА Альберт Николаевич 18, 85, 307
БЕТХОВЕН Людвиг ван 165, 166, 253, 262, 280
БЛАРАМБЕРГ Павел Иванович 277
БЛАСКО Ибаньес Висенте 284, 347
БЛЕАС 241, 339
БЛОК Александр Александрович 280
БОБОРЫКИН Петр Дмитриевич 268, 344
БОБРИЩЕВ-ПУШКИН Николай Сергеевич 175, 324
БОБРИЩЕВ-ПУШКИН Павел Сергеевич 324
БОГАТОВ Николай Алексеевич 56, 301, 327
БОГДАНОВ А. Н. 266, 343
БОГДАНОВ-БЕЛЬСКИЙ Николай Петрович 261, 342
БОГОЛЮБОВ Алексей Петрович 187, 328, 343
БОГОСЛОВСКИЙ Дмитрий Федорович 346
БОДАРЕВСКИЙ Николай Корнильевич 298, 330, 335, 350
БОРИСОВ-МУСАТОВ Виктор Эльпидифорович 262
БОРОВИКОВСКИЙ Владимир Лукич 178, 325
БОТКИН Дмитрий Петрович 267, 344
БОТКИН Михаил Петрович 18, 19, 58, 301
БОТКИН Сергей Сергеевич 337
БОТКИНА (ТРЕТЬЯКОВА) Александра Павловна 166, 234, 300, 337
БРАМАНТЕ Донато 303
БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ Николай Николаевич (псевдоним «Б») 226, 335
БРОЗИК Венцель 55, 56, 61, 301
БРОННИКОВ Федор Андреевич 295
БРУНИ Федор Антонович 134, 180, 230, 317
БРЮЛЛОВ Александр Павлович 199, 330

- БРЮЛЛОВ Карл Павлович 139, 178, 180, 191, 196, 227, 326, 330
 БРЮСОВ Валерий Яковлевич 280
 БУРДИН Дмитрий 177, 195, 211, 325
 БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ Михаил Васильевич 175, 324
 БУХГОЛЬЦ Федор Федорович 341
 БЫЧКОВ Вячеслав Павлович 18, 19, 139, 140, 319
 БЯЛЫНИЦКАЯ-БИРУЛЯ Ольга Ивановна 267, 343
 БЯЛЫНИЦКИЙ-БИРУЛЯ Витольд Каэтанович 155, 157, 165, 264, 312, 314, 342, 343, 346
- ВАГНЕР В. И. 54, 56, 300, 335
 БАЙСОН Поль 11, 56, 60, 301
 ВАН ДЕЙК Антонис 63, 302, 303
 ВАНЬКОВЫ 91
 ВАСИЛЕВСКИЙ Ипполит Федорович (псевдоним «Буква») 313
 ВАСИЛЬЕВ И. И. 346
 ВАСНЕЦОВ Аполлинарий Михайлович 147, 262
 ВАСНЕЦОВ Виктор Михайлович 77, 146, 147, 162, 232—234, 284, 306, 319—321, 336
 ВЕВЕЛОВИЧ Евгения Ивановна 43, 297
 ВЕВЕЛОВИЧ Ольга Ивановна 43, 297
 ВЕЛАСКЕС Диего (Родригес де Сильва) 11, 63, 67, 68, 163, 276, 289, 302, 345
 ВЕНИГ Карл Богданович 134, 240, 318, 338
 ВЕРДИ Джузеппе 280
 ВЕРЕТНОВ 329
 ВЕРЕЩАГИН Василий Васильевич 306
 ВЕРЕЩАГИН Василий Петрович 245, 340
 ВЕРОНЕЗЕ (Кальяри) Паоло 55, 57, 61—63, 65—67, 137, 148, 265, 271, 301, 303, 345
 ВИЕЛЬГОРСКИЙ Матвей Юрьевич 336
 ВИЛЛЕВАЛЬДЕ Богдан Павлович 134, 152, 317, 322
 ВИНОГРАДОВ Сергей Арсеньевич 262
 ВИНОГРАДОВ Сергей Васильевич 22, 24—26, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 38, 50, 294
 ВИНОГРАДОВА (СУРИКОВА) Екатерина Ивановна 173, 174, 179, 197, 277, 278, 294, 324, 334, 349
 ВИНТЕРФЕЛЬДТ Василий Георгиевич 319, 342
 ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (вел. кн.) 26, 28, 35, 36, 97, 111, 112, 253, 254, 257, 295, 298, 341
- ВОЛЛОН Антуан 56, 60, 301
 ВОЛОШИН Максимилиан Александрович 155, 156, 159—163, 168, 169, 294—297, 299, 304, 314, 317, 320, 323, 329—332, 334—337, 342, 348
 ВРУБЕЛЬ Михаил Александрович 7, 83, 165, 268, 289
- ГАГАРИН Григорий Григорьевич 20, 293
 ГАРРИСОН Томас-Александр 238, 337
 ГАРШИИ Всеволод Михайлович 331
 ГВАРИЕНТ Игнатий Христофорович 327
 ГВЕРЧИНО Джиованни Франческо (Барбьери) 62, 302
 ГЕ Николай Николаевич 191, 216, 334
 ГЕЛЬСТ Бартоломеус ван дер 61, 302
 ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ (вел. кн.) 111, 313
 ГИБЕРТ — см. ЖИЛЬБЕР Виктор-Габриель
 ГИРШМАН Владимир Осипович 262, 263, 342
 ГЛЕЕР 301
 ГОГОЛЕВ Михаил Яковлевич 85, 93, 118, 307, 309
 ГОГОЛЕВ Павел Яковлевич 307
 ГОГОЛЕВЫ 85, 97, 103, 113, 115—117, 120
 ГОГОЛЬ Николай Васильевич 129, 232, 268, 316, 335, 336, 344
 ГОЙЯ Франсиско Хосе де 273, 276, 345
 ГОЛАШЕВСКИЙ (ГОЛОТЕВСКИЙ) 171, 324
 ГОЛИЦЫН Владимир Михайлович 263, 342
 ГОЛОВ Георгий Иванович 265, 343
 ГОЛОВИН Александр Яковлевич 155, 162, 164, 168, 236, 337, 338
 ГОЛОВКИНА Екатерина Ивановна 281, 346
 ГОЛОУШЕВ Сергей Сергеевич (псевдоним «Сергей Глаголь») 155, 156, 159—161, 168, 206, 300, 327, 328, 333, 334
 ГОЛУБКИНА Анна Семеновна 288, 348
 ГОЛЬДШТЕЙН София Ноевна 299, 305, 327
 ГОЛЯХОВСКИЙ Петр Власьевич 15, 19, 122, 315
 ГОМЕР 56, 301
 ГОРНОСТАЕВ Иван Иванович 181, 326
 ГОРТИЩЕВ 87
 ГОРЬКИЙ Алексей Максимович 156, 333, 346
 ГОФМАН Иосиф (Юзеф) 16, 101, 311
 ГРАБАРЬ Игорь Эммануилович 12, 155, 157, 162, 164, 169, 189, 262, 319, 320, 323, 330, 342, 347
 ГРАБЬЕ 131, 317

- ГРЕБНЕВ Николай Васильевич 134, 178, 196, 212, 318, 325, 349
ГРИБОЕДОВ Александр Сергеевич 113
ГРИГОРЬЕВА Мария Наумовна 18
ГРИНГМУТ Владимир Андреевич 309
ГРО Антуан 60, 302
ГРУШЕЦКАЯ Евгения Ивановна 78, 82, 86, 306

ДАВИД Жак Луи 60, 302
ДАВЫДОВ Василий Львович 175, 324
ДАВЫДОВ Дмитрий Никанорович 22, 24, 26, 29—31, 34, 38—40, 100, 293
ДАВЫДОВА Авдотья Петровна 46
ДАВЫДОВА (ЧЕРЕПАНОВА) Александра Петровна 31, 39, 295
Д'АНГЛАДА 271, 345, 353
ДАНЬЯН-БУВЕРЕ Паскаль Адольф Жан 56, 301
ДЕГА Эдгар 14, 137
ДЕЛАКРУА Эжен 271, 345
ДЕМОСФЕН 62
ДЕРЯГИН Анатолий Николаевич 327
ДЕРЯГИН Борис Николаевич 327
ДЕРЯГИН Н. Н. (отец) 327, 351
ДЕРЯГИНА (БОДАРЕВСКАЯ) Елена Корнильева 201, 330
ДИЛЛЕТАНТ — см. Эфрос Н. Е.
ДМИТРИЕВ Семен Васильевич 18, 19, 49, 299
ДОБИНИИ Шарль Франсуа 55, 301
ДОБРИНСКАЯ Анастасия Анатольевна 277, 278, 281, 284, 346
ДОБРИНСКАЯ Валентина Антониновна 277, 346
ДОБРИНСКАЯ Галина Анатольевна — см. Ченцова Г. А.
ДОБРИНСКИЙ Анатолий Михайлович 133, 277, 317, 346
ДОБРИНСКИЙ Арсений Анатольевич 277, 282, 346
ДОБРИНСКИЕ 277, 287, 288, 317
ДОБУЖИНСКИЙ Мстислав Валерианович 262
ДОБЫЧИНА Надежда Евсеевна 336
ДОЛИНСКИЙ Сергей Матвеевич 82, 83, 85, 87, 88, 91, 92, 307
ДОМОЖИЛОВ Капитон Филиппович 50, 295
ДОМОЖИЛОВА (СУРИКОВА) Елизавета Ивановна 29, 40, 41, 50, 173, 295, 307, 324
ДОМОЖИЛОВА Татьяна Капитоновна 82, 307, 329
ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович 185, 228, 280
ДУЖНИКОВА Устинья 198, 330
ДУНКАН Айседора 283
ДУРАНДИНА Ольга Матвеевна 22, 24, 26, 30, 32, 34, 35, 37, 41, 46, 49, 52, 53, 179, 195, 223, 294, 326
ДУРНОВО Семен Иванович 170, 194, 323
ДЬЯКОНОВ (ДИАКОНОВ) Михаил Васильевич 181, 326, 349
ДЬЯЧЕНКО 99, 102, 107, 311
ДЬЯЧЕНКО Вера Прокофьевна 103, 105, 107, 108, 312
ДЯДЕНЬКА 7, 19, 20
ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ 90, 91, 118, 122, 170, 172, 182, 191, 193, 207, 231, 233, 249, 254, 323, 343
ЕФРЕМОВА М. А. 317
ЖЕНЕВ Б. 327
ЖЕРОМ Жан-Леон 60, 301, 302
ЖИЛИН Александр Дмитриевич 88, 308
ЖИЛЬБЕР Виктор-Габриель 56, 60, 301, 302
ЖУРАВЛЕВ Фирс Сергеевич 145, 320
ЗАБЕЛИН Иван Егорович 18, 19, 81, 95, 161, 195, 306
ЗАГОРСКИЙ Николай Петрович 298, 350
ЗАГОСКИН Михаил Николаевич 324
ЗАЙЦЕВ Дмитрий Дмитриевич 180, 326
ЗАКОУРЦЕВ Варсонофий Семенович 185, 328
ЗАМЯТНИН Дмитрий Павлович 34, 296
ЗАМЯТНИН Павел Николаевич 8, 20, 24, 31, 179, 199, 293, 325, 349
ЗАМЯТНИНА Екатерина Павловна 23, 294
ЗБУК Ксенофонт Абрамович 70—72, 85, 88, 90, 92, 95, 96, 186
ЗИЛОТИ Александр Ильич 337
ЗИЛОТИ (ТРЕТЬЯКОВА) Вера Павловна 157, 166, 234, 337
ЗИМИН Сергей Иванович 19, 123, 125, 280, 315
ЗЛОБИН Михаил 150
ЗЛОБИНЫ 118
ЗНАМЕНСКАЯ Антонина Александровна 86, 307
ИВАН ГРОЗНЫЙ 47, 48, 184, 189, 327
ИВАНОВ Александр Андреевич 9, 47, 66, 139, 174, 189, 232, 233, 238, 299, 324, 336

- ИВАНОВ Иван Евгеньевич 25, 26, 28, 294
ИВАНОВ Сергей Васильевич 262
ИВАЧЕВ Павел Адрианович 70, 296, 304
ИЛИОДОР (Сергей Труфанов) 193, 330
ИНОЗЕМЦЕВ 82
ИОРДАН Федор Иванович 134, 317
ИСЕЕВ Петр Федорович 28, 182, 295, 298, 326
ИЦИН 143
- КАБАНЕЛЬ Александр 60, 301, 302
КАЛИНА Леонид Васильевич 26, 32, 93, 295
КАЛИНА Мартин (Маркиан) Васильевич 26, 32, 295
КАЛМЫКОВ Иван Леонидович 268, 344
КАРАТАНОВ Дмитрий Иннокентьевич 155, 165, 168, 241, 309, 327, 338, 339
КАРАТАНОВ Иннокентий Иванович 241, 338
КАРАТАНОВА (ПИРОЖНИКОВА) Ольга Михайловна 338
КАРДОВСКИЙ Дмитрий Николаевич 347
КАРЯКИН Михаил Александрович 33, 296
КАСАТКИН Николай Алексеевич 319, 341, 343, 348
КАСЬЯНОВ Александр Васильевич 285, 347
КЕМЕНОВ Владимир Семенович 296, 297, 300, 305, 318, 322, 329
КИЗЕВЕТТЕР Александр Александрович 162
КИЛИОН 137
КИСЕЛЕВ Александр Александрович 252, 332, 341
КИСЕЛЕВ Николай Александрович 168, 252, 341
КИСЕЛЕВА Екатерина Георгиевна 333
КЛОДТ Николай Александрович 262
КЛОДТ Петр Карлович 152, 322
КНЕБЕЛЬ Иосиф Николаевич 169, 206, 323
КОВАЛЕВСКИЙ Михаил Григорьевич 81, 82, 88, 89, 93, 307
КОВАЛЕВСКИЙ Павел Осипович 111, 313
КОЖУХОВСКИЕ 118
КОЖУХОВСКИЙ Петр 21, 24, 293
КОМАРОВСКИЙ Алексей Егорович 95, 310
КОМАШКА Антон Михайлович 162
КОНДАКОВ Сергей Никодимович 311
КОНЕНКОВ Сергей Тимофеевич 155, 156, 164, 250, 333, 341
КОНЧАЛОВСКАЯ Наталия Петровна 120—127, 130, 134, 135, 137, 138, 168, 253, 271, 300, 314, 318, 327, 330, 332, 336, 338, 341, 345—347
КОНЧАЛОВСКАЯ (СУРИКОВА) Ольга Васильевна 10, 14, 18, 19, 51—53, 56, 70, 71, 75, 77—82, 85, 89—92, 94, 96, 99—101, 103, 106, 109, 111, 112, 117, 119—130, 134, 135, 137, 138, 141—143, 165, 229, 234, 251, 270, 271, 288—290, 299, 311, 318, 320, 327, 335, 336, 353
КОНЧАЛОВСКИЙ Максим Петрович 286, 347
КОНЧАЛОВСКИЙ Михаил Петрович 125—127, 130, 134, 135, 137, 138, 289, 315, 348
КОНЧАЛОВСКИЙ Петр Петрович (старший) 312
КОНЧАЛОВСКИЙ Петр Петрович (младший) 13—16, 18, 19, 119—130, 134, 135, 137, 138, 141—143, 155, 157, 165, 166, 229, 252, 271, 276, 284, 288—290, 314, 316, 318, 319, 336, 345, 347, 348, 353
КОПЫЛОВ В. И. 324
КОРБ Иоганн Георг 161, 183, 327
КОРЗУХИН Алексей Иванович 295
КОРОВИН Константин Алексеевич 156, 165, 262, 268, 284, 319, 343, 347, 348
КОРОВИН Сергей Алексеевич 264, 348
КОРОЛЕНКО Владимир Галактионович 331
КОРХ Варвара Павловна 22, 28, 293
КОРХ Иван Иванович 22, 26, 28, 171, 293, 324
КРАВЧЕНКО Николай Иванович (псевдоним «Н.К.») 313
КРАМСКОЙ Иван Николаевич 7, 139, 146, 163, 191, 232, 245, 288, 295, 298, 304, 321, 330, 340
КРАПИВИН Зиновий Иванович 322
КРАСНОЖЕНОВА Мария Васильевна 168, 293, 307, 308, 314, 316, 322, 329, 334, 335, 337—340
КРОПОТКИНА София Августовна 76—78, 89, 111, 243, 305, 332, 339
КРУТОВСКИЕ 130
КРУТОВСКИЙ Владимир Михайлович 103, 168, 244, 312, 314, 322, 340
КРЫЖАНОВСКИЙ К. 298
КРЭГ Гордон 137, 318
КУВШИННИКОВА София Петровна 267, 344
КУГЕЛЬ Александр Рафаилович (псевдоним «Квидам») 313
КУДРЯВЦЕВА Алена Николаевна 46
КУДРЯВЦЕВА Дарья Николаевна 46
КУЗНЕЦОВ Александр Петрович 26, 27, 52, 53, 128, 242, 294, 295, 300, 310, 314
КУЗНЕЦОВ И. К. 180, 326

- КУЗНЕЦОВ (КРАСНОЯРСКИЙ) Иннокентий Петрович 36, 43, 44, 49, 52, 87, 101, 294, 296
КУЗНЕЦОВ Николай Дмитриевич 147, 321, 335
КУЗНЕЦОВ Петр Иванович 8, 9, 24, 25, 27, 30—34, 36, 37, 40, 41, 44—46, 134, 180—182, 199, 212, 221, 239, 294, 296, 297, 305, 306, 314, 326, 337, 338, 349, 350
КУЗНЕЦОВА Александра Петровна 297
КУЗНЕЦОВА Александра Федоровна 33, 35, 50, 71, 72, 296
КУЗНЕЦОВА Евдокия (Авдотья) Петровна 42, 43, 50, 76, 79, 136, 241, 297, 306, 338
КУЗНЕЦОВА Екатерина Михайловна 52, 53, 300
КУЗНЕЦОВА (ПАССЕК) Елизавета Петровна 297, 305
КУЗНЕЦОВА (МАТВЕЕВА) Юлия Петровна 50, 85, 297, 307
КУЗНЕЦОВА-ЯРИЛОВА А. А. 235, 337, 339
КУЗНЕЦОВЫ 31, 45, 49, 84, 85, 92, 130, 239, 243, 308, 310, 352
КУЗЬМИН 77, 305
КУЗЯ 145, 183, 225, 320
КУИНДЖИ Архип Иванович 205, 254, 255, 295, 332, 338, 341
КУН Михаил Александрович 41, 297
КУПРИН Александр Иванович 279
КУРЫЛЕВ Александр Иванович 31, 295
КУСКОВ 82
КУСТОДИЕВ Борис Михайлович 121, 165, 284, 315
КУТЕПОВ Николай Иванович 311, 352
КУШНЕРЕВ Иван Николаевич 312, 325, 340
- ЛАВИНСКИЙ А. С. 179, 325
ЛАВРОВ Дмитрий 21—23, 26, 41, 293
ЛАЗАРЕВСКИЙ Иван Иванович 315
ЛАНГОВОЙ Алексей Петрович 165
ЛАНСЕРЕ Евгений Евгеньевич 262, 347
ЛЕБЕДЕВ И. 319
ЛЕБЕДЕВА Вера Дмитриевна 152, 322
ЛЕВИТАН Исаак Ильич 164, 304, 333
ЛЕНИН Владимир Ильич 308, 339, 340, 342
ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ 67, 303
ЛЕОПОЛЬД I 327
ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич 174, 176, 325
ЛЕСКОВ Николай Семенович 280
ЛИТОВЧЕНКО Александр Дмитриевич 295
ЛОМБАРДИНИ 276
- ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич 121, 212
ЛОПАТИН Иннокентий Александрович 325
ЛОПАТИН Сергей Матвеевич 82, 83, 93, 309
ЛОПЕЦ Педро 276
ЛОРАНС Жан-Поль 244, 301, 340
ЛОСКУТОВ Александр Владимирович 103, 104, 312
ЛОССОВСКИХ Александр Александрович 31, 295
ЛУРМ Евгений Иванович 41
ЛУРМ Ольга Михайловна 41
ЛУЧШЕВ Сергей Яковлевич 181, 285, 326
ЛЬВОВ Алексей Евгеньевич 15, 19, 116, 314, 343
ЛЮБИМОВ Николай Иванович 223, 335
- МАЗАРОВИЧ 171, 324
МАЗУРИНЫ 267, 344
МАКАРТ Ганс 63, 65, 302
МАКОВСКИЙ Владимир Егорович 111, 139, 264, 265, 295, 313, 332, 345
МАКОВСКИЙ Константин Егорович 148, 295
МАЛЯВИН Филипп Андреевич 262
МАМЕЕВ Степан Николаевич 304, 314, 324
МАМОНТОВ Александр 329
МАМОНТОВ Анатолий Иванович 312
МАМОНТОВ Савва Иванович 128, 129, 148, 231, 267, 270, 284, 309, 311, 345, 346
МАМОНТОВА (САМАРИНА) Вера Саввишна 128, 316
МАРИНА Елизавета Константиновна 78, 86, 306
МАРИНЕТТИ Филиппо Томмазо 318
МАРИЯ НИКОЛАЕВНА (вел. кн.) 28, 35, 295
МАРКОВ Алексей Тарасович 230, 336
МАРТЬЯНОВ Николай Михайлович 308
МАРТЭН Дмитрий Эмильевич 267, 344
МАРФА ВАСИЛЬЕВНА 76, 305
МАТВЕЕВ Артамон Сергеевич 195, 212, 330
МАТВЕЕВ Иннокентий Алексеевич 116, 246, 314, 340
МАТВЕЕВ Николай Сергеевич 7, 18, 55, 58, 63, 64, 300, 335
МАТВЕЕВА (ТИАН) Наталья Флоровна 19, 129, 131, 136, 137, 139, 140, 316—318
МАТВЕЕВА (КУЗНЕЦОВА) Юлия Петровна— см. Кузнецова Ю. П.
МАТОНИНЫ 50
МАТОРИН Афанасий Иванович 125, 315
МАТОРИНА Лидия Тимофеевна 307

- МАТЭ Василий Васильевич 12, 18, 73, 305, 309, 322
МАХОВ Павел Николаевич 31, 295
МАЧАКИТЕ 274
МАШКОВ Илья Иванович 135, 318
МАШКОВЦЕВ Николай Георгиевич 3
МЕЖЕНИКОВ 94
МЕЗЕНИНЫ 118
МЕЙЕРБЕР Джакомо 16
МЕЙССОНЬЕ Эрнест 61, 302
МЕКК Владимир Владимирович, фон 113, 114, 307, 313, 347
МЕЛЬНИЦКИЙ Алексей Иванович 75, 76, 245, 305
МЕНШИКОВ Александр Данилович 170, 184, 201, 202, 218, 257, 297, 327, 328, 331, 334
МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич 278, 346
МЕРТЦ Николай Федорович 310
МЕШКОВ Василий Никитич 267, 268, 287, 344, 347
МЕЩЕРИН Николай Васильевич 262
МЕЩЕРСКИЙ Арсений Иванович 85, 307
МИКЕЛАНДЖЕЛО Буонарроти 67, 68, 303
МИЛОРАДОВИЧ Сергей Дмитриевич 15, 18, 103, 263, 312, 342, 343
МИЛЬТОН Джон 174, 298
МИНЧЕНКОВ Яков Данилович 18, 19, 140, 156, 158, 164, 166, 168, 255, 319, 321, 341, 342, 348
МИХЕЕВ Василий Михайлович 168, 184, 218, 328
МНОГОГРЕШНЫЙ Василий Игнатьевич 323
МНОГОГРЕШНЫЙ Демьян Игнатьевич 171, 323
МО А. 63, 64, 303
МОНТЕНАР Фредерик 59, 302
МОНЕ Клод Оскар 14, 137
МОПАСАН Ги де 278
МОРДКИН Михаил Михайлович 284, 286, 347
МОРОЗОВ Михаил Абрамович 166, 251, 328, 341
МОРОЗОВА, боярыня 170, 185, 191, 193, 195, 201, 203, 219, 270, 328, 331, 337, 343
МОРОЗОВА Маргарита Кирилловна 166
МОШКОВСКИЙ Мориц (Мауриций) 311
МУРАШКО Николай Иванович 339
МУРИЛЬО Бартоломе Эстебан 62, 302
МУСОРГСКИЙ Модест Петрович 16, 165, 280
МЯСОЕДОВ Григорий Григорьевич 295, 309
Н. К. — см. КРАВЧЕНКО Николай Иванович
НАРТОВ 50
НАШОВОЧНИКОВ Михаил Дмитриевич 329
НЕБОГАТОВ Н. И. 246, 340
НЕВЕНГЛОВСКИЙ Октавиан Иванович 184, 202, 327
НЕВРЕВ Николай Васильевич 264
НЕКРАСОВ 120, 314
НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Владимир Иванович 167
НЕРАДОВСКИЙ Петр Иванович 288, 305, 347
НЕСТЕРОВ Михаил Васильевич 155, 156, 161, 163, 165, 168, 228, 284, 309, 323, 333, 334, 336
НЕСТЕРОВА Мария Ивановна 229, 336
НЕТЧЕР Гаспар 61, 302
НЕФФ Тимофей Андреевич 65, 134, 178, 181, 196, 303, 325
НИКОЛЬСКАЯ Мария Петровна 327
НИКОЛЬСКИЙ Виктор Александрович 9, 11, 12, 15, 18, 132, 133, 168, 303, 317, 327, 346
НИТТИС Джузеппе де 11, 55, 56, 59, 301, 302
НОРДМАН-СЕВЕРОВА Наталия Борисовна 267, 268, 343, 344
ОБОЛЕНСКАЯ Надежда Сергеевна 95, 310
ОБОЛЕНСКИЙ Леонид Егорович 308
ОВЧИННИКОВ Борис Михайлович 280, 286, 346
ОГЛОБЛИН Николай Николаевич 15, 118, 122, 314, 317, 322—324, 353
ОПЕКУШИН Александр Михайлович 187, 328
ОРЕШНИКОВ Геннадий Порфирьевич 22, 44, 293
ОСТРОУХОВ Илья Семенович 18, 19, 80, 147, 233, 262, 263, 306, 321, 332, 333, 335, 343
ОТЕРО 274
ОТЕРО Каролина 274, 275, 345
ОШАРОВЫ 118
ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (вел. кн.) 97
ПАВЛОВ Иван Николаевич 347
ПАЛИЦЫН Авраамий 48, 299
ПАРАМОНОВ Анатолий Васильевич 322
ПАССЕК Николай Помпеевич 74, 79, 80, 222, 305, 335

- ПАСТЕРНАК Леонид Осипович 348
ПАШКОВ Иосиф Иванович 339
ПЕЛЕЦКИЙ Дмитрий Федорович 280, 346
ПЕЛЕЦКИЙ Федор Федорович 267, 280, 312, 344, 346
ПЕРВУХИН Константин Константинович 262
ПЕРЕПЛЕТЧИКОВ Василий Васильевич 164, 262, 263
ПЕРОВ Василий Григорьевич 139, 228, 263, 295, 331, 343
ПЕРОВ Иван Иванович 329
ПЕРЦОВ Петр Петрович 165
ПЕСТРИКОВ 82
ПЕСТУНОВ Александр Николаевич 329
ПЕТР I 37, 102, 122, 150, 151, 170, 178, 183, 196, 201, 214, 234, 238, 296, 297, 322, 326, 327, 337
ПЕТРОВ Петр Георгиевич 285, 347
ПИЙ X 122, 315
ПИКАССО Пабло 189
ПИЛОТИ Карл Теодор, фон 301
ПИРОЖНИКОВ Леонтий Федотович 90, 92, 104, 241, 309, 338
ПИСАРЕВ Дмитрий Иванович 197, 330
ПИССАРО Камиль Жакоб 14, 137
ПОЛЕНОВ Василий Дмитриевич 18, 78, 80, 146, 157, 162, 187, 232, 233, 237, 238, 264, 268, 295, 298, 306, 309, 321, 328, 331, 332, 337, 343, 344, 346
ПОЛЕНОВА Елена Дмитриевна 157, 306, 344
ПОЛЕНОВА Наталия Васильевна 80, 157, 306
ПОЛЯКОВ 85, 107, 119, 266, 269, 311
ПОНОМАРЕВ Евгений Петрович 89, 100, 108, 111, 151, 306
ПОНОМАРЕВ Николай Петрович 78, 89, 306
ПОПОВ Архип Г. 16, 19, 110—112, 155, 239, 312, 313, 338, 339
ПОТАНИН Григорий Николаевич 95, 151, 168, 309, 322, 340
ПОТАНИНА Александра Викторовна 248, 340
ПОТЕХИНЫ 118
ПОТЫЛИН Михаил 36, 296
ПОТЫЛИЦЫНЫ 118
ПРАКСИТЕЛЬ 227
ПРАХОВ Адриан Викторович 18, 19, 77, 147, 148, 305
ПРЖЕВАЛЬСКИЙ Николай Михайлович 145, 320
ПРОСКУРЯКОВ Павел Степанович 110, 247, 312
ПРЯНИШНИКОВ Илларион Михайлович 264, 332, 344
ПРЯНИШНИКОВ П. К. 325
ПУГАЧЕВ Емельян Иванович 192, 204, 329
ПУНИ Иван Альбертович 336
ПУТИМЦЕВЫ 118
ПУШКИН Александр Сергеевич 110, 174, 188, 182, 185, 312, 330, 352
РАЗИН Степан Тимофеевич 14, 91, 127, 133, 170, 189, 192, 204, 251, 259, 309, 315
РАЗУМОВСКАЯ Юлия Васильевна 287, 347
РАЕВСКАЯ (ВЫСОЦКАЯ) Мария Михайловна 52, 300
РАСТРЕЛЛИ Бартоломео Карло 327
РАУХФУС Карл Андреевич 146, 321
РАФАЭЛЬ (Санти да Урбино) 67, 148, 178, 226, 227, 243, 303
РАЧКОВСКАЯ (ШЕПЕТКОВСКАЯ) Екатерина Александровна 236, 243, 309, 337
РАЧКОВСКИЙ Иван Матвеевич 88, 92, 308, 309
РАЧКОВСКИЙ Петр Иванович 90, 92, 243, 309, 337
РЕМБРАНДТ Харменс ван Рейн 55, 57, 63, 68, 148, 226, 301—303
РЕМЕЗОВА Мария Ксенофоновна 18, 19, 95, 96, 310
РЕНЬО Анри Виктор 57, 301
РЕПИН Илья Ефимович 7, 19, 97, 111, 132, 139, 145, 146, 152, 155—157, 162, 168, 183, 184, 188, 201, 205, 224, 232, 239, 246, 247, 264, 267—269, 278, 284, 295, 306, 309, 313, 314, 317, 319—322, 327, 329, 332—336, 337, 343—346, 348, 350
РЕРИХ Николай Константинович 322
РИБЕРА Джузеппе 68, 304
РИГЕЛЬМАН Александр Иванович 122, 161, 308
РОДЕН Рене Франсуа Огюст 284
РОДСТВЕННЫХ Павел Алексеевич 31, 295
РОДИКОВ 196, 330
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Василий Васильевич 155, 289, 348
РОШГРОСС Жорж-Антуан 55, 56, 61, 244, 301, 340
РУБЕНС Питер Пауль 11, 62, 302, 303
РУБИНШТЕЙН Автон Григорьевич 165, 280, 311
РУТЧЕНКО Лидия Аркадьевна 82, 307
РУТЧЕНКО Михаил Александрович 82, 241, 244, 305—307, 312, 333, 338—340, 348

- РЫЛОВ Аркадий Александрович 341
РЯБУШИНСКИЙ Михаил Павлович 266, 343
- САВАТЕЕВ 327
САВВАИТОВ Павел Иванович 161
САВЕЛЬЕВА Мария Семеновна 91, 93, 309
САВЕНКОВ Иван Тимофеевич 93, 239, 243, 309, 317
САВИНСКИЙ Василий Евмениевич 146, 321, 332
САВИЦКИЙ Семен Яковлевич 25, 294
САЛАМОНСКИЙ А. И. 222, 335
САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН Михаил Евграфович 330
САМОНОВ П. М. 318
САМОХВАЛОВА 310
САПУНОВ Николай Николаевич 138, 165, 318
САХАРОВА Екатерина Васильевна 157, 298, 306, 344
СВИНЬИН Василий Федорович 111, 313
СВИСТУНОВ Петр Николаевич 184, 200, 327
СЕВЕРОВА Наталия Борисовна — см. Нордман-Северова Н. Б.
СЕВЕРЯНИН 308
СЕЛИВАНОВ Николай Федорович (псевдоним «Старовер») 313
СЕМЕВСКИЙ Михаил Иванович 327
СЕМИДАЛОВ Вениамин Иванович (псевдоним «В. Енисейцев») 95, 310
СЕМИДАЛОВ Владимир Иванович 95, 310
СЕМИРАДСКИЙ Генрих Ипполитович 130, 238, 295, 298, 316
СЕН-САНС Шарль Камиль 16, 57
СЕРОВ Валентин Александрович 83, 149, 238, 262, 290, 316, 319, 321, 337, 341, 343, 346, 348
СИЗОВ Владимир Ильич 309
СИДОРОВ Михаил Константинович 296
СКИТАЛЕЦ (ПЕТРОВ) Степан Гаврилович 279, 346
СКОБЕЛЕВ Михаил Дмитриевич 137, 204, 318, 332
СКРЯБИН Александр Николаевич 166, 277
СКРЯБИНА Вера Ивановна 166
СМЕЛЯНСКИЙ Николай Васильевич 20, 25, 293
СМИРНОВ Н. А. 140, 319
СМИРНОВА 140, 319
СОКОЛОВ Анатолий Васильевич 114—116, 313
СОЛДАТЕНКОВ Козьма Терентьевич 146, 267, 320, 344
СОМОВ Константин Андреевич 262
СОРОКИН Евграф Семенович 344
СПЕРАНСКАЯ 187
СПИРИДОНОВ Федор Федорович 88, 89, 188, 308, 323, 329, 332
СТАВРОВСКИЙ Николай Александрович 104, 110, 112, 312
СТАНИСЛАВСКИЙ (АЛЕКСЕЕВ) Константин Сергеевич 19, 131, 346, 348
СТАСОВ Владимир Васильевич 15, 16, 19, 119, 149, 151, 187, 296, 306, 311, 321, 322, 328, 330—332
СТАХОВСКИЙ Владислав Карлович 28, 295
СТЕПАНОВ 127, 315
СТЕПАНОВ Александр Петрович 179, 197, 325
СТЕПАНОВ Николай Александрович 325
СТЕРЛЕГОВА Людмила Петровна 50
СТЕРЛЕГОВА Юлия Петровна 50
СТРИЖНЕВ 329
СТУДЕННИКОВ Михаил Иванович 217, 327, 328
СУВОРОВ Александр Васильевич 99, 104, 127, 188, 192, 204, 217, 218, 247, 257, 266
СУРИКОВ Александр Иванович (брат) 7, 8, 13, 15, 18, 19, 21—25, 27—36, 38—54, 57, 58, 69—110, 112—120, 125—129, 137, 138, 141—143, 172, 175, 179, 188, 221, 293, 306, 308, 312, 313, 321, 324, 329, 334, 342, 348
СУРИКОВ Александр Степанович (двоюродный брат деда) 69, 112, 116, 171, 194, 304, 313, 323—325
СУРИКОВ Василий Иванович (дед) 70, 89, 172, 194, 304, 324
СУРИКОВ Василий Матвеевич (двоюродный дядя) 172, 197, 324, 334
СУРИКОВ Василий Петрович (прапрапрадед) 194, 304
СУРИКОВ Иван Васильевич старший (отец) 49, 78, 171—176, 195, 196, 207, 223, 278, 295, 299, 304, 324, 349
СУРИКОВ Иван Васильевич младший (дядя) 174, 324
СУРИКОВ Иван Петрович (прадед) 194, 304, 314, 324
СУРИКОВ Илья (прапращур) 118, 119, 122, 152, 304, 322
СУРИКОВ Марк Васильевич (дядя) 171, 174, 197, 324
СУРИКОВ Петр Васильевич (прапрадед) 304, 324

- СУРИКОВ Петр Ильич (пращур) 118, 119, 122, 150, 152, 194, 304, 314, 322
- СУРИКОВ Петр Петрович (брат прадеда) 193, 194
- СУРИКОВ Петр Степанович (двоюродный брат деда) 304, 324
- СУРИКОВ Степан Петрович (старший сын прапрадеда) 324
- СУРИКОВА Гликерия Федоровна (жена Ивана Васильевича младшего) 324
- СУРИКОВА Екатерина Ивановна (сестра) — см. Виноградова Е. И.
- СУРИКОВА Елена Васильевна (дочь), 18, 52, 53, 56, 70, 71, 75—78, 80—85, 89, 91, 92, 94, 95, 100—104, 109, 111, 112, 117, 119—121, 124—130, 134, 135, 137—143, 229, 234, 249, 271, 300, 311, 314, 315, 345, 351
- СУРИКОВА (ШАРЕ) Елизавета Августовна (жена) 10, 51—53, 56, 58, 70, 71, 76—80, 82, 85, 99, 102, 105, 147, 187, 189, 200, 202, 203, 220, 222, 229, 234, 236, 250, 277, 299, 306, 321, 327, 328, 351
- СУРИКОВА Елизавета Ивановна (сестра) — см. Доможилова Е. И.
- СУРИКОВА Ольга Васильевна (дочь) — см. Кончаловская О. В.
- СУРИКОВА Прасковья Федоровна (мать) 18, 19, 21—25, 27—54, 57, 69—100, 102, 103, 105, 107, 108, 112, 116, 171—176, 178, 180, 182, 185, 194, 196—198, 203, 204, 207, 209, 222—224, 230, 244, 277, 278, 293, 294, 309, 310, 324, 325, 334, 352
- СУРИКОВЫ 91, 170, 171, 193, 194, 349
- СЫТИН Иван Дмитриевич 317
- ТАУЗИГ Карл 235, 337
- ТВОРОЖНИКОВ Иван Иванович 245, 298, 340, 350
- ТЕЛЕШОВ Николай Дмитриевич 333
- ТЕНИШЕВА Мария Клавдиевна 338
- ТЕПИН Яков Алексеевич 141, 155, 156, 159, 160, 168, 190, 206, 209, 305, 314, 317—319, 327, 329, 330, 334, 336, 340, 342
- ТЕРЕКОВЫ 91
- ТЕРЯЕВЫ 91
- ТИММ Василий Федорович 180, 326
- ТИНТОРЕТТО (Якопо Робусти) 11, 65, 67, 189, 190, 263, 265, 273, 303, 345
- ТИХОНРАВОВ Николай Саввич 328
- ТИЦИАН (Вечелло) Вечеллио 62, 66, 67, 149, 178, 226, 227, 263, 265, 271, 302, 303, 345
- ТОКАРЕВ Феодосий Петрович 25, 35—37, 87, 294
- ТОКАРЕВА Александра Федосовна 24, 35, 36, 87, 294, 295
- ТОЛСТАЯ Софья Андреевна 189, 329
- ТОЛСТАЯ-СУХОТИНА Татьяна Львовна 157, 264, 343
- ТОЛСТОЙ Алексей Константинович 334
- ТОЛСТОЙ Дмитрий Иванович 14, 18, 135, 136, 318
- ТОЛСТОЙ Иван Иванович 19, 97, 111, 112, 136, 151, 310, 313, 322
- ТОЛСТОЙ Лев Николаевич 149, 156, 157, 177, 182, 188—190, 225, 245, 262, 264, 265, 268, 278, 322, 325, 329, 340, 343, 344, 346, 351
- ТОН Константин Андреевич 299
- ТОРГОШИН Василий 123
- ТОРГОШИН Гаврила Федорович 30, 32, 34, 35, 41, 46, 49, 78, 295
- ТОРГОШИН Матвей Егорович 172
- ТОРГОШИН Степан Федорович 172, 183, 185, 195, 294, 295, 324
- ТОРГОШИН Федор Егорович 172, 324
- ТОРГОШИНА Евдокия Васильевна 185, 294
- ТОРГОШИНА Татьяна Степановна 22, 24—26, 30, 32, 34, 35, 37, 41, 46, 93, 97, 99, 103, 172, 294
- ТОРГОШИНЫ 118, 123, 172, 173, 194, 207
- ТОРОПЫГИН Н. И. 133, 317
- ТРЕТЬЯКОВ Николай Сергеевич 343
- ТРЕТЬЯКОВ Павел Михайлович 3, 7, 12, 16—19, 53, 55—57, 70—73, 78, 82, 86, 97, 101, 110, 140, 146, 148, 149, 156, 183, 232, 235, 263, 267, 268, 300, 301, 305, 306, 309—312, 319—321, 332, 333, 337, 345
- ТРЕТЬЯКОВ Сергей Михайлович 56, 301
- ТРЕТЬЯКОВА Вера Николаевна 57, 71, 234, 301
- ТРУБЕЦКОЙ Павел (Паоло) Петрович 165, 284
- ТУРГЕНЕВ Иван Сергеевич 322, 325
- ТУРУНОВ Анатолий Николаевич 18, 168, 293, 299, 308, 314, 316, 322, 327—329, 334, 335, 337—340
- ТУРЧАНИНОВ Петр 70, 304
- ТЮТРИУМОВЫ 35, 296
- УИСТЛЕР Джеймс Мак-Нейл 238, 337
- УРУСОВ Александр Иванович (псевдоним «А. И.») 320
- УТКИН Николай Иванович 152, 322

- ФАКТОРОВИЧ Михаил Давыдович 305, 321
ФАЛИЛЕЕВ Владимир Дмитриевич 330
ФЕДОТОВ Павел Андреевич 86, 307
ФИДИЙ 227, 336
ФИШЕР Карл Андреевич 132, 133, 317
ФЛАММАРИОН Камиль 170, 323
ФЛЕРКОВСКИЙ Федор 177, 325
ФОРТУНИ Мариано 237, 337
ФРИАН Эмиль 55, 56, 301
- ХАРИТОНЕНКО Павел Иванович 135, 138, 318
ХЕЙН А. Ф. 22, 23, 293
ХЕЛЬСТ Бартоломеус ван дер — см. Гельст
ХОЗЯИНОВ Иван Михайлович 178, 179, 197, 325, 334
ХОМЯКОВ Алексей Степанович 232, 336
ХОТУНЦЕВ Гевнадий Александрович 222, 335
- ЦВЕТКОВ Иван Евменьевич 18, 127, 131, 133, 136, 141, 144, 202, 263, 316, 331, 342
- ЧАНЧИКОВЫ 118
ЧЕБАКОВ Михаил Иосафович 26, 41—43, 295
ЧЕЛИЩЕВ 335
ЧЕНЦОВ Николай Степанович 280, 283, 285, 286, 346
ЧЕНЦОВА (ДОБРИНСКАЯ) Галина Анатольевна 157, 165, 277, 317, 345—347
ЧЕРЕПАНОВ Николай Петрович 52
ЧЕРЕПАНОВА Александра Петровна — см. Давыдова А. П.
ЧЕРЕПАНОВА Лариса Петровна 52, 53
ЧЕРКАСОВА 123, 325
ЧЕРКАСОВЫ 194
ЧЕРНОВ Петр Николаевич 178, 325
ЧЕРНЫШЕВ Леонид Александрович 91, 104, 130, 223, 224, 309, 335, 339
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Николай Гаврилович 212
ЧЕРНЯЕВ Михаил Григорьевич 48, 299
ЧЕХОВ Антон Павлович 304
ЧЕХОВ Николай Павлович 71, 304
ЧИРКОВ Александр Иннокентьевич 268, 344
ЧИСТЯКОВ Павел Петрович 7, 16, 18, 19, 59, 64, 68, 69, 83, 134, 145, 148, 181, 230, 245, 268, 298, 302, 307, 309, 320, 321, 332, 334
ЧИСТЯКОВА Вера Егоровна 146, 321
ЧУЙКО Владимир Викторович 308
- ШАЛИН Г. 20, 21, 293
ШАМШИН Петр Михайлович 134, 181, 230, 317
ШАРДЕН Жан Батист Симеон 189
ШАРЕ Елизавета Августовна — см. Сурикова Е. А.
ШАРЕ Мария Александровна 89, 184, 308, 327
ШАРЕ Михаил Августович 111, 313
ШАХОВСКОЙ Николай Павлович 37, 296, 350
ШВАРЦ Вячеслав Григорьевич 191, 305
ШВЕДОВ Кузьма Тимофеевич 327
ШВЕДОВА Александра Ивановна 332
ШЕБУЕВ Василий Кузьмич 178, 325
ШЕВЕЛЕВ 280, 346
ШЕПЕТКОВСКИЙ Александр Кириллович 243, 339
ШЕПЕТКОВСКИЙ Николай Александрович 31, 295, 309
ШЕРЛЕВ 173
ШИШКИН Иван Иванович 295, 332
ШМАРОВИН Владимир Егорович 184, 328, 333
ШМАРОВИН Николай Егорович 184, 328
ШМЕЛЕВ Павел (Поль) Семенович 29, 295
ШМЕЛЕВ Семен Егорович 295
ШНЕЙДЕР (ШЕПЕТКОВСКАЯ) Александра Александровна 243
ШНЕЙДЕР Александр Робертович 242, 309, 337, 339, 340
ШРЕЙНЦЕР Карл-Август Матвеевич 179, 180, 325
ШОПЕН Фридерик 141
ШТРУК Герман 152, 322
ШУБАЕВЫ 91
- ЩАПОВ Афанасий Прокопьевич 161, 175, 325
ЩЕГЛОВ Михаил Михайлович 168
ЩЕКOTOVA Антонина Николаевна 18
ЩЕРБАТОВ Николай Сергеевич 95, 310, 318
ЩЕРБАТОВ Сергей Александрович 286, 318, 347
ЩЕРБАТОВА Полина Ивановна 134, 205, 318, 332
ЩУКИН Сергей Иванович 189, 290, 329, 348

ЭЛЬ ГРЕКО (Теотокопули Доменико) 276, 345

ЭФРОС Абрам Маркович (псевдоним «Рос-
сий») 158

ЭФРОС Николай Ефимович (псевдонимы «Дил-
летант», «Чужой») 308, 320

ЮДИН Геннадий Васильевич 242, 339, 340

ЮШКОВЫ 118

ЯВОРСКИЙ А. Л. 309

ЯКОВЛЕВ Н. 19, 152, 322

ЯКОВЛЕВА-КОЗЬМИНА Калерия Алексан-
дровна 247, 307, 340

ЯКУЛОВ Георгий Богданович 318

ЯКУНЧИКОВ Владимир Васильевич 142,
319

ЯКУНЧИКОВА Мария Федоровна 320

ЯРИЛОВ Арсений Арсеньевич 337

ЯРОШЕНКО Николай Александрович 332

ЯХОНТОВ Евграф Зиновьевич 329

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. СУРИКОВА

- АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭТЮД С НАТУРЫ. 1871. Местонахождение неизвестно 35, 296, 350
- АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭТЮД С НАТУРЫ. 1872. Местонахождение неизвестно 38, 297, 350
- АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭТЮД С НАТУРЫ. 1873. Живопись. Местонахождение неизвестно 40, 297, 350
- АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭТЮД (НАТУРЩИК). 1873. Б. на х., ит. кар., мокрый соус. ГТГ 40, 297, 350
- АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭТЮД (МАЛЬЧИК НАТУРЩИК). 1874. Х., м. ГТГ 343
- АНГЕЛ С КАДИЛОМ И СВЕЧОЙ. Копия с репродукции с картины Т. А. Неффа. 1886. Б., сепия, тушь. Собрание семьи художника, Москва 178, 293, 325
- АНГЕЛ МОЛИТВЫ — см. АНГЕЛ С КАДИЛОМ И СВЕЧОЙ
- АПОСТОЛ ПАВЕЛ ОБЪЯСНЯЕТ ДОГМАТЫ ВЕРЫ В ПРИСУТСТВИИ ЦАРЯ АГРИППЫ, СЕСТРЫ ЕГО БЕРЕНИКИ И ПРОКОНСУЛА ФЕСТА. 1875. Х., м. ГТГ 44, 182, 200, 213, 241, 298, 339, 350
- АРЛЬ. БОЙ БЫКОВ. 1910. Б., акв., граф. кар. ГТГ 318
- БАРСКАЯ ПРОГУЛКА. 1870-е гг. Б., акв., тушь, перо. Собрание семьи художника, Москва 346
- БЕРЛИН. НАБЕРЕЖНАЯ. 1912. Б., акв. ГТГ 318
- БЛАГОВЕЩЕНИЕ. Копия с репродукции с произведения В. Л. Боровиковского. 1866. Б., акв., тушь. Красноярская краевая художественная галерея 178, 293, 325
- БЛАГОВЕЩЕНИЕ. 1914. Х., м. Собрание семьи художника, Москва 15, 142, 190, 205, 261, 283, 284, 288, 319, 354
- БОГАЧ И ЛАЗАРЬ — см. ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА О БОГАЧЕ И НИЩЕМ
- БОРЖОМ. 1899. Б., акв. ГТГ 313
- БОРЬБА ДОБРЫХ И ЗЛЫХ ДУХОВ. 1875. Б., ит. кар. ГТГ 298
- БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА**
Эскизы и этюды к картине. 1881, 1883—1887 гг.
БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА. Первый эскиз. 1881. Х., м. ГТГ 300, 331
- ЭСКИЗ К КАРТИНЕ. Б., акв., граф. кар. ГРМ 338
- ЭСКИЗ К КАРТИНЕ. Б., акв. ГРМ 338
- ЭСКИЗ К КАРТИНЕ. Б., акв., граф. кар. ГТГ 339
- ЭСКИЗ К КАРТИНЕ. Б., акв., граф. кар. ГТГ 339
- НИЩИЙ. 1883. Х., м. Национальная галерея в Праге 328
- БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА В САНЯХ. 1884. Х., м. Государственный художественный Музей Латвийской ССР, Рига 339
- НИЩИЙ, СТОЯЩИЙ НА КОЛЕНЯХ. 1884. Х., м. ГРМ 328
- ЮРОДИВЫЙ, СИДЯЩИЙ НА СНЕГУ. Х., м. Кировский областной художественный Музей им. А. М. Горького 186, 219, 328
- ПОСОХ. Х., м. ГТГ 187, 328
- РУКА СТРАННИКА С ПОСОХОМ. Х., м. ГТГ 328
- СТРАННИК. Сведений нет 124
- БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА В САНЯХ. Х., м. ГТГ 339
- ГОЛОВА БОЯРЫНИ МОРОЗОВОЙ. Х., м. ГТГ 185, 294, 328
- ГОЛОВА СМЕЮЩЕГОСЯ СВЯЩЕННИКА (ГОЛОВА СВЯЩЕННИКА). Х., м. ГТГ 185
- БОЯРЫШНЯ В ЖЕЛТОЙ ШУБКЕ И БЕЛОМ ПЛАТКЕ. 1886. Х., м. Рязанский областной художественный музей 337
- ГОЛОВА БОЯРЫНИ МОРОЗОВОЙ. 1886. Х., м. ГТГ 185, 328, 341
- БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА. Картина. 1887. Х., м. ГТГ 11, 12, 71—73, 114, 140, 146, 151, 160, 161, 166, 170, 185—187, 190, 192, 195, 200, 202, 203, 213, 215, 218—221, 229, 231, 233, 235, 237, 238, 241, 243, 248, 250, 256, 260, 263, 266, 289, 300, 304—306, 321, 328, 331, 332, 334, 338, 341, 351
- В ГОРАХ ПО Р. НЕМИРУ. 1892. Х., м. Красноярский Дом-музей В. И. Сурикова 308
- В СТОЛОВОЙ НА ПАРОХОДЕ. 1887. Б., акв. ГТГ 305
- ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА. 1891. Х., м. ГРМ 12, 82, 85, 113, 115, 127, 173, 188, 190, 192, 197, 203, 204, 220—222, 236, 246, 307, 313, 328, 329, 341, 352, 353

ВЕНЕЦИЯ. ПАЛАЦЦО ДОЖЕЙ. 1900. Б., акв., граф. кар. Собрание семьи художника, Москва 314

ВИД ПАМЯТНИКА ПЕТРУ I НА ИСААКИЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ. 1870. Х., м. Красноярская краевая художественная галерея 34—37, 181, 199, 296, 350 (Вариант того же года — ГРМ 296)

ВЛЮБЛЕННАЯ СТАРУХА. 1874. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 346

ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ

Первоначальные эскизы для росписи храма Христа Спасителя: Первый, Второй, Третий и Четвертый Вселенские соборы

ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ. 1874—1876. Х., наклеенный на карт. ГРМ 46, 47, 49, 54, 182, 200, 213, 225, 245, 285, 298, 299, 350, 351

ПЕРВЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР. Вариант эскиза. 1874—1876. Б. на карт. ГТГ 299

ЧЕТВЕРТЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР. Фреска. Музей истории религии и атеизма Академии наук СССР (б. Казанский собор). Ленинград 299

ВХОД ЦАРЕВНЫ В МОНАСТЫРЬ — см. ПОСЕЩЕНИЕ ЦАРЕВНОЙ ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

ГЕНЕРАЛ. 1906. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 283, 346

ГОЛОВА МАЛЬЧИКА. 1860-е гг. Сведений нет 293

ГОЛОВА СПАСИТЕЛЯ. 1860-е гг. Сведений нет 293

ГОРОДОК — см. ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА

ГОРОДОК БЕРУТ — см. ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА

ГРЕНАДА. АЛЬГАМБРА. 1910. Б., акв. ГТГ 318

ДАЧИ ПОД САМАРОЙ. 1880. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 299

ДЕВУШКА В СЕТКЕ — см. ПОРТРЕТ Т. К. ДОМОЖИЛОВОЙ

ДЕВУШКА, СТЕРЕГУЩАЯ РЕБЕНКА. 1860-е гг. Сведений нет 293

ДОМ СУРИКОВЫХ В КРАСНОЯРСКЕ. 1890-е гг. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 325

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА О БОГАЧЕ И НИЩЕМ. 1883. Х., м. ГРМ 297, 350

ЕРМАК — см. ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ ЕРМАКОМ

ЕРМАК, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ — см. ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ ЕРМАКОМ

ИЗГНАНИЕ ИЗ ХРАМА ТОРЖНИКОВ. 1873. Х., м. ГРМ 297, 350

ИЗГНАНИЕ ХРИСТОМ ТОРГУЮЩИХ ИЗ ХРАМА — см. ИЗГНАНИЕ ТОРЖНИКОВ ИЗ ХРАМА

Иллюстрации к историческому очерку Н. Кутепова «ЦАРСКАЯ И ИМПЕРАТОРСКАЯ ОХОТА НА РУСИ» 352

ОХОТА ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА НА МЕДВЕДЯ. 1896. Б., акв. Новосибирская областная картинная галерея 311

ЦАРСКАЯ ПОТЕХА ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА. РАССТРЕЛ ШАПОК СТОЛЬНИКА КНЯЗЯ ПРОНСКОГО, ОКОЛЬНИЧЕГО КНЯЗЯ ЛЬВОВА И КНЯЗЯ ОДОЕВСКОГО В 1634 ГОДУ. 1896. Одноцветный рисунок. ГРМ 311

БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ МАСКАРАД В 1722 ГОДУ НА УЛИЦАХ Г. МОСКВЫ С УЧАСТИЕМ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И КЕСАРЯ КН. И.Ф. РОМОДАНОВСКОГО. 1900. Б., акв., граф. кар. ГРМ 311

ИМПЕРАТРИЦА АННА ИВАНОВНА В ПЕТЕРГОФСКОМ ТЕМПЛЕ СТРЕЛЯЕТ ОЛЕНЕЙ. 1900. Б., акв., граф. кар. ГРМ 311

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ПЕСНЕ О КУПЦЕ КАЛАШНИКОВЕ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. ПАЛАЧ. 1891. Б., ит. кар., уголь. ГРМ 325

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К КНИГЕ В. М. МИХЕЕВА «ОТРОК-МУЧЕНИК». УГЛИЧСКОЕ ПРЕДАНИЕ. ОТРОК-МУЧЕНИК. 1897. Сведений нет 328

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ТРАГЕДИИ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ». ПРОЩАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА С СЫНОМ. 1898. Б., черн. кар. Собрание семьи художника, Москва 312

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «ПОЛТАВА». ... И ОН ПРОМЧАЛСЯ ПРЕД ПОЛКАМИ. 1898. Сведений нет. 312

Иллюстрации к повести А. С. Пушкина «МЕТЕЛЬ»

ЗАСТАВКА. 1898. Сведений нет 312

ОНА ВСКРИКНУЛА: «АЙ! НЕ ОН! НЕ ОН!». 1898. Сведений нет 312

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ Л. Н. ТОЛСТОГО «БОГ ПРАВДУ ВИДИТ, ДА НЕ СКОРО СКАЖЕТ». ОСТРОГ. 1882. Сведений нет 322

ИОАНН ГРОЗНЫЙ. 1897. Х., м. ГТГ 327

ИСЦЕЛЕНИЕ СЛЕПОРОЖДЕННОГО ИИСУСОМ ХРИСТОМ. 1892. Х., м. Собрание церковного археологического кабинета при Московской духовной академии 12, 88, 89, 133, 187, 203, 229, 241, 244, 308, 317, 351, 352

ИТАЛЬЯНКА В РОЗОВОМ КАПОРЕ — см. ИТАЛЬЯНСКИЙ ЭТЮД

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЭТЮД. 1884. Х., м. ГТГ 93, 241, 309

КАЗАКА ЭТЮД — см. КАЗАЧИЙ УРЯДНИК КОБЯКОВ

КАЗАЧИЙ УРЯДНИК КОБЯКОВ. 1891. Х., м. ГТГ 101, 311

КАЗАЧКА — см. ПОРТРЕТ Л. Т. МАТОРИНОЙ

КАЗНЬ СТРЕЛЬЦОВ — см. УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ

КАК УБИЛИ ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА. 1870. Сведений нет 181

КАМЕННАЯ БАБА. 1873. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 297

КЛЕОПАТРА. 1874. Б., акв. белила, граф. кар. ГТГ 182, 200, 326

КНЯГИНЯ ОЛЬГА ВСТРЕЧАЕТ ТЕЛО ИГОРЯ. Эскизы к неосуществленной картине: 1) 1915. Б., акв., граф. кар. ГРМ; 2) 1915. Б., акв., граф. и черн. кар. ГТГ 271, 345, 353, 354

КНЯЖИЙ СУД. 1874. Х., м. ГТГ 199, 350

КОЛИЗЕЙ. 1900. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 314

КРАСНОЯРСК. КАЧИНСКАЯ УЛИЦА. 1894. Б., акв. ГТГ 294

КРАСНОЯРСКИЙ БУНТ (КРАСНОЯРСК). Эскизы к неосуществленной картине: 1) 1900-е гг. Б., акв., граф. кар. ГТГ; 2) 1900-е гг. Б., акв., граф. кар. ГРМ 15, 150, 152, 204, 205, 332, 339, 353

КУРГАНЫ В МИНУСИНСКОМ ОКРУГЕ. 1860-е гг. Сведений нет 293

МАЛЬЧИК. Акварель. Сведений нет 124
МАЛЬЧИК С ЛУКОМ. 1860-е гг. Сведений нет 293

МАТУР. ПАНОРАМА РЕКИ. 1873. Б., акв., граф. кар. Собрание семьи художника, Москва. 297

МОРОЗОВА — см. БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

МЕНШИКОВ В БЕРЕЗОВЕ

Эскизы и этюды к картине. 1881—1883 гг.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ В ДЕРЕВЕНСКОЙ ИЗБЕ (В ИЗБЕ). Х., м. ГТГ 327

ЭСКИЗ. 1881. Б., граф. кар. ГТГ 331

ЭСКИЗ. 1881. Х., м. ГТГ 300, 331

ЭСКИЗ. Х., м. Собрание Л. Руслановой, Москва 331

ГОЛОВА МЕНШИКОВА В ПРОФИЛЬ. 1882. Б., акв., граф. кар. ГТГ 327

ПОРТРЕТЫ ДЕТЕЙ МЕНШИКОВА. Б., акв. ГТГ 327

МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ. 1882. Х., м. ГТГ 202, 331

СТАРШАЯ ДОЧЬ МЕНШИКОВА. 1882. Б., акв. ГТГ 202, 328

ГОЛОВА СТАРУШКИ В ОЧКАХ. Б., акв., граф. кар. ГТГ 306

СЫН МЕНШИКОВА. 1882. Б., граф. кар. ГТГ 328

ГОЛОВКА. Сведений нет 124

МЕНШИКОВ В БЕРЕЗОВЕ (МЕНШИКОВ). Картина. 1883. Х., м. ГТГ 10, 55, 57, 71, 145, 146, 151, 157, 161, 163, 170, 184, 185, 190, 192, 200, 215, 219, 221, 231—234, 237, 257, 260, 266, 300, 304, 334, 351

МЕНШИКОВ В ССЫЛКЕ — см. МЕНШИКОВ В БЕРЕЗОВЕ

МИЛОСЕРДНЫЙ САМАРИТАНИН. 1874. Х., м. Красноярская краевая художественная галерея 181, 200, 239, 240, 297, 338, 350

МИНУСИНСКАЯ СТЕПЬ. 1873. Б., акв. ГТГ 297

МИНУСИНСКИЕ ТАТАРЫ. 1873. Б., акв. Красноярский краевой краеведческий музей 297

НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ ВЕЧЕРОМ. 1874. Б. на к., акв. ГТГ 283, 346

НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ УТРОМ. 1874. Б. на к., акв. ГТГ 283, 346

НА ПАРОХОДЕ ПО ОБИ. 1895. Б., акв. Красноярский Дом-музей В. И. Сурикова 310

НЕАПОЛЬ. 1900. Б., акв. ГТГ 314
 НЕАПОЛЬ. 1900. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 314

НЕРУКОТВОРНЫЙ ОБРАЗ. 1872. Х., м. ГРМ 297

НЕРУКОТВОРНЫЙ ОБРАЗ. 1872. Б., акв., граф. и итал. кар. Собрание семьи художника, Москва 38, 297, 350

ОБЕД И БРАТСТВО ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ДОМЕ КНЯЗЯ МЕНШИКОВА С МАТРОСАМИ ГОЛЛАНДСКОГО КУПЕЧЕСКОГО СУДНА, КОТОРОЕ ПЕТР I, КАК ЛОЦМАН, ПРОВЕЛ ОТ О. КОТЛИН ДО ДОМА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА. 1872. Б., граф. кар., уголь. Государственный Литературный музей, Москва 37, 297

ОГОРОДНИК — см. СТАРИК НА ОГОРОДЕ
 ОСНОВЫ САМОДЕРЖАВИЯ. 1906. Б., акв., граф. кар. ГТГ 346

ОТСТАВНОЙ ГЕНЕРАЛ. 1906. Б., акв., граф. кар. ГТГ 346

ПАМЯТНИК МИНИНУ И ПОЖАРСКОМУ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ. 1887. Б., акв. Красноярская краевая художественная галерея 305

ПАМЯТНИК ПЕТРУ I — см. ВИД ПАМЯТНИКА ПЕТРУ I НА ИСААКИЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ

ПЕЙЗАЖИ ЗАТМЕНИЯ. 1887. Уничтожены художником 147, 222, 261, 321, 335, 342, 348

ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ

Этюды к картине. 1895—1899 гг.

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ. Х., м. ГТГ 312

СТАРИК. Этюд для головы Суворова. 1898. Х., м. ГТГ 188, 332

КАЗАК НА КОНЕ. Сведений нет 124

ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ (ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ). Картина. 1899. Х., м. ГРМ 13, 99, 103—112, 117, 134, 157, 188, 190, 204, 220, 231, 238, 247, 250, 253, 257, 266, 309, 311—313, 329, 332, 340—342, 352

ПЕТР ВЕЛИКИЙ ПЕРЕТАСКИВАЕТ СУДА ИЗ ОНЕЖСКОГО ЗАЛИВА В ОНЕЖСКОЕ ОЗЕРО ДЛЯ ЗАВОЕВАНИЯ КРЕПОСТИ НОТЕБУРГ У ШВЕДОВ. 1872. Б., граф. кар., уголь. ГРМ 37, 297

ПИР ВАЛТАСАРА. 1874. Х., м. ГРМ 42, 43, 181, 199, 297, 298, 350

ПЛЯШУЩИЕ РУССКИЕ. 1860-е гг. Сведений нет. 293

ПОД ДОЖДЕМ В ДИЛИЖАНСЕ НА ЧЕРНУЮ РЕЧКУ. 1871. Б., сепия, акв., процарапывание. ГТГ 326

ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ ЕРМАКОМ

Эскиз и этюды к картине. 1891—1895 гг.

ЭСКИЗ КАРТИНЫ (левая часть композиции). 1891. Б., акв. ГТГ 310

КАЗАКИ В ЛОДКЕ. Х., м. ГТГ 307, 311

ГОЛОВА ЕРМАКА. 1891. Б., сепия. ГТГ 308

В ЛОДКЕ НА РЕКЕ. 1892. Х., м. ГРМ 308

ЛОДКА НА ВОДЕ. 1892. Х., м. ГРМ 308

ГОЛОВА КАЗАКА. 1893. Б., акв. ГРМ 309

ДОНСКОЙ КАЗАК, ЗАРЯЖАЮЩИЙ РУЖЬЕ. 1893. Х., м. ГТГ 309, 342

ДОНСКОЙ КАЗАК КУЗЬМА ЗАПОРОЖЦЕВ. 1893. Х., м. ГТГ 309, 342

ГОЛОВА КАЗАКА. Сведений нет 123

ГРУППА КАЗАКОВ. Сведений нет 123

РАНЕННЫЙ КАЗАК. Сведений нет 124

КАЗАК ДМИТРИЙ СОКОЛ. 1893. Х., м. ГТГ 309

СТРЕЛЯЮЩИЙ КАЗАК. 1893. Х., м. Частное собрание, Москва 309

ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ ЕРМАКОМ (ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ). Картина. 1895. Х., м. ГРМ 12, 13, 84—91, 93—98, 108, 114—117, 134, 149, 157, 161, 172, 188, 190, 192, 197, 203, 204, 220, 221, 230, 231, 233, 256, 263, 296, 307, 309, 310, 321, 323, 329, 332, 340, 341, 343, 352

(Вариант-повторение того же года—ГТГ 310)

ПОМПЕЯ. УЛИЦА. 1884. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 304

ПОМПЕЯ. ФОНТАН. 1884. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 304

ПОМПЕЯ. ФОНТАН. 1884. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 304

ПОМПЕЯ. ФРЕСКА. 1884. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 304

ПОРТРЕТ ДЕВОЧКИ В КРАСНОМ ПЛАТЬЕ — см. СИБИРСКИЙ ЭТЮД ДЕВОЧКИ

ПОРТРЕТЫ

АВТОПОРТРЕТ. 1889. Х., м. Красноярский краевой краеведческий музей 241, 339

АВТОПОРТРЕТ. 1913. Б., акв., граф. кар. ГТГ 354

- АВТОПОРТРЕТ. 1915. Х., м. ГРМ 205, 354
- Е. И. ВИНОГРАДОВОЙ С МУЖЕМ. 1894. Б., сепия, тушь. Собрание семьи художника, Москва 294
- Е. К. ДЕРЯГИНОЙ. 1879. Х., м. ГТГ 201, 330
- А. А. ДОБРИНСКОЙ. 1911. Х., м. ГРМ 281
- Т. К. ДОМОЖИЛОВОЙ. 1891. Х., м. ГТГ 307
- В. П. ДЬЯЧЕНКО. 1898. Х., м. ГТГ 312
- А. Д. ЕЗЕРСКОГО. 1910. Х., м. ГТГ 15, 202, 205, 331, 332
- О. В. КОНЧАЛОВСКОЙ В ДЕТСТВЕ. 1888. Х., м. ГТГ 241, 305, 339
- О. В. КОНЧАЛОВСКОЙ. 1896. Х., м. Собрание семьи художника, Москва 100, 311
- С. А. КРОПОТКИНОЙ. 1882. Б., акв. ГТГ 205, 332
- Н. Ф. МАТВЕЕВОЙ. 1909. Х., м. Харьковский государственный музей изобразительного искусства 129, 316, 318
- Л. Т. МАТОРИНОЙ. 1892. Х., м. Собрание семьи художника, Москва 86, 307
- Ф. Ф. ПЕЛЕЦКОГО. 1899. Б., граф. кар. Ивановский областной художественный музей 344
- Ф. Ф. ПЕЛЕЦКОГО. 1900. Б., итал. кар. ГТГ 344
- Л. П. ПОДВИНЦЕВОЙ. Сведений нет 205, 332
- М. М. РАЕВСКОЙ. 1870-е гг. Сведений нет 52, 300
- Е. А. РАЧКОВСКОЙ. 1891. Х., м. ГТГ 90, 309, 337
- Ф. Ф. СПИРИДОНОВА. 1892. Б., граф. кар. Красноярский краевой краеведческий музей 308
- А. В. СУВОРОВА. 1907. Х., м. ГРМ 127, 316
- А. С. СУРИКОВА. 1890-е гг. Б., акв., граф. кар. Собрание семьи художника, Москва 313
- А. С. СУРИКОВА. 1890-е гг. Б., акв., граф. кар. Собрание семьи художника, Москва 313
- П. Ф. СУРИКОВОЙ. 1887. Х., м. ГТГ 174, 197, 324
- П. Ф. СУРИКОВОЙ. 1894. Х., м. Красноярский краевой краеведческий музей 324
- И. Е. ЦВЕТКОВА. 1909. Х., м. Местонахождение неизвестно 131, 316
- ЧЕЛОВЕК С БОЛЬНОЙ РУКОЙ. 1913. Х., м. ГРМ 15, 205, 332, 354
- Л. А. ЧЕРНЫШЕВА. 1880-е гг. Х., м. Красноярский краевой краеведческий музей 309
- М. Г. ЧЕРНЯЕВА. 1884. Б., акв. ГТГ 299
- А. И. ШВЕДОВОЙ. 1915. Б., акв., итал. кар. Местонахождение неизвестно 205, 332
- П. И. ЩЕРБАТОВОЙ. 1910. Х., м. Саратовский государственный художественный музей им. А. Н. Радищева 134, 205, 318, 332
- ПОСЕЩЕНИЕ ЦАРЕВНОЙ ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ. 1912. Х., м. ГТГ 15, 138, 139, 188, 190, 205, 281, 283, 318, 319, 329, 332, 345, 353, 354
- ПОСЕЩЕНИЕ ЦАРЕВНЫ — см. ПОСЕЩЕНИЕ ЦАРЕВНОЙ ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
- ПОСОЛ АВГАРЯ, КНЯЗЯ ЭДЕССКОГО, К ИИСУСУ ХРИСТУ — см. НЕРУКОТВОРНЫЙ ОБРАЗ
- ПУБЛИЧНАЯ КАЗНЬ 1900-е гг. Б., акв., граф. кар. ГТГ 325
- ПУГАЧЕВ
- Этюды для неосуществленной картины
- МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ. 1909. Х., м. Калининская областная картинная галерея 204, 329
- ПУГАЧЕВ В КЛЕТКЕ. 1911. Б., граф. кар., тушь. ГТГ 204, 329, 353
- РАЗИН — см. СТЕПАН РАЗИН
- РЕКА ОБЬ. 1895. Б., акв. Красноярский Дом-музей В. И. Сурикова 310
- РЕКА ОБЬ. 1895. Б., акв. ГТГ 311
- С ГИТАРОЙ — см. ПОРТРЕТ С. А. КРОПОТКИНОЙ
- САЛОМЕЯ ПРИНОСИТ ГОЛОВУ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ СВОЕЙ МАТЕРИ ИРОДИАДЕ. 1873. Х., м. ГРМ 297, 350
- САМАРА. 1880. Б., акв. ГТГ 299
- СЕВИЛЬЯ. АЛЬКАЗАР. 1910. Б., акв., граф. кар. ГТГ 318
- СЕВИЛЬЯ. БОЙ БЫКОВ. 1910. Б., акв. граф. кар. ГТГ 318
- СИБИРСКАЯ КРАСАВИЦА — см. ПОРТРЕТ Е. А. РАЧКОВСКОЙ
- СИБИРСКИЙ ЭТЮД. Х., м. ГТГ 93, 309
- СИБИРСКИЙ ЭТЮД ДЕВОЧКИ. 1890-е гг. Б., акв., граф. кар. ГТГ 101, 311
- СОБОР ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО. Сведений нет 81, 183
- СОБОР СВ. МАРКА В ВЕНЕЦИИ. 1900. Б., акв., граф. кар. ГТГ 314

СОБОР СВ. ПЕТРА В РИМЕ. 1884. Б., акв. ГТГ 326

СТАРИК. 1860-е гг. Сведений нет 293

СТАРИК НА ОГОРОДЕ. 1884. Х., м. ГРМ 63, 64, 241, 303, 339

СТЕПАН РАЗИН

Эскиз и этюд к картине. 1887, 1901—1907, 1910 гг.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭСКИЗ. 1887. Б. на карт., акв., белила ГТГ 305

МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ. КАЗАК. Б., граф. кар. Муромский краевой музей 243, 309, 317

СТЕПАН РАЗИН. Картина. 1907—1910. Х., м. ГРМ 14, 74, 117, 118, 121—124, 126—128, 133, 135, 136, 188—190, 192, 203, 204, 220, 231, 243, 246, 259, 260, 265, 266, 283, 309, 314, 315, 318, 329, 332, 340, 351, 353

СТРЕЛЬЦЫ — см. УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ

СТРЕЛЕЦКАЯ КАЗНЬ — см. УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ

СУВОРОВ — см. ПЕРЕХОД СУВОРОВА ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ

СЦЕНА ИЗ РИМСКОГО КАРНАВАЛА. 1884. Х., м. ГТГ 11, 133, 202, 226, 336, 339, 351

ТАТАРКА. 1873. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 297

ТАШТЫП. 1873. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 297

ТОБОЛ. 1887. Б., акв. Собрание семьи художника, Москва 305

ТОЛЕДО. СОБОР. 1910. Б. акв. Собрание семьи художника, Москва 318

ТРОЙКА. 1860-е гг. Сведений нет 293

У ТРОИЦЫ. 1893. Б., акв. Музей-усадьба «Абрамцево» 348

УБИЙСТВО ПАВЛА I. набросок композиции. Уничтожен художником 332

УЛИЦА В КРАСНОЯРСКЕ — см. КРАСНОЯРСК. КАЧИНСКАЯ УЛИЦА

УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ

Эскиз и этюды к картине. 1878—1881 гг.

СТРЕЛЬЦЫ. Первый набросок. 1878. Б., граф. кар. ГТГ 300, 327

РЫЖИЙ СТРЕЛЕЦ. Х., м. Киевский музей русского искусства 145, 183, 320, 327

СЕДОЙ СТРЕЛЕЦ, СИДЯЩИЙ В ТЕЛЕГЕ. 1879. Х., м. ГТГ 326

ЧЕРНОБОРОДЫЙ СТРЕЛЕЦ. 1879. Х., м. ГТГ 183, 294

УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ. Картина. 1881. Х., м. ГТГ 10, 12, 49, 52, 53, 145, 151, 156, 161, 170, 183, 184, 186, 190, 200, 202, 213—215, 218, 219, 221, 225, 231, 234, 237, 238, 256, 260, 263, 264, 299, 300, 306, 320, 322, 326, 327, 330, 333, 335, 337, 351

ХОРОВОД. 1860-е гг. Сведений нет 293

ЦАРЕВНА — см. ПОСЕЩЕНИЕ ЦАРЕВНОЙ ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

ЦАРЕВНА В ЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ — см. ПОСЕЩЕНИЕ ЦАРЕВНОЙ ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

ЦАРЕВНА КСЕНИЯ У ПОРТРЕТА УМЕРШЕГО ЖЕНИХА-КОРОЛЕВИЧА. 1881. Х., м. ГТГ 300, 351

ЭТЮДЫ МИНУСИНСКИХ ТАТАР ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ. 1890-е гг. Б., акв., граф. кар. ГТГ 101, 311

ЭТЮД СТАРИКА — см. СТАРИК НА ОГОРОДЕ

ЯМЩИК. 1860-е гг. Сведений нет 293

Список иллюстраций

Между с. 96—97

- В. И. Суриков с матерью и братом. Красноярск. 1868.
Е. И. Суриков и Д. Лавров. Екатеринбург. 1869.
В. И. Суриков. Петербург. 1869.
В. И. Суриков. Петербург. 1873.
Е. А. Сурикова, жена художника. 1880-е гг.
В. И. и А. И. Сурпковы с дочерьми художника Олей и Леной.
П. Ф. Сурикова, мать художника. Красноярск. 1890-е гг.
В. И. Суриков. Москва. 1880-е гг.
В. И. Суриков в своей квартире в Леонтьевском переулке. Москва. 1904.
В. И. Суриков на крылечке дома в Красноярске. 1914.
В. И. Суриков. 1915.
Фотокопия аттестата (пз наук).
Фотокопия диплома на звание классного художника.
Фотокопия документа о присуждении звания академика.
Фотокопия документа об избрании В. И. Сурикова почетным членом Общества любителей художеств.
Автограф письма В. И. Сурпкова П. М. Третьякову (№ 57).
Автограф письма В. И. Сурикова П. П. Чистякову (№ 64).
Группа членов Товарищества передвижных художественных выставок. Ок. 1885.
Группа художников в доме С. И. Мамонтова. 1892.

1. Вид памятника Петру I на Исаакиевской площади. 1870. ГРМ.
2. Клеопатра. Эскиз. 1874. Б., граф. кар., белила, акв. ГТГ.
3. Княжий суд. 1874. ГТГ.
4. Милосердный самаритянин. 1874. Красноярская краевая художественная галерея.
5. Пир Валтасара. 1874. ГРМ.
6. Апостол Павел объясняет догматы веры в присутствии царя Агриппы, сестры его Береники и проконсула Феста. 1875. ГТГ.
7. Автопортрет. 1879. ГТГ.
8. Вид на Кремль зимой. 1876. Б., акв. ГТГ.
9. Утро стрелецкой казни. Эскиз. 1878. Б., граф. кар. ГТГ.
10. Чернобородый стрелец. Этюд к картине «Утро стрелецкой казни». 1879. ГТГ.
11. Стрелец в шапке. Этюд к картине «Утро стрелецкой казни». 1879. ГТГ.
12. Седой стрелец. Этюд к картине «Утро стрелецкой казни». ГТГ.
13. Жена чернобородого стрельца. Этюд к картине «Утро стрелецкой казни».
14. Утро стрелецкой казни. 1881. ГТГ.
15. Старуха, сидящая на земле. Этюд к картине «Утро стрелецкой казни». ГТГ.
16. Плачущая девушка. Этюд к картине «Утро стрелецкой казни». 1879. ГТГ.
17. Портрет Е. К. Дерягиной. 1879. ГТГ.
18. Меншиков в Березове. Эскиз. 1881. ГТГ.
19. Мужской портрет. Этюд к картине «Меншиков в Березове». 1882. ГТГ.

20. Старшая дочь Меншикова. Этюд к картине «Меншиков в Березове». 1882. Б., акв. ГТГ.
21. Юноша, сидящий за столом. Этюд к картине «Меншиков в Березове». 1882. Б., граф. кар. ГТГ.
22. Меншиков в Березове. 1883. ГТГ.
23. С гитарой (Портрет С. А. Кропоткиной). 1882. Б., акв. ГТГ.
24. Римский карнавал. 1884. Б., акв. ГТГ.
25. Неаполь. Набережная. 1884. Б., акв. ГТГ.
26. Молодая итальянка с цветами в волосах и на плече. 1884. Б., акв. ГТГ.
27. Помпея. Фонтан. 1884. Б., акв. Собрание семьи художника.
28. Помпея. Улица. 1884. Б., акв. Собрание семьи художника.
29. Рим. Колизей. 1884. Б., акв. ГТГ.
30. Итальянка. Этюд к картине «Сцена из Римского карнавала». ГТГ.
31. Сцена из Римского карнавала. 1884. ГТГ.
32. Старик огородник. 1884. ГРМ.
33. Боярыня Морозова. Эскиз. 1881. ГТГ.
34. Странник. Этюд к картине «Боярыня Морозова». Б., граф. кар. ГТГ.
35. Нищенка. Этюд к картине «Боярыня Морозова». Б., граф. кар. ГТГ.
36. Боярыня Морозова. Эскиз. Б., акв., граф. кар. ГТГ.
37. Монашенка. Этюд к картине «Боярыня Морозова». 1884. ГТГ.
38. Голова боярышни в фиолетовой душегрее. Этюд к картине «Боярыня Морозова». 1885. Собрание семьи художника.
39. Юродивый, сидящий на снегу. Этюд к картине «Боярыня Морозова». Кировский областной художественный музей.
40. Голова священника. Этюд к картине «Боярыня Морозова». ГТГ.
41. посох странника. Этюд к картине «Боярыня Морозова». ГТГ.
42. Старуха в узорном платке. Этюд к картине «Боярыня Морозова». 1886. ГТГ.
43. Голова боярыни Морозовой. Этюд к картине «Боярыня Морозова». 1886. ГТГ.
44. Склонившаяся боярышня в синей шубке. Этюд к картине «Боярыня Морозова». 1887. ГТГ.
45. Боярыня Морозова. 1887. ГТГ.
46. Портрет П. Ф. Суриковой. 1887. ГТГ.
47. В столовой на пароходе. 1887. Б., акв. ГТГ.
48. Дом Суриковых в Красноярске. За столом — мать художника. 1890-е гг. Б., акв. Собрание семьи художника.
49. Дом Суриковых в Красноярске. Б., акв., кар. Красноярская краевая художественная галерея.
50. Енисей. 1891. Б., акв. ГРМ.
51. Портрет О. В. Кончаловской в детстве. 1888. ГТГ.
52. Сибирская красавица (Портрет Е. А. Рачковской). 1891. ГТГ.
53. Голова смеющейся девушки. Этюд к картине «Взятие снежного городка». 1890—1891. ГТГ.
54. Взятие снежного городка. 1891. ГРМ.
55. Вид города Красноярска с сопки. 1890-е гг. ГРМ.
56. Казачка (Портрет Л. Т. Маториной). 1892. Собрание семьи художника.
57. Донской казак, заряжающий ружье. Этюд к картине «Покорение Сибири Ермаком». 1893. ГТГ.
58. Казак Дмитрий Сокол. Этюд к картине «Покорение Сибири Ермаком». 1893. ГТГ.

59. Донской казак Кузьма Запорожцев. Этюд к картине «Покорение Сибири Ермаком». 1893. ГТГ.
60. Вид на Красноярск. 1893. Б., акв. Собрание семьи художника.
61. Река Обь. 1895. Б., акв. ГТГ.
62. Автопортрет на фоне картины «Покорение Сибири Ермаком». 1894. Собрание семьи художника.
63. Покорение Сибири Ермаком. Эскиз. 1891. Б., акв. ГТГ.
64. Покорение Сибири Ермаком. 1895. ГРМ.
65. Смеющийся солдат. Этюд к картине «Переход Суворова через Альпы». ГТГ.
66. Переход Суворова через Альпы. 1899. ГРМ.
67. Портрет Н. Ф. Матвеевой. 1909. Харьковский государственный музей изобразительного искусства.
68. Неаполь. 1900. Б., акв. Собрание семьи художника.
69. Собор св. Марка в Венеции. 1900. Б., акв. ГТГ.
70. Венеция. Палаццо Дожей. 1900. Б., акв. Собрание семьи художника.
71. Автопортрет. 1902. Дом-музей Сурикова в Красноярске.
72. Севилья. Бой быков. 1910. Б., акв. ГТГ.
73. Севилья. 1910. Б., акв. ГТГ.
74. Валенсия. 1910. Б., акв. ГТГ.
75. Гренада. 1910. Б., акв. ГТГ.
76. Арль. Бой быков. 1910. Б., акв. ГТГ.
77. Автопортрет. 1910. Б., граф. кар. ГТГ.
78. Алушка. Ай-Петри. 1900-е гг. Б., акв. ГТГ.
79. Степан Разин. 1907—1910. ГРМ.
80. Голова Разина. Набросок для картины «Степан Разин». 1910. Б., тушь., кар. ГРМ.
81. Молодой казак. Этюд к картине «Степан Разин».
82. Красноярский бунт. Эскиз. 1900-е гг. Б., акв., граф. кар. ГРМ.
83. Княгиня Ольга встречает тело Игоря. Эскиз. 1915. Б., граф. кар., акв. ГРМ.
84. Портрет А. И. Емельяновой. 1902. ГТГ.
85. Портрет А. Д. Езерского. 1910. ГТГ.
86. Человек с больной рукой. 1913. ГРМ.
87. Посещение царевной женского монастыря. 1912. ГТГ.
88. Зубовский бульвар. ГТГ.
89. Вид из Кремля. 1913. ГТГ.
90. Автопортрет. 1913. Б., акв., граф. кар. ГТГ.
91. Автопортрет. 1913. ГТГ.
92. Автопортрет. 1915. ГРМ.

Содержание

От издательства 3

Письма *

Н. А. Радзимовская

ЭПИСТОЛЯРНОЕ

НАСЛЕДИЕ

В. И. СУРИКОВА 7

От составителей 18

ПИСЬМА В. И. СУРИКОВА

1868

1. Письмо «дяденьке». Без даты ** 20

2. П. Ф. и А. И. Суриковым. 15 декабря 21

1869

3. П. Ф. и А. И. Суриковым. 25 января 22

4. П. Ф. и А. И. Суриковым. 23 февраля 23

5. П. Ф. и А. И. Суриковым и С. В. Виноградову. 10 июня 24

6. П. Ф. и А. И. Суриковым. 7 августа 25

7. П. Ф. и А. И. Суриковым. 16 сентября 27

8. П. Ф. и А. И. Суриковым. 5 ноября 28

9. П. Ф. и А. И. Суриковым. 15 декабря 29

1870

10. П. Ф. и А. И. Суриковым. 3 февраля 30

* Письма, не вошедшие в издание 1948 г., отмечены звездочками: одной — публикуемые впервые, двумя — ранее публиковавшиеся в разных изданиях, тремя — частично публиковавшиеся.

11. П. Ф. и А. И. Суриковым. 17 марта 31

12. П. Ф. и А. И. Суриковым. 29 мая 32

13. П. Ф. и А. И. Суриковым. 17 июня 32

14. П. Ф. и А. И. Суриковым. 6 июля 33

15. П. Ф. и А. И. Суриковым. 5 сентября 34

16. П. Ф. и А. И. Суриковым. 12 октября 34

17. П. Ф. и А. И. Суриковым. 3 ноября 35

18. П. Ф. и А. И. Суриковым. 11 декабря 36

1871

19. П. Ф. и А. И. Суриковым. 13 марта 36

1872

20. П. Ф. и А. И. Суриковым. 7 июня 37

21. П. Ф. и А. И. Суриковым. 10 октября 38

22. П. Ф. и А. И. Суриковым. 24 декабря 38

1873

23. П. Ф. и А. И. Суриковым. 27 января 39

24. П. Ф. и А. И. Суриковым. 6 марта 40

25. П. Ф. и А. И. Суриковым. 4 июня 40

26. П. Ф. и А. И. Суриковым. Октябрь 40

27. П. Ф. и А. И. Суриковым. 30 ноября 41

1874

28. П. Ф. и А. И. Суриковым. 29 января 42

29. П. Ф. и А. И. Суриковым. 5 марта 42

30. П. Ф. и А. И. Суриковым. 4 июня 42

31. П. Ф. и А. И. Суриковым. 25 октября 43

32. П. Ф. и А. И. Суриковым. 20 декабря 43

1875

33. П. Ф. и А. И. Суриковым. 3 апреля 44

34. П. Ф. и А. И. Суриковым. 29 июля 44

1876		1884	
35. П. Ф. и А. И. Суриковым. Март	45	62. Н. С. Матвееву. 1 февраля	63
36. П. Ф. и А. И. Суриковым. 25 июня	45	63. Н. С. Матвееву. 10 февраля	64
1877		64. П. П. Чистякову. 17/29 мая	64
37. П. Ф. и А. И. Суриковым. 22 апреля	46	65. П. Ф. и А. И. Суриковым. Июнь	69
38. П. Ф. и А. И. Суриковым. 31 июля	47	66. П. М. Третьякову. 30 декабря	70
39. П. Ф. и А. И. Суриковым. 10 октября	47	1885	
40. П. Ф. и А. И. Суриковым. 1 декабря	48	67. П. Ф. и А. И. Суриковым. Без даты	70
1878		1886	
41. С. В. Дмитриеву. Без даты *	49	68. П. Ф. и А. И. Суриковым. 3 апреля	71
42. П. Ф. и А. И. Суриковым. Декабрь	49	69. В. Н. Третьяковой. 3 апреля	71
1879		70. П. Ф. и А. И. Суриковым. Без даты *	71
43. П. Ф. и А. И. Суриковым. 3 мая	50	71. П. Ф. и А. И. Суриковым. 21 декабря	72
1880		1887	
44. П. Ф. и А. И. Суриковым. 25 февраля	51	72. П. М. Третьякову. Без даты	72
45. П. Ф. и А. И. Суриковым. 24 апреля	51	73. П. М. Третьякову. 21 мая	73
46. А. И. Сурикову. 12 августа	51	74. В. В. Матэ. 26 мая	73
47. П. Ф. и А. И. Суриковым. 22 октября	52	75. П. Ф. и А. И. Суриковым. 23 сентября *	73
48. П. Ф. и А. И. Суриковым. Конец года	52	76. П. Ф. и А. И. Суриковым. 28 октября	74
1881		77. П. Ф. и А. И. Суриковым. 9 декабря	75
49. П. Ф. и А. И. Суриковым. 17 января	53	1888	
50. Н. А. Александрову. Май	53	78. П. Ф. и А. И. Суриковым. 12 января	75
51. П. Ф. и А. И. Суриковым. Лето	53	79. А. И. Сурикову. 20 апреля	76
1882		80. А. В. Прахову. Без даты *	77
52. П. Ф. и А. И. Суриковым. 28 июня	54	81. П. Ф. Суриковой. 6 июня	77
1883		1889	
53. П. Ф. и А. И. Суриковым. Без даты	54	82. П. Ф. и А. И. Суриковым. 12 января	78
54. П. М. Третьякову. 4 мая	55	83. П. Ф. и А. И. Суриковым. 7 февраля	78
55. П. М. Третьякову. 16 мая	55	84. П. Ф. и А. И. Суриковым. Весна	79
56. Н. С. Матвееву. 14/26 октября	55	85. В. Д. Поленову. Июнь **	80
57. П. М. Третьякову. 29 октября/ 10 ноября	56	86. И. Е. Забелину. 13 июня ***	81
58. П. Ф. и А. И. Суриковым. 4/16 ноября	57	1890	
59. М. П. Боткину. 12/24 ноября ***	58	87. П. Ф. и А. И. Суриковым. Осень	81
60. Н. С. Матвееву. 18/30 ноября	58	88. П. Ф. и А. И. Суриковым. 10 сентября	81
61. П. П. Чистякову. Конец декабря	59		

1891		115. П. Ф. и А. И. Суриковым. 20 сентября		95
89. П. М. Третьякову. Без даты	82	116. П. Ф. и А. И. Суриковым. 31 октября	96	
90. П. Ф. и А. И. Суриковым. Начало года *	82	117. М. К. Ремезовой. Без даты *	96	
91. П. Ф. и А. И. Суриковым. Февраль	83	118. П. Ф. и А. И. Суриковым. 22 декабря	96	
92. П. П. Чистякову. 19 марта	83	1895		
93. П. Ф. и А. И. Суриковым. 21 мая	84	119. П. Ф. и А. И. Суриковым. 24 февраля	97	
94. П. Ф. и А. И. Суриковым. 9 августа	84	120. А. И. Сурикову. Конец февраля	97	
95. П. Ф. и А. И. Суриковым. Без даты	84	121. А. И. Сурикову. 3 апреля *	98	
96. П. Ф. и А. И. Суриковым. 11 декабря	85	122. А. И. Сурикову. 23 августа *	98	
1892		123. А. И. Сурикову. 24 октября *	99	
97. А. Н. Бенуа. 7 января	85	124. А. И. Сурикову. 7 ноября	99	
98. П. М. Третьякову. 15 января	86	125. А. И. Сурикову. 13 декабря *	100	
99. П. Ф. и А. И. Суриковым. 24 января	86	126. А. И. Сурикову. 24 декабря *	101	
100. П. Ф. и А. И. Суриковым. Без даты	86	1896		
101. П. Ф. и А. И. Суриковым. 1 июня	87	127. П. М. Третьякову. Без даты	101	
102. П. Ф. и А. И. Суриковым. 3 июля	87	128. А. И. Сурикову. 8 февраля *	101	
103. П. Ф. и А. И. Суриковым. 8 декабря	88	129. А. И. Сурикову. Начало лета *	102	
1893		130. А. И. Сурикову. Лето *	102	
104. П. Ф. и А. И. Суриковым. Февраль	89	131. А. И. Сурикову. 31 октября	103	
105. П. Ф. и А. И. Суриковым. Апрель	89	132. С. Д. Милорадовичу. Без даты	103	
106. П. Ф. и А. И. Суриковым. 23 мая	90	133. А. И. Сурикову. 10 декабря	104	
107. П. Ф. и А. И. Суриковым. 4 июня	90	1897		
108. П. Ф. и А. И. Суриковым. 5 августа	90	134. А. И. Сурикову. Апрель	104	
109. П. Ф. и А. И. Суриковым. 11 сентября*	91	135. А. И. Сурикову. Без даты	105	
110. П. Ф. и А. И. Суриковым. 18 ноября	92	136. А. И. Сурикову. Без даты	106	
1894		137. А. И. Сурикову. Без даты	106	
111. П. Ф. и А. И. Суриковым. Начало года	92	138. А. И. Сурикову. Август	106	
112. П. Ф. и А. И. Суриковым. 5 апреля	93	139. А. И. Сурикову. 6 октября *	107	
113. П. Ф. и А. И. Суриковым. 28 июля	94	140. А. И. Сурикову. 5 ноября	107	
114. П. Ф. и А. И. Суриковым. 15 августа *	94	141. А. И. Сурикову. 22 декабря	108	
		1898		
		142. А. И. Сурикову. 19 января *	108	
		143. А. И. Сурикову. Апрель	109	
		144. А. И. Сурикову. 2 декабря	109	
		145. А. И. Сурикову. Декабрь	110	

1899		177. О. В. и П. П. Кончаловским. 23 июля	121
146. А. И. Сурикову. 14 января	110	178. О. В. Кончаловской. 21 августа	121
147. А. И. Сурикову. 7 февраля	110	179. О. В. и П. П. Кончаловским. 23 декабря	121
148. А. Г. Попову. 11 февраля	111	180. О. В. и П. П. Кончаловским. Без даты	122
149. О. В. и Е. В. Суриковым. Март	111	181. П. В. Голяховскому. Декабрь	122
150. О. В. и Е. В. Суриковым. 4 марта	111	1904	
151. А. И. Сурикову. 9 марта	112	182. О. В. Кончаловской. 27 февраля	123
152. И. И. Толстому. 20 марта	112	183. О. В. и П. П. Кончаловским. 20 марта	123
153. А. И. Сурикову. 11 апреля	112	184. С. И. Зимину. 4 апреля	123
154. А. И. Сурикову. 3 июня	112	185. О. В. и П. П. Кончаловским. 29 июня	124
155. А. И. Сурикову. 17 июня	113	186. О. В. и П. П. Кончаловским. 31 июля	124
156. А. И. Сурикову. 23 августа	113	1906	
157. А. И. Сурикову. 29 ноября	114	187. С. И. Зимину. 25 мая *	125
1900		188. О. В. и П. П. Кончаловским. Без даты *	125
158. А. И. Сурикову. 24 марта	114	189. О. В. и П. П. Кончаловским. 2 июня	125
159. А. И. Сурикову. Без даты *	115	190. А. И. Сурикову. 10 сентября *	125
160. А. И. Сурикову. 9 мая	115	1907	
161. А. И. Сурикову. 10 июня	115	191. А. И. Сурикову. 13 февраля *	126
162. А. И. Сурикову. 18 июля	116	192. А. И. Сурикову. 4 апреля	126
163. А. И. Сурикову. Без даты	116	193. О. В. и П. П. Кончаловским. Без даты	127
1901		194. А. И. Сурикову. 18 июля	127
164. А. Е. Львову. 24 января	116	195. И. Е. Цветкову. 20 ноября	127
165. А. И. Сурикову. 12 июня	117	1908	
166. О. В. и Е. В. Суриковым. Июль	117	196. А. И. Сурикову. 5 января	128
167. А. И. Сурикову. 19 августа *	118	197. А. И. Сурикову. 30 августа *	128
168. А. И. Сурикову. 21 сентября *	118	198. Н. Ф. Матвеевой. Декабрь **	129
169. А. И. Сурикову. Без даты	118	1909	
1902		199. А. И. Сурикову. 8 мая	129
170. А. И. Сурикову. Январь *	119	200. Н. Ф. Матвеевой. 14 мая **	129
171. А. И. Сурикову. Без даты *	119		
172. В. В. Стасову. 4 ноября	119		
1903			
173. П. П. Кончаловскому. Январь	120		
174. О. В. Кончаловской. Без даты	120		
175. А. И. Сурикову. Без даты *	120		
176. А. И. Сурикову. Июль	120		

201. О. В. и П. П. Кончаловским. 18 сентября	130
202. О. В. и П. П. Кончаловским. 23 сентября *	130
203. Н. Ф. Матвеевой. 29 октября **	131
204. К. С. Станиславскому. 20 ноября	131
205. И. Е. Цветкову. 18 декабря	131
206. Н. Ф. Матвеевой. 21 декабря **	131
207. В. А. Никольскому. 21 декабря	132
208. В. А. Никольскому. 28 декабря	132

1910

209. В. А. Никольскому. 7 января	133
210. И. Е. Цветкову. 8 января *	133
211. В. А. Никольскому. 11 января	133
212. П. П. Кончаловскому. 3 марта	134
213. О. В. и П. П. Кончаловским. 9 июня	135
214. О. В. и П. П. Кончаловским. 4 августа	135
215. Д. И. Толстому. 3 декабря	135
216. Д. И. Толстому. 12 декабря	136
217. И. Е. Цветкову. 13 декабря *	136

1911

218. Н. Ф. Матвеевой. 25 мая **	136
---------------------------------	-----

1912

219. Н. Ф. Матвеевой. 28 марта	137
220. О. В. и П. П. Кончаловским. Май	137
221. А. И. Сурикову. 28 июня	137
222. О. В. и П. П. Кончаловским. 28 июня	138
223. А. И. Сурикову. Конец года	138

1913

224. Редактору газеты «Русское сло- во». 17 марта	138
225. В. А. Беклемишеву. 31 марта *	139
226. Н. Ф. Матвеевой. 9 июня **	139
227. Н. Ф. Матвеевой. 18 июня **	139

228. Открытое письмо попечителю Третьяковской галереи. 17 сентября	139
--	-----

229. Я. Д. Минченкову. 16 декабря *	140
-------------------------------------	-----

1914

230. В. П. Бычкову. 23 марта *	140
231. Н. Ф. Матвеевой. 18 июня	140
232. А. И. Сурикову. 15 ноября	141
233. А. И. Сурикову. 11 декабря	141
234. И. Е. Цветкову. 16 декабря *	141

1915

235. А. И. Сурикову. 29 января	142
236. А. И. Сурикову. 16 марта	142
237. А. И. Сурикову. 29 июня	142
238. А. И. Сурикову. 18 августа	143
239. А. И. Сурикову. 21 августа	143
240. А. И. Сурикову. 3 декабря	143

1916

241. Открытое письмо в редакцию га- зеты «Русское слово». 31 января	144
242. И. Е. Цветкову. 12 февраля	144

ПИСЬМА В. И. СУРИКОВУ

243. И. Е. Репин. Конец февраля 1881 г.	145
244. И. Е. Репин. 3 марта 1881 г.	145
245. П. П. Чистяков. 1882 г.	145
246. И. Е. Репин. 8 апреля 1887 г.	146
247. И. С. Остроухов. Начало 1888 г.*	147
248. А. В. Прахов. 14 апреля 1888 г.*	147
249. П. П. Чистяков. Конец апреля 1891 г.	148
250. П. М. Третьяков. 9 февраля 1895 г.	149
251. В. В. Стасов. Зима 1896 г.	149
252. В. И. Анучин. 14 октября 1901 г.***	149
253. В. В. Стасов. 16 ноября 1902 г.	151
254. Н. Яковлев. 4 октября 1903 г.*	152
255. И. Е. Репин. 30 октября 1908 г.*	152

**Воспоминания
о художнике**

С. Н. Гольдштейн. В. И. СУРИКОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ	155
--	-----

От составителя	168
----------------	-----

Максимилиан Волошин	169
Я. А. Тепин	190
Сергей Глаголь	206
А. И. Суриков	221
И. Е. Репин	224
М. В. Нестеров	228
В. П. Зилоти	234
А. А. Кузнецова-Ярилова	235
А. Я. Головин	236
А. Г. Попов	239
Д. И. Каратанов	241
А. Р. Шнейдер	242
М. А. Рутченко	244
К. А. Яковлева-Козьмина	247
С. Т. Коненков	250
Н. А. Киселев	252
Я. Д. Минченков	255
Игорь Грабарь	262
В. К. Бялыницкий-Бируля	264
Н. Б. Северова	268
Наталья Кончаловская	271

Г. А. Ченцова	277
Ю. В. Разумовская	287
П. И. Нерадовский	288
В. В. Рождественский	289

**Комментарии
Летопись жизни
В. И. Сурикова**

КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМАМ	293
-----------------------	-----

КОММЕНТАРИИ К ВОСПОМИНАНИЯМ О ХУДОЖНИКЕ	323
---	-----

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ В. И. СУРИКОВА	349
----------------------------------	-----

**Указатели
Список иллюстраций**

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	357
----------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. СУРИКОВА	368
---	-----

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	374
--------------------	-----

С 90

Суриков В. И. Письма. Воспоминания о художнике. Вступительные статьи Н. А. Радзимовской, С. Н. Гольдштейн. Составление и комментарии Н. А. и З. А. Радзимовских, С. Н. Гольдштейн. Л., «Искусство», 1977.

384 с., 52 л. ил.; портр.

Настоящее издание представляет собой свод впервые собранных воедино эпистолярных и мемуарных материалов, необходимых для понимания и углубленного изучения жизненного и творческого пути великого русского художника. Включена почти вся известная на сегодняшний день переписка В. И. Сурикова с родными, друзьями и знакомыми, а также воспоминания о художнике его родных и близко знавших его людей, в том числе ряда выдающихся деятелей отечественной культуры.

Издание рассчитано как на специалистов-искусствоведов и художников, так и на широкий круг любителей искусства.

С $\frac{80102-082}{025(01)-77}$ 215-77

75С1

**ВАСИЛИЙ
ИВАНОВИЧ
СУРИКОВ**

**Письма
Воспоминания
о художнике**

Редактор Н. В. Семенникова

Художественный редактор

Э. Д. Кузнецов

Технический редактор

М. С. Стернина

Корректор А. А. Гроссман

Сдано в набор 21/II 1977 г. Подписано в печать 27/X 1977 г. Формат издания 70×90^{1/16}. Бумага для текста типографская № 1, для иллюстраций мелов. Усл. печ. л. 35,83. Уч.-изд. л. 36,06. Тираж 50 000. М 15146. Изд. № 156. Зак. тип. № 1019. Издательство «Искусство». 191186. Ленинград. Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26. Цена 4 р. 20 к.

